

Ольга Розенблюм
«...ОЖИДАНИЕ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЫ»
Биография, стихи и проза
Булата Окуджавы

*Российский
государственный гуманитарный
университет*

Ольга Розенблюм

«...ОЖИДАНИЕ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЫ»

Биография, стихи и проза Булата Окуджавы

Москва

2013

УДК 82
ББК 83.3(Рос=Рус)6
Р64

Художник Михаил Гуров

ISBN 978-5-7281-1551-9

© Розенблум О.М., 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

Оглавление

[От автора]	9
«Я свое предназначение выполнил...»	13
I. Главные герои романа о детстве: Шалико Окуджава и Ашхен Налбандян	21
II. Семья Окуджавы: в романе, в письмах, в документах	27
<i>Документы, письма, интервью</i>	38
III. «У нас с Шалико целое семейство»: на Урале	46
<i>Документы, письма, интервью</i>	51
IV. «...Страшно не любит писать, поэтому и пишет плохо»: писательство и вина	53
V. Дело Шалико Окуджавы	66
<i>Документы, письма, интервью</i>	80
VI. «Шестидесятикам не кажется, что жизнь сторела зря»	83
VII. Арест матери	96
VIII. «...На Арбате в каждой подворотне был свой климат»	102
IX. Образы Арбата	113
X. 1941 год	117
XI. Война	124
<i>Документы, письма, интервью</i>	143

XII. Разгром у Крейтана	152
XIII. Семья после войны	159
<i>Документы, письма, интервью</i>	168
XIV. Галина Смольянинова	169
XV. Университет	173
XVI. Литературные кружки: «Соломенная лампа» и «маяковцы». Консультации Крейтана. Стихи 1940-х	178
XVII. Аресты	193
XVIII. Дело Окуджавы 1948 г.	197
XIX. «Но до конца... Это, видимо, в нашей крови ожиданье большой перемены»: школы в Калужской области	204
XX. «Молодой ленинец»: редакция газеты и литературное объединение	223
XXI. «Утро новое горит»: середина 1950-х гг.	244
XXII. Первая книга: «Лирика»	252
XXIII. «Магистраль» и первые московские песни	263
XXIV. «Чаепитие на Арбате»: «Пятидесятые»	271
XXV. «Чаепитие на Арбате»: «Шестидесятые»	326
XXVI. «Чаепитие на Арбате»: «Семидесятые», «Восьмидесятые», «Девяностые»	357
XXVII. «Ах, мне бы книгу бытия – я знал бы жребий свой!..»	380

Беседы об Окуджаве

[От интервьюера]	385
Кароль Модзелевский: «Люди, которые не были по образу, – Окуджава их выражал. Нас он тоже выражал»	388
Адам Михник: «Булат был для нас как икона, икона российской интеллигенции, икона независимой литературы, икона независимого характера»	400
Даниэль Ольбрыхский: «Не забудь о самоиронии»	409
Анджей Мандальян: «Про Катынь ни слова, но известно, что это Катынь»	413
Наум Коржавин: «Не знаю, может, из всего нашего поколения он один останется»	437
Евгений Евтушенко: «И ему безумно это нравилось, он улыбался и смеялся, и сказал: “Тебе не страшно”»	448
Инна Лиснянская: «Он был очень трезвый, и благодарный, и благородный человек»	450
Лидия Либединская: «Он читал одно стихотворение, “Капли Датского короля”, и все, больше ничего ему не разрешали»	460
Юрий Давыдов: «Это не портретирование, это его мысли по каким-то там его же сюжетам»	464
Протоиерей Александр Борисов: «Он всегда был очень заинтересован, всегда внимательно слушал, это не было для него формальностью»	465
Примечания	473
Именной указатель	522

*Памяти Галины Андреевны Белой
и Льва Алексеевича Шилова*

Об Окуджаве писать очень неловко. Неловко писать о человеке, который много лет говорил об уважении к личному, приватному. Эта биография заканчивается 1956 годом – первыми московскими песнями Окуджавы. Того, что было недавно, что еще живо, здесь почти нет – только в комментарии к стихам и прозе, в которых всегда у Окуджавы очень много автобиографического. И в интервью, которые даны в приложении.

Материал для этой книги собирался долго – с 1999 г., и я очень благодарна Галине Андреевне Белой, одоббившей такую необычную для диплома и даже для диссертации форму – биографию. Сначала это была студенческая работа, с материалами следственного дела Шалвы Окуджавы, с личным делом его сына, студента Тбилисского университета (2003), потом это была диссертация, в которой появились калужские материалы (2005). Позже к тем документам добавились документы Центрального архива Министерства обороны (2005), очень запутанные, но все же позволившие восстановить историю войны Окуджавы, и тбилисские архивы (2006), сохранившие его семейную историю

(архив Галактиона Табидзе) и историю его литературных поисков в 1940-е гг. (архивы Георгия Крейтана, Александра Цыбулевского).

Но прежде архивов были интервью. С друзьями Окуджавы со школьных тбилисских лет – Зурабом Александровичем Казбек-Казиевым и Филиппом Михайловичем Тер-Микаэляном. О литературном кружке у Георгия Крейтана рассказывали Элла (Коммунэлла) Моисеевна Маркман, Анатолий Борисович Гребнев, Николай Григорьевич Шахбазов, о Тбилисском университете – Рашид Георгиевич Кетхудов, Ирина Васильевна Живописцева, Владимир Яковлевич Двораковский, о «Магистрале» – Инесса Ефимовна Миронер. Очень много добавили родные Окуджавы, и в Москве, и в Тбилиси. Было несколько небольших, но создающих картину разговоров с калужанами, с которыми Окуджава вместе работал или которых когда-то учил в школе. Хотя эта книга заканчивается 1956 годом, в приложении есть несколько интервью, касающихся более поздних лет. Это интервью с его польскими друзьями (Кароль Модзелевский, Адам Михник, Даниэль Ольбрыхский, Анджей Мандальян). Это беседы с литераторами, которым были посвящены стихи Окуджавы: Инна Лиснянская, Наум Коржавин, Евгений Евтушенко, Юрий Давыдов. Это разговоры, передающие об Окуджаве что-то такое, что в книгу не вошло, разговоры с Лидией Либединской и протоиереем Александром Борисовым.

За то время, что книга правилась и дополнялась, вышло немало биографических работ об Окуджаве, по-разному взвешенных, по-разному продуманных, по-разному опирающихся на опыт коллег. В сборниках «Голос надежды», подготовленных А.Е. Крыловым, М.Р. Гизатулиным, В.Ш. Юровским, много очень интересных мемуаров и посвященных биографии Окуджавы статей с замечательными находками (прежде всего самого М.Р. Гизатулина о семье Окуджава, В.Ш. Юровского об арбатском доме). Каждый сталкивавшийся с работой, которая требует восстановить то, что было, а тем более было лет 50 тому назад, знает, что противоречивых сведений всегда множество: в двух абзацах интервью или мемуаров может быть такое количество очень редких точных указаний и одновременно ошибок памяти, что комментарий к ним превратился бы в отдельную статью. Публиковать ли материал с комментарием, публиковать ли его без комментария, пересказывать ли его, отказавшись от дотошных уточнений, что, откуда и почему, – перед этим выбором оказывается каждый. В сборниках «Голос надежды» есть и то, и другое, и третье – и статьи, подробно

взвешивающие все детали, и публикации мемуаров без комментариев, и статьи, почти не комментирующие источники сведений и их точность. В книгу Дмитрия Быкова «Булат Окуджава» (2009) тоже вошло немало очень ярких и удивительных документов, свидетельств, воспоминаний, иногда прокомментированных чуть более подробно, иногда чуть менее. Я выбрала середину: не все варианты, которые я встречала, я включила в книгу (как я старалась это делать в первых версиях работы в 2003 и 2005 гг.), но в нее вошло то, что показалось мне наиболее достоверным, и если читатель захочет что-то проверить, уточнить, исправить, он всегда это сможет сделать, посмотрев на источник моих сведений.

Лев Алексеевич Шилов предложил мне когда-то подумать о комментариях к автобиографической прозе Окуджавы – к его роману о детстве, к рассказам и повестям о Тбилиси и Калуге. Насколько его проза достоверна? А если не достоверна, то почему? Это оказалась очень интересная работа – посмотреть, как и почему Окуджава, всегда, в самые разные годы, выдергивавший «по нитке» из своего прошлого, так по-разному эти нитки подбирал и обрамлял – не только в прозе, но и в стихах.

Каждая написанная биография – это не просто события, это история, увиденная так, а не иначе. Здесь получилась история человека, история литератора, 15 лет пробивавшегося в литературу, создававшего литературные кружки даже тогда, когда их создавать было решительно невозможно, упорно искавшего свой язык, свои темы и так фантастически реализовавшегося вопреки всему, что этому мешало. Отсюда и название – «...Ожиданье большой перемены». О том, что было после, об истории большого поэта, писать нужно уже как-то иначе, и вот этой истории как раз здесь и нет. Или точнее: она есть в комментариях к стихам и прозе, в интервью об Окуджаве.

Список благодарностей должен был бы быть огромным: и тем, кто согласился поговорить об Окуджаве, и тем, кто помогал что-то достать, куда-то доехать, с кем-то встретиться, и тем, кто прочел эту книгу и успел что-то посоветовать – Е.И. Вигдоровой, А.М. Поповой, С.А. Розенблум, Б.Е. Степанову.

«Я свое предназначение выполнил...»

Вот и дочитана сладкая книжка,
долгие годы в одно сведены,
и замирает обложка, как крышка,
с обозначением точной цены¹.

Это из стихотворения «Памяти Алеся Адамовича». Для Окуджавы, видимо, было важно: да, сложная, противоречивая жизнь, приватная и неподотчетная – но это пока книжка не дочитана. А когда она кончена и поле пройдено – пусть думают и решают, так – в «программном» стихотворении середины 1980-х гг.:

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас – о себе.

...Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...

Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, – нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам².

Решать нам, но нам уже все подсказано – и мед, и горькая чаша.

Сам он говорил, если требовали однозначного ответа: «Да, конечно, я счастливый человек»³. Или более обтекаемо: «Вообще человек пока жив – он счастлив. Конечно, ну что ж. Конечно»⁴. И действительно: биография Окуджавы – это история человека состоявшегося, не просто реализовавшего свои возможности вопреки обстоятельствам, которые этому мешали, но и реализовавшего их так, что он точно знал, где в учебнике по русской литературе ему обеспечена глава. «Я свое предназначение выполнил, то, что мог, сделал»⁵ – еще одна формулировка, и она дорогого стоит.

Пока человек жив, он счастлив, но в стихах Окуджавы, особенно начиная с 1970-х гг., счастье – прерогатива молодости, которая – и это большая у него тема – еще многого не видит:

Я песни пел, я с Францией общался,
в Париж к своим пенатам возвращался,
и не понять, откуда что бралось.
Я был почти что на верху блаженства,
и каждый жест был полон совершенства...
Как что-то вдруг во мне оборвалось⁶.

Действительно, по стихам, по интонациям, по фотографиям заметно: с конца 1950-х – это человек, буквально опьяненный неожиданно свалившимися известностью, ощущением, что состоялся, что сбылось и одно, и другое, и третье, что все на самом деле только начинается; в середине 1960-х это опьянение исчезает вдруг, как будто выключили.

В молодости – счастье. Потом – опыт, мудрость. Либо то, либо другое:

Это так несправедливо,
горько и невероятно –
невозможно осознать:

был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать⁷.

Или:

Нам не стоит этой темени бояться,
но счастливыми не будем притворяться⁸.

Счастливой жизни в его стихах почти нет. «Счастливчик Пушкин» иронично назовет он в 1967 г. стихотворение, перечисляющее, почему именно Пушкину «хорошо» и даже «прекрасно»: вот, например, «боль угасла», да и «деньги в долг давали ему / до самой смерти» – хотя да, счастливчик, потому что, несмотря на это, состоялся, «ему было за что умирать у Черной речки»⁹.

А стихи 1980–1990-х гг. – и вовсе мрачные, беспросветные, о несостоявшемся, о состоявшемся не так.

О том, как много везло:

Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.
И так всё сошлось, дорогая: наверно, я там не сгорел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой не успел¹⁰.

О том, как било:

Умереть – тоже надо уметь,
как бы жизнь ни ломала
упрямо и часто...¹¹

О том, что реализовавшееся реализовалось не вполне. Или о том, что слишком рано пришлось расстаться с иллюзиями:

Жизнь меня не берегла и шпыняла то и дело.
Может, я бы стал поэтом, если б не было войны¹².

Из того же стихотворения:

Вот дурацкий манекен, расточающий улыбки.
Я гляжу через стекло. Он глядит поверх меня.
У него большая жизнь, у меня ж – одни ошибки...
Дайте мне хоть передышку и крылатого коня!¹³

Еще более мрачное:

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
что-то он все пророчит мне будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает всё наперед...
Но в этом мое преимущество перед лесным пророком¹⁴.

И уже даже резкое:

Всё потом: и сожаленье,
что не выпало посметь,
и везенье, и прозренье,
и раскаянье, и смерть¹⁵.

Почему «не выпало посметь» – в обращенном к сыну стихотворении 1980-х гг.:

Папочка твой не случайно сработал надежный свой кокон.
Он состоит из дубовых дверей и зашторенных окон.
Он состоит из надменных замков и щеколд золотых...
Лица незваные с благоговением смотрят на них¹⁶.

Это были не только зашторенные окна, без которых, он знал, не было бы ни времени, ни равновесия для работы. Есть много воспоминаний о том, как Окуджава помогал кому-то – деликатно, но именно так, как сейчас и было нужно. Свое недоучастие в общественной жизни –

...как будто бы не мы метались в том огне,
как будто тот огонь был неизвестен мне¹⁷ –

он восполнял откровенными стихотворными, песенными декларациями, ответами на вопросы слушателей. Из доноса 1967 г. о поведении Окуджавы на вечере, прошедшем 29 января в Ульяновске: «В одном из ответов на записку из зала он заявил, что книгу “Доктор Живаго” Пастернака он бы издал у нас в СССР, что в ней ничего такого нет...»¹⁸. Попросили рассказать о недавнем громком процессе, Окуджава ответил, «что он не согласен с тем, что Даниэля и Синявского привлекли к уголовной ответственности, поэтому подписался под письмом в ЦК КПСС “вместе с другими видными деятелями литературы и искусства”, где был выражен протест против их ареста. Но ни словом не осудил их поступка»¹⁹. Из записок к нему с того же вечера: «Ощущаете ли вы

раздвоенность личных и общественных чувств. Если да, то почему?»), «Огромное спасибо за то, что Вы есть! Это очень важно, что вы есть!», «...пойте, сколько сможете. Мы любим Вас. Только бы Вы были всегда такой же. До конца»*. И Окуджава мог позволить себе сказать на рубеже 1980–1990-х гг.:

Шестидесятникам не кажется, что жизнь
сгорела зря:
они поставили на родину, короче говоря²⁰.

«Шестидесятник» – это редкий случай, когда совпадают автохарактеристика и то, как устойчиво определяли другие его «место в культуре».

Поэт, «вернувшийся лирику». Да, он заговорил о личном, заговорил просто, не клишированно – однако прежде было 15 лет его попыток найти свой язык, и в последние лет 10 в его стихах опять были и публицистичность, и дидактика, от которых он когда-то отстранился.

«Бард» – от этого определения он всегда решительно отказывался, говоря, что не понимает, что это такое, что он поэт, что главное в песне – стихи.

«Основоположник жанра авторской песни» – отрекшаяся от «барда», об авторской песне Окуджава все же рассуждал, подчеркивая, однако, что это был его собственный путь, что его просто «переполняла»²¹ музыка и не стоит вписывать его в какие-то когорты.

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
пускай завистник свое кричит –
моя гитара меня обнимет,
интеллигентно она смолчит²².

Это из ранних 1960-х, когда гитара в стихах Окуджавы связана с романтической непонятостью.

Пой, француз, ведь ты далеко,
и к тебе претензий нет.

* Записки, сохранившиеся в архиве Ольги Владимировны Окуджава, в 2003 г. она разрешила использовать для статьи: *Розенблюм О.* Реальный читатель и образ читателя: записки из зала, адресованные Булату Окуджава // Русская филология. 15. Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2004. С. 162–167. Здесь они приводятся по этой статье.

Чем начальству ты приятен?
Тем, что текст твой непонятен.
Если ж нужен перевод,
переводчик – наш молодец –
как прикажут – переверет²³.

«Вечера французской песни», посвященные Галичу, Высоцкому и Киму, – это из поздних 1980-х, когда Окуджаве важно было подчеркнуть: пение собственных стихов – это возможность выражения себя, в том числе и своей общественной позиции. Романтическая непонятость или самовыражение – но в любом случае всегда он настаивал на своей принадлежности высокой литературе.

В сегодняшних учебниках обязательно о нем будет сказано в главах о войне (рядом с «лейтенантской прозой» и, например, с Давидом Самойловым и с Борисом Слуцким) и о «малой родине» (рядом с «деревенщиками» или, допустим, с Высоцким – «Где твои семнадцать лет? / На Большом Каретном»²⁴). Все так, но в последние 15 лет и о войне, и об Арбате он писал совсем иначе, чем на рубеже 1950–1960-х гг.

Иногда его вспоминают, говоря о «маленьком человеке», но «маленький человек» – это тоже из раннего и наиболее известного Окуджавы, а в середине 1960-х уже нет «маленького человека», простого, такого, как все, есть один на один разговор с Богом («...дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня»²⁵), есть человек творческий, редкий, яркий («...не убирайте ладони со лба»²⁶).

То же и с «романтизмом»: «Окуджава – романтик» – очень устойчивое мнение, и действительно, есть множество стихов 1950–1960-х гг., где и преклонение перед Женщиной, и синий цвет, имеющий массу значений, и разные другие атрибуты романтического, но едва ли не больше в 1980–1990-е гг. будет стихов о разочарованиях, об иллюзиях, и формулировки будут очень жесткими:

Мы – романтики старой закалки
из минувшей и страшной поры.

...Ну, а нынче, запутавшись между
давней страстью своей и виной,
расплатиться хотим за надежду
самой горькой дворовой ценой²⁷.

* * *

Окуджава 1950–1960-х гг. – то, что стало классикой; для учебников этого достаточно, но биография не может позволить себе забыть, что после 1950-х гг. были 1970-е и 1990-е годы.

Менялся он сам, не позволяя себе застаиваться, консервироваться в том, что уже удалось: «...когда я начинал писать стихи, а потом вдруг стал писать песни – на эти же стихи, мне говорили: “Ну зачем?! Ты хорошие стихи пишешь. Зачем тебе эта гитара, вообще все это – зачем тебе нужно?” Но я продолжал. Потом стал писать прозу. Мне говорили: “Слушай, у тебя такие замечательные песни! – зачем тебе эта проза нужна?” Ну пишу, пишется мне»²⁸.

Менялось, как это ни банально звучит, время. Он был приглашен на спектакль «Взрослая дочь молодого человека» по пьесе Виктора Славкина – и вполне понимал пафос студента, на рубеже 1970–1980-х гг. иронически изображавшего родительское поколение: «(*Пародийно поет.*) “Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья...” . У меня отец целыми днями крутит: “...чтоб не пропасть поодиночке...” Одна компания!»²⁹

Он знал, что пришелся ко времени – но к тому, прошедшему, знал, что время реализации, удачи прошло, хотя продолжались и стихи, и песни, и проза, и читателей со слушателями всегда было много.

Разливай по стаканам водку,
Говори о дурацких сплетнях,
Но не жди никакого проку
От пятнадцати лет последних –
Мы давно перешли границу,
Нам давно обменяли паспорт,
Мы загнули свою страницу
И забыли, что было, насмерть.
И лишь утречком в воскресенье,
Когда сливки бегут в кофейник
И когда голова лечение
Принимает от легких денег,
Век связует свои суставы
И натягивает сапожки,
И мяукает Окуджава
Голоском беспризорной кошки³⁰.

Это Евгений Рейн, которому еще в конце 1950-х гг. Окуджава посвятил «Из окон корочкой несет поджаристой...», стихотворение 1984 г.

«Я свое предназначение выполнил», сказанное человеком очень состоявшимся, имело и горький привкус: упраздненный театр – вот образ, который выбрал в конце 1980-х гг. Окуджава, работая над романом о собственном детстве и собственной семье.

I

Главные герои романа о детстве: Шалико Окуджава и Ашхен Налбандян

«Родился в 1901 г., в августе, в Грузии (г. Кутаиси) в семье ремесленника (чувячника)*. Отец с 1904–1905 гг. бросил работу, спился и в 1922 г. в состоянии белой горячки покончил с собой. Воспитывался у матери, которая работала прачкой и белошвейкой»^{1**}, – пишет о себе Шалва Степанович Окуджава в 1936 г., оформляя очередные документы, в том числе автобиографию.

* Ср.: «Отец кустарь одиночка-заготовщик»². Цитаты из архивных документов приводятся с сохранением особенностей орфографии и пунктуации.

** С.Д. Алексеев цитирует автобиографию Ш.С. Окуджавы, внося некоторую пунктуационную и орфографическую правку, также отдельные слова («работала» вместо «была») расходятся с оригиналом, копию которого Окуджава хранил в Переделкине. О Ш.С. Окуджаве см. материалы, опубликованные в альманахе «Голос надежды»: *Киквадзе В. Шалва Окуджава // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 4 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2007. С. 129–132; Налбандян А.С. Окуджава Шалва Степанович (краткая биография) // Там же. С. 171–173.*

Через год, на первом допросе, следователь заполнял документы: «до революции учился в грузинской банковской школе (гимназия) до 1919 г», «перешел на комс<омольскую> работу»³, «с февраля 1917 г социал д<емократическая> организация комсомола и с 1918 г перешел в члены ВКП(б)»^{4*}.

И снова из автобиографии: «В 1918 г. был членом Кутаисского комитета молодых коммунистов. В 1919–1920 гг. членом бюро и председателем Кутаисского губкома комсомола»⁵, «в августе 1920 г во время пребывания меньшевистского правительства в Грузии был арестован особым отрядом полит. полиции, просидел сутки и <был> освобожден»⁶ – таков послужной список Шалико Окуджавы к 19 годам.

В 1955 г. его жена на допросе по делу о его реабилитации свидетельствовала: «Окуджава с 1917 по 1921 год, до установления Советской власти в Закавказье находился на подпольной первое время комсомольской, а потом партийной работе. В партийных органах его тогда знали как стойкого, преданного делу партии коммуниста. Он являлся руководителем и организатором комсомола Кутаиси. После установления Советской власти в Закавказье Окуджава находился на ответственной партийной работе в Тбилиси»⁷. В 1921–1922 гг. он «заорг ЦК комсомола Грузии»⁸.

В переделкинском доме Окуджавы, где он писал роман о своей семье, хранилась фотография, присланная ему из Нижнего Тагила, комментарий на обороте гласит: «Группа делегатов III Конгресса Коминтерна <...> Москва, 1921»⁹, среди них – Ш.С. Окуджава. Делегат Конгресса (гордое званье!), за несколько дней до его начала, 17 июня (Конгресс проходил с 22 июня по 12 июля, через полгода после установления Советской власти в Грузии), он пишет в Тифлис:

Здравствуй друг!

Я тебе с дороги послал письмо не знаю получил его или нет. Барнаб сейчас сижу в большой комнате один и пишу тебе письмо. <...> со мною в комнате живет один немец делегат который не понимает меня и которого я не понимаю. Барнаб в дороге так я измучился, что чуть не вернулся с Ростова. Пища замечательная, дали

* В протоколе того же допроса Ш.С. Окуджавы в графе «Сведения об общественно-политической деятельности» записано «с 1917 года на комсомольской работе»¹⁰. Еще в гимназии «в 1917 г., сейчас же после революции (февраль), начал работать в группе молодых социал-демократов (большевиков), которая была сформирована Кутаисской организацией большевиков»¹¹.

только блузку и одну пару белья, хожу в своих порванных брюках. Барнаб сегодня был парад в честь международного дня говорил Троцкий замечательно он уже принял парад, говорили Радек, Луначарский, Мюнценберг и другие. <...> Барнаб передай дома привет от меня и скажи, что Володя здоров и очень хорошо чувствует себя (старший из братьев Окуджава. – *О. Р.*). Барнаб не знаю, что со мною творится, но страшная тоска берет меня. Ведь Москва для меня новый город, но она совсем не интересует меня сию в своей комнате и думаю большею частью о вас, о юге. Но мне думается, что когда начнется конгресс оно заинтересует меня и я успокоюсь¹².

Письмо длинное, но, хоть это и трудно, принципиально – по-русски, на языке Ленина. Шалико (он так и пишет свой московский адрес: «для Шалико Окуджава») беспокоится, как мама, папа, Васюка, самый младший из них восьмерых, просит передать им причитающиеся ему деньги, а то Коля и Миша за своими делами могут недоглядеть: два старших его брата как раз на пике своей карьеры (в 1922 г. Михаил Окуджава – заместитель председателя Совнаркома Грузии¹³), хотя «карьеря» не совсем точное слово в применении к этой семье, по крайней мере невозможное без более высокого «служение».

Они познакомились осенью 1921-го¹⁴, говорила в 1955 г. Ашхен Степановна. Она была на два года моложе¹⁵, но уже год – в партии («Чл. КПСС с 1920 года»)¹⁶: как и он, с семнадцати лет. Меньше чем через год, как пишет Окуджава в «Упраздненном театре», их отправили в Москву: «Потом, уже в середине двадцать второго года, Шалико забежал к матери однажды, сопровождаемый строгой красивой барышней с продолговатыми карими глазами. <...> Представляя ее матери, Шалико сказал мимоходом: “Это наш товарищ”. Товарища звали Ашхен <...> В течение каких-нибудь двух-трех месяцев все и завершилось легким, ни к чему не обязывающим ритуалом, распиской в толстой тетради, похожей на насмешку над пышным, многословным, многозначительным церковным торжеством, и наступила новая жизнь. <...> И вот он наступил тот ранний летний вечер 1922 года <...> и обшарпанные стены тифлисского вокзала не воспринимались трагически...»¹⁷

Если это не мешало художественным задачам, Окуджава старался в романе как можно точнее передать даты, события, состояния – и здесь он угадывает: после Конгресса (и после установления Советской власти в Грузии) прошел год, и Шалико Окуджава уже мечтает вырваться из Тифлиса – в большую, настоящую жизнь. Он пишет с дороги сестре Ольге – постоянному корреспонденту всей семьи (Ольга Окуджава – жена Галактиона

Табидзе, одного из самых больших грузинских поэтов. Эти письма сейчас находятся в архиве Табидзе – тщательно уничтожавший документы, которые могли быть опасны, он сохранил письма родных своей расстрелянной жены, хотя почти все они, в том числе и его одноклассник Михаил Окуджава, были репрессированы):

Здравствуй милая Оля!

Пишу письмо с Ростова. Только что я и Ашхен нажрались на ростовском вокзале и с хорошим сытым настроением пишу тебе письмо. Милая Оля еду в Москву начинается новый период в моей жизни когда после пятилетней общей работы мне приходится думать о себе чтоб пополнить свой умственный багаж. Оля в этом письме не подчеркиваю но тебе наверно понятно содержание нового периода моей жизни. Я не знаю, что скажет завтрашний день, но одно чувствую, что я вполне выздоровел от моей старой болезни. Милая Оля не падай духом что тебе еще лишний год придется оторвать от своих занятий и сидеть в проклятом Тифлиссе, не завидуй нам, ведь жизнь пока впереди только будь сильной и ты тоже скоро присоединишься к нам¹⁸.

Впереди – огромная, настоящая работа и потрясающая возможность «пополнить свой умственный багаж», чему завидует даже старшая сестра, учительница, принципиальный партиец.

Из позднего интервью: «В доме царил культ книги. Сын прачки, отец был начисто лишен “пролетарского” снобизма, напротив, очень тянулся к интеллигенции, к культуре. И меня приучал. Каждую неделю водил в книжный магазин, причем обставлял это с такой торжественностью и столь серьезно предлагал мне самому выбрать книгу, что я и по сей день помню эти походы и благодарен ему»¹⁹. (В «Упраздненном театре» описан такой поход в магазин – там он отнесен к весне 1936 г.²⁰, и, конечно, Окуджава не забывает упомянуть, что это были привилегии избранных – книжки, которые можно было достать не на прилавке).

О том, где учился Шалва Окуджава, свидетельств много, и они разнятся: «В 1922 г. был послан в Москву на учебу, где находился до 1924 г. (июнь м-ц)»²¹ – это из автобиографии; Ашхен Степановна: «Окуджава стремился получить образование, в связи с чем в 1922–1924 гг. учился на Экономическом факультете 1 МГУ»^{22*}; в «Упраздненном театре»: «Им было радостно узнать,

* Ср.: «С 1922 года по 1924 г. уч<ился> в Москве 1 МГУ» в «Сведениях об общественно-политической деятельности» в протоколе допроса Ш.С. Окуджавы от 19 февраля 1937 года²³.

что их обоих решено направить в Москву, в Институт народного хозяйства!»²⁴; и из интервью: «Отец мой был прислан в Комакадемию из Грузии учиться»²⁵. Подтверждает этот вариант письмо Георгия Киквадзе, Гоги, к двоюродной сестре Ольге Окуджава: «Шалико, как мне писала Рита, находится в Москве, добываясь места в Комакадемии»²⁶ – возможно, что Комакадемия была уже второй попыткой получить образование: даты на письме нет, хотя относится оно, видимо, к 1929 г., когда Шалва Окуджава около года жил в Москве.

Ни во второй, ни в первый раз доучиться он не смог – сразу после рождения сына Шалва Степанович был отозван из Москвы в Тифлис. Из показаний Ашхен Степановны: «Окончить МГУ Окуджава не удалось, так как по указанию тов. С. Орджоникидзе был специально направлен в гор. Тбилиси на партийную работу где еще продолжалась борьба с троцкизмом*. Серго Орджоникидзе специально направлял Окуджава в Грузинскую партийную организацию для борьбы с троцкизмом, так как Окуджава был известен в Грузии как стойкий коммунист, хорошо проявивший себя на подпольной партийной работе. Окуджава в Грузии провел большую работу по разоблачению троцкистов. В связи с созданием Грузинской национальной дивизии, тов. Орджоникидзе направил Окуджава комиссаром этой дивизии»²⁷. Комиссаром, однако, Шалва Степанович был несколько позже: «В 1926–1929 гг. работал комиссаром Грузинской военно-командной школы и начальником политотдела и комиссаром Груздивизии»^{28**}, а «в июне 1924 г ЦК компартии Грузии был отозван на партийную работу в Тифлис в качестве завгитпрома Тифлисского горрайкома»^{29***}.

* Из автобиографии Шалвы Степановича: «Осенью 1923 г. во время учебы в Москве у меня были колебания в партийной линии. Никогда ни в какой оппозиции и во фракционной работе не участвовал. К концу 1923 г. со всеми колебаниями у меня было кончено»³⁰. Ср. показания Ашхен Степановны в 1955 г.: «Во время партийной дискуссии в 1923–1924 г. – январь месяц, Окуджава имел колебания по отдельным вопросам внутри партийной жизни и он ошибаясь поддерживал троцкизм. С января 1924 года Окуджава окончательно порвал со всеми антипартийными троцкистскими установками, понял свои заблуждения и с тех пор был страстным защитником Генеральной Линии нашей партии»³¹.

** Ср. показания на допросе: «С 1926 по 1929 г. комиссар грузинск. сводно<й> и комиссар II грузинской дивизии», «С 19 <нрзб> 1929 г. служба в армии»³².

*** Ср. показания Ш.С. Окуджавы на допросе: «С 1924 по 1925 на партработе»³³.

О том, где работала Ашхен Степановна, знаем из полумифического рассказа Окуджавы об октябрении: «Когда я родился, моя мама, которая работала на Трехгорке, внесла меня в цех, играл оркестр, и все работницы ее поздравляли. Так что это было октябрение»³⁴; вероятно, работу на Трехгорной мануфактуре она совмещала с учебой, потому что в протоколе допроса свидетеля по делу о реабилитации ее мужа в графе об образовании значится: «Высшее оконч. Моск. Эконом. ин-т им. Плеханова»³⁵.

Из той же категории семейных преданий или же просто красивых легенд, характеризующих время и стремящихся к образованию родителей: «Когда я родился, папа и мама долго думали над именем. Знаете, в то время люди очень увлекались чтением, театром. Модно было давать детям имена популярных героев. Меня назвали в честь Дориана Грея, но папа не мог выговоривать это имя, и возникали нелепые ситуации: “Когда мы будем этого покупать?” – спрашивал он или: “Ты этого уже покормила?” Потом с облегчением меня переименовали в Булата, но так стали звать только когда я вырос, а в детстве... В детстве называли Кукушонком. Ку-ку. В Грузии принято сокращать имена, я по традиции и стал Ку-ку, пока не повзрослел»³⁶.

Если верить «Упраздненному театру»*, где Шалико сменяет в Москве мать Ашхен, Мария Варгановна³⁷, Шалва Окуджава был отозван в Грузию сразу после рождения сына, даже до его октябрения, – этой версии противоречат сведения М.Р. Гизатулина и В.Ш. Юровского, которые в «Хронике жизни и творчества» Окуджавы июлем 1924 г. датируют отъезд всей семьи в Тифлис, отмечая, что «вместе с ним уезжает семья»: «В августе 1925 Ашхен с Булатом возвращаются в Москву, где она после окончания института работает экономистом хлопчатобумажного треста до конца 1929 года. В этот период Булат часто живет то в Москве, то в Тифлисе»³⁸.

Действительно, в свободное, «дошкольное», время в Тифлисе он бывал много: однако увезли ли его туда сразу же в 1924 г., или он впервые оказался там через год, – в любом случае «арбатское детство», которое так важно было Окуджава как еще один его «корешок», конечно, требовало, чтобы первые не то что месяцы – годы были проведены на Арбате.

* См.: «Но тут Шалико внезапно был отозван в Тифлис, где его направили в политотдел только что сформированной грузинской дивизии. Две шпалы украсили его петлички. <...> и он, конечно, не присутствовал в цехе Трехгорной мануфактуры <...> где состоялись октябрины его сына»³⁹.

II

Семья Окуджава: в романе, в письмах, в документах

С Арбата все и начинается. Приехав в Москву, Ашхен и Шалико, пишет Окуджава в «Упраздненном театре», «нашли свое место в партийном общежитии <...> а к осени те, что должны были о них заботиться, и в самом деле о них не забыли, и они <...> возникли на улице со странным названием “Арбат”, вошли в дом 43 и вселились в квартиру 12 на четвертом этаже большого грязно-бежевого дома.

В квартире <...> им выпала честь обладать двумя комнатами, расположенными в разных концах длинного коридора»¹.

Из интервью Юрию Росту, очень откровенного и опубликованного впервые уже после смерти Окуджавы: «Я родился в 24-м году, 9 мая, у Грауэрмана, на Арбате. Первая моя квартира – дом 43. Квартира на 4-м этаже, средних размеров по коммунальным масштабам, 5 соседей <...> Раньше это была квартира фабриканта Каневского, нэпмана. После нэпа он был директором своей же фабрички. А потом уехал во Францию с семьей»².

В романе появятся нужные автору герои, увеличивая количество соседей до семерых: вероятно, лишние двое – привносящие в семейную хронику социальную проблематику раскула-

ченный Мартьян и бывшая кухарка прежних хозяев квартиры Настя. Каневский, директор фабрики, превращается в Каминского, экономиста, ему присваиваются «благодарность» за оставленную в его когда-то собственной квартире* комнату и «покорность», с которой он туда перебирается: куда менее, чем даты и реалии, в романе достоверны образы. У каждого образа своя задача в этом автобиографическом романе.

В вопросе о том, насколько автобиографична автобиографическая проза Окуджавы, близкие ему люди сходятся. «Он не врет»³, – говорит один из ближайших его друзей со школьных лет Зураб Казбек-Казиев; многое опущено, но неточностей нет – версия Юрия Николаевича Попова, сына дяди Окуджавы^{4**}.

Бывают несовпадения в датах и деталях – ради создания образа, замечает Аида Михайловна Попова, двоюродная сестра Окуджавы: «Булату интересны люди в основном, если этого человека надо поместить в какие-то другие обстоятельства, он поместит его. Его интересует история, и она должна получиться, в жертву этому могут быть цифровые и прочие вещи»⁵.

И, возможно, более других, ради основной идеи романа, изменяется образ матери Ванванча, Ашхен.

В «Упраздненном театре» ее отношения с Каминскими, конечно, напряженные – классовые противоречия требуют дистанцированности, холодной вежливости: «Он вспомнил, что его мама с Каминским была любезна, но дружбы не было. Так, едва ощутимый коммунальный холодок, легкий и необременительный»⁶. Строгая и принципиальная в романе, в письмах к родным своего мужа она кажется гораздо более простой и родственной:

Дорогие, милые Мама и Оля!

Целую крепко я и Куку вас. Уже неделя как мы в Москве.

Куку здоров, с новой няней ходит гулять. Хозяйка моя до моего приезда нашла ее, ей 28 л. посмотрим какая будет. Куку доволен, что она грамотная и заставляет все время читать. Когда мы прие-

* См.: «Эта пятикомнатная коммунальная арбатская квартира когда-то целиком принадлежала Яну Каминскому – владельцу небольшой фабрики по выделке кожи. Владение было обобществлено. Бывший владелец служил там же в качестве экономиста. В собственной квартире ему оставили одну комнату, в которой и устроились покорно и с благодарностью все трое Каминских: сам Ян Адамович, Юзя Юльевна и Жоржетта»⁷.

** В прозе Окуджавы появляются два дяди Николая – Николай Окуджава, брат его отца, и Николай Иванович Попов, муж Сильвии Степановны, сестры Ашхен Степановны.

хали Луиза Юльевна (жена Каневского. – *О. Р.*) еще была у нас, <зачеркнуто: чему> я признаться была очень рада. Два дня как переехали и у нас ужасная тоска в доме, хорошо что живут близко от нас и мы можем встречаться. Вечером когда они переезжали ужасная картина была. Жоржета плакала и не хотела уходить, вобщем мы все плакали и мне было очень жалко их и тяжело. Куку бегал по коридору и кричал: “кто обидел мою сестренку”. Маня и Алеша здоровы, в первый же день покутили у нас. Пишите что у вас хорошего Целую крепко Ашхен⁸.

Жоржета – дочка Каневских – в романе сохраняет имя, а мать ее превращается в Юзю Юльевну, с которой, в общем, нет особой дружбы и не может быть никаких общих дел (ср. из письма Мани Окуджавы, перебравшейся в Москву сестры Шалвы Степановича, в Тбилиси: «Ашхен сказала, что у Луизы Юлиевны есть хорошая портниха, только берет 5 руб. в день»⁹).

Ашхен Степановна пишет родным о новой няне, молодой, грамотной – они, судя по всему, сменялись часто. Когда же Окуджава рассказывал о няне, в интервью ли, в прозе, как-то так получалось, что она у него была одна: «У пятилетнего Ванванча была няня Акулина Ивановна, откуда-то с Тамбовщины. Добрая, толстенькая, круглолицая, голубые глазки со слезой, множество скорбных морщинок в невероятном сочетании с добросердечием, с тихими медовыми интонациями...»¹⁰. И неграмотная.

Акулина Ивановна отводит Ванванча в храм Христа Спасителя, за что ее и увольняет Ашхен: и опять возникает образ последовательной большевички, мучающейся все-таки противоречиями между правдой партийной и бытовой, человеческой. И, видимо, был такой эпизод, потому что есть стихотворение конца 1980-х гг. о няне и о маме:

Акулина Ивановна, всё мне из бед наших помнится.
Оттого-то и совесть моя трепетанием полнится...¹¹

И в последней строфе:

...все, что мы натворили, и все, что еще сотворим...¹²

«Натворили» – о вине, «сотворим» – о творчестве, которое с этой виной неразрывно связано. «Что мы натворили» – цитата, слова, сказанные Ашхен Степановичей: «И мы с ней спорили до одурения. Я подбрасывал ей всякие запрещенные книжки, но она боролась отчаянно, она твердо верила, что Запад умирает с голоду.

И за полгода до смерти, в начале 83 года, мы так же с ней однажды драли глотки, и вдруг она посмотрела как бы на меня, но куда-то мимо, мимо и крикнула: «Что мы наделали!»¹³ – Окуджава в этом стихотворении и свое поколение определяет через вину.

* * *

В «Упраздненном театре» Ванванч оказывается не то чтоб заброшенным ребенком – нет, очень любимым, но он то с няней, то с бабушкой, то с тетей, маме всегда некогда, она показана отрешенной, погруженной в какие-то загадочные свои дела*, общественное важнее частного, служение всем – но на Ванванча вечно у нее не хватает времени. «Кукушка», ласковое, домашнее прозвище Ванванча, становится таким – не очень заметным, ненавязчивым – образом, характеризующим в романе Ашхен: «Когда Ванванч приезжал в Тифлис, он живал по разным домам, благо везде ему бывали рады. Но первым делом его поселяли у армянского дедушки Степана...»¹⁴, т. е. у той же бабушки Марии Варгановны. Сильвия, старшая сестра Ашхен, пытается ее вразумить: «Зачем же ты рожала, сумасшедшая? Тебе же не нужны ни дом, ни ребенок!.. Ни тебе, ни твоему мужу... Ты подбрасываешь своего сына всем! Хорошо, что я обожаю его...»¹⁵

Отправляли его к родным, видимо, часто. Маня пишет в Тифлис, матери, сестре, братьям, жившим тогда в одной квартире – у Михаила Окуджавы на улице Махарадзе, 9** (бывшая улица Паскевича):

Мои дорогие Мама, Оля, Миша, Вася и все остальные!

Целую всех вас без конца. Почему ничего не пишете? Теперь вам не скучно Кукушка наверное веселит. Я и Ашхен очень беспокоимся. Шалик<о>, как уехал из Тифлиса ни одного письма нет и от вас так же давно. Если кто<->либо болен и что случилось лучше написать, а то черт знает что ни предполагаешь¹⁶.

* «А мама работала в аппарате горкома партии, здесь (в Москве. – О. Р.)»¹⁷

** Улица была названа в честь Филиппа Махарадзе, в 1929–1931 гг. – председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР. Его особняк стоял рядом с домом, где на втором этаже была квартира Михаила Окуджавы. Вася – самый младший из семьи Окуджава, и только он и Маня уцелели после ареста всех остальных братьев и сестры Ольги.

Ласковое, домашнее имя «Кукушка» – «тифлисский специалитет, неведомый Москве»*, как сказано в романе: в «Упраздненном театре» семья, семейственность, домашность – это в Тифлисе, а безытнность, не обрастающая теплом, уютом, но все же не способная оторваться от всех своих, – это в Москве, у Ашхен.

Но и в Москве было много родных: «Мы великолепно все доехали. <...> Я очень подружился с Кукушкой. Мы всю дорогу игрались»¹⁸, – пишет 19 сентября 1929 г. Оле в Тифлис Георгий Киквадзе.

Маня – матери и сестре, видимо, вскоре после возвращения племянника из Боржома: «Кукушка хорошо выглядит <...> он уже большой мальчик, волосы у него вьются, купила ему новые ботинки. Ашхен и он всем показывал дома. Гоги, когда приходит к Ашхен он страшно рад, говорит, что солдат пришел и все время около него вертится. Ашхен тоже здорова, занимается целые дни»¹⁹.

Это «занимается целые дни» становится основной чертой Ашхен в «Упраздненном театре», где весьма помешала бы образу отрешенной от домашних дел, погруженной в работу «заблудшей большевички» включенность в дела семьи ее мужа, ее собственной семьи.

15 июля 1925 г., из Манглиса в Цагвери, от дачи к даче («врачебный пункт»), Ашхен Степановна писала о годовалом сыне, интересуясь всей семьей мужа, родными, двоюродными:

Милые друзья, Мама, Маня, Оля и Вася! Уже 4 дня как находимся на чистом воздухе и наслаждаемся природой. Кукушка не минуты не хочет от меня оторваться, как будто боится, что удеру. Чувствует себя очень хорошо, целый день едим и валяемся в лесу, погода хорошая дождей нет. Во сне я видела что Оля пока в Тифлисе, боюсь что пока не приехала. Как вы живете, приехали ли Федосия с Гришей, передайте от нас привет. Кукушка научился многим хитростям, все понимает великолепно, умеет уже пугать, и когда видит, что правда боятся страшно радуется. Пишите обязательно как живете²⁰.

* См.: «И вот уже распахнута темно-коричневая дубовая дверь, и маленькая, сухонькая, сероглазая бабушка Лиза протягивает руки к Ванванчу, и тихое знакомое: “Кукушка, генацвале!..”

Кто его когда-то назвал этим именем – неизвестно. Но это случилось именно здесь, в прохладной, полутемной и громадной бабушкиной квартире, и, выпорхнувшее однажды из чьих-то благожелательных уст, так и осталось на нем. Это – тифлисский специалитет, неведомый Москве...»²¹

Отречение от семьи – или, точнее, не до конца, не вполне отречение – приписывает в романе своим родителям Окуджава. И здесь, видимо, он тоже вполне точен – скорее всего, было и то и другое: и борьба Шалвы Окуджавы с троцкизмом, и сохранение родственных отношений. В романе метания, сомнения Шалико и Ашхен поданы как «противоречие между чувством и долгом», а литературные образцы требуют сначала победы долга, затем – искупления. Но долг побеждал не всегда.

В автобиографии, датированной 9 января 1936 г., Шалва Степанович не скрывает: «Старший брат Михаил чл. ВКП/б/ с 1903 г. До 1923 г был секретарем ЦК Грузии, как уклонист и троцкист, был исключен из партии, в настоящее время восстановлен в рядах партии»²². В этом же документе: «Два моих брата с 1923 г были троцкистами»^{23*}.

«Национал-уклонисты» (Буду Мдивани, Филипп Махарадзе, Михаил Окуджава и др.) пытались отстоять целостность Грузии – не допустить «предоставления автономии национальным меньшинствам»²⁴, добиться, чтобы Грузия не растворилась в составе Закавказской Федерации вместе с Арменией и Азербайджаном, а вошла в СССР как республика: «Созданием Закавказской Федерации непосредственно руководило Кавказское бюро Центрального Комитета Коммунистической партии и лично Серго Орджоникидзе. Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии поддерживал идею создания Закавказской Федерации. В определении методов и темпов создания Федерации в Центральном Комитете Грузии мнения разделились: Буду Мдивани, Филиппе Махарадзе, Котэ Цинцадзе, Михаил Окуджава и другие считали, что для создания Закавказской Федерации необходимо было провести серьезную подготовительную работу в массах с целью исключения насильственных методов. Мамаи Орахелашвили, Шалва Элиава и другие поддерживали Серго Орджоникидзе, который требовал немедленного создания Федерации, что само собой подразумевало игнорирование чувств и настроений масс и вело к применению насильственных мер»²⁵. Все эти битвы происходили в 1922 г.: 30 декабря 1922 г. Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика вошла в состав СССР.

Автобиографию Шалва Степанович заканчивает словами: «Находясь в Тифлисе на партийной работе, мне приходилось вести активную борьбу против троцкистов, и в частности против

* Ср. в «Бюллетене оппозиции»: «В 1923 г. Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Цинцадзе и др. примкнули к левой оппозиции»²⁶.

своих братьев»²⁷. Весьма вероятно: он был человек Серго Орджоникидзе. Но в 1922-м он уезжает в Москву, и отозван он оттуда лишь летом 1924-го, как раз перед восстанием, охватившим всю Грузию – Гурию, Имерети, Мегрелию, Сванетию, Кахетию, – которое было подавлено тем же Орджоникидзе. В подавлении восстания и всем, что с этим связано, он уже мог участвовать – но это лишь предположение. Более того: в 1922 г., в разгар битв вокруг Зафедерации, он еще только ехал из Тифлиса на учебу в Москву и в это время, вполне естественно, разделял взгляды старшего – на целых 18 лет – брата.

Из протокола четвертого допроса Шалвы Степановича, 26 февраля 1937 г.:

Вопрос: Какое участие вы принимали в Национал-уклонистском движении?

Ответ<:> В 1923 году всвязи с моими троцкистскими ошибками у меня были ошибки и по национальному вопросу. Известно, что в 1923 году Троцкий выступил с поддержкой грузинских уклонистов, что послужило поводом к объединенным выступлениям троцкистов с национал-уклонистами<->

Вопрос: Вы показываете неверно. Следствие располагает материалами о том, что вы еще в 1922 году примыкали к национал-уклонистам и принимали в этом движении активное участие.

Ответ<:> Я подтверждаю, что в конце 1922 года, приехав в Москву на учебу я находясь на учебе среди грузинских студентов поддерживал и разделял национал-уклонистские настроения, имевшие место в этой среде. Эти мои национал-уклонистские настроения впоследствии привели к моим троцкистским ошибкам в 1923 году.

Вопрос<:> Когда у Вас появились национал-уклонистские колебания?

Ответ<:> В конце 1922 года в г. Москве^{28*}.

* См. также: «Вопрос<:> Кто возглавлял национал-уклонистскую группу среди грузинских студентов в г. Москве?

Ответ<:> Возглавляли национал-уклонистскую группу студентов в г. Москве Гвахария Георгий, Калантаров Сергей.

Вопрос: Какое отношение к этой группе имел Буду Мдивани?

Ответ<:> Буду Мдивани возглавлял национал-уклонистское движение в Грузии. В конце 1922 года он был отозван ЦК ВКП(б) в г. Москву. <...> Насколько мне помнится, Гвахария встречался с Буду Мдивани и очевидно находился под его влиянием».

Если он когда и вел «активную борьбу против троцкистов, и в частности против своих братьев», то было это между 1924 и 1928 гг., когда и он, и братья – все еще в Тифлисе, но братья на гораздо менее значимых должностях: в 1928 г. Михаил и Николай Окуджава отправлены в ссылку.

Из показаний Шалвы Степановича на допросах:

...брата Окуджава Михаила я видел последний раз в февралю месяце 1935 г в Тбилисе <sic!> куда я приехал повидаться с матерью (за несколько месяцев до ее смерти. – *О. Р.*). Окуджава Михаил был тогда восстановлен в партии и работал в качестве директора какого-то научного института. Я пробыл в Тбилисе всего только три дня. У меня с ним было несколько случайных встреч у матери (вполне естественно: Елизавета Павловна жила у Михаила. – *О. Р.*) и ни каких разговоров на политические темы я с ним не вел. В конце 1936 года, я не помню из каких источников, мне стало известно, что Михаил снова арестован, как активный троцкист.

Ни какой переписки и ни какой связи за исключением случайных встреч я с Михаилом не поддерживал²⁹.

Связи с Михаилом не поддерживал – только семейные. То же самое и с Николаем:

С братом Окуджава Николаем я виделся несколько раз в конце 1931 года в Тбилисе. Он приехал вскоре после возвращения из ссылки.

Всего встреч у нас было 3–4 не больше. Ни каких разговоров связанных с его троцкистской деятельностью у нас не было. Летом 1932 года (в это время Шалва Степанович уже на Урале. – *О. Р.*) я узнал от своей сестры Марии, живущей в Москве о том, что Николай снова арестован и выслан в Архангельск. Никакой переписки я с Николаем не вел. Осенью 1936 года мне сообщила бабушка о том, что вещи Николая пересланы из ссылки к моей сестре Марии в Москву и на этом основании Мария сделала вывод, что Николай снова арестован³⁰.

Дружеское общение с раскаявшимися национал-уклонистами Шалва Степанович не считал зазорным: «Вопрос: Встречались ли Вы с Гвахария после 1924 г.?

Ответ<:> После 1924 г. я с Гвахария имел несколько <встреч>. Это относится к периоду 1932–1934 гг. В<се> встречи происходили в Москве, причем одна из них у него на квартире и одна на XVII съезде партии, после чего мы вместе с ним ужинали в кавказском ресторане на Тверской улице»³¹.

Мария, Маня, далека от партийной работы, спрашивают не о ней – об Ольге:

Вопрос: Поддерживали-ли вы связь с Вашей сестрой Окуджава (Табидзе) Ольгой?

Ответ:> С Ольгой, как и с братьями, у меня было несколько случайных встреч, после ее возвращения из ссылки в 1931 году у матери, а также в феврале месяце 1935 года, когда я приехал на три дня в Тбилисе. Ольга пришла к матери со мной повидаться. При этих случайных встречах ни каких политических разговоров я с Ольгой не вел и впоследствии ни какой связи с ней не поддерживал³².

Что он не переписывался с братьями и сестрой, Шалва Степанович мог честно говорить на допросе: извиняясь за то, что муж не пишет, пытаюсь оправдать его тем, что завален работой, письма его родным писала Ашхен Степановна – не братьям, конечно, но Елизавете Павловне и Ольге, с которыми отношения у нее были особенно теплыми*. Уже через несколько лет после ссылки Михаила и Николая Ашхен Степановна пишет из Нижнего Тагила в Тифлис (10 октября 1934 г.):

Как здоровье и самочувствие Миши, на какой он работе доволен или нет? Как детишки его, как живет Нина?

Целую крепко

Ашхен

PS. Напиши как здоровье Максима**? я была прямо убита когда узнала о случившемся с ним несчастьи. Хорошо что Миша вмешался в это дело. Исключительно возмутительный был факт. Я уверена что он по старому, по своему горячо <нрзб> за Советскую власть»³³.

* * *

Все эти годы география семьи была очень непростой.

Из показаний Ашхен Степановны: «Проработав Комиссаром Грузинской дивизии около 3-х лет (в 1926–1929 гг. – Шалва

* Ср. в «Упраздненном театре», где никакого семейного раскола нет: «Здесь же, в Сололаках, медленно текли медовые будни, и все обнимали друг друга... Но однажды дядя Миша спросил Ванванча как-то по-взрослому, на равных: “Ну, как там папа на вашем Урале?” И грустью повеяло от его слов»³⁴.

** Вероятно, Максим Кивкидзе.

Степанович комиссар Грузинской военно-командной школы, начальник политотдела Груздивизии. – О. Р.) Окуджава был направлен на учебу в гор. Москву. На курсах Марксизма при ЦК ВКП(б) Окуджава учился более года и раньше срока окончания их, ЦК ВКП(б) был направлен в Тбилиси на ответственную партийную работу – вторым секретарем горкома партии»^{35*}. Приблизительно тогда же в Тифлис перевели и ее саму: «В тридцатом году Ашхен была отозвана из Москвы. Ей поручили важную партийную работу в Тифлисе»³⁶.

Собирались, видимо, прожить в Тифлисе не один год, обустроившись в новой квартире в Сололаках, на улице Грибоедова, 11, в самом центре города. Там же, в Тбилиси, их сын пошел в школу: «А потом пришло время мне учиться. И меня отправили в Тбилиси, где я поступил в первый класс. Это был такой странный первый класс, где были экзамены – по-русски. На экзамене каждому давали табличку, на табличке был нарисован лабиринт. В центре лабиринта – колбаса, а снаружи мышка, нужно было найти кратчайший путь до колбасы. О Пушкине мы не слышали ничего, Пушкин не существовал, Лермонтов не существовал, Толстой не существовал. Все они были помещики»³⁷. Колбаса, опять же ради наглядности и назидательности, превращается в романе в кулака, и этот лабиринт Ашхен показывает зашедшему в гости Михаилу Окуджаве – в романе этих дат нет, но именно в это время Михаил Степанович возвращается из ссылки, чуть позже – брат Николай.

Но в 1931 г. Берия становится вторым (а в 1932-м – уже и первым) секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б) и первым секретарем Центрального Комитета Компартии Грузии.

Из показаний Ашхен Степановны – о муже:

На этой работе его застала борьба Берия за руководство Компартией Грузии. Борьба Берия за партийную власть в Грузии как известно вызвала огромное противодействие со стороны партийных и советских кадров в следствии партийно-политического недоверия к нему. Это недоверие Берия квалифицировал как беспринципную групповщину. На основные партийные посты он ставил людей из аппарата Грузинск НКВД<Д>. Окуджава также не хотел, чтобы Берия стоял у руководства партийной организации, о чем Берия знал. С приходом Берия к руководству Заккрайкома партии Окуджава поставил вопрос об освобождении его от

* В автобиографии Ш.С. Окуджавы читаем: «В 1929 годах осенью был послан на курсы марксизма при ЦК ВКП/б/. В 1930 г. по мобилизации ЦК был послан секретарем Тифлиского горкома ВКП/б/»³⁸.

партийной работы. Берия предлагал ему остаться в Грузии, но Окуджава настоял на своем, и выехал в Москву в ЦК ВКП(б). За самовольный выезд в Москву Окуджава по партийной линии было поставлено на вид в 1931 году^{39*}.

Из интервью Окуджавы Ю. Росту: «У него были нелады с Берия, очень серьезные. И дошло до того, что отец мой поехал в Крым, к Серго Орджоникидзе, и попросил направить его на работу в Россию, потому что в Грузии он работать не мог. И Серго отправил его на Урал. Парторгом ЦК на вновь строящийся в первой или второй пятилетке вагоностроительный завод»^{40**}. В мае 1932-го Шалва Степанович – уже секретарь парткома Уралвагонстроя⁴¹, а его семья возвращается в Москву.

* Об этом же конфликте, видимо, и рассказывает Ш.С. Окуджава на допросе 19 февраля 1937 г., говоря о своих «политических ошибках» и о том, что первая из них была «в 1931 году»: «...когда я работал секретарем городского комитета в Тифлисе. Эта ошибка заключалась в том, что я поддерживал политику секретаря Закрайкома т. Лаврентьева, направленную им к умалению значения республик, входящих в Закавказскую федерацию. Эта политическая ошибка была осуждена центральным комитетом ВКП(б), и Лаврентьев был снят с работы. За это же и я был снят с работы»⁴².

** Об отношении Ш.С. Окуджавы и Орджоникидзе: «Его хорошо знал Серго Орджоникидзе и еще в 1924 году на партактиве в Тбилиси ставил в пример, как коммуниста, решительно покончившего с колебаниями» (видимо, теми самыми колебаниями 1922–1924 гг. – О. Р.)⁴³.

* * *

19 февраля 1937 г. первый допрос Ш.С. Окуджавы начался с вопроса: «Когда вы начали вести троцкистскую работу?» Отвечая, он подробно рассказывает про 1923 год:

Троцкистской работы против партии я не вел никогда. В 1923 году во время учебы в 1 МГУ в Москве, когда началась дискуссия в связи с письмом Троцкого к молодежи, в парторганизации факультета было очень сильно троцкистское влияние. У меня и у моих однокурсников Гвахария и Махарадзе в то время были очень сильные колебания. Я в то время занимал непартийную позицию, которая выразилась в том, что я голосовал за читку адресованного письма Троцким к молодежи и при обсуждении этого письма был согласен с положениями, которые Троцкий в то время выдвигал. Позднее, к началу 1924 года, после смерти В<.>И<.> Ленина я понял, что занимаемая мною позиция является по существу антипартийной, ведет к борьбе против генеральной линии партии, против ЦК и я решительно от своей позиции от-

казался. Мне известно, что именно в этот период времени Гвахария занимал более активную троцкистскую позицию, которая действительно привела его к тому, что он начал вести активную борьбу против партии, был исключен как троцкист, арестовывался и был в ссылке. <...> Я категорически отвергаю обвинение в к-р троцкистской деятельности. Начиная с 1924 года я занял твердую большевистскую позицию и проводил в жизнь линию партии¹.

* * *

Георгий Киквадзе – Ольге Окуджава, без даты:

Напиши поподробнее о том, как живут Миша и Коля. Работают ли там или нет? Кто их поддерживает материально? Где семьи их? Как себя чувствует сейчас тетя (Елизавета Павловна. – О. Р.)? Ведь она, как мне известно, все последнее время болела²?

* * *

Лев Троцкий – товарищу Чечелашвили от 26 мая 1928 г. из алма-атинской ссылки в самаркандскую:

Вы пишете, что братья [М. С. и Н. С.] Окуджава, старший и младший, находятся вместе с Вами. Очевидно, речь идет не о Михаиле Окуджава, который выехал, по-видимому, в Крым вместе с Кате [Котэ] Цинцадзе. Я получил от них телеграмму с пути из Баку и телеграфировал им в Новороссийск до востребования. Не знаю, получили ли они мою телеграмму³.

* * *

Котэ Цинцадзе – Льву Троцкому из Бахчисарая в Алма-Ату 27 июня 1928 г.:

Из Тифлиса пишут, что там на другой день проводов т. Окуджава, были аресты... Арестовано около 15 человек. Им предложено: отказаться от оппозиции и признать правильным «левый курс». В противном случае угрожают подвергнуть долгой тюремной жизни. Ребята категорически отказались... Спрашивается, на что нужен отказ от оппозиционных взглядов, добытый путем грубого административного насилия⁴?

* * *

Котэ Цинцадзе – Михаилу Окуджава, 10 ноября 1930 г. Михаил Окуджава – в ссылке, не щадя его, письмо Цинцадзе в том же 1930 г. публикует «Бюллетень оппозиции».

...Теперь о политике. Ты, дорогой Миша, удивляешься, что «Письмо к друзьям» («Письмо друзьям в СССР» с основными требованиями оппозиции, написанное Троцким перед XVI съездом ВКП(б). – *О. Р.*) к тебе пропустили. Ничего удивительного в этом нет, ибо это письмо вызывает среди оппозиции разногласия, а это на руку аппарату. Аппарат хочет воспользоваться этими разногласиями и оторвать от нас еще группу. Это, конечно, ему удастся, ибо в той части оппозиции, которая находится в ссылках и изоляторах, очень популярным стал лозунг: «В партию, несмотря ни на что». Я заметил, что многие товарищи исходят только из того, какое заявление написать, какое больше понравится Ярославскому–Сталину. (Я говорю на основании тех сведений, которые у меня имеются.) На этой почве они готовы использовать, сделать поводом для отхода всякую запятую, всякую точку, неправильно поставленную автором «Письма к друзьям». Заявление сделалось каким-то фетишем. При каждом чихании налево со стороны руководства многие товарищи начинают нервничать и искать выхода из душной атмосферы, но попадают в еще более душную. Я надеюсь, что ты не заподозришь меня в том, что я и тебя причисляю к этой категории. Абсолютно ни в какой степени. Я просто хочу сказать, что нужно быть в высшей степени осторожным в оценке момента.

Краткое содержание твоего письма таково: политика централизма обанкротилась, оппозицию жизнь с несомненностью оправдала и оправдывает, на почве банкротства, под напором партмасс и нашей борьбы, руководство вынуждено было найти выход на левых путях. Оно вместе с тем оказалось способным <...> перевооружиться, т. е. окончательно стать на ленинскую линию. Нельзя не заметить происшедших и происходящих сдвигов, которые не могут уместиться в маневре, руководство на деле стало на ленинских рельсах. Это наша линия, поэтому нам нужно яснее и решительнее принять генеральную линию, отказаться от фракционной борьбы, написать заявление, потребовать возвращение в партию «всей оппозиции». Оценку Л.Д. (Льва Давидовича Троцкого. – *О. Р.*) ты считаешь ошибкой, его установку не нашей; по твоему Л.Д. недооценивает сдвиги, считает их маневром и т. д. Разница: Л.Д. не верит в действительный поворот, не верит в окончательное исправление линии со стороны централизма, считает это временным «тактическим» совпадением. Ты веришь, ты убежден в том, что генеральная линия руководства полностью ленинская, нам знакомая линия, т. е. она наша. Таковы твоя и Л.Д. установки. В данном случае я на стороне Л.Д. <...> Даже представим себе, что несмотря на разную оценку положения, мы сошлись на том, что

нужно написать заявление, хотя бы к предстоящему XVI съезду. Что мы должны написать в нем? Как сказать то необходимое, что нужно сказать со стороны оппозиции? Я задаю тебе несколько вопросов: 1) Пишешь ли ты в этом заявлении о том, что центризм обанкротился (в твоём письме банкротству центризма дана замечательная оценка)? 2) Пишешь ли ты о том, что центризм был вынужден сделать поворот влево после банкротства право-центристского блока (в твоём письме и этот вопрос хорошо анализируется)? 3) Что значит, требовать возвращения в партию «всей оппозиции»? Не значит ли это, что мы индивидуальных заявлений писать не будем, ибо индивидуальные заявления уничтожают оппозицию, как течение? 4) Пишешь ли ты, что линию оппозиции считаешь правильной, т. е. не может быть речи об отречении от взглядов? 5) Отмежевываешься ли ты от т. Троцкого, т. е. от так называемого «троцкизма»? (Ведь отмежевание от Л.Д., – а этого от нас требуют, – по существу будет означать, что мы были на самом деле последователями «троцкизма», а не ленинской оппозиции, и что мы в продолжении 6 лет не разобрались, где «ленинизм», где «троцкизм»). Если ты на все эти вопросы ответишь положительно, т. е. если в основу нашего заявления будут положены: 1) Оправдание линии оппозиции, 2) Банкротство центризма, 3) Не отречься от взглядов, 4) Войти в партию «всей оппозицией» (не индивидуально) и т. д., плюс к этим честный и безусловный отказ от фракционной работы и безусловная поддержка взятого после XVI партконференции курса – я согласен на такое заявление, и Л.Д. будет согласен безусловно. Между нами остается разница в том, что ты за признание всей генеральной линии без оговорок. Об остальном ты сам великолепно пишешь в своём письме. Можем ли мы не писать об этих вещах, если мы хотим остаться революционерами? Ведь мы пишем не для себя, не для руководства, а для масс. Каждый наш шаг должен быть рассчитан на то, чтобы масса получила революционное воспитание, в особенности молодежь. <...> Мое предложение сводится к тому, чтобы мы еще раз «постучались» в партию к предстоящему XVI съезду, но наше заявление должно состоять из вышеперечисленных пунктов плюс к этому то новое, которое уже имеется в жизни в области методов проведения в жизнь левого курса. Для всего этого нужно, чтобы нам разрешили сговориться, хотя бы тем, которые подписали последнее заявление.

Два слова об отходах: ты объясняешь отходы в основном сдвигами, т. е. тем, что наши кадры убедились в подлинности поворота. <...> Я хочу спросить тебя: если бы не было ссылок, изоляторов, голодного и холодного окружения, морального и

физического истязания, был бы такой массовый отход или нет? При наличии репрессий убеждения занимают уже не решающее положение, ибо от всех нельзя требовать героизма⁵.

* * *

Лев Троцкий, статья «К капитализму или к социализму?» (Принкипо, 25 апреля 1930 г.). Статья опубликована в том же номере, что и письмо Цинцадзе Михаилу Окуджаве, – весь номер посвящен полемике с ним.

Нам сообщают новую теорию некоторых шатающихся элементов оппозиции (Окуджавы и др.) согласно которой из нынешней «левой» политики Сталина должен будто бы сам собою «вырасти» и более здоровый режим. Этот оптимистический фатализм представляет собою худшую карикатуру на марксизм. <...> Точка зрения оппозиции не имеет ничего общего с самодовольной метафизикой тов. Окуджавы и других, ибо предполагает живую борьбу направлений и, следовательно, высшую активность левой оппозиции. Только политические банкроты слагают с себя в критические моменты ответственность, перенося ее на объективный ход вещей и ища выхода в утешительных пророчествах⁶.

* * *

Котэ Цинцадзе – Льву Троцкому, 1 мая 1930 г. (обращение – «Дорогой Яков!», письмо от лица женщины):

Мое здоровье плохо, но борюсь с остервенением. «Кто кого?» так стоит и у меня вопрос. Пока шансы на моей стороне (Котэ Цинцадзе умер в ссылке от туберкулеза в том же 1930 г. – *О. Р.*). Но зато, увы, болезнь капитулянтства захватила Буду и Ка-зе (Мдивани и, вероятно, Кавтарадзе. – *О. Р.*). Ты их знаешь. <...> Хрупкие они были всегда. При «стадной» жизни их можно уберечь. Но в последнее время они были предоставлены самим себе и начали киснуть⁷.

* * *

Котэ Цинцадзе – «другу», 27 августа <1930 г.>:

Наш общий друг Буду подписал заявление И.Н. Смирнова (старосветского помещика). Как видите за ним очень мало последовало. Но он по слухам собирается еще обратиться ко всем оставшимся в тюрьмах и ссылке. Довод у него веский: он гуляет на проспекте Руставели в Тифлисе, а другие чахнут в застенках. Шутка ли! Он называет это «нецелесообразным». Шарлатанство дальше этого итти не может⁸.

* * *

Николай Окуджава – Ольге Окуджава из Коканда в Карасубазар, из ссылки в ссылку, 13 июня 1930 г.:

...Миша, Датико Лордкипанидзе и др. очевидно скоро поедут домой, подав заявление 17 мая об отходе, признании <нрзб>, отказе от фракционности и ругани Троцкого, а нас в целом обвиняют в правом уклоне. Мама и Гиви (сын Михаила Окуджавы от первого брака. – *О. Р.*) оказывается очень болезненно реагируют на это и потому ничего им об этом писать не нужно^{9*}.

* * *

Георгий Киквадзе – Ольге Окуджава, 17 ноября 1931 г.:

Как тебе уже известно, мне в ЦКК в первый раз сказали по делу Коли, что теперь присоединяться к кому-бы то ни было недостаточно. Надо подавать заявления от собственного имени. Я об этом сообщил Коле. Это было в день отъезда Федосьи (Федосья – сестра матери Георгия Киквадзе Макрине и Елизаветы Окуджава. – *О. Р.*), т. е. 14 октября. 2 ноября Коля и Акиртава (Николай Акиртава в 1926 г. был ответственным секретарем Аджарского областного комитета КП(б) Грузии, в 1927 г. исключен из партии и сослан в Коканд. – *О. Р.*) послали, в соответствии с этим, вторичное заявление, на сей раз уже «от себя», без каких либо присоединений. Позавчера я был в ЦКК, но, к сожалению, там до сих пор это их заявление не получено¹⁰.

* * *

Николай Окуджава – Елизавете Павловне из Архангельска (получено 31 мая 1933 г.):

Дорогая мама!

Уже месяц, как я послал тебе телеграмму с просьбой писать мне до востребования, сообщить о здоровье, но до сих пор ни от кого из вас, а в том числе и от Кукули (сын Николая Окуджавы, также Николай. – *О. Р.*) нет ни слова. Чему приписать это? Получил письма, телеграммы от знакомых, от Коли, его жены из того же Тифлиса, которые взяли адрес из вашей телеграммы. Я бы не стал надоедать требованием писем к себе, если бы хоть в одном

* Михаил Окуджава пишет сестре Ольге в Карасубазар, что он уже в Севастополе, что все получилось очень быстро: «Как только пошлешь в Москву заявление, дай мне телеграмму и тотчас приеду к тебе»¹¹.

из полученных из Тифлиса писем было хоть одно слово о твоём здоровье. Я здоров, беспокойство причиняет только неизвестность о твоём здоровье. После телеграммы я прислал письма, неужели они потерялись? Не думаю, чтоб Кукулины и твои письма пропали целиком. <...> Как Оля, Вася, Гиви, Натела и последующие клопики (Натела, Арчил и Важа – дети Михаила Окуджавы от второго брака. – *О. Р.*), что от батумцев (в Батуми жил Александр Окуджава. – *О. Р.*) и как они? привет всем <нрзб> целую крепко твой Коля¹².

* * *

В книге «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», впервые изданной под именем Берия в 1935 г.:

Против создания Закавказской федерации открыто выступила группа уклонистов (т.т. Буду Мдивани, Котэ Цинцадзе, Ф. Махарадзе, С. Кавтарадзе, М. Окуджава, М. Торшелидзе, Л. Думбадзе и др.). Уклонисты изображали положение вещей таким образом, что якобы федерацию Закавказских республик навязывают Кавбюро и лично тов. С. Орджоникидзе и будто бы Ленин и Сталин не поддерживают идею федерации Закавказья.

Как известно, вдохновителями и организаторами Закавказской федерации являются Ленин и Сталин.

<...> Грузинские уклонисты боролись против предоставления автономии национальным меньшинствам Грузии. Тогдашние ЦК и Ревком Грузии (Б. Мдивани, С. Кавтарадзе, М. Окуджава, К. Цинцадзе и др.) всеми мерами оттягивали предоставление автономии Южной Осетии, Аджаристану и Абхазии. Автономия этих республик была принята и проведена против воли уклонистского большинства ЦК и Ревкома Грузии. Известно, что один из руководителей грузинского уклонизма – Б. Мдивани голосовал против решения о включении гор. Цхинвали в автономную Юго-Осетинскую область, а другой руководитель уклонистов – С. Кавтарадзе отказался послать приветствие Красному Аджаристанскому Меджлису от имени ЦК и Ревкома Грузии¹³.

* * *

Булат Окуджава – в интервью «Домовому» (1993 г. – о 1930 г., о Тифлисе):

В детстве я был очень влюбчивый. В шестилетнем возрасте – нельзя сказать, что был влюблен, – мне очень нравилась одна девочка, я сходил с ума. Но когда мы уехали в другой город, все «выветрилось»...¹⁴

* * *

Булат Окуджава – в интервью Илье Мильштейну (1994 г. – о 1932-м):

– *На войне вы впервые соприкоснулись со смертью?*

– Ну, если не считать смерти дедушки, еще до войны. Но он умер в Тбилиси, а я жил в Москве. Я его очень любил. Меня особенно не посвящали в подробности, просто я увидел слезы на лицах женщин...¹⁵

III
«У нас с Шалико целое семейство»:
на Урале

Милые дорогие мама и Оля!

привет и горячий поцелуй вам обоим. Извините, что так долго не писала. Вот уж 2 месяца как мы на Урале. Живем наконец вместе с Шалико. Теперь вы с нами не шутите, у нас с Шалико целое семейство можно сказать. Не верится иногда что я мать двух детей. Ни я ни Шалико однако нисколько не жалеем, наоборот очень довольны и счастливы, безумно много радости нам дает наш новый малыш. Шалико с первого дня отнесся к нему с исключительной нежностью и любовью. Как бы не был занят или расстроен, а все же без внимания нашего Витьку не оставит. Ему уже 4 1/2 м-ца*, – очень здоровый и веселый парень, уже узнает свою мамку, подает ручку, хохочет громко и плюется. Вот милая бабушка пока, что наши достижения. Мы все находим, что он похож немного и на Мишу, глаза у него голубые, совсем другие в отличие от Булата.

Как только будет становится более человекообразным сниму и пришлю вам карточку.

* Виктор Окуджава родился в мае 1934 г.

А Булат наш стал совсем большой, учится не плохо, читает очень много, умный развитой мальчик, а теперь очень важно начал вести в школе общественную работу. Мама родная безумно мы все соскучились по вас, так обидно, что никак не удалось приехать ни Шалико ни мне к вам в Тифлис. Но на этот раз Шалико серьезно собрался отдыхать, думает с 1-го декабря взять отпуск немного полечится и повидать вас¹.

Теперь, старший брат, он уже Булат, а не Кукушка. Но в «Упраздненном театре» Виктора Окуджавы (1934–2003) нет. А.М. Попова: «Он когда окончил книжку, он мне сказал с изумлением: “Ты, – говорит, – понимаешь, как интересно, я про Витьку не вспомнил в книжке. У меня по Ванванчу не получалось брата”. Он дивился этому сам, он не просто его выкинул <...> <Роман> живет своей жизнью, и нет Витюхи»². Ванванч должен был остаться в романе наедине с родителями, но при этом – в центре большой и любящей, обращенной к нему семьи.

По той же причине в «Упраздненном театре» лишь мельком появляется Сиро, Сирануш, младшая сестра Ашхен Степановны, приехавшая вместе с ней из Москвы в Нижний Тагил с дочкой и мужем и работавшая на том же вагоностроительном заводе (она была техником-конструктором, чертежником). Однако в тех деталях, которые не важны для задач романа, Окуджава старается быть точным, и семья переезжает на Урал точно в августе 1934 г., как следует и из письма Ашхен Степановны.

На вопрос об отце: «Вы были близки с ним?» – Окуджава ответил: «Нет. И он, и мать целыми сутками работали. Маму я по-настоящему увидел лишь после ее возвращения из лагеря»³. А отца по-настоящему увидеть не довелось, и многие воспоминания о нем связаны с Нижним Тагилом – с теми последними двумя годами, когда жили вместе и когда «целое семейство» еще было целое.

Из того же интервью: «Очень сердечный, чистый, благородный человек. По-грузински любвеобильный к многочисленной родне, к друзьям дома. Насмешливый. У отца был хороший голос, он любил и умел петь. Предпочитал классику. Или просто насвистывал какой-нибудь старый мотивчик...»⁴

В стихах:

Он был художав и насвистывал старый, давно позабытый мотив,
и к жесткому чубчику ежеминутно его пятерня прикасалась.

Он так и запомнился мне на прощанье, к порогу лицо обратив,
а жизнь быстротечна, да вот бесконечной ему почему-то казалась⁵.

И в романе: «Он поглядывал на насупившуюся Ашхен, насвистывал что-то из “Кармен”, и соловьиный его свист звучал на этот раз прерывисто и непривычно»⁶. «Худощавый, насмешливый»⁷, – сказано в другом месте.

Насмешливый, родственный, по-грузински легкомысленный («Вы похожи на отца по характеру?» – «Ну, какая-то доля грузинского легкомыслия у меня есть, да? Или была. Это меня очень спасало в некоторых ситуациях. Что-то такое есть... но я же его перерос, он погиб в 36 лет»⁸) – все это на фоне работы, работы, работы.

Из того же письма жены Шалвы Степановича:

Мама милая знаю вы не довольны, что он вам не пишет, я так же ругала его пока была в Москве, ибо проходили месяцы (Маня знает хорошо) я не получала от него ни строчки. Но теперь пожив с ним, я вижу, что он не так уж виноват. Работа у него очень большая, сложная, день и ночь поглощен работой, даже несколько часов отдыха дома и то он говорит и думает о стройке. Приедет и расскажет он вам подробно какой грандиозный завод он строит. Я тоже уже работаю начальн. отдела по подготовке кадров для эксплуатации, работой довольна, в ближайшее время должна открыть здесь на стройке 2 техникума и вечерний ВТУЗ. Вобщем работы здесь уйма, интересной захватывающей⁹.

И работа отнимала время, и дела на стройке были таковы, что Шалве Степановичу и другим ответственным за завод угрожало дело. Из протокола допроса:

На строительной площадке действительно материально-бытовые условия рабочих были исключительно плохие. Хлебозавод сгорел, бараки, в которых жили рабочие, были не отоплены, наступили холода и это естественно вызывало серьезное недовольство рабочих и большую текучесть.

Я помню, что вначале моего приезда на площадку, первый вопрос которым занимался партийный комитет, это о хлебозаводе.

<...> Жилищный вопрос в связи с наступившими холодами стоял не менее остро, бараки были не утеплены, в них было холодно и грязно. Я вынужден был созвать специальное совещание у Столбова и потребовать привести в порядок бараки, хотя-бы в виде их утепления. Я помню, что на этом совещании у меня произошел крупный спор со Столбовым, который не возражал против постановки вопроса о <нрзб> бытовых условиях рабочих, но не чувствовал всей остроты этого положения. <...> Я уже показывал,

что к моменту моего приезда на Уралвагонстрой на строительной площадке самыми тяжелыми и первостепенными задачами являлись вопросы быта. Но не менее остро стоял вопрос о всей стройке. На первых порах, познакомившись с положением дел, для меня, как даже совершенно не для сведущего строителя, было совершенно очевидно, что все имеющиеся правительственные сроки по пуску завода (ноябрь 1933 года) были сорваны¹⁰.

В одном из интервью с Окуджавой Ирина Ришина цитирует письмо в «Литературную газету» бывшего строителя Невраева, знавшего Шалву Степановича, который, откликаясь на предыдущую беседу с Окуджавой, пишет, что рабочие Шалву Окуджаву «очень любили, так как он был простым, отзывчивым человеком. Условия стройки “Уралвагонзавода” были тяжелыми, и Окуджава проявлял заботу о питании, жилье строителей. В обед, когда из общего котла раздавали нехитрую снедь, он вместе со всеми получал свою порцию и тут же съедал, так как был голоден не меньше, чем другие. Заходил в общежития-баракы, иногда ночевал там»*. Комментируя это письмо, Окуджава сказал: «Так, видно, и было, потому что мне писал бывший генерал КГБ, который занимался в 56-м году реабилитацией отца, что он беседовал с разными людьми и все подтверждали, что отец был человек простой и ходил по домам рабочих. Такой, знаете ли, хороший большевик из плохого фильма, которых мы вдосталь посмотрелись. Когорта людей, строившая социализм, против которого мы сегодня протестуем, молодые фанатики, они ничего не имели, ничего не хотели для себя лично. Я помню, как мы жили, когда отец занимал пост первого секретаря Нижнетагильского горкома партии. У нас была небольшая квартира, казенная, с казенной мебелью, на которой бирки висели: стол, стулья, кровати – самое необходимое. Помню, что я прибежал с улицы, брал кусок черного хлеба, намазывал его томатной пастой, солил – обед секретарского сына. Но помню и громадное количество раскулаченных, которые умирали с голоду там, на Урале, пока создавались эти необыкновенные социалистические стройки»¹¹. Также и в романе Окуджава изображает их рядом – квартиру, в которой жила их семья, и нищету барак¹².

Из письма Ашхен Степановны матери мужа:

* В «Упраздненном театре» сказано, что Шалва Степанович до приезда семьи также жил в бараке: «В бараке для инженеров ему выделили комнату, железную койку с матрасом и стол со стулом»¹³.

Мама родная очень жалко что не можем вас хоть на несколько дней привезти сюда на Вагонку, на днях мы переходим на новую квартиру из 4-х комнат с всеми удобствами, впервые мы с Шалико будем жить в такой квартире, обставленной и с удобствами. Помните мама, как мы в Тифлисе собирали старые вещи и обставляли наши комнаты¹⁴?

* * *

Из интервью Илье Мильштейну в 1991 г.:

– *Вы тоже (как и родители. – О. Р.) были фанатиком?*

– Фанатики поклонялись идее. Дети фанатиков поклонялись своим родителям. Отец и мать были моими кумирами. Понимаете, если это начинается с детства, не требуется особенных усилий, чтобы из трехлетнего ребенка сделать пламенного большевика. Нужно спеть несколько песенок, несколько раз промаршировать и каждый день повторять одно и то же. Я ведь помню, как в 8 лет молился на Павлика Морозова и мечтал повторить его подвиг. Это соответствовало моим тогдашним представлениям о нравственности¹.

* * *

Из интервью Илье Мильштейну в 1994 г.:

А я вспомнил себя десятилетнего. И девочку Лелю, в которую был влюблен. Мы учились в одном классе. Никогда между

собой не разговаривали – ни в классе, ни на переменах. Но в школе часто гасло электричество. И в эти минуты я бросался к ней. Мы сидели, прижавшись плечами друг к другу. Вот и весь роман. А потом я из этой школы ушел, и мы больше никогда не виделись. Но я Лёлю не забыл. И рассказал про нее, отвечая на вопрос о первой любви. Студенты были очень довольны. Концерт мой записывался на радио. И спустя некоторое время запись пошла в эфир. В один прекрасный день я получил письмо от Лёли... Оказывается, и она меня не забыла. Но стеснялась напомнить о себе. И вдруг, представьте, слышит по радио мой голос, и свое имя, и узнает о том, что я ее помню всю жизнь... <...> Она напомнила мне еще об одном обстоятельстве, о котором я забыл. Оказывается, уезжая, я написал ей прощальное письмо. И вложил в конверт свою фотографию. Но письмо попало в руки ее родителям. Они его прочитали, подчеркнули красным карандашом все мои грамматические ошибки и вернули ей. Оскорбленная, Лёля выбросила это письмо. А фотографию оставила. Она сохранилась. Лёля прислала мне теперь копию, вот... *(снимает со стены фотографию в стеклянной рамке)*².

IV

«...Страшно не любит писать,
поэтому и пишет плохо»: писательство и вина

«Мама милая присылаю письмо Булата он правда просил не посылать ибо он писал быстро и сделал много ошибок, сам остался не довольным и сказал, что завтра перепишу, на другой странице напишу тете Оле письмо и пошлем, но это одни слова завтра он не вспомнит об этом, страшно не любит писать, поэтому и пишет плохо»¹ – это из уже цитировавшегося здесь письма Ашхен Степановны от 10 октября 1934 г.

«Страшно не любит писать» сменяется писательскими амбициями довольно скоро, судя по роману и воспоминаниям Окуджавы, и, вероятно, благодаря встрече с настоящим писателем: «...приехал на Вагонку внезапно прошумевший московский писатель, молодой человек Александр Авдеенко. Он прославился своим первым романом “Я люблю”. Он был из рабочих (работал в шахтах Донбасса, на строительстве Магнитогорска. – *О. Р.*), и это придавало ему вес. Его устроили в папином кабинете. Он спал на диване. Работал за папиным столом. Писатель!.. Он всегда был в неизменной суконной гимнастерке, франтоватых галифе и в белых валенках, которые здесь назывались пимами»². Первый,

автобиографический, роман Александра Остаповича Авдеенко «Я люблю» (1933) – о судьбе беспризорника – был отмечен Горьким, это был многообещающий молодой автор, на которого очень рассчитывали.

Приезд Авдеенко, в романе описанный после XVII съезда партии и убийства Кирова, видимо, должен быть отнесен к 1935 г.: «...Ванванч проник в папину комнату, подобрался к столу, увидел чистый лист бумаги и прочитал единственную строку, черневшую на ней: “Мне девятнадцать лет...” И тут он подумал, что тоже будет писать, сегодня же, сразу после школы, и его произведение будет начинаться со строки: “Мне одиннадцать лет...”»³.

Работая над этой главой «Упраздненного театра», Окуджава имел в виду еще один автобиографический роман Авдеенко («Отлучение»), недавно опубликованный в «Знамени», – Авдеенко же, в свою очередь, живописуя «маленького Булата», держал в голове, кем тот стал к 1989 г.: «Бывший начальник коксохимстроя Магнитки Марьясин обосновался неподалеку от старого, демидовских времен, нижнетагильского завода, командует новой огромной стройкой, будущим Уралвагонзаводом. Вместе с ним работает легендарный прораб Днепрогэса и Магнитки Тамаркин, о котором я рассказывал Горькому. Строит крупнейший в мире вагоносборочный цех.

Еду в Нижний Тагил, чтобы написать о Тамаркине очерк для “Правды”.

В парткоме Уралвагонстроя меня встречает смуглый, с блестящими глазами, очень кудрявый и очень веселый, энергичный товарищ – секретарь парткома и парторг ЦК Шалва Окуджава. Он толково посвящает меня в дела строительства. День, вечер и часть ночи провел я в разговорах с Окуджавой. Ужинаю и ночью у него, в рубленом доме, хорошо натопленном и еще сочащемся прозрачной живицей. Сын Окуджавы, маленький Булат, почему-то не сводит с меня глаз. Смотрит, все смотрит и будто хочет спросить о чем-то и не решается. Глаза у него темные, печальные, не улыбочивые.

Утром, когда я возвращался к себе после бритья и душа, обнаружил в своей комнате полуодетого Булата. Он стоял у стола над моим путевым дневником и мучительно, как мне показалось, раздумывал над единственной строкой вверху чистого, в клеточку листа.

Мальчик вспыхнул, увидев меня на пороге, и убежал. Догадываюсь о его состоянии. Первый раз видит живого писателя.

После завтрака Шалва Окуджава показывает мне громадную, неоглядную площадку Уралвагонстроя, потом ведет к Тамаркину»⁴.

К лету того же 1935 г. относится в романе одна из любимых Окуджавой историй – настолько любимая, что трудно судить о ее достоверности: «Когда мне было одиннадцать лет, я уже писал стихи*. Жил я тогда в Тбилиси у дядьки с теткой, и они были моими горячими поклонниками. Каждое стихотворение принималось восторженно. Меня очень любили, и стихи хвалили всегда. Потом дядька сказал: “А почему бы тебе не издать книгу? Книгу своих стихов”. “Действительно!” – подумал я и на следующий день отправился в Союз писателей. В тот момент, когда я к зданию приблизился, к нему подъехала машина. Я отправился вслед за вышедшим из нее человеком, зашел за ним в кабинет и говорю: “Я хочу издать книгу своих стихов!”. “Очень хорошо! – сказал человек (это был председатель Союза писателей Симон Чиковани). – Но у нас нет бумаги...” Я побежал домой и все рассказал дяде. “Сколько надо бумаги?” – спросил дядя, и на следующий день я опять прибежал к тому зданию, но на счастье Симона Чиковани он отсутствовал... Мы все очень смеялись над этим случаем»^{5**}. Дядя, в другой версии рассказа честно обязующийся достать пару килограммов бумаги, – Николай Иванович Попов, муж Сильвии Степановны, в семье которого Окуджава жил с конца 1940 г., переехав из Москвы в Тбилиси через два года после ареста матери: «Посвящаю моему дяде Николаю и памяти моей тети Сильвии» значит перед рассказом «Утро красит нежным светом...», о том, как ушел на войну.

Окуджава не случайно сформулирует в 1980-е гг.: «Я выдумал музу Иронии <...> я дал ей пространства огромные: пари, усмехайся, шали»⁶. Ирония у него направлена обычно на себя,

* О том, что Окуджава предложил создать – и создал – СЮП, Союз юных писателей, вспоминает его одноклассник по нижнетагильской школе № 32 Иосиф Бак: *Бак И.* Детство Булата // *Голос надежды: Новое о Булате.* Вып. 5 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2008. С. 6–12.

** Ср. об этом же случае в другом интервью: «Помню, было мне лет двенадцать, я, как всякий ребенок, пописывал стишки...»⁷

Видимо, предыдущий раз Окуджава был в Тбилиси в 1933 г., вероятно, во время летних каникул: «За какие-то два года многое, оказывается, переменилось. Трехкомнатная квартира на Грибоедовской улице (квартира родителей Окуджавы. – *О. Р.*) <...> перешла во владение тети Сильвии, и они с Люлюшкой покинули Лермонтовскую. Однако как-то неисповедимо для Ванванча исчез Варган Мунтиков, а вместо него возник тридцатилетний высокий, улыбочивый Николай Иванович Попов, преуспевающий бухгалтер-экономист из какого-то там треста. Он обожал тетьку Сильвию, которая была старше его на целых одиннадцать лет...»⁸

на свое – это взгляд на себя со стороны, сбоку, для того и нужно назвать героя автобиографической прозы Андреем Шаминам или Иваном Иванычем (Ванванчем): «...главный герой моего романа не Булат Окуджава – его зовут Иван Иваныч. Мне так легче иронизировать над ним»⁹.

Но ради ироничного описания себя самого роман писать не стоило. В «Упраздненном театре» Окуджаве важно было показать детские попытки писательства – наивные, слабые попытки ребенка, нисколько не претендовавшего впоследствии на гордое звание вундеркинда. Что отличало этого пишущего ребенка от всех прочих пишущих детей? Что позволило ему стать тем, кем он стал? Окуджаве нужно было присвоить своему герою какое-то переживание, которое тревожило бы его и много после, заставляя переоценивать, переосмысливать заслуги и удачи. Весь роман – о сомнениях Шалико и Ашхен, о чувстве вины, которое они пытались побороть, – вины за то, чего они не замечали и чем пренебрегали, строя новое и правильное.

Собственно, об этой вине и весь роман. Но уж если в нем прослеживаются корешки слепоты его собственного поколения, Окуджаве нужна была такая вина, такой эпизод, который помнится всегда, из которого герой, тогда одиннадцатилетний мальчик, не мог бы со временем вырасти: «Ванванч проскользнул в папину комнату, вздохнул и погрузил руку в заветный ящик. Жмурясь и холодея, извлек из кобуры браунинг и покатился по ступенькам. <...> Он терпеливо всем им объяснял, что нельзя спускать предохранитель, а если так, не спуская, то вот... щелк-щелк... <...> Он прицелился в небо и щелкнул. Он прицелился в ствол сосны и щелкнул. Афонька под сосной собирал какие-то ранние ягоды и посматривал на Ванванча хитрым синим глазом. Вдруг он выпрямился во весь рост, прислонился спиной к сосне, рванул ворот рубахи и крикнул: “На, бей революцию!..” Ванванч привычно и легко нажал курок. <...> И тут все увидели, как из-под серой Афонькиной рубашки по серым же штанам расплзается темное пятно. Все сильнее и сильнее... сильнее...»¹⁰

Был этот выстрел или не был (ни двоюродная сестра, ни друг, ближайший с последних классов школы, не знают ничего о достоверности этого эпизода, но Ольга Владимировна Окуджава как-то сказала: конечно, был!), он оказался необходим по замыслу романа. Важно было и то, чтоб эта наделенность виной была именно наследственной: Ванванч стреляет не в кого-то из большой дворовой компании, но именно в лучшего друга – так же точно, как юный Шалико в романе фактически выгоняет из Кутаиси своего бывшего соученика по гимназии и его отца-адвоката. Это

вина личная, но она и наследственная, вина экзистенциальная, но прочно связанная с тем, что происходило в обществе, – Окуджава, конечно, следует здесь за Генрихом Бёллем, за «Бильярдом в половине десятого», давая те же три поколения одной семьи.

* * *

История с дядей Николаем и Симоном Чиковани (в начале 1960-х гг. Окуджава посвятит Чиковани стихотворение «Музыка») – это Тифлис, лето сразу после истории с Афонькой – если она, конечно, была: «После страшного весеннего выстрела прошло лето. На лето мама увезла Ванванча в Тифлис, где он медленно приходил в себя. Синие, переполненные болью глаза Афоньки неотступно были перед ним и не отпускали. У мамы были всякие партийные дела в Тифлисе, а Ванванч отправился с тетей Сильвой и Люлю в Цагвери, в сосновые горы, в прохладу, в деревенскую тишину»¹¹. Возможно, тем летом его успели свозить и в Цагвери, но еще вероятней, что он опять стремится забрать в романе часть материнских обязанностей у Ашхен Степановны и передать их ее сестре Сильвии, которая действительно немало занималась им в детстве, и особенно в тот период, когда он жил у нее после ареста родителей; в любом случае тем летом он ездил отдыхать в Кисловодск с матерью, и ее слова о том, что он «стал поправляться», можно понять не только как отсылку к каким-то детским медицинским сюжетам, но и как намек на тот выстрел в мальчика, в Афоньку, как он назван в романе:

Олечка милая, родная!

Сегодня уже десятый день как мы в Кисл-вке. Булат стал поправляться, главное устроился со мной в одной комнате в санатории. Я тебе уже писала, что первые дни помучались с ним, пока удалось все наладить. 9-го я выезжаю в Москву, с тем чтобы 18–19-го быть дома. Безумно соскучилась и больше сидеть здесь не хочу, тем более, что для всяких процедур Булату достаточно и до 9-го. Плохо то, что он заболел ангиной, вчера была высокая температура, сегодня уже нормальная. Дня два еще придется ему полежать. Ужасно досадно, тем более, что дни очень теплые, солнечные. Следующим письмом пришлю карточку, снимались с Булатом еще не получала. От мамы получила большое хорошее письмо, все письмо посвящено (зачеркнуто: Булату. – *О. Р.*) Витюхе, жажду его увидеть и прижать к своей груди. Олечка, родная, будь здорова, не забывай нас. Привет Галактиону. Целую Ашхен¹².

Письмо адресовано уже одной только Ольге Окуджава и послано не на Махарадзе, 9, где жила Елизавета Павловна, но на квартиру Галактиона Табидзе, улица Жореса, 4, – умерла бабушка Лиза: «Из Цагвери в конце августа они* (Сильвия, Луиза и Ванванч. – О. Р.) воротились в Тифлис, и Урал вновь представлялся вождеденным. Однако в Тифлисе их встретило печальное известие. Не стало бабушки Лизы. Мамина телеграмма не долетела до Цагвери, рухнув от горя где-то в горах»¹³.

Это было начало развала семьи. К бабушке Лизе сходятся в романе все нити, к ней обращены в романе дядья и тетки Ванванча. О ней – Окуджава много и щедро посвящал стихи, но здесь формального посвящения почему-то нет – напишет он одно из ранних своих стихотворений, конца 1950-х гг.:

На дне глубокого корыта
так много лет подряд
не погребенный, не зарытый
искала прачка клад.

Стихотворение о бабушке Лизе, иначе не понять, как в нем оказывается «сын» и почему так важен цвет его волос (братья Окуджава были жгучие брюнеты, но Михаил был светлый).

Корыта стенки как откосы,
омытые волной.
Ей снился сын беловолосый
над этой глубиной.

И что-то очень золотое,
как в осень листопад...
И билась пена о ладони –
искала прачка клад¹⁴.

Этот образ появится через 30 лет в «Упраздненном театре»: «Елизавета стирала, стирала самозабвенно и жертвенно, почти с отчаянием. Ее хрупкие, тонкие, молодые руки ворошили такие груды чужого белья, что хватило бы на целую прачечную»¹⁵. Приступая к роману, Окуджава писал:

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.

* См. в статье М. Гизатулина: апрель 1935¹⁶.

...Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.

...Они в кринолины одеты.
И льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет¹⁷.

Вернувшись в Тагил, Ашхен Степановна пишет в Тифлис:

Олечка милая, родная!

Целуем тебя крепко-крепко. Привет от всех тагильцев. Наконец доехали благополучно. Витюха мой очаровательный мальчик, болтает во всю, все без исключения слова произносятся друг за другом, болтает веселит всех нас. Шалико в январе идет в отпуск, я его уговорила поехать в Цхалтубо а потом н<овый> Афон. Сегодня его снимали, пошлю тебе обязательно. Напиши получила ли ты нашу карточку из Кисловодска. Булат здоров, из Москвы не хотел уехать, в первый же день приезда купили ему лыжи, здес<ь> настоящая зима. в первый ден<ь> приезда было 28 <градусов> мороза, сегодня теплее, весь день было солнечно¹⁸.

«Начало творческой деятельности», говоря языком шаблонным, датировано в романе приездом Авдеенко и летней поездкой в Тифлис. К началу 1936 г. Ванванч уже какое-то время ходит в литературный кружок при «Тагильском рабочем»*, а осенью 1935 г. он пишет все сразу – стихи, прозу: «Так прекрасно шляться по будничной Вагонке, по знакомым местам, по тайге, а вечерами погружаться в приключения Робинзона Крузо или придумывать строчки и воображать, как ахнет бабуся, услышав эти вдохновенные восклицания, и не пушкинские, а его собственные, не «“мороз и солнце – день чудесный...”», а “пушки гремели, выли снаряды, мы все шагали на баррикады...”»¹⁹. Вариации на ту же тему – в стихах, которые Ванванч читает несколькими годами раньше в Евпатории²⁰; Окуджава настойчиво приписывает своему детству упоение героикой Гражданской войны, в «красных и белых» играют Ван-

* См.: «Он вспомнил, что сегодня должно было состояться собрание литературного кружка в редакции “Тагильского рабочего”! Это его немного приободрило: конечно, он был на литературном собрании и читал там свои стихи, и его хвалили...»²¹

ванч с Жоржеттой²² – и это тоже подается как знаковая вещь, хотя в красных и белых играли не только в 1920-е, но и в 1940-е, и в 1960-е, и в 1980-е гг.

«Он будет писателем. Он напишет роман о китайских коммунистах, потому что, как говорит папа, это так просто: китайские коммунисты хотят, чтобы китайские рабочие жили хорошо!..»²³ – вот этот текст, судя по всему, уже действительно существовал. В 1981 г. Окуджаву рассказывал на одном из вечеров о романе: «В 5 классе я решил написать роман почему-то о китайском добровольце. В мои годы это было очень модным тогда: красная армия китайская, знаете... И я, конечно, ничего об этом не зная, сел и стал писать роман. Напридумывал там. Конечно, не закончил – мне это надоело. Но я писал – аккуратно, каждый день по три странички. Обязательно три странички. И если слово не умещалось, то я его переносил на завтра: часть писал сегодня, а остальное – завтра. Таким образом я себя дисциплинировал»²⁴. В «Упраздненном театре» работа над романом обрастает деталями: «Роман был из жизни китайских коммунистов. Название придумалось без промедления: “Ю-шин доброволец”. Герой был похож на Афоньку Дергача... Что-то пронзительно синее клубилось в раскосых глазах Ю-шина, когда он смотрел сквозь прицел винтовки на скрытые фигурки японских оккупантов»²⁵: писательство и чувство вины у героя автобиографического романа Окуджавы возникают в одно время и оказываются как-то связаны друг с другом. И связаны с тем чувством вины, которое мучает его родителей.

Вина была постоянной темой Окуджавы предыдущие 30 с лишним лет, о ней он теперь и писал роман.

* * *

От случайного в студенческой песне 1947 г. (единственной из тех ранних, которую считал «хорошего качества») «Пусть оправдания нет / и даже век спустя...»²⁶ – к вине, которая даже еще не вина, а провинность, грубость, бестактность и потому вполне может быть предметом легкой иронии:

А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее?
– Ты знаешь, а вот офицерские дочки
на нас, на солдат, не глядят²⁷.

Это 1957 г., и во многих стихах Окуджавы рубежа 1950–1960-х гг. есть не озвученная, но подразумеваемая вина. Это и смутные, неясные еще грехи, которые когда-то будут:

А люди в зале плачут-плачут –
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль.

Жалейте, милые, жалейте,
пока жалеется еще,
пока в руке моей гитара,
а не тяжелый автомат²⁸.

Это и очень личные вины:

Расплата за ошибки – она ведь тоже труд²⁹.

Или:

И стыдно мне за мелкие мои старанья
и за непоправимые слова³⁰.

Вина как итог, с которым человек приходит к этому дню, когда «белым флагом струится на пол простыня», а «три сестры, три жены, три судьи милосердных» отпускают «последний» кредит («...две руки виновато губами ловя...»)³¹. А «Песенка о моей жизни» оказывается именно о винах, причем немалых: «А как третья война – лишь моя вина, а моя вина – она всем видна. <...> А как третий обман – он ночи черней, он ночи черней, он войны страшней»³².

Когда играет музыкант, «нет печальных и больных и виноватых нет»³³, а когда человек на войне, он не может не быть виноват, и поэтому ироничное «Как славно быть ни в чем не виноватым / совсем простым солдатом, солдатом»³⁴.

Тема прощения – из тех стихов, которые Окуджава любил читать на вечерах:

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас – за себя³⁵.

И еще из 1960-х гг., «Прощание с осенью» – о расставании, когда приходится вспомнить всю историю отношений и – уже гораздо шире – историю потерь, которые непонятно кому и как простить:

Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»
Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
Но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому³⁶.

Тогда же, в середине 1960-х гг., Окуджава пишет «Прощание с Польшей» – и здесь уже вина не личная, не в отношениях, а вина за молчание – тогда, когда можно вносить и свою лепту в чаемые общественные перемены:

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
в прощанье, и в прощенье, и в смехе, и в слезах.

...Прошу у вас прощенья за раннее прощанье,
за долгое молчанье, за поздние слова...³⁷

Это «Время подарило пустые обещанья», но вина все равно наша или, точнее, моя. Время виновато в том, что виноваты мы – это 1960-е гг., виноват какой-то злой гений – это позже. «Никто не знает, чьей вины / пожаром нас душило...»³⁸, – сказано о войне; или «Да не сотрутса в лукавом забвении / гении нашей кровавой вины!»³⁹; или:

И всякий день, то знойный, то морозный,
нам предстает судьбою нашей грозной.
История нам кажется дурной.
А сами мы?.. А кто тому виной?..⁴⁰

И наконец:

Я знаю этот мир не понаслышке:
я из него пророс,
но за его утраты и излишки
с меня сегодня спрос⁴¹.

Вот об этой вине, не зависящей от того, виноваты ли время или злой гений, роман «Упраздненный театр»: вина за содеянное, помысленное, увиденное определенным образом. Это вина не за то, что выбор был сделан так, а за то, что что-то важное было понято поздно.

Но есть в стихах Окуджавы – здесь уместна сравнительная степень – и еще более иррациональная вина. Это вина, схожая с той, которую в 1963 г. описывал в рассказе «Искупление» Юлий Даниэль: вина не за то, что что-то сделал или чего-то не сделал, а за то, что жил своей жизнью, от чего-то отстраняясь.

Стихотворение о маме – о том, что та, лагерная, сторона жизни была совсем рядом, касалась самого близкого, но легче было держаться от нее на расстоянии:

Метался Ордынкой январской
неведомый мне человек,
наверно, с надеждой гусарской
на стол, на тепло и ночлег.

С надеждой на свет и на место,
с улуйскою розой в руках,
кидался в подъезд из подъезда,
сличал номера на домах⁴².

Вина за присутствие, за не-деланье – иррациональная, потому что нет ответа на вопрос, что должно было делать: за то, что спали, за то, что было хорошо, за то, что было страшно:

Полночную тьму разрезало
неистойвой трелью звонков.
Там кожа с ладоней слезала,
коснувшись промерзших замков.

...Мне слышались долгие звуки,
но я не сбегал во дворы...
И кровоточат мои руки
с той самой январской поры⁴³.

Стихотворение начала 1970-х гг., ироничное и самооправдательное:

Когда погорельцы брели на восток,
и участь была их горька,
он в теплом окопе пристроиться смог
на сытную должность стрелка⁴⁴.

Это объяснение, почему уцелел, почему выбрал вроде бы легкую профессию («...ему не знакомы ни молот, ни плуг...»).

Оправдания нет – уже совсем иначе повторяется случайно брошенная в 1947 г. и тогда еще многозначительно-расплывчатая строчка, поэтому и нужно оправдаться перед сыном («Мой сын, твой отец – лежебока и плут...» – начало этого стихотворения):

И все же, и все же не будь с ним суров
(не знаю и сам почему),
поздравь его с тем, что он жив и здоров,
хоть нет оправдания ему.

Он, может, и рад бы достойней прожить
(далече его занесло),
но можно рубаху и паспорт сменить,
да поздно менять ремесло⁴⁵.

И из стихов 1990-х гг., подводящих итог.

Жесткое стихотворение «Рай», разительно отличающееся от простенького «Рая» тридцатилетней давности:

Я в раю, где уют и улыбки,
и поклоны, и снова уют,
где не бьют за былые ошибки –
за мытарства хвалу воздают.

Как легко мне прощенье досталось!
Так, без пропуска, так, налегке...

...Но, заласканный сладким тем бредом,
дней былых позабыть не могу:
то ли продал кого, то ли предал,
то ли выдал на том берегу⁴⁶.

«Подмосковная фантазия» середины 1990-х гг., подводящая итог, цитирующая «черного ворона», который вьется – «над моею головой»:

Ворон над Переделкином черную глотку рвет.
Он как персонаж из песни над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь его вдохновенный рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца.

И видя глаз прозорливый, и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,

я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо –
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем⁴⁷.

Уже цитировавшееся выше стихотворение об ошибках и расплатах («Душевный разговор с сыном») – вроде бы о том же, о чем была «Шарманка-шарлатанка», но вот другое, позднее и поэтому гораздо более мрачное:

Вот дурацкий манекен, расточающий улыбки.
Я гляжу через стекло. Он глядит поверх меня.
У него большая жизнь, у меня ж – одни ошибки...
Дайте мне хоть передышку и крылатого коня!

...Так чего же я стою перед этою витриной
и, открывши рот, смотрю на дурацкий силуэт.
Впрочем, м н е держать ответ и т у д а идти с повинной,
где кончается дорога... А с него и спросу нет⁴⁸.

В стихотворении, которое Окуджава в последнем сборнике («Чаепитие на Арбате», 1996) поместил в раздел «Шестидесятые», но впервые опубликовал в 1990-е гг., работа и вина соединены – так же как и в стихотворении о няне, уволенной матерью, или, точнее, о матери, уволившей няню:

Подступает мгла могильная,
но... уже совмещены
зов судьбы, ладонь бессильная,
запах пота и вины⁴⁹.

V Дело Шалико Окуджавы

Поэт, прозаик, переводчик, преподаватель литературы и даже редактор, Окуджава не был ни хорошим студентом, ни хорошим учеником. Он не так часто об этом рассказывал, и предметом иронического описания в его прозе это тоже не было, но он дважды оставался на второй год – так, по крайней мере, выходит, если сопоставить разрозненные свидетельства и цифры. Первый раз – в пятом классе, через два года после того, как его мама с гордостью писала родным, что «Булат... стал совсем большой, учится не плохо, читает очень много...»¹.

Автор одного из достаточно подробных и откровенных интервью с Окуджавой Михаил Нодель пересказывал его слова: «Мальчика очень обременяли дворовые заботы, поэтому он остался на второй год в пятом классе»². В этом пересказе, однако, путаются двор и арбатская компания ребят, появившаяся позже, не тогда, когда, несмотря на всю занятость, родители уделяли детям довольно много внимания. Первый раз 5-й класс Окуджава закончил в 1936 г. – это было еще в Нижнем Тагиле, под присмотром бабушки и родителей (не воспользовавшихся, кстати, служебным

положением). Подтверждений этой версии несколько. Первая – в «Упраздненном театре», где сложности с математикой отнесены к 1936 г.: «Учительница смотрела на него с ужасом, падала, пока не взорвалась. “Я вызову твоих родителей, – сказала она, втягивая голову в плечи, – представляю, как огорчится твой отец!” – “Не вызовешь”, – подумал он с внезапной наглостью»³. И вторая: одноклассник Окуджавы Павел Соболев в разговоре 2002 г. свидетельствовал, что они учились вместе в 6-м и 7-м классах школы № 69 на Арбате с 1937 по 1939 г.

«Внезапную наглость» Окуджавы не случайно приписывает своему герою. Он показывает период перед арестом отца как беспокойный, напряженный – для родителей потому, что вокруг проверки и разоблачения (отзвуки того напряжения** в романе – самоубийство инженера Тамаркина, комиссия, расследующая это дело)***, для Ванванча потому, что, как сказал бы сейчас любой

* См.: «Он сидел у себя в комнате, отложив на время математику и географию к завтрашнему дню, и писал продолжение романа»⁴.

** О последнем перед арестом годе Шалвы Степановича см. у С.Д. Алексеева: «Уже в конце 1935 – начале 1936 года Ш.С. Окуджавы подвергся тщательной партийной проверке в связи с поступившим на него заявлением члена партии с 1920 года Клековкина. Этот человек, работавший ранее секретарем парткома Тагилстроя и неоднократно встречавшийся с Ш.С. Окуджавой на различных совещаниях и активах, написал письмо секретарю обкома партии И.Д. Кабакову. В нем он сообщал, что, когда он находился в отпуске в Сухуми, в беседе с ним заведующий культпропом обкома партии Абхазии заявил, что хорошо знает Окуджаву “как бывшего оппозиционера на Кавказе” и что “это его брат был вожаком антипартийных группировок и борьбы против партии”. В ответ на просьбу Клековкина тщательно выяснить “прошлые г. Окуджавы” секретарь обкома партии Иван Дмитриевич Кабаков, хотя и прекрасно знавший Окуджаву, тем не менее вынужден был наложить соответствующую резолюцию о проверке. В ходе ее были запрошены в Тифлисском ГК ВКП(б) копия учетной карточки Ш.С. Окуджавы и выписки из протокола заседания партколлегии Закавказской краевой контрольной комиссии, полностью подтверждающие правильность всех данных, указанных в автобиографии первого секретаря Нижнего Тагила. Эта проверка, подкрепленная поддержкой Серго Орджоникидзе, приезжавшего в Нижний Тагил на Уралвагонстрой, укрепила позиции Ш.С. Окуджавы. Но ненадолго»⁵.

*** В романе об этом расследовании Шалико рассказывает Ашхен: «Она сама пришла с жалобой... впрочем, черт его знает... Хотя, ты знаешь, теперь, после работы комиссии, действительно, многое выясняется...

психолог или школьный учитель, это был «переходный возраст». Таких слов в романе, конечно, нет, но период обозначен очень четко: «Может быть, от этого всего, от этого сумбура, от непривычной и чуждой ситуации с ним стали твориться странные вещи, словно он потерял голову и стал поступать вопреки себе самому... <...> Началось это с пустяка, еще в начале ноября, когда днем явился посыльный из горкома партии и вручил бабушке фанерный ящик с гостинцами к празднику»^{6*}. Первой «странной вещью» оказывается всего лишь желание вскрыть эту посылку. Другие странности – поздние приходы домой⁷, ухаживания и, наконец, почти перед самым арестом отца, в январе 1937-го, Окуджава заставляет Ванванча совершить самый серьезный для его родителей проступок: «...после уроков... на виду у благоговеющей бухгалтерши он позвонил на конный двор горкома партии и сани, горкомовские сани, предназначенные для его отца, потребовал прислать к подъезду школы»⁸.

Эти были прегрешения или какие-то другие, родителям с ними разбираться было действительно некогда. Сообщая Ольге Окуджава о возвращении в Тагил после поездки в Кисловодск и Москву, Ашхен Степановна пишет: «Очень тяжело больна дочка Сиро, осложнение после скарлатины не знаю чем кончится»⁹. Старшая дочка Сиро, Меечка, Инмей, умерла за 20 дней до рождения младшей ее дочери, Аиды, в начале декабря 1935 г.

* * *

23–30 января 1937 г. прошел процесс по делу антисоветского троцкистского центра, газеты публиковали отчеты, всюду искали вредителей: «...утром 3 февраля 1937 года в присутствии других членов обкома Ш.С. Окуджава выступает в прениях на XIII пленуме Свердловского ОК ВКП(б) по вопросу “О большевистской бдительности в партийной организации Свердловской области”, участвует в принятии постановления. В нем, в частности, было сказано: “...в результате ослабления большевистской бдительности

Все не так просто... и саботаж... и письма из-за границы... Тут, знаешь, и меня пытались, что я, мол, просмотрел...»¹⁰

* В «Упраздненном театре» этот случай датируется ноябрьскими праздниками 1936 г., а в интервью Окуджава относит его к Новому году: «Я помню, однажды под Новый год пришел человек из горкома, принес ящик с мандаринами, грецкими орехами, шоколадом. Я ничего подобного в городе не видел, и был счастлив, и вождедел... Но бабушка сказала: до папы не трогать. Вечером вернулся отец. Пришел в жуткую ярость, позвонил в горком, устроил скандал, велел забрать немедленно!»¹¹

сти, допущения политического ротозейства и слепоты в крупнейших городских и районных партийных организациях области (Свердловск, Пермь, Первоуральск, Тагил и другие) до самого последнего времени сидели на ответственных постах и безнаказанно вели подрывную работу заклятые враги партии и народа – троцкисты-вредители, шпионы, диверсанты»¹².

Следующий документ, о собрании городского партийного актива, состоявшемся через неделю, 9–10 февраля 1937 г.:

Присутствуют 503 человек

<...> Выступили в прениях:

Т. Окуджава: Вина Тагильского горкома огромна. Мы не разоблачили гнусную шайку бандитов Марьясина и др., которые вредили народу и готовили убийство наших руководителей, которые приезжали помогать нам в работе. Мне, <как> руководителю парторганизации, было поручено руководить, организовывать массы на бдительность, но эту задачу я не выполнил и допустил грубую ошибку. Для меня тем более это тяжело и я должен это учесть, что у меня в прошлом были троцкистские ошибки и мои братья контрреволюционеры^{13*}.

Пафос выступления Шалвы Степановича одновременно и обличительный, и покаянный: видимо, к этому времени уже арестованы старшие братья, арестована Ольга, а полтора месяца назад, 23 декабря 1936 г., был арестован Лазарь Миронович Марьясин, начальник строительства Уралвагонстроя¹⁴.

Они были дружны: «Помню, нашу семью как-то пригласил на шашлык Ш.С. Окуджава**», – пишет сын Марьясина Илья Лазаревич. – Был там и красивый курчавый, и стройный мальчик, одетый в черкеску – Булатик. При нашей встрече много лет спустя я ему об этом напомнил, и он не забыл тоже»¹⁵ (в другом

* В романе это выступление датировано достаточно точно: «...Минул январь <...> А Шалико выступил на партактиве и заклеил, как планировалось, шаткую и небольшевистскую позицию Валясина (Марьясина. – О. Р.). Валясин обуржуазился, утратил принципиальность и проявлял терпимость ко всяким антипартийным настроениям. В газете “Тагильский рабочий” было помещено это грозное выступление и фотография выступающего Шалико»¹⁶.

** Ср. в другом месте: «Мы с моим двоюродным братом Люстиком и моими родителями бывали у них, в том числе в их загородном доме. Здесь, кстати, я впервые в жизни ел приготовленный Шалвой Степановичем шашлык»¹⁷.

месте: «Булаг довольно часто навещал нас и иногда оставался у нас ночевать»¹⁸).

Им друг с другом было достаточно комфортно и отдыхать, и работать: «В Магнитогорске я был в конце сентября 1934 года. Поехали мы туда вместе с Марьясиным посмотреть завод. Пробывали мы там с утра до вечера и в вагоне Марьясина вернулись обратно. Инициатива поездки принадлежала Марьясину»¹⁹ – это уже из показаний Шалвы Степановича на третьем допросе, 22 февраля 1937 г.

Та поездка (вероятно, Марьясин хотел показать, чего он добился на Магнитке²⁰) и эти визиты друг к другу происходили несмотря на резкую критику в адрес Марьясина, которую пришлось выслушать Шалве Степановичу еще в 1933 г.: «Впервые я имел разговор с Ломинадзе в г Свердловске на областной партконференции в конце 1933 года. Он тогда возмущался строительными кадрами Марьясина, в частности Вольфсоном, который стр<оил> смоло-перегонный завод на Магнитке»²⁰. Марьясин к этому времени всего полгода как, сменив Столбова, возглавил стройку завода: завершить стройку предполагалось в 1932 г., но «строительная площадка представляла собой болото и лес»²¹, а Марьясин и Окуджава строили к зиме бараки и магазины.

Шалва Степанович довольно долго поддерживал Марьясина: сначала старался с ним не бороться, затем: «Окуджава ...приспосабливаясь к критике, которая велась в организации против Марьясина, иногда выступал против него с резкими репликами и замечаниями, но при этом всегда осаживал критикующих, заявляя о том, что ставить вопрос о Марьясине организация не может, что он ставил этот вопрос, но его предложение отклонили и т. д., оправдывая подрывную деятельность Марьясина ссылкой на отсутствие материалов и сводя этим существо подрывной деятельности его к отдельным ошибкам»²² – это из постановления пленума^{**}.

* См.: «Лазарь Миронович Марьясин родился в 1896 году. Учился в Киевском политехническом институте. Член партии с 1919 года. В 1921–1923 годах являлся сотрудником Киевского губернского коммунального отдела. В 1925–1929 годах работал в системе Госторга. С 1929 по июнь 1933 года был начальником строительства Магнитогорского коксохимического комбината, где под его руководством было построено три коксовых батареи и четвертая подготовлена к пуску»²³.

** Из статьи М. Михайлова «Ненависть», здесь цит. по рукописному журналу тагильского общества краеведов (Тагильский краевед.: [Журнал тагильского общества краеведов]. 1991. № 11. [Рукопись]): «И вот теперь, когда враг пойман с поличным, стало ясно, что такое Окуджава.

Из показаний Шалвы Степановича на допросе: «До момента разоблачения Марьясина как активного участника к<онтр>-р<еволюционной> троцкистской организации я не знал, что Марьясин вел троцкистскую работу за исключением того, что *мне было известно по его партдокументам, что он примыкал к троцкистской организации в 1923 году*»²⁴ – выделенные здесь курсивом слова в протоколе допроса подчеркнуты карандашом, видимо, как материал для обвинительного заключения. Они были ровесники, они прошли похожий путь. И уже во время следствия Шалва Степанович, до того, видимо, сомневавшийся, пытавшийся понять, что происходит, принял решение, как вести себя в этой ситуации гротеска: «...даже на очной ставке в НКВД с бывшим начальником Уралвагонстроя, Л.М. Марьясиным, сломленным непрерывными допросами (и давшим требуемые показания на Ш.С. Окуджава. – О. Р.), Ш.С. Окуджава, ранее критиковавший его, твердо стоял на своем и заявил, что не считает ни себя, ни его “врагами народа”»²⁵.

Стало ясно, что его “борьба” с Марьясиным была необходимым средством маскировки <...> Стало ясно, что создание славы “инженера трех эпох” активному члену контрреволюционной группы Тамаркину нужно было для того, чтобы отвести глаза от матерого врага. Стало ясно, почему партком Уралвагонстроя, возглавляемый Окуджава, уклонился от обсуждения вопроса о неудачном покушении на товарища Серго Орджоникидзе, организованного на площадке в августе 1934 года. Стало ясно, почему Окуджава выдал новые партийные билеты в 1936 году троцкистам Марьясину, Бурову, Тамаркину и другим...» Статья «Ненависть» в «Тагильском рабочем» вышла 22 февраля 1937 г., уже после ареста Шалвы Степановича.

«Инженер трех эпох» – так назывался опубликованный в «Правде» очерк Александра Авдеенко о Тамаркине. Ради встречи с Тамаркиным Авдеенко и приезжал в Нижний Тагил, собирался писать о нем роман. Героем романа Тамаркин не стал. Ближайший друг арестованного Марьясина, то ли не желая давать о нем показания, то ли понимая неизбежность собственного ареста, Тамаркин покончил с собой²⁶.

О Тамаркине: «С Марьясиным работал другой незаурядный человек – Моисей Александрович Тамаркин. Вместе они прошли Магнитку, вместе приехали на Уралвагонстрой. Тамаркин возглавлял строительство крупнейшего объекта – вагоно-сборочного корпуса протяженностью около километра. Строительное управление под его руководством было передовым в части внедрения новинок строительного производства, поисков и освоения методов его организации, различных новых конструкций»²⁷.

Против «гнусной шайки бандитов Марьясина и др.» Шалва Степанович выступал 9–10 февраля 1937 г., а уже «16 февраля в Нижний Тагил прибыл член бюро ОК ВКП(б), начальник политуправления Уральского военного округа Зиновьев. На закрытом заседании созданного бюро и аппарата горкома партии в присутствии Ш.С. Окуджавы было заслушано постановление бюро обкома ВКП(б) от 15 февраля 1937 года об освобождении Окуджавы от работы первым секретарем Тагильского горкома ВКП(б) и о рекомендации пленуму избрать на его место Пальцева. Члены бюро поддержали решение обкома, освободили Окуджаву от обязанностей секретаря и вывели из своего состава»^{28*}.

На том же пленуме были исключены из партии Шалва Окуджава и его жена: «В принятом пленумом (17–18 февраля. – *О. Р.*) постановлении пунктом первым записано: “Исклю-

* Из постановления пленума: «Одобрить решение Свердловского обкома ВКП/б/ об освобождении т. Окуджава от обязанностей первого секретаря Тагильского горкома ВКП/б/.

Вывести т. Окуджава из членов бюро и пленума горкома ВКП/б/.

Избрать первым секретарем горкома ВКП/б/ – Л.Н. Пальцева, освободив его от обязанностей второго секретаря горкома и заведующего отделом парткадров»²⁹.

На следующий день в «Тагильском рабочем» – статья «Развернуть самокритику в Тагильской парторганизации»: «Распространению троцкистской заразы в организации способствовали гнилые методы, гнилой стиль руководства в практике работы первого секретаря горкома Окуджава»³⁰.

И далее: «Достаточно вспомнить, как проходила 5–7 января с. г. последняя городская партийная конференция (Ср. другую датировку, указанную С.Д. Алексеевым: с 4 по 6 января 1937 г. На этой конференции “Ш.С. Окуджава был единогласно избран членом горкома, а 7 января на I пленуме и первым секретарем городского комитета партии”. – *О. Р.*)³¹. Ни одного слова не было произнесено о крупнейших недостатках работы горкома и его первого секретаря Окуджава. На конференции не было острой критики доклада Окуджава, который скрывал неудовлетворительное состояние партийной работы... <...> В 1923 году Окуджава колебался, сомневался в правильности генеральной линии партии, боролся против нее, примыкая к троцкистам. Тем более необходимо отметить, что в материалах процесса над антисоветским троцкистским центром фигурировал в числе активных организаторов контрреволюционного троцкистского подполья М. Окуджава – брат секретаря Тагильского горкома ВКП(б) Окуджава Ш.»³².

чить Окуджава, как троцкиста-двурушника, из членов ВКП(б). Исключить из кандидатов в члены пленума горкома и из членов ВКП(б) Налбандян, прикрывавшую двурушничество троцкиста Окуджава»». 14 марта 1937 г. XIV пленум Свердловского обкома партии исключил из своего состава Ш.С. Окуджава уже с формулировкой «как врага народа»³³ – это после ареста Шалвы Степановича и всех его пяти допросов, последний из которых – 7 марта.

Ашхен Степановна, видимо, была уволена сразу же: «Подхалимство, угодничество, отсутствие самокритики, чиновничество привели к тому, что зам. секретаря райкома подвизалась Налбандян, жена троцкиста Окуджава, и не была нами разоблачена»³⁴ – это из «Тагильского рабочего», где 22 февраля сообщалось о состоявшемся 20 февраля пленуме Сталинского райкома ВКП(б).

В романе, говоря об аресте отца, Окуджава называет точную дату: 8 февраля 1937 г. В этот день Ванванч «увидел на столе газету “Тагильский рабочий”. <...> И тут он узнал, что его отец, Шалва Степанович Окуджава, освобожден от должности первого секретаря горкома за развал работы, за политическую слепоту, за потворствование чуждым элементам, за родственные связи с ныне разоблаченными врагами народа...»³⁵. Все это узнать можно было из статьи в «Тагильском рабочем» от 17 февраля. На следующий день Шалва Степанович был арестован – 18 февраля³⁶, на второй день работы пленума горкома, в день, когда застрелился Орджоникидзе. Дата 8 февраля подменяет ту, настоящую, похожую на нее внешне: стремясь быть максимально достоверным, Окуджава, видимо, не хотел обнажать большие даты.

* * *

Шалва Степанович Окуджава вряд ли мог избежать ареста: «ротация кадров» означала истребление людей его уровня; кроме того, он был брат человека, вступившего когда-то в полемику и с Берия, и со Сталиным; и, наконец, он был человек Орджоникидзе**, а дело Каменева и Зиновьева 1936 г., по которому проходил и бывший начальник управления новостроек Наркомата тяжелой

* В материалах дела сообщается, что Ш.С. Окуджава «содержится под стражей в Свердловской тюрьме»³⁷.

** Об отношении его к Марьясину рассказывает сын Лазаря Миронича: «После ареста папы Орджоникидзе не побоялся принять мою маму в Кремле. Она рассказала об их разговоре. “Каких людей я потерял! Работать не с кем. Зачем я на него кричал!” – сокрушался Серго. Вскоре он застрелился»³⁸.

промышленности СССР Иван Никитич Смирнов*, и январский процесс 1937 г., на котором одним из основных обвиняемых был Пятаков, его заместитель на посту наркома тяжелой промышленности, означали ослабление позиций Орджоникидзе. На том же процессе Радека–Пятакова – за месяц до допросов Шалвы Степановича – упоминались преступления и Мдивани, и Марьясина³⁹. О Марьясине и Шалико Окуджава в феврале 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) говорит в своем докладе «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» Молотов, именно так, по-домашнему, его и называя.

В преддверии пленума, как раз в те дни, когда был арестован Шалва Степанович, «в Тагил прибыла комиссия во главе с начальником Главстройпрома Гинзбургом и кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Павлуновским для проверки вредительских дел на УВС (Уралвагонстрое. – *О. Р.*)»⁴⁰ – одна из комиссий, созданных Орджоникидзе для проверки подведомственных ему организаций, о работе которых, как и о результатах поездки комиссии, он должен был 28 февраля делать доклад⁴¹ на пленуме ЦК ВКП(б) – том самом, на котором Сталин сообщил, что «страна оказалась в чрезвычайно опасном положении из-за происков многочисленных саботажников, шпионов и диверсантов»⁴² и где надлежало рассмотреть вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова, арестованных во время пленума.

Но 18 февраля Орджоникидзе застрелился. Вместо него сделал доклад Молотов: «Дело идет о крупнейшем вагоностроительном заводе, который должен в ближайшие годы давать главную массу вагонов современного типа. Во главе этого строительства в течение ряда лет стоял активнейший вредитель Марьясин, причем секретарем партийного комитета на Уралвагонстрое был также вредитель – троцкист Шалико Окуджава. Несколько месяцев, как эти вредители разоблачены. Казалось, надо было из этого извлечь соответствующие уроки. Насколько мы сумели это сделать, – видно из следующего.

В феврале этого года по поручению Наркомтяжпрома для проверки вредительских дел на Уралвагонстрое выезжала специальная авторитетная комиссия. Во главе этой комиссии были поставлены такие товарищи, как начальник Главстрой-

* Иван Никитич Смирнов, член ЦК с 1920 г., нарком почт и телеграфов, был, так же как и Пятаков, исключен из партии за оппозиционную деятельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Именно о нем, о его покаянном письме, так пренебрежительно писал Котэ Цинцадзе Троцкому.

прома тов. Гинзбург и кандидат в члены ЦК ВКП(б) тов. Павлуновский. К каким же выводам пришла эта комиссия? Комиссия так сформулировала общие свои выводы по Уралвагонстрою: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития» <...> Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. Получается, что матерый вредитель Марьясин вместе с другим вредителем, Окуджавой, сами на себя наклеветали. Между тем, пока комиссия ездил на Урал, Марьясин дал новые показания, где более конкретно указывает, в чем заключалась его вредительская работа на стройке»^{43*}.

На допросах Шалву Степановича спрашивали о его отношениях и с Пятаковым**, и со Смирновым***, и с Бесо Ломи-

* В.З. Роговин пишет: «Павлуновский был вскоре арестован и расстрелян. Гинзбург, доживший до наших дней, в своих воспоминаниях пишет, что для него остается загадкой, почему после этих слов Молотова он не только не был репрессирован, но даже был повышен в должности: назначен в 1937 году заместителем наркома тяжелой промышленности, а в 1939 году – наркомом строительства СССР (Вопросы истории КПСС. 1991 <.> № 3. С. 45)»⁴⁴.

** О Пятакове Шалву Степановича спрашивали на первом допросе: «Вопрос: Вы с Пятаковым были знакомы? <...>

Ответ<:> За весь период знакомства я встретился с Пятаковым три-пять раз. Из них два раза на площадке Уралвагонстроя, один раз <нрзб> вагоне в Кировграде и два раза в Москве»⁴⁵.

*** Из протокола первого допроса, от 21 февраля: «Вопрос <:> Ваши утверждения не верны. Следствие располагает материалами о том, что по приезде Буянского на Уралвагонстрой вы у него справлялись о Смирнове. <...>

<...> Ответ<:> Это неправда. Я не мог так спрашивать Буянского о Смирнове уже хотя-бы потому, что видел Смирнова единственный раз в жизни осенью 1932 года в Главтрансмашстрое во время подготовки проекта решения ЦК ВКП(б) по Уралвагонстрою»⁴⁶.

Из обвинительного заключения: «Будучи организационно связан с активными троцкистами из руководящего ядра параллельного анти-советского центра Пятаковым и Смирновым, по заданиям последних ОКУДЖАВА в 1934 году прибыл в гор. Н-Тагил в качестве секретаря парткома Уралвагонстроя, где связался о террористами, шпионами и диверсантами ТУРОК (осужден), МАРЬЯСИНЫМ (осужден), БУЯНОВСКИМ (осужден) и др. и принимал активное участие вместе с ними в проводимой ими контрреволюционной работы»⁴⁷. Видимо, ошибка

надзе*, застрелившимся за два года до того, и с Гвахария**, пятнадцать лет назад проповедовавшим «национал-уклонизм» среди московских студентов, и, конечно, с родными.

Из обвинительного заключения от 3 августа 1937 г.:

Изобличается показаниями участников организации МА-РЬЯСИНЫМ, БУЯНОВСКИМ, ТУРОК, ЦИНЦАДЗЕ, а также проведенной очной ставкой ОКУДЖАВА с МАРЬЯСИНЫМ (л<исты> д<ела> 28–35, 45, 40–53, 60–66).

На основании изложенного:

ОКУДЖАВА Шавва Степанович <...> обвиняется в том, что:

- а) является участником контрреволюционной троцкистской террористической организации, осуществившей 1/ХП-34 года злодейское убийство С.М. Кирова и подготовлявшей в последующие годы (1934–<19>36) террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства***;

и должно быть «Буянский». Та же ошибка сохраняется и в других местах «Обвинительного заключения».

С.А. Порошин: «1 апреля 1937 года Высшей коллегией Верховного суда СССР Л.М. Марьясин был осужден к высшей мере наказания»⁴⁸.

* Конфликт Ломинадзе со Сталиным начался в 1930 г. на Пленуме ЦК: «Сталин окрестил наши выступления как право-левацкий блок Сырцова–Ломинадзе и навязал Пленуму соответствующую резолюцию. Сырцова сняли с поста председателя Совнаркома и вывели из ЦК, и я был выведен из ЦК, перестал быть первым секретарем Закавказского крайкома. <...> И я заговорил. Стоял, прямо, в упор, смотрел на него и говорил. В самом кратком виде повторил все, что говорил три года назад на Пленуме. Он швырнул в меня черной курительной трубкой, выругался по-грузински... С того дня я ждал кары, но... состоялось решение о назначении парторгом ЦК на Магнитку. Серго выручил»⁴⁹. Ломинадзе застрелился в начале 1935 г., чтобы избежать ареста.

** Из обвинительного заключения: «Произведенным по делу расследованием установлено:

ОКУДЖАВА Ш.С. в конце 1922 года находясь на учебе в гор. Москве, возглавлял контрреволюционную националистическую группу, состоящую из числа студентов Московского Государственного университета.

В то же время установив связь, вошел в состав троцкистской группы, возглавляемой активными троцкистами ГВАХАРИЯ, ЕШБА и др.»⁵⁰.

*** Из обвинительного заключения: «ОКУДЖАВА был в курсе всей контрреволюционной террористической шпионско-диверсионной дея-

- б) с 1934 года будучи связан с руководящим ядром антисоветского троцкистского центра Пятаковым, Смирновым совместно с ними организовывал террористическо-диверсионные группы на Уралвагонострое и железно-дорожном транспорте;
- в) вместе с МАРЬЯСИНЫМ, ТУРОК, БУЯНОВСКИМ организовывал теракт в августе месяце 1934 г. против тов. Орджоникидзе;
- г) активно вел разрушительно-вредительскую работу на Уралвагонострое,

т. е. в преступлении предусмотренном ст. ст. 58–7, 58–8 и 58–11 УК РСФСР.

ОКУДЖАВА Ш.С. подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, в порядке закона от 1/ХП-34 года»⁵¹.

Дело Шалвы Степановича длилось почти полгода, и почти полгода, уже после допросов, он ждал решения суда. После принятия обвинительного заключения все произошло очень быстро: «Приговор о расстреле Окуджавы Шалво Степановича приведен в исполнение в гор. Свердловске 4.8.1937 г.»⁵².

* * *

В «Упраздненном театре» арест Михаила, Николая и Владимира Окуджавы датируется осенью 1936-го, Ольги и Александра – февралем 1937-го. Однако 19 февраля, на первом допросе, Шалва Степанович, рассказывая о своей семье, упоминает не всех и не все, видимо, уже произошедшие аресты. В графе «Состав семьи» значится: «Брат – Окуджава Владимир живет в Тифлисе пенсионер бывший эсер-террорист. Брат Михаил арестован как активный троцкист. Брат Александр прапорщик старой армии в 1934 г осужден за воровство»⁵³. Шалва Степанович мог об этом и не знать, но арестованы были Ольга и все шесть братьев Окуджавы, и, кроме младшего, Василия, к политике не имевшего никакого отношения и выпущенного по болезни, не вернулся никто.

Михаил Окуджавы был арестован чуть раньше Шалвы и расстрелян за месяц до него. “Бюллетень оппозиции”, издавав-

тельности ТУРОК, МАРЬЯСИНА, БУЯНОВСКОГО, ОЛЬХОВСКОГО, (все осуждены), а также был в курсе подготовки терактов против тов. Молотова и Кагановича (л<исты> д<ела> 28–31, 46, 47, 66–68)»⁵⁴.

* Гораздо более подробно материалы дела Ш.С. Окуджавы приведены в: «Убили моего отца...»: Из материалов расстрельного Дела // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 4 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2007. С. 133–152.

шийся Троцким, сообщал: «10 июля в тифлисской “Заре Востока” появилось сообщение о том, что накануне, 9 июля, Верховный Суд Грузинской Республики, в одно-дневном закрытом заседании, в порядке декрета от 1 декабря 1934 г. (без защитников, без права апелляции, немедленное приведение приговора в исполнение) рассмотрел дело Б. Мдивани, М. Окуджава, Торошелидзе, Курулова, Чихладзе, Элиава и Карцивадзе. Подсудимые были обвинены в “шпионской, вредительской и диверсионной работе”, которую они вели “в пользу фашистских кругов (?) одного иностранного государства” и в “подготовке террористических актов”. В сообщении нет и сорока строк, и “Заря Востока” не дает никаких других данных об этом “процессе”. Она лишь печатает в следующем номере (от 11 июля) – на первой странице передовую и резолюции с требованием расстрела осужденных; а на последней (в “хронике”) – сообщение о том, что приговор уже накануне был приведен в исполнение <...> Наиболее известные из казненных – Буду Мдивани и Михаил Окуджава, наряду с Сергеем Кавтарадзе и Коте Цинцадзе были строителями, сперва большевистской партии, позже советской власти на Кавказе <...> Еще в 1922 г. Мдивани с товарищами вступили в острый конфликт со Сталиным из-за национальной политики в Грузии <...> Мдивани, Окуджава и их друзья были грубо выгнаны с Кавказа. Этот конфликт лежит у истоков последнего дела Мдивани»⁵⁵.

О судьбе своего дяди Николая Окуджава рассказывал в интервью Ирине Ришиной: «Вскоре после XX съезда партии я получил письмо от незнакомого человека. Увидев в газете мою фамилию, он решил выяснить, не являюсь ли я родственником Николая Окуджавы, с которым его свела лагерная судьба. От него я и узнал, что Николай оказался в числе трех тысяч заключенных, которые были расстреляны из пулеметов в долине реки Янги-ага»⁵⁶.

Ольга Окуджава была расстреляна в лагере во время войны, когда наступали немцы:

Тетя Оля, ты – уже история:
нет тебя – ты только лишь была.
Вот твоя ромашка, та, которая
из твоей могилки проросла.

...А на фото свадебном, на тусклом,
ты еще не знаешь ничего:
ни про пулю меж Орлом и Курском,
ни про слезы тайные его⁵⁷.

Это свадебное фото Ольги Окуджава и Галактиона Табидзе висело у Окуджавы дома в Безбожном (Протопоповском) переулке, его он опубликовал в «Упраздненном театре».

Осталась только Маня, жившая в Москве, сменившая фамилию, далекая от политики, как и младший брат, которого дальше уже пестовала она – так же как и детей Шалико. То, что ее не арестовали, удивительно: Шалва Степанович, видимо, не понимая, чем это может ей грозить, но стараясь быть совершенно искренним, несколько раз ее поминал на допросах. Семьи, большой, любящей, какой запомнил ее Окуджава и какую старался изобразить в романе, уже не было.

* * *

Из интервью 1990 г.:

Все сложно. И я не могу, как некоторые мои товарищи, писать с придыханием о своем убитом отце, его братьях. Мне прислали вырезки из газеты «Тагильский рабочий» 37-го года. Идет пленум горкома партии, выступает мой отец и клеймит такого-то. Еще номер – следующий пленум, выступает заместитель моего отца и предает анафеме его. Третий номер – опять пленум, теперь «врагом народа» объявлен тот зам... Это какой-то кошмар! Все переплелось, перепуталось. Я как сын люблю своего отца и верю, и знаю, что бесчинств он не творил. Но проживи больше, может, и не уберется бы, кто знает, на что толкнул бы его «сталинский гений»...¹

* * *

М. Михайлов, «Ненависть», «Тагильский рабочий», 22 февраля 1937 г.:

Совсем недавно, в начале января, на городской партийной конференции в словах Окуджавы нельзя было видеть даже и деланной искренности. Таким же он был и на последнем собрании партийного актива 9–10 февраля².

* * *

Справка от 30 ноября 1955 г., подписанная военным прокурором отдела ГВП:

В деле имеется копия письма <пропуск> от члена партии <пропуск> (Азербайджан), в котором названы лица, ведшие борьбу против партии в Моск<овском> Госуд<арственном> Университете в 1923–<19>24 гг.

об ОКУДЖАВА и НАБОЛДЯН (жена ОКУДЖАВА) сказано:

«т. Окуджава – в 1923–1924 г.г. принимал активное участие в борьбе против партии в яч. ЭКО Фона I. МГУ (Нижний Тагил).

НАБОЛДЯН – жена ОКУДЖАВА тоже самое». Никаких фактов и других данных <пропуск> не привел.

Всего им таким путем названо 12 чел. Материалов, относящихся к проверке этого письма в деле нет.

<пропуск> просил сообщить в соответствующие парторганы это его заявление для проверки.

Заявление датировано 3.IX.1936 г.

Никаких других компрометирующих ОКУДЖАВА материалов не имеется³.

* * *

И наконец, последний документ:

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № ун–06062/56

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Заседание 28 апреля 1956 года:

«...Окуджава виновным себя не признал и обвинение основывалось на показаниях арестованных по другим делам Марьясина, Буянского и на непроверенных заявлениях Турок и Цинцадзе, которые Окуджава категорически отрицал.

Утверждения Марьясина и Буянского о преступных связях Окуджавы с Пятаковым, Абрамовым, Коротковым, Моска-

левым, Ломинадзе и Зубаревым опровергнуты материалами проверки дела.

Пятаков, Зубарев и Москалев никаких показаний об Окуджава не дали; Абрамов, Коротков ни в чем себя виновными не признали и опровергали показания Марьясина; Ломинадзе ничем не скомпрометирован.

Цинцадзе при проверке не подтвердил своего письма об Окуджава, объяснив, что оно было написано под давлением следователя.

За наезд поезда на служебный вагон т. Орджоникидзе были осуждены Занусин и др., по делу которых Окуджава не скомпрометирован.

Обвинение Окуджава во вредительстве опровергнуто материалами дополнительного расследования, свидетельствующими, что актов вредительства на Уралвагонстрое не установлено (листы дела 167–170).

Работники УНКВД Свердловской области Шахов и др., расследовавшие дело Окуджава, осуждены за фальсификацию следственных дел.

Таким образом Прокуратура приходит к заключению о том, что Окуджава был осужден необоснованно.

Проверив материалы дела, соглашаясь с заключением Прокуратуры и руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР определила:

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 4 августа 1937 года в отношении Окуджава Шалвы Степановича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления⁴.

VI
«Шестидесятникам не кажется,
что жизнь сгорела зря»

В конце 1950 – первой половине 1960-х гг. Окуджава много писал о «нас»: мы, выросшие в московских дворах, мы, уходившие из этих дворов на фронт, мы, мечтавшие о чем-то, о чем тогда мечтали все, мы, так видевшие. Само слово «поколение» ему тогда было не нужно – несколько раз он писал о «поколении», но это слово тащило за собой все значения, которые в то время с ним ассоциировались: новое поколение, «ленинцы», второе, «военное», поколение новой жизни после первого – «революционного». Тогда же, когда он писал «Леньку Королева» и «До свидания, мальчики», этот привкус ему мешал – хотя, конечно, не только о компании с одного двора эти песни, они вообще о погодках, о сверстниках.

И вдруг на рубеже 1980–1990-х гг. оказалось, что ему нужно это слово – «поколение». Оно понадобилось тогда, когда в стране стали происходить такие перемены, что возникла необходимость описать свой собственный опыт – но не историю частного человека, а путь, который прошли многие.

Слово «шестидесятник», прочно закрепленное за XIX в., в конце 1950-х гг., где-то вокруг журнала «Юность», стало использо-

ваться по отношению к 20–30-летним, которые – столько перемен произошло в последние несколько лет! – реализуются в 1960-е гг. как-то так, как не смогли реализоваться старшие. Возможно, впервые в новом, нынешнем, значении хотела использовать это слово в одном из своих рассказов Руфь Зернова (заметим: это старшее [среднее?] поколение характеризует следующее, только подходящее, еще не реализовавшееся), но ей это слово использовать в названии рассказа не дали, хотя очень скоро, в последнем номере журнала за 1960 г. (взгляд вперед, утверждение, назначение, еще совсем не рефлексия), оно прозвучит в статье Станислава Рассадина, которая так и называется – «Шестидесятники». Что это за поколение? Скорее поколение Рассадина, чем Зерновой, но через 25 лет к шестидесятникам себя причислит Окуджава, по году рождения более близкий к Зерновой, чем к Рассадину. Очень много значений у этого слова, самые разные люди себя причисляют к шестидесятникам (еще одно значение – поэты-эстрадники, выступавшие в Политехническом и Лужниках, – Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, но с ними же выступал и Окуджава). В стихотворении, опубликованном в январе 1986 г. («Почему мы исчезаем, оставляя дым и пепел...»), Окуджава, глядя на свое поколение глазами «новой когорты», показывает опыт шестидесятников как опыт постоянного поиска, слова:

Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет *надежный* путь?
Может, *новая когорта*
из людей *иного сорта*
изловчится как-нибудь?

Всё чревато повтореньем.
Он, объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.
И *грядущим поколеньям*,
обоженным нетерпеньем,
тоже э т о предстоит^{1*}.

Э т о действительно сформулировать трудно – метания, из-за которых путь был «ненадежен» у «докапывающихся» «до истока», чтобы «миру истину открыть»². «Метания» оказываются устойчивой у Окуджавы характеристикой поколения шестидесятников: например, в стихотворении «С последней каланчи, в

* Курсив в цитатах мой. – О. Р.

Сокольников стоящей...», описывающем картину Бориса Биргера, на которой изображены поминки по Борису Балтеру, есть строки: «И на пиру на том, на празднестве тягучем, / я, видно, был один, как рекрут, не обучен, / как будто бы не мы *метались* в том огне, / как будто тот огонь был неизвестен мне»³. Окуджава обращается к «миру» – в том числе и к тем самым «грядущим поколениям», которые, надо понимать, «обожжены нетерпением» отказаться от полученного наследства, оторвавшись от э т о г о. В давнем стихотворении конца 1950-х гг. («Мое поколение») тоже было обращение к «идущему за нами поколенью»:

Ребята, когда нас выплеснет из окопа четкий приказ,
не растопчите этих цветов в наступленье!
Пусть синими их глазами глядит и глядит на нас
идущее за нами поколение⁴ –

но тогда оно должно было брать с «нас» пример, а сейчас оно не должно «нас» осуждать, вместо преемственности – разрыв, вместо позитивной – негативная идентичность.

Метания сразу задают иной образ пройденного пути, это уже не устремленная в бесконечность прямая дорога, по которой идут все – все поколение и все поколения. Потерялась цельность всего пути, и вместо устремленности в будущее – обращенность в прошлое.

«Грядущие поколенья», лишённые опыта старших, не видящие, откуда у тех страхи и робость («Через два поколения выйдут на свет / люди, которых сегодня нет. / Им будут странными страхи мои, / искаженный овал моего лица. <...> Им будет робость моя чужда, / они раскованней будут и злей...»⁵), несмотря на это преимущество, не будут ни чище, ни мудрее. Однако, хоть вряд ли заинтересуются и вряд ли поймут, о чем речь, именно они становятся той инстанцией, которой необходимо рассказать о себе.

В «Моем поколенья» (опубликовано в 1988 г.) – вновь декларация, как и в одноименном тексте 1953 г.:

Всего на одно лишь мгновенье
раскрылись две створки ворот,
и вышло мое поколение
в свой самый последний поход.

Да, вышло мое поколение,
усталые сдвоив ряды.
Непросто, наверно, движенье
в преддверии новой беды⁶.

Предыдущие походы – это и борьба за будущее, и война, и шестидесятничество-диссидентство, и перестройка. Стихотворение написано как раз тогда, когда Окуджава задумывал «Упраздненный театр»: последний поход заключался в том, чтобы сказать Слово, передать опыт – написать роман об истории собственного поколения.

* * *

В интервью 1976 г. Окуджава так ответил на вопрос, почему он пишет исторические романы: «...есть литераторы, которые могут описывать только то, что пережили сами; есть такие, которые, напротив, наиболее удачливы в своих работах, рожденных из пены фантазий и вымысла; есть литераторы, для пера которых вчерашний день теряет свою привлекательность, и только торопясь по свежим следам событий, они создают свои произведения... Я много лет проработал в газете, но ушел из нее, ибо самым трудным для меня было описание того, что вижу в данный момент. Мой первый опыт в прозе (повесть “Будь здоров, школяр”) родился через восемнадцать лет после самих событий, и его уже в известной мере можно было считать историческим»⁷.

Действительно, в 1961 г. – «Будь здоров, школяр», автобиографическая повесть, построенная по всем законам мастерства, с кольцевой композицией, продуманной системой персонажей, произведение, бесспорно, идущее по разряду художественной литературы, а никак не мемуаров – но автобиографическое, причем посвященное тем сторонам жизни, которые не принято было описывать в 1940–1950-е гг.: голод, пьянство солдат, оборванность, отнюдь не только высокое существование женщины на войне, отнюдь не только доброжелательное отношение местных жителей к солдатам и совсем не героическое поведение солдат (иногда – страх, иногда – воровство, иногда – иллюзорный мир, из которого война вышибает-вышибает, но все никак не вышибет). Следом за этой повестью, в 1962 г., еще одна, уже про калужский период («Новенький как с иголочки»), и несколько позже, в 1970-е гг., когда на необходимое расстояние отошли и Тбилиси, и Калуга, и первые московские песни, Окуджава пишет один за другим рассказы, и потом снова, в третий раз, выплеснет накопившееся в 1980-е гг., после смерти матери и двух растивших его теток – Сильвии и Мани. Здесь уже и имена героев, и их география очевидно указывают на то, что эта проза – про него. Конечно, что-то заштриховано. Конечно, что-то не названо. А что-то отточено, поставлено в ряд с чем-то еще и увидено откуда-то со стороны именно так, именно под этим углом, потому что именно так увиделись закономерности пути, своя история.

И другой ряд, с конца 1960-х гг., – романы, как их принято называть, «исторические». О Пестеле, а точнее о писаре, стенографировавшем его допросы («Бедный Авросимов», первое название – «Глоток свободы», 1965–1968). О Толстом, а точнее о сыщике, к нему приставленном («Похождения Шипова, или Старинный водевиль», 1969–1970). А потом ракурс меняется: Окуджава пишет уже не о «маленьком человеке», простом, неглубоком, но оказавшемся рядом с непростыми и яркими, с людьми «первого ряда», а именно о том, как рефлексивный человек живет своей частной, приватной жизнью, стараясь оградить ее от постороннего вмешательства («Путешествие дилетантов», 1971–1977), как он соотносит себя с тем, что происходит вокруг, с тем, в чем участвовал или считает нужным участвовать («Свидание с Бонапартом», 1979–1983). И последний роман («Упраздненный театр», 1989–1993) – завершающая точка, в которой сошлись оба ряда: про себя, пережившего именно это, и про время, то ли создавшее, то ли востребовавшее, то ли поглотившее именно таких нас.

Этот роман – последняя, наиболее основательная, наиболее заметная для читателя попытка Окуджавы описать свое поколение. Здесь даны три поколения одной семьи, и третье – то, к которому принадлежит герой романа, Ванванч*.

Само понятие «поколение» встречается в «Упраздненном театре» лишь однажды. В начале второй главы впервые появляется Ванванч: няня говорит ему, что он «расшалился», а ведь «Боженька-то все видит»⁸, и мать Ванванча, «двадцатилетняя большевичка», объясняет, что «нельзя, нельзя, даже преступно, воспитывать *новое поколение* с помощью старых, отвергнутых, основанных на невежестве понятий»⁹. Это единственное определение к поколению, данное в романе («новое»), сразу задает проблематику «Упраздненного театра»: память, традиция, преемственность, разрыв. Больше о «поколении» Окуджава говорить в романе не будет, хотя в описании родителей Ванванча все время мелькают слова, обозначающие их молодость и отношения со старшим поколением.

В письме к сверстнику, к сыну Лазаря Мироновича Марьясина, прочитавшему уже опубликованный роман и в романе упомянутому, Окуджава дает определение – «новому» – поколению,

* В романе Окуджава работает на «достоверность», сохраняя множество реалий и имена своих родных, но заменяя имена второстепенных персонажей и превращая главного героя в Ванванча (Ивана Ивановича). Ср.: «Это автобиографический роман. Но главного героя, события жизни которого – это моя жизнь, главного героя зовут не Булаг Окуджава, а иначе – его зовут Иван Иваныч. Мне так легче, я могу иронически сам о себе писать»¹⁰.

к которому принадлежит вместе с героем своего автобиографического текста: «Мне важно было рассказать о мальчике, отравленном большевизмом. <...> главная моя задача – проанализировать печальные истоки, *корешки* моего героя, выяснить, откуда оно – это *печальное, слепое поколение*»¹¹.

Эта задача очень ясно прослеживается в «Упраздненном театре», дидактичном, как и постперестроечные стихи Окуджавы (в отличие от большинства его текстов конца 1950–1970-х гг.). Шифры разгадываются просто, настолько просто, что в машинописи с последней авторской правкой к роману* видно, как Окуджава сам иногда борется с «публицистичностью», стремясь сделать ее не столь навязчивой в этом – позволим себе такую формулировку – очень лиричном тексте. Свою задачу – показать норму и отклонения от нее, описать характерные, на его взгляд, путь «слепого поколения», его поведение и способ видеть вещи – Окуджава решает через описание воспоминаний и рефлексий героев романа. И как всегда в стихах Окуджавы были слова, наделенные своими, в какой-то период времени постоянными у него, значениями (если синий или тихий – за этим стоит глубина, «настоящность»; если громкий – это лишний пафос; если звучит музыка – то стихотворение о самовыражении), так же точно и в «Упраздненном театре» есть свои ключевые слова.

«Слепота» – самое из них важное, задавая направление романа, закрывает первую главу, непосредственно перед тем, как появится «поколение»: «Как будто жизнь была пространством, просматриваемым из окна. За углом таилась неизвестность. Она была главным будущим, которое они создавали, не покладая рук, так же, как и мы его создаем – не по распоряжению начальства, а по своей фантастической природе, по своему муравьиному вдохновению, по своей пчелиной неукротимости. *Какая слепая программа заложена в нас с рождения?.. И нет нам отдыха...*»¹². Окуджава

* Папку с последней, по всей видимости, правкой перед журнальной публикацией романа Окуджава отдал Льву Шилову, зашедшему как-то к нему в Переделкине. Л.А. Шилов увидел подготовленную на выброс папку и попросил отдать ему, а в 2002–2003 г. дал мне возможность работать с этим документом, предупредив, что собирается передать его в какой-нибудь государственный архив. Успел ли он это сделать, где хранится в настоящее время эта папка, мне неизвестно. В тех случаях, когда важно отметить лишь само добавление какого-либо фрагмента в текст романа, цитата приводится здесь не по машинописи, а по публикации 1995 г., незначительно отличающейся от публикации в «Знамени» (1993. № 9, 10). Орфография и пунктуация машинописи сохранены.

добавляет этот абзац про родителей Ванванча уже перед самой публикацией, меняя местоимения (мы – они), стараясь сформулировать точнее, какое именно поколение «слепое», родительское, его ли собственное: оба, причем его поколению «эта программа» уже достается по наследству*.

«Слепоты» в романе достаточно мало, значительно чаще возникают ее синонимы: «романтическое», «идеализм»**, «иллюзии», в этом же ряду оказываются «жертва», «служение», «одержимость», «бескорыстие» – все это слова, характеризующие родителей Ванванча, Шалико и Ашхен. Первая глава завершается фразой о слепоте, а в последней появляется такая: «Крушение иллюзий всегда болезненно»¹³ – и это основная мысль всего романа, а не только сюжета про борцов из цирка, о которых идет речь. На другом полюсе соответственно «абсолютное неприятие романтического»¹⁴ Сильвией, отличительным качеством которой оказывается «интуиция»¹⁵; ей, старшей сестре Ашхен, даны предчувствия и предсказания, как и старшему брату Шалико Володе или интеллигентке Изе, спорящим с Ашхен и Шалико, видящим иначе, имеющим другую оптику. Персонажи романа четко делятся на слепых и зрячих.

Из того же ряда – еще одна часто появляющаяся в романе разновидность слепоты – счастье. С первых страниц романа счастье подается как попытка себя убедить, пересилить, как «деланность», «искусственность», «неестественность», которые Окуджава и разоблачает, стараясь прорваться к «правде», «достоверному», «подлинному» (счастливая улыбка, несмотря на тоску в глазах у отца Шалико Степана, у его сына Саши; громкое веселье, но [тоже из добавленных в последний момент фрагментов] дрожащие руки Ваню Бероева, работающего вместе с Шалико на Урале). Другой смысловой ряд: счастье как иллюзия, как долженствующее быть***; и, наконец, счастье как не-знание, т. е. та же слепота****.

* Еще один контекст слепоты – «политическая слепота», единожды появившееся обвинительное клише (в адрес Шалико)¹⁶.

** См. фрагмент, добавленный в машинопись: «Впрочем, тут я ловлю себя на досадной ошибке, употребляя понятие романтический. Нет, нет, это было не романтическое ощущение мира. Идеализм юности, усугубленный обещаниями скорого рая, и прагматическая деятельность – эта странная смесь определяла их поведение и царила в их душах»¹⁷.

*** См. рассказы Шалико «об уральском житье», «окрашенные в счастливые тона»¹⁸.

**** «Мама все-таки счастливая...» – пишет Николай Окуджава об умершей недавно матери, которая уже не узнает об аресте сына Михаила; мать Ашхен счастливо улыбается перед арестом дочери¹⁹.

«Счастью» противопоставлена «память»*, понятая как ответственность и работа по восстановлению утраченного, забытого, не замеченного раньше. Эта работа предстоит «слепому поколению», детство которого в романе описывается именно через «счастье».

«...Все успело забыться...»²⁰ – начало последней главы. Забылось все, что было в Нижнем Тагиле, кроме разрушающего иллюзии случая с борцами. Однако это «все», не сохранившееся или как-то мерцающее, через 60 лет воспринятое как знаковое, нужно восстановить, описать в романе – и в «Упраздненном театре» показана эта работа памяти**, которая, в свою очередь, как и детские поступки и впечатления Ванванча, становится предметом рефлексии: «Размышляя об этом событии шестидесятилетней давности (октябрье. – О. Р.), Иван Иванович никак не мог взять в толк, как выглядела эта возбужденная толпа работниц, забывшая в цеху проходы меж станками»²¹. Но все это нужно представить, восстановить, объяснить: «Детали, детали... Теперь все это разбилось на куски, смутные картинки, а ведь была целая жизнь <...> Детали, детали... разрозненные, почти неуловимые, мгновенно вспыхивающие в тумане времен и гаснущие, и не тревожащие до очередной вспышки...»²² – вот их-то как раз память и вытаскивает из небытия.

Память дана Окуджавой не только как вспышки разрозненных кадров, но и как «нечеткие полутона», фон для этих деталей***. Отложившиеся в памяти звуки, кадры, воспоминания о состоянии уже трудно расшифровать, но нужно провести эту работу по реконструкции, восстановить те переживания – то, что даже и не может относиться к области памяти: нерелеферируемое, ставшее естественным, нормой – неслучайны постоянные фразы о том, как

* См., например: Ванванч ложится спать «с неперменной верой в неминуемое счастье, не обремененный ворохом воспоминаний, недоумений, отчаяния и боли, как бабушка и бабуса, спящие на старинной облупившейся никелированной кровати у противоположной стены»²³.

** См., например: «О чем они говорили? Сейчас не вспомнить. Может быть, о Тифлисе, а может, и о классовой борьбе...»; «Я уже плохо помню дорогу из Тифлиса в Москву»²⁴.

*** Ср. также из добавлений в машинопись: «Может быть, вот тогда и возникла впервые скорбная и неостановимая *мелодия* утрат: один за другим, одно за другим, все чаще и быстрее... И эта мелодия сопровождает его в продолжение всей жизни. Ее *нечеткие полутона*, заглушаемые дневными событиями, откладываются в памяти, в сердце, в душе, если хотите. Он думал об этом постоянно, ибо мелодия переполняла все его существо, а жизнь без нее казалась невозможной»²⁵.

что-то «вливалось в кровь»²⁶, «растворялось в крови»²⁷. Помимо растворившихся в крови переживаний, есть еще и события и разговоры, которых Ванванч не видел и не слышал (ср., например: «...И этого, конечно, Ванванч тоже не знал...»²⁸), но и их нужно восстановить – через воспоминания о тогдашних состояниях и поведении родных Ванванча.

К словам, обозначающим в романе память, беспамятство или иначе, – традицию и отказ от нее, относятся также «самонадеянность»*, «усмешка», «высокомерие», характеризующие Ашхен и Шалико, хотя они оба и принадлежат к тем, кто «не забывает своего прошлого»**. Оказывается, что памятью наделена вся семья Окуджавы: не только бабушка Лиза, в доме которой «нельзя

* См. фрагмент, изъятый Окуджавой из романа: «Да, все <вставлено: живут *счастливо*>, кроме Нерсика, да еще, может быть, Саши Морозова, проживающего в безвестности где-то в Саратовской глухой деревеньке, <вставлено: про> которого Ванванч <вставлено: ничего> не знает, да и родившегося, чтобы послужить (через пятьдесят лет) горьким укором за чью-то *слепую честность* и *бескорыстную самонадеянность*. <вставлено: И> когда в самом начале уже этой последней войны, у <вставлено: Саши Морозова, шестнадцатилетнего> колхозного мальчика, забритого в солдаты, хмурые специалисты обнаружат в записной книжке печальный крик недоумевающего защитника родины: “В газетах пишут, что колхозы живут *счастливо*. А почему же мы с мамой всю жизнь голодаем?..”, <вычеркнуто: и тогда> его будет судить военный трибунал, и арестантский вагон повезет его на далекую Колыму, и лишь <вычеркнуто: тогда,> через пятьдесят лет Ванванч узнает об этом»²⁹.

Ср. фрагмент воспоминаний Владимира Окуджавы, также отсутствующий в публикациях: «И он выходит из кафе, где пахнет ванилью и кофе. Там в одной компании с анархистами сидит он, а за тем столиком – социал-демократы, и белый лоб Ульянова, и его прищуренные глаза, направленные не на людей, а только на идею, только на идею. Холодом веет от них, хотя он убедителен в своих схемах и подавляет цитатами. Анархисты улавливают эти прискорбные истины с глухим раздражением, но споров обычно не возникает: чужая и малопримлемая философия, холодный темперамент и зловещая *самонадеянность*»³⁰.

** Ср.: «Люди, уважающие себя, вернее преисполненные чувства собственного достоинства (нет-нет, не амбициозные или гордые, а потому напыщенные, чванливые – нет... именно полные достоинства, а значит, способные уважать вас и даже восхищаться пусть не великими вашими качествами, даже *служить вам, возвышенно и красиво*), такие люди не забывают своего прошлого, не отбрасывают его на обочину с *усмешкой* или *высокомерной гримасой*»³¹.

было пройти просто так мимо»³² фотографии ее мужа Степана, покончившего с собой, но и ее дети, воспоминаниям которых посвящена целая глава. Им, бунтарям, нарушителям традиции, Володе, Мише, Саше, Оле и Шалико, воспоминания даны тяжелые: это память, рождающая неуверенность, сомнения, смуту, память теребящая, требующая анализа, рефлексии и потому, по Окуджаве, являющаяся залогом то ли смены оптики, то ли даже исцеления от слепоты. И в последнюю правку Окуджавина настойчиво добавляет слова, обозначающие это состояние: «нелегкость», «растерянность», «тревога»^{*}; если продолжить этот список, в нем

* См. несколько случаев правки.

Окуджавина описывает ситуацию, которую вспоминал и в интервью («В Париже старый человек, грузин, пригласил меня в свой ресторан. Вскользь обронил: “Я знал вашего отца...” Я заволновался. Вскоре мы встретились. Пили. Беседа текла неспешно. Он говорил о чем-то незначительном. Я спросил: “Вы помните моего отца?” Он кивнул: “Помню”. Помолчали. Потом он произнес: “Да что рассказывать? Ваш отец с товарищами выгнали меня из Грузии, из моего дома”. Я обомлел: за что? “Они были большевиками, а я – меньшевик. Этого достаточно”³³): «Ванванч, конечно, ни о чем таком не догадывался <...> И он ну уж никак не мог предположить, что в восемьдесят втором году, через шестьдесят лет, эта история как-то аукнется в его собственной жизни»³⁴. В романе несколько раз говорится о том, как этот случай переживал Шалико: «Пытался забыть – не получалось <...> но позабыть не мог»³⁵. И дальше: «Проходили годы. Легкое чувство <исходно: *нелегкости*> правоты исчезало стремительно и бесповоротно, *высокомерие победителя* потускнело, потерялось, словно старая одежда, порастратилось. А поверженный образ Тамаза так и остался»³⁶. «Нелегкость» заменяется «правотой», что, конечно, правильной с точки зрения русского языка, но здесь важен поиск Окуджавина слова, которое передавало бы более сложный сплав чувств отца, чем итоговый вариант.

Еще два слова, которые вводит Окуджавина, показывая отца и его братьев глазами их матери: «Но <вот эти> *тревога* и *растерянность* вдруг <и> приоткрыли ей некую тайну, которая не то чтобы <исходно: была наглухо> наглухо была от нее укрыта, а просто существовала сама по себе, ее не касаясь. А тут <вот> коснулась. Ей стало стыдно своей недавней победоносной улыбки, и слова Володи, казавшиеся тогда бредом (см.: “Скоро, вот увидишь, все твои большевики вознесутся в мягкие кресла...”³⁷ – О. Р.), приобрели конкретный смысл»³⁸. И далее выброшенное в итоге предложение, где Окуджавина изображает и мальчишество, и расплату за ошибки, которая, как было сказано лет на 30 раньше, все-таки «тоже труд»: «Их лица были похожи на лица мальчиков, скачущих

окажутся «отрешенность», «растерянность», «сомнения», «ужас», «тоска», «усталость», «недоумение», «суета», «смятение», «лихорадочность», даже ощущение «вины»*. Этот негативный фон (мучительные переживания родителей) вместе со слепотой дан «новому» поколению изначально, достался ему «по наследству», вот он – старт «нового» поколения.

Происходит разрыв традиции (Степан Окуджава, отец Шалико, «кинулся в 1916 году с моста в желтые воды Риона», ибо «начал осознать, что мир рушится, и его многочисленные дети причастны, оказывается, к этому разрушению»³⁹), поколение, данное в романе как третье, потому и названо «новым», что стоит первым в череде тех – конечно, многочисленных, – которые будут определять себя через эти «новую жизнь», «новую традицию», «новую историю». Разрушаются семейные традиции – закладываются традиции какой-то огромной, до бесконечности расширяющейся общности – всех.

Домашнее пространство представлено в романе весьма подробно: с одной стороны, уютные квартиры бабушек, где собирается вся семья, где свои традиции, где пространство индивидуализировано, где оно – «свое» (портрет мужа у матери Шалико, шкаф с аистами, сделанный отцом Ашхен); с другой – квартиры, предоставленные на Урале родителям Ванванча, почти не обустроенные, простые, безбытные, не обрастающие свидетельствами семейной истории: «И в дом въехали казенные предметы, все с металлическими бирками»⁴⁰.

Первые два поколения (родители Ашхен и Шалико и они сами) одновременно предлагают третьему (поколение Ванванча, «слепое») конфликтующие друг с другом способы поведения, этику – таких примеров в «Упраздненном театре» много, но ярче всего, пожалуй, разговор Ашхен с няней Ванванча, которая по возрасту скорее ближе к его бабушкам и дедушкам: «Он прислушался, представил себе тихого Мартьяна на кухне и подумал, что Мартьяна жалко.

– С кулаком, няня, мы социализм не построим, – сказала мама. <...>

на диких лошадях и пока чувствующих себя покорителями, и все-таки уже не исключающих возможности тяжелого падения на землю»⁴¹.

* «Но тревога не покидала Ашхен. Впрочем, не столько тревога, сколько неясное ощущение вины... Хотя какая тут вина? И Ашхен пожимала плечами». К этим строчкам Окуджава добавляет «А? Какая вина?!», заставляя Ашхен мучиться и мучиться этим вопросом⁴².

Пушка у Ванванча выстрелила, и, продолжая линию выстрела, он пририсовал человечка с бородой и криво написал: «кулак».

– Кулак, кулак, – сказала Акулина Ивановна неодобрительно, – а он-то хрестьянин и нас всех кормит. А как же, родимая...

И Ванванч снова пожалел Мартьяна^{43*}. Все это естественное и одновременно противоречивое – наследство, старт «слепого поколения». Поэтому у первого поколения память – залог сохранения традиции, а у второго и третьего – залог ее разрыва.

Наследство и постепенное, по чуть-чуть, его преодоление – это натурализм, Золя, Голсуорси, память – это Пруст, Вулф, но гораздо в большей степени, вероятно, для Окуджавы был важен недавний роман Генриха Бёлля, который в «Бильярде в половине десятого» дал те же три поколения, очень трепетно друг к другу относящиеся, одно другому наследующее, но сын-архитектор взрывает аббатство, дело рук отца, а внук, тоже архитектор, это аббатство восстанавливает.

Роман заканчивается фразой, задающей взгляд назад, конец истории, конец «детства», то, что будет, будет уже в другой жизни: «Ночью ее забрали...»⁴⁴.

* * *

Не апеллируя к всеми признанному, к песням 1950–1960-х гг., в начале 1990-х Окуджава находит этот образ – «слепое поколение», чтобы развенчать свое прошлое и, развенчанное, описать его и оправдать – прошлое состоявшегося, реализовавшегося, авторитетного человека. В романе Окуджава показывает, что слепота человека, в 1960–1970-е гг. последовательно возражавшего против причисления его к какой-либо обойме, была такой же, как у большинства.

О своей принадлежности к какому-либо литературному поколению он заявлял лишь вскользь, мельком в интервью мог обмолвиться, что его причислили не к тому («По-настоящему я вошел в литературу именно с военной темой, но не был отнесен критикой к поколению поэтов, писавших на войне [как, скажем, Д. Самойлов, М. Луконин, С. Наровчатов], а “причислен” к следующему – более молодому – поколению»⁴⁵). Для литератора оказались более значимы проблемы этики, и отнюдь не то, что касалось его стихов и прозы, а именно этот опыт Окуджаве было важно передать – негативный опыт вместо позитивного. Ему нуж-

* Точно так же и случайное попадание в любое новое место (храм, санаторий в Евпатории) означает в романе столкновение с привычной интерпретацией вещей.

но было объясниться перед «грядущим поколением», но вполне естественно, что эта попытка оправдания себя, своих сверстников и поколения его родителей, хотя была замечена и принята частью аудитории (роман получил премию «Букер»), вызвала также и негативную реакцию, которую Окуджава предполагал в стихах. Из письма Окуджавы к Илье Марьясину: «Один критик написал о романе, что, несмотря на обаяние окуджавской прозы, вызывает возмущение, что автор описывает с любовью родителей-коммунистов, которые творили зло! Я думаю: болван! А как должен был описывать своих родителей десятилетний мальчик? Какими он должен был их видеть? И это написал не молоденький критик, а человек нашего возраста!»⁴⁶

С конца 1980-х гг. Окуджава ищет, как сказать Слово – раз уж «поэт в России больше, чем поэт»*. Он пишет, уходя от привычной для него образности, одно за другим назидательные, с ярко выраженной публицистичностью стихи, большая часть которых так и не была опубликована; достаточно часто дает интервью; встречается с молодыми реформаторами Гайдаром и Чубайсом и, наконец, пишет роман: высказываний в интервью недостаточно, публицистика не работает для такого описания, нужно найти баланс между дидактикой и образностью, между художественным и публицистическим – не назвать, а показать.

Если следовать логике «Упраздненного театра», вся позитивная составляющая опыта «слепого поколения» – в отказе от того, что им же самим понимается как негативное: его достижение – битва за «норму», возврат к «нормальному». Следующему поколению – так это видится на рубеже 1980–1990-х гг. – уже не нужно объяснять, почему с религиозностью нельзя бороться, почему «кулаки» кулаками не были, для него это вещи очевидные: опыт «слепого поколения» потому и трудно передать, что достался он так дорого, а оказался вполне естественным.

Основным содержанием того, что нужно передать, становится не военный опыт, не какой-либо иной, осознанный впоследствии как опыт, который заставил что-то переосмыслить (а именно так начиная с первой половины 1960-х гг. Окуджава описывал военный опыт), – но опыт самого смещения норм, ценностей. Этот слом, намеченный в «Упраздненном театре», видимо, должен был быть показан в следующих частях трилогии.

* Сам Окуджава на одном из выступлений в 1995 г. на вопрос, согласен ли он с этим высказыванием, несколько раздраженно ответил, что да – поскольку именно так поэта в России и воспринимают.

VII Арест матери

«Когда отца, первого секретаря Нижнетагильского горкома, арестовали в 37-м и нам пришлось оставить казенную квартиру, мы взяли с собой чемодан одежды и несколько картонных ящиков с книгами. Больше ничего не было. Абсолютно»^{1*}: Ашхен Степановна с детьми и матерью ехала в Москву. В «Упраздненном театре» отъезд из Нижнего Тагила происходит через два дня после ареста отца: «Следующий день был занят сборами. <...> Предстояла последняя ночь в Тагиле...»², но какое-то время после ареста Шалвы Степановича все-таки еще прожили в Тагиле, потому что отец одноклассника Окуджавы успел написать на него донос, опубликованный уже в перестройку в газете «Уральский рабочий»: «...донос на Булата Окуджаву, направленный в

* Ср. в том же интервью: «Мои родители остались бесребрениками. А рядом с нами жил сослуживец отца, тоже прошедший подполье, изведавший тяготы. У него была роскошная обстановка с французскими креслами, с многочисленной прислугой. Это было обыкновенное барство. Тут речь не только о нравственности, о степени внутренней культуры»³.

1937 году секретарю Сталинского РК ВКП(б) Нижнего Тагила. Автор полуграмотного сочинения – некто Косачев – сообщает, что сын разоблаченного троцкиста, первого секретаря Нижнетагильского горкома партии Шалвы Окуджавы 12-летний Булат ведет с одноклассниками крамольные разговоры...»⁴ Окуджава так это прокомментировал: «Да, об этой публикации я знаю. А вот Косачева, убей Бог, не помню. <...> Я рос вполне красным мальчиком и не помню за собой “крамольных разговоров”. Разве что нафантазировал, что у нас есть родственники за границей. И вот, представьте, стал сыном врагов народа, немецкого шпиона. Переворот в моей душе...»⁵

По всей вероятности, мартом следует датировать возвращение семьи в Москву. Об отъезде – лишь несколько деталей из «Упраздненного театра»: «...и как добрались до Свердловска, как пересаживались в московский поезд, как тряслись в непривычном плацкартном вагоне; и вот, наконец, Москва, и краснощекая от мороза и заплаканная Манечка встречает их на перроне Ярославского вокзала – все это успело забыться»⁶.

В интервью Юрию Росту Окуджава рассказывал: «Мы вернулись в Москву*. Опять в эти же две комнаты. Мать, конечно, исключили из партии тут же. Она устроилась кассиром в какую-то артель»⁷. О том, что Ашхен Степановну исключили из партии сразу, мы знаем из уже цитировавшегося здесь постановления пленума нижнетагильского горкома партии, но противоречит этому «Справка», выданная ей в 1955 г.: «Во изменение Решения Комиссии Партийного Контроля от 3 июля 1938 г., – восстановить т. Налбандян А.С. членом КПСС с февраля 1920 года. Отметить перерыв в ее партийном стаже с июля 1938 года по февраль 1955 года»⁸.

«Он знал, что жить им теперь почти не на что. Он знал, что из всей семьи грузинского Степана остались только они с Манечкой да Васику в Тифлисе. Он знал, что они живут не на мамину зарплату, потому что ее не хватает, тетя Сильвия помогает, да Манечка с Изой, как могут. Вот и суп, и картофельные котлетки...»⁹ – здесь описан почти двухлетний период, от ареста отца до ареста матери.

О том, когда она была арестована, Окуджава говорил по-разному: чаще всего называл 1937 г.**, реже – 1938-й. Говорил, как

* См. в статье М. Гизатулина о том, что Ашхен Степановна с сыновьями успела еще съездить в Тбилиси¹⁰.

** Такой вывод можно сделать и из «Приключений секретного баптиста»: «Его мать, которую в день ареста отца исключили из партии, кинулась в Центральный Комитет, чтобы объяснить недоразумение,

правило, что она вернулась, отсидев 19 лет, но это 19 лет между арестом Шалвы Степановича и годом его реабилитации и окончательного возвращения в Москву его жены и сына.

В интервью Юрию Росту Окуджава рассказывал о матери, как она «в свободное время бегала, добивалась приема у Берия, чтобы сказать ему: ты же знал его по работе, он не может быть троцкистом или английским шпионом. Она добивалась, добивалась до тех пор, пока не пришли однажды ночью и не забрали ее тоже»^{11*}. В «Упраздненном театре» получается, что их арестовали почти одновременно и что Ашхен Степановну арестовывают сразу после приема у Берии, в ту же ночь, но Берия сменил Ежова в

происшедшее с отцом Андрея. Она ходила туда в течение целого месяца. Славные чекисты, на которых с грудного возраста молился Андрей, работали четко и безошибочно и однажды в прекрасную ночь увезли и его мать»¹².

Здесь же читаем про обыск: «Тут не мешало бы упомянуть об одном маленьком эпизоде. Андрей проснулся ночью оттого, что чем-то металлическим проводили по батарее центрального отопления. В комнате горела лампочка, за окном стояла ночь. Возле батареи на корточках стоял домовый слесарь Паша и что-то проверял.

– Паша, – спросил Андрей, – ты почему ночью?

Паша обернулся, и Андрей увидел незнакомого человека.

Тут в комнату вошла заплаканная мама, и Андрей понял, что идет обыск. Потом она поцеловала его и ушла, втянув плечи.

В этом эпизоде, в общем весьма ничтожном, был, видимо, некий мистический смысл, ибо он запомнился на всю жизнь»¹³.

* Ср. в «Упраздненном театре»: «Внезапно оказался разоблаченным славный чекист Николай Ежов. “Какая сволочь! – ахнула Ашхен, и щеки ее впервые за год порозовели. – Что он натворил!..”»¹⁴. В этой цитате из романа важно указание «впервые за год», хотя и оно не очень точно: сообщение о том, что Ежов «по собственной просьбе» был освобожден от исполнения обязанностей наркома внутренних дел и заменен на этом посту Берией»¹⁵, появилось в «Правде» 8 декабря 1938 г., т. е. почти через два года после ареста Шалвы Степановича. В «Упраздненном театре» находим еще одно указание времени: «Месяц прошел в пустых ожиданиях счастливой весточки от Шалико. Затем произошло событие, которое сначала оценила только она. “Мама, – сказала она Марии привычным шепотом, – ты представляешь, теперь вместо этой сволочи будет Лаврентий!”»¹⁶, «Через несколько дней случилось чудо: ей пришло уведомление на служебном бланке, в ответ на ее заявление, что народный комиссар внутренних дел примет ее в назначенное время!»¹⁷

конце ноября 1938 г., и добиться приема у него можно было почти через 2 года после ареста Шалвы Степановича, уже в новом, 1939 г. – косвенно на это указывает и то, что, когда через 8 лет Ашхен Степановна вернулась после лагеря и ссылки, вернулась она в феврале.

Даты ареста Ашхен Степановны у нас нет, но в «Справке», выданной ей 11 декабря 1955 г., есть дата вынесения приговора:

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР № 4н-0729/55 от 16 февраля 1955 г. отменены Постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 11 июля 1939 г.<.> и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 25 июня 1949 г.<.> в отношении Налбандян Ашхен Степановны и дело на нее производством прекращено на основании п. 5 статьи 4 УПК РСФСР.

Налбандян была осуждена за к<онтр>-р<еволюционнную> деятельность – в ИТЛ сроком на 5 лет, а потом была сослана в ссылку на поселение за то, что в 1923–1924 г. разделяла троцкистские взгляды своего мужа Окуджава и других троцкистов и вела <вставлено: “антисоветские”> разговоры после ареста мужа.

На следствии Налбандян виновной себя в проведении антисоветской агитации не признала и заявила, что она повинна лишь только в том, что в силу своей политической незрелости, в 1923–1924 г., в период партийной дискуссии, разделяла троцкистские взгляды своего мужа Окуджава Ш.С. и его знакомых¹⁸.

* * *

Ее сына, после того как он остался на второй год в пятом классе, «...с помощью дяди <...> устроили на работу в мастерскую по ремонту пишущих машинок»¹⁹ – это версия Михаила Нодея, автора одного из достаточно откровенных интервью с Окуджавой. «В чем заключались мои обязанности? – вспоминает Окуджава. – В большом цеху стояли столы, на столах – испорченные пишущие машинки. Чинили их мастера, а я должен был протирать – то ли бензином, то ли еще каким-то раствором, не помню. Время от времени меня гоняли в магазин за водкой. Я получал маленькую зарплату и был очень горд»²⁰: скорее всего, дядя – муж Мани Окуджава, сам работавший, судя по роману, в радиомастерской*. Это могло быть, вероятно, до того, как Ашхен Степановна смогла устроиться на работу, но до 1940 г.: «...в конце 40-го года тетка ре-

* Ср.: «И Манечка с Алешей Костиным самозабвенно трудились в радиомастерской»²¹.

шила меня отсюда (из Москвы. – *О. Р.*) взять. Потому что я совсем отбилась от рук, учиться не хотел, работать не хотел»²².

Учился он в школе № 69 Киевского района города Москвы, находилась она в Дурновском переулке. Школа была новой, одноклассники встретились только в 6 «Б» классе (класс был большой, 36 человек – это со слов П.П. Соболева²³), все были новички, и неважно было, кто, откуда и почему вдруг переехал: «Школа моя снесена при прокладке проспекта Калинина. Но мы, ее бывшие ученики, нашли друг друга, класс наш был дружный. Раз в год встречаемся*. И хотя все постарели, но не изменились по характеру, по манере говорить»²⁴**. Ходили в литературный кружок (в том числе и Окуджава), писали что-то для стенгазеты. Однако через два года класс распался: в 1939 году, получив свидетельство об окончании семи классов неполной средней школы, многие ушли в спецшколу на Красной Пресне (так запомнилось П.П. Соболеву)²⁵***. Это было через несколько месяцев после ареста матери, друзья ушли в школу, куда ему ход был закрыт, остались друзья со двора, и там было легче: «Я любил их**** (родителей. – *О. Р.*).

* См.: «Потом они (Окуджава и Иммануил Левин. – *О. Р.*) вспоминают школьных друзей. И хоть учились в разных школах, судьба поколения везде была одинакова: большинство не вернулось с войны. Каждую осень одноклассники Булата Шалвовича по 69-й школе собираются у него в Переделкине <...> в минувшем году их было здесь всего одиннадцать»²⁵.

** Ср.: «Я отличу прирожденного арбатца от того, кто родился на Басманной, по интонации, акценту»²⁶.

*** Вероятно, ко времени окончания 7-го класса относится следующий эпизод из повести «Приключения секретного баптиста»: «Можно было мечтать о поступлении в техникум связи, чтобы стать полярным радистом, как Кренкель, и, героически поединоборствовав с ледяной стихией, вернуться в Москву знатным полярником, а не сыном врагов народа. Кто-то подал эту мысль, и Андрей бросился в техникум. Но его не приняли туда как сына врагов народа, так как средства связи нельзя доверять врагу»²⁷.

**** Ср. в «Приключениях секретного баптиста»: «Он был пионером и все понимал. И если его не избирали в школе куда-нибудь, он не обижался и вожатой, которая краснела и бормотала маловразумительные утешения, говорил гордо и внушительно: “Я понимаю, что мне нельзя доверять. Конечно, лично я себе ничего не позволю, но среди нас могут быть и такие, у кого связь с родителями... А как узнать, кто честный, а кто нет, правда?” Вожатая смотрела на этого тринадцатилетнего патриота с благодарностью и страхом»²⁸. А также: «Прошел год, другой.

Андрею было уже пятнадцать. Он бредил комсомолом, но в комсомол его не принимали по понятным причинам, и он не обижался»²⁹.

Надеялся, что произошла ошибка*. Но ведь родителей арестовали не только у меня – у многих сверстников. И все верили Сталину. Конечно, мы были разные: по характерам, темпераментам. Но это было одинаково у всех. И здесь в Москве, на арбатском дворе, взаимопонимание у нас было полное»^{30**}.

* Ср. в «Приключениях секретного баптиста»: «Иногда он вообразил, что его вызвали в Кремль и там лично сам товарищ Сталин, добро щурясь, вдруг раскрыл ему невероятную тайну: оказывается, отец Андрея вовсе не троцкистский двурушник и все это придумано, чтобы тайно переправить Петра Шамина в одну фашистскую страну с особым заданием на неопределенное время. “А мама?” – спрашивал Андрей. “Мама тоже”, – говорил Сталин и гладил его по голове. А вокруг стояли соратники вождя: Ворошилов, Молотов, Каганович – и тоже улыбались»³¹.

** Ср. из «Упраздненного театра» об арбатских ребятах: «Все заметно повзрослели за два года. Они приняли его в свой круг легко, натурально, ни о чем не расспрашивали, хотя и догадывались, и слышали из уст вездесущей молвы, знали, знали, тыкали пальцами в окна арбатского дома, где тоже случилось... ну, тоже ночью увезли... вон там и там, и оттуда... Ну, ночью – а когда же, днем, что ли? Да нет, тихо, раз-два... а утром будто ничего и не было...»³²

VIII
«...На Арбате в каждой подворотне
был свой климат»

«На Арбате прошли первые пятнадцать лет моей жизни, но, по большому счету, Арбат и двор, в котором я вырос, – действительно моя судьба, моя психология, мое воспитание и почва»¹, – говорил Окуджава Михаилу Поздняеву в одном из последних своих интервью, вышедшем уже в июле 1997 г. «Пятнадцать лет» – цифра очень условная, но именно на Арбате Окуджава, постоянно в эти 15–16 лет переезжавший с Арбата в Тбилиси и обратно, а потом проведший 3 года на Урале, – именно на Арбате Окуджава прожил те самые 4 года, с 12 до 16, которые и есть «психология», «воспитание» и «почва».

«Для меня Арбат не только улица, но и весь район, прилегающий к нему, его переулки. <...> В мои годы на Арбате в каждой подворотне был свой климат. Здесь – свое наречие, свое мышление»^{2*}, – говорил он, когда старый Арбат был превращен в

* В «Упраздненном театре» показан двор глазами восьмилетнего ребенка: «Арбатский двор все тот же. Квадрат из трех двухэтажных флигелей и главного четырехэтажного, в котором проживает Ванванч.

прогулочную зону. Рядом с домом 43, в котором жил Окуджава, на углу Арбата и Плотникова переулка, стояла церковь Николая, построенная в XVII в. и снесенная в 1932 г. На ее месте в 1935 г. был построен дом № 45 «с первым и единственным до войны магазином “Диета” (доставлявшим продукты по заказам на дом)»³. Напротив дома 43 – дом 30 1904 года. Иммануил Левин, автор книги об Арбате «Один километр России» (она стояла у Окуджавы в его переделкинском кабинете), живший в этом доме, пишет: «Это один из самых “объемных” домов на Арбате. До реконструкции в середине 80-х годов нашего века, когда из коммуналок были нарезаны “отдельные” квартиры, он имел восемь подъездов, в которых проживало полторы-две тысячи человек. Причем квартиры двух подъездов, выходящих непосредственно на Арбат и с балконами, были классом выше, чем квартиры внутренних дворовых корпусов»⁴. Двор «время от времени... превращался в концертную площадку. Самым народным артистом был шарманщик, из года в год извлекавший из своего мини-мини-органа одни и те же мелодии: “На сопках Маньчжурии”, “Разлука, ты, разлука”, “Кирпичики” и “Маруся отравилась”. Когда на музыку сбегалась детвора и даже люди постарше, начиналось представление, в котором героем выступал попугай-“попка”. Он тряс хохолком, доставал клювом из коробки конвертики с предсказанием “судьбы”»⁵. Отсюда, как символ детства, многочисленные шарманки в стихах Окуджавы:

Посередине – большой помойный ящик. Асфальт и редкая блеклая травка кое-где. Арбат. Сердце замирает, когда в разлуке вспоминается это пространство. Одно старое дерево неизвестного племени возле помойки, под которым сидят старые няньки. Здесь дети играют в “салочки”, в “пряталки”, в “классики”, познают “нехорошие” слова и, распахнув до предела свои жадные глазки, наблюдают, как в подворотне пьют из горлышка взрослые дяди и тети»⁶.

* См.: «Случались и “иноземные гастролеры”, как правило, китайцы, которых тогда в Москве было довольно много. <...> В основном, “гастролеры” удивляли народ фокусами. Они глотали огонь, прокалывали тело иглами, засовывали себе в горло кинжалы по рукоять...»⁷. Другое воспоминание: «...в выходные по дворам несло: “Старье берем, старье берем!” <...> Старьевщиков – а это были в основном татары – хозяйки почему-то звали князьями. И на зов “князей” несли все, что бесповоротно вышло из употребления...»⁸. Татарским князем в одном из интервью Окуджава называет дворника своего дома Алима.

То падая, то снова нарастая,
как маленький кораблик на волне,
густую грусть шарманка городская
из глубины двора дарила мне⁹.

И еще одна:

Когда затихают оркестры Земли
и все музыканты ложатся в постели,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка –
смешной, отставной, одноногий солдат¹⁰.

И самая известная шарманка Окуджавы:

Шарманка-шарлатанка, как сладко ты поешь¹¹!

«...И ходят оккупанты в мой зоомагазин»¹² – это про тот же дом напротив (№ 30): «Самым существенным отличительным признаком дома мы, его жильцы, называли новым знакомым единственным на всю довоенную Москву зоологический магазин. <...> В подъездах и под аркой дома был маленький, но рассчитанный на профессионалов, “живой” рынок. Торговали исключительно “элитой”: голубями немислимых кровей, редчайшими рыбками <...> магазин торговал всем – от хомяков и попугаев до питончиков, от золотых рыбок до ежей...»¹³

Создатель собственного арбатского мифа, в 1980-е гг. Окуджава мог объяснить его возникновение очень просто: «Я вырос, воевал, преподавал в провинции, в общем, так получилось, что был надолго оторван от Арбата и от самой Москвы. Чем больше проходило времени, тем сильнее я тосковал по этой моей улице, по ее уютным дворам с сыроватыми подъездами. Да, это была ностальгия*. Я мечтал вдохнуть родные запахи детства, где все казалось мне теплым, самым дорогим на земле. Так Арбат стал для меня символом Москвы. Так сложились о нем стихи»¹⁴.

В другом интервью того же времени он подчеркивал двойственность Арбата: «В этом доме было много прекрасного и печального»¹⁵. И уже более определенно в том же интервью Михаилу Поздняеву, которое тот назвал – словами Окуджавы –

* Ср. в другом интервью: «К Арбату, к своему двору долгие годы приближался с трепетом, входил в него со слезами. Страдал в разлуке с Москвой. Она на моих глазах видоизменилась, что, очевидно, естественно. Стал с годами спокойнее»¹⁶.

«С иллюзиями надо расставаться»: «Все в этом дворе уживалось и страшно переплеталось»¹⁷.

1950–1960-е гг. – круг пройден: Окуджава вернулся пусть и не на Арбат, но в Москву, он наконец занимается тем, чем ему интересно заниматься, это время осмысления прошлого – и военного, и арбатского, и в это время песни об Арбате – скорее о «прекрасном».

1980–1990-е гг. – пройден еще один круг, но теперь Окуджава ищет на Арбате «корешки», свои и сверстников, и ему важнее будничная, прозаичная сторона арбатской жизни, «печальное».

«Прекрасное» и «печальное», «страшно переплетенное» – чем позже, тем более резкие слова Окуджава выбирал, в стихотворении «Арбатское вдохновение, или Воспоминание о детстве» (конец 1980-х гг.) – «подлое» и «золотое»:

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
всё в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви. Что в том дурного¹⁸?

Из прекрасного – демократичность, из печального – идеологизированность, как раз и переплетенные очень тесно: «Неправда, что “дети Арбата” – сплошь номенклатурные сынки. Арбат моего детства – очень демократичная улица. Другое дело – что мы были типичные дети того времени и жили по официальным, я бы сказал, парадным законам общества. Мечтали бежать на гражданскую войну в Испанию, в армию собирались идти в один танковый экипаж»¹⁹, «собирались убежать туда, на фронт, собирали сухари»²⁰. В 1991 г. на вопрос журналиста, были ли у него «любимые герои тех времен», в частности герои Гражданской войны, Окуджава ответил: «Конечно! Ну просто весь иконостас был для меня очень значимым. Чапаев, Щорс, Лазо, по Испании – Ибаррури. Увлечение ими было искренним, захлеб»²¹.

Когда это могло быть? Судя по «Упраздненному театру», это 1937–1938 гг., до ареста Ашхен Степановны: «И все-таки во дворе становилось легче. Тут бушевали иные страсти, их грохот сотрясал землю, но это был возвышенный грохот, а не томительное, почти безнадежное домашнее увядание. Шла гражданская война в Испании, все было пронизано сведениями о ней, в мыслях о ней растворялись изможденные лица мамы и бабуси, их глухие голоса. Республиканцы наступали. Унылое лицо генерала Франко с большим кривым носом маячило в карикатурах всех газет. В школе на

политминутках рассказывалось, как отступают фашисты. Да, да, и немецкие наемники! И итальянские!.. Народ-то был не за них. Испанский народ был за коммунистов, потому что ведь коммунисты...

Вот они сидят на лавочке во дворе после школы – и Нинка, и ее брат Витька-кулак, и Петька Коробов, и Юрка Холмогоров, и все о войне, о войне...»²²

Из уже цитировавшегося выше интервью Михаилу Поздняеву: «Долгое время предметом дворовых бесед было то, что одного из нас на Красной площади чешский коммунист взял на руки. На счастливица смотрели, как на... слов не подберу. Ну и конечно, романтизм наш питался тем, что Арбат был улицей, по которой сам пролетал из Кремля в Дорогомилово, на “ближнюю дачу”, – о чем я написал в стихах “Арбатское вдохновение”. И каждый подъезд, и каждая подворотня в час его выезда были забиты охраной. Окна, выходившие на Арбат, были под прицелом... В моем детском сознании это тоже преломилось романтическим образом. Сейчас я вспоминаю об этом с отвращением»²³. О «военно-грузинской дороге»²⁴ – то, что она была «грузинской», вероятно, тогда тоже было значимо – Окуджава рассказывал неоднократно^{25*}.

...В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.

Он маленький, немый и рябой
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его – пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...
Так где же почва для твоей любви? –
вы спросите с сомнением, вам присущим²⁶.

* Ср. в другом интервью:

«– Хотя это моя улица, моя родина, я люблю его очень, но идеализировать его не нужно. Потому, во-первых, что это была главная дорога Сталина, по этому Арбату толклось дикое количество топтунов. И жили, и топтались в подъездах, в воротах... Кроме того, было очень много всякой шпаны, жулья...

– *Вот это непонятно. С одной стороны – главная магистраль, Сталин ездит, а с другой – криминогенная обстановка.*

– Так это для нас представляло опасность, а не для Сталина. Топтуны, сами понимаете, следили не за этими “социально близкими”. Так что это был не такой уж чистенький и идеальненький Арбат»²⁷.

Как и «Упраздненный театр», и стихотворение «Почему мы исчезаем, оставляя дым и пепел...» (середина 1980-х гг.), «Арбатское вдохновение» обращено к следующему поколению – оно ведь и посвящено сыну («И то, что я когда-то потерял, / он в воздухе арбатском обнаружил»²⁸):

Что мне сказать? Я только лишь пророс.
Еще далече до военных гроз.
Еще загадкой манит подворотня.
Еще я жизнь сверяю по двору
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.

Что мне сказать? Еще люблю свой двор,
его убогость и его простор,
и аромат грошового обеда.
И льну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это²⁹.

Из того же интервью, где Окуджава говорил о Чапаеве и Щорсе: «Помню детство, наш арбатский двор – чудовищный, страшный. В нем столько было всякой мерзости – жулики, уголовники, проститутки. Грязь, матерщина. Но попробовал бы кто-нибудь сказать, что Чапаев – это смешно. Выцарапали бы ему глаза! Тут же. Это было определенное воспитание»³⁰.

Из интервью Юрию Росту: «Я остался с бабушкой. В это время был уже брат. Он родился в 34-м году. Жили мы впроголодь. Страшно совершенно*. Учился я плохо. Курить начал, пить, девки появились. Московский двор, матери нет, одна бабушка в отчаянии. Я стал дома деньги поворовывать на папиросы. Связался с темными ребятами. Как я помню, у меня

* Ср. в «Приключениях секретного баптиста»: «Он ходил в рвань, недоедал, но на облупившейся стене над его кроватью висела фотография великого венгерского коммуниста Матиаса Ракоши»³¹. Или: «Все эти вопросы (про финских рабочих. – О. Р.) очень мучили Андрея, когда он выстаивал длинные очереди за хлебом в сорокаградусные морозы, одетый в дырявый плащ и дырявые брезентовые сапоги. Эти вопросы мучили его и тогда, когда, не выдержав мороза, бросался на несколько минут в здание ближайшей почты, и тогда, когда возвращался домой с хлебом и когда глядел на портрет непреклонного венгерского борца за народное дело»³².

образцом молодого человека был московско-арбатский жулик, блатной. Сапоги в гармошку, тельняшка, пиджачок, фуражечка, челочка и фикса золотая»³³.

Из разговора 1993 г. с Иммануилом Левиным:

– Я мечтал, когда повзрослею, обзавестись кепочкой, челочкой, из-под пиджака тельняшка – так знаменитая шпана ходила.

– И фикса золотая! – это уже персональная реплика Иммануила Ильича, они с Булатом Шалвовичем почти ровесники, оба фронтовики, коренные арбатцы. Их диалог в вольном пересказе звучит примерно так:

– А словечко «стыкнемся» помните?

– Конечно! Но, кстати, дрались до «первой крови», пока нос не расквасят, лежащего не били.

– Да, неписанный кодекс чести соблюдался, теперь этого нет, наоборот, норовят сначала сбить на землю и потом уж пинают»³⁴.

По мнению Станислава Рассадина, в Леньку Королева превратился именно тот «московско-арбатский жулик» в тельняшечке и фуражечке, о котором Окуджава рассказывал Юрию Росту³⁵. Комментируя эту песню, сам Окуджава говорил: «Были у нас такие ребята в арбатских дворах, так сказать, заводилы. И помочь в трудную минуту они могли. Но образ этот собирательный, конечно. А имя, имя конкретное. Для меня, во всяком случае. Был у нас на Арбате Ленька Гаврилов, такой рыжий, очень милый парень. Совсем не вожак, не «король», никаких функций того Леньки Королева, что в песне, он не нес. Но почему-то мне его ужасно жалко было, когда он погиб. Особенно нелепой, обидной казалась его смерть. И вот его имя я и дал моему герою песни»³⁶.

Вот еще один пример того «кодекса чести»: «На бытовом уровне дележка на “наших”, “ненаших” всегда существовала. Помню, у нас во дворе был парень такой – Витька, хулиган, постарше нас, в общем, “вождь”, командир. Если играли в Чапаева – он, конечно, всегда был Чапаев, мы – “белые”... Игра примитивная – мы на него налетали, он нас расшвыривал, приговаривая: “Врешь, Чапая не возьмешь!” И потом побеждал нас, награждая соответствующими эпитетами. Я, например, был сын “врагов народа”, мне он кричал: “Получай, троцкист!”. Моньке, еврею, выдавалось: “Вот тебе, жид”... Мы почему-то даже не обижались. Правда, когда однажды во двор пришли чужие ребята и стали Моньку бить, Витька выскочил на помощь с криком: “Не дам нашего жида бить!”. И все это были мы...”»³⁷

Вероятно, многие имена ребят в «Упраздненном театре» изменены*, но и в стихах, и в интервью Окуджава вспоминает Сочилиных: «...их семья, семь человек, жила в подвальной сырой комнатке»³⁸. О Нине Сочилиной: «Очень хорошая, искренняя, славная девочка. Ее убили, к сожалению. После войны. Ну, она к тому времени уже совершенно опустилась. Пила, дружила с ворами...»³⁹. «То Нинка Сочилина учит меня целоваться, / и сердце мое разрывается там, под пальто...»⁴⁰ В романе сохранено имя Славы Зборовского⁴¹, с которым Окуджава, уже снова живя в Москве, продолжал общаться, перезваниваться – об этом свидетельствует Тамара Александровна Манкевич, работавшая с Окуджавой в Калуге и тоже дружившая со Зборовскими⁴².

Несколько раз Окуджава рассказывал о Паше и Нюре: «У нас во дворе жил слесарь Паша, и у него была красивая молодая жена. Хотя я и мальчишкой был, но понимал (или это мне передавалось от друзей), что она – красавица. Красивее не бывает. Такая сильная, стройная, насмешливая»⁴³.

Из того же интервью Михаилу Поздняеву: «Такое маленькое государство, замкнутое со всех сторон домами. В одном – сапожная мастерская, в другом – шляпная, в третьем – ресторанчик, потом шашлычная. Жили здесь слесари, плотники, конторские служащие. Несколько старух гувернанток, доживавших свой век после того, как господа уехали во Францию. Все друг друга знали, может быть, поэтому сегодня каждый в моей памяти – замечательная, колоритная личность. К примеру, дворник Алим, воспетый в “Арбатском вдохновении”: он был татарский князь, к нему за советом ездили соплеменники со всей Москвы и из загорода»⁴⁴.

На фоне непросохшего беля
руины человеческого жилья,
крутые плечи дворника Алима...^{45**}

* Так, если в «Упраздненном театре» появляется Юрка Холмогоров, то в «Приключениях секретного баптиста» – Юрка Хромов, а Маша Томилина из этой повести по описанию очень похожа на Нину Сочилину из романа.

** См.: «Когда “Арбатское вдохновение” опубликовали в “Дружбе народов”, я получил письмо от внука Алима, он мне поведал о конце своего деда: его арестовали в 38-м, он сгинул в Сибири. От этой чаши многие в нашем дворе вкусили. Году в тридцать шестом над нами надстроили два этажа, и в них с шумом и весельем въехали работники наркомата мясной и молочной промышленности. Они получили отдельные квартиры, а мыто все жили в коммуналках, так что событие для двора было эпохальное.

О демократичности двора Окуджава говорил неоднократно, но в его рассказах о дворе (именно не в прозе, а в беседах) эта демократичность тесно связана с подъездными, чердачными, подворотными привычками – и с идеологизированностью: «Совместно сажали деревья. Устраивали какие-то соревнования по бегу и прыжкам. И в то же время воровали из кухни ресторана еду^{*}, порой и вино, закатывали пиры тут же в подъезде, потом тайное становилось явным, и всем попадало – и мне, сыну партийца, и моему товарищу Сочилину, сыну уборщицы <...>

Ложились спать, наступало утро, мы шли в школу, днем играли в испанских коммунистов, выкрикивали красивые лозунги, вечером опять что-нибудь вытворяли...

Так протекала жизнь – и мало кто мог этому течению противостоять. Из взрослых-то раз-два и обчелся, а уж из детей... Самое печальное в этом было то, что мы, прекрасно видя, сколько вокруг лжи и показухи, не верили своим глазам. Меня эта показуха покорила лишь однажды. На Зубовской площади, в Клубе пиццеевиков, был организован “Джаз веселых поварят”. И двое ребят из нашего двора как-то туда попали, в этот “Джаз...”. Ну, какой там джаз: играли на пиццалках, на гребешках с заправленными в них клочками папиросной бумаги. Им там, в клубе, видимо, понадобились “типажи” – они и взяли моих приятелей из нищих, голодных семей. И вот, представьте, с одной стороны – двор, с его грязью, пьянством и драками, и с другой стороны – маленькие советские повара, в белых колпачках и красных галстучках, поют: “Эх, хорошо в стране советской жить!..” А после концерта – домой, где пьют и матерятся...»⁴⁶

Возможно, потому, что двое со двора были в «Джазе веселых поварят», организовали музыкальную группу: «В этом доме мы, двенадцатилетние ребята, нашли заброшенный подвал и своими

Справили они новоселье, отплясали, отшумели – и стали их по ночам арестовывать. Когда их всех забрали, не стало и отдельных квартир: в них заселили новых жильцов, по нескольку семей. И опять во дворе все стали равны...»⁴⁷

* См. в романе: «Через несколько дней им удастся взять реванш. Повар их не видит и ставит на подоконник дымящуюся жаровню, в которой покоится вспухшая, подрумяненная утка. И уходит к плите. “Ну, давай!” – шепчет Петька Ванванчу и притоптывает кривыми ножками. У Ванванча столбняк. Он смеется, потому что это шутка, но холодок проходит по спине. Витька глотает слюну. “Ну, давай!..” – подталкивает его Петька. Повар занят своим делом. Нинка тяжело дышит. Витька хватается за лапку, и их уже нет, словно смысла. Они уже в лифте»⁴⁸.

силами сделали в нем клуб, взрослые нас поддержали, помогли купить флейты, барабаны, устроить оркестр. Горели этим делом года два»⁴⁹. До этого было «несколько дней» музыкальной школы в Тбилиси, потом будут, опять же тбилисские, опера и консерватория, что-то музыкальное было всегда – точно так же то в одном городе, то в другом находился литературный кружок.

В интервью Михаилу Поздняеву Окуджава, несколько лет назад закончивший «Упраздненный театр», продолжает показывать и тогдашнее общее настроение, и как что-то мерцало, разрушая это настроение, этот привычный образ мыслей, и как кто-то видел иначе, не как все, – история про джаз и Владлена Ермакова прямо продолжает «Упраздненный театр». По логике ненаписанной трилогии, Владлен Ермаков должен был бы будить сомнения в Ванванче во второй ее части: «И вот я сижу в зале и вижу, что вот эти, с которыми я живу в одном дворе, и сам с ними курю и хулиганю, и знаю, что у них творится дома, – на сцене, в красных галстуках... Мне был тогда очень неприятен такой контраст. Но я постарался его поскорее от себя отогнать. Подсознательно – потому что ведь и я был точно такой, как они.

Мало, мало кто мог устоять. Среди моих знакомых был всего лишь один такой самостоятельный человек – Владик Ермаков, с которым я подружился после ареста родителей*. Что нас свело, не понимаю, думаю, так судьба распорядилась: мне нужен был в тот момент сильный друг, человек умнее и честнее меня. И он появился. Владик жил собственной, не коллективной жизнью, у него был свой круг интересов, он много читал – и такого, о чем я понятия не имел. Например, Хемингуэя»⁵⁰: Хемингуэй в это время был военным корреспондентом в Испании, в 1934 г. на русский язык были переведены отрывки из трактата о бое быков «Смерть после полудня» и – не полностью – сборник рассказов «Победитель не получает ничего», в 1935-м – «Фиеста», в 1936-м – «Прощай, оружие!», в 1938-м – «Иметь и не иметь».

Сначала дружба с Ермаковым, потом война: тогда, вероятно, и должно было произойти исцеление от слепоты по изначальному замыслу трилогии, но не написанное в прозе Окуджава в 1997 г. формулировал в интервью – очень просто, четко, обнаженно: «Двор он просто презирал – и все, с ним связанное. Дружбу с ним я пытался совмещать с соблюдением законов двора. Долго такое совмещение тянуться не могло – и тут опять судьба вмешалась: началась война. И тогда уж с меня окончательно осыпалась шелуха. Дней через пять все сошло. Выяснилось, что наше общее

* О Владлене Ермакове вспоминает дочь Артема Веселого⁵¹.

настроение: “Если завтра война, если завтра в поход, ура, ко всему готов, что угодно, пожалуйста!” – некрепкая закваска. Увидел кровь, увидел вшей, узнал, что такое недоедание и недосыпание. И протрезвел. Понял: энтузиазм – хорошая вещь, когда надо во дворе деревья сажать. А сажали-то не только деревья...»⁵²

О березах, которые и тогда, и позже для него как-то ассоциировались с «традициями соседства, открытости»⁵³, Окуджава вспоминал часто: «Я помню, как подростками лет двенадцати мы с друзьями сажали деревья, чтобы двор стал хоть немного наряднее. Такой была моя улица, здесь мы воспитывались, росли, отсюда убегали в Испанию...»⁵⁴, но именно Владлену Ермакову посвящено стихотворение начала 1970-х гг. о березах и о том, что за этими березами оказалось много прозаического (потому стихотворение и названо «Речитатив»):

Тот самый двор, где я сажал березы,
был создан по законам вечной прозы
и образцом дворов арбатских слыл;
там, правда, не выращивались розы,
да и Гомер туда не заходил...
Зато поэт Глазков напротив жил^{55*}.

* Ср. другие, не выбранные для арбатского мифа литературные соседства: «Поэт Николай Глазков проживал на другой стороне улицы. <Ср. строки Глазкова, которые приводит Левин: “Живу в своей квартире / Тем, что пилю дрова. / Арбат 44, / Квартира 22”⁵⁶ – О. Р.> Винокуров Евгений, кажется, арбатский. <...> Анатолий Рыбаков жил в большом доме № 51, где останавливался А. Блок. Этот дом Рыбаков описал в повестях»⁵⁷; «Всем известен, наверное, Арбат Михаила Булгакова: и подвальныйчик, где жил Мастер, и место, где он впервые увидел Маргариту...»⁵⁸

IX Образы Арбата

Свидетельство Георгия Кнабе: «В довоенном Арбате запоминалась чаще всего ценность человеческого если не единения, то взаимного понимания...»¹ Дружба, взаимовыручка, пушкинский Лицей:

Был король, как король, всемогущ. И если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку – и спасет².

Ленька Гаврилов вместе с другими ребятами с арбатского двора из 1950-х гг. переходит в 1990-е гг., и он по-прежнему помогает, но уже как-то очень бытово:

В арбатском подъезде мне видятся дивные сцены
из давнего детства, которого мне не вернуть:
то Ленька Гаврилов ухватит ахнарик бесценный,
мусолит, мусолит, и мне оставляет курнуть!³

«Воспоминание о Дне Победы» 1988 г. начинается аллюзией на пушкинское «Была пора: наш праздник молодой...». У Окуджавы – та же ситуация празднования годовщины, и строится стихотворение так же, как пушкинское, – сначала об идеализируемом прошлом, затем об утратах:

Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой.
Еще пожар не отгудел, да я отвоевал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал⁴.

Хотя в арбатском лице не хватает поэтов («...Гомер туда не заходил»⁵), это одухотворенное пространство – в отличие от Безбожного переулка (сейчас Протопоповского), куда Окуджава переехал в 1970-е гг.:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант⁶.

«Я жил на Арбате с 24-го года по 41-й. В 41-м году меня выселили. То есть, не то что выселили, а я ушёл на фронт, а когда я вернулся, квартира была занята, и мне её не вернули, потому что я числился сыном врагов народа. <...> И с тех пор с Арбатом было покончено»⁷ – это из беседы со слушателями 1985 г. «С Арбатом было покончено», и он стал «арбатским эмигрантом». История Окуджавы – какой ее можно восстановить по его песням и по некоторым ответам на вопросы на вечерах – так и выглядит: не было ни Урала, ни Тбилиси (откуда он и попал на войну), зато соединяется самое важное, то, с чем прежде всего ассоциируется Окуджава, – Арбат и война. В интервью «Московской правде» на вопрос «А стихи вы начали писать где, на Арбате?» Окуджава ответил: «Да, с десяти лет, читал их в школе на всех вечерах, был “наш поэт”, типичный графоман. Из школы и пошел на фронт»⁸. И автор интервью, принимая эти слова за чистую монету, пишет об Окуджаве: «И все истоки его столь разных и неповторимых проявлений берут начало именно в этой части Москвы, на улице, где он родился, где прошли его детство и скоротечная юность, откуда пошел на фронт, унося в памяти образ родного Арбата, чтобы спустя годы воплотить его в стихах и мелодиях...»⁹

Такой вывод можно сделать и из песен Окуджавы – например, о «московских ополченцах»:

Над нашими домами разносится набат,
и затемнение улицы одело.

Ты научи любви, Арбат,
а дальше – дальше наше дело¹⁰.

Эта сокращенная биография, сначала вызванная естественным нежеланием рассказывать об аресте родителей, о том, что его из Москвы взяла к себе тбилисская тетка, а позже – уже выработанная версия событий, неоднократно изложенная в различных автобиографиях при поступлении в университет, на работу, оказалась важна Окуджаве как часть его собственного образа, и иногда он этот образ поддерживал, а иногда развенчивал. Пожалуй, здесь есть две закономерности – хронологическая (в 1950–1960-е гг. скорее создавал, в 1980–1990-е гг. скорее развенчивал) и еще одна: если разговаривать было интересно, если собеседник нравился, задавал интересные вопросы, Окуджаву чаще бывал откровенен (среди таких собеседников – Михаил Нодель, Илья Мильштейн, Ирина Ришина, Юрий Рост, Михаил Поздняев). Впрочем, и здесь не было такой уж четкой закономерности, и в этих интервью тоже могли проскальзывать какие-то моменты привычного мифологического рассказа о себе.

Из интервью Михаилу Поздняеву: «...во двор я ни разу, вернувшись в Москву, не заходил»¹¹ (и таких примеров немало). В интервью 1983 г. на вопрос «Бываете ли вы в старом доме?» Окуджава ответил: «Бываю, недавно зашел туда во двор. Деревья, которые сажал, стали большими. Жильцы все новые»¹². И обе эти фразы предваряют один и тот же рассказ о том, как его снимали в арбатском дворе, где он увидел жену слесаря Паши Ньюру. «Ни разу там больше не были?» – «Ну во двор заходил...»¹³: это 1995 г. Что на Арбате Окуджаву бывал, свидетельств, наверно, можно найти немало, вот одно из них: Т.А. Манкевич случайно встретилась с ним на Арбате через несколько лет после его отъезда из Калуги – видимо, в конце 1950-х гг.¹⁴

Помимо разницы в интервью, есть еще гораздо более существенные и интересные различия в песнях и стихах: как правило, песнями становились стихи более мягкие, те, которые могли создавать атмосферу уюта, понимания, единения, и оставались без музыки (или же почти Окуджавой не пелись) те, в которых было что-то личное или что-то резкое – а часто это очень связано. И поэтому Арбат как братство – это в песнях, а Арбат как «корешки» и дворовые правила – это в стихах.

Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа...
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа¹⁵.

В этой песне начала 1980-х гг. (после долгого перерыва – снова песне, после долгого перерыва – песне именно об Арбате) можно, зная, что скоро будет «Упраздненный театр», разглядеть в «растворенном в крови» – «корешки». Но можно ее слушать и слышать в ней то же, что и в «Арбатском романсе» конца 1960-х гг., – ностальгическую ноту и только ее:

Не мучьтесь понапрасну: всему своя пора.
Траву взрастите – к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
к нему-то всё, как видно, и вернется¹⁶.

А стихи 1970-х гг. об Арбате подчеркивают, что «тот самый двор... был создан по законам вечной прозы...», но в этом дворе, где «не выращивались розы» и куда «Гомер... не заходил...»¹⁷, ребята – «золотые» и «наши»:

Кликну мальчиков с Арбата,
что живые.
Они все свои ребята
золотые.

Пойдем к Зине, пойдем к Саше,
пойдем к Насте...
Это барышни все наши –
с ними счастье¹⁸.

А в 1990-е гг. совсем другая интонация, резкая, разоблачающая – те самые прежние собственные мифы.

«Американская фантазия» начала 1990-х гг.:

Мои арбатские привычки к пустому хлебу и водичке...¹⁹

«В карете прошлого», из последних стихов Окуджавы:

Мы трогаемся. Тут же ироничный,
глумливый хор арбатский слышен вслед²⁰.

И наконец, о самом арбатском мифе, им созданном:

Я так устал глядеть вперед с надеждой и опаской.
Пора уж как-нибудь остыть от трепотни арбатской²¹.

Лучше в Варшаве грустить по Москве,
чем на Арбате по прошлому плакать²².

X
1941 год

У Сильвии Степановны было много причин забрать к себе племянников. Наверно, Мария Вартановна с ними не справлялась; наверно, важно было и то, что младший из них скоро должен был пойти в первый класс и лучше было отдать его в тбилисскую школу, где он не так остро ощущал бы свое сиротство; наверно, дело было и в том, что старший с трудом учился, а досуг проводил преимущественно в том самом арбатском дворе и еще через год уже и забрать бы его не получилось – в любом случае его жизнь она повернула совершенно в другую сторону: быстро, резко, видимо, хорошо понимая, с чем и за что она борется, вероятно, – играя на его писательских амбициях: ну ты же хочешь стать поэтом!*

Это была квартира его родителей, где он жил почти 10 лет назад, Сололаки, улица Грибоедова, 11 – в двух шагах от проспекта Руставели. Здесь была его первая школа – и теперь вот последняя,

* О вероятных датах отъездов в Тбилиси и возвращений в Москву см.: *Юровский В.Ш.* «Никогда до конца не забыть тебя...» // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 8 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2011. С. 188.

видимо, уже седьмая по счету. Он опять пошел в школу с потерей года, зато – в хорошую. Зураб Казбек-Казиев рассказывает про осень 1941 г.: «Я познакомился с Булатом в 1941 году, когда наша семья эвакуировалась из Москвы в Тбилиси, на родину отца. Там жила моя бабушка, и мы могли как-то расположиться. Учиться я пошел в 101-ю школу, в которой тогда уже учился Булат. Он приехал в Тбилиси еще до эвакуации, до начала войны <...> Той 101-й школы в Тбилиси сейчас уже нет, там теперь какая-то контора (школа находилась в Сололаках, около Колхозной площади. – *О. Р.*). Случилось так, что Булат, будучи моим ровесником, учился на год моложе: я уже стал учеником 10-го класса, а он учился в 9-м. Булат, естественно, тяготел к москвичам. Меня он признал за такового, подошел, ну и мы с ним сошлись»¹.

Владимир Мостков, тоже учившийся в 101-й школе, познакомил Окуджаву и Зураба Казбек-Казиева с Филиппом Тер-Микаэляном, своим бывшим одноклассником. (Мосткова, Тер-Микаэляна и еще двоих ребят разбросали по разным школам, после того как они, семиклассники, унесли ружья Осоавиахима, чтобы бежать на войну в Испанию, – оружие спрятали в доме, где жил один из них, но это оказался дом напротив дома Берия, и дней 10 они провели в тюрьме*, всего 10 дней, потому что это был Тбилиси, где иногда удавалось откупить, упросить, договориться: «...и вот вдруг Володя мне говорит: “Слушай, у нас такой интересный парень появился в соседнем классе” <...> я в 42-ой (школе. – *О. Р.*), а Булат и Володя в 101-ой <...> И Володя меня с ним познакомил, я очень хорошо помню, зашли мы в класс, он сидел на парте, не на сиденье парты, а на парте сидел, и так радушно познакомились... и с тех пор сдружились, очень...»²

О Зурабе Казбек-Казиеве, Филиппе Тер-Микаэляне и Владимире Мосткове как о самых своих близких друзьях будет говорить Окуджава в интервью 1990-х гг.: «Настоящие друзья, самые близкие мне люди, которые уже не друзья, а родственники – не литераторы. Это друзья моей юности, отрочества. Среди литераторов есть несколько друзей, самый близкий – Белла Ахмадулина. Но друзей много не бывает»³.

Из другого разговора, с Ярославом Головановым:

- ...Друзей у меня немного...
- Писатели, поэты?

* Ф.М. Тер-Микаэлян: «У меня до сих пор (апрель 2003. – *О. Р.*) хранится эта справка о том, что пребывал в Тбилисской пересыльной тюрьме с такого-то по такое-то время, справка, которой я горжусь...»⁴

- Нет. К литературе они отношения не имеют: архитектор*,
строитель мостов**, еще один строитель...***
– А они обсуждают твои сочинения? Критикуют тебя?
– Конечно. И, бывает, даже очень остро!⁵

Они критиковали с самого начала, они тогда были сильнее.

Сильные друзья, сильные учителя и сильные именно в литературе: очень вовремя, в те самые формирующие старшие классы, когда могла случиться литература, а могло случиться что-то совершенно иное.

Год, остававшийся Окуджаве до армии (из них четверых на войне был он один), оказался очень ярким. И в Нижнем Тагиле, и в Москве были литературные кружки, куда он ходил; гораздо более насыщенная литературная, окололитературная жизнь появилась у него в Тбилиси – благодаря тетке, сводившей его с интересующимися литературой друзьями ее дочери, благодаря друзьям, тогда более знающим, и школьной учительнице литературы: «Анна Аветовна. Это яркое и ясное пятно в нашей жизни... это просто веха. Анна Аветовна – красивая женщина с лучистыми глазами, очень образованная, помешанная на литературе, очень активная. И она нам преподавала литературу. Мы тогда не знали, что ее тоже коснулся 37 год, у нее был расстрелян муж, она этого не знала... Она жила вместе со своей дочерью Неарой. Вот Анна Аветовна была совершенно предана ученикам. Она их любила до обожания...»⁶

Новый, военный, учебный год начался сразу с агитбригады: «В сентябре месяце она (Анна Аветовна. – *О. Р.*) решила организовать драмкружок, но тогда это было не модно, и тогда, значит, агитбригада. Причем почему-то – я приехал из Москвы, – но она на меня указала: “Вот ты будешь подбирать этот кружок”. Я не имел никакого дара, но я так заважничал – сидел нога на ногу и подбирал: “Ты годишься, ты не годишься”. И вот в том числе и Наташа Мелик-Пашаева пришла

* Зураб Казбек-Казиев: «...я профессор Московского Архитектурного Института, бывший заведующий кафедрой тоже, главный редактор основного учебника, по которому учатся студенты. Тоже понастроил в своей жизни достаточно много, но я по зданиям специалист, я инженер-агротехник. Свыше 1000 проектов, которые я работал»⁷.

** О Филиппе Тер-Микаэляне: «...лауреат Государственной премии, он мостовик, строитель, заслуженный строитель, лауреат еще каких-то премий <...> при его участии построены крупнейшие мосты (железнодорожные. – *О. Р.*) в Советском Союзе»⁸.

*** О Владимире Мосткове: «Мостков Владимир Михайлович, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой МИФИ»⁹.

к нам, мы ее сделали героиней-любовницей»¹⁰. О том, что играли: «Аленький цветочек», про военное время, она была медсестрой, почему-то ее звали Аленький цветочек. Я был героем-любовником, который был в нее влюблен. Булат был, между прочим, раненый солдат, который проходил по сцене в качестве статиста»¹¹.

Из воспоминаний Зураба Казбек-Казиева такая картина: он, знающий и любящий стихи, и Окуджава, пришедший в кружок не литературы ради, а ради девушки, за которой там проще было ухаживать: «Потом мы, конечно, читали стихи, читали прозу и выступали в разных местах. Однажды мы выступали в челюстно-лицевом госпитале, и я не нашел ничего умнее как читать чеховский рассказ “У меня болят зубы” или что-то в этом роде (видимо, “Лошадиная фамилия” или “Сельские эскулапы”. – О. Р.). Я очень увлекался Маяковским, читал Маяковского, конечно, Есенина, Блока. Просто я их хорошо знал. Наизусть я знал всего Маяковского, всего Блока, всех модных поэтов. А Булат ходил, в основном, из-за Наташи, чтобы провозжать домой. Там у нас было весело, мы пели. <...> Ходили по разным госпиталям, по разным местам. Но самое главное, что она нам привила любовь к литературе <...> У нее стеллажи были, полные книг. Книги эти никто никогда не разбирал, помещение ветхое. Но чаем нас угощали. Иногда там появлялись интересные люди, Балашов. Беседа была довольно интересная, а мы сидели, развесив уши, слушали»¹². Угощала чаем и давала почитать свежие журналы. «Она оказала огромное влияние на всех нас»¹³, иногда водила в гости: «прямо табуном нас водила к приезжим знаменитостям из Москвы», к О.Л. Книшпер-Чеховой, В.И. Качалову: «В Тбилиси в эвакуации тогда было много московских артистов»¹⁴.

Вероятно, именно Анна Аветовна организовала вечер мхатовцев в школе, о котором вспоминает Филипп Тер-Микаэлян: «...тогда у нас были в эвакуации мхатовские артисты: Качалов, Тарханов, Массалитинова (Массалитинова Малого театра). В общем, плеяда великих актеров наших. И они пришли туда в школу, и Булат выскочил со своим стихотворением, им посвященным, его Качалов обнял, поцеловал, пожал руку. И вот там такие строки были: “Я ведь тоже москвич, я такой же москвич, как и вы”»¹⁵. Тбилиси, город, знакомый с детства, гораздо более открытый, чем Москва, он с самого начала этих 15 немосковских лет воспринимал как ссылку.

В театр, в оперу, в консерваторию ходили часто, все четверо: «Качалова я вообще не пропускал, и мы все четверо ошивались. У нас еще одна богиня была, Вера Александровна Давыдова. Великолепное меццо-сопрано, великолепное»¹⁶ – солистка Большого театра, в это время она жила с мужем в Тбилиси, на одной лестничной клетке с Окуджавой¹⁷.

Консерватория – на той же улице Грибоедова, в двух шагах от его дома, опера – на проспекте Руставели, это чуть подальше, но все равно очень близко: «Консерватория по обязанности больше, из чувства долга, мы же все-таки музыкальные... А вечера вокальные – не пропускали никого. Приезжал Мигай, известный баритон, считался одним из лучших, приезжал на старости лет, уже от голоса мало что осталось, осталась выразительность. Очень много пела Нина Дорлиак, жена Рихтера, Рихтер играл в концертах. У Нины Дорлиак был крошечный голос, очень маленький, но очень высокое искусство исполнения. Вот это мы ходили, ну очень много – потому что билеты были бесплатные по тогдашним ценам, булка 100 рублей, билет в оперу – 1 рубль или 2»¹⁸. Очень схожие воспоминания у самого Окуджавы: «...я приехал в Тбилиси и жил у своей тетки. А тетка жила напротив консерватории. Сестра моя двоюродная (Луиза, Люлю, дочь Сильвии Степановны. – О. Р.) поступила в консерваторию, и мы бывали там на студенческих вечерах, на конкурсных экзаменах, на концертах. Это был дом родной. И потом – теплая погода, окна всегда открыты, узкий переулок... В консерватории допоздна занимались вокалом, скрипкой, фортепиано... А тут еще молодой Рихтер приехал – рыжий такой, тощий. В консерватории ему дали класс, где репетировал перед концертом. В общем такая жизнь была. Это меня тоже приобщало к музыке. Я тоже пытался одним пальцем какие-то там свои стихи наигрывать и напевать... Была потребность»^{19*}.

Окуджава и сам пел арии: «Всегда любил петь. В юности с друзьями часто ходил в оперу, и потом меня заставляли исполнять арии Каварадосси**, Германна... В армии был запевалой»^{20*}. «Во-

* О музыке в детстве: «Мой отец был музыкальным человеком, любил оперу, мама разбиралась в музыке плохо, но буквально боготворила ее. Я прослушал множество оперных спектаклей и балетов. Когда появились первые патефончики, мне купили пластинку с арией Мефистофеля в исполнении Шаляпина... Это была большая ценность тогда. Я все это знал наизусть, со всеми тонкостями и пытался петь... Вот так происходило мое приобщение к музыке»²¹.

** О Каварадосси: «Вообще искусство стало меняться. Везде уровень ресторана, но ресторанный песня – это ресторанный песня, и дай ей Бог здоровья, в ресторане ты не будешь слушать арию Каварадосси. Но когда эта музыка становится ведущей, это ужасно»²².

*** Ср. еще несколько высказываний Окуджавы:

«– А какую роль играет музыка теперь в вашей жизни? – Огромную, конечно. Я жалею, что не приобщен к музыкальной грамоте, но сейчас уже поздно этим заниматься. Люблю классическую музыку,

обще певал очень много. В один прекрасный вечер мы собрались на набережной реки Куры, она такого паркового типа. И вдруг он – или он прослушал оперу “Тоска”, или в записи какой-нибудь – начал: “Я никогда так не жаждал жизни... Мой час настал, и вот я умираю”. И эту фразу “И вот я умираю” – самое высокое место – мы раз десять заставили петь, мы были потрясены – не только исполнением, но и самой этой партией. <...> И второе тоже самое – “Смейся, паяц” – это ноты надрыва»²³. – «Напевал, что хотите, что попросишь, то и напоет, совершенно не щадил своего голоса, лишь бы нам угодить»²⁴. Он был тогда не так образован, как друзья, а музыка – это была та область, где он был сильнее, и поэтому, когда в 1940-е гг. Окуджава начал петь свои стихи, для него это не было созданием нового жанра (а тем более так и названного – «авторская песня»), никаких иных литературных амбиций здесь тоже не было – он просто наконец нашел, как соединить то, что у него получалось, то, что ему было органично: «...голос хороший, у него тембр, красивый был очень тембр, бархатный, я даже затруднился бы сказать, это драматический тенор или баритональный, настолько мягкий, низкий был. Между тенором и баритоном, но не поставленный абсолютно, и слава богу <...> (музыкального образования действительно было, по собственному признанию Окуджавы, “пять дней” музыкальной школы*. – О. Р.) он ничего не знал, он не мог записывать ноты»²⁵.

В компаниях пели постоянно (Зураб Казбек-Казиев): «...ни у меня, ни у Володи нет слуха никакого, – мы, конечно, были подпевалями, пели вовсю, горланили. А впереди шли эти два тенора, у них у обоих слух хороший, а мы с Володей – шумовую завесу»²⁶ –

у нас дома очень хороший подбор пластинок. Мы слушаем их часто, бываем на филармонических концертах.

– Кто ваш любимый композитор?

– Так трудно сказать... Я в своем развитии остановился где-то на Рахманинове. Люблю Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шумана. Из более поздних мне интересен Прокофьев. Если говорить о легкой музыке, об эстраде – в мою жизнь вошел джаз. Раньше я любил легкомысленный, развлекательный джаз, а серьезный не понимал. А вот в последние годы Луи Армстронг стал для меня совершенно грандиозным явлением, я понял вдруг, что он поет о себе, выражает себя, и это – высокое мастерство»²⁷. Или: «Мои музыкальные пристрастия – это Бах, Моцарт, Бетховен, Рахманинов. Кроме того, я внезапно полюбил старый классический джаз, Армстронга, Элингтона»²⁸.

* См.: «...Из музыкальной школы, где я учился, на пятый день сбежал»²⁹.

«Булат очень музыкален был в самом начале. У него слух на порядок выше, чем у нас у всех остальных. У меня еще кое-как, что-то различаю, могу симпровизировать. <...> Булат до сих пор считал, что мы были запевалы, и меня причислял к себе, ну, конечно, между нами была пропасть в его пользу» (Филипп Тер-Микаэлян)³⁰.

А собирались часто (Зураб Казбек-Казиев): «Модно было приглашать на свой день рождения, девочки были на выданье, но мальчиков было мало, на нас был спрос, а сделать стол в те времена ничего не стоило: винегрет всегда можно было сделать, лобио, красное вино разливное ничего не стоило, потому что у него не было вывоза, а нас просили, если мы можем, приводить своих друзей, приятелей. И вот мы водили целый хвост. Один из моих приятелей потом говорил: “Вы нас кормили”. Все, в общем, подгладывали. “Вы” – это значит: я и Булат. <...> я начинал компанию, я выступал с речами, блистал, это было первые полчаса–час. Час веселья, и здесь наступал час Булата. Конечно, стихов он не читал, ну, иногда посвящал хозяйке, а потом пел, пел вместе с другими под чужой аккомпанемент, как правило. Становился гвоздем программы, он душа общества становился и пел с большим удовольствием, не стесняясь совершенно: “Чубчик кучерявый” (“Бывало, шапку надвинешь на затылок...” – О. Р.). Сколько их там. Вот так продолжался весь вечер. Ну, а что еще надо – погорланить. Вино есть, погорланить можно, ну, а винегрет, сколько съешь – столько съешь...»^{31*}. Арии, блатные песни – в компании все шло «на ура».

* Ср. воспоминание Окуджавы, видимо, относящееся к чуть более позднему времени: «О-о! Как мы встречали этот праздник в студенческие годы! Времена были тяжелые, денег не было. Но мы покупали дешевое сухое вино и жевали с ним хлеб. От этого очень быстро пьянеешь. (Кстати, весьма практично и в наши времена).

Раньше, если готовилась вечеринка, и я по болезни не мог прийти, это была трагедия, жизнь заканчивалась. В юности праздник – это смысл существования. Я никогда не загадывал вперед, я шел на праздник, буйствовал, веселился, сходил с ума. В поздние годы я уже знал сценарий – наступит утро, и мы, хмурые и злые, разойдемся по домам, я знал, что наступит конец. Поэтому только дети в счастливом неведении конца умеют веселиться»³².

XI Война

Ушел на фронт добровольцем в 17 лет – это есть почти в любом рассказе Окуджавы о себе, будь то интервью, выступление перед зрителями или художественная проза; с самого начала войны ежедневно ходил в военкомат, добиваясь повестки: «Как и многие сверстники, отчаянно рвался на фронт. Вместе с другом мы каждый день наведывались в военкомат. Нам вручали повестки и говорили: “Разнесите их по домам, а завтра мы вас отправим”. Длилось так полгода... Наконец, сломленный нашим упорством, капитан не выдержал и сказал: “Пишите свои повестки сами. У меня рука не поднимается это сделать”. Мы заполнили бланки и отнесли их домой: он ко мне, а я к нему»¹. О первом дне войны – в рассказе «Утро красит нежным светом» (1975):

Пришел мой друг, Юрка Папинянц.

– Ну, сказал он, – в военкомат не идешь?

– Конечно, – сказал я, – пошли².

Отар Дзимистаришвили, у которого с Окуджавой был общий двоюродный брат Гиви, старший сын Михаила, позже дружил с Юрием Папинянцем, вместе они ходили в походы (в его архиве сохранилась фотография: Тиберда, 1962). По его воспоминаниям, Юрий Папинянец и Окуджава были соседи, знакомы с детства, у обоих были репрессированы отцы, и, как позже в какой-то случайной беседе проговорился Папинянец, в их настойчивом добывании повестки, кроме патриотизма, был еще и этот мотив – оправдаться*.

Фамилия капитана, момент призыва – все это, как вспоминает Отар Дзимистаришвили рассказы Юрия Папинянца, описано очень точно³ – правда, в прозе Окуджава пишет, не скупясь на краски: «...Бедный капитан Кочаров! Мы все-таки дожали его в один прекрасный день.

– Ладно, – сказал он, еле сдерживаясь, – черт с вами! Завтра придете с кружкой-ложкой. В 9.00.

– А повестки? – спросили мы.

– Бюрократы! – закричал он. – Какие повестки, когда я вам самим говорю! – Но, увидев наши лица, швырнул розовые листки, отошел к окну и прохрипел оттуда: – Сами будете заполнять, черт вас дерит! Моя рука не виновата, запомните. Сами пишите! <...>

– Послушай, – сказал я Юрке, – я побегу домой, а ты принесишь повестку... Как будто я ничего не знаю»⁴.

В интервью Юрию Росту – более буднично: о работе на заводе, о том, что не все вокруг рвались на фронт (деталь, которой нет ни в лирике, ни даже в прозе Окуджавы): «Я приехал в Тбилиси перед самой войной. Потом война. Я, конечно, начал бомбардировать военкомат. С приятелями мы требовали, чтобы нас забрали в армию. Мы охаживали капитана Качарова**. Он сначала орал на нас, топал ногами, потом привык и, чтобы отвязаться, поручил повестки разносить. Мы ходили по дворам. Нас били за эти повестки, бывало. Горесть приносили***.

Потом я ушел из школы. Работал на заводе учеником токаря. Занимался ровировкой стволов огнемёта. Что такое ровировка,

* З.А. Казбек-Казиев вспоминает, что друга, с которым Окуджава ушел на фронт, звали Георгий Минасян⁵.

** В прозе и интервью Окуджавы написание фамилии капитана разнится – в прозе орфография его собственная, в интервью фамилия расшифровывалась со слуха.

*** См.: «Я не помню, чтобы простой народ уходил на фронт радостно. Добровольцами шли, как ни странно, интеллигенты, но об этом мы стыдливо умалчиваем до сих пор. А так война была абсолютно жесткой повинностью»⁶.

до сих пор не знаю. Что-то тяжелое мы делали изо дня в день, из ночи в ночь, по 14–16 часов безвылазно. А я все ходил к военкому, надоедал. Наконец этот Качаров не выдержал и сказал: вот вам повестки. Мы сели и сами себе их написали»⁷. На вопрос о том, сколько ему было тогда лет, Окуджава четко отвечает: «17 лет. Тетка моя всполошилась, сказала, что пойдет в военкомат, что все перевернет, что это безобразие. Я ей сказал, что, если она пойдет туда, я убегу из дома»⁸. 17 лет – это до мая 1942 г. Вроде бы все совпадает: «Мы с моим другом Юрием Попенянцем (так в интервью Ю. Роста, опубликованном уже в 1998 г. – *О. Р.*) получили направление в 10-й Отдельный запасной минометный дивизион. В Кахетии он располагался. Это был апрель 42-го года»⁹.

По мнению сестры, Окуджава ушел добровольцем до 18 лет – иначе бы Сильвия Степановна успела вмешаться¹⁰: однажды уже, в Первую мировую, она не дала забрать в армию своего мужа – пришла к губернатору, сказала, что хочет сыграть с ним в карты, что, если выиграет, он должен выполнить ее просьбу. Выиграла. С племянником она билась, видимо, все то время, что он ходил в военкомат. Зураб Казбек-Казиев: «Когда он шел на войну, он рвался на войну, он же добровольно убежал на войну раньше времени, он сам написал об этом, это все правда. Я был среди тех, которые его уговаривали – “Ради бога, не надо”. Его тетка родная сходила с ума: “Ты не понимаешь, куда ты прешься, там пекло”. Он немножко был романтиком <...> помчался на войну, многие его отговаривали: “Ну, куда ты спешишь?” Да, конечно, патриотические чувства во всех нас были тогда»¹¹. Он ушел добровольцем*, и она не успела вмешаться – это самый сильный аргумент в пользу апреля 1942-го, его документальных подтверждений нет пока никаких, зато есть несколько указаний на август.

Оформляясь в 1953 г. на работу в одну из вечерних школ Калуги, Окуджава заполнял личный листок по учету кадров:

авг. 1942 – окт. 1942 254 гвард<ейский> кав<алерийский>
полк кавалерист.

октябрь – декабрь 1942 э<вако>/г<оспиталь> на излечении

декабрь – март 43 г. 124 стрелк<овый> полк – стрелок

март 1943 – апр. 1944 126 арт<иллерийская> бригада –
радист

* Поступая в университет, в августе 1945 г. в автобиографии Окуджава писал о том, что «ушел добровольцем на фронт»¹². Правда, в том же документе, стремясь обойти указание на арест родителей, он пишет, что эвакуировался из Москвы.

с апр. 1944 – май 1945 амбулаторный курс лечения в Тбилисском психиатрич<еском> инстит<уте>
с июня 1945 – июль 50 Тбилисский Гос<ударственный> университет г. Тбилиси¹³.

С этого документа начались мои поиски в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске (ЦАМО): 254-й кавалерийский полк к августу 1942 г. был расформирован; в октябре – начале ноября Окуджава не мог быть в госпитале* – он еще только добирался к фронту; в 124-м стрелковом полку он не был, а был в 124-м запасном стрелковом полку, причем позже указанного здесь срока; 126-я бригада была – пропущенное слово – гаубичная артиллерийская, причем попал он туда не из 124 ЗСП** и не в марте, а в июле, числился там до демобилизации в апреле 1944 г., но был отправлен из бригады в госпиталь накануне нового, 1944, года.

Однако подтверждения тому, что в армию Окуджава попал не в апреле, а в августе 1942 г., как раз есть.

Косвенное, но убедительное свидетельство того, что в августе 1942 г. Окуджава еще в Тбилиси: этим месяцем датировано стихотворение «Если... то!», отданное им Филиппу Тер-Микаэлян с припиской, вполне естественной при таком расставании:

На память,
на счастье,
Вообще на что угодно
дорогому товарищу
Филиппу М.¹⁴

Другое указание на август: «Начиналась моя служба в запасном минометном дивизионе. Два месяца проходил обучение. А потом в составе дивизиона был отправлен на Северо-Кавказский фронт. Воевал минометчиком, пока не получил ранение»¹⁵ – это из интервью 1986 г. «Два месяца» вместе с «осенью», упомянутой в разговоре с Юрием Ростом («А потом в один прекрасный день

* Противоречие внутри одного документа: в том же листке по учету кадров, в графе «Состояние здоровья (имеет ли ранения, контузии и когда получил)», Окуджава пишет: «тяжелое ранение в декабре 1942 г. г. Моздок»¹⁶.

** В военных документах части называются сокращенно: ЗСП – запасной стрелковый полк, ГАП – гаубичный артиллерийский полк и т. д.

осенний нас передислоцировали в Азербайджан»¹⁷), – еще одно подтверждение августа.

И наконец, документы.

В документах 126-й гаубичной артиллерийской бригады (126-й ГАБР), где Окуджава заканчивал службу, в графе «Когда, каким РВК и в какой области призван, мобилизован (последний раз)» значится «Август 42 Им<ени> Берия РВК г. Тбилиси»¹⁸ – районный военкомат Мтацминдского района.

«С августа 1942 г. по апрель 1944 г. находился на военной службе, участвовал в боях в качестве минометчика, радиста, стрелка; был тяжело ранен под Моздоком»¹⁹ – это все тот же личный листок по учету кадров. Здесь же: «До 1942 года работал токарем на военном заводе в Тбилиси, а в августе 1942 г. подал заявление о зачислении меня в ряды РККА»²⁰ – сколько времени он работал на заводе? «До 1942 года» – это когда? До августа? И откуда возник апрель? И почему его до августа не призвали, несмотря на то что был уже совершеннолетним? Потому что все еще был школьник? Тетя Сильвия добила каких-то поблажек, а он добился их отмены? Или у них был достигнут компромисс – в армию он не идет, но работает на военном заводе?

С работой на заводе тоже не все ясно. Зураб Казбек-Казиев не помнил, чтобы Окуджава работал на заводе: «Не знаю я. При мне он не бросал школу. Понимаете, я могу ошибиться. Дело в том, что, когда я кончил школу, то он еще перешел только в 9 класс*. И дальше мы встречались, но вы понимаете – я был занят студенческой работой. Я мог что-то упустить. Я продолжал с ним встречаться, но нерегулярно: разные интересы появились, у него интересы свои, у меня свои <...> Я бросил литературный кружок. <...> Дальше его продолжали другие – агитбригаду <...> Сами понимаете, что я был начинатель, ну, это продолжалось полгода, 6 месяцев, 5 месяцев. Я не знаю, сколько времени это продолжалось. А где-то в начале марта (1942 г. – *О. Р.*) я уже был студентом. Не кончив школу, я стал вольнослушателем...»²¹ О работе на заводе – Филипп Тер-Микаэлян: «Не помню этого эпизода»²². Если агитбригада, организованная Анной Аветовной в сентябре 1941 г., просуществовала около полугода, то распалась она в начале весны 1942 г., когда Зураб Казбек-Казиев, еще школьник, но уже студент, несколько упустил друзей из виду. Вероятно, к этому времени и относится работа Окуджавы на заводе: март–апрель 1942 г., а может быть, именно апрель? Может быть, «апрель» в

* Окуджава был в 9-м классе, когда Зураб Казбек-Казиев, продолжая учиться в 10-м классе, стал уже студентом.

рассказе Окуджавы о том, как он бросил школу и ушел на фронт, относится именно к брошенной школе, а не к фронту? И именно с распадом агитбригады он бросил школу и пошел на завод, а работал там очень недолго, до августа? Так недолго, что друзьям его это не запомнилось – а он запомнил на всю жизнь.

Что случилось потом – призвали или сам добился повестки, уговорил капитана Кочарова? Скорее всего, уговорил, потому что начинает он службу действительно вместе с Юрием Папинянцем.

* * *

В личном листке по учету кадров (дорожный архив Московско-Киевской железной дороги) нет никакого минометного дивизиона, а в разговоре с Юрием Ростом, наоборот, Окуджава не упоминает о службе в кавалерийском полку.

С кавалерийским полком история загадочная.

Окуджава пишет, что попал в него в августе 1942 г. – полк, однако, перестал существовать еще в марте, как и вся 91-я кавалерийская дивизия, в состав которой он входил: 31 марта 1942 г. она была расформирована в 7-й кавкорпус, и остатки ее в апреле 1942 г. вошли в 83-ю кавдивизию*, с конца марта находившуюся в Тульской области, а в декабре бывшую на Воронежском фронте²³. Даже если предположить, что Окуджава попал в армию в апреле 1942 г., трудно представить, что отправлен он был в Тульскую область, а потом возвращен, призван в августе тбилисским военкоматом имени Берия и послан в Кахетию.

Есть, однако, еще одно упоминание о том, что Окуджава служил в кавалерии. В газете «Боец РККА» 2 сентября 1945 г. в заметке, предваряющей первую публикацию стихотворений Окуджавы, автор представлен очень образно: «В казачьем гвардейском корпусе генерал-майора Селиванова пользовались немалой популярностью лирические стихотворения рядового Булата Окуджава. Красноармеец Окуджава попал в этот корпус в разгар войны с немецкими захватчиками. С ним сроднился он, с ним прошел с жаркими боями не одну сотню километров. Только после тяжелого ранения тов. Окуджава покинул боевых товарищей и впоследствии, после излечения в госпитале, был демобилизован»²⁴. Иван Васильевич Селиванов был командиром 83-й кавдивизии с 1 сентября по 20 ноября 1941 г. – в период ее формирования, когда

* Кавалерийские дивизии РККА в 1941–45 гг.: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://soldat.ru/spravka/t/table7.html> (дата обращения: 03.02.2013).

сама она находилась в Чкаловской (сейчас Оренбургской) области в поселке Саракташ, а Окуджава еще выступал в агитбригаде.

Селиванов был не генерал-майором, а, как следует из его УПК (учетно-послужная карта), генерал-лейтенантом, однако о том, что с ним происходило с ноября 1941 г. по январь 1944 г. (Разжалован? Попал в штрафные части?), здесь записей нет:

Командир 83 кав<алерийской> дивизии
Исключен из списков С<оветской> А<рмии> ввиду смерти
Пункт приказа ГУК НКО (Главного управления кадров
Народного комиссариата обороны СССР. – *О. Р.*) от 29.1.44 г. –
отменить²⁵.

Какое отношение к послужному списку Окуджава имеют расформированная дивизия и ее бывший командир? И почему одно из первых его стихотворений (опубликовано 12 декабря 1945 г. в тбилисской газете «Ленинское знамя») называется «Кавалерист» – о ребенке, который смотрит из окна на «кавалерийский эскадрон»²⁶?

* * *

Насколько удалось восстановить по архивам ЦАМО, 10-й отдельный запасной минометный батальон* – первая воинская часть, в которой служил Окуджава (вот еще одна автобиографическая деталь в широко известной песне, хоть минометчик и заменен в ней на десантника).

В августе 10-й ОЗМБ в Кахетии, в конце месяца – в поселке Карданахи²⁷, недалеко от границы с Дагестаном, осенью его отправляют в Азербайджан²⁸, а после Азербайджана (около месяца?) батальон мотается из части в часть: «Однажды нас вдруг подняли. Повезли в баню и после помывки выдали новую форму. Но повезли не на фронт, а под Тбилиси в какой-то военный городок за колючей проволокой. Там мы изучали искусство пользования ручной гранатой. Раздали вечером гранаты и предупредили, что если сунуть неудачно капсулю внутрь, то тут же взрыв, и все. Гранаты заставили на пояс прицепить. Капсули отдельно, и велели лечь спать. Мы ложились медленно, стараясь не дышать. Ночь была страшная**. Утром смотрим, стоят студебеккеры новенькие американские, наши минометы прицеплены к ним. По машинам! И начались наши фронтовые скитания.

* В документах встречаются и «батальон» (чаще), и «дивизион».

** Ср. в рассказе «Утро красит нежным светом...»: «Я лежал на своем матрасе и боялся дышать. Гранаты упирались в бок.

Это была Отдельная минометная батарея, которая придавалась разным частям. Вот мы едем-едем, нас должны придать такому-то полку. Приезжаем, оказывается, там уже батарея есть. Потом несколько дней ждем, потом нас отправляют в другое место. Опять эшелон, опять придают какому-то полку»²⁹.

Раздаточная ведомость на выдачу денежного содержания рядовому и младшему начальствующему составу – документ очень ценный: именно здесь можно найти рядового (учетно-послужных карт на рядовых в ЦАМО нет), да еще уточнить, в этой ли части он был в следующем месяце или в предыдущем. В раздаточной ведомости на учебную роту за октябрь 1942 г. имен существенно больше, чем в сентябрьской – пришло пополнение. 76-й номер – «Окуджав Б.Ш.», 77-й – «Папиньянц С.С.»³⁰. Ошибка в фамилии, а инициалы пояснил Отар Дзимистаришвили: для друзей Папинянц был Юра, хотя по документам он – Сергей Сумбагович. Подпись «Папинянц» стоит напротив фамилии «Окуджав», подпись Окуджавы, естественно, – напротив фамилии Папинянца. В графе «должность» у них обоих, как и у большинства вокруг, значится «курс» – курсант, в графе «По какому году службы» – «моб», здесь почти все «моб», мобилизованные, новобранцы. Всем причитается 10 рублей.

В раздаточных ведомостях 10-го ОЗМБ за август, сентябрь, ноябрь и декабрь Окуджавы и Папинянца нет: вероятно, к сентябрьской зарплате не успели, но успели помотаться вместе с батальоном, пока в начале октября их не придали 9-й запасной артиллерийской бригаде (9-й ЗАБР), а в ноябре отправка на фронт: в документах 126-й ГАБР в графе «Время присяги» указано: «Присягу принял. Ноябрь 42»³¹. К присяге в 9-й ЗАБР, да и не в ней одной, приводили с большим опозданием, несмотря на приказ комвойсками почти полугодичной давности*.

– Юрка, – спросил я едва слышно, – ты не помнишь, если запал отдельно от гранаты вдруг взорвется, она тоже взорвется или нет?

– Не помню, – прошептал он.

– Ребята, – сказал кто-то, – главное – во сне на нее не лечь.

Главное – не давить на нее, проклятую...

– Разве она от давления взрывается тоже? – спросил я.

– Кто ее знает, – ответили из темноты, – а лучше не давить...»³²

* 3 июня 1942 г. в 9-й ЗАБР был получен приказ: «Имеются сведения, что прибывающие в части военнослужащие не приводятся к присяге. КОМВОЙСКАМИ ФРОНТА П Р И К А З А Л:

В пятидневный срок со дня получения настоящей телеграммы привести к присяге всех военнослужащих не принявших присягу.

Исполнение донести»³³.

В «Дружбе народов», в преддверии 50-летия Победы, при публикации эссе Окуджавы «Надеюсь на это, надеюсь...», его представили следующим образом: «Ветеран Отечественной, доброволец, солдат. 16 декабря 1942 года ранен под Моздоком»³⁴. Сам Окуджава обычно, не называя дат, говорил о декабре 1942 г.* «Вы так и не успели повоевать толком?» – «Нет. Месяца полтора. Я вообще в чистом виде на фронте очень мало воевал. В основном скитался из части в часть»³⁵; если доверять этим полутора месяцам, так и получается: в ноябре отправлен на фронт, в декабре ранен.

Из личного листка по учету кадров, 1953 г.: в Красной Армии был «с 1942 по 1944», «последняя должность рядовой», и в графе «Участвовал ли в боях во время гражданской или Отечественной войны»: «сев<еро-> кавк<азский> фронт 224-я гв<ардейская> Див<изия> Минометчик»³⁶. 224-я стрелковая дивизия (почему Окуджава называет ее – гвардейская?) в декабре 1942 г. была на Ленинградском фронте. Моздок брала 417-я стрелковая дивизия, в конце мая – начале июня 1942 г., а возможно, и дольше, стоявшая рядом с 9-й запасной артбригадой³⁷, однако упоминаний об их соседстве осенью 1942-го в просмотренных мной документах в ЦАМО не попалось: вряд ли Окуджава оказался на фронте в составе именно этой дивизии, попав в нее непосредственно из 10-го ОЗМБ.

Можно сделать несколько предположений о том, как, в составе какой части Окуджава попал под Моздок, но восстановить, что происходило с частью на фронте, очень трудно: естественно, ее документы в значительно меньшем порядке, нежели документы запасных частей, – те, которые вообще сохранились.

* * *

9-я ЗАБР, «Подлинные приказы по бригаде», 5 октября: «Прибывший в мое распоряжение 10-й Запасной Минометный батальон расположить в селении Кечаскер Акстафинского района и зачислить на все виды довольствия в бригаде с 3-10-42 г<.>»³⁸. Приказы всегда «атрибутированы» – есть дата и место: поселок Грюнфельд (позже – Калининкенд, сейчас Вургун), примерно в 15 километрах от Кечаскер (Kechasger), тоже Акстафинский район (станция Акстафа – Ağstafa – как раз между ними).

* См., например: «В 1942-м вы ушли на фронт, в пехоту. Когда и где вы были ранены?» – «Под Моздоком, в декабре 42-го»³⁹. Ср. также в листке по учету кадров: поступая на работу в калужскую школу, Окуджава написал в 1952 г.: «Тяжелое ранение 1942 г. декабрь. Сев. Кавказский фронт»⁴⁰.

16 октября приказ о формировании новой части:

1. <...> сформировать выючно-горный минометный полк по ранее разосланному штату.

Впредь до получения из центра нумерации – присвоить полку номер 3-й.

2. Формирование 3-го выючного горного минометного полка возлагаю на командира бывшего 906 АП (артиллерийский полк. – *О. Р.*) майора УСАТЕНКО, на базе остатков личного состава полка, дополнив недостающих младших командиров и красноармейцев из 10 Отдельного Запасного минометного дивизиона^{41*}.

Недавно прибывшемуся к бригаде запасному батальону (в артиллерии – дивизион, поэтому в документах он называется и так, и так) было найдено применение. Приказ от 17 октября: «Для формирования 3-го выючно горного минометного полка, дислоцированного в районе цементного завода в городе ТАУЗ ОТКОМАНДИРОВАТЬ к 12-00 18.10 из 10 Отд<ельного> Запасного минометного дивизиона 188 чел»⁴². Вероятно, именно этот полк, получив номер, стал 197-м горно-выючным минометным полком и 11 ноября 1942 г. был отправлен со станции Тауз не на фронт, а в лагерь Вазиани⁴³. Тауз (Товуз) находится примерно в 20 километрах от Кечаскер и в 130 километрах от Тбилиси, Вазиани – в 25 километрах от Тбилиси. Значит, Окуджава оказался в другой части.

В день прибытия 10-го ОЗМБ в 9-й ЗАБР был отдан приказ о формировании маршевых батарей и минометных команд: «1/ На основании приказа войскам Закавказского фронта от 25-9-42 г.<.> за № 00379 сформировать 18 маршевых батарей, согласно штатного расчета № 1, численностью 148 человек каждая и 3 минометных команды, численностью 150 человек каждая»^{44**} – в том числе 3 минометные команды должны быть

* И далее: «...Укомплектование личным составом закончить полностью 18-10-42 г.<.>

5. Для полного обеспечения минометами командиру 10 ОЗМД передать 17-10-42 г. командиру 3-го выючно-горного минометного полка ЧЕТЫРЕ 107 м/м миномета и все переданные минометы исключить с лицевого счета 10 ОЗМД. Выюки к 10 минометам будут отпущены дополнительно по получении их из центра»⁴⁵.

** И далее:

«2/ Формирование маршевых подразделений возлагаю:

а/ 10 батарей на командира 29 ГАП; срок готовности: – 3 батареи к 15-му октября 1942 г.; 5 батарей к 25-му октября 1942 г. и 2 батареи к 30-му октября 1942 г.

сформированы из 10-го ОЗМБ, две должны быть готовы к 20 октября, одна – к 30-му. Окуджава мог оказаться в одной из них. Маршевые батареи приказом от 17 октября расформируют и весь их состав обратят на формирование артиллерийских частей*, а вот про минометные команды в этом приказе ничего не говорится: то ли расформированы, то ли отправлены на фронт.

Вместо них или помимо – приказ о формировании минометной батареи, другая возможность отправки на фронт:

Во исполнение распоряжения Зам. Комвойсками Закафронта – Генерал-Майора Артиллерии т. ПЕСТОВА № УК/00631 от 27.10.42 г.

ПРИКАЗЫВАЮ СФОРМИРОВАТЬ:

1/ Командиру 10 Отдельного Запасного минометного дивизиона – одну минометную батарею, согласно высланного Вам штата № 04/204 28.10.42 г. Срок исполнения 30.10.42 г. <...> Формирование закончить полностью командно-начальствующим и рядовым составом к 5-му ноября 1942 г.⁴⁶

Времени на подготовку – один-два дня, теперь уже некогда сформировывать, переформировывать и расформировывать

б/ 8 батарей на командира 11 ПАП; срок готовности всех 8 батарей к 30-му октября 1942 г.

в/ 3 минометных команды на командира 10 ОЗМБ; срок готовности – 2 команды к 20 октября 1942 г. и 1 команда к 30 октября 1942 г.

3/ На формирование маршевых подразделений обратить переменный состав частей, прошедший не менее 30 дней подготовки <...>

5/ Командирам 11 ПАП, 29 ГАП и 10 ОЗМБ с 5-10-42 г. организовать боевую подготовку в формируемых подразделениях⁴⁷.

* См.: «На основании приказа Замкомвойсками Закафронта от 16-го октября 1942 г. № 0 УК / 00565:

1/ Немедленно приступить к отбору рядового и младшего начсостава для укомплектования вновь формируемых артиллерийских частей из числа переменного состава полков, согласно прилагаемых расчетов, придерживаясь указанных в расчете военноучетных специальностей.

2/ Формирование маршевых батарей с частей бригады распоряжением Зам. комвойсками снято.

Весь состав маршевых батарей обратить на укомплектование вновь формируемых артиллерийских частей.

3/ Отбор закончить 19-го октября 1942 г. и в 24-00 19-10-42 доложить исполнение»⁴⁸.

части. С конца октября части отправляют постоянно – и в том числе к Гудермесу, к Грозному. Боевое распоряжение штаба 9-й запасной артбригады № 01427/оп от 24 ноября 1942 г., поселек Грюнфельд:

...Отобрать для доукомплектования зап<асных> арт<иллерийских> дивизионов Сев<ерной> группы войск г. Грозный:

а/ от 11 ПАП (пушечный артиллерийский полк. – *О. Р.*) – 12 чел. младшего начальствующего состава и 400 чел. рядового состава;

б/ от 29 ГАП (гаубичный артиллерийский полк. – *О. Р.*) – 40 чел. младшего начальствующего состава и 600 чел. рядового состава.

На доукомплектование отобрать рядовой состав из числа необученного переменного состава, с обязательным учетом иметь в составе отобранных 30% владеющих русским языком, если не хватит из числа необученных – добавить обученными. <...> Отправку отобранного состава произвести по жел<езной> дор<оге> ориентировочно 30.11. – 1.12.42 г.⁴⁹

С июля идут Сталинградская битва и битва за Кавказ, 25 августа сдан Моздок (3 января 1943 г. его освободит 417-я стрелковая дивизия), осенью – большая часть Кубани и Северного Кавказа, это битва с огромными потерями, за нефть, за хлеб, битва, после которой будут выселены несколько северо-кавказских народов. В начале октября еще старались отбирать «переменный состав частей, прошедший не менее 30 дней подготовки»⁵⁰, теперь уже неважно, обучены ли.

* * *

В 1986 г. в интервью, название которого, как и положено в разговоре об Окуджава (Кто дал это название – корреспондент? А Окуджава решил не править?), сводит вместе Арбат и войну, Окуджава рассказывал о том, как был ранен: «Произошло это в декабре под Моздоком. Над нашими позициями появился немецкий корректировщик. Летел он высоко. На его ленивые выстрелы из пулемета никто не обращал внимания. Только что закончился бой. Все расслабились. И надо же было: одна из шальных пуль попала в меня. Можно представить мою обиду: сколько до этого было тяжелых боев, где меня щадил! А тут в совершенно спокойной обстановке – и такое нелепое ранение»⁵¹. И наоборот, сбивая лишний пафос, Ю. Росту: «Потом попали на фронт, где меня ранило весьма прозаически из крупнокалиберного пулемета»

та, с самолета. “Рама” летала и постреливала. Случайно какая-то пуля раздробила кость и застряла в бедре. Я долго ее потом носил на веревочке...»⁵²

Филипп Тер-Микаэлян предположил, что перевода Окуджавы в тбилисский госпиталь добился муж Сильвии Степановны: «...я не знаю, может быть, это Попов помог, он по военной линии работал ...интендантом, по-моему <...> И он, по-моему, повлиял на то, что его перевели в Тбилиси, такие вещи легко делали, там у него за плечами заведующий госпиталя, он лечился, долечивался в Тбилиси»⁵³. А возможно, все было проще: «От Моздока по железной дороге ближе всего было попасть в Тбилиси, и Булата отправили в тбилисский госпиталь»⁵⁴ – версия Зураба Казбек-Казиева.

В архиве военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации в Санкт-Петербурге, где собраны документы всех госпиталей, работавших в 1941–1945 гг., нет сведений об этом пребывании Окуджавы в госпитале – только о втором, в 1944 г.: какие документы в разгар боев? Впрочем, поручиться за точность этих сведений трудно, поскольку запрос обрабатывают сами сотрудники архива, не допуская даже к описям.

После госпиталя обычно отправляли на фронт, Окуджава же попал в запасную часть – опять благодаря тетке, считает Юрий Николаевич Попов. Аида Михайловна: «Да, была такая семейная легенда, что она его откупила. Она умела спасать своих близких»⁵⁵ – когда после ранения его должны были снова отправить на фронт.

* * *

После госпиталя – запасной полк (так в интервью Ю. Росту⁵⁶), в котором через некоторое время была сформирована маршевая рота (так в «Приключениях секретного баптиста»⁵⁷), отправленная в Новороссийск (так в интервью 1986 г.*) осенью 1943 г. (так опять у Ю. Росту)**. Более ранняя датировка службы после госпиталя – лето 1943 г.⁵⁸ – опять в повести, но документы ЦАМО указывают уже на май***.

* См.: «Потом была маршевая рота, Новороссийск...»⁵⁹

** См.: «Осенью 43-го года опять баня, опять новая одежда. Эшелон. И повезли. Слух пошел, что под Новороссийск нас везут»⁶⁰.

*** В приходно-расходных документах 124-го запасного стрелкового полка Окуджава значится лишь в мае, в сохранившихся ведомостях на раздачу средств 10-й роте с января по апрель его нет.

Маршевая рота – это 10-я рота 3-го СБ (стрелкового батальона) 124-го запасного стрелкового полка*, и в раздаточной ведомости № 22 на выдачу денежного содержания рядовому и младшему начальствующему составу срочной службы 10-й роты 3-го СБ 124-го ЗСП за май месяц 1943 г.⁶¹ под номером 38 значится Окуджава Аркадий⁶², год службы – второй, красноармеец.

Почему Аркадий – загадка: то ли следствие попыток тети Сильвии (или самого Окуджава?) что-то напутать в документах (но зачем? как это могло помочь с отправкой не на фронт, а в запасные части? его не очень определенная подпись, начинающаяся не то с О, не то с А – случайность или нет?), то ли, что вероятней, следствие хаоса, царившего во многих армейских документах. В «Алфавитной книге личного состава» 1023-го гаубичного артиллерийского полка, в который Окуджава попадает из 124-го ЗСП, примеров такого хаоса достаточно. Типичная ситуация: в алфавитной книге Ломидзе Шаул Дадасович имеет номер 87, что значит, что более подробную информацию о нем следует искать на 87-й странице в книге учета личного состава, однако на странице 87 есть Ломидзе Семен Георгиевич, т. е. в алфавитной книге таковой должен быть, но из шести Ломидзе, в ней обозначенных, нет ни одного Семена Георгиевича. Так или иначе, Аркадий Окуджава, или просто А.Ш., вслед за перемещениями Окуджава из части в часть переходит из документа в документ, причем варианты будут разные, от Шаловича до Акуджабы – не случайно потом в рассказе «Уроки музыки» (1985) сержант Ланцов долго будет мучиться с этой фамилией – Акаджав⁶³.

В маршевой роте Окуджава был лишь в мае, и именно этим месяцем приходится датировать его отправку в Батуми и Новороссийск, вопреки его собственному указанию на осень. Небольшое расхождение между повестью и рассказом Юрию Росту: в «Приключениях секретного баптиста» на следующее утро после ограбления дачи Берия⁶⁴ в Батуми маршевую роту сразу возвращают в запасной полк**, Окуджава убирает в повести тормозящую

* В раздаточной ведомости, в отличие от некоторых других документов, она действительно значится как маршевая⁶⁵.

** О том, что было дальше, вариант повести: «В запасном полку продолжалась прежняя жизнь, однако недолго. Их снова одели в новое, заменили им командира. Тут приехала тетя Сильвия, сестра матери, навестить Андрея. <...> Затем она уехала, а роту подняли по тревоге, чтобы вести на вокзал. Тут всех построили, выкрикнули Андрея. Он вышел перед строем... Остальным скомандовали: “Направо! Марш!” И рота отправилась на вокзал, оставив Андрея на плацу в одиночестве. Он бросился к политруку, дознавался, выяснял, но ему сказали: “Рота пошла на

действие отправки в Новороссийск: «А нас погрузили на баржу и повезли под Новороссийск. У нас почему-то много вина всякого: пьем и пьем, пьем и пьем. Однажды ранним утром нас построили на палубе. Пришел какой-то фронтовой начальник, посмотрел на нас и ушел. В таком виде не принимают. Меня вновь отправили в запасной полк, где я опять мучился, пока не пришли вербовщики. Я уже на фронте побывал, я уже землянки порыл, я уже наелся всем этим»⁶⁶. На вопрос, сохранился ли романтизм, с которым он рвался на фронт, Окуджава ответил со свойственной ему в 1990-е гг. жесткостью саморазоблачения: «Никакого романтизма – пожать, поспать и ничего не делать – это главное. Один офицер набирает людей в артиллерию большой мощности – Резерв Главного Командования. Часть стояла где-то в Закавказье, в горах. Не воевала с первого дня. И не предполагается, что будет воевать. Подумал: что там-то может быть трудного? Снаряды подносить – эта работа мне не страшна. А что еще? Думаю: такая лафа. И я завербовался. Большинство ребят на фронт рвались. Потому что там жратва лучше была. И вообще повольней было. Если не убьют, значит хорошо. А я пошел в эту часть...»⁶⁷ Это был 1023-й ГАП БМ РГК, гаубичный артиллерийский полк большой мощности Резерва Главного Командования, где Окуджава оказывается уже в июне – в это время из 124-го ЗСП* туда трижды отправляли людей.

В «Алфавитной книге личного состава» 1023-го ГАП значится «Окуджава Аркадий Шалович. кр-ец, 294. радист ст. 56.»⁶⁸ – старший радист 5-й батареи**, а в раздаточной ведомости⁶⁹

пополнение гвардии”. “Ну и что же?” – не понял он. “А то же, что сами должны понимать, – сказали ему, – не всем в гвардию можно”. “Так ведь у многих отцы арестованы!” – крикнул он. “Кругом!” – крикнули ему, и он отправился в свой опустевший вагончик.

Только после войны в припадке откровенности тетка рассказала, как привезла с собою несколько бутылок коньяка и еще кое-какие дары, благо было за что ухватиться. Но это стало известно после войны, а тогда, когда о нем забыли, он умудрился записаться в военное училище⁷⁰.

* Из полковой книги приказов: «Прибывшая в мое распоряжение для дальнейшего прохождения службы с 124 Запасного Стрелкового полка команда рядового и младшего начсостава в количестве 41 человек, включить в списки полка и зачислить на все виды довольствия с 4.6.1943 г.»⁷¹. Такие же приказы от 5 и 7 июня, на 37 и 30 человек соответственно, с одной из этих трех партий должен был прибыть и Окуджава⁷².

** В «книге учета младшего начальствующего и рядового состава»⁷³, заканчивающейся страницей 285, Окуджавы нет, страница 294, с более подробной информацией о нем, была, видимо, в другой, несохранившейся, книге.

Окуджава А.Ш. имеет должность – «Радиотелеграф<ист>»⁷⁴. Почему он ее занял? Потому ли, что несколько месяцев радиотелеграфистов не хватало (а их не хватало), и их добирали без специальной подготовки*, или потому, что он успел после госпиталя пройти обучение? Когда – в апреле? Но почему тогда в мае он просто «красноармеец»?

В раздаточной ведомости 5-й батареи 2-го дивизиона 1023-го ГАП за июль 1943 г. Окуджава А.Ш. тоже есть⁷⁵, но в июле в Вазиани была сформирована 126-я отдельная гаубичная бригада большой мощности Резерва Главного Командования, в которую влились 1023-й и 526-й гаубичные артполки. Датой ее создания считается 14 июля 1943 г., с 19 июля она передислоцируется в лагерь Шаумяни (тоже недалеко от Тбилиси, километров 30).

Окуджава попадает в 4-й дивизион, в 11-ю батарею, которой командует старший лейтенант Г.В. Коростылев («1023» – из 1023-го ГАП):

ОТДЕЛЕНИЕ радиосвязи

- 142. Ком. отделения сержант Кольянов М.И. 1023
- 143. Радиотелегр. ст. Мл. сержант Корниенко И.Ф. 1023
- 144. – // – Красноармеец Сефебеков М.А. 1023
- 145. Радиотелеграфист – // – Эшиев Д. 1023
- 146. – // – – // – Акуджаба А.Ш. 1023
- 147. – // – – // – Горбашов А.В. 1023⁷⁶

Почти полгода Окуджава находится в 126-й ГАБР, и, наконец, все в том же лагере Шаумяни: «Приказ 126 отдельной Гаубичной Артиллерийской Бригады БМ РКК 28 декабря 1943 г.

* Как сообщается на сайте информационно-справочной системы о военной службе в Вооруженных силах Российской Федерации (день сегодняшний), радиотелеграфист обязан знать немало: «основы электротехники и радиотехники в объеме, необходимом для понимания физических процессов, происходящих при работе на средствах радиосвязи; назначение, тактико-технические данные, принципы работы аппаратуры связи и правила ее эксплуатации; требования руководящих документов по обеспечению безопасности и соблюдению режима секретности при работе на средствах связи; порядок вхождения в связь и ведения радиобмена; способы защиты радиосвязи от радиоразведки и радиопомех противника; порядок проведения ежедневного технического обслуживания и ведения дежурной и эксплуатационной документации; характерные неисправности, возникающие при работе радиостанции»⁷⁷.

№ 178»⁷⁸: «Кр-цев Акуджава А.Ш., Ковтарадзе А.В., Харитонова Н.М., Приходько М.И., Сархашьян А.Т. убывших в окружной В/госпиталь г. Тбилиси, исключить с продовольствия бригады с 29.12.43 г.»⁷⁹.

Все вроде бы по документам ясно, но опять загадка: из рассказа Юрию Росту следует, что из 126-й ГАБР Окуджава завербовался в училище: «Нас повезли высоко в Нагорный Карабах, там в Степанакерте располагалось то ли Кубанское, то ли Саратовское пехотное училище. И меня перевербовали в него курсантом. Я считал: через полгода буду младшим лейтенантом...

Зачислили меня, и началась муштра невыносимая. Такая муштра началась, что не дай Бог. Полгода ждать – умру. Я человек нетерпеливый. Месяца три промучился. Иду к замполиту, разрешите доложить: так, мол, и так, отец мой арестован, враг народа. Он говорит, сын за отца не отвечает. Я говорю, я знаю все, но на всякий случай, чтобы вы не сказали, что я скрыл. Молодцом, – говорит, – правильно сделали. Идите, работайте спокойно. И я с горьким сердцем пошел работать спокойно. На следующее утро построение после завтрака, Окуджава, Филимонов, Семенов выйти из строя, остальным – направо, на занятия шагом марш! И все пошли. А нам – продаттестаты и назначение в артиллерийскую часть, из которой меня переманили»⁸⁰. И тогда, вероятно, опять вмешалась Сильвия Степановна (или это было в Шаумяни?): конечно, могло так случиться, что возникла необходимость отправить в госпиталь человека, не находящегося на фронте, но более вероятно, что ее организовала Сильвия Степановна в тот момент, когда племяннику стало совсем невмоготу и он согласился на досрочную демобилизацию. Который раз она вмешивалась – третий, четвертый?

* * *

«Под Моздоком Булата ранило»⁸¹ – это из интервью Зураба Казбек-Казиева 1998 г.

«Под Моздоком Булата контузило»⁸² – это из переиздания того же интервью в 2001 г.

В отличие от Зураба Казбек-Казиева*, Филипп Тер-Микаэлян, навещавший Окуджаву в госпитале после ранения под Моздоком, запомнил рану («Рана самая настоящая»⁸³) и не запомнил контузии («Насколько я помню, нет, нормально говорил...»⁸⁴).

* Ср.: «И рана, и контузия были довольно серьезными...»⁸⁵, «Он долго лежал, был шибко контуженный, там было и ранение, и контузия, лежал несколько месяцев, потом его комиссовали, он должен был кончить школу экстерном»⁸⁶.

Аида Михайловна Попова: ранение было одно, о контузии она ничего не знает⁸⁷. Сам Окуджава в 1953 г. в листке по учету кадров в графе «Состояние здоровья (имеет ли ранения, контузии и когда получил)» контузию не упоминает⁸⁸.

О контузии шла речь, когда Окуджава во второй раз лежал в госпитале – или о последствиях контузии, бывшей в декабре 1942 г.

На этот раз документы военного госпиталя сохранились. На руки сотрудники архива мне их не выдали, однако сказали, что 24 марта 1944 г. Окуджава без диагноза поступил из войсковой части с номером полевой почты 69675 в 367-й госпиталь (терапевтический военный госпиталь Тбилиси) и что диагноз поставили самый подходящий для досрочной демобилизации (среди упомянутого – контузия и нервный срыв). Выбыл он в ту же часть 20 апреля 1944 г., но из Тбилиси никуда уже не уезжал (ДСО – долгосрочный отпуск)*:

Выбыл в госпиталь
28.12.43 пр. № 31
От 31.1.44.
Уволен в ДСО г. Тбилиси
Ул. Грибоедова 11 кв. Попова
Свидет. о болезни
№ 1086 / 2467
Приказ № 116
От 22.4.44 г.⁸⁹

То ли просто бумажка, необходимая для демобилизации, то ли действительно нервный срыв (сегодняшние врачи, вероятно, могли бы диагностировать у каждого второго участника войны срыв, астению, депрессию и т. д.): «В 1944 г. в апреле м-це был демобилизован по состоянию здоровья. До апреля 1945 г. лечился в психиатрическом институте...»⁹⁰ – пишет Окуджава в 1953 г., устраиваясь на работу в школу. «Настоящий аттестат выдан Окуджава Булату Шалвовичу, родившемуся в 1924 году, в том, что он в 1944 году окончил полный курс третьей средней школы взрослых»⁹¹ в Тбилиси. Аттестат выдан 20 июня 1944 г. Весь следующий год Окуджава живет дома, общается с друзьями, пишет стихи, поступает в Политехнический. О состоянии, требовавшем лечения, никто из его друзей не вспоминает.

* Апрелем 1944 г. датирует Окуджава в калужских документах свое возвращение в Тбилиси⁹².

Волевая, практичная Сильвия в прозе Окуджавы изображена достаточно ярко. Все есть: как она возилась с ним маленьким, как он жил у нее, как спасала из армии, как она его отселила, когда ему понадобилось жить отдельно, – и все-таки, по мнению З.А. Казбек-Казиева, он не воздал ей должное⁹³. У нее на руках остались сыновья сидевшей сестры, она взяла их к себе, и она за них отвечала: она отвечала за то, чтобы племянник не попал на фронт, но когда нашла коса на камень, когда он все-таки добился своего и сам себе написал повестку, она отслеживала все его перемещения из части в часть, постоянно вмешивалась и вытаскивала его из армии, когда он увидел, чем она на самом деле является. Поэт, причем поэт, известный в первую голову своими песнями и стихами о войне, – это все потом будет, и когда-то потом его биографии будет не хватать боев, хотя и ухода добровольцем немало, – а тогда Сильвия Степановна спасала мальчика: ребят его года рождения уцелело, кто-то пишет – 3%, кто-то пишет – целых 8%.

* * *

Из приказов по частям, где служил Окуджава, из газет, вышедших в этих частях:

Привезли обмундирование и успокоились. Бригинтендант-Интендант 3 ранга т. СЕРГЕЕВ получил наряды и считал, что обмундирование получено и люди одеты, а на самом деле обмундирования нет, люди раздеты...¹

...Ввести... вместо мяса, сыр и сыр-брынзу в размере 10% месячной потребности по коэффициенту замены за 1 килограмм мяса – 500 грамм сыра или 750 грамм сыра-брынзы².

...За совершение самовольной отлучки из расположения лагеря и воровства колхозных овощей и фруктов, арестовать на 10 суток строгого ареста, с содержанием на гауптвахте³.

Начсостав и бойцы (находящиеся в госпиталях. – *О. Р.*) посещают винные подвалы и пьянствуют⁴.

За период с 28 августа по 3 октября с/г в 11 пушечном артиллерийском полку имело место 16 случаев дезертирства красноармейцев, в 10 отдельном запасном минометном батальоне за короткий период времени до 15 случаев⁵.

СТАМБУЛ, 28 июня. (ТАСС). По поступившим сюда сведениям, дезертирство в румынской армии приняло угрожающие размеры. Командиры частей через газеты обращаются к дезертирам с призывами вернуться в армию, угрожающими в случае неявки жестокими наказаниями⁶.

За последнее время в частях бригады появилось массовое явление вшивости и особенно (даны номера полков. – *О. Р.*) где вшивость доходит до 75%⁷.

8-го Августа 1943 г. была произведена поверка офицерского состава по стрельбе из личного оружия, поверкой установлено: Принимали участие в стрельбе 94 чел. Из них выполнили 21 чел., что составляет 22,8%. Не выполнило 73 чел. что составляет 77,5%. Выполнили на отлично 16 чел. – 18,2%, на посредственно – 5 чел. – 5,3%.

Выше изложенные данные поверки показывают, что офицерский состав, пользоваться личным оружием не умеет⁸.

В результате произведенной поверки по боевой подготовке в честь 25-ти летия РККА и ВМФ ведущие места заняли следующие подразделения: Управление 1-го дивизиона общий бал 4,38 – занимает 1-ое место в полку. 5 батарея командир батареи л-т Коростылев, зам. ком. батареи по политчасти мл. л-т Лабус, общий бал 4,36 – занимает 2-е место в полку⁹.

В кухне и подсобных помещениях большое количество мух, в связи с тем, что нет должной уборки помещения.

В разных углах оставляются отбросы от пищи...¹⁰

Красноармейцев <имена> за совершение самовольной отлучки из расположения лагеря и воровства колхозных овощей и фруктов, арестовать на 10 суток строгого ареста, с содержанием на гауптвахте¹¹.

Младшего лейтенанта <имя> – за халатное отношение к служебным обязанностям будучи н-ком караула, выразившееся в

отсутствии контроля за несением караульной службы часовыми, результатом чего явилось бегство арестованного кр-ца <имя> из помещения гауптвахты, – арестовать на пять суток домашнего ареста с удержанием 50% зарплаты за каждый день ареста.

Предупреждаю весь личный состав бригады, что при повторении подобных случаев, указанных в §§ 3, 4 буду строго взыскивать вплоть до предания суду Военного Трибунала¹².

За грубое нарушение воинской дисциплины, дискредитирующее звание воина Красной Армии, подрыв авторитета части, выразившееся в совершении пьянки, нарушении общественного порядка в г. Шаумяни, воровства Колхозного имущества, совершенный побег из под ареста, Командира орудия 9-й бат<арей> ст<аршего> сержанта <имя> – разжаловать в рядовые и назначить дознание для передачи материала в военную прокуратуру г. Тбилиси.

За проявленную грубость в отношении Командира батареи, выразившуюся в рукоприкладстве к последнему, Командира отд<еления> разведки 8 бат. сержанта <имя> разжаловать в рядовые и назначить дознание для передачи материала в военную прокуратуру г. Тбилиси¹³.

«3.8.43 2-й и 3-й дивизионы вышли на физзарядку с опозданием на 10 минут.

В последний раз, предупреждаю командиров подразделений, что за нарушение распорядка дня буду строго взыскивать»¹⁴.

За проявленную грубость и нетактичность 28.7.43 г. по отношению дежурного фельдшера лейтенанта м<едицинской>/службы <имя> со стороны повара старшего 2го д<ивизио>на ст<арши>ны <имя> Последнего разжаловать в рядовые с исполнением должности повара 2го дивизиона¹⁵.

За халатное отношение к своим служебным обязанностям, выразившееся в несвоевременном выполнении приказаний и неявку на занятия командиров батарей, не имея на это уважительной причины, Командира 8 батареи капитана <имя> арестовать на 5 суток домашнего ареста, с удержанием 50% денежного содержания за каждые сутки ареста.

Предупреждаю, что при повторении подобных явлении, будут приняты строгие меры, вплоть до отстранения от должности¹⁶.

19.8.43 г<.> в бригаде имел место случай само-ранения командира орудия 4 бат. сержанта <имя>, в результате неумелого обращения с запалом от гранаты «РГД=3Зг.» (ручная граната Дьяконова образца 1933 г. – О. Р.)¹⁷.

Осужденных военным трибуналом Тбилисского гарнизона, убывших из бригады для дальнейшего направления:

Разведчика-Наблюдателя 8 бат. кр-ца <имя>

Повара 3 дивизиона кр-ца <имя>

Номера орудийного 9 бат кр-ца <имя>

Исключить из списков личного состава и всех видов довольствия бригады с 24-го Августа 1943 г.¹⁸

Несмотря на то, что приказ ЗКФ № 0523 о фактах хищения из колхозных огородов овощей и фруктов, объявлен всему личному составу бригады под расписку, все же отдельные в/служащие продолжают расхищать колхозное добро. 29.8.43 г<.> четыре красноармейца, несмотря на предупреждение сторожа колхоза, забрались в огород и набрали полные сумки луку, помидор и огурцов. 30.8.43 красноармейцы 4 бат. <имена> были задержаны у огорода с 2-мя сумками наполненных кукурузой¹⁹.

Мною 11.9.1943 года была объявлена тревога офицерскому составу. Офицеры собирались от 15 до 50 минут и значительная часть (23 чел<.>) вовсе не явились не имея на это уважительных причин, в их числе

Командир батареи Управления ст. л-т <имя>

Начальник штаба 3-го д-на капитан <имя>

Командир 4 дивизиона ст. л-т <имя>

Из прибывших, значительная часть (а 4 дивизион полностью) не имели с собой полевых сумок и даже шинелей.

Проверкой установлено, что оповещение офицерского состава посыльными поставлено не удовлетворительно²⁰.

В основу всей агитационно-пропагандистской работы положено изучение книги товарища СТАЛИНА «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В помощь слабоподготовленным организованы 42 кружка, которыми руководят коммунисты, комсомольцы и беспартийные, в том числе 24 офицера, обеспечивающие изучение книги на высоком уровне. Руководителям кружков оказывается практическая помощь работниками политотдела и заместителями командиров дивизионов по политчасти.

В кружках изучили:

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны товарища СТАЛИНА 3.7.43.

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища СТАЛИНА 6.11.41.

Речь Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны товарища СТАЛИНА 7.11.41.

Приказ Народного Комиссара Обороны товарища СТАЛИНА № 55 от 23.3.42.

Приказ Народного Комиссара Обороны товарища СТАЛИНА № 130 от 1.5.42.

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета 6.11.42.

Приказ народного Комиссара Обороны № 345.

В помощь изучающим прочитано лекции по теме:

Фашизм – лютый враг человечества.

Сила Сталинского предвидения.

Провал гитлеровского плана «молниеносной войны»

Проведены беседы на темы:

Кто такие «национал социалисты»

Война отечественная, война народная.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия в войне с СССР и др.²¹

В 10 ОЗМД – Также мало порядка. Лазарет не благоустроен, завален навозом. Амуниция содержится грязно, амуниционной мазью не смазывается. Зерно хранится прямо в повозках, не накрыто, куда идет дождь, попадает пыль²².

1. <...>Несмотря на удовлетворительное размещение личного состава по помещениям, общежитиям, помещение содержится в безобразном, грязном состоянии /11 и 29 АП/.

Грязь во дворах около общежитий, санаторный надзор отсутствует, как следствие этого в подразделениях большая вшивость, местами скученность, что порождает вспышки гриппозных заболеваний, тем более, что и баня работает с перебоем. Вшибойки в полках не оборудованы, умывальников нет, бачков для питьевой воды не имеется и все эти недочеты остаются незамеченными командирами частей, подразделений и в первую очередь старшими санитарными врачами.

2. Боевая учеба поставлена плохо, одиночной подготовкой бойца не занимаются, в проводимых занятиях отсутствует показ «делай как я» и нет требовательности выполнения этого.

Внешний вид не только командного состава, а также и красноармейского состава плохой, отсюда командир сам не может служить примером.

В учебное время большой % личного состава отрывается на хозяйственные работы, не мало прогуливает в учебное время и командный состав, который переложив без соответствующего инструктажа проведение занятия на младших командиров, сами остаются «наблюдателями» «руководителями вообще», а не непосредственными руководителями, отвечающими за подготовку в столь важный период обучения каким является первый месяц боевой жизни молодого красноармейца.

ПРИКАЗЫВАЮ

3/ Ликвидировать прогулы и опоздания на занятия.

4/ Людей постричь, побрить и добиться требуемого внешнего вида, как бойца, так в первую очередь и командира²³.

Выявленных в частях, госпиталях, учреждениях и заведениях военнослужащих бывших в плену и окружении у противника в порядке приказа НКО № 0521 1941 года направлять в Абинский специальный лагерь НКВД, станция Абинская Ворошиловской ж.д.²⁴

...Что сего числа от н-ка эшелона № 65178 <имя> произвели прием команды бывших осужденных прибывших из ВК Арм<янской> ССР при отношении № 1/1003 от 10.3.43 в составе 398 (триста девяносто восемь) человек. Из них осужденных Воен. трибуналом 16 шестнадцать человек, осужденных досрочно освобожденных 382 триста восемьдесят два человека, в том числе на 23 двадцать три человека отсутствуют справки об освобождении и ниже поименованные два человека осужденные Воен. трибуналом возвращаются обратно из-за отсутствия приговоров...²⁵

Командиру 38-й Запасной стрелковой бригады
Гор. Гори

Согласно наряда <нрзб> Груз. ССР, при этом направляются в<оенно>/об<язанные> запаса, в количестве «43» чел. с именными списками в 2-х экз.

Поименованные в/об. освобождены из мест заключения (тюрьмы) и направляются для прохождения военной службы согласно указания Упрформы Закфронта²⁶.

ПРИМЕРНЫЙ РАСПОРЯДОК ДНЯ
 по частям 9-й Запасной Артиллерийской бригады.
 С «....» августа 1942 года.

	Линейные подразделения	Учебные подразделения
Под"ем	5.00	5.00
Физзарядка	5.05–5.25	5.05–5.25
Уход за техникой /конем/	5.25–6.05	5.25–6.05
Туалет и утренний осмотр	6.05–6.25	6.05–6.30
Завтрак	6.25–6.55	6.30–6.55
Занятие 1-й час	7.00–7.50	7.00–7.50
Занятия 2-й час	7.55–8.35	7.55–8.35
Занятие 3-й час	8.40–9.30	8.40–9.30
То же 4-й час	9.40–10.30	9.40–10.30
То же 5-й час	10.35–11.25	10.35–11.25
То же 6-й час	11.35–12.25	11.35–12.25
То же 7-й час	12.30–13.20	12.30–13.20
То же 8-й час	13.25–14.15	13.25–14.15
Туалет	14.20–14.30	14.20–14.30
Обед и отдых	14.30–15.55	14.30–15.55
Занятия 9-й час	16.00–16.50	16.00–16.50
То же 10-й час	16.55–17.45	16.55–17.45
То же 11-й час	17.50–18.40	17.50–18.40
Уход за техникой /конем/	18.45–19.50	18.45–19.50
Туалет	19.50–20.00	19.50–20.00
Ужин	20.00–20.40	20.00–20.40
Личное время	20.40–21.25	20.40–21.25
Вечерняя проверка	21.35–21.50	21.35–21.50
Отбой	22.00	22.00

ПРИМЕЧАНИЕ:

- 1/ В выходные дни проводить занятия 6 часов, плановых
- 2/ В выходные дни под"ем на 1 час позже.
3. В тех подразделениях, где имеются лошади для ездовых восьмой час проводить – чистка коня.
- 4/ Развод караула 18.00
- 5/ Прием в санчасть²⁷.

* * *

А в газетах, издававшихся в частях, из одной в другую переходили статьи, создающие образ солдатской семьи:

«Наказ отца выполню!»

В годы гражданской войны мой отец был партизаном, с оружием в руках отстаивал завоевания молодой советской республики. Когда меня призвали в ряды Красной Армии, он дал наказ отлично учиться и без промаха разить врага, не осрамить честь семьи²⁸.

«Материнский наказ»

Гриша! Благословляю тебя на месть, беспощадную месть гитлеровским душегубам. Бей их до последнего! Твоя мать²⁹.

«Отдаю свою кровь раненым воинам»

...Приятно и радостно сознавать, что мои капли крови являются как бы живительным соком для больных воинов...³⁰

Письмо от Сталина

7 АРМИЯ

ТОВАРИЩАМ Трофименко, Васильеву

Передайте бойцам, командирам и политработникам 7 армии, собравшим 10.725 тысяч рублей на строительство танковой колонны «За нашу победу», – мой боевой привет и благодарность Красной Армии³¹.

* * *

В стане гитлеровцев
Новогодний рапорт Гитлеру
(Задержано доставкой)

«На Ваш запрос, герр главноотступающий, относительно положения в Ливии отвечаю:

Дела поистине небывалые. Наши войска настолько быстро продвигаются вперед, что моторизованная пехота и даже скоростные танки англичан не могут нас догнать. <...> Под Вашим водительством готовы к новым бегствам.

Фельдмаршал Роммель»³².

Из приказа Сталина № 95 к 25 годовщине создания Красной Армии (прорабатывался в частях на политзанятиях):

1. Неустанно совершенствовать боевую выучку и укреплять дисциплину <...>
2. Усилить удары по вражеским войскам, неустанно и упорно преследовать врага <...>
3. Шире раздуть пламя партизанской борьбы в тылу врага, разрушать коммуникации врага³³<...>

На германском призывном пункте
ВРАЧ. На что жалуетесь?
ПРИЗЫВАЕМЫЙ. На Гитлера, господин доктор³⁴.

В лагере военнопленных
– Пауль, скажи, почему ты сдался в плен русским?
– Потому, что в гитлеровской Германии плен для свободных, а здесь свобода для пленных³⁵.

* * *

Из статей «Правды» в первые дни войны

Наше дело правое, вперед...
Вперед... Вперед...
Здесь, на войне, особенно чувствуешь, какая могучая сила заложена в этом слове.

Вдруг Александр Коломиец покачнулся, чуть замедлил бег и упал навзничь. Ранен? Он попробовал приподняться, сделал несколько шагов и снова упал. Он пополз. Это показалось удобным и естественным. Он полз и продолжал командовать. Вперед, вперед... Нельзя дать врагу опомниться. Это – решающие мгновения. Коломиец полз, полз, поравнялся с редким колючим кустарником. Он почувствовал, что слабеет. Левое колено больше не сгибалось.
– Ранили, черт возьми³⁶.

«Здравствуй, братуха! Шлю тебе боевой командирский привет, – пишет Николай, – нахожусь на западном фронте и бью немецких шакалов. Работаю вторым пилотом. Наконец-то я дождался времени, когда можно применить свои военные знания в боях за родину! <...> Не щадя сил и жизни я буду драться с врагом до полного его уничтожения. Смерть германским фашистам! Мы их уничтожим, победа будет за нами. Будь здоров, обнимаю, твой брат Николай». <...> Иван ответил брату еще более коротким и волнующим письмом:

«Привет, Коля, благодарю за письмо. Ты молодец! Горжусь тобой, смелый летчик! Я также привел свою боевую машину в полный порядок.

Я полон ненависти к врагу. Чувство долга перед родиной влечет меня на поле боя. Когда я получу боевой приказ, мы с тобой не подкачаем, мой братыш. Бей обнаглевшего зверя до конца! Мы победим! Иван Камырин»³⁷.

XII Разгром у Крейтана

Эти приказы и газеты выходили в частях, где служил Окуджава. Он мог именно их не знать и не читать, но война в тех частях была такой, бытовой, а газеты, с их статьями и стихами, описывали всеобщее единение в борьбе с врагом, и, вероятно, поэтому о войне, которую он знал, Окуджава стал писать гораздо позже, и первые его военные песни были не о самой войне, а о том, что всех объединяло, – чувство, с которым уходили на фронт. А тогда, после госпиталя, у него был опыт, которого у друзей не было. Они уже были студенты, и какую-то дистанцию это, вероятно, тоже задавало. В это время Окуджава сближается с Александром Цыбулевским, который моложе его на четыре года и как раз собирается на филфак. Тот был очень дружен с Эллой (Коммунэллой) Маркман и Георгием (Гией) Маргвелашвили, моловцами, учениками Георгия Крейтана, постоянными участниками «крейтанников» в «Заре Востока». Маргвелашвили (потом известный критик) жил рядом с Окуджавой, буквально через стену – на Грибоедова, 9. Еще один моловец, тогда как бы центр всей компании, был дружен с Люлю, сестрой Окуджавы – Густав Айзенберг (позже – Анатолий Греб-

нев, автор сценариев «Июльского дождя», совместно с Марленом Хуциевым, «Утреннего обхода», «Прохиндиады»). Анатолий Гребнев: «И вот однажды, придя на очередной день рождения в этот дом, к Луизе и ее маме (они меня очень привечали, я был такой смышленный мальчик, в своем роде как вундеркинд, стихи писал <...> я бывал в этом доме в гостях), я увидел такого мальчика, он мне показался заносчивым. Это был Булат. Она сказала: “Знакомься, это мой двоюродный брат”»¹.

Все дороги вели в кружок Крейтана, и Окуджава туда пришел читать стихи.

Один из первых учеников Крейтана, в 1944 г. уже учившийся в Москве в Литинституте, Николай Григорьевич Шахбазов успел застать самое начало этого кружка, когда им руководил еще Владимир Юрьевич Эльснер: «В пятнадцать лет я аккуратно переписал в толстую тетрадь все, сочиненное мной и отправился в Союз писателей. Он находился в фешенебельном районе Сололак, на улице Мачабели, в бывшем особняке местного винно-водочного короля Сараджева. <...> Мне повезло: молодых поэтов принимали раз в неделю – по четвергам, в вечерние часы. Был четверг и был вечер.

За письменным столом в одном из кабинетов, куда меня направила секретарша, сидел худой, поджарый человек с ежиком седых волос. У него были светлые, металлического оттенка глаза, костлявый, с горбинкой, нос и тонкие губы иезуита. <...> Это был Эльснер.

...Сборники его стихов “Выбор Париса” и “Пурпур Киферы” вышли в 1913 году в издательстве “Альциона” с иллюстрациями М. Сарьяна и Г. Якулова. Он сотрудничал в “Аполлоне”, и четырехтомная “Антология современной поэзии”, ставшая обязательной в домашней библиотеке любой либеральной семьи, была составлена им. Одно то, что он был знаком с Александром Блоком, придавало его имени ореол бессмертия»².

Владимир Эльснер, не просто знакомый Блока, но шафер на свадьбе Ахматовой и Гумилева, в конце 1930-х начал заниматься со школьниками и студентами, приходившими в Союз писателей, а через какое-то время передал кружок Георгию Крейтану, который стал проводить эти встречи в редакции газеты «Заря Востока».

Георгий Владимирович Крейтан (Попов) (1900–1951), как сказано в одной из его автобиографий, написанных для каких-то отчетов, поступлений на работу и т. д., «руководил русской группой начинающих поэтов и писателей»³. Это были еженедельные посиделки, на которых начинающие поэты читали свои тексты и критиковали чужие, а сам Крейтан, видимо, достаточно деликат-

но, учил молодежь, «как делать стихи», а заодно рассказывал, что знал и любил, – а любил он литературу Серебряного века. Проведя в Петрограде восемь месяцев в 1914–1915 гг., он сохранил пристрастие к акмеизму, о котором – равно как и вообще о культурной ситуации предреволюционных лет* – в Тбилиси мало кто мог рассказать школьникам и студентам 1940-х гг.

Крейтан был журналистом, партийным работником: «С этого времени (1928 г. – *О. Р.*) по преимуществу нахожусь на журнально-газетной и партийной работе. С 1925 года непрерывно веду работу в качестве пропагандиста. Руководил кружками политграмоты, по истории партии, сейчас руковожу семинаром докладчиков-международников <...> Последние 3½ года (с 1935 г. – *О. Р.*) на газетной работе в качестве зам. отв. редактора газеты “На рубеже Востока”, затем зав. отделом обзоров печати в “Заре Востока”. С марта 1938 г. утвержден зав. отделом “Партийная жизнь” “Зари Востока”»⁴. Читал лекции («Всемирно-историческая победа, одержанная над гитлеровской Германией и империалистической Японией во второй мировой войне, резко изменила соотношение сил между двумя системами – социалистической и капиталистической в пользу социализма»⁵), писал газетные статьи, но считал себя прежде всего поэтом, хотя именно как поэт был не очень успешен. Он выпустил более десятка книг, однако на конференции русских писателей из национальных союзных и автономных республик и областей, проходившей в Москве с 8 по 29 мая 1941 г., был разгромлен Арсением Тарковским.

Из блокнота Крейтана:

Арсений Александрович Тарковский (ну с, послушаем).

связывает с общей проблемой

проблема творческого своеобразия

2 периода творчества – ученичество и мастерство

1) подражание

2) борьба за свой стиль⁶.

* В архиве Крейтана сохранились тетрадь «Литературно-философские материалы 1919 г. Тифлисъ», содержащая, например, материалы о теософии Рудольфа Штейнера, тетрадь со стихами – Мандельштам, Метерлинк, Вяч. Иванов, Кузмин, Сологуб, Мережковский, Брюсов, Блок, Белый, Георгий Иванов, в одном из тифлисских писем 1919 г. Крейтан сообщает, что только что вернулся с заседания Цеха поэтов, где было довольно скучно, но веселил А. Крученых, интересна жена С. Судейкина.

Вперемешку с конспектом высказываний Тарковского – фразы, подтверждающие и то, что Крейтан ощущал себя в первую очередь поэтом, и то, что своим стихам он и сам знал цену: «Итак, могу уже сообщить, что критический разбор “Мужества” (книга Крейтана 1940 г. – *О. Р.*) явился основательным артиллерийским разгромом бедного моего произведения. <...> Таким образом, надо честно сказать, без всяких обиняков, что мои 23-летние литературные упражнения, по существу, завершились, формально, 13 мая текущего года. “Ни один персонаж поэзии не выписан”. <...> Общий вывод: за 19 лет стих<ов> нет роста. Я это знаю без вас. Не сумел от этого освободиться за все 19 лет»⁷.

Еженедельные литературные консультации, вероятно, стали для Крейтана вариантом самореализации. Судя по воспоминаниям его учеников, учителем он был гораздо более сильным, нежели журналистом, лектором, поэтом, – ярким, знающим, ироничным, тактичным, внимательным. Не случайно эти консультации он возобновлял даже тогда, когда, казалось, обстоятельства тому отнюдь не способствовали.

В архиве Крейтана в Государственном литературном музее Грузии сохранились анкеты, заполненные в 1938 г. теми, кто ходил на эти занятия (хотя трудно сказать точно, что вел их тогда уже Крейтан), сохранились две книги учета посещаемости собраний Литературной творческой группы при С.С.П. (Союз советских писателей. – *О. Р.*) Грузии за 1940 и 1941 гг.

Об этих не семинарах и не занятиях, а, скорее, чтениих рассказывал Анатолий Гребнев: «...Георгий Владимирович Крейтан, по официальному своему положению журналист, заведующий, не больше не меньше, отделом партийной жизни газеты “Заря Востока”, на самом деле поэт такой с уклоном в акмеизм... со стихами скорее подражательными, чем самостоятельными, но отмеченными культурой несомненно, и человек очень культурный. И он очень нас любил и собирал у себя молодежь, и мы по понедельникам собирались у него в кабинете “Зари Востока” же на так называемые “крейтанники”. Было это перед войной и в самом начале войны <...> Это было интересно, интересно было и то, что мы, старшеклассники, или там абитуриенты, или студенты, кто как, мы ведь учились, мы читали Есенина из-под полы, Достоевского тоже, этого не было в школьных программах, мы совершенно не ведали, кроме ну самых продвинутых, о поэтах-акмеистах, о серебряном веке...» Об этом рассказывал Крейтан – «Крейтан, со своими симпатиями к поэтам серебряного века, со своими отношениями, по-моему, с Георгием Ивановым, как мне кажется сейчас, со своими какими-то старыми акмеистскими связями до

того, как он попал в Тбилиси... он как бы просвещал нас, что само по себе было очень интересно»⁸. Элла Маркман формулирует еще решительней: «Он с самого начала нас приучил к тому, что настоящую поэзию надо искать именно начиная от акмеистов», – и давал читать Гумилева⁹.

На «крейтаниках» собиралось человек 10–20, участники кружка приводили друзей, молодые люди читали свои вещи (в основном стихи, хотя часто и прозу), выступал оппонент, потом начиналось бурное обсуждение. Иногда что-то рассказывал или читал Крейтан: «...он читал нам вслух, я помню, главы из книги Бенедикта Лившица “Полутороглазый стрелец”. У него была очень хорошая библиотека, там были книги, которых в те годы не найти было в продаже. Вот так он тянул ниточку из того времени в это, нет, из совсем прошлого времени в то, в котором мы жили»¹⁰.

Эти занятия, прерванные войной, в 1944 г., а может быть, чуть раньше, уже снова шли своим чередом, но из тех, кто ходил на предвоенные «крейтаники», выделился кружок поуже – любимые ученики, назвавшие себя МОЛ (то ли «молодая литература» – версия Анатолия Гребнева, то ли «молодое общество литераторов» – версия Эллы Маркман¹¹), а его шутя именовавшие президентом.

Моловцы успели выпустить один номер рукописного альманаха и провести вечер своих стихов в Тбилисском университете, где их не только ругали, но и поставили в очень лестный для них ряд: «И вдруг выскочил один невысокого роста кругленький, пухленький человек, молодой, и сказал: “Тбилиси всегда был городом русской поэзии. Тбилиси – это город Пушкина, Грибоедова, Маяковского, Каменского... Я горжусь, что эта традиция продолжается, мы сегодня слышали талантливых...”. После этого выступления мы познакомились, это был Георгий Маргвелашвили», затем бывавший в МОЛе, впоследствии маститый литературный критик, учившийся в Литинституте в те же годы, что и моловцы¹².

МОЛ распался осенью 1944 г., когда были приняты в Литинститут и уехали в Москву основные его участники – Виль Орджоникидзе, Федор Колунцев (тогда – Тодик Мелик-Бархударян), Густав Айзенберг, Борис Резников, Сергей Осенин («тбилисский десант», как написал о них позже Юрий Трифонов, их однокурсник). Пояснения Анатолия Гребнева (2001 г.): «...туда входили люди, ставшие позднее профессиональными писателями. Из них живы сейчас двое – Николай Шахбазов и я. Шахбазов – прозаик, автор нескольких тонких, но очень хорошо написанных книжек рассказов <...> Тодик Бархударян, он же Федор Колунцев, автор нескольких романов, человек известный в московском литератур-

ном мире, Борис Резников, в ту пору очень талантливый поэт, но нашедший себя в последние годы жизни как переводчик, очень хороший переводчик грузинской художественной прозы. Наконец, фигура почти легендарная, Георгий Маргвелашвили, в отличие от нас, не перебравшийся в Москву, а живший в Тбилиси, маститый литературный критик...»¹³

Моловцы, как перед войной на «крейтанниках», собирались, читали свои стихи, комментировали чужие: сурово критиковали друг друга сами кружковцы. Об их критике вспоминает Элла Маркман: «Моим оппонентом был Шахбазов, а передо мной был такой Виктор Гончаров*. <...> И он прочел свои стихи <...> И очень одобрительно выступил (его оппонент. – О. Р.) <...> Я с гордостью подумала, что если его стихи похвалили, так меня, конечно, похвалят. И вдребезги меня абсолютно разбомбил (Н.Г. Шахбазов. – О. Р.), то есть он сказал, что, знаете, что-то есть, что-то там оттуда есть, но: “Милая, я Вам вот что хочу сказать, бросьте перо и не пишите, потому что Вы (это ходячая фраза) пишете под того, под этого, под Симонова, а надо писать под себя”. И я отложила. Но из МОЛа, говорит, не уходите. И вот через полгода я начала писать совершенно по-другому, эти ребята меня, собственно говоря, сделали тем, что я <есть>. На всю жизнь я им за это благодарна»¹⁴.

И вот в этом кружке летом 1944 г. (был приехавший из Москвы Шахбазов, но «тбилисский десант» еще не уехал в Литинститут) Окуджава читал свои стихи. Анатолий Гребнев: «Булат пришел в “крейтанник”, уже когда там этот круг сложился, пришел читать стихи. Совершенно ничего не помню, мне напомнил об этом Булат, уже в годы своей славы, в Ленинграде, в Доме кино, на премьере картины “Июльский дождь”^{**}. Потом мы сели там в ресторан и праздновали это дело, Булат смотрел на меня не без укора и сказал: “А помнишь, как вы раздолбали мои стихи у Крейтана?”»¹⁵

После этого случая Окуджава – до распада МОЛа и отъезда его участников – к Крейтану больше не приходил, а тогда его специально пригласили – именно за тем, чтоб раскритиковать от души. Элла Маркман: «Дело в том, что Густик (Анатолий Гребнев. – О. Р.) и Булат были влюблены в одну и ту же девушку. Это

* Элла Маркман о Викторе Гончарове: «Я очень мало о нем могу сказать, стихи его у меня есть, он только вернулся с войны тогда, и у него были военные стихи, 43 год. Да, он был в госпитале, он был еще ранен тогда, по-моему, или в ногу, или в руку <...> Он уехал потом, поэтому он очень мало был там у нас, он не был по-настоящему “моловцем”»¹⁶.

** В фильме «Июльский дождь» (1967 г., сценарий М. Хуциева и А. Гребнева) звучала «Песенка о пехоте» Окуджавы.

была Моника Кочерава* <...> Мы решили – чем можно доконать? Основное оружие – ниспровергнуть Булата с его поэтического пьедестала. Мы его пригласили к Крейтану – и Монике, конечно, тоже¹⁷. Сам Анатолий Гребнев в «Записках последнего сценариста» цитирует свой дневник, где он обращается к Монике (в книге – Манана): «Сейчас тебя провожает этот заносчивый мальчик Булат Окуджава»¹⁸. Впрочем, запомнивший саму обиду, причины разгрома Окуджава не помнил: «...сам Булат впоследствии отрицал этот факт, девушки по имени Манана даже не помнил, уж тем более не отбивал»¹⁹. Элла Маркман рассказывает о том чтении: «Помню строчки, с которых мы начали издеваться. У него было так:

Площадь словно звонкий бубен,
Словно бубен нынче площадь.
Нецелованные губы
Ветер свежестью полощет.

– Что это, белье что ли? Это белье будет ветер полоскать, а вы о женщине пишете! Поэт так написать не может! <...> И в таком роде мы вообще раздраконили его стихи»²⁰. Хотя стихи понравились: «А по-моему, хорошие. Причем Булат чувствуете в каждой строчке»²¹.

* Элла Маркман: «Хорошая девочка, у нее родители тоже арестованы, конечно, были. <...> Она была тбилисская тоже девочка, она училась в университете. Она занималась искусством, по-моему, театром Тбилиси больше <...> Мы с этой Моникой (у нее тоже [родители. – *О. Р.*] были ответственные работники, по-моему, отец) впервые встретились в доме правительственном каком-то и очень с ней там подружились, потом изредка встречались. Это был такой бурный роман. Вернее, не роман, в Грузии по-другому: долго, медленно развиваются отношения, пока он ей скажет, пока она ему ответит. Толя был влюблен...»²².

ХIII

Семья после войны

В 1945 г., сразу после войны, в Ереван уехал муж Сильвии Степановны, сама она еще осталась на некоторое время завершать предотъездные дела. Причин было несколько. У Николая Ивановича начались проблемы на работе, требовавшие быстрой смены города. В это же время поднялась волна антиармянских настроений, армяне уезжали из Грузии, а у Сильвии Степановны, в отличие от многих ее родственников, национальное самосознание было сильно, и она, оставив в Тбилиси вышедшую замуж дочь и поступившего в университет старшего племянника, забрала младшего и уехала в Армению, как она говорила – в Хайастан, к жившей в Ереване сестре Гоар¹.

Отношения с Сильвией Степановной были очень неровные. Вероятно, были большие баталии, связанные с выбором профессии, института: скорее всего, Сильвия Степановна, поддерживавшая сначала литературные увлечения и дружбы Окуджавы, пыталась как-то совладать с этим литературным, ею же выпущенным из бутылки джинном. Окуджава вслед за моловцами хотел поступать в Литинстиут – и даже съездил в Москву: а вдруг

удастся вернуть арбатские комнаты? Лет через 20 Сильвия Степановна будет настаивать, чтобы ее внук, сын Луизы, закончил Политехнический, – и только после этого он уедет в Москву в Литинститут², – и точно так же теперь, в 1944 г., видимо, по ее настоянию Окуджава поступал в Политехнический. Как деликатно сформулировала его троюродная сестра Наталия Александровна Окуджава, сама математик, «математика не его амплуа была»³.

В Политехническом институте в сентябре 2006 г. личного дела Окуджавы сотрудники архива не обнаружили, но если он туда и поступил, то очень быстро бросил, а летом 1945 г. уже вместе с Александром Цыбулевским пошел на филфак. К этому времени относится воспоминание Окуджавы, опять свидетельствующее о конфликтах с теткой: «Это было в Тбилиси, сразу после войны. Я ушел из дома... и меня приютил мой товарищ по институту. Он был из провинции, снимал комнатку, и мы жили вдвоем. Весело жили... и голодно»^{4*} (ср. оценку З.А. Казбек-Казиева: «Хотя они и переругивались немножко, так сказать, из-за ее характера, но Булат относился к ней достаточно тепло, воздавал ей должное»⁵).

Потом, видимо, вернулся домой – и Сильвия Степановна еще жила в Тбилиси, поскольку Ирина Живописцева (тогда Смольянинова), вспоминая свой первый приход к Окуджаве, описывает именно квартиру тети Сильвии: «Запомнилось первое приглашение Булата к себе домой. Он жил с тетей Сильвой, сестрой матери, в двухэтажном доме на улице Грибоедова, идущей выше по склону параллельно проспекту Руставели. Мы поднялись по крутому, мощеному булыжником подъему где-то в районе почтамта и повернули направо к желтому дому. На втором

* Из того же интервью с Ильей Мильштейном: «(Пауза.) Однажды он уехал к своим родственникам. Оставшись один, я залез к нему в чемодан и вытащил оттуда отрез. Понес его на рынок и продал. И быстро истратил эти деньги.

– Это произошло из-за голода?

– Из-за голода и из-за подлости моей в основном. Приятель вернулся, обнаружил пропажу... Я ему ничего не сказал. Он мне тоже. Вскоре мы расстались. Встречаться стали пореже. Потом я и вовсе потерял его. Теперь даже имени не помню. А что украл – помню до сих пор.

– Может быть, вернувшись с войны, вы считали, что фронтовику все позволено?

– Не знаю... Я не помню, чем оправдывал себя.

– Такие воспоминания сейчас травляют вам жизнь?

– Мучают... но и помогают. Помогают не обольщаться на свой счет»⁶.

этаже с балконом была квартира Булата. Вернее, квартира его отца и матери. Двухкомнатная (в “Упраздненном театре” – трехкомнатная. – *О. Р.*), светлая, с блестящим паркетным полом. Из обстановки помню только пианино»⁷. Сестры Смольяниновы познакомились с Окуджавой в начале второго семестра, эпизод этот относится, скорее всего, к весне 1946 г. Видимо, вскоре после этого Сильвия Степановна сняла ему комнату (купила?) в доме напротив, потому что период, когда сестры Смольяниновы часто там бывали – т. е. осень 1946 г., перед свадьбой Окуджавы и Галины Смольяниновой в феврале 1947 г., в воспоминаниях ее сестры уже связан именно с той комнатой: «...тогда Булат уже жил не в двухкомнатной квартире, где жила тетя Сильва, а напротив, в такой полуподвальной комнате, большой, такой темной»⁸. Жил он там, вероятно, осенью того же 1946 г., поскольку именно тогда у него могла часто бывать Ирина Живописцева: «...за этот год, что Булат был знаком с сестрой, тетя Сильва... уехала в Ереван, Булат жил один в этой мрачной, полуподвальной комнате, загроможденной вещами тети Сильвы. <...> Потом, непосредственно перед женитьбой Булата, и эту комнату тетя Сильва то ли продала, то ли поменяла на Ереван и уехала совсем из Тбилиси. Булат, естественно, переехал к нам»⁹. Версия Зураба Казбек-Казиева о комнате напротив (она действительно ровно напротив квартиры Сильвии Степановны, в двух шагах, в цокольном этаже, и на это окно почему-то со всей определенностью указали сегодняшние жильцы на Грибоедова, 11): «...это недолго было. Это оказалось накладно. <...> Ну, ему тоже там было тягостно, ходить напротив надо было покушать или самому себе готовить, а в то время вообще с едой было так. Он долго не выдержал, по-моему, он сам сдался раньше времени, насколько я помню»¹⁰.

Как раз незадолго до переезда Сильвии Степановны у Окуджавы восстановились отношения с родными со стороны отца – с детьми и внуками Николая Окуджавы, брата его дедушки Степана. Когда в 1944 г. он поступал в Политехнический институт, то ли в приемной комиссии, то ли на подготовительных курсах работала, тогда еще школьница (учеников выводили на летние работы), Наталья Окуджава, его троюродная сестра, она увидела в документах абитуриента свою фамилию, и с этого времени он стал приходить в Дидубе, на улицу Вахушти, в родовое гнездо¹¹. Здесь когда-то, до 1937 г., собирались родные, а потом уцелевшие отношений не поддерживали – ни друг с другом, ни с «дидубийской коммуной», как шутливо назовет ее Окуджава, подписывая троюродной сестре Тамилле свою первую книгу «Лирика»¹²: детей Шалвы и Михаила взяли сестры матерей, между собой не общавшиеся.

Нателу, Арчила и Важа, детей Михаила Окуджавы от второго брака, растила сестра их расстрелянной матери. Случайно она узнала, что Виктор Окуджава в Тбилиси, ей рассказал кто-то из его учителей. Он был недоволен плохой отметкой по грузинскому языку, говорил, что для грузина это стыдно, ему сказали: но ты же Налбандян, ты же армянин – а дальше, видимо, легко выяснилось, что носит он фамилию матери и тетки, у которой живет. Так же случайно лет через десять Важа Окуджава узнал, что в паспорте у Виктора, его двоюродного брата, все-таки была указана фамилия отца – в Ереване, в отделении милиции, увидел надпись: здесь такого-то числа получал паспорт Виктор Окуджава¹³ (Виктор Окуджава жил в Ереване то с Сильвией, то с ее сестрой Гоар). Отношения с детьми Михаила, которые были его моложе и которых он видел более десяти лет назад, у Окуджавы восстановились в конце 1940-х гг., когда вернулся с Колымы старший сын Михаила Окуджавы Гиви: с Гиви роднили общие воспоминания о той семье, которая была когда-то.

Гиви учился в Политехническом, на строительном, откуда его выгнали после ареста отца под предлогом несдачи какого-то предмета. Несколько раз он ходил в институт добиваться восстановления – так просила бабушка, – там его и забрали (это рассказ Отара Дзимистаришвили, двоюродного брата Гиви Окуджавы)¹⁴. Попал на Колыму. Как рассказывал потом, остался жив только благодаря начальнику тюрьмы, пожалевшему его¹⁵ и взявшему маркшейдером, и жена отправляла посылки¹⁶. Когда он освобожден, отсидев свои пять лет за недоносительство на отца и незаконное хранение оружия (отцовского пистолета), она приехала к нему в ссылку, и осенью 1948 г., уже втроем, с дочкой, они вернулись в Тбилиси¹⁷. Он работал, доучился (заочно), в партию категорически не хотел, даже когда его уже и приняли бы¹⁸.

В 1973 г. в Тбилиси на торжестве в честь 80-летия Галактиона Табидзе Окуджава говорил: «Я уже пять лет не пишу стихи, но когда я сел в поезд, чтобы ехать в Тбилиси, я подумал: в чем дело? Почему я не пишу стихи? Я должен написать хотя бы маленькое стихотворение. Я вспомнил о своей сестре Нателе. “Прекрасная сестра моя Натела...” – написал я, и двое суток ничего больше не мог придумать.

Но вчера я заставил себя и написал маленькое стихотворение, которое имеет отношение и к Нателе и к Галактиону Табидзе. Это маленькое стихотворение, и я сейчас вам его прочту»^{19*}.

* В сборнике «Посвящается вам» (1988) стихотворение датировано 1967 г.

Окуджава несколько раз повторяет, что стихотворение «маленькое», не «настоящее», его нужно воспринимать именно как стихотворение на случай, юбилейное – заставил себя написать, поскольку пригласили как племянника и поэта. Но раз уж все-таки заставил, написал то, что ему было органично: он хотел написать о семье (поэтому обращение к сестре, единственной среди них, двоюродных), и он хотел громко, под запись, прочитать стихотворение о Табидзе, которое было бы – про его последние 20 лет, про то, что уложилось между арестом жены, Ольги Окуджава, и его самоубийством в 1959 г., когда к нему в больницу пришли за подписью под письмом, осуждающим Пастернака, а он попросил прийти через час и выбросился из окна.

Прекрасная сестра моя, Натела!
Прошли года, а ты помолодела.
Так чист небесный пламень глаз твоих...
Возьми родную речь и корку хлеба,
Стакан вина, предчувствия и небо
И раздели на нас, на семерых.

Вот суть любви знакомого поэта,
чья песня до конца еще не спета.
Сестра моя! Все только впереди.
Надгробья холодны – душе нейдется,
Галактион когда-нибудь вернется,
он просто задержался по пути²⁰.

Стенограмма не передает авторские знаки препинания, но из нее видно, что неизменной осталась только последняя, третья строфа, такой же она опубликована и в «Чаепитии на Арбате» в 1996 г. Позже Окуджава расставит знаки, подчеркнув ироничное «Все – только впереди!», уберет «предчувствия» и «надгробья», о которых, собственно, и написано стихотворение, – вероятно, для того чтобы оно, потерявшее многозначительность, было опубликовано в 1975 г. в «Дружбе народов» под заглавием «Памяти Галактиона Табидзе»; а потом, как это не раз бывало, забудет внести правку в издания 1990-х гг. В последующих публикациях Окуджава уберет и название, несколько завуалировав поэта, о котором идет речь, – стихотворение получилось очень семейным, не о литераторе Табидзе, а просто – о дяде.

И еще: вместо «семерых» все-таки в изданиях стихотворения будут «шестеро». У Степана Окуджавы было восемь детей и семь внуков: четверо у Михаила, двое у Шалвы и у Николая – сын Николай, по-домашнему – Кукуля.

Они были близки – и по возрасту, и вообще близки²¹. Кукуля жил в Кутаиси, в Кибули, был горняком. В 1947 г. он погиб в шахте: его завалило камнями и медленно заливало водой²².

С Гиви они тоже были близки, еще с детства²³, и есть у Окуджавы стихотворение «Памяти брата моего Гиви» (1984):

На откосе, на обрыве
нашей жизни удалой
ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой.

Кто толкнул тебя с откоса,
не сказав тебе «прощай»,
будто рюмочку – с подноса,
будто вправду невзначай?²⁴

Умер Гиви от инфаркта, в стихотворении Окуджавы – это последствия Колымы:

Стих на сопках Магадана
лай сторожевых собак,
но твоя большая рана
не рубцуеться никак.

И кого теперь с откоса
по ранжиру за тобой?..
Спи, мой брат беловолосый,
стройный, добрый, молодой²⁵.

В семье мингрелов Окуджава были и жгучие брюнеты, и светлые – «беловолосые»*, как их, видимо, называли в семье, – Михаил, отец Гиви, и сам Гиви, и его брат Важа, и Виктор Окуджава.

По ранжиру, по возрасту следующим был он, Булат Окуджава, писавший эти строки, если верить его собственным датировкам, в год своего шестидесятилетия, – так и вышло в 1997 г. А в тот 1983 год они ушли за два месяца – Маня, Гиви, Ашхен, Сильвия. Через несколько лет Окуджава напишет о матери почти теми же словами, снова восстанавливая этот образ человека молодого, до беды, но подчеркивая в каждом свое, очень ему присущее, о Гиви – добрый, о матери – гордая:

* «Вася белый» и «Вася черный» – так, судя по «Упраздненному театру», различали в семье двух двоюродных братьев, Василия Окуджаву и Василия Киквадзе²⁶.

Так и качаюсь на самом краю
И на свечу несгоревшую дую.
Скоро увижу я маму мою,
стройную, гордую и молодую²⁷.

Ашхен Степановна вернулась раньше Гиви: отсидев 8 лет, она приехала в Тбилиси и в феврале 1947-го была на свадьбе сына.

Но в рассказе «Девушка моей мечты» возвращение матери датировано очень определенно: «За окнами был май»²⁸, год тоже назван: «Вспоминаю, как встречал маму в 1947 году.

Мы были в разлуке десять лет. Расставалась она с двенадцатилетним мальчиком, а тут был уже двадцатидвухлетний молодой человек, студент университета, уже отвоевавший, раненый, многое хлебнувший...»²⁹ Неточности бросаются в глаза сразу: когда ее арестовали, Окуджаве было 14, если она вернулась в мае – ему уже 23. Май нужен, чтобы сделать более резким контраст между весной за окном и теми событиями, которые описываются, чтобы ощутимей был страх сына на фоне этого мая, цветенья увидеть постаревшую, неузнаваемую маму – или даже не узнать ее. Из «Девушки моей мечты»: «Ужасная мысль, что я не узнаю маму, преследовала меня, пока я стремительно преодолевал Верийский спуск и летел дальше по улице Жореса к вокзалу, и я старался представить себя среди вагонов и толпы, и там, в самом бурном ее водовороте, мелькала седенькая старушка, и мы бросались друг к другу»³⁰. А в стихотворении перед уходом на войну, сорокалетней давности, подаренном Филиппу Тер-Микаэлян, было о том, что мама, когда вернется, не узнает его, так повзрослевшего: «Посмотрели глаза устало, / Удивились глаза немного. / Ты, наверно, меня не узнала / В этом юноше длинноногом»^{31*}.

Она была на свадьбе, но даже сестра невесты не знала, кто она: «...не говорил он о том, что приехала мама <...> Я даже, как ни странно, не помню ее на свадьбе у Гали и Булата. А она была. Это он уже мне сам сказал**». А слова я ее помню, она сказала: «Такая простая квартира у офицера»³².

* В апреле 2003 г., когда Ф.М. Тер-Микаэлян дал мне ознакомиться с сохранившимися у него стихами Окуджавы, они находились в его архиве.

** Речь идет о разговоре Окуджавы и Живописцевой 1 августа 1996 года: «Оказывается, я забыла, что Ашхен Степановна была на свадьбе Гали и Булата и именно она обрадованно удивилась, что семья офицера так скромно живет (эти слова я относил к тете Сильве и недоумевала, почему она похвалила нашу бедную обстановку)»³³.

Самый, может быть, пронзительный, самый лиричный рассказ Окуджавы о возвращении мамы – «Девушка моей мечты». Пронзительный потому, что реалии смещены так, чтобы оставить их вдвоем – мать и сына, чтобы возвращалась она именно в его мрачную, подвальную, необустроенную комнату*. Так же точно в повестях и рассказах Окуджавы о Калужской области герой одинок и холост, жена Окуджавы, полной мерой хлебнувшая вместе с ним деревенской жизни, из прозы исчезла. Так же точно в «Упраздненном театре» пропал брат Виктор: Окуджаве важно и интересно оставлять героя своей автобиографической прозы наедине с тем, что с ним происходит, ему важно понять этого героя, понять себя самого**.

Ашхен Степановна жила под Ереваном с Виктором*** – река Рандомал, деревня Дарачичаг, как запомнилось Юрию Николаевичу Попову: «Мы с Витей и с тетей Ашхен в это лето жили в

* См.: «Обстоятельства моей тогдашней жизни были вот какие. Я вернулся с фронта, и поступил в Тбилисский университет, и жил в комнате первого этажа, которую мне оставила моя тетья, переехавшая в другой город»³⁴.

** Зураб Казбек-Казиев: «И одно время они для него сняли комнату в подвале дома напротив, ну, рядом с консерваторией. Она была комната подвальная <...> Есть у него рассказ... “Девушка моей мечты”. Вот все дело в этой квартире происходит». На вопрос о том, действительно ли у Окуджавы был сосед Меладзе: «...я не помню, как его фамилия, но там была, конечно, коммунальная квартира. Ну, там был, по-моему, один сосед, или два, не помню я»³⁵. Ирина Живописцева: «...сосед был какой-то, но, так как кухонька у Булата была темная и вообще все это какое-то ужасно мрачное, запущенное помещение было, то я даже если и видела его, он для меня, как тень, промелькнул, хотя я там в этой кухоньке часто находилась»³⁶.

*** В рассказе Сильвия в это время еще в Тбилиси: «После всего, что было, ее арестовали снова. Мы узнали об этом в одну из отвратительных ночей, когда в наш дом ввалился человек, у которого в Кировакане мама снимала угол. <...> Он сидел на кухне, сыпал пепел на пол, на брюки, тяжело вздыхал. Тетья Сильвия плакала негромко...»³⁷; «Когда она вернулась в 1947 году после десяти лет лагерей, не было ни реабилитации, ни даже помилования, просто отбыла свой срок и вернулась. В столичных и больших городах жить ей не разрешалось, и тетья Сильвия с большим трудом устроила ее в Кировакане кассиршей в какой-то артели. А мы жили в Тбилиси, и я был студентом университета»³⁸. Ср. о другом преарестном периоде в «Упраздненном театре» – также о том, что она работала кассиршей в артели³⁹.

деревне <...> пошли в лес, приходим – ее нету. Потом нам кто-то сказал, что приехали и забрали»⁴⁰.

Рассказ «Девушка моей мечты» – о возвращении мамы – датирован декабрем 1985-го, рассказ «Нечаянная радость» – о ее втором аресте – 1986-м. В книге 1993 г. «Заезжий музыкант», составленной из автобиографической прозы Окуджавы, эти два рассказа идут один за другим. Посвященные одним и тем же событиям, написанные почти одновременно, они составляют как бы небольшой цикл: «Вспоминаю, как встречал маму в 1947 году»⁴¹ – начало «Девушки моей мечты», «Нечаянная радость» начинается словами «Вспоминаю, как провожал маму в 1949 году.

Да, провожал. Так уж случилось. В 47-м встречал из лагеря, а тут провожал»⁴². В рассказе есть еще одно временное указание: «Я был студентом четвертого курса»⁴³. Пятый курс Окуджава закончил в 1950 г., т. е. четвертый курс, 1949 г. – это весенний семестр. Но в рассказе иначе: «Вдобавок ко всему – поздняя осень с дождями и пронзительным ветром»⁴⁴. Эта «осень» – параллель к цветущей весне, маю во время возвращения мамы в предыдущем рассказе, независимо от того, когда арестовали Ашхен Степановну – осенью 1948 г.* или уже в 1949 г. Постановление Особого совещания при МГБ СССР о лагерном заключении А.С. Налбандян датировано 25 июня 1949 г.⁴⁵ В рассказе же речь идет о ссылке: «И я звонил своим друзьям: Зурабу, Володе, Филиппу, и Нате, и Додикку Барткулашвили, и всем рассказывал о случившемся, и объяснял, какая разница между лагерем и ссылкой, опуская слово “вечная” как излишество»⁴⁶.

* Ср. в рассказе, где дело тянется долго: «Мама в Тбилиси!.. Ее привезли сюда. Она в Ортачальской тюрьме»⁴⁷!..»

А также: «Наступила зима, а суда все не было. Гнилая тбилисская зима, гнилые ощущения, дождь и снег»⁴⁸!..»

* * *

Важа Окуджава:

После ареста моих родителей мы с Табидзе не общались. Я помню, однажды на улице меня встретил он, я уже был школьник, кажется, остановил, просто так, столкнулись мы что-то, стал разговаривать как с ребенком. В это время кто-то проходил, говорит: батоно Галактион, вы знаете, это кто? это сын Миши Окуджава. И он разинул рот – правда? Начал плакать. Стал меня спрашивать: ты тетю Олю помнишь, помнишь? Начал плакать, развернулся и ушел. И все. Вот такая случайная встреча, я запомнил. А так общения не было¹.

XIV
Галина Смольянинова

Окуджава очень щедро посвящал стихи, иногда – человеку, к которому они действительно имели отношение, иногда – человеку, которому они понравились, иногда – кому-то, чье имя позволяло слегка завуалировать то, с чего стихотворение начиналось. Галине Смольяниновой (31 июля 1926 – 7 ноября 1965) посвящено только одно стихотворение: в сборнике «Острова» 1959 г. – очень простое посвящение, «Галине», над стихотворением о расставании, которое еще дело не решенное, но все к тому:

Снится или не снится?
Вечер в дожде до пят.
Две молчаливых птицы
из-под бровей глядят.

<...>

Всякое может стать,
(В жизни чему не быть?)
Вдруг захочу расстаться,
вдруг разучусь любить...¹

В 1959 г. их сыну 5 лет, они 12 лет женаты: «Первая моя жена умерла. Мы познакомились на первом курсе университета, совсем юные (21 год мне был) и практически сразу же поженились»². Она была на два года моложе, позади были эшелоны, бомбежки в Воронеже*, и это был первый послевоенный год.

«Веселая, легкая, переживания все всегда внутри, очень общительная, добрая, любящая, красивая», очень светлый человек, абсолютно располагающий к себе и абсолютно отдающийся, «с большой отдачей человек, широкий человек», задористый, обаятельный бесконечно, очень доверчивая, очень открытая («все хорошее только»)³ – это воспоминания Аиды Михайловны, двоюродной сестры Окуджавы. «Вся семья у них (у Смольяниновых. – *О. Р.*) была очень дружная», открытая, такими были и брат, и сестра, и она сама, «очень хорошая женщина, очень душевная, жизнерадостная, всегда такая улыбающаяся»⁴ – такой ее запомнила Тамилла Васильевна Мелик-Оганджян.

И таким же жизнерадостным запомнил Окуджаву (правда, еще до войны) Зураб Казбек-Казиев: «...он неизменно становился душой компании. Плюс к этому – доброта характера прирожденная. Булат был веселым, жизнерадостным, он всем нравился»⁵. В нем было и то и другое. Ирина Живописцева, тогда – Смольянинова: «Что касалось его каких-то наболевших чувств, переживаний, то он их никогда не выносил, никому, вот так в открытую. А что касалось повседневного поведения, когда он не был занят стихами, когда он просто отключался от всего, он действительно, на самом деле был веселый, даже можно сказать смешливый, с чувством юмора. Иногда юмор у него был колючий, а ...в расположении добром, он был очень открыт и весел, и к нему можно было с любым вопросом, с любой шуткой подойти»⁶; «Смеялся он от души, до слез, наклоняясь и смешно потирая нос <...> Он часто говорил, что страшно не любит, когда кто-то хихикает, но тут же ловил себя на неприятной ему слабости.

Открытости, простодушия, что отличало нас с сестрой (плюс это или минус?) у него не было. Проявления фамильярности к нему со стороны друзей я тоже не помню. Как я теперь понимаю, внутренний мир его был богаче, глубже, разнообразнее, отношение к жизни более осознанное, зрелое»⁷.

«Тому, что Булат запел, шибко способствовала его первая жена Галина, у которой был замечательный слух и голос»⁸, – так запомнилось Зурабу Казбек-Казиеву, с этим созвучно воспоминание

* Военные маршруты семьи, эшелоны, в которых ехали, бомбежки в Воронеже описывает Ирина Живописцева⁹.

Филиппа Тер-Микаэляна о 1941–1942 гг.: «В наших компаниях я не помню, чтобы (Окуджава. – *О. Р.*) на чем-нибудь играл, чтобы его просили. У нас бывали в нашем кругу ребята из консерватории, вот гораздо интересней было слушать их импровизации»¹⁰. Но в семье Смольяниновых пели, пели часто, со вкусом к этому делу: «Ни сестра, ни я, ни брат не учились музыке и пению (война многому помешала), но любовь к музыке, танцам была в нашей семье необыкновенной. Мой отец в молодости учился играть по нотам на гитаре, мандолине, балалайке, превосходно играл по слуху. Мама была певунья и плясунья. <...> В нашем доме постоянно кто-нибудь напевал, и когда пела мама, а папа ей аккомпанировал и подпевал, то мы слушали и впитывали задушевность, распевность, красоту русских мелодий, а потом сами подхватывали ее»¹¹; «...у нее (Галины Смольяниновой. – *О. Р.*) был небольшой голос, но слух очень хороший, и с детства она пела*, и научилась играть на гитаре...»¹² Отсюда и гитара Окуджавы: «Трем аккордам меня научил отец моей первой жены. Это было очень давно»¹³.

В 1990-е гг. Окуджава будет писать роман о семье своих родителей, создавая или восстанавливая «мелодию утрат», которая для него и передавала бы 1930-е гг. 1940-е от 1930-х в этом смысле не очень отличались, но, кроме «мелодии утрат», в них были песни, веселье, компании, студенческая жизнь: «Она танцевала прекрасно. <...> Даже когда школу кончила она, – получилось так, что мы в Воронеже были в это время, вернулись из эвакуации, – и когда она кончила школу, то хотела поступить в театральный какой-нибудь институт или училище. Но тогда некуда было поступать, потому что все было разрушено в Воронеже, и единственная, наверное, возможность была поступить в строительный институт...»¹⁴ Так посоветовали родители, «потому что это был сорок четвертый год и она могла попасть в армию, а мы и так много пережили в Средней Азии, очень там и голодно было, и холодно»¹⁵ – в строительном была бронь. Там Галина Смольянинова проучилась год, а потом семья уехала к отцу – его часть была где-то под Севастополем. И она поступила в медицинский¹⁶. «Я в педагогический поступила на филологическое отделение, а

* Ср.: «Мы любили русские и украинские народные песни, городские романсы, революционные и современные песни. Еще до войны всех покорила грузинская мелодия “Сулико”. И как только представилась возможность ближе познакомиться с грузинскими песнями, языком, то мы с радостью этим воспользовались. Еще в Крыму мы разучивали “Сакартвело”, “Мравалжамие”, “Тбилисо” и другие песни. Грузинские мелодии завораживали, а исполнение покоряло»¹⁷.

она поступила в медицинский, и вот мы ходили туда-обратно, у нее вечно в карманах косточки были всякие... от скелетов, и вот там всякие ямочки, всякие бугорки она по дороге учила, вытащит из кармана, на латинском языке все это учит. Ну, у меня это немножко даже содрогание вызывало, а она абсолютно спокойно к этому относилась и с удовольствием»¹⁸. Это была осень 1945 г., но семестр она не закончила: «...мы полгода всего там проучились, даже меньше, еще даже не наступила пора зачетов, и эту часть воинскую, где служил папа, перевели в Тбилиси»¹⁹. В январе Галина Смольянинова попыталась перевестись в медицинский, но не приняли из-за каких-то формальностей, предложили поступать на следующий год: «Семейный совет был, опять возник этот театральный институт, и опять ей все-таки мама с папой не посоветовали туда поступать, предложили поступить вместе со мной в университет на филологическое отделение»²⁰.

Во время студенческих каникул Галина и Ирина Смольяниновы сдали зачеты и экзамены за пропущенный ими первый семестр и в начале второго семестра пришли в XI группу, где учился Окуджава. Через год, в феврале 1947-го, поженились^{21*}.

Описывая в романе начала 1990-х гг. свою семью 1930-х гг., Окуджава восстанавливал «мелодию утрат», в 1940-е гг. утрат тоже было много – но были не только они.

* См.: «В 1947 году Булат и Галка поженились, будучи на II курсе. Булат переехал к нам. Жили мы в это время на улице Каспийской, которая шла от улицы Шаумяна параллельно улице Черноморской. Сейчас она называется Каспской <...> В четырехэтажном доме у нас были две угловые комнаты в цокольном этаже, с двумя соседями, с ванной, постоянно наполненной про запас чистой водой из-за плохого водоснабжения, и маленькой кухонькой. <...> Вскоре отец был назначен начальником политотдела строительной войсковой части, и ему дали отдельную квартиру в центре, на улице Бараташвили, возле центрального рынка. Это был прекрасный дом с арками и балконами. Но это были те же две комнаты, правда, светлые, большие, отдельные, с балконами и паркетными полами»²².

XV Университет

В личном деле студента Тбилисского государственного университета им. Сталина сохранился аттестат Окуджава (выдан 20 июня 1944 г.): «Настоящий аттестат выдан Окуджава Булату Шалвовичу, родившемуся в 1924 году, в том, что он в 1944 году окончил полный курс третьей средней школы взрослых»^{1*} в Тбилиси. Пятерок в аттестате всего две – по русскому языку и литературе, четверки по немецкому языку, химии, истории и графике. По всем остальным предметам – по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, конституции СССР, географии, астрономии, биологии и даже по грузинскому языку и грузинской литературе – тройки. Додик Барткулашвили, с которым они вместе поступали в Политехнический, остался там, а Окуджава вместе с его сестрой Майей Барткулашвили и Александром Цыбулевским в 1945 г. поступил в университет на филологический факультет. Видимо, Сильвия

* Страницы личного дела, заполненные на грузинском языке, здесь приводятся в переводе К. Доквадзе, в начале 2000-х годов передавшего мне этот перевод.

Степановна решила: пусть учится хоть где-нибудь, и потом – все-таки Тбилисский государственный университет.

В экзаменационном листе указаны вступительные испытания:

27 августа 1945 – иностранный язык (немецкий), устный (удовлетворительно).

28 августа 1945 – география, устный (хорошо).

30 августа 1945 – история народов СССР, устный (хорошо).

1 сентября 1945 – русский язык и литература, письменный (хорошо) и устный (хорошо)².

За год до этого, в 1944 г., Анатолий Гребнев (тогда – Густав Айзенберг) в университет поступить не мог: «У меня отец был репрессирован, в Тбилиси не брали, где-то брали, где взяли Булата, я не знаю, меня не брали, ходил без паспорта»³. А Окуджаве дали такой документ: «Справка. Дана Окуджаву Б.Ш. родивш. 1924 г. в том, что можно допустить к приемным испытаниям на филологический факультет. Начальник спец Отдела Сагарадзе»⁴. Видимо, его взяли как фронтовика (ср. в рассказе «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова»: «Когда я вернулся с фронта и поступил в университет, меня приняли без экзаменов»⁵). Скорее всего, эти экзамены для фронтовиков действительно были чистой формальностью, потому что 1 сентября Окуджаву сдает последний экзамен, а 2 сентября в газете «Боец РККА» при публикации его стихов уже сообщается о том, что он поступил в университет. В автобиографии он гордо добавляет: «Пишу стихи и сотрудничаю в органе Политотдела Закавказского фронта – газете “Боец РККА”»⁶. И пишет, что «ушел добровольцем на фронт»⁷. «В 1941 г. эвакуировался с семьей в г. Тбилиси»⁸ – видимо, попытка избежать объяснений о родителях и обо всех географических перемещениях («Родился 9 мая 1924 года. В гор. Москве»⁹). Августом 1945 г. датирована справка, выданная Окуджаве в амбулатории Тбилисского государственного университета им. Сталина (объясняется она, вероятно, лечением – формальным? – в НИИ психиатрии сразу после армии): «Дана настоящая Окуджаву Б.Ш. в том, что он проверен врачебной комиссией при Государственном университете и по состоянию здоровья может быть допущен к продолжению учебы в Университете»¹⁰.

О том, как прошел первый семестр, Окуджаву рассказывал в одном из интервью: «...первое время не очень прилежно посещал занятия. Мне было двадцать лет, и мне ничего не хотелось, как только ходить на танцы. После танцев я провожал девушек домой,

почему-то всегда они жили далеко, я возвращался к себе поздно ночью, ложился спать, а днем за мной заходил мой друг, я гладил свои единственные брюки, и мы снова шли на танцы. Преподаватели меня журили, но прощали мне пропуски как фронтовику. А я тупо продолжал ходить на танцы. Так длилось где-то полгода, так я привыкал к мирной жизни»¹¹. Сначала прощали, потом перестали прощать: «Когда-то, давным-давно, меня должны были выгнать из университета за непосещаемость. Трагедия, я умирал. Тут ко мне пришел приятель и говорит: “Представляешь, если полететь на Луну и оттуда посмотреть в подзорную трубу на нашу Землю. Там у тебя какая-то неприятность в университете! Как смешно, не правда ли?” Он так это сказал, что я потом всю жизнь вспоминал его слова. Они мне помогли»¹².

О переводе на второй курс записи нет вовсе*, на третий переведен условно, на втором курсе в обоих семестрах лишен стипендии – это год, когда он женился. О том, как учились, у кого учились, много говорится в воспоминаниях Ирины Живописцевой: «К занятиям в университете мы тоже относились по-разному. Я штудировала первоисточники по программе; Булат, занятый стихами и личными проблемами, и Галка, увлеченная им больше, чем филологией (медицина так и осталась ее неосуществленной мечтой), готовились к экзаменам по лекциям, своим и чужим. Иногда мы вместе ходили “на шатало” – сбегали с лекций, ходили на все новые фильмы, поднимались на фуникулере в парк»^{13**}. Еще один пример разности отношения к занятиям: «Это было на I курсе. <...> Все места на передних скамейках были заняты, я поднялась по ступенькам вверх (лекционный зал располагался амфитеатром) и села рядом с Булатом на последний ряд. А с ним, как я потом увидела, сидели все мальчишки из нашей группы. Прощай, благое намеренье записать лекцию. Мне подсунули листок для игры в балду. <...> Мы тихонько хихикали <...> И вдрут

* См. выписку из приказов по университету:

«7/IX-45 – зачислить на I курс

7/VII-47 – перевести на III курс условно

6/VI 48 – переведен на IV к.

11/VII 49 – переведен на V к.

2/VII 50 г. – выдать диплом»¹⁴.

** В рассказе «Девушка моей мечты» Окуджава перечисляет трофейные фильмы, которые тогда смотрели, и по многу раз; то же запомнилось и Ирине Живописцевой: «“Большой вальс”, “Девушка моей мечты”, “Сто мужчин и одна девушка”, “Тарзан”, фильмы с участием Карузо, Марио Ланца, Чаплина, Раджа Капура, Жана Марэ, Лолиты Торес...»¹⁵

наша преподавательница, сухая, строгая женщина, обратилась ко мне с предложением покинуть аудиторию, так как меня, видимо, не интересует курс ее предмета. <...> В абсолютной тишине, вся пунцовая, я стала спускаться по нескончаемым ступенькам, опустив глаза, думая, что все взгляды обращены на меня, не видя, что происходит за моей спиной. Оказывается, встал Булат, за ним поднялись все мальчишки по ряду и пошли за мною следом. Такой торжественный исход из храма науки потряс нашего преподавателя...»¹⁶

Бросить учебу периодически пытался: «...такое желание у него возникало время от времени, ну, может быть, в связи с тем, что он не сдавал <экзамены>, не получал стипендию. <...> он не работал, папа вообще был категорически <против>, даже и слышать не хотел, чтобы он работал и чтобы он не кончил... Это понятно, в общем, если работать – это вряд ли он бы кончил университет, потому что и так у него все это со скрипом двигалось»¹⁷.

25 апреля 1950 г. Окуджава защищал диплом на тему «Октябрьская революция в поэмах Маяковского». Видимо, первую фразу его вступительного слова и записал секретарь: «Октябрьскую революцию Маяковский воспринял как историческую закономерность и посвятил ей весь свой талант, она проходит через все его творчество»¹⁸. Далее рецензент Левицкий отметил самостоятельность работы и прекрасный разбор творчества Маяковского, а руководитель темы Гиголов сказал, что Окуджава «некоторое время работал без руководителя, т. к. доцент Николадзе ушла из у<ниверсите>та»¹⁹. Однако несмотря на это, отмечает Гиголов, Окуджава успешно разработал тему. Работа оценена на «отлично»²⁰. В рассказе 1976 г. «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова» о защите диплома говорится гораздо менее пафосно: «Кое-как доучился, кое-как написал дипломную работу: что-то там такое насчет Маяковского, на сорок страниц натянул, отделался общими фразами. Передавая работу своему руководителю, имел наглость пошутить: боюсь, что со знаками препинания у меня не все в порядке... Говоря о моей работе, он сказал, что работа превосходная, только со знаками препинания не все в порядке. Я понял, что он ее не читал. Меня хвалили, поздравляли, что вот, мол, несмотря на бывшее ранение, все же написал, поработал, использовал множество литературы (библиографический список я катал из энциклопедии)»²¹. Рассказ очень ироничен, но Маяковский все же был отнюдь не случаен («Я думаю, твердо знаю, что он интересовался этой темой, Маяковским <...> это не под давлением обстоятельств, мне кажется, потому что нам все-таки предоставлялся выбор тем диплом-

ных»^{22*}), и с научным руководителем были какие-то отношения. Когда через много лет Важа Михайлович Окуджава, тогда ректор университета, устроил в ТГУ вечер двоюродного брата после неудачного, слишком официального мероприятия в филармонии, на которое раздавали билеты по спискам ЦК, зал был набит битком, было много молодежи, была свободная беседа, Окуджава много пел, много рассказывал, а вел вечер Гиголов – они были очень близки. Окуджава очень любил Гиголова, вспоминает Важа Михайлович²³.

В 1993 г. на вопрос, любит ли он учиться (а в это время задающий вопрос уже должен хорошо помнить, что «умный любит учиться, а дурак учить»²⁴), Окуджава ответил: «Да, но не всегда это удается. В студенческие годы было много соблазнов, из-за этого неуспехи. Правда, последний год в университете стал отличником, но сказались оценки за прежние курсы»²⁵.

Действительно, последний год сильно отличался от предыдущих: вопрос «о дальнейшей жизни после окончания университета уже начал нас интересовать где-то, наверное, в 1949 году»²⁶. Но дело было не только в этом: внеуниверситетская литературная и просто дружеская жизнь, такая яркая на первых курсах, почти закончилась на последних – арестовали ближайших университетских друзей Окуджавы, а его самого, как вспоминает Ирина Живописцева, вызывали в Большой дом, снова была арестована Ашхен Степановна.

* Сама И.В. Живописцева писала о Твардовском, В.Я. Дворковский – о Чернышевском.

XVI
Литературные кружки:
«Соломенная лампа» и «маяковцы».
Консультации Крейтана. Стихи 1940-х

Поступив в 1945 г. на русское отделение филологического факультета Тбилисского государственного университета, Окуджава вместе со своим другом, а теперь еще и однокурсником Александром Цыбулевским почти сразу же устраивает дома «что-то вроде кружка» – это тот самый первый семестр, о котором он говорил, что вместо учебы ходил на танцы. В октябре, когда Пастернак приезжал в Тбилиси, кружок уже был: «Случилось однажды так, что мне довелось встретиться с Пастернаком. Я был студентом Тбилисского университета и начинал более-менее серьезно заниматься стихами. У нас существовал литературный кружок. Все в кружке исповедовали пастернаковскую стилистику и хвастались друг перед другом успехами в подражании ему»¹.

Кружок вокруг было немало, в частности «Зеленая лампа», организованная старшекурсниками вроде бы на философском факультете, – через пару лет участников кружка арестуют, как вспоминает выпускник факультета Рашид Кетхудов. То ли подражали этому кружку в подражании той, настоящей «Зеленой лампе», то ли идея в воздухе витала, но кружок Окуджавы

был назван «Соломенная лампа», поскольку в комнате, в которую уже, видимо, в конце первого курса он отселился, как раз такая и стояла (Зураб Казбек-Казиев): «...стояла большущая соломенная лампа, которая здесь у него стоит, кстати, в кабинете, сейчас стоит (в квартире в Протопоповском переулке. – *О. Р.*), но там она была колоссальная по сравнению со всей комнаткой, а здесь она кажется маленькой. Лампа – это формальность, но Булат был склонен к тому, чтобы какие-то организовывать кружки, литературные кружки <...> там у него собирались молодые люди, все, в основном, начинающие или печатающиеся в газете. <...> Они читали стихи, прозу <...> Это было или в конце войны, или в первые годы после войны <...> Вот как раз эти кружки и совпали с его поступлением в университет»².

Ирина Живописцева вспоминает еще о «маяковцах» (примечательно, что не «пастернаковцах»), хотя участники кружка, вероятно, были примерно те же – несколько друзей-однокурсников: «...я, например, даже не знала, что Шура Цыбулевский писал стихи. Хотя, в общем, я и не могла этого знать, потому что, как кружок – вот так, чтобы хоть раз собрались вместе, – я там не была. Может быть, он существовал до того, как мы приехали и как познакомилась с Булатом»³, т. е. до конца зимы 1946 г.

Пастернак, Маяковский, видимо, действительно наиболее любимый из разрешенного и пропагандируемого: не случайно дипломная работа Окуджавы будет об Октябрьской революции в поэмах Маяковского*, и даже Александр Цыбулевский, восстановившись после лагеря в университете, с опозданием на 10 лет, 3 мая 1960 г., защитит диплом «Метафоры и сравнения <В.> Маяковского»⁴. И.В. Живописцева поясняет название кружка: «...он (Окуджава. – *О. Р.*) любил и В. Маяковского, и Н. Асеева, и В. Луговского, и И. Сельвинского, и с удовольствием читал. Я помню “Балладу о тигре” Сельвинского, и эти строчки (он несколько раз подчеркивал, как они хороши и как они ему нравятся): “И, словно стая голубей / Один заворковал”»⁵. Все это литературные пристрастия, свидетельствующие о внимании к героической тематике, к экспериментам с языком, к звукописи – к тому, как сделаны стихи:

* Кружок назывался «маяковцы», Маяковского знали наизусть, и в первой книге Окуджавы «Лирика», вышедшей в 1956 г., влияние Маяковского очень заметно. Ср.: «Я думаю, твердо знаю, что он (Окуджава. – *О. Р.*) интересовался этой темой, Маяковским. А вот забыла, во что это вылилось потом, но это не под давлением обстоятельств, мне кажется, потому что нам все-таки предоставлялся выбор тем дипломных»⁶.

«В то время как мы корпели в публичке, готовясь к экзаменам, он читал Бодлера, Бернса, Сельвинского, Межирова, Тихонова.

Я прошел над Алазанью,
Над серебряной водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой –

читал Булат нараспев, подчеркивая ритм и чередующиеся л–р, з–с, которые создают мелодию и образ бегущей воды»⁷.

Выбор филфака и создание кружка – все это означало стремление к профессионализации и способствовало ей: «Булат мог рассуждать, как сделан фильм, как сделаны стихи»⁸, «Булат очень часто хвалил чужие стихи, был щедр в своих оценках. Когда он читал свои стихи, то ждал, видимо, детального разбора»⁹.

Кружок был мастерской по переработке того, что давал университет, того, что писали или приносили почитать друзья: «Очень много говорили о литературе, о Маяковском, спорили о материализме, идеализме, “о вещах в себе” и “для себя”, о Канте, Гегеле, Фейербахе, изучали их произведения. <...> Мы читали Маркса, Энгельса, Сталина, обсуждали их работы»¹⁰.

Это был то ли литературный кружок, то ли дружеский круг: «Мы ходили этой группой: я, Галя, Лева, Шура, Леша и Булат»¹¹. Они были одноклассниками: Галина и Ирина Смольяниновы, Лев Софианиди («...красивый грек, длинный, еще по-мальчишески нескладный, с немного шаркающей походкой, одетый во что-то темное и бесформенное»¹²), Александр Цыбулевский («...с буйной рыжей шевелюрой, с длинным, правильной формы носом, по-юношески нескладным лицом и хорошей фигурой»¹³), Алексей Силин («Алешка Силин – с лицом хитрого русского мужичка, по выражению Булата, со светлыми глазами и усами щеточкой, невысокого роста. Когда он шел рядом с Левкой, это были настоящие Пат и Паташон. Он побывал на войне, как и Булат; покалеченную руку постоянно держал в кармане. Жил голодно и неприкаянно»¹⁴).

Из архива Тбилисского государственного университета.

В автобиографии, написанной 17 августа 1945 г. при поступлении в университет: «Софианиди Лев Христофорович, родился 8 июля 1926 года в городе Люксембурге. С восьми лет поступил учиться в люксембургскую полную среднюю школу, которую и окончил в 1944 году и после чего, не имея возможности поступить в В.У.З., работал преподавателем русского и немецкого языков в сельской неполной средней школе.

Отец – служащий, мать – домохозяйка»¹⁵.

В справке, выданной военным инспектором в спецотделе ТГУ для поступления в университет, значится, что Алексей Силин является снятым с военного учета инвалидом Отечественной войны¹⁶, в автобиографии своей в июле 1945 г. он пишет: «Силин Алексей Иванович, родился 11го февраля 1923 года в Харькове в семье рабочего. Детство свое провел т<ам же>. В 1941 г. я окончил 8 кл. 20ой средней школы и был призван в Р.К.К.А., где окончил 3-х месячные курсы радистов <нрзб> попал на фронт, где находился с 8го декабря 1941 г. <по> 19 мая 1942 г. был ранен и пролечился в госпитале <до> <?>6го сентября 1943 г. по выходе из госпиталя поступил в русское педучилище им. Пушкина, где учился до 26 мая 1945 года на 3-м курсе этого училища. Но желая во что бы то ни стало попасть в госунт им. Сталина, перед самыми экзаменами в педучилище и <нрзб> при 1ой мужской школе на аттестат зрелости»¹⁷.

Еще один круг – ходившие к Крейтану на, как это называлось официально, «литературные консультации».

Большинство моловцев уехало осенью 1944 г. в Москву учиться в Литинституте, а у партийного работника Крейтана были тогда немалые неприятности из-за этого полуофициального кружка, и он, как следует из его автобиографий, «с 1945 по 1947 год по решению ЦК ВКП (б)» работал во Фрунзе и Калининграде, но «весной 1947 г. заболел сердцем» и был возвращен в Тбилиси, к климату которого привык. О том, почему он вернулся, рассказал в апреле 1948 г. Элле Маркман: «...в Ботаническом саду, он мне рассказывал, что до этого его из тбилисской газеты отправили редактором (или в редакцию), редактором во фрунзенскую газету. И вот он говорит: “Вы знаете, Элла, у меня как все получалось? Вот, например, в наших газетах такой-то завод выполнил план на столько-то процентов, заголовок: ‘Завод выполняет план’. У них почему-то все мои заметки были – ‘Почему завод не выполняет план’. Например, повысилась рождаемость в таком-то селе – ‘В таком-то селе нет рождаемости’. И почему-то у него было все абсолютно так. Его очень быстро оттуда убрали и послали в Тбилиси»¹⁸. И сразу же, как появилась возможность, осенью 1947 г. он, вероятно, уже и не числясь в газете, снова начинает занятия с молодыми поэтами: тетрадь «Литературная консультация. При редакции “Зари Востока”» заведена 23 сентября 1947 г., закончена 2 декабря¹⁹, но и эти встречи, видимо, продолжались недолго, потому что в мае 1948 г. он уже работает в газете «Большевицкая путевка», а в апреле снова возобновляет консультации – на этот раз в газете «Ленинское знамя»²⁰.

На первой консультации 23 сентября 1947 г. Окуджава присутствует, причем как минимум половина пришедших – его

друзья и приятели: весьма вероятно, что эта компания и просила Крейтана о занятиях, или же инициатива была его – но ради этих ребят, которые казались ему достаточно сильными. На консультацию пришли, как значится у Крейтана, нигде не обучающийся и не работающий Рашид Кетхудов²¹, студент 5 курса филфака Бежанов²², два студента 2 курса, один из которых – Роман Чернявский²³. И третий курс – вместе с Окуджавой были Алексей Силин и Александр Цыбулевский²⁴. 30 сентября здесь появляется одноклассник Чернявского и Кетхудова Юлиу Эдлис²⁵ («студент»), видимо, бывавший у Крейтана и раньше. Тогда же приходят и сестры Смольяниновы – Ирина как поэт, Галина вместе с мужем²⁶, который в этот день, как помечает Крейтан, читает «о весне»²⁷. Это стихотворение Окуджавы не сохранилось среди стихов 1947 г., переписанных рукой его жены – переписанных, вероятно, для предстоящего 14 октября чтения у Крейтана (архив Ирины Живописцевой*). На следующие консультации придут и другие его одноклассники (Вероника Аюпджанова²⁸, Дмитрий Тухарели)²⁹ – писательство вообще и Крейтан как возможный наставник были популярны среди однокурсников Окуджавы.

Окуджава постоянно участвует в обсуждении чужих текстов, а 14 октября разбирают его стихи. Слушать его, помимо жены, пришли и Ролланд Чочиев, и бывавшие уже здесь Кетхудов, Чернявский³⁰ – те, кого вместе с Окуджавой и Виктором Калашниковым, тоже однажды появившемся у Крейтана³¹, через год едва не арестуют (Рашид Кетхудов, правда, не помнит, чтобы он встречался с Окуджавой у Крейтана³²). Потом Окуджава появится у Крейтана еще 18 и 25 ноября, но на последнем занятии его не будет.

Когда человек читал, Крейтан выписывал в тетрадочку отдельные слова, отмечал неправильные ударения, какие-то строч-

* Стихи из той подборки Ирина Васильевна просила меня не публиковать, считая, что их автору была бы неприятна публикация его ранних стихов; здесь поэтому приводятся лишь некоторые строчки. Разрешила опубликовать она только одно стихотворение, гораздо более позднее, этим стихотворением и завершается книга. Полностью стихи из той подборки можно прочесть в: Dubia // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 4 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2007. С. 349–359. Публикуя в «Голосе надежды» подборку стихов Окуджавы 1947 г., сохранившихся в архиве Ирины Живописцевой, публикатор задается вопросом, зачем Галина Смольянинова переписала эти стихи и действительно ли это были стихи Окуджавы. Записи Крейтана позволяют подтвердить, что стихи принадлежат Окуджаве, и объясняют, для чего они были переписаны³³.

ки и, конечно, потом подробно разбирал содержание. 7 октября он выписывает строчки Рэма Давыдова «Мне хочется одних лишь бедствий, / мне хочется одних лишь болей»³⁴, в прениях, в которых участвует и Окуджава, обсуждаются, вероятно, его пометки: «Горький, Гумилев», судя по всему, говорили о «романтическом»³⁵. Литературное влияние (или это были рекомендации к ознакомлению?) Крейтан комментировал довольно часто: Бернс, Беранже, «философия почти по Щипачеву»³⁶, – едко помечает он однажды, впрочем, его пометки, сделанные для себя, озвучивались обычно более деликатно.

Комментарий к чтению Окуджавы – кстати, более подробный, нежели в других случаях, – начинается с необходимого поощрения перед разбором конкретных строчек: «Отраднa попытка осмыслить и построить вещь», «еще не все удачно», «это очень трудно», «хорошее ощущение детали, но... порою изменяет», один раз появляется даже недвусмысленное «абра»³⁷. Оппоненты Окуджавы, Герасимов и Надиров, видимо, критикуют всюю, потому что Крейтан помечает: «обычный недостаток – распилили и потеряли целое»³⁸.

* * *

В подборке стихов, которые Окуджава читал у Крейтана, производит впечатление разность тем. В стихотворении «История» речь идет о логике развития мира: Восток, Запад и Советский Союз между ними; Восток «еще живёт дерзанием набегов», но все же «умолк и жизнь его тиха», «та пора», о которой свидетельствуют «мумии в гниющих саркофагах», сохранилась в истории, а вот «берега открытые Колумбом», враждебны: стихотворение написано к 30-летней годовщине революции (датировано 18 октября 1947 г.). Окуджава – вспомним его попытки двухлетней давности написать роман о Гражданской войне («...студентом 1-го курса университета я почему-то решил писать. Вот такой графоманский зуд: как только видел белую бумагу – хотелось писать. Писал. Писал большой роман, колоссальный, о гражданской войне. Почему? – я не знаю. Писал, написал массу. К счастью, сохранилось. И как-то недавно попробовал почитать – стало так стыдно и в то же время страшно: как я мог написать вещь, в два раза превышающую “Войну и мир”?! Откуда это у меня? Может, потому, что я плохо учился»³⁹) – старается создать «что-нибудь эпическое», чему должен способствовать и белый стих («Опасная болезнь белого стиха»⁴⁰, – помечает Крейтан в своей тетрадке, слушая чтение Окуджавы), причем в тексте присутствуют клише, необходимые при описании СССР: заря, рождение нового мира, борьба

за новый мир, обобщенное «мы», означающее «советские люди». В стихотворении о том, как вырос младший брат («Осень», 1 октября 1947 г.)*, тоже неожиданно появляется пассаж, выводящий за рамки частной истории («Я знаю о солнце, встающем над крышами / О клёнах, выстраивающихся по росту / Я знаю о песнях, еще не услышанных / И мая томленье и беспокойство / Я знаю о дружбе, родившейся в битвах...»). Такова же и «Декабрьская полночь» (с датой 6 октября 1947 г.): повествование**, лишенное сюжета, но опять – обо всех, не о ком-то конкретном: «По ватным панелям / Под бубны и топот / Ходили и пели / Весёлые толпы <...> В речах пламенея / Красиво и плавно / Рождались идеи / И строились планы». И рядом с этими стихами – поэма о романтике и стихотворение «Идет сегодня кругом голова...»: «Идет сегодня кругом голова / И эта полночь, как хмельной напиток / Мне хочется тебя поцеловать / И рассказать о многом пережитом». «Для тебя» (3 октября 1947 г.): «Мне законы не писаны / Мне легко я могу / Для тебя хоть две жизни / Хоть на каждом шагу...»*** Где-то между правилами и личным переживанием – «Неистов и упрям...», здесь – с эпиграфом «Пусть всё идет само собой. / А там посмотрим, что случится...» (Лопе де Вега).

О чем писать – о стране или о любви, о том, как всегда, или о том, что «у меня»? Еще в Нижнем Тагиле Окуджава написал стихи о любви, которые не пропустили в стенгазету, вспоминал его одноклассник Иосиф Бак. В стихах 1941–1942 гг., сохраненных Филиппом Тер-Микаэляном, конечно, тоже «личное», причем, как это будет у Окуджавы позже, «из собственной судьбы».

Первое из сохраненных Филиппом Тер-Микаэляном стихотворений обращено и посвящено ему («Филиппу М»), датировано 2 ноября 1941 г.:

* У Крейтана Окуджава читал это стихотворение после «Истории» и, видимо, после поэмы о романтике. Крейтан помечает: «гораздо сильнее»⁴¹. В пару к «Осени» была еще «Весна» («гремит во все колокола» – выписывает оттуда строчку Крейтан и, видимо, потом раскритиковывает, потому что в подборке И.В. Живописцевой «Весны» нет) – не случайно Окуджава говорил впоследствии (правда, речь шла тогда о первой книге «Лирика»), что писал стихи ко всем временам года⁴².

** Ср. пометку Крейтана к стихотворению, не попавшему в подборку И.В. Живописцевой: «кое где нахально влезает скверная проза (с командировкой в Москве)»⁴³.

*** Эта начальная строфа вместе с заключительной опубликована И.В. Живописцевой⁴⁴. Когда Окуджава читает это стихотворение, Крейтан помечает в тетрадке: «кстати о сюрреализме»⁴⁵.

...Я как видно только для того стал поэтом,
чтоб писать поздравления
своим друзьям.
Ну и что же,
Ведь я не звезда
В мировом масштабе.
У меня нет того дара,
Что есть у них^{46*}.

О себе, но под влиянием Маяковского:

...Ты не смотри,
что многие,
Вздыхая и плача,
Продолжают жить
В обрывках старых
Пролинявших лент.
Это какая-нибудь
Изуродованная жизнью кляча,
какой-нибудь навсегда
Вымирающий элемент⁴⁷.

И Лермонтова:

...И их, с невысыхающими слезами,
Грязные рожи
Не смогут запачкать
Твои золотые дни!⁴⁸

Маяковский и Лермонтов – это бунтарство, непонятость, темы, частые у начинающих поэтов, но драматическая отделенность от других в следующих двух стихотворениях Окуджавы перестает быть абстрактной и обретает очень личное, очень естественное объяснение:

Мне именно хочется жить. Ну когда вы такое видели,
Чтоб хотелось бы жить, и никак, ну никак не моглось.
Юность моя, почему тебя так обидели?
Почему это мне обидно и больно до слез?

* Ранние стихи Окуджавы, кроме восьмистиший, здесь приводятся не целиком.

Потому ли, что я очень много успел увидеть?
Говорят, оттого, что был я несчастлив рукой.
Нет, не может быть, не могли потому обидеть.
И забыть не могу, ведь обиду забыть нелегко⁴⁹.

Это стихотворение, датированное февралем 1942 г., посвящено «Ф. Микаэляну», рядом с датой стоит пометка «Тбилиси». Вероятно, это о родителях: в рассказе «Нечаянная радость», посвященном второму аресту матери в 1949 г., т. е. событиям, на 7 лет отстоящим от времени написания этого стихотворения, герою приписаны размышления, очень близкие стихотворению «Мне именно хочется жить...»: «У меня не было ни опыта, ни сноровки, только постоянная вкрадчивая тоска безысходности, разъедающая душу. Быть может, думал я, я заслужил эту участь чем-нибудь таким, каким-нибудь неловким жестом, неосторожным шагом, непродуманным словом? Почему, думал я, другим все: и улыбка, и будущее, и всякие праздники – все, а мне ничего?»⁵⁰

...И, наверно, жить, как монаху в «священной обители».
Погасить огонь, в небеса не взводить этажи.
Юность милая, не горюй, что тебя обидели.
Проживем и так, потому что хочется жить⁵¹.

Следующее стихотворение уже так и называется – «Матери». В отличие от других стихов Окуджавы, сохраненных Филиппом Тер-Микаэляном, оно написано его рукой, а не рукой Окуджавы. Оно не датировано, но написано тогда же:

Посмотрели глаза устало,
Удивились глаза немного.
Ты, наверно, меня не узнала
В этом юноше длинноногом⁵².

«Все прошло...» – повторяющаяся тема в нескольких строфах, но все-таки встреча будет, и здесь нет уже никаких сомнений в честности или преступности родителей, о которых Окуджава рассказывал в интервью и писал в прозе:

Все прошло, не вернется, верно,
Ветер зря отгоняет луну.
Я увижу тебя за дверью
И широко ее распахну⁵³.

А в последнем, четвертом, стихотворении «Если... то!» («Тбилиси 1942 г. Август») перед самым уходом на фронт Окуджава вдруг резко отвергает, критикует настроение, отраженное в предыдущих подаренных Филиппу Тер-Микаэлян у стихах:

Если лето в окошко не светит,
Если свищет озлобленный ветер,
Если мутны на белом портрете,
Голубые, как небо, глаза,
Если друг твой не ведает, кто ты,
Если мысли из памяти стерты,
Это, значит, уносятся годы,
Золотистую нить развязав.

<...>

Если сердце тоскует по встрече
Если хмурится ласковый вечер
Если скрылись любимые плечи
Как во мраке густая трава
Если радость томлением смята
Если щеки уродуют пятна
Это годы ушли безвозвратно
И один только ты виноват⁵⁴.

«Если девушка смотрит сурово...», «Если смех зарывается в плаче...» – вроде бы опять это правила, но правила в личном, частном, причем вдруг – требование чего-то оптимистического. А через два года, вернувшись из армии, Окуджава будет опять писать о любви, не о войне. Элла Маркман, дружившая с Цыбулевским, а через него и с Окуджавой, запомнила несколько его стихов 1944 г. («...стихи я запоминала на лету, прямо целыми поэмами»⁵⁵): «Мы с ним хорошо, много, часто встречались, потому что он очень дружил с Шурой. <...> 43-й год (1944 г., в 1943 г. Окуджава еще в армии. – *О. Р.*), Шура еще не был в университете, он был еще мальчиком. <...> Но встречались мы часто»⁵⁶.

Я живу на старой голубятне,
У окна трехногая кровать.
Чем без дела быть – куда приятней
В непогоду с ветром ворковать.

Родственникам нет дороги в дом мой,
Детство отошло еще вчера,
Только ты, как прежде, незнакомый,
Коротать приходишь вечера⁵⁷.

Кто – «ты»? «Черный человек»?

Странная, непонятая, кто ты?
Седина ль просоленных камней,
Вьюга – та, что стонет <вариант: стынет>
над болотом

И обсохнуть просится ко мне?

Женщина ли, молодость, удача,
Все, что не успел я обогреть,
Долгий путь, который только начат,
Солнца ли проржавленного медь?⁵⁸

Другое стихотворение, об отношениях:

Я все неспроста это, милая, высказал,
Свое постоянство считая по зимам,
Когда вы глядите бесцельно и искося,
То холод становится невыносимым.

Как будто, примчась с Заполярья далекого,
Здесь ветер раскинул промерзшие крылья,
Как будто в моем прокуренном <возможно:
неприбранном> логове
Остатки костра покрываются пылью.

Но если к плечу голова ваша клонится
И лижется в щеку каштановой прядью,
Тогда мне не надо ни дома, ни солнца,
Ни всей бестолковости этих понятий⁵⁹.

Элла Маркман: «У него была целая серия восьмистиший, которые мне очень нравились. Из них я запомнила два»⁶⁰:

Напрасно, может быть, и зря
Ты показалась мне стыдливой –
Не потому ли, что заря
Вдруг заалела над заливом?

И даже здесь появляется Маяковский:

Не потому ли, что она,
Зардевшись где-то на востоке,
Плеснула краску из окна
Тебе на матовые щеки?

Элла Маркман: «Когда я это прослушала, я обалдела от этих стихов. 8 строк – и ты представляешь себе (я прочла, я поняла, что это поэт): в дом пришла, остается на ночь с женщиной, мало знакомая ему женщина, и вот утром она встает, до этого какая-то непонятная была связь, и вдруг ему кажется, что она чистая, стыдливая девушка. 8 строк – а можно о них много, много говорить. И вот эти 3 стихотворения я помнила. Я помнила, что какие-то я знаю еще – во-первых, 8 строк еще каких-то любимых. И я не могу вспомнить. И вот я вышла из дома – и просто как откровение вдруг все эти 8 строк всплыли:

Ты потихонечку вошла бы
В мой дом, в мой старый дом ко мне,
Страхнула б дождь с помятой шляпы,
Сверкнула б радугой камней»⁶¹.

Сны, мечты и простота, естественность отношений:

«И за простое счастье это,
Что синий мрак с собой принес,
Пошел бы я искать по свету
Осколки августовских слез.

По-моему, очень хорошие стихи, очень. Больше восьмистиший, которые мне так понравились, я не помню. А может, я потом еще вспомню. И еще одно стихотворение я вспомнила, которое послабее, но все равно оно мне понравилось:

Во сне зеленеют далекие земли,
Во сне сирень за окном цветет,
И нет тебе, если ты задремлешь,
Ни дна ни покрышки, ни снов, ни забот.

<...>

Бывает больше любовь, бывает.
И я, оставаясь один в темноте
И от усталости засыпая,
Тебя ожидал и тебя хотел.

Очень булатовские стихи»⁶². Элла Маркман: «Я его спрашивала: “Булат, почему ни дна ни покрышки?” Видно, он даже не знал тогда, что это значит. А ему понравилось, видно, сочетание. Он говорит: “Это здорово сказано”»⁶³.

В одном из интервью Окуджава говорил: «Я много лет проработал в разных газетах и знаю, какое было в них отношение к

стихам. Приходил поэт, приносил, скажем, стихи о розе. Их не брали. В течение многих лет создавался газетный поэтический штамп. Считалось, что главное – стихи гражданственные, нужные – допустим, о строительстве. А стихи о розе – чушь собачья»⁶⁴. То, что сохранил Филипп Тер-Микаэлян, и то, что запомнила Элла Маркман, это как раз и есть стихи о розе. А о своем первом появившемся в печати стихотворении (написано через год примерно после стихов, запомнившихся Элле Маркман) Окуджава рассказывал: «Окружной газете потребовались стихи в связи с предстоящей демобилизацией. Один мой знакомый предложил их написать. Два дня я пыхтел и написал. Стихи напечатала газета “Боец РККА”»⁶⁵. В 1983 г. на вопрос «Были ли у Вас моменты, когда приходилось писать стихи против желания – имея в виду тематику?» Окуджава ответил: «Один раз я написал против желания. Это было в 45-м году, когда я долго обивал пороги редакции военной газеты, где хотел опубликовать свои ранние лирические стихи, очень плохие. И мне всё время отказывали. А потом мне предложили, в 45-м году, написать быстренько стихи о демобилизации, и как мне это было ни малоинтересно, я ради того, чтобы напечататься, – я никогда не печатался – я долго думал-думал и сочинил ужасное что-то – ещё хуже тех моих стихов. И его сразу напечатали. И я был страшно счастлив тогда, да»⁶⁶. Это стихотворение «До свиданья, сыны!..» было опубликовано 15 июля 1945 г. под характерным псевдонимом, от слова «долг» – «А. Долженов»:

Посидим под деревом, братцы.
Ехать мне теперь далеко.
Только с вами вот расставаться
Очень, знаете, не легко^{67*}<.>

Образ солдатской семьи, как в газетах, которые выходили в войну:

...Вот, дождался, хотел... а больно,
Сроду я таким не бывал:
Словно сердце совсем обездолено,
Словно я семью потерял⁶⁸.

* Стихи, опубликованные в газете «Боец РККА», здесь приводятся с сохранением орфографии и пунктуации этих публикаций.

Еще через несколько дней, 24 июля 1945 г., опубликовано стихотворение «Мы встречали», также подписанное «А. Долженоев» и тоже о единой семье – как девочка встречала на вокзале отца, но отец не приехал, и она подарила цветы другому военному, и тот отдал ей комок «земли родной», который он «для детей своих берег» и «пронес в своем кармане» «в вихре жизни фронтовой»⁶⁹.

Следующее стихотворение Окуджавы, опубликованное 9 августа («Девушке-солдату»), подписано уже его собственной фамилией:

Я тебе руки не протянул,
Да и что бы ты могла ответить,
Если мы с тобой, ремни стянув,
Вместе уходили на рассвете.

<...>

Нас с тобой не баловали сны,
Не искали мы дорог полегче.
Тяжесть завязавшейся войны
Поровну легла на наши плечи⁷⁰.

Два стихотворения, опубликованные 2 сентября 1945 г., не только подписаны его фамилией, но и рубрика озаглавлена «Творчество Булата Окуджавы», а стихам предшествуют как раз те самые слова о казачьем гвардейском корпусе генерал-майора Селиванова, с которым сроднился рядовой Окуджавы и в которой пользовались немалой популярностью и лирические стихотворения⁷¹. Первое стихотворение в этом номере – «Не позабыть жестоких дней...» – опять о том, как солдаты все вместе вспоминают прожитое: «...Наш первый бой у переправы, / Дымящийся одесский рейд, / Изрытый берег Балаклавы...»⁷² И другое – «В край родимый...»:

...Ты хорошая, ты славная,
Жаркий юг мне мил и люб,
Но на севере оставлена
Та, которую люблю.

Ты мила, но та желаннее,
(Значит счастьем не свернуть).
Дай мне руку на прощание,
Дай мне руку в дальний путь!⁷³

Следующее стихотворение, «Кавалерист», было опубликовано 12 декабря 1945 г.:

Мать не пустила за ворота,
Малыш – к окну. И видит он:
Несется из-за поворота
Кавалерийский эскадрон⁷⁴.

И последнее из появившихся тогда в газете «Боец РККА», переименованной в «Ленинское знамя», – стихотворение «Декабрьская полночь» (опубликовано 1 января 1946 г.) с обращением к Москве, которая «весельем пенится», провожая «победный» год⁷⁵.

Стихи друзьям, публикации, обсуждения с однокурсниками и у Крейтана – и за всем этим поиск языка, попытка найти свой язык и тему. Как нужно писать, для кого нужно писать? Когда для своих – стихи о личном. Когда для публикации в газете, для чтения стихов в газете – в основном стихи на темы глобальные, абстрактные, хотя частное прорывалось все равно.

XVII Аресты

Впоследствии моловцы удивлялись, что их не арестовали, но МОЛ распался в 1944 г. с отъездом наиболее активных его участников в Москву, да и вырос он из консультаций при Союзе писателей (хотя весьма вероятно, что именно из-за этих консультаций Крейтан был отослан из Тбилиси). Окуджава же с друзьями собирались дома, и то, что сходило с рук в 1945 г. и даже в 1947 г., уже более мрачном, хотя и не ознаменованном очередным постановлением ЦК в области искусства, в 1948 г. приобрело другую окраску на фоне прокатившейся волны арестов, в том числе – среди интеллигенции, на фоне очередного постановления, боровшегося с «формалистическими извращениями».

Постановление было в феврале, а весной начались аресты в кругу друзей Окуджавы. Сначала арестовали Льва Софианиди и Эллу Маркман: «Меня задержали 23 апреля (я в Батуми в это время жила) и привезли к следователю. Два-три дня меня просто не выпускали из кабинета следователя, мне уже дали очную ставку с нашим другом, который сказал, что я член организации, но ничего

об этой организации не знал. Это не выдумка была, у нас была настоящая организация – до сих пор считаю, что я правильно жила в это время. Потому что нельзя было вот так спокойно принимать то, что творилось»¹.

Что-то такое происходило вокруг: действительно участвовала в действительно политической (собирались бороться с Берия) организации (и то недолго) в этом дружеском и литературном кругу одна Элла Маркман, но книжки читали и обсуждали. Помимо свидетельства Ирины Живописцевой, что обсуждали работы Маркса, Энгельса, Сталина – еще одно воспоминание Эллы Маркман: «А Лева (Софианиди. – *О. Р.*) ...страшно много занимался философией. И вот он хвастался нам всем, что нашел у Энгельса крупные ошибки в работах, и он писал работу и даже эту работу хотел официально куда-то...»²

Друг, которого привели на очную ставку, – видимо, и есть Лев Софианиди: «Как-то мы с ним сидели вдвоем в парке, шел разговор о том, что он очень хотел заработать деньги – он очень нуждался. И я ему шутя говорю, что для этого есть... несколько способов, один из них – поступить в какую-нибудь организацию против власти, которую хорошо финансируют, организовать такую. Пошутила. И вот когда меня арестовали, мне привели на допрос Лева. Хотя, когда меня арестовали, я никак не могла понять – за что: 1948 год, организация совершенно уже распалась. Оказывается, когда его спросили: “Кого вы знаете из антисоветских организаций?”, он сказал: “Мне про них рассказывала такая-то”. <...> Он пишет: “Я все время чувствую себя виноватым за твою судьбу”. <...> Оказывается, он начал какую-то организацию типа “Меча и орала” делать, и второй же, кого он предложил... его заложил. И ему предъявили на суде два обвинения – работу против... и анекдоты какие-то. А Шуру (Цыбулевского. – *О. Р.*) посадили (дали ему статью “агитация”, но “агитацию” всем давали) за недонесение, это 58.12 – за недонесение на меня и на Лева. <...> Лева сел совершенно независимо от нашей организации. На допрос он пришел – как будто с потустороннего мира, его недавно арестовали»³.

После очной ставки с Софианиди Эллу Маркман отпустили («И меня подержали два с половиной дня и потом сказали: “Мы с Вами поговорили, нам такие люди очень интересны, мы Вас не собираемся задерживать, Вы можете поехать обратно в Батуми к своей маме”»⁴) – как оказалось, отпустили на два дня, но за это время, когда за ней «страшно следили», она успела

встретиться с Цыбулевским и с Крейтаном: «...тогда с Шурой Цыбулевским мы встретились, то есть мы были давнишние друзья, и они все время снимали нас с ним, он потом это Булату рассказывал, ему показали потом пленку на следствии. Но дело не в том, дело в том, что я встретила с Крейтаном, и мы с ним пошли в Ботанический сад. <...> У него был револьвер, я играла с этим револьвером, даже потом подумала – застрелиться или не застрелиться. И потом это все снимали, конечно. Его столько таскали на следствия, он замечательно себя вел на следствии. <...> Он не знал действительно, что я была в организации, но вообще у нас МОЛ уже был под подозрением <...> Это в 1948 году, но <...> до этого на МОЛ все равно была папка. <...> А с Крейтаном мы уже встретились в 1948 году, с огромной нежностью, с огромной радостью, случайно на улице встретились, когда меня выпустили. И вот его таскали на допросы. А откуда я знаю, что его таскали на допросы – потому что он единственный человек из всех моих друзей приехал в Батуми к моей маме и рассказал ей все. Это просто подвиг в то время был. Во-первых, мама только вернулась недавно из лагеря. И потом: я сидела, и даже мои ближайшие подруги мне не писали, а он приехал, это для меня подтверждение того, какой огромной души он был человек»⁵.

В мае 1948 г. Крейтан как раз стал заместителем редактора «Большевицкой путевки», в 1950 г. стал ее ответственным редактором. Умер 11 февраля 1951 г. в Тбилиси.

Меньше чем через месяц после ареста Эллы Маркман забирают и Александра Цыбулевского, с которым она только что виделась между двумя арестами. Даты знаем из копии справки, выданной Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 9 декабря 1957 г. и хранящейся в личном деле студента ТГУ А.С. Цыбулевского: «Дело по обвинению ЦИБУЛЕВСКОГО / ЦЫБУЛЕВСКОГО/ Александра Семеновича, до ареста – 18 мая 1948 – студента Тбилисского государственного университета, пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда ССР 7 декабря 1957 года.

Приговор военного трибунала войск МВД Грузинской ССР от 21–22 сентября 1948 года и определение Военной коллегии от 4 декабря 1948 года в отношении ЦИБУЛЕВСКОГО / ЦЫБУЛЕВСКОГО/ А.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело прекращено»⁶. Маем 1954 г. датировано последнее из сохранившихся в архиве лагерных писем Цыбулевского, в котором он пишет, что скоро суд, – видимо, пересмотр дела. Но лишь 15 января 1958-го он подает заявление на

имя ректора ТГУ с просьбой разрешить ему продолжить учебу: «В настоящее время я освобожден и полностью реабилитирован»⁷ – по словам Эллы Маркман, реабилитации долго не было и помог ей уже тогда живший в Москве и, видимо, написавший какое-то поручительное письмо Окуджава*.

* См.: «Было официальное постановление об освобождении из лагеря: освободить как принимавшего участие в антисоветской деятельности в возрасте малолетки. Реабилитации не было. Это было большое в это время затруднение, потому что на работу не принимали. И Булат написал, оказывается, письмо за подписью, что он ручается за Шуру, что он никогда не занимался вообще политикой и не будет заниматься, что он его знает, что это была ошибка. И Шуру реабилитировали. Это был великий... Это было опасно, потому что Булат в это время тоже ведь не был вхож...»⁸

XVIII

Дело Окуджавы 1948 г.

Версия Ирины Живописцевой: «...сначала арестовали Софианиди и Цыбулевского, а потом пропал куда-то Алешка Силин. Булата вызывали в “Большой дом”, предупредили, что если он не хочет повторить судьбу отца, то должен прекратить все сборища у себя на квартире»¹. Версия Эдуарда Елигулашвили, учившегося на младших курсах: «Чабуа (Чабуа Амирэджиби* – *О. Р.*) и Шура получили свои первые сроки, Булату пришлось срочно уезжать из Тбилиси, чтобы не последовать за ними»². Николай Шахбазов вспоминал, что вроде бы в 1948 г. случайно встретил Окуджаву в московском метро, и он сказал, что живет здесь у тетки. Случай этот Шахбазов запомнил именно потому, что удивился – почему посреди учебного года Окуджава оказался в Москве³? Если он и уезжал тогда в Москву, то ненадолго – сессию он сдал.

Цыбулевского приговорили к 25 годам (тогда – максимальный срок) в конце сентября 1948 г., вскоре исчез Силин: 26 октя-

* Амирэджиби Окуджава посвятил песню «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...».

бря он был «отчислен из списка студентов по своему желанию»⁴. «Прошу Вашего распоряжения о выдаче мне документов ввиду моего отъезда»⁵, – пишет он через два дня в заявлении на имя декана филологического факультета. Заявление «студента филол-го ф-та III курса»⁶ – то ли описка, то ли Силин пытался сначала остаться на второй год, чтобы разойтись с однокурсниками, а потом уже понял, что придется уехать, но основания уезжать у него были: «В преступной деятельности изобличается показаниями свидетелей: БЕЖАНОВА В.И., СААКЯНА Л.Б., МАРТИРОСОВА Р.С., СИМОНГУЛЯНА Р.Г. и СИЛИНА А.И.»⁷. Эта формулировка (верна ли она или была добавлена так же халатно-небрежно, как и другие сведения, собранные тем следователем) содержится во всех пяти постановлениях на арест, составивших одно дело.

В деле всего 6 листочков. На обложке папки значится:

ПРОКУРАТУРА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОИХ
РЕСПУБЛИК

Прокуратура Грузинской ССР
Отдел по спец делам
№ 68-1948

Окуджава Булат Шалвович
Чернявский Роман Григорьевич
Чочиев Ролланд Иванович
Кетхудов Рашид Георгиевич
Калашников Виктор Иванович

Начато 19 ноября 1948
Закончено 20 января 1949⁸.

И слева от руки: «Прекращено 20 января 1949» – бланки прекращения дела не предусматривали.

* К сожалению, опись в архиве на руки мне не выдали, поэтому остается только предположить по указаниям на обложке дела, что цифры «68-1948» обозначают номер дела, а не фонда.

Бежанов, судя по тетрадке Г. Крейтана, учился на том же факультете, что и Окуджава с Цыбулевским и Силиным, но на два курса старше. В сентябре 1947 г. он вместе с Окуджавой, Силиным, Кетхудовым и Чернявским пришел к Крейтану на консультацию. Возможно, о нем пишет Цыбулевский в очередном письме, меняя гласные – в таком случае Бежанов был довольно близким приятелем, человеком, с которым советовались о важных вещах: «Ты спрашивала почему Баженов отбил во мне охоту заниматься архитектурой»⁹.

Из постановлений о поделщиках Окуджавы:

ЧЕРНЯВСКИЙ Роман Григорьевич, 1921 года рождения, уроженец гор. Тбилиси, еврей, гражданин СССР, член ВЛКСМ, студент 1-го курса Всесоюзного Библиотечного Института гор. Москвы, отец его в 1937 году репрессирован органами НКВД, проживает в гор. Москве...¹⁰;

ЧОЧИЕВ Ролланд Иванович, 1927 года рождения, уроженец гор. Сталинири, Юго-Осетинской Автономной области, осетин, гражданин СССР, член ВЛКСМ, студент 4-го курса филологического факультета Тбилисского Государственного Университета, проживает в гор. Тбилиси...¹¹;

КЕТХУДОВ Рашид Георгиевич, 1928 года рождения, уроженец гор. Тбилиси, армянин, гражданин СССР, член ВЛКСМ, учится в гор. Ленинграде в Театральноведческом институте, проживает в гор. Ленинграде...¹²;

КАЛАШНИКОВ Виктор Иванович, 1923 года рождения, уроженец гор. Курска, русский, гражданин СССР, беспартийный, русский, студент 4-го курса Академии Художеств, проживает в гор. Тбилиси в студгородке...¹³

В деле много небрежностей – в датах, названиях (в 1943 г. Окуджава не мог быть в МОЛе – он в армии).

Чернявский был одноклассником и, соответственно, сверстником Кетхудова; Чочиев, ближайший друг Кетхудова, учился с ними в одной школе, но был чуть старше – а в университете был не на филологическом, но на философском факультете; «Театральноведческий институт» – тоже весьма приблизительное название. С Калашниковым, как вспоминает Кетхудов, они никогда особенно близко не общались, с Окуджавой он виделся только раз – мимолетное знакомство на улице, а встречи у Крейтана даже и не запомнились. Как составилось это дело, почему вообще эти пять дел оказались под одной обложкой, если эти люди не были никогда в одной компании, а некоторые из них были едва знакомы друг с другом? Также непонятно, кто на них донес: двое из тех пяти, которые значатся осведомителями по делу каждого из пяти подозреваемых, были приятелями – и вполне близкими – Кетхудова. Если Окуджаву и вызывали «предупредить», как вспоминает Ирина Живописцева, то Кетхудов никогда не подозревал о том, что на него было заведено дело. И ничего не слышал о «Соломенной лампе»¹⁴.

Организатором «нелегальной антисоветской группы, именовавшей себя “Соломенная лампа”», назван Окуджава*, постановление на его арест и открывает дело:

Я, Следователь Следственного Отдела Министерства Государственной безопасности Грузинской ССР, Лейтенант ШАРАШИДЗЕ, рассмотрев материалы поступившие в МГБ ГССР о преступной деятельности ОКУДЖАВА Булата Шалвовича –

н а ш е л:

ОКУДЖАВА Булат Шалвович, 1924 года рождения, уроженец гор. Москвы, грузин, гражданин СССР, беспартийный, студент 4-го курса филологического факультета Тбилисского Государственного Университета, отец его в 1937 году репрессирован органами НКВД, мать возвращенка из ссылки, проживает в гор. Тбилиси по ул. Бараташвили № 8 –

является членом нелегальной антисоветской организации молодежи, существовавшей при Тбилиском Государственном Университете.

ОКУДЖАВА Б.Ш. до 1943 года состоял членом неофициального литературного кружка «Мол», но будучи антисоветски настроенным и противником социалистического реализма в области литературы покинул названный кружок и организовал нелегальную антисоветскую группу, именовавшей себя «Соломенная лампа», сколачивал вокруг себя своих единомышленников, устраивал нелегальные сборища у себя дома, где проповедывал и поощрял упадническое и формалистическое направление в литературе и поэзии, подвергая резкой критике мероприятия партии и правительства. <...>

Исходя из вышеизложенного и руководствуясь ст.ст. 29 и 49 Временных Правил Производства Предварительного Расследования по Уголовным Делах ГССР –

П о с т а н о в и л:

ОКУДЖАВА Булата Шалвовича, проживающего в гор. Тбилиси по ул. Бараташвили № 8 – подвергнуть АРЕСТУ и ОБЫСКУ¹⁵.

* См.: «ЧЕРНЯВСКИЙ Р.Г. до 1945 года состоял членом неофициального литературного кружка “Мол”, но будучи антисоветски настроенным и противником социалистического реализма в области литературы, покинул названный кружок и примкнул к нелегальной антисоветской группе, именовавшей себя “Соломенная лампа”, организатором которой является ОКУДЖАВА Булат Шалвович»¹⁶.

Все подписи собраны, но ареста не было. «Без ареста» значится на обложке, скрепляющей постановления на арест. В деле нет ни протоколов допросов, ни каких-либо еще документов, не упомянуты уже арестованные Цыбулевский, Софианиди, Маркман – есть только 5 постановлений на арест и постановление, отменяющее предыдущие:

Я, Помощник Начальника Следственного Отдела Министерства Государственной Безопасности Грузинской ССР, Майор ОКУДЖАВА, рассмотрев материалы оформления ареста на ЧЕРНЯВСКОГО Романа Григорьевича и других, всего на 5 человек,

н а ш е л:

Постановлением Следственного Отдела Министерства Государственной Безопасности СССР от 12.9.1948 года с санкцией Зам. прокурора Грузинской ССР по спецделам был оформлен арест и привлечение к уголовной ответственности по ст.ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК Грузинской ССР – ЧЕРНЯВСКОГО Романа Григорьевича, КЕТХУДОВА Рашида Георгиевича, ОКУДЖАВА Булата Шалвовича, КАЛАШНИКОВА Виктора Ивановича и ЧОЧИЕВА Ролланда Ивановича, как лиц ведущих нелегальную антисоветскую работу.

Однако ЧЕРНЯВСКИЙ, КЕТХУДОВ и другие арестованы не были, ввиду отсутствия в деле достаточных материалов для их привлечения к уголовной ответственности.

Исходя из вышеизложенного, –

П о с т а н о в и л:

Постановление Следственного Отдела МГБ Грузинской ССР на арест от 12.9.1948 года, о возбуждении уголовного преследования в отношении ЧЕРНЯВСКОГО Романа Григорьевича, КЕТХУДОВА Рашида Георгиевича, ОКУДЖАВА Булата Шалвовича, КАЛАШНИКОВА Виктора Ивановича и ЧОЧИЕВА Ролланда Ивановича – ОТМЕНИТЬ.

Копию настоящего постановления направить в отдел «А» МГБ ГССР и Прокуратуру ГССР для аннулирования санкции на их арест¹⁷.

Из четырех необходимых подписей стоят только две – самого майора, который вел дела всех поделщиков своего однофамильца (родные Окуджавы о нем ничего не знают – вроде был кто-то, но не из их семьи), причем Окуджава, которому, как следует из других постановлений, инкриминировалась организация «Соломенной лампы», здесь упомянут где-то в середине,

между другими фамилиями – видимо, майор спасал своего не-родственника.

Когда, в рассказе «Нечаянная радость» о втором аресте матери, произошедшем то ли той же осенью, то ли уже в начале следующего года, Окуджава напишет: «Я знал, что меня терпят и чей-то глаз с небесной поволокой посматривает за мной. Я все время затылком ощущал чье-то упрямое присутствие»¹⁸, – это будет сказано и о родителях, и о друзьях, арестованных в 1948 г., и о собственном, чудом не состоявшемся, аресте.

Окуджава, Чернявский и Калашников обвиняются в симпатиях к «формалистическому направлению в литературе и поэзии»; «провокационно отзывается в отношении советской действительности» – это сказано о Кетхудове и Калашникове, Чочиев – единственная такая характеристика – «подносит кружку для обсуждения антимарксистские философские труды», а такие клише, как «упаднические настроения» и «критика социалистического реализма», а также «мероприятий партии и правительства», переходят из дела в дело, так что трудно понять не только, кто из «подельников» чем примечателен, но и было ли что-нибудь из этого в действительности. Но интерес к формализму был, как видно из письма Александра Цыбулевского к девушке, ждавшей его из лагеря.

* * *

В письме от 17 декабря 1950 г. он пересказывает ей «начало сюжета о кошке». Сюжет весьма незамысловатый: они встретились в парижском кафе, полюбили друг друга, но он уехал (видимо, на родину), и его мучают воспоминания. Он «живет в общежитии моего типа», формулирует Цыбулевский, и его весьма раздражает раскормленная кошка, впрочем, лишь до тех пор, пока он не слышит от кого-то, что в кошку может переселяться душа любящей женщины: «Вот, Люся, действительно произошедшая история, жизненный факт, который может послужить началом новеллы. Чтобы написать новеллу на эту тему, нужно придумать конец. И я его придумаю если только когда-нибудь для таких сюжетов будет летная погода»¹⁹.

Ощущение духоты, очень объяснимое у 22-летнего человека, уже два года сидящего в лагере. Но, судя по письму, необходимость искать какой-то новый язык, новый способ построения текста ощущалась и раньше. Отсюда и интерес к ритму прозы, в 1940-е гг. – дань несколько устаревшей научной моде, внимание к формальной стороне текста и к самим формалистам (из письма можно сделать вывод, что Тынянова знали). Александр Цыбулев-

ский: «Я и в самом деле неважно владею русским языком. Он у меня без запаха и цвета. В отношении языка вершиной мне кажется “Петр 1ый” А. Толстого»²⁰.

«Нелетную погоду» для таких сюжетов действительно обеспечивало многое – заграница, лагерь, «частное», причем не позитивное: воспоминания, сожаления, тоска, предрассудки. Цыбулевский, как и Окуджава в это время, ищет «что-нибудь романтическое», экзотическое в бытовом: таков и еще один, пересказанный в том же письме сюжет – с клоуном и обаятельным антуражем какого-то прошлого («Не сердись, я ведь тоже неисправимый романтик»²¹, – пишет он в другой раз): сюжет, очевидно навеянный «Тремя толстяками». Программу нового искусства создать не удалось, но вопрос о том, каким оно должно быть, бесспорно, обсуждался в «Соломенной лампе» (или, иначе, – «маяковцами», однокурсниками, просто друзьями) постоянно, и «теоретиком» в ней, вероятно, был Цыбулевский, пытавшийся создать свою философию искусства и даже писавший работу «О ритме прозы».

Из той же переписки: «В связи с этим, если тебе не скучно я могу написать о том как придумываются вообще концы к литературным произведениям. Для этого нужно разобрать чем отличается факт жизненный от литературного факта или как надо изменить жизненный факт чтобы он стал литературным?

(Приводимое ниже – полностью мои собственные мысли, гнездившиеся в моей голове в далекие времена когда я хотел создавать свою философию искусства.) Приглядываясь к различным жизненным фактам, т. е. к различным историям произошедшим в жизни, мы замечаем, что все эти истории не обладают завершенностью, т. е. они не имеют конца, всегда естественен вопрос “а что было дальше?” Возьми хотя бы нашу “историю”. Напротив, в книгах последняя страница всегда является действительно последней страницей. Вопрос “что случилось дальше” в художественном произведении невозможен. Если мы задаем этот вопрос – значит произведение не закончено.

Как же достигается законченность худ. произведения? Достигается она возвращением сюжета в конце его к каким-нибудь элементам начальной ситуации т. е. в художественном произведении конец есть всегда своеобразное повторение начала (что-то вроде ритма)» – дальше Цыбулевский демонстрирует, что в «Евгении Онегине» кольцевая композиция, и завершает письмо словами: «Эти мысли отрывки из моей незаконченной работы “О ритме прозы” отобранной у меня при известных обстоятельствах. К этой работе я больше не возвращался и не вернусь»²².

XIX
«Но до конца... Это, видимо,
в нашей крови ожидание большой перемены»:
школы в Калужской области

В 1948 г. аресты, а в 1949 г. в семье обсуждали, что делать после окончания университета. Ирина Живописцева: «И – это я очень хорошо помню – Булат категорически был против того, чтоб остаться в Тбилиси»¹. О сестре: «Наверное, ей не очень хотелось в школу, хотя, в общем-то, на практике у нее уроки довольно приличные были. <...> В Тбилиси, от университета, в школе практика была, и Булат тоже сдавал, я сдавала. <...> Галю похвалили, и похвала-то понравилась, но одно дело, когда сидит там преподаватель, сидит наш руководитель – и ребята сидят тихо и смиренно. Это же одно, а когда остаешься один на один с учениками – это совсем другая картина. <...> по-моему, ни она, ни он не приходили в восторг от этого (от необходимости работать в школе. – *О. Р.*)»², но «то, что нам не миновать школы, это тоже было в конце концов ясно, потому что после войны кадры учительские требовались везде, везде были не заполнены школы преподавателями, но их желание было во всяком случае, во всех вариантах, уехать из Грузии. Булата, вернее, желание»³.

«Меня-то вообще направило Министерство просвещения во Владимирскую область. Но там, когда я приехал, прямо на

вокзале у меня случилась неприятность, опять-таки связанная с моим прошлым. И я тут же ночью, не заезжая никуда, даже в отдел народного образования, поехал обратно в Москву. Попросился в другую область. И меня послали в Калугу»⁴ – таким было еще одно начало еще одной новой жизни, возвращение в Россию, о котором там много думалось и мечталось.

Владимир – это около 200 километров от Москвы, Калуга – ощутимо дальше. От Козельска до Москвы – примерно 250 километров, но и до Козельска еще нужно было доехать от той деревни, куда его распределили: «Я хотел в одну из областей поближе к Москве. Это моя родина. Хотелось хотя бы раз в год туда навещаться», – объяснил Окуджава, и на уточняющий вопрос журналиста «К друзьям?» ответил: «Да просто навещаться. Родина... Знаете, что такое родина?..»⁵. Ради этих нескольких дней в году и очень неопределенной возможности когда-нибудь там обосноваться Окуджава и уехал из Грузии, где все уже как-то, но обустроилось. Из воспоминаний Зураба Казбек-Казиева: «Булат иногда приезжал, иногда (я не знал, как он там жил). Он приезжал в Москву, раз в год, у него здесь была тетя Маша, единственная из всей семьи оставшаяся в живых. <...> Каждый свой приезд он приходил ко мне. Я жил тогда на Малой Бронной. Он приходил – ну, просто побывать в семье, его очень любила моя мать, и вообще хорошо к нему все относились, все мои сестры»⁶.

Выписка из трудовой книжки Окуджавы: «1. 1950 г. 11 августа назначен в Шамординскую среднюю школу Калужск. обл. преподавателем русского яз. и литературы (Приказ РОНО № 67 от 12 августа 1950 г.)»⁷. О том, как он там оказался, Окуджава рассказывал много – и в прозе, и в интервью, и в разговоре со слушателями: «Но приехал я туда по странному стечению обстоятельств – благодаря своей наивности. Когда в областном отделе районного образования решался мой вопрос – куда меня направить? – мне сказали: “Поедете в Шамордино”. Я сказал: “Что это такое?” – “Ну это сельская школа”. Я сказал: “Нет, я не поеду – я буду в городе!” – “Нет, вы поедете, поедете!” – “Нет, не поеду!” – сказал я. “Послушайте, Шамордино – это бывший женский монастырь”. – “Ну и что ж?!” – сказал я. “Там бывал Толстой”. – “Ну и что же?” – сказал я. “Ну как же – там сестра его была монахиней, Мария Николаевна. Он туда приезжал – там масса материалов!” – “Да?” – “Но вы же филолог! Поезжайте!” – “Хорошо”, – сказал я. И поехал. Там, конечно, Толстым не пахло. Полуразрушенный монастырь, в соборе которого – школа механизаторов сельского хозяйства. В бывших полуразрушенных кельях жили учителя. И я там жил»⁸. Из повести: «Коридор

каменного домика. Прямо – дверь. Небольшая комната. Белая. Большое окно с видом на реку и луг.

– Вот ваша келья, – смеется Шулейкин. <...> Здесь раньше жил монастырский казначей...»⁹ И еще одна подробность: «Ремонт сделаем, – говорит Шулейкин. – Какой еще ремонт? Зачем? – Дыры везде... Замерзнете...»¹⁰ Из воспоминаний Зураба Казбек-Казиева, приезжавшего к Окуджава в Шамордино: «Его пустили в Калужскую губернию, куда-то в глушь. И он уехал, в этом монастыре жил. И его первая жена с ним вместе поехала. <...> я был там, в этой деревне. Деревня, у них была одна маленькая комнатка в этой деревушке. Деревушка страшенькая. Это там был бывший монастырь, который отдали под школу механизаторов. И вот рядом с этим монастырем они жили, непролазная грязь. Вид красивейший. Надо было спуститься. У него на косогоре стояло это его строение, надо спуститься было вниз, и там была такая вроде как передняя – не передняя, она вела в разные комнаты. Ну, это была та же комнатка. Вот они, два учителя, жили там. И оттуда он ковылял иногда в Калугу. Для этого надо было пройти километра полтора–два, не помню сейчас, сколько, вниз туда до дороги, к главной дороге по непросяхающей грязи, чтобы взгромоздиться на грузовик с сеном, и тогда только тебя довезут до Калуги. Такие были условия»^{11*}.

В одном из интервью Окуджава говорил, что ему всегда нужно было время, чтобы взглянуть на свою жизнь со стороны¹². О войне, какой он ее запомнил, он написал почти через 20 лет, для калужской жизни такое большое расстояние было не нужно – а может быть, просто настолько поменялась его жизнь в конце 1950-х гг., что расстояния и скорости стали совсем иные.

После первой (раскритикованной) повести в (раскритикованном) альманахе «Тарусские страницы», сразу по следам хлынувших критики и проработок, в 1962 г. Окуджава пишет вторую повесть, вероятно, не очень рассчитывая на немедленную публикацию. Это продолжение истории о школярстве – «Новенький как с иголочки». Окуджава сохраняет найденные год назад приемы: небольшие главки, повествование от первого лица, и, хотя уже

* Из рассказа: «До Перемышля мы доползли часа за два без приключений. Уже в полных сумерках. Там нам повезло: мы сравнительно быстро договорились со следующим грузовиком, идущим прямо до Калуги. <...> И еще тридцать километров по такой же унылой дороге»¹³. Очень подробно будни в Шамордино описаны в: *Гизатулин М. Шамордино (1950–1951) // Голос Надежды: Новое о Булате Окуджава / Сост. А.Е. Крылов. М., 2004. С. 87–140.*

не так она тут очевидна, как в «Школяре», но есть здесь и игра, построенная на зазоре между воображаемым и обрушивающимся в реальности:

Калуга... И все-таки я усмехаюсь, потому что думаю, как теперь каждый входящий будет кричать на него и топтать ногами. Ничего, пусть знает...

– Я могу только в городе работать, – говорю миролюбиво, – мне деревня противопоказана. В городе – это другое дело. А деревня мне противопоказана...

– Нет, – говорит он.

– Да, да, – говорю я, чтобы окончательно его подавить.

– Город не получится, – говорит он спокойно, словно ничего не произошло¹⁴.

Сутилов, похожий «на маленького Наполеона перед маленьким Ватерлоо», распределяет, как Наполеон, – «сюда – батальон, сюда – полк, сюда – армия»¹⁵, но вот эпизод, уже очень похожий на «Будь здоров, школяр» («Я стучу в ставню. “Мадам, не будете ли вы столь любезны...” Никто не отвечает. “Мадам, я остался в живых. О, если б вы знали, что там было!...” Я стучу в ставню. “Ботфорты – сюда, мундир – в гардероб, шпагу – на стул...” – “Благодарю вас... А где же ваша дочь?...”»¹⁶):

А то, что я представлял себе вчера? Как быть с этим? Я в черном пальто, в руке – портфель. Я медленно иду из школы. Кружатся золотые листья. Вечер. Я живу на тихой улице, где липы и одинокая рябина меж ними. Старинный дом. Скрипучая лестница – туда, наверх, где моя комната. Книжки, книжки... Милая немолодая хозяйка, которая по вечерам играет Сен-Санса. Идет дождь. Потрескивают в печи дрова. Сверчок какой-то трудится в углу.

– Сверчок, – говорю я, – вечный труженик.

– Он живет у нас с незапамятных времен, – говорит хозяйка.

– Опять дождь, – говорю я.

– Что-то есть в этом очаровательное, – говорит она, – сверчок... дождь...

– Сыграйте еще что-нибудь, – прошу я¹⁷.

Зазор между иллюзиями и действительностью, зазор между тем, что виделось тогда, и тем, что понимается теперь, – вот прием Окуджавы, и вот его ключевая в самом начале 1960-х гг. тема, которая потом развивалась и развивалась вплоть до 1997 г. Так построены «До свидания, мальчики», об этом – масса стихов о войне, написанных в 1960–1970-е гг.

Но если первая повесть была именно об иллюзиях и остроте столкновения с действительностью, то во второй возникает еще мотив унижения. Это не те литературные аллюзии, которые почти через 25 лет в рассказе «Искусство кройки и житья» (1985), описывающем ту же самую шамординскую жизнь, будут настойчиво предлагать читателю историю о маленьком человеке – ибо что еще должна предлагать история о мытарствах в попытке сшить себе пальто? Это не литературная игра, которая так будет увлекать Окуджаву при работе над романами (игра с документом, с подлинным, с мнимым, цитаты, письма, двойники) и которую отчасти унаследует его малая проза 1970–1980-х гг. Это внимание к своему поколению и к воздуху времени, которое появляется у Окуджавы в эти годы и сохранится навсегда. Этот взгляд на свою историю как на важную для понимания времени заставляет Окуджаву создавать своего героя (автобиографического героя) таким, чтобы он оставался один на один со всем окружающим – и это одна из причин, почему из повести исчезают жена и брат, хотя и внелитературных причин для этого совершенно достаточно: осложнившихся отношений с братом и расставания с женой.

В 1962 г., когда идут, и еще не вполне понятно, что заканчиваются, те несколько (четыре, пять?) отпущенных оттепели лет, которые действительно были столь полны надежд и даже осуществлений, когда вынесли Сталина из Мавзолея, когда одновременно самые разные литераторы пишут и правят свою прозу о лагерях в надежде, что чуть-чуть внутренней цензуры – и она будет опубликована, Окуджава пишет свою историю, в которой важны ему самые разные вещи, но в том числе – возможность передать воздух 1950 года с его ощущением унижения и бессилия:

– Я не могу ехать в деревню!.. Мне нельзя приказывать!.. Я литератор, а не солдат!.. Чего вы жмете?.. Не желаю в грязи утонуть!..

Он снова обнажает зубы. Может быть, это улыбка? Так улыбаются, когда хотят ударить, когда можно наконец ударить и не получить сдачи.

– Значит, деревня – это грязь? – спрашивает он шепотом. – Колхоз – это грязь?.. Мы двадцать лет создавали грязь?..

– Вы меня не так поняли, – говорю я шепотом.

– Значит, вы считаете, что наши колхозы – это грязь? – шепчет он.

– Я не то хотел... – шепчу я.

Я знаю, как это бывает, знаю. Теперь не будет ни деревни, ни города... Вот почему небо такое серое, и улыбка на сером лице...

Я знаю, как это бывает!..

– Я не то хотел, – шепчу я.

Он отпускает мое горло и кладет пятерню на телефонную трубку. И смотрит на меня выжидательно...

До пятидесятого года я дополз, докарабкался... Теперь – всё. Я знаю, как это бывает.

– Я этого не говорил, – говорю я.

– А я и не утверждаю, – говорит он. – У тебя хорошее, открытое лицо...

– Как жалко, что ни одного места нет в городе, – говорю я.

– Жалко, – усмехается он¹⁸.

Унижение и бессилие – это уже не открытие того, что происходило в стране, с которого начинается оттепель, это уже вопрос «что делали мы, какие мы были?». В 1975 г. об этом будет написан «Верный Руслан» Владимова, в конце 1960-х гг. об этом будут очень многие песни Галича, а в начале 1960-х гг., примерно тогда же, когда Окуджава работает над повестью, пишет «Говорит Москва» и «Искупление» Юлий Даниэль. И все это об одном: мы тоже не чисты, мы тоже отвечаем за то, что было в те годы, даже если у нас не было возможности быть иными. Окуджава опять, как и с песнями конца 1950-х гг., ощущает воздух, то, что происходит и еще не произошло, но о чем сказать нужно именно сейчас. Это была тема, востребованная в тот момент, но момент прошел, а тема осталась его темой и в 1970–1990-е гг.

Шаламов пишет «Колымские рассказы», Евгения Гинзбург правит «Крутой маршрут», Лидия Чуковская отправляет Твардовскому «Софью Петровну», которую он отказывается публиковать, дабы сохранить эту нишу за найденным им молодым автором другого поколения и круга.

В ноябрьском номере «Нового мира» выйдет «Один день Ивана Денисовича», и будет допечатан дополнительный тираж, а за несколько дней до этого знаменитейшего сразу номера Аджубей в «Известиях» опубликует «Самородок» тоже никому тогда не известного (но и не ставшего известным) автора Георгия Шелеста – опубликует, чтобы первым открыть тему, которой дана будет дорога. Дорогу закроют меньше чем через месяц, когда Хрущев приедет на выставку в Манеже, а через несколько месяцев, в которые будет идти мало видная и мало понятная борьба где-то наверху, уже в середине 1963 г., необычное для критики затишье (как можно не отозваться на прозу такого уровня и такой темы, как «Один день Ивана Денисовича»?) сменится негативными откликами. Но в 1962 г. Окуджава пишет повесть, как многие тог-

да, – вообще пишет: может быть, для печати, а может быть, – нет. Не в стол, но куда именно – неизвестно.

Этот воздух времени совершенно исчез из рассказа 1976 г. «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова» – не тяжесть насильственно устроенной жизни, а деталь характера, заостренная и вырванная из эпохи: «Это случилось очень давно.

Тогда я был молод, легкомыслен и удачлив <...> Наверное, как все в этом прекрасном возрасте, я совершал ошибки, и ошибок было много, но лишь теперь осмеливаюсь в них признаться, ибо пролетели годы и наступило время исповедей. Все встало на свои места, амбиция уже не та, с репутацией все утряслось. Теперь все обо мне самого хорошего мнения, да и о карьере, как говорится, поздно уже беспокоиться. Короче, как любил повторять один древний мудрец, все меня обожают, а с теми, которым я отвратителен, знакомств не поддерживаю. Теперь наконец пришло время вспомнить себя самого, оценить, покрыться холодным потом и воскликнуть: “Да я ли это был?! Я ли совершал все это?!” <...> Школа была маленькая, неказистая, в бывшей монастырской трапезной. Место было глухое, отделенное от крупных поселков. Время было трудное: года четыре, как закончилась война»¹⁹. Последняя фраза – малоприметный, но брошенный в самом начале этого автобиографического рассказа знак, что абсолютной точности здесь не будет (в Шамордино Окуджава приехал летом 1950 г.): «И вот в эту школу, в такую-то школу, приехал человек, окончивший столичный университет, фи-ло-лог. <...> Он был молод, кудряв, по тем временам хорошо одет. Он был не то чтобы красив, но симпатичен, и два больших счастливых столичных крыла виднелись за его спиной.

Заведующий облоно пригласил своего зама, и они вместе принялись обсуждать судьбу замечательного гостя»²⁰ – и дальше о том, как замечательного гостя соблазнили деревней, где бывал Толстой, гротескная тема диссертации, вынесенная в название рассказа, с иронией, с назидательностью ведется повествование о загордившемся счастливишке, который всюду и всегда был принят на «ура», сначала – потому что фронтовик (в университет взяли только за это, и только поэтому в университете не было никаких проблем с учебой), затем – благодаря значку университетского выпускника.

О подробностях того быта – в разговоре с залом: «Есть было нечего. Я мучился ужасно. Прошёл год. Ну те жили, у кого было своё хозяйство. У меня никакого хозяйства не было. Мне всё время директор говорил: “Ничего-ничего, приживётесь, коровёнку

заведёте...»²¹; «Конечно, тяжелый период. Потому что это было начало моей работы – надо было в нее входить. Во-вторых, я был сыном врагов народа – это сказывалось. Потом – тяжело было материально. Я и моя жена зарабатывали – дай Бог памяти – примерно 1100 рублей на двоих. По тем меркам. Без своего хозяйства это было очень сложно. Доходило до того, что весной, например, мы варили суп из свежей крапивы. Ну, картошки немного добавляли – и все. То есть пустой, без мяса.

Но, слава Богу, была молодость, и это все покрывало»²².

И наконец, другая, тоже немалая плата за возможность раз в год приезжать в Москву – собственно, сама работа с детьми: «В маленькой, неказистой школе передо мной сидели девочки в платочках, мальчики в стоптанных сапогах, залатанной одежонке, тихие, послушные. Меня приводила в отчаяние узость их кругозора. Помню, поинтересовался на первом уроке в восьмом классе: какие книги есть у вас дома? Они молчали и при этом смотрели друг на друга так, как будто я спросил их о чем-то необыкновенном. Я настойчиво повторял вопрос, и наконец одна девочка прошептала соседке: “У тетки Марьи есть книга...” Выяснилось, что у старушки хранится Библия. Преподавать литературу таким подросткам было, конечно, не просто. Читаем, например, “Евгения Онегина”: “...Как денди лондонский одет и наконец увидел свет”. Они пересказывают: “Онегин тоже поступил в светское общество”. Светское общество представлялось им как некое заведение для дворян, что-то вроде техникума, куда пришла пора поступать и Онегину (из повести: “– Как это ‘поступали’? <...> Это что, учреждение? Школа? <...> Ну как ты себе это представляешь? Здание такое, да? – Ну, здание... – Двери, окна, вывеска над входом, да?.. Написано: ‘Светское общество’, да? – Кто его знает...”²³ – О. Р.). А денди – это кто такой? Чуть не каждое слово приходилось объяснять. Надо было приохотить их, живших очень трудной послевоенной деревенской жизнью, к книге, приучить к вдумчивому чтению. Я отклонялся от программы, строил изучение литературы по-своему. Биографию Пушкина излагал, ориентируясь не на учебник, а на собственные знания. Старался увлечь, зажечь, задавал каверзные вопросы, заставляя воображать и соображать»²⁴. А увлечь таких детей непросто: «Когда я впервые пришел в класс, на меня смотрели изучающие глаза. Я понял, что надо создать коллектив, а потом в нем существовать. Я старался больше быть с ребятами, ходил с ними в походы, читал им. С ребятами мне было хорошо...»²⁵

Это «с ребятами мне было хорошо», вероятно, гораздо более, чем любовь к педагогической деятельности, означает напряженные отношения со школьной администрацией: «У меня были

хорошие отношения с учениками и сложные – с учителями»²⁶. Как раз об этом – во всех подробностях, хотя, наверное, сильно олитературенных, – в повести 1962 г.: «Мне вспоминаются испуганные маленькие глаза Шулейкина, когда я объявил ему, что первый диктант весь класс написал на единицу. <...> Я диктую этот примитивный текст. Я диктую, как Левитан. Я декламирую, как Яхонтов. <...> А Шулейкин медленно ходит по рядам. Он иногда останавливается. Тычет пальцем в тетради моих учеников.

– Разве здесь одно “н”?..»²⁷

Опять возникают в повести и реалии, которые в 1975 г. Окуджава и вовсе опустит, и, главное, эта тема причастности к тому, что принять трудно: «У меня не сложились отношения с местной, так сказать, школьной властью. Когда эти отношения дошли до кульминации, собрался расширенный педсовет, на котором меня должны были проработывать. И пригласили туда заведующего районо.

Я, конечно, сидел и молчал. Мне было страшно. На меня сыпался такой поток обвинений, что я понимал: дни мои сочтены»²⁸. На вопрос «За что?» Окуджава ответил: «Да все по мелочам. Не буду все перечислять. Но помню, как, проведя на работе несколько дней, увидел очень низкий уровень образования. Понятно, деревня. Глухая. Я провел диктант в 8 классе, и все получили единицу. Все... Я пришел к директору и спросил, как быть? А он тоже преподавал русский и литературу и раньше, кажется, работал в этом классе. Он посмотрел диктант и сказал: “Ну, знаете, вы просто не умеете преподавать. Давайте я проведу диктант, и вы увидите, какой будет результат”.

Он взял диктант пятого класса и ходил по рядам, читая его. И подсказывал. Дескать, Иванов, что тут нужно написать? И все написали на три-четыре-пять.

Ну, я не дурак: я понял, что нужно давать хорошие результаты, нужно давать план учительский. Я с этим не мог согласиться. Не потому, что был я такой замечательный человек, а потому, что был молодой и к этому еще не привык. И все кончилось педсоветом. Там, думая, что все уже решено, все были очень откровенны. А заврайоно ударил кулаком по столу и стал орать на них, что они занимаются очковтирательством, что «сын врагов народа» ни при чем, и пусть они лучше за собой следят...

Я с Павлом Ивановичем (Типикиным. – *О. Р.*) не был знаком. И вдруг он за меня заступился. И это стало уже знакомством на всю жизнь»²⁹ – сказано это в разговоре с Евгением Типикиным, но прерванные калужские знакомства Окуджава действительно в какой-то момент возобновил.

Выписка из трудовой книжки Окуджавы:

2. 1951 г. 16 августа освобождён от работы в Шамординской ср. шк. Перемышльского р-на Калужск. обл. в связи с переходом на работу в другой район. (Приказ РОНО № 26-к § 10 от 14 авг 1951 г.).

3. 1951 г. 20 августа назначить учителем русского языка и литературы в Высокиническую среднюю школу, Высокинического района, Калужской области. (Приказ Калужского Облоно № 87. от 11/VIII-1951 г.)³⁰.

Райцентр Высокиничи расположен уже гораздо ближе к Москве, в 120 километрах, примерно на 160–170 километров ближе к Москве, чем Козельск и Шамордино. До Обнинска – без малого 70 километров, до Серпухова – почти 40. Но в Высокиничах Окуджава проработал еще меньше, чем в Шамордине, – именно из-за гораздо большей близости к Москве: «Перевели меня в Высокиническую среднюю школу. Но через полгода меня там отдали под суд. Потому что попросил разрешения у директора на каникулы поехать в Москву. Он разрешил. Даже попросил купить бутылочку томатного сока. А когда я вернулся, увидел на доске объявлений, что я снят с работы за прогул. Я к директору. А он мне: где письменное разрешение?

И был суд. Своеобразный. Сидели в комнате я и судья. Вдруг звонок из райкома партии. Судья говорит, что решаем: все будет хорошо. Мне присудили за прогул полгода работы с вычетом зарплаты. Но на мое счастье в школе было человек шесть молодых учителей, выпускников московских вузов. Мы очень дружили. И они написали коллективное письмо в “Комсомольскую правду”. Из газеты и Минпроса приехала комиссия. Сняли директора. Но я уже был переведен в Калугу, в 5-ю школу. И остался в Калуге»³¹.

Где именно сняли директора – в Шамордине или в Высокиничах? Почему в повести директора снимают* – литературная деталь? Вот, вероятно, более точные, чем в интервью, сведения – тогда же, по свежим следам, 15 февраля 1952 г., внесенные

* См.: «– Что же теперь будет с Шулейкиным? – говорю я. – Теперь что, снимут его?..

– Решение облоно о снятии есть, – говорит он. – Почему “теперь”? Засиделся Шулейкин...

– Значит, это все из-за меня? – говорю я.

– А при чем здесь вы? – говорит он, и смотрит куда-то мимо меня, и быстро уходит прочь»³².

в личный листок по учету кадров в школе № 5 Калуги: в графе «Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение суда» Окуджава записал: «15 января 1952 г. За прогул. 3 месяца исправительно-трудовых работ»³³.

Из личного дела Окуджавы в школе № 5 г. Калуги:

Копия

Приказ № 8

По Калужскому Городскому Отделу Народного Образования от 4 февраля 1952 года.

Окуджава Б.Ш. назначить преподавателем русского языка и литературы в среднюю мужскую школу № 5 г. Калуги.

Основание: приказ Облоно от 4 февраля за № 42

Зав. гороно /Савонин/³⁴

Выписка из трудовой книжки:

4. 1952 г. 6 февраля назначен преподавателем русского языка и литературы в 5-ю мужскую среднюю школу г. Калуги (Приказ Гороно № 8 от 4/II-1952)³⁵.

Тамаре Абрамовне Манкевич, учителю истории и обществознания, преподававшей в 5-й школе еще до прихода Окуджавы, запомнилось, однако, что в школу Окуджава пришел вскоре после начала четверти и что самовольная поездка в Москву была лишь поводом для увольнения, а причина – организованное им празднование старого Нового года³⁶. 13 января в тот год пришлось на воскресенье, Окуджава, вероятно, только вернулся из Москвы, а на следующий день, придя в школу, увидел приказ об увольнении. Он обратился в облоно³⁷, и ему предложили место в калужской школе, где умерла учительница. Взял Окуджаву на работу завуч 5-й школы Александр Александрович Федоров («он его не знал совершенно», «<позже> с завучем они были в великолепных отношениях, завуч его взял на свой риск»³⁸).

Окуджава рассказывал о своей дружбе с учителем физкультуры: «Я приехал в Калугу, никого не зная. И в школе как-то сразу сошелся с Сашей Больгиновым. Он меня спросил: “Под шары пойдём?”. И мы пошли в какую-то забегаловку, над входом которой висели два матовых шара (сейчас – кафе “Русь”. – *Ред.*). Сели за столики. Не спрашивая, нам подали по стакану водки, по кружке пива и по котлете с вермишелью. Мы выпили – опьянели. Вышли в обнимку и пошли по Калуге. Даже запели. На

следующий день уже я спросил Сашу: “Под шары пойдем?”. Он удивился и говорит: “Пойдем”. “Только вот денег нет”, – продолжаю. “А ты напиши в кассу взаимопомощи, что, мол, брюки нужны”. Я написал, дали мне тридцатку, и мы пошли под шары. Так продолжалось полгода. Почему я не спился и как остановился – не понимаю. Может быть, стихи помогли»³⁹. Этот рассказ очень напоминает другой – о том, как Окуджава, только приехавшего в Москву из Калуги, раскритиковали в литобъединении «Магистраль», а он после этого «полгода не писал в отчаянии». А потом нашел новый язык – тот, на котором пишет до сих пор. А в Калуге – стихи спасли: красивая история, художественная, которая почему-то следует в ответ на вопрос о том, как Окуджава пришел в школу.

Окуджава пробовал иногда на слушателях новую песню или рассказы о себе, которые еще только должны были стать прозой, обретя какой-то поворот, сюжет. В интервью «Литературной газете» он говорил о том, что должно было вскоре стать рассказом «Уроки музыки». Знакомым рассказывал про недавно случившуюся с ним историю, которая позже была опубликована как рассказ «Здравствуйте, Ваше Величество!»⁴⁰.

А с Александром Георгиевичем Больгиновым, учителем физкультуры, тоже фронтовиком, Окуджава действительно сразу сдружился: Больгинов «помог ему утвердиться как учителю, это ж большое дело»⁴¹. Вообще «коллектив был молодой», ровесники Окуджавы, и, может быть, отчасти потому «очень тесно сошлись»⁴²: никаких конфликтов Т.А. Манкевич вспомнить не могла. Собирались компанией, бывали посиделки у одной из учительниц, Марьи Ивановны Буйновой, преподававшей английский язык, – у нее стояло пианино, на котором Окуджава играл (а иногда – на гитаре). Стихи – реже: «Вы знаете, читал, но больше рассказывал, он рассказчик прекрасный был... о чем угодно, о жизни о своей, рассказчик был прекрасный, а стихи – стихи он читал, но мало»⁴³.

Николай Федорович Симонов, учитель математики, пишет в своих воспоминаниях: «С Булатом Шалвовичем мне пришлось быть на праздновании дня рождения учителя рисования и черче-

* Ср. рассказ В. Соловьева о том разговоре после празднования 125-летия школы (1985): «И начался его рассказ с названием “Под шары”. Один из героев этого рассказа, его друг, наш бывший военрук и физрук Александр Георгиевич Больгинов, довольно похмыкивал, вспоминая. Позднее Булат Шалвович опубликовал рассказ “Под шары”, но в измененном виде»⁴⁴.

ния Герасимова Г.Н. Там он был неповторим: много рассказывал, шутил, музицировал, пел. Запомнилось исполнение с ним дуэтом популярной тогда песни И.О. Дунаевского на слова Лебедева-Кумача из кинофильма “Веселые ребята”, которая начинается словами: “Как много девушек хороших, как много ласковых имен...” и припев: “Сердце, тебе не хочется покоя! Сердце, как хорошо на свете жить!..” Пел Булат исключительно тепло и выразительно, обладая мягким приятным тембром, он завораживал слушателей. Аккомпанировал он всегда сам на любимой гитаре»⁴⁵ – на гитаре или на пианино, на том, что было в доме, где собирались.

Но это воспоминания учителей, а вот каким увидели Окуджаву ученики: «...Декабрь 1951 года (вероятно, ошибка памяти. – О. Р.). Калуга. Пятая мужская средняя школа. В нашем 8 “Г”, в котором собрались выпускники трех классов тринадцатой семилетней школы, классным руководителем была назначена опытейший преподаватель литературы и русского языка Анна Карповна Федорова. “Муха влетела!” – этот ее возглас с трепетом ожидали всякий раз заигравшиеся во время перемены ученики. Однажды она вошла в класс не одна, с нею в двери показался молодой человек в черном – ботинки черные, костюм черный, черные усы и на голове черная копна волос. Он чем-то напоминал Чарли Чаплина, на лице его застыло выражение тревоги.

– Знакомьтесь, это новый учитель русского языка и литературы Булат Шалвович Окуджава. Он будет иногда присутствовать на наших уроках.

“Черный человек” был на уроках всего два или три, но мы видели его и на переменах, когда, как стадо буйволов, мчались из класса “на волю в пампасы”, то есть в школьный двор или зал, а он стоял, прижавшись к стене, пропуская толпу, казалось, сметающую все на своем пути»⁴⁶. Удивительным кажется, что ученик 8-го класса, уже, наверное, задним числом заинтересовавшийся новым учителем, у него лично к тому же не преподававшим, запомнил такие подробности, как выражение тревоги на лице, школьникам обычно переживания учителей мало интересны.

На уроки к Анне Карповне (они работали в параллельных классах) Окуджава ходил, потому что его, пришедшего на место только что умершей любимой учительницы⁴⁷, поначалу собственный класс не принял, однако сохранилось вполне нейтральное – может быть, за давностью лет – воспоминание о первом уроке у Окуджавы: «Я учился тогда в восьмом классе, – вспоминает калужский поэт Рудольф Панферов. – К нам в класс вошел молодой мужчина с пышной шевелюрой, усиками и ярко выраженной кавказской внешностью. Он сразу же сказал:

– Возьмите ручки и запишите в дневники мое имя, отчество, фамилию, потому что некоторым будет сложно их запомнить, – и написал мелом на доске “Булат Шалвович Окуджава”.

Я тогда еще подумал, на каком языке он будет рассказывать нам о литературе. Но акцента у него не было, рассказывал он на уроках увлеченно. Мы проходили тогда древнерусскую литературу – “Слово о полку Игореве”. Окуджава заставлял нас на древнерусском учить начало из поэмы»⁴⁸. Можно себе представить, как поразила учеников необходимость учить «Слово о полку Игореве», если они вспоминали об этом 50 лет спустя – на торжественном открытии барельефа Окуджавы в 5-й школе на его 80-летие*.

Литература часто была последним уроком, после которого не расходились, а читали, обсуждали вместе какие-то книжки вне программы**: «На краю Ойкумены» И.А. Ефремова, о древних представлениях об окружающем мире, и, казалось бы, уже не соответствовавшие возрасту «Приключения капитана Врунгеля» А.С. Некрасова⁴⁹. Класс был небольшой, 18 человек, эрудированный, все читали «Молодой ленинец», недавно созданный, спорили о стихах Окуджавы, там публиковавшихся, и даже «довольно жестоко его критиковали»⁵⁰. Наверное, не часто, потому что Л.Е. Чирков не помнит таких случаев, но все же кто-то из учеников мог показывать ему свои стихи. Рудольф Панферов: «Я в восьмом классе начинал писать первые свои стихи. Окуджава их видел. У меня сохранился экземпляр одного из моих стихотворений с его замечаниями. Конечно, стихи были слабенькие <...> Окуджава отмечал это, указывая на отсутствие образности, на плохие рифмы. Он говорил:

– Тебе надо ковыряться и ковыряться с этими стихами.

Это у него было одно из любимых словечек. Если бы он мои стихи жестко раскритиковал, я бы, наверное, бросил их сочинять. <...> Но Окуджава мои стихи не раскритиковал, а дал много ценных советов»⁵¹.

Он мог читать с учениками книжки вне программы, разбирать их стихи, это ему было приятно, даже, наверное, лестно, но с учениками не возился (хотя и не прибегал отдать уроки – что-то

* Об этом вспомнил и Л. Чирков⁵².

** Окуджава вел именно в старших классах (мнение Л.Е. Чиркова); когда он только пришел в школу, дали ему не то 6-й, не то 7-й класс – именно как классному руководителю (Т.А. Манкевич). И наконец, документы. В графе «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности» Окуджава записал: «1952 1953/IX Преподаватель 5–10 кл. г. Калуга. 5 м<ужской>.с.ш.»⁵³.

среднее, так запомнилось Т.А. Манкевич⁵⁴), а уйдя в газету, в школу уже не заходил, ни в гости, ни чтобы подарить свежевывшедшую книжку.

«Ушел из школы он как-то незаметно, тихо»⁵⁵, – пишет Н.Ф. Симонов, Л.Е. Чирков не помнит Окуджаву уже даже на школьных экзаменах⁵⁶. Формально уволился он из 5-й школы лишь 31 августа. Выписка из трудовой книжки: «5. 1953 г. 31 августа освобождён от работы по собственному желанию (Приказа РОНО № 91 от 29/VIII-53)»⁵⁷.

Окуджава так объяснял свой уход: «Подружился с главным редактором, Колей Панченко – сейчас известный поэт. И он мне сказал как-то: давай, приходи к нам на работу. Я ответил “да”, потому что школа меня не очень устраивала*. Я любил учеников, но учительская для меня была явлением, чуждым совершенно. Там было много сплетен, интриг. И я перешел в газету»⁵⁸, или чуть-чуть иначе: «Школу, честно говоря, я не любил – за консерватизм, да и учителем был плохим»⁵⁹.

Но в газету перешел не сразу, еще полтора года работал в вечерних школах, первые несколько месяцев – вместе с женой^{60**}. В отделе учебных заведений Московско-Киевской железной дороги хранится его личное дело, начатое 22 сентября 1953 г. и оконченное 13 января 1955 г. Вот несколько документов:

Выписка из ПРИКАЗА № 333

По отделу учебных заведений Моск. – Киевской ж.д. – от 9 Ноября 1953 года

Окуджаву Булата Шалвовича с 22/IX-1953 г. назначить временным преподавателем русского языка ШРМ-5 (школы рабочей молодежи. – *О. Р.*) на период декретного отпуска преподавателя русского языка т. Левита – со ставкой согласно постановления правительства от 10/II-48 г.

* Ср.: «Кончил университет и уехал в калужскую область работать учителем. Там продолжал писать стихи, посылал их в местную газету, оттуда получал ответ, что нужно читать побольше Пушкина и Лермонтова. Ну через год приблизительно я поехал в Калугу, пришёл в местную газету. “Как ваша фамилия?” Я говорю – вот так. “О-о! Мы вас знаем – вы же нам присылали стихи?” – “Да, присылал стихи”. – “Ну заходите! Как вы поживаете?” – “Ничего”. – “Привезли ли новые стихи?” – “Привёз”, – сказал я и дал им старые стихи. Они сказали: “Замечательно!” – и опубликовали их. Тут я понял, какая польза от знакомства в жизни»⁶¹.

** Такова версия Я.Г. Марунич – преподавателя 14-й школы Калуги, в здании которой когда-то помещалась 5-я школа рабочей молодежи.

Основание: Заявление т. Окуджава от 22/IX–1953 г.
п.п. Нач-к отдела учебных заведений Московско-Киев-
ской ж.д.
Красников⁶².

Уже через полгода Окуджава переходит в другое место:

Начальнику отдела учебных заведений М.-К. ж.д.
Преподавателя русского языка и литературы 5 ш<колы>
р<абочей> м<олодежи> Окуджава Б.Ш.
Заявление
Прошу предоставить мне основную работу в ш.р.м. № 2 м.-к.
ж.д. в 8-х классах по русскому языку и литературе.
14/I-54 г.⁶³

Следующий документ:

Выписка из ПРИКАЗА № 15
Отдела учебных заведений Моск.-Киевск. ж.д. от 22 января
1954 года

Окуджава Б.Ш. от должности учителя русского языка и
литературы ШРМ № 5 освободить и перевести в ШРМ № 2 основ-
ным преподавателем русского языка и литературы в 8-х классах
на свободные часы, со ставкой по Постановлению СНК СССР и
ЦКВКП/6/ от 11/8-43 г. за № 875

Основание: Заявление Окуджава от 14/I-54 г. с согласи-
ем директора ШРМ № 2 и резолюцией Нач. школьного сектора
т. Скрипкина.

п.п. Нач-к Отдела учебных заведений Московско-Киев-
ской ж.д.
Красников⁶⁴.

Одна сохранившаяся деталь: «...у меня училась – в Калуге
в 9 классе в школе рабочей молодёжи – одна девочка, которая,
в общем, не очень хорошо училась, но старалась. У неё были
очень трудные условия в жизни для того, чтобы хорошо учиться.
И она мечтала стать актрисой, а я в этом сомневался. Но мне не
хотелось её иллюзии разрушать: я был учителем – она могла мне
поверить. А потом, через 8 лет, мы встретились в Москве, она
была уже известной киноактрисой. Это Тамара Семина»⁶⁵ – ее
первая роль в кино была в паре с Шукшиным в фильме Марлена
Хуциева (режиссер) и Тодоровского (оператор) «Два Федора»
(1958), с которыми Окуджава потом будет работать: у Хуциева

снимется в фильме «Мне двадцать лет» (известные кадры, где он поет «Сентиментальный марш» в Политехническом), с Тодоровским напишет сценарий фильма «Верность» (1965). Хуциеву посвящено стихотворение «Мы приедем туда, приедем...» о Грузии и Арбате, а Тодоровскому – рассказ «Отдельные неудачи среди сплошных удач».

Проработав в школе год, Окуджава ушел, не дожидаясь летних каникул:

Начальнику отдела школ М.-К. ж.д.

Преподавателя 2 ш.р.м. Окуджава Булата Шалвовича

Заявление

Прошу освободить меня от работы в качестве преподавателя русского языка и литературы в ш.р.м. № 2 м.-к. ж.д. в связи с переходом на другую работу по специальности.

11/І-54 Окуджава⁶⁶.

(В дате ошибка – год по привычке [еще январь] написан 1954-й, но дальше подпись директора школы Колябина и рядом дата – 12 января 1955 г.) И наконец:

Выписка из ПРИКАЗА начальника отдела учебных заведений Московско-Киевской ж.д.

г. Калуга

№ 10/ОК

12 января 1955 г

ОКУДЖАВА Булата Шалвовича от должности учителя русского языка и литературы школы рабочей молодёжи № 2 ст. Калуга – освободить и с 13 января 1955 года уволить, в связи с переходом на другую работу.

Основание: заявление Окуджава от 12/І-1955 г. с резолюцией начальника школьного сектора.

Начальник отдела учебных заведений Московско-Киевской жел. дороги

(Г. Красников)⁶⁷.

До отъезда Окуджава в Москву еще полтора года, которые он и проработает в «Молодом ленинце» – Марат Гизатулин приводит воспоминания Николая Панченко, как он «чуть не на коленях выпросил..» у заведующей школьным отделом обкома партии Нины Румянцевой, чтобы она отпустила Окуджава из вечерних школ в газету, дал ей прочитать рассказ Окуджава (тоже интересная деталь)⁶⁸.

* * *

У Окуджавы, «из собственной судьбы» выдергивавшего «по нитке»⁶⁹ и уже по этой нитке выстраивавшего образы и сюжеты, о школе только проза, причем если «Будь здоров, школяр» и «Упраздненный театр» – о событиях, которые когда-нибудь должны заставить героя переоценить основы основ, то школа у Окуджавы никакому развитию и преодолению иллюзий не способствует. В нескольких стихотворениях, где она поминается, речь идет отнюдь не о ней. Либо это о том, что когда-нибудь мучительное сегодня станет само собой разумеющимся:

Забывтый Богом и людьми, спит офицер в конфедератке.
Над ним шумят леса чужие, чужая плещется река.
Пройдут недолгие века – напишут школьники в тетрадке
про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука⁷⁰.
(«Путешествие по ночной Варшаве в дрожках»,
1967, о Катыни)

И время отца моего молодого печальный развеяло прах,
и нету надгробья, и памяти негде над прахом склониться,
рыдая.
А те, что виновны в убийстве, и сами давно уже все в небесах.
И там, в вышине, их безвестная стая кружится, редая и тая.

В учебниках школьных покуда безмолвны и пули и пламя,
и плетть,
но чье-то перо уже пишет и пишет о том, что пока безмянно.
И нам остается, пока суд да дело, не грезить, а плакать и петь.
И слезы мои солонны и горячи. И голос прекрасен...
Как странно!⁷¹
(«Мой отец», 1987)

Либо школа призвана слегка завуалировать содержание:

Над Краковом убитый трубач трубит бессменно,
любовь его безмерна, сигнал тревоги чист.
Мы школьники, Агнешка. И скоро перемена.
И чья-то радиолоа наигрывает твист⁷².
(«Прощание с Польшей», 1964–1965)

И наконец, «Большая перемена», говорящее, даже кричащее название – но ему придан подзаголовок «школьная песенка»:

Долгий звонок соловьем пропоет в тишине,
всем школярам перемену в судьбе обещая.
Может, затем, чтоб напомнить тебе обо мне,
перемена приходит большая⁷³.

(Впервые опубликовано в сборнике 1996 г. «Зал ожидания», но в том же 1996 г. в «Чаепитии на Арбате» помещено в конец раздела «Шестидесятые».)

Следующая строфа – о свидании, но стихотворение не о нем, а о том, что школярам, которым посвящена повесть Окуджавы об иллюзиях и столкновении с действительностью, была обещана перемена. Соловьев давно не слышно, и перемены уже никто не ждет, нет никаких ее предвестников – и все-таки ожидание в крови, даже когда ждать нечего:

Время не ждет. Где-то замерли те соловьи.
Годы идут. Забываются школьные стены.
Но до конца... Это, видимо, в нашей крови
ожиданье большой перемены⁷⁴.

Глухие годы «мрачного семилетия» Окуджава от и до прожил в постоянном ощущении этого мрака: возвращение матери, ее арест, арест друзей и несостоявшийся собственный, переезды, невозможность работать и быть самим собой – и, наконец, в Калуге его застало «ожиданье большой перемены».

XX
«Молодой ленинец»: редакция газеты
и литературное объединение

«Я писал стихи. Слабые, конечно, но писал. И, читая молодежную газету, видел, что иногда там публикуются стихи. Я послал им свои... Пришел ответ, в котором мне советовали “побольше читать Пушкина и Лермонтова”. Мне этот ответ читать было несколько смешно, потому что я преподавал Пушкина и Лермонтова. В общем, обычная отписка*. Я еще раз послал стихи, снова такой же ответ. Еще раз... Потом я как-то поехал в Калугу по какому-то делу и зашел в редакцию. Говорю, хочу стихи вам показать. Фамилию-то они уже помнили, потому что необычная...

И хотя принес я им те же самые стихи, они их опубликовали с громкими словами. И мне даже полагался какой-то гонорар.

Потом я еще опубликовался, потом еще чего-то написал. Потом, переехав в Калугу, заходил к ним уже чаще»¹. Молодежная газета – это «Молодой ленинец», но «Молодой ленинец» открыл-

* В следующем высказывании Окуджавы этот эпизод отнесен к 1950/51 учеб. году: «Когда я жил в Шамордино... то присылал в редакцию стихи»².

ся лишь в мае 1952 г., когда Окуджаву уже жил в Калуге. Один из сотрудников газеты, работавший в ней с самого начала, Сергей Александрович Васильчиков, – правда, уже через 50 лет – уверял, что помнит всех приносивших в газету стихи, но Окуджавы среди них не было³. Если и посылал – а такая история уже была с московскими изданиями в тбилисские 1940-е гг., – то в областную газету «Знамя», вот более точное воспоминание: «Стал публиковаться в калужской газете областной. Затем, когда умер Сталин и начали налаживаться нормы демократические нормальной жизни в нашей стране*, мне предложили работать в комсомольской газете областной: я заведовал отделом пропаганды»⁴. 6 июля 1952 г. было напечатано стихотворение Окуджавы «Я строю»^{**}, 21 января 1953 г., к годовщине смерти Ленина, «Мое поколение» – о «ленинцах» (в издательстве газеты «Знамя» в 1956 г. выйдет первая книга стихов Окуджавы «Лирика» – тоже про ленинцев в том числе). А в «Молодом ленинце» его стихотворение впервые появилось лишь в мае 1954 г.^{***}

Сергей Васильчиков о знакомстве с Окуджавой: «...на втором этаже был “Молодой ленинец”, подошли мои родственники, учителя, помахали мне ручкой, я вышел, что-то разговорились. А с ними был молодой грузинчик такой худенький, они мне сказали: “Познакомься, это поэт Булат Окуджаву, преподаватель литературы в 5-й школе”. Я пожал ему руку: “Заходите к нам, у

* Ср. в другом интервью: «А тут умер Сталин. И бремя сына “врагов народа” с меня спало»⁵.

** Об этом стихотворении и других калужских публикациях Окуджавы см.: *Гизатулин М.* О стихах калужского периода // *Голос надежды: Новое о Булате.* Вып. 4 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2007. С. 360–369.

*** В «Молодом ленинце» были опубликованы: «Весеннее» – 1 мая 1954, «О мелочах» – 17 октября 1954, «В дорогу» – 14 ноября 1954, «Здравствуй, весна» – 11 марта 1955, «Под знаменами майскими» – 1 мая 1955, «Твои глаза» – 29 мая 1955, «Родина» – 11 сентября 1955, «Веселые солдаты» – 13 ноября 1955, «Во все века и во все времена...» – 1 мая 1956, «Валины экзамены» – 6 мая 1956, «Цветы моей земли» – 8 августа 1956, «Марсинель» – 24 августа 1956, «Встречали вы счастливых тонущих...», «Тучи – на небо, звезды умерли...», «Чувств нижайших выраженья...» – 14 октября 1956, «Не в сафьяновом переплете...» – 31 октября 1956, «Первый звонок, первый звонок, первый звонок дан...» – 2 ноября 1956, «У городской елки» – 31 декабря 1956. Подробнее о калужских публикациях Окуджавы см.: *Гизатулин М.* «Два старых солдатика». Булат Окуджаву и Николай Панченко // *Голос надежды. Новое о Булате.* Вып. 3 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2006. С. 137–162.

нас литобъединение работает»⁶: не учитель литературы, также пишущий стихи, а именно – и в первую очередь – поэт. Однако приглашением Окуджавы не воспользовался: «В мою бытность (со дня основания “Молодого ленинца” до апреля 1954 г. – *О. Р.*) он на литобъединение не приходил», Окуджавы «приходить стал позже, когда стал редактором Николай Панченко, когда мы с Синицыным уехали»⁷.

Они были ровесники, Панченко – ровно на месяц старше. Но Панченко гораздо больше был на фронте, причем сначала – в пехоте, его первые военные стихи написаны тогда же, в 1942–1945 гг., и никакой темы разбитых иллюзий у него нет. Наоборот – созревание на войне: «Ушли мальчишками, вернулись взрослыми...» Резко неприглядная война. Военный быт (то, что будет в «Будь здоров, школяр», который Панченко и опубликует в «Тарусских страницах»):

На перроне – чет и нечет:
Сортируют наугад.
– Здесь от триппера не лечат, –
нам отвечает комбат,
– Полк запасный не санбат:
поворачивай в штрафбат!
Снова лепимся в вагоны,
материмся сгоряча.
Отрывают нам погоны
прямо с мясом от плеча.
Мы не армия, мы – банда! –
мы плевали на санбат⁸.

ТТ, 1943

Очень похоже на то, что Окуджавы описал в интервью Росту в 1996 г. – но в стихах и во время войны. Убийство, и здесь же тема созревания, хотя какого – вот вопрос: то, о чем Самойлов напишет в «Старике Державине» («Рукоположения в поэты / Мы не знали. И старик Державин / Нас не заметил, не благословил... / В эту пору мы держали / Оборону под деревней Лодвой. / На земле холодной и болотной / С пулеметом я лежал своим»⁹), а Орлов написал еще в 1945 г. («Пускай в сторонку удалится критик: / Поэтика здесь вовсе ни при чем. / Я, может быть, какой-нибудь эпитет – / И тот нашел в воронке под огнем. / Здесь молодости рубежи и сроки, / По жизни окаянная тоска... / Я порохом пропахнувшие строки / Из-под обстрела вынес на руках»¹⁰):

И мы вышли.
Огороды дождями заплыли.
Он вперед зашагал, не оглядываясь: учен.
Я впустил ему в рыжий
заросший затылок
Десять желтых,
В каптерке отсчитанных пчел.
А у него были уши, как рупоры,
И пел он всегда что-то свое.
Падает композитор
(может быть, крупный),
Будущий поэт с колена встает...¹¹

К случайной фотографии, 1949–1953

«...Сто раз я нажимал курок винтовки, / а вылетали только соловьи»¹²: там, где у Окуджавы образ, Панченко называет все своими словами.

Лежат фашисты в поле чистом,
торчат крестами на восток.
Иду на запад – по фашистам,
как танк – железен и жесток.
На них кресты
и тень Христа,
на мне – ни бога, ни креста:
– Убей его! –
И убиваю,
хожу, подковками звеня.
Я знаю: сердцем убиваю
Нет вовсе сердца у меня.
<...>

Я буду кем-то успокоен:
– Какой уж есть, таким живи
И будет много шатких коек
скрипеть под шаткостью любви.
И где-нибудь, в чужой квартире,
мне скажут:
– Милый, нет чудес:
в скупом послевоенном мире
всем сердца выдано в обрез¹³.

Баллада о расстрелянном сердце, 1944

У Окуджавы «нежнейшая»¹⁴, как написал Станислав Рассадин, песня о девочке Отраде. Не пули – соловьи, не насилие –

Отрада, опять о женщине Окуджава пишет с большой буквы, хотя «Ты клянись, клянись, моя рота, / самой высшей клятвой войны: / перед девочкой с Южного фронта / нет в нас ни грамма вины»¹⁵. У Панченко опять все названо своими именами. Стихотворение опубликовано в «Тарусских страницах»:

Девчонка парикмахершей работала.
Девчонку изнасиловала рота.
Ей в рот портянки потные совали.
Ласкали непечатными словами.
Сорвали гимнастерку с красной ленточкой:
была девчонка ранена в бою.
Девчонку мы в полку прозвали «деточкой»,
невенчанную женщину мою¹⁶.

Девчонка парикмахершей работала...

«Молодой ленинец» открылся к 1 мая 1952 г., газету создавали обком партии и обком комсомола, ее первым редактором был писатель-очеркист Иван Синицын, его первым заместителем – Иван Рубцов, позже замредактора стал Николай Панченко, который через полгода смог взять в газету Окуджаву. Васильчиков был два года «заведующим отделом агитации и пропаганды, школьной молодежи, физкультуры и спорта»: «У меня был самый большой отдел», – говорит он, уточняя, что был «единственный, у кого было в отделе два человека литработника»¹⁷, его отдел занимался школами, культпросветучреждениями, физкультурой, спортом, литературой. Все это входило в отдел, который формально назывался «отделом агитации и пропаганды».

Вероятно, это не просто дань вежливости, хотя слова эти были сказаны сотрудникам того же «Молодого ленинца»: «...для меня “Молодой ленинец” был одушиной. Да и мое возникновение, как литератора, связано с этой газетой. То есть я писал здесь очень слабо, но уже становился на профессиональные рельсы»¹⁸ – речь здесь, конечно, идет не о статьях, о стихах.

«Молодой ленинец», 5 июля 1953 г.:

ИЗВЕЩЕНИЕ

15 июля, в 7 часов вечера, в помещении редакции газеты «Молодой ленинец» (площадь Ленина, 6) состоится очередная «Литературная среда».

Порядок дня:

1. Собеседование по статьям «За далью даль» и «Мастерство рассказчика», опубликованным в газете «Комсомольская правда» от 25 и 30 июня 1953 года.

2. Обсуждение рассказов и стихов местных авторов. (С произведениями можно ознакомиться в редакции газеты «Молодой ленинец»).

Приглашаются все желающие.

Бюро литобъединения¹⁹.

Видимо, в это время литературные среды были еще внове и о каждой следующей приходилось объявлять отдельно, но уже через несколько месяцев концепция и структура литобъединения определились более четко:

В бюро литературного объединения

На днях состоялось заседание бюро Калужского областного литературного объединения. Обсужден вопрос о плане работы литобъединения на август–декабрь 1953 г.

Бюро решило проводить «Литературные среды» (собрания молодых авторов) два раза в месяц по средам: 26 августа, 9 и 23 сентября, 7 и 21 октября, 11 и 25 ноября, 9 и 23 декабря. «Литературные среды», проводимые в начале каждого месяца, посвящаются обсуждению работ местных авторов, а в конце месяца – литературной учёбе, обсуждению публикуемых в периодической печати материалов по вопросам мастерства.

Намечено подготовить цикл лекций для начинающих авторов, провести в середине октября творческий вечер молодых писателей и композиторов области.

Для организации в районах литературных групп и оказания им помощи в работе бюро закрепило за Малоярославецким районом Синицына И.С., за Куйбышевским – Панченко Н.В., за Кировским – Авдонина А.Н., за Людиновским – Шпилева П.Г., за Козельским – Ларионова В.Н, за Думиничским – Шедвиговского И.Д.

Имея в виду издать сборник произведений местных авторов, бюро поручило группе товарищей разработать к 1 сентября с. г. план сборника.

Решено провести областное совещание начинающих авторов в декабре 1953 года.

В редакции газеты «Молодой ленинец» с 28 августа устанавливаются регулярные дежурства членов литобъединения, которые будут давать консультации начинающим поэтам и прозаикам.

Дежурства проводятся по пятницам с 6 до 8 часов вечера²⁰.

И теперь уже, судя по воспоминаниям Валентины Шмельковой, «педагога и переводчика технической литературы на

Турбинном заводе»²¹, Окуджава был одним из активных его руководителей и давал консультации начинающим: «И вот я робко переступила порог литературного объединения при редакции газеты “Молодой ленинец”. Поэты Николай Панченко, Александр Авдонин и тонкие, изящные стихи Булата Окуджавы: “Афродита”. Сама стройность. Сама чистота. Сама скромность»²².

Если сполна надышаться морским ароматом пряным,
если в море всматриваться упрямо-упрямо,
неожиданно, тихим прибором омыта,
выйдет из зеленой волны Афродита²³.

Если ждать и верить – она появится: об этом будут и «нежданный берег», который «из тумана выйдет к вам»²⁴, и «Мне нужно на кого-нибудь молиться»²⁵, где боги тоже очень будничные; она будет очень простая, близкая, как в песне конца 1940-х гг. – «А она на нашей улице живет!»²⁶:

Выйдет, поздними сумерками влекома,
и улыбнется знакомо-знакомо...²⁷

Зеленая волна Боттичелли, боги, которые провожают Венеру к берегу, Грация, которая ее встречает: как это будет довольно часто у Окуджавы, он берет где-то увиденную деталь и выстраивает вокруг нее совсем другой образ:

А когда распластятся длинные синие тени,
такое простое платье ловко она оденет,
черной заколкой волосы туго стянет,
станет такой обычной, земною станет,
просто соседкой, старой знакомой просто
в будничном платье – поношенном, ситцевом, пестром²⁸.

Опубликовано стихотворение в «Молодом ленинце» (23 сентября 1956 г., Окуджава уже в Москве) под названием «О красоте», потом оно войдет во вторую его книгу «Острова» (1959), но и в 1954 г. в литобъединении читал он все-таки «Афродиту» (это название вернулось в «Островах»), хотя публиковал в это время стихи про «ленинцев» (а о чем еще? газета тоже называлась «Молодой ленинец»), само собою, абсолютно естественно (до тех пор, пока это не стало противоестественно), переходя из одного языка в другой: «Я отдала ему тетрадку. <...> Совершенно неведомому мне чужому человеку, пусть в стихах, но я открыла

весь свой мир до самого глубокого дна. <...> И он понял. Он увидел только стихи и ничего более. Стихи понравились. И мы стали равными. Ни тени превосходства, назидания, а тем более покровительства или снисхождения.

Теперь он приносил сборники стихов, которые я не знала, и где на все мои темы находились более точные и менее экспрессивные решения»²⁹.

Видимо, это были те самые пятницы – или уже какой-то другой день, – когда можно было прийти в газету на консультацию: «Сколько у него было редких книг! Он приносил их столько, что и за месяц не осилишь, а вернуть надо было через неделю. Его образованность всех нас делала школьниками»³⁰. Редкие книги у человека, мотающегося по сельским школам, не имеющего дома и постоянно переезжающего с места на место – откуда? Таскал за собой из Тбилиси? Привозил что-то из несчастных поездок в Москву?

Это была возможность что-то создать, которой давно не было, – с тех арестов 1948 г. Возможность создать свою литературную, поэтическую среду и быть в ней не начинающим учителем, который не умеет провести диктант, а поэтом, человеком со своим значимым здесь поэтическим и личностным опытом. В 1954 г. Окуджаве исполнилось 30, это было начало и новой, как казалось тогда, страны, и новых возможностей осуществиться. И это все требовало перехода в новый статус – в признанный теми, кем это должно было быть признано, статус поэта, которому больше не будут советовать учиться писать у Пушкина и Лермонтова.

И Окуджава создавал среду, которая ему была нужна: «Никогда Калуга не была такой поэтической, как в те далекие времена, когда градоначальником в этом деле был неугомонный Булат. Проводились творческие вечера, читательские конференции да и просто чтения стихов. Много было молодых поэтов, но никто не был под особой опекой»³¹.

То, что Окуджава – опубликовавший к этому времени считанные стихотворения – был одним из руководителей литобъединения, подтверждает Константин Михайлович Афанасьев, работавший тогда в газете «Знамя»: «Он командовал литературным объединением», «он занимался консультацией, к нему приходили самотеком: стихи, он отвечал на них. Собирали они собрания свои в литературной группе»³² – Окуджава, Николай Панченко, еще несколько человек.

Помимо «сред» в газете устраивались и более серьезные вечера. Валентина Шмелькова: «До сих пор помнят калужане День поэзии в нашем городе. Приехали на праздник и московские поэ-

ты: Сергей Наровчатов, Михаил Матусовский, Владимир Львов, Нина Бялосинская, Наташа Астафьева.

Это был настоящий праздник, где Сергей Наровчатов сказал, что не только Москва богата талантами, имеются они и в Калуге.

Успешно прошло и мое выступление. Уже и читать нечего, а они все хлопают.

– Ботики, ботики читай! – кричит мне Булат.

– Да они же рваные! – растерялась я.

А после праздника в узком кругу известные всей стране поэты читали личные свои стихи, написанные не для печати. Так вот оно где то, что мы так долго искали! И когда я прокручиваю жизнь назад в памяти своей, я останавливаюсь именно на точке отсчета переоценки ценностей, которая произошла в этот вечер»³³. «Личные» стихи оказались в паре с «переоценкой ценностей» – очень характерное высказывание о середине 1950-х гг., когда так ощутим был – сегодня иногда и незаметный – этот разрыв между теми стихами, к которым привыкли, и теми, которые вдруг стали появляться.

Нина Бялосинская и Наталья Астафьева были участницами литобъединения «Магистраль», куда Окуджава пришел сразу после переезда в Москву, – вероятно, как раз благодаря этому калужскому знакомству.

Нине Бялосинской – трогательная дарственная надпись Окуджавы на «Одиссее» Гомера 1958 г. (автограф – 28 февраля 1959 г.): «Нине. В память о фронте, Который был не просто война. В память о днях, когда Мы вдруг выросли. В память о сегодняшнем дне, Который без тех был бы, может быть, Счастливее, но вряд ли»³⁴. Стихи Нины Бялосинской, как и Окуджавы (и Эльмиры Котляр, также посещавшей «Магистраль»), были опубликованы Александром Гинзбургом во втором номере «Синтаксиса», машинописного альманаха, выпущенного в феврале 1960 г. тиражом около 300 экземпляров (Гинзбург публиковал только те стихи, которые не были [не могли быть] опубликованы в печати, и у Окуджавы он взял «Песенку о короле», «Ваньку Морозова», «Солдата бумажного» <sic>, «Припортовых царевен» и «Шарик»³⁵).

Наталья Астафьева – человек с судьбой, очень знакомой Окуджава: отец, погибший в 1933 г., мать, прошедшая лагерь, стихи, которые пишутся с середины 1940-х гг.

Михаил Матусовский, поэт, старше Окуджавы на 9 лет и на несколько литературных поколений, закончивший в 1939 г. Литературный институт, куда Окуджава хотел и не смог попасть,

написавший под руководством Гудзия кандидатскую диссертацию по древнерусской литературе (защита состоялась в его отсутствие, когда он уже был на фронте военным корреспондентом). Во время войны вышло два его сборника, а в 1950-е гг. все больше появляется песен на его стихи в кинофильмах, причем некоторые из них непривычно лиричные. «Сиреневый туман над нами проплывет...», «Целую ночь соловей нам насвистывал», «Вместе весело шагать...», «Старый клен, старый клен, старый клен стучит в стекло...», «Дымилась роща под горою...», «Подмосковные вечера» – это все его строчки, а к 1955 г. на слуху были песни из двух фильмов прошлого года: «Поручение», где герой отправляет друга сделать за него предложение девушке Тоне, а тот делает предложение, но от своего имени; «Не забывай» («Не забывай, что после вьюги / Опять в цветах приходит май. / Не забывай своей подруги, / Своей любви не забывай!»), с той же, что и в «Оттепели» Эренбурга, легко расшифровываемой темой весны после долгой стужи; «Что так сердце, что так сердце растревожено...» – из «Верных друзей» по сценарию Галича и Исаева. И уже несколько лет звучал «Школьный вальс» («Давно, друзья весёлые, / Простились мы со школою...»).

Сергей Наровчатов, военный корреспондент, в 1941 г. закончивший сразу и ИФЛИ, и Литинститут, к 1955 г. – один из наиболее известных авторов стихов о войне. В 1984 г. Окуджав скажет: «По-настоящему я вошел в литературу именно с военной темой, но не был отнесен критикой к поколению поэтов, писавших на войне (как, скажем, Д. Самойлов, М. Луконин, С. Наровчатов), а “причислен” к следующему – более молодому – поколению»³⁶. Эпизод с Наровчатовым – в «Подозрительном инструменте» (1988), продолжающем ироничную прозу Окуджавы о том, как все начиналось: «Это было прошлым летом. Он заехал к своему единственному знакомому литератору – Сергею Наровчатову»³⁷, и дальше следует история о том, как вдвоем они поехали в ЦДЛ, место для посвященных. И опять Окуджава утрирует, «прибедняет» своего героя, заставляет его оказаться на самом старте, никому не знакомым и нигде не принятым – хотя если действие относится к лету 1956 г., то так примерно и было, и Наровчатов действительно был одним из первых московских поэтических серьезных знакомств, не случайно ему посвящено стихотворение «Колокол» из второй книги Окуджавы «Острова»* (1959) – первой московской, от которой он и вел счет.

* И хотя, видимо, они не очень много общались впоследствии, в 1965 г. Наровчатов заступится за «Полночный троллейбус» Окуджавы³⁸.

Тот День поэзии, о котором пишет Валентина Шмелькова, – это 1955 г.: осенью 1956 г. Окуджаву уже в Москве, в 1954 г. дней поэзии еще не было. Это первый День поэзии, и в Калуге он уже проходит, и Окуджаву, вероятно, один из организаторов – газета дала возможность быть включенным в тот поэтический бум, который начался именно тогда, когда «воскресным днем 11 сентября 1955 г. в 20 книжных магазинов Москвы отправились более 100 поэтов, чтобы стать за прилавки, подписать книжки, выступить с чтением стихов»³⁹. В книжном магазине № 2 на Моховой – Симонов, Луконин, Озеров, Евтушенко, толпа не вмещается в зал, и поэты читают на улице, без заранее подготовленной и утвержденной программы, выходят на площадь Маяковского – а там уже около 30 000 чел. Это было потрясением, и это было началом: через три года на площади Маяковского («на Маяковке») начнутся еженедельные чтения, еще через несколько лет как примету времени изобразит поэтов в Политехническом Марлен Хуциев («Мне двадцать лет», 1965). Это будут чтения, помнящие о том, что в 1920-е гг. в том же Политехническом выступали Белый, Есенин, Брюсов, а в 1930-е гг. – Заболоцкий, Багрицкий, Твардовский. Это будет возвращение – через огромный двадцатилетний перерыв – к той литературной ситуации, когда литература может быть публична, но не потому, что она навязана.

Другие литературные московские знакомства – на семинаре, об участии Окуджавы в котором мы знаем благодаря воспоминаниям Надежды Усовой, публиковавшей когда-то свои рассказы в том же «Молодом ленинце»: «Летом обычно вспоминается июль 1954 года, когда Булат Окуджаву и я принимали участие в межобластном семинаре начинающих литераторов в г. Воронеже»⁴⁰. Семинар проводился в рамках подготовки ко Второму съезду писателей (съезд прошел 15–26 декабря 1954 г.⁴¹). Окуджаву так описывал его в статье «Конференция молодых литераторов»: «Близится второй съезд писателей СССР. Во многих краях, областях, республиках прошли и проходят творческие конференции. В городе Воронеже состоялась межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР: Воронежской, Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской и других областей»⁴².

Литобъединение при «Молодом ленинце» было в русле сразу всех литературных процессов 1954–1955 гг., и более структурированного (подготовка к съезду), и более спонтанного (поэтическая волна, нараставшая в Москве и повсюду). Надежда Усова, дебютировавшая на том совещании одновременно с Окуджавой, гораздо менее восторженно, чем Валентина Шмелькова, пишет о тогдашней литературной жизни Калуги: «Во многих областях

возникли литературные группы и объединения, их творчество нуждалось в оценке и содействии в издании, но в ряде областей, как, например, в Калуге, не было ни одного профессионального писателя и помочь начинающим было некому. (Отделение Союза писателей в Калуге, по словам С.А. Васильчикова, открылось лишь в 1963 г. – *О. Р.*) Поэтому Союз писателей организовал межобластной семинар, целью которого была оценка творчества лучших литераторов на периферии и продвижение их произведений в печать.

Семинар проводился в Воронеже. От каждой области на него были направлены два делегата – прозаик и поэт. Ехали за свой счет, так как командировать нас было некому*. От нашей области литобъединение послало от прозаиков меня, от поэтов – Булата Окуджаву, который жил тогда в Калуге. Примерно за месяц до начала семинара его участники послали в союз писателей свои произведения на рецензию и подготовку к обсуждению на семинаре. Я послала свою первую повесть “Первый год”, а Булат – стихи, подготовленные для сборника»⁴³. От семинара зависело многое – возможность издать книгу и быть принятым московскими литераторами (вспомним блокнотные записи Крейтана после разгрома его стихов Тарковским).

Из отчета Окуджавы о поездке: «Кроме делегатов, в работе конференции приняли участие представители правления ССП, лауреаты Сталинских премий Николай Грибачев, Аркадий Первенцев, Тихон Семушкин; писатели Михаил Слонимский и Дмитрий Щеглов; поэты В. Журавлев, М. Львов, С. Орлов; директор издательства “Советский писатель” П. Чагин, представители партийной и советской общественности города Воронежа, многочисленные гости <...> В течение четырех последующих дней проводилась секционная работа.

Семинаром поэзии руководили В. Журавлев, М. Львов и С. Орлов. Прозаики собрались под руководством Т. Семушкина, П. Чагина, М. Слонимского. Семинаром драматургии руководили Рогов и Щеглов»⁴⁴.

Сергей Орлов – еще один поэт, известный именно стихами о войне, с которым Окуджава знакомится в Калуге и потом поддерживает отношения («По его поручению мы ходили к

* См. об этом: «Ехали вместе, не через Москву, а через Рязк, так как тогда транзит через Москву давали только тем, у кого не было другого пути. В Рязске мы пересели на московский поезд, идущий через Воронеж.

В Воронеже Булат поселился в гостинице, а я – у родственников»⁴⁵.

ленинградскому поэту Сергею Орлову»⁴⁶ – из воспоминаний И.В. Живописцевой). Одно из самых известных стихотворений Орлова (написано еще в 1944 г.) – о простом погибшем солдате, неизвестном, но единственном и уникальном, об этом же будут стихи Окуджавы конца 1950-х гг.:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград⁴⁷.

Стихотворение 1956 года, о том, что война пролегла как граница между всем, что было до, и всем, что было после, – но и об этом у Окуджавы будет много, чуть-чуть позже, чем у Орлова:

Голос первой любви моей – поздний, напрасный –
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?⁴⁸

Орлову, как и Наровчатову, посвящено стихотворение Окуджавы – песня «Четыре года»*, написанная на рубеже 1950–1960-х гг.:

Четвертый год подряд
война – твой дом, солдат.
Но хватит, отгудела непогода.
Есть дом другой –
там ждут и там не спят
четыре года, четыре года.

* В книге «Я выбираю свободу» датируется 1959 годом: Я выбираю свободу / В. Высоцкий, А. Галич. Б. Окуджава. Кемерово, 1990. С. 275. Окуджава очень щедро посвящал свои стихи, посвящений у него около 200, причем некоторые из них сделаны людям, с которыми он действительно как-то соотносил стихотворение, а многие посвящены потому, что человеку нравилось стихотворение или Окуджава был ему за что-либо благодарен. Возможно, и здесь подобный случай: так же, как Окуджава всю жизнь был признателен Евтушенко за то, что тот помог издать его первую московскую книгу «Острова», так же, весьма вероятно, он посвятил песню Сергею Орлову в знак признательности за какое-то внимание еще в те времена, когда литературных знакомств у него было немного, а его стихи еще не были известны.

Здесь словно годы дни,
а там в окне – огни
горят, не позабытые в походах...
Когда б вам знать,
как мне нужны они –
четыре года, четыре года!⁴⁹

Поездка была очень удачной: «Участников семинара было человек восемьдесят, нас разделили на группы человек по двадцать, отдельно прозаики и поэты. В каждой группе руководителями были два писателя из Москвы и воронежские писатели. Семинар длился неделю. На его занятиях обсуждали присланные ранее рукописи, слушали поэтов, обменивались мнениями и впечатлениями. Лучшие произведения руководители семинара рекомендовали напечатать в каком-либо журнале или издательстве.

В своей группе Окуджава выступил очень успешно. Его стихи хвалили и рецензенты, и слушатели семинара. Они были рекомендованы к изданию в калужское издательство, где и вышли вскоре после семинара»^{50*}.

1954 г. – семинар, 1955 г. – День поэзии, 1956 г. – Третье всесоюзное совещание молодых писателей (9–16 января), на которое Окуджава, как вспоминает Сергей Васильчиков, ездил из Калуги в Москву: «В президиуме сидели все, начиная от Шолохова <...> вся элита литературная присутствовала»⁵¹. Ездили туда все вместе: Васильчиков, Панченко, Окуджава, Кобликов. С.А. Васильчиков: Окуджава «был главным лицом, он и Коля Панченко <...> Булат сразу заявил о себе довольно-таки серьезно»⁵², «там я обратил внимание на то, что работники журналов и “Литературной газеты” как-то на него сразу пошли: брать у него интервью – чем он интересуется, какой литературой, на какой литературе он воспитан»⁵³.

Вероятно, знакомство во время совещания с журналистами из «Литературки» способствовало тому, что 12 апреля 1956 г. «Ли-

* О том, что его отметили на семинаре, Окуджава, конечно, не пишет, скромно заменяя собственную фамилию на «и другие»: «На заключительном заседании руководители семинаров выступили с краткими отчетами о работе семинаров, отмечая лучшие произведения, достойные быть изданными в центральных издательствах. Так, например, были отмечены сборник стихов А. Левушкина, повесть тульского писателя Любина “Марфа Подаркина”, повесть калужской писательницы Н. Усовой “Первый год” и другие»⁵⁴.

тературная газета» опубликовала письмо Окуджавы и Панченко – отклик на напечатанную ранее статью Б. Полевого о том, как много может дать начинающему писателю работа в газете. Статья Полевого была написана после Третьего всесоюзного совещания молодых писателей, в преддверии которого часто появлялись в газетах рассказы, очерки начинающих авторов. После совещания их публикации в газетах исчезли, чему и посвящена статья «Литературки» «Писатели в газете». Автор задает вопрос: «Работа в газете интересна и полезна писателю – это ясно всем. Но всегда ли газета готова работать с писателем, особенно молодым, всегда ли ей близки и дороги его творческие устремления?»⁵⁵ И далее приводится письмо Окуджавы и Панченко: «Во многих областных газетах, не говоря уже о районных, рассказы, художественные очерки, стихи, проблемные фельетоны с пренебрежением именуется “беллетристкой”, – пишут нам из Калуги участники Третьего всесоюзного совещания молодых писателей Н. Панченко и Б. Окуджава. – Для “беллетристики” устанавливается особая очередь. А сухие, шаблонные корреспонденции беспрепятственно заполняют дорогостоящую газетную площадь. С годами в редакциях некоторых газет из талантливой молодежи “вырастают” порой этакие “специалисты”, умеющие ухватить свежий факт, в течение часа продиктовать на машинку любую статью по любому поводу, но не способные творчески осмыслить увиденное, выйти за пределы частного случая»^{56*}.

Про газетный шаблон, про публицистику и художественные тексты Окуджава довольно резко говорил в одном интервью 1987 г.: «Я много лет проработал в разных газетах и знаю, какое было в них отношение к стихам. Приходил поэт, приносил, скажем, стихи о розе. Их не брали. В течение многих лет создавался газетный поэт

* Продолжение письма: «Нам известен факт, когда два молодых литератора в разное время побывали в двух колхозах калужской области, где встретились с председателями-тридцатитысячниками, позорящими это высокое звание. Явление возмутительное. О нем нельзя молчать. Но в областной газете на этот счет сложилось иное мнение: “Центральные газеты об этом еще не писали, – урезонивали молодых ‘старшие’. – Нечего и нам высказывать. Как бы чего не вышло...”»

«Конечно, газета, – продолжают авторы письма, – школа литераторов. Больше того, – не подготовительная, а на всю жизнь! И это будет тем вернее, чем скорее шаблон и перестраховка будут исключены из “программы обучения”.

Судя по письмам, с подобными положением молодые литераторы встречаются не только в Калуге»⁵⁷.

тический штамп. Считалось, что главное – стихи гражданственные, нужные – допустим, о строительстве. А стихи о розе – чушь собачья»^{58*}. А та статья в «Литературной газете» заканчивается словами: «Права Н. Панченко и Б. Окуджава, когда пишут в своем письме: “Как достичь того, чтобы писатель, придя в газету, никогда из нее не ушел, – над этим следует поразмыслить, и не только поразмыслить, но и добиться практических результатов”»⁵⁹.

Статья, видимо, была о наболевшем. Литературное объединение, День поэзии, семинар начинающих писателей – все это яркие моменты, которые были возможны благодаря работе в газете, но сама эта работа была не столь привлекательна. О первом задании, полученном в «Молодом ленинце», Окуджава рассказывал: «Послали на КЭМЗ – написать о комсомольской организации. Поехал, встретился с секретарем, все добросовестно записал, но материал завернули.

– А другие?

– Другие шли. Писал какие-то очерки, ездил по командировкам, пугал местное начальство, брюки узкие стилиэжи клеймил. Как-то даже в рейд с милицией ходил: ворвались ночью в общежитие, выволакивали из постелей любовников. Жуткая история! Потом стало страшно. Стыдно стало...»⁶⁰

Об одной из его тогдашних статей Окуджаву спрашивал Юрий Зельников: «Николай Панченко, вспоминая о вашей совместной работе в “Молодом ленинце”, рассказывал, что вы однажды написали знаменитую статью “Нужна ли нам политучеба?”, наделавшую много шума. А чуть позже с вашей помощью вышла другая статья секретаря Лев-Толстовского РК ВЛКСМ Трубицыной под названием “Нужна ли нам такая политучеба?”, наделавшая еще больший переполох»⁶¹.

Вероятно, об этой статье идет речь в записках Бориса Панкина, который приводит рассказ Валентина Жарова, одного из сотрудников «Молодого ленинца», во время их разговора в 1956 г.:

* Ср.: « – Булат Шалвович, в редакционном музее застоя есть старый телефонный аппарат. Мы все говорим, что по нему вас вызывали на ковер...

– Нет, меня не вызывали. Я был мелкой сошкой. Хотя комсомольские секретари учили всему, даже – как стихи писать. И все зависело от их настроения; если плохое – с грязью могли смешать. Просто так. Напиши тогда: “Мой дядя самых честных правил” – придерутся. “Что значит ‘мой дядя’? Мы в коллективе живем, а вы нам – ‘дядю’”. Да еще дело по партийной линии заведут»⁶².

– Опубликовали статью Булата о формализме в политсети. Вызывают нас двоих и редактора (Н.В. Панченко. – *О. Р.*) в обком комсомола. Там автора статьи спросили: «Вы со статистикой положения в политсети знакомились?»

– Я делился собственными впечатлениями.

– Значит, положение дел знаете понаслышке...⁶³

Из воспоминаний С.А. Васильчикова: «Наша область была сельскохозяйственной, и газету “Знамя” мы называли “Вымя” все, и сами журналисты, потому что она занималась в основном селом»⁶⁴. Шутка, разносклоняемые существительные «знамя», «вымя», «бремя», «стремя», но и «Молодой ленинец» занимался теми же проблемами. Например, один из сотрудников, Александр Авдонин, пишет в статье «Повышать культуру торговли»: «Пустое дело – завести тетради учета спроса товаров в каждом магазине. Такая тетрадь – неотъемлемый элемент культуры в нашей советской торговле»⁶⁵. Через неделю – другая его статья, «Нам нужны отличные товары!», где осуждается работа швейной фабрики им. Крупской и кондитерской фабрики: «По качеству калужский пряник значительно уступает московскому»⁶⁶. Через год – статья А. Золотина о «строительстве нового типового телятника»⁶⁷. С.А. Васильчиков: «Молодой ленинец» всегда был «оппортунистической» газетой, которая давала дорогу писателям и поддерживала их и противостояла газете «Знамя», а редактор И. Синицын критиковал и секретарей горкома партии, вместе с тем и «доносы писали <...> Булат старался от всего этого отойти. <...> и, естественно, Булату здесь было <...> душновато»⁶⁸. Душновато, несмотря на то что «никаких у него обязанностей не было, – сиди пиши стихи», «ни в каком отделе» он не работал, поскольку Панченко дал ему «карт-бланш»⁶⁹, – сам же Окуджава неоднократно вспоминал: «Я был в отделе пропаганды. Сначала просто, а затем руководителем»^{70*}.

Других авторов и сотрудников газеты Окуджава называет в одном из интервью: «Одну минуточку! Я сейчас вам покажу одну фотографию. (Булат идет к письменному столу и приносит оттуда фотографию.) Это вот как раз 55-й год, “Молодой ленинец”. Вот Коля Панченко сидит. Это – я. Это Борис Обновленский, покойный. Это Павел Шпилев, тоже покойный. А это – Саша Авдонин. Где он сейчас, я не знаю.

* Ср. в разговоре со слушателями: «...я заведовал отделом пропаганды»⁷¹.

– И что, все они были сотрудниками газеты?

– Нет. Павел Шпилев был автором. Саша Авдонин был зав. отделом комсомольской жизни. Борис Обновленский был зам. главного редактора»⁷²». Стихи Бориса Обновленского публиковались в газете довольно часто, были они легко «проходными», как рассказывает С.А. Васильчиков, которому запомнилось также, как на литобъединении Б. Обновленский прочитал написанную им вещь под названием «Кому на Руси жить хорошо» – о колхозной жизни.

Павел Шпилёв в газете не работал, он был строитель, «хороший поэт, который бросил писать», говорит о нем С.А. Васильчиков, «мы все его знали и все ценили»⁷³. Еще один яркий человек в редакции – единственный в редакции москвич и журналист-профессионал Феликс Тамаркин (все остальные пришли в журналистику из других профессий)⁷⁴.

Никифор Ращектаев был художником газеты. С ним вместе Окуджава снимал комнату на Колхозной улице, работая уже в одной из вечерних школ, – так запомнилось Дине Павловне Гурджи⁷⁵, т. е. не раньше осени 1953 г., но, скорее всего, когда его жена с сыном уезжала к родителям в Тбилиси.

* * *

В интервью Ю. Зельникову Окуджава сказал, что историю про статью о политучебе не помнит: «Хотя всяких историй было тогда много. Я помню, что Панченко создал в Калуге какой-то прогрессивный клуб. И его начал бить обком. <...> И тогда в Калугу приехал корреспондент “Комсомольской правды”. <...> Он написал очень поддерживающую статью в “Комсомольской правде”. Но Панченко все равно выгнали. И разогнали весь этот прогрессивный клуб.

– Но это было уже после вашего отъезда из Калуги?

– Да, после»⁷⁶.

Эту статью, «Как погасили “Факел”», написал все тот же Борис Панкин: «Как-то в областной молодежной газете “Молодой ленинец” ребята прочитали, что в городе создается комсомольский клуб под названием “Факел” и что в этом клубе будет много

* Юрий Зельников комментирует: «...ошибка памяти. Б. Обновленский никогда не работал в “Молодом ленинце”, а много позднее был заместителем редактора газеты “Знамя»⁷⁷. Однако, по мнению С.А. Васильчикова, Б. Обновленский был в «Молодом ленинце» в разное время на разных должностях, в том числе ответственным секретарем (продолжительное время эту должность занимал Александр Авдонин)⁷⁸.

интересного. Потом на глаза им попался веселый пестрый плакат, нарисованный, видно, жизнерадостным художником: маленькие смешные фигурки альпиниста, артиста, фотографа, приветливо улыбаясь, приглашали всех, кто мечтает об интересных и полезных делах, прийти в “Факел” и приложить свои дарования в театральной студии, команде “легкой кавалерии”, фотостудии, “Союзе путешественников”...»⁷⁹ Ту статью, и в частности абзац с именами* (правда, приведен он в книге в несколько измененном виде), Панкин писал вместе с Д.П. Горюновым, главным редактором «Комсомольской правды», взявшим на себя ответственность опубликовать статью, критикующую «главу парторганизации крупного областного центра»**.

Задумывали «Факел», возможно, еще при Окуджаве***, а потом он, уже москвич, выручал своих: «А началось все с письма, из калужского “Молодого ленинца”, звонка из редакции, а потом визита ко мне Булата Окуджавы <...> Рассказывал больше пришедший с Булатом мой бывший сокурсник, тоже подвизавшийся в “Ленинце” на руководящих ролях, Валька Жаров****.

Окуджава, высокий, чернявый, гибкий, ограничился парой реплик юмористического плана. Где-то витал, как я отметил в своих записях, которые сделал сразу же по уходе гостей»⁸⁰.

* См.: «Секретари обкома тт. Сазонова, Кудрявцев и Ивахненко просто побоялись прямо и исчерпывающе высказать свое мнение о такой необычной, “никем не предписанной” затее. И они выжидали. Это стало ясно, когда бюро горкома партии и его секретарь т. Павлов отрицательно отозвались о новом клубе»⁸¹.

** См.: «Как же это случилась такая беда с руководителями комсомола Калуги, что в хорошем деле, одобренном молодежью, они увидели только вред? <...> Ведь чего испугались? Инициативы молодежной, творческой выдумки. А вот ошельмовать новое дело не побоялись. Даже перед нарушением комсомольской демократии не остановились»⁸².

*** См.: «И тогда собрались мы всей редакцией – веселой, в которой и друг мой Булат был еще не из первых – из одного “Московского комсомольца” я пятерых профессионалов привез...»⁸³

**** См.: «Затеяли в редакции создать молодежный клуб, – повествовал Жаров. – Напечатали в газете объявление-приглашение: “Энтузиасты! Здесь штаб по организации молодого клуба ‘Факел’, самого интересного, самого необычного, самого веселого в мире. Все, кто молод душой, объединяйтесь. Идите к нам!”

Народ и пошел. Только успевай записывать. И вдруг из горкома комсомола указание: “Вы запись ведите, а с работой не торопитесь. Идея клуба хорошая, а почему именно при газете? И так все плохое тащат в газету”»⁸⁴.

Об атмосфере, о накипевшем – воспоминания Николая Панченко: «Стихи, если мои, а не общие, не нужны.

Проза – пожалуйста, если только неотсебятина. А откуда молодому человеку неотсебятину взять, если ему самое время – в себе разобраться?

И зачем ему, извините, этот соцреализм? Скучно.

Вот и остается журналистика – что ни стихи, и ни проза – вроде как увертка»⁸⁵.

Это как раз после XX съезда и перед венгерскими событиями: «В то время... в воздухе носилась идея клубов. За идею и ухватились мы, добавив к слову “клуб” – “по интересам”. То есть – чтобы каждому интересно было»⁸⁶. Клуб был устроен, конечно, совершенно невозможным для обкома образом: «Пока наша молодежная редакция не стала клубом, я всегда проверял замки, смотрел – везде ли свет погашен – по-хозяйски. А когда она клубом стала да еще с названием “Факел”, прохожу, бывало, по площади полночь, гляну на окна редакции – горят»⁸⁷.

Подкрасили дома к октябрьским праздникам, занялись хулиганами⁸⁸, библиотеками⁸⁹, пошли дальше: «Ездим, смотрим, фотографируем. А потом с плакатами и лозунгами подъезжаем к заводоуправлениям или горисполкому и требуем начальство на балкон, либо на порог. И всё, что было замечено, в карикатурах, ядовитых текстах и еще в скоморошинах представляем с грузовика – как со сцены»⁹⁰. А потом «исключили Панченко из партии

* См. подробнее: «В газете мы целую полосу посвятили клубу. И отдельный плакат по всему городу развесили. В заглавии его, кажется, было написано (это на языке журналистов – “шапка”):

“Если вам скучно, приходите к нам!”

Ну, и прочие подробности:

Если ущемляют ваши права – приходите к нам!

Если вы семья без жилплощади – приходите к нам!

И еще сто или больше “если”: если хотите стать артистом, журналистом, научиться хорошо фотографировать, рисовать и писать красками, находить и читать хорошие книги, повисить свою – любую! – квалификацию, изучить один или несколько иностранных языков, развить свои математические способности, стать физиком, химиком, биологом – приходите, приходите, приходите.

Главный наш враг скука! Будем бороться с ним общими силами.

Будущие врачи, будущие фигуристы и теннисисты, будущие чемпионы – лыжники и конькобежцы, прыгуны с трамплинов – приходите, приходите, приходите!

Кто любит джаз – приходите!»⁹¹

на бюро горкома. Клуб назвали “фашиствующим” и “лазейкой для врага”. А председателя – вот уж я не знал, что я председатель! – обвинили в том, что он увел молодежь города и области из-под контроля партии и комсомола.

А главное, мы пришлось кстати со своим клубом к так называемым “венгерским событиям”. Каждой области надо было – чтобы выдвинуться! – найти хоть какого-нибудь бунтовщика.

А тут и искать не надо: сам на рожон лезет. Кончился бы я той осенью... когда бы не узнал вовремя, что от заводов и фабрик, с окраин города, собирается молодежь к обкому – защищать меня. Послал мотоциклистов на заводы. И демонстрации, слава Богу, не было. А сам с другом Ваней Синицыным написал письмо в Москву и отослал с теми же мотоциклистами по четырем адресам: в ЦК КПСС, в ЦК ВЛКСМ, в “Правду” и в “Комсомольскую правду”⁹². Тогда и обратились к уже москвичу Окуджаве, а он – к Борису Панкину. Опять, как со школьным конфликтом Окуджавы, выручала «Комсомольская правда». Это была абсолютно узнаваемая история, «утро новое» обещало многое, в том числе и забытое старое.

«У Булата с Галкой (после гибели при родах дочки) 2 января 1954 года родился сын Игорь <...> Галка с мамой и двухмесячным Игорушей приехали (в Тбилиси. – *О. Р.*) из Калуги...»¹, а «через несколько месяцев»² Ирина Живописцева приезжала к сестре, к этому времени и относятся ее воспоминания о тамошнем житье Окуджавы: «...помнится широкая, привольная улица и за высоким забором крепкий одноэтажный дом, купленный хозяином, приехавшим из деревни. В этом доме небольшую комнатку, метров двенадцать, и снимал Булат. Условий для работы, можно сказать, никаких, так как рядом “в валенках по-воробьиному щебечет такой неизмеримо маленький, но очень нужный человечек” (стихотворение о сыне вошло в книгу “Лирика”. – *О. Р.*). А за стеной раздается постоянно, как рефрен, в адрес подросткового хозяйского дитяти: “Как дам... Вот как дам... Ну, дам!.. Ну и дам!”. “Дал бы один раз, чтобы потом все было тихо”, – говорил Булат, возмущаясь, не в состоянии сосредоточиться и работать»³. Тем же летом Окуджава ездил в Воронеж. Надежда Усова: «Булат жил тогда очень небогато, если не сказать, бедно. В Калуге, выйдя из вагона

поезда, он попросил у меня займы “хоть сколько-нибудь” денег, так как поездка в Воронеж оставила его без копейки»^{4*}.

В 1954 г. много всего случилось сразу: родился сын, вернулась мать, книга была рекомендована в печать, оказалось, что Калуга дает возможность литературных знакомств, а с другой стороны, забрезжила возможность воспользоваться ими уже в Москве.

Об Ашхен Степановне, из решения Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС от 4 марта 1955 г. – «отметить перерыв в ее партстаже с июля 1938 года по февраль 1955 года»⁵. По воспоминаниям Зураба Казбек-Казиева, «...ей дали двухкомнатную квартиру, рядом с домом совета министров, и она туда поселилась вместе с Витей <...> ее восстановили в партии, и здесь же ее направили как члена комиссии по реабилитации по всем остальным лагерям. Она ездила знакомиться с делами, потом рассказывала несколько курьезных вещей: столкнулась с делом какого-то профессора, которого долго допрашивали, чтобы он признался, что у него переписка с французами. Ну, видимо, били, потому что он написал: “Я действительно был в переписке”. “С кем именно?” “С Дюма-отцом и Дюма-сыном”. После этого получил 10 лет. Тупые люди, а она разобралась в этом деле. Уже было поздно»⁶.

Окуджава писал Илье Марьясину в 1994 г.: «...моя мама о Сталине не плакала, а когда он сдох, написала из ссылки: “Скоро мы увидимся”»⁷. О том, как он тогда воспринимал политические перемены, – в разговоре с Евгением Типикиным:

– И все-таки на власть вы не озлобились?

– Нет, потому что я понимал, что дело не во власти – я с ней еще не был в таких отношениях, – дело в отдельных людях.

* Где жил Окуджава в Калуге, точно сказать трудно. Из статьи С. Куровской: «Первая калужская квартира была в деревянном доме на ул. Красной (ул. М. Горького, 35), часть комнаты внаем, потом комната в Колхозном переулке, 25 (там дольше всего жил)»⁸. По крайней мере, там он жил, когда оформлял личный листок по учету кадров (2 октября 1953 г.) при поступлении на работу в 5-ю школу рабочей молодежи (указывая адрес, Окуджава сначала написал московский, где жила Маня Окуджава, на улице Вальной). Четыре адреса за четыре года: «Потом, уже ближе к отъезду, жил месяц или два с Никифором Ращектаевым (в те годы художник “Молодого ленинца”) и, наконец, около вокзала, на первом этаже нового дома, в коммунальной квартире дали ему комнату, но переселиться не успел, узнал, что родители реабилитированы и можно уехать в Москву, и уехал...»⁹

– А сегодня вы бы сказали, что дело в системе?
– Да.
– Но ваше мировоззрение изменилось не сразу?
– Постепенно. Резкого перехода не было. Еще когда учился в университете, прислушивался к умным людям, к шепоту умных людей. Хотя со многими не соглашался, но задумывался. Жизнь подсказывала: разобраться. Стал работать и увидел несоответствие громких лозунгов и подлинной жизни¹⁰.

Тбилисские кружки и аресты, разница между декларациями и буднями в школе и газете, но:

«– Тем не менее в партию вы вступали искренне...

– После XX съезда. Разоблачили Сталина. Я думал, что партия теперь будет настоящая, подлинная, в которую я с детства верил. Мне предложили вступить. Дескать теперь-то... Я работал в калужской областной комсомольской газете. Но через год-полтора я понял, что мало что изменилось. Однако уходить было нельзя. Иначе убили бы меня и семью. Ну не в буквальном смысле... Я жил двойной жизнью. Особенно мучился, когда служил. Когда чуть ли не три раза в неделю надо было быть на партсобраниях.

А когда стал вольным литератором, то в Союзе писателей это было уже совершенной формальностью. Мог даже не ходить на партсобрания, объясняя свое отсутствие творческой командировкой¹¹. Двойная жизнь – вероятно, это уже перед самым уходом «на вольные хлеба»¹² в 1962 г., самое начало 1960-х гг., но в 1955 г. вернулась мать, в 1956 г. был реабилитирован отец¹³, начинались перемены, это была партия его родителей, и к концу 1950-х гг. относится такое воспоминание Инны Лиснянской: «Мы сидим <...> И Булат с Колей (Панченко. – О. Р.) мне говорят: “Вступай в партию!” – “Да ты что, с ума сошел, разве можно к этим инвалидам идти!” – “А мы вступили!” Я говорю: да как, зачем? У меня не было иллюзий просто. Булат говорит: надо обновить партию изнутри. Да как можно обновить этот идиотизм изнутри!

– Он вступил в партию в 1955-м.

– Значит, это был где-то 1957–1958-й год. У меня не было иллюзий»¹⁴.

Во многих интервью Окуджава говорил, что вступил в партию после XX съезда, но в его учетной карточке, хранящейся в отделе творческих кадров Союза писателей, значится, что вступил он в партию в августе 1955 г.^{15*}, т. е. как раз в то время, к которому

* Ср. о том, что Окуджава «вступил в партию именно в “Молодом ленинце” в 1955 г., когда стало известно, что “арестовали неправильно»»¹⁶.

в «Приключениях секретного баптиста» относятся переезд в Москву, в действительности бывший на год позже, и приглашение к сотрудничеству:

– Вам приходилось встречаться с сотрудниками КГБ?

– Я недавно опубликовал повесть «Приключения секретного баптиста» – о том, как молодого человека вербуют в сексоты, а он отбивается.

– Я читал. Очень увлекательно. Но это же литературное произведение?

– Это обо мне. Слово в слово. Калуга, 1955 год¹⁷.

О том, как читали доклад Хрущева, – воспоминание Николая Панченко: «Ура! Лед тронулся – фильм Григория Чухрая. Сидим свои-не-свои и читаем вслух малиновую брошюрку – совершенно секретно! – с докладом Хрущева. И радуемся – все! – когда мальчишки валят гипсовых Сталиных с постаментов, натыканных по всему городу. И еще смешнее – все смеемся! – когда на постаментах остаются одни только узнаваемые сапоги»¹⁸.

Из интервью Окуджавы Юрию Зельникову:

– Вы уехали из Калуги в 56-м. Осенью, весной?

– Где-то в августе–сентябре*.

– То есть книга-то вышла раньше и вы получили ее в Калуге?

– Да, я получил ее в Калуге и даже гонорар за нее. (Смеется)¹⁹.

Вероятно, выхода книги Окуджава и дожидался, чтобы, наконец, уехать в Москву.

* * *

Уже в 1950-е гг. Окуджава стал приезжать на день рождения в Калугу (Сергей Васильчиков)²⁰; в 1960-е гг. он обычно отмечал день рождения с Павлом Типикиным, а до Перемышля заезжал в Калугу и приходил в редакцию²¹ (Татьяна Михайловна Пыжикова, прежде сотрудница «Молодого ленинца», затем – «Знамени»). Другой сотрудник газеты в ноябре 1967 г. опубликовал отчет о вы-

* На август–сентябрь указывает и Д.П. Гурджи: «Уехал из Калуги в августе–сентябре 1956 года уже состоявшимся поэтом: 14 июня 1956 г. вышел первый сборник его стихов “Лирика” (книга подписана в печать 24 мая 1956 года. – О. Р.).

Отъезд в Москву стал возможен после смерти Сталина, когда сняли ограничение сто первым километром»²².

ступлении Окуджавы: «И вот Булат Окуджава приехал в Калугу. Пришел в редакцию. Очень долго рассказывал в этот вечер Булат Окуджава о своих поездках за границу, по Советскому Союзу. Подробно рассказал о конкурсе поэтов 16 стран в Югославии, где он был вместе с Сергеем Наровчатовым, Михаилом Лукониным, Юрием Левитанским. На этом конкурсе Б. Окуджава завоевал первый приз “Золотой венец”.

На встрече с молодыми журналистами он ответил на множество вопросов и, конечно, прочитал стихи, спел несколько недавно написанных песен»²³.

«Золотой венец» 1967 г. – второй по счету. Впервые он присуждался в 1966 г., и получил его Роберт Рождественский, а впоследствии он будет присужден Одну (1971), Неруде (1972), Альберти (1978), Вознесенскому (1984), Бродскому (1991), Айги (1993), Хьюзу (1994). Окуджава получил его за стихотворение «Оловянный солдатик моего сына» (посвящено «Игорю»):

Земля гудит под соловьями,
под майским нежится дождем,
а вот солдатик оловянный
на вечный подвиг осужден.

Его, наверно, грустный мастер
пустил по свету невзлюбя.
Спроси солдатика: «Ты счастлив?»
И он прицелится в тебя²⁴.

«Ты счастлив?», «Тебе не страшно?», «Тебе не больно?» – у Окуджавы острота мучительного переживания обычно, с одной стороны, завуалирована, а с другой стороны, именно подчеркнута неброскостью слова. Несчастлив, страшно и больно – об этом стихотворение, которое в 1990-е гг. он регулярно читал на вечерах, отбирая его среди других именно стихов, не песен, написанных за последние 30 лет:

Он ждет упрямо и пристрастно,
когда накинется трубя...
Спроси его: «Тебе не страшно?»
И он прицелится в тебя.

<...>

Живет защитник мой, неволью
сигнал к сраженью торопя.
Спроси его: «Тебе не больно?»
И он прицелится в тебя²⁵.

Видимо, в тот же приезд – тогда как раз вышел фильм «Женя, Женечка и “Катюша”», для которого Окуджава писал сценарий вместе с Владимиром Мотылем, переделывая раскритикованного «Школяра», который явно в ближайшее время опубликован не будет, – была встреча с Окуджавой в калужском клубе книголюбов, где его спрашивали о работе с Владимиром Мотылем, о том, к чему придирались, что вырезали, и ему было приятно, что интересуются его, как сказала Татьяна Пыжикова, «диссидентской» жизнью (приезжал он вместе с Владимиром Максимовым)²⁶. Уже было несколько рецензий: положительные отзывы А. Хмелика²⁷ и С. Нефедовой²⁸ и резкий – Ф. Марковой²⁹, задевший Окуджаву настолько, что он написал ответ, тоже достаточно острый^{30*} – к тому моменту, правда, еще не вышедший, так что калужанам как раз и достались, вероятно, все подробности.

В 1977 г. Окуджава был в Калуге на двадцатипятилетии «Молодого ленинца» (в архиве С.А. Васильчикова сохранилась фотография, на которой, кроме Окуджавы, сняты сам Сергей Александрович, Роза Матвеева, Александр Авдонин), а в 1980 г. – уже на 60-летию (!) газеты (может быть, «Молодой ленинец» наследовал какой-то другой газете? Или ошибка – как и в случае с «долгой разлукой»?): «Его приезд после долгой разлуки с Калугой случился на 60-летний юбилей “Молодого ленинца”, в 1980 году. Это было для нас и радостью, и... стыдом. Всех ветеранов газеты пригласили в президиум, но не Окуджаву. Он слыл среди высшего эшелона партаппарата человеком опасным и дерзким!»³¹ Что его не пустили в президиум, запомнилось многим: его пригласили в числе других бывших сотрудников газеты, но на это нужно было разрешение обкома партии, которое было получено с большим трудом и именно при условии, что в президиуме он сидеть не будет³². Были застолье, гитара, магнитофон, Окуджава пел много, и даже новые песни. А через некоторое время просто так зашел в редакцию, неожиданно. Это были майские праздники, и он ехал к Павлу Ивановичу Типикину. Устроили чаепитие, собрались люди, и Окуджава опять пел новые песни,

* Окуджава выступал тогда еще в клубе машиностроительного завода³³.

** Был опубликован ответ Ф. Марковой на письмо Окуджавы. Через три недели после публикации этих писем вышел еще один, очень неоднозначный, отзыв на фильм: *Зоркий А.* Об инфантилизме, Саше-Сашеньке, Жене и Женечке... // Московский комсомолец. 1967. 20 дек. А в следующем году появился еще один отрицательный отзыв: *Блейман М.* Просчет // Искусство кино. 1968. № 2. С. 54–55.

а потом в чем-то кабинете сели на пол, и он рассказывал об Америке, о Евтушенко, о Вознесенском, о только что уехавшем Аксенове. Редактор газеты ушел домой, но постоянно звонил на вахту узнать – не разошлись ли? И чтобы никого не подводить, перешли к Окуджаве в гостиницу³⁴.

В тот приезд в 1980 г. в газету Окуджавы зашел и в 5-ю школу, также готовившуюся к юбилею. Н.Ф. Симонов: «Думали, что Окуджавы Б.Ш. забыл о нас, о нашей школе, однако мы ошибались. Встреча учителей школы с ним состоялась почти 30 лет спустя, накануне празднования 120-летия юбилея школы в 1981 году (ошибка. – О. Р.). Пришел он тогда в школу вместе со своим сыном – учеником 9 класса <...> Вторая встреча состоялась, спустя несколько месяцев на праздновании юбилея школы. Булат Шалвович приехал к нам на один час, будучи нездоровым на собственной машине в ненастную погоду. В третий раз я его встретил в июне 1983 года в Полотняном заводе на пушкинском празднике, куда он специально приезжал. На сей раз встреча была короткой, но тем не менее мы договорились о встрече в Калуге на 125-летнем юбилее школы. Булат Шалвович дал мне свой адрес и очень просил своевременно (месяца за два) напомнить ему о нашей предстоящей встрече»³⁵ (запись датирована 11 декабря 1983 г.).

Пушкинские праздники в Полотняном Заводе организовывал С.А. Васильчиков, проходили они ежегодно начиная с 1979, юбилейного, года. Окуджавы приезжал только однажды, на V областной Пушкинский праздник поэзии³⁶ (4 июня 1983 г.), другие мероприятия были в самой Калуге 4–7 июня. В альбоме фотографий С.А. Васильчикова, который вел праздник, вклеена записка рукой Окуджавы: «Сереза, выпусти меня, истомился. Булат»³⁷, рядом с запиской – фотография выступающего Окуджавы³⁸.

О той поездке – Зураб Казбек-Казиев: «Я вот помню, что однажды мы ехали в Калугу вдвоем в связи с пушкинскими днями. <...> Полотняный завод почему-то решил отмечать пушкинские дни <...> Булата пригласили, он меня взял с собой за компанию. Приехало много народу, все говорят: “С праздником!”. С каким праздником? <...> Там была компания, где-то пошли позавтракали, они его хорошо помнили, потом они все читали стихи свои, Булат в том числе, у меня есть фотографии, я был в качестве фотокорреспондента личного. 2 или 3 дня кутнули. И там у него много друзей, они были в очень хороших отношениях...»³⁹

Тамара Манкевич: на все юбилеи школы, на которые его приглашали, Окуджавы приезжал – в 1980, 1985, 1990 гг., а в 1995 г. болел. В 1980 г. «потихонечку уехал», чтобы никто не провожал. В ее архиве сохранились фотографии школьных

юбилеев, на одной из них – Ольга Владимировна Окуджава, Александр Георгиевич Большинов, 1985 г.⁴⁰, рядом – коллаж, 28 ноября 1985 г. на 125-летие школы Окуджава поет «Грузинскую песню»⁴¹. Последний его приезд в школу – на 130-летие, 1–2 декабря 1990 г.⁴²

Зураб Казбек-Казиев – о днях рождения: «Мы уезжали все вместе, и его день рождения справляли в Калуге. Раза три в гостинице снимали номера и ехали довольно большой компанией, было человек 10. В Москве брали с собой холодильник, и там, значит, мы проводили 3–4 дня, 5, ну, постольку поскольку праздники. Ходили по городу, ездили туда в Шамордино, ну, и так далее»⁴³. Это были не юбилейные даты, «просто ежегодные»⁴⁴. Ездили «регулярно», поездки «были в разные места, по большей части, туда. <...> Однажды мы ездили в Суздаль, куда придется, в общем. В основном мы делали шашлыки...»⁴⁵ В Калуге было уютно, непафосно, там можно было спрятаться от «деньрожденных» московских торжеств.

XXII
Первая книга: «Лирика»

В 1985 г. Окуджава рассказывал о своей первой книге: «И вышла, наконец, маленькая книжечка очень плохих стихов, потому что я писал – ну о чем я мог? – я писал стихи в газету к праздникам и ко всем временам года. Значит: весна – стихотворение, зима – стихотворение, по известным шаблонам»¹. Два года прошли от рекомендации к печати до печати – годы, когда столько всего перекраивалось, ломалось, иначе виделось, когда велись споры о теории бесконфликтности*, о шаблонах**,

* Так, на II съезде советских писателей критике подверглась «теория бесконфликтности», которую отстаивали И. Рябов и А. Эльяшевич².

** См.: *Померанцев В.* Об искренности в литературе // *Новый мир.* 1953. № 12. С. 218–245. Дискуссия по поводу статьи Померанцева: *Василевский В.* С неверных позиций // *Литературная газета.* 1954. 30 янв.; *Рюриков Б.* О богатстве искусства // *Литературная газета.* 1954. 20 марта.

о лакировке действительности*, о лирике**, когда шла борьба с бытовизмом, обывательщиной, сентиментальностью, когда литераторы самых разных поколений искали и пробовали новые возможности и темы.

«Острова» (1959), «Веселый барабанщик» (1964), «Март великодушный» (1967), «Арбат, мой Арбат» (1976) – более поздние сборники стихов Окуджавы всегда будут отсылать читателя к какому-то образу.

«Арбат, мой Арбат». Читатель понимает: да, это книжка Окуджавы, может быть, с новыми стихами, но это тот Окуджава, которого я ожидаю в книжке увидеть. Это его тема – Арбат, и понятно, почему так называется книжка, вышедшая в годы, когда обсуждается реконструкция Арбата, т. е. уничтожение. Уничтожение улицы, прошлого, личная история, малая родина – да, это Окуджава.

«Март великодушный»: да, это книжка Окуджавы, название позитивно-весеннее, а содержание грустно-ироничное:

...Лес не кончается.
И под его рукой
лесник качается,
как лист послушный...
Зачем отчаиваться,
мой дорогой?
Март намечается
великодушный!³

«Веселый барабанщик»: узнаваемая, привычная символика, но достаточно найти стихотворение, давшее название сборнику, чтобы понять – это не о барабанщике, это об одиночестве и непонимании. Значит, и в другие стихи надо вчитываться, разглядывая их настоящий контекст и подтекст.

* См.: *Карсев Ю.* Против перестраховки в литературной критике // Литературная газета. 1953. 22 авг.; *Чуковская Л.* Чувство жизненной правды // Литературная газета. 1954. 24 дек. Лакировка действительности резко осуждалась на партийном собрании московских писателей 17 октября 1953⁴.

** См.: *Берггольц О.* Разговор о лирике // Литературная газета. 1953. 16 апр. В статье речь идет о возвращении понятия «лирический герой», о необходимости большей субъективности и искренности в лирике. Также статья о праве поэта на самовыражение: *Она же.* Против ликвидации лирики // Там же. 1954. 28 окт.

Эта книжка об отношениях, о личном – так расшифрует читатель название «Остров», если найдет стихотворение с этим самым словом:

Глаза – неведомые острова
лугов зеленых,
тобою населенных⁵.

А к чему отсылает название «Лирика», самой первой книги, которая должна заявить об авторе?

Название очень нейтральное, сообщающее, что в книжке публикуются стихи. С другой стороны, на фоне публиковавшихся тогда сборников – декларативное: читателя предупреждают, что речь пойдет о личном. И наконец, отсылка к важному для Окуджавы образцам – к альманаху «Лирика», где в 1913 г. были впервые опубликованы стихи Пастернака.

Ольга Владимировна Окуджава однажды сказала, что прозу, когда она шла в печать, Окуджава вычитывал тщательней, чем стихи. Может быть, потому, что интонацию в прозе слишком легко исказить (особенно редактору). Может быть, дело в том, что стихи, а особенно песни, существовали и в печатном варианте, и в записях, и публикация не была единственным способом общения с читателем. В любом случае сборники свои Окуджава тоже составлял достаточно внимательно, придавая, правда, не такое большое значение тому, идут ли стихи в хронологическом порядке, правильно ли они датированы, если датированы. Книга имела свой внутренний сюжет, а точнее – свое настроение. Она должна была читаться.

Первая же книга Окуджавы построена предельно четко, все очень продумано, все на своем месте.

«Рамку» создают «Ленин» и «Весна в октябре» – стихотворение, которым открывается книга, и поэма, ее завершающая. Правила, которые необходимо соблюдать, – и, тем не менее, не только правила. В 1992 г. на вопрос корреспондента «Вам вообще когда-нибудь приходилось писать “из-под палки”?» Окуджава ответил: «Нет, никогда. Я всегда писал искренне, всегда верил в то, что писал. Есть у меня, скажем, стихотворение о Ленине – я его написал в молодые годы и совершенно искренне, безо всякого нажима – сам, по собственному желанию – так, как все это ощущал тогда»⁶.

Ленин у Окуджавы:

...Выходит навстречу
всегда аккуратен и собран,
невысокого роста, приветлив
и скромно одет...⁷

Ленин, по-домашнему пьющий чай и разговаривающий на бытовые темы, – не новый для 1950-х гг. образ. Таким, «простым и любимым», его и изображали. У Зощенко в «Рассказах о Ленине» (1939): «...очень уж он простой и добрый»; «Идёт пешком. Скромный такой. В своём чёрном осеннем пальто и кепке»; «И все смотрят на товарища Ленина и думают: “Это великий человек! Но какой он скромный!”»⁸ Чаепитие у Ленина есть в одноименных произведениях – «Ленин и печник» – Зощенко (1939) и Твардовского (1938–1940). Но простота у Окуджавы – и ключевая тема, и ключевое свойство поэтики. Простота женщины, Афродиты, простота Ленина – все это свойства, которые уже очень скоро станут знаком Окуджавы.

Просты и красноармейцы из поэмы:

Был вид тех людей
повседневно обычен.
Те люди
лавровых венков не носили.
Их внешность совсем
не блистала величием,
величием
новых хозяев России⁹.

Красноармейцы, участники Гражданской войны – все это по-новому звучало, когда происходила реабилитация родителей Окуджавы, и в юридическом, и в неюридическом смыслах. Шаблон и внутри него собственное содержание – вот «рамка» «Лирики».

После стихотворения о Ленине подряд идут десять стихов, посвященных войне, – почти половина книги. Окуджава сразу определяет себя как поэта военного поколения: «В ногу, поколение моё»¹⁰ – последняя строка стихотворения «Здравствуй, жизнь!», открывающего подборку стихов о войне. Поколение Отечественной войны, наследующее поколению войны Гражданской, – это тоже понятная и узнаваемая тема в середине 1950-х гг. Может быть, еще найдутся в чьем-нибудь архиве более ранние стихи Окуджавы о войне, но пока – это первая его подборка на тему войны (помимо самых первых публикаций 1945 г.).

В середине сборника помещены два стихотворения, обращенных к сыну: стихи о новом поколении, о детях, которым «невдомёк», что их отцы «несли солдатскую службу»¹¹. Новая жизнь как рассвет, весна, начало дороги, смена поколений – вот тема «Лирики», поэтому в следующих трех стихотворениях говорится

о весне («Зима отмела, отсугробилась...», «Апрель») и рассвете («В лесу»). Двум стихам о весне соответствуют два стихотворения об осени («Листва багряная – осенние цветы»; «Стоят леса опутаны осенней желтизной»), помещенные после стихов о Пушкине, в которых речь идет о смерти и бессмертии, и стихов о новой жизни страны – Франции («Моя Франция») и Германии («Гейне»). Последние два стихотворения перед поэмой – о дороге.

Образ дороги, которая есть движение «по жизни»¹², для книги стержневой. И вторая «рамка», внутри той, главной, – стихотворения, идущие после «Ленина» («Здравствуй, жизнь!») и перед заключительной поэмой («Ты веди нас по жизни строго, / жаркой молодости дорога...»). Ключевые слова – уже в названиях и в самих стихах: «жизнь», «молодость», «поколение», «дорога», «весна», «осень». Книга выстроена так, чтобы был виден путь от пасмурной осени к цветущей весне**. «Здравствуй, жизнь!» начинается словами:

Словно непогодю *осенней*^{***},
обнимали робкие соседи...¹³

«Ты веди нас по жизни строго...» заканчивается строкой о весне:

Если ж скрученные печалью
вдруг опустятся два крыла,
и привычная за плечами
станет молодость тяжела...

* В стихотворении «Здравствуй, жизнь!»: «Что ж тебе спокойно не живётся? / Жизни молодой не жалко вроде...»¹⁴; «И коротка немного / жизни человеческой дорога»¹⁵; в стихотворении «Ты веди нас по жизни строго, / жаркой молодости дорога» эти слова звучат уже в первых строках¹⁶.

** См. многочисленные упоминания осени и весны: «Вдыхает земля сквозь гарь и смрад / весны крутой аромат...»¹⁷; «Но так устроено уже: / не сохнет лист весенний...»¹⁸; «К нам в окна вновь, врываясь, плещет / Уж которая весна...»¹⁹; «А весна, как всегда, журавлями прокличет, / Позовёт за собою весна...»²⁰; «...в окна смотрятся добрые звёзды весенние...»²¹; «Травы, ещё не проросшие, / поит весна ручьями»²²; «Чтоб по-весеннему одетым...»²³; «Сквозь трещины в ржавом металле / Весенняя зелень текла...»²⁴; «Но я за осенней мглой / вижу тебя другой...»²⁵; «Листва багряная – осенние цветы»²⁶; «Стоят леса опутаны / Осенней желтизной...»²⁷; «Гудели костры / под ветрами осенними...»²⁸

*** Курсив в цитатах мой. – О. Р.

<...>

Пусть случится это в дороге,
и весна пусть проводит нас²⁹.

Книга о жизни, которая «не сдалась, не пропала в дыму»³⁰: новая жизнь страны, начавшаяся «весной в октябре»³¹, новая жизнь страны, начавшаяся с «оттепелью», новая жизнь героя, уцелевшего на войне, новая жизнь, начавшаяся, когда вернулись седые женщины – вернулись молодыми.

Женских образов в «Лирике» почти нет, но есть история молоденькой вдовы («Вдова»), которая

...Совсем подросток
звалась соломенной вдовой,
сперва – соломенной вдовой,
потом – вдовою просто.

<...>

Лежит в шкатулке медальон
убитого солдата.
Давно в гражданке батальон,
где он служил когда-то³².

Сразу после стихотворения о вдовах – стихотворение, которое становится яснее, если предположить, что оно – о вернувшейся маме, тоже вдове:

К нам в окна вновь, врываясь, плещет
Уже которая весна,
А у тебя морщинки резче,
И все заметней седина.
И ты выходишь, чуть робея,
Упрятав грусть, умерив шаг,
Как будто вас с весной обеих
Нельзя и сравнивать никак,
Как будто невозвратно давни
Твои недавние года...³³

Не упоминание, конечно, – намек на лагерь. Эта робкая походка, старание выглядеть незаметно – то, какой позже, в 1985 г., после смерти мамы, Окуджава опишет ее в «Девушке моей мечты». Она здесь не названа в отличие от более поздних стихов, обращенных к ней («Новое утро», «Настоящих людей так немного!...», «Письмо к маме»). Но о ком еще это может быть – «седина»,

не случалось со мною –
Все такое простое,
все настолько земное...⁴³
Мореходы бедуют в океанах ночами...

«Простое», «земное» максимально далеки от «героического», они-то потом и станут темой Окуджавы, обретут свою оправданность и естественность, когда «героическое» отпадет вовсе. А в «Лирике» военный опыт еще обязательно должен быть героическим, боевым, может быть, это очень бытовой героизм, но он должен быть – иначе о чем будет стихотворение? Героизм, вырастающий из будней, – это тоже очень привычно для советской литературы военных и послевоенных лет:

Лишь когда пароходы,
накричавшись, отчалият,
Я вернусь переулком,
погруженным в молчанье,
И тогда мне припомнится
внезапно такое
Пустяковое облачко
немецкой шрапнели,
И меня санитары
выносят из боя
На моей,
продырявленной смертью,
шинели⁴⁴.

«Именно рассказывая о войне, я обнаружил в себе способность к самовыражению»⁴⁵, – формулировка 1984 г. Что еще в «Лирике», кроме завуалированного обращения к матери, стихов о войне, появившейся темы вины, – темы, значимые для Окуджавы впоследствии? Стихи о поэте и поэзии. О себе как о поэте здесь ничего нет, но три стихотворения посвящены поэтам: два – Пушкину («За Черной речкой», «Бессмертье») и одно – Гейне («Гейне»)*.

«За Чёрной речкой» и «Бессмертье» идут одно за другим, повторяя структуру книги в целом: в первом описана ночь⁴⁶, во втором упоминается рассвет⁴⁷, в первом говорится о смерти, во втором – о бессмертье.

* Слова Окуджавы о том, что он «писал стихи в газету к праздникам», в первую очередь могут быть отнесены к стихотворениям «Бессмертье» (впервые опубликовано в годовщину смерти Пушкина) и «Гейне» (опубликовано в год столетия смерти Гейне)⁴⁸.

Пушкин хрестоматийно дан в противостоянии со светом:

Была ли им вражда известна,
Вражда – преддверие беды?
И не к дворцовым ли подъездам
Тянулись той вражды следы?..

А в тех дворцах балы кипели,
Лилась мазурка по рядам.
Там было славное веселье...⁴⁹

Конфликт творческого человека с обществом – и в поэме о Циолковском, та же лексика, схожие образы, тоже дуэль, «злоба врагов», «тропа» – «единая», видимо, для всех творческих людей, не зарастающая, «незаросшая»⁵⁰:

...Меня,
человека сегодняшней выправки,
поэзия в мир тот
на миг завела.
Мы с ним повстречались
в далеком «когда-то»,
как будто влекло нас
тропую единой,
как будто свидетелем
и секундантом
я был приглашен
на его поединок.

<...>

Враги...
Беспощадная дикая стая.
Он с детства знаком был
с их злобой и спесью⁵¹.

Здесь же рядом – романтическая тема непонимания яркого, творческого человека, романтическая же раздвоенность, которая очень скоро сменит дидактические антитезы вроде «весна – осень», «прошлое – будущее»:

В нас с рождения поровну
и любви, и отчаянья,
как на этой планете
и зноя, и стужи⁵².
Мореходы бедуют в океанах ночами...

Множественность дорог и необходимость выбора – еще одна (уже через несколько лет) ключевая тема Окуджавы:

Но только достигнешь порога,
войдешь в незабываемый мирок,
другая поманит дорога,
а мало ли в жизни дорог⁵³.

Полжизни промчалось в походах...

В 1984 г. в интервью «Литературной России», вышедшем в годовщину смерти Пушкина, за несколько месяцев до собственного юбилея, на котором ему вручат потрясающий подарок – самодельное собрание сочинений, Окуджава сказал: «Честно говоря, ту самую первую книгу я началом не считаю: ее составили ранние стихи, не характерные для меня. Фактически же моя первая книга – сборник “Острова”, вышедший в конце 1959 года в “Советском писателе”; в “Островах” я уже был тем, каким остался до сегодняшнего дня»⁵⁴. «Лирика» действительно очень не похожа на более поздние сборники Окуджавы, так же как и разные другие его стихи, написанные до нее. В одной из рецензий на книгу Окуджавы в «Библиотеке поэта» 2001 г. была фраза о том, что Окуджава не выдержал испытания полным собранием сочинений. Он и сам прекрасно знал, что ранние стихи его компрометируют, и обретенный на рубеже 1956–1957 гг. язык изображал иногда как чудо: что-то открылось. А на самом деле это был долгий путь создания себя, поиска тем, средств выразительности – долго оттачиваемое мастерство.

В «Подозрительном инструменте» Наровчатов – единственный в Москве поэт, знакомый Окуджаве (т. е. герою его автобиографической прозы). Но круг поэтических знакомств появился сразу, когда, приехав из Калуги, осенью 1956 г. Окуджаву пришел в «Магистраль», возможно, самое известное из примерно 20 лит-объединений, существовавших в Москве в конце 1950-х гг.

«Магистраль» – потому и получившая свое название – создавалась при Центральном доме культуры железнодорожников. Инна Миронер, жена основателя «Магистральной», поэта, переводчика, критика Григория Михайловича Левина (1917–1994): «В один прекрасный день директор библиотеки ЦДКЖ Юрасов и заместитель директора Евгеньев отправили открытку Григорию Михайловичу, где написали, что они хотели бы основать кружок (сначала это называлось “литературный кружок”, потом стало называться литературным объединением) в библиотеке ЦДКЖ, которым руководил бы Григорий Михайлович Левин. Он, очень польщенный этим, согласился. <...> из своего кружка пионеров двух талантливых поэтов – Гиленко и Забелышинского – Григо-

рий Михайлович пригласил в “Магистраль”, потом туда поступили Яков Белинский и Виктор Маршак»¹.

Первое занятие состоялось 26 ноября 1946 г., к тому времени, когда Окуджава пришел в «Магистраль», она существовала уже 10 лет, несмотря на то что имела довольно опосредованное отношение к железной дороге: «От него (Левина. – О. Р.) требовали, чтобы он всегда набирал железнодорожников, поэтому все, кто мог, искали какое-то родство <...> В последние годы мы имели много неприятностей в связи с тем, что Булат не был ни с какой стороны ни железнодорожником, ни родственником железнодорожника. Такой же был Володя Леонович, а заместитель директора ЦДКЖ их отчислил из-за этого»². Левин был уволен, «но в основном – в связи с тем, что читались довольно свободолюбивые вещи. И он тут же перешел руководить объединением в институт ВИНТИ, которое потом из-за этого должно было называться “Новая магистраль”»³. Примерно в это время, на рубеже 1950–1960-х гг., Окуджава, который, по мнению Инны Миронер, года три ходил на занятия «Магистрالي», перестал их посещать: она свою роль плацдарма в литературу выполнила, уступив в 1959 г. это место «Литературной газете», где работали, публиковались Лазарь Лазарев, Бенедикт Сарнов, Станислав Рассадин, Наум Коржавин.

«Магистраль» давала многое, прежде всего – среду. Владимир Войнович: «Когда я начинал, то там где жил, никаких литературных клубов не было, но когда приехал в Москву, это было в 56-м году, то попал в литературное объединение “Магистраль”, которым руководил Григорий Михайлович Левин. Кстати, в нем выросло довольно много известных писателей, например Булат Окуджава... <...> Я приехал из провинции, мне было важно “вариться” в какой-то литературной среде. Литературное объединение и давало мне эту среду. Кроме того – это тоже было очень важно – я там слушал своих ровесников... Мы же все время там читали и обсуждали стихи. Я слушал обсуждения и часто то, что я слышал, мне не нравилось, то, что говорили на обсуждениях, мне тоже не нравилось. Я думал “надо не так, а так...” Понимаете, это мне помогало! Даже мое отрицательное отношение к тому, что я видел и слышал, тоже помогало мне саморазвиваться»⁴.

Кроме среды – сам Левин: «Когда об этом было запрещено говорить и люди просто даже не знали этих поэтов, Григорий Михайлович читал лекции и рассказывал своим ученикам о жизни и творчестве Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама. Он читал целый цикл лекций о советских поэтах – участниках Отечественной Войны. Надо сказать, что, будучи до-

военным харьковчанином, Григорий Михайлович очень дружил в Харькове с Борисом Слуцким и Мишей Кульчицким <...> Был цикл лекций “Русская поэзия 1920-х годов”, потом был цикл лекций “Советская поэзия во время Великой Отечественной Войны” и бывало, что иногда Григорий Михайлович повторял, особенно вторую, когда был какой-то юбилей Великой Отечественной Войны, рассказывал о Слуцком <...> Вообще “Магистраль” была построена не только на том, что люди читали и обсуждали свои стихи. <...> приходили очень многие поэты и прозаики, они читали свои стихи, прозу. Потом были лекции, были какие-то диспуты и были разные, очень интересные, формы работы»⁵.

Среди «магистральцев» были Александр Аронов, Евгений Храмов, Нина Бялосинская, Наталья Астафьева, Эльмира Котляр, Владимир Леонович, Валерий Краско, Алла Стройло, Зинаида Миркина, Елена Аксельрод, Павел Хмара, Владимир Леванский. Выступали гости: и маститые авторы, которых тоже обсуждали (Эренбург, Светлов, Петровых, Антокольский, Тарковский), и молодые тогда поэты (Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рейн): «Почти на каждое (занятие. – О. Р.) Григорий Михайлович приводил с собой кого-нибудь из друзей-поэтов. У кого-то вышла новая книжка, кто-то собирался сдать в издательство новую рукопись и приходил прочитать ее на публике, выслушать мнения квалифицированных людей. <...> Каждое занятие в “Магистрале” превращалось в прекрасный литературный вечер...»⁶

Поздравляя Левина с шестидесятилетием, Арсений Тарковский писал ему 20 декабря 1977 г.: «Я знаю, что поэзии научить никого нельзя, но, руководя таким сообществом молодых литераторов, как “Магистраль”, и обладая Вашим поэтическим даром и педагогическим мастерством, можно создать атмосферу понимания и взаимной чуткости, столь нужную начинающим авторам, можно оградить их художественное чутье от губительного влияния дурной литературы и, пропагандируя лучшее, что подарила нам высокая литература, помочь отыскать литературным попыткам единственное надежное русло. Я бывал на Ваших занятиях в “Магистрале” и помню то сильное впечатление, которое на меня произвели Ваши глубокие и значительные оценки творчества Ваших учеников. Я помню, как они судили и мою скромную поэзию. Под Вашим воздействием высказывания их – особенно критические – были вполне обоснованны и безошибочны»⁷.

В других поздравительных письмах и телеграммах Левина не единожды называют «талантливым педагогом», человеком, влюбленным в литературу, искренним поэтом, «страстным про-

пагандистом поэзии», «рыцарем поэзии». «Он на Булата определенное положительное влияние оказал», – Зураб Казбек-Казиев имел в виду, вероятно, созданную Левиным средой⁸. М. Садовскому, принесшему в начале 1960-х гг. в «Литературную газету» свои стихи, Окуджава дал такой совет: «Вам нужна литературная среда, там, у Гриши, вы многое поймете»⁹.

Дмитрий Сухарев: «Фактически это был главный столичный литературный клуб. Где бы запел свои песни Булат, если бы не было “Магистралаи”?»¹⁰ И уже про 1960-е гг., Зоя Шишкова: «Там, благодаря Григорию Михайловичу, мы впервые услышали и увидели живого Окуджаву...»¹¹

Виктору Забельшинскому, одному из первых «магистральцев», посвящено стихотворение Окуджавы, помещенное им в последнем избранном в самый конец раздела «Шестидесятые»:

Долго гордая упряжка
через жизнь меня везла,
и счастливая ромашка
на пути моем росла¹².

Опять десятилетней разницы оказывается достаточно, чтобы оценить и описать себя тогдашнего:

Ехал я, еще не старый,
якоря свои рубя,
и какие-то гитары
предлагали мне себя¹³.

И будущее, которое к концу 1960-х гг. уже отчасти сбывшееся настоящее:

Всё потом: и сожаленье,
что не выпало посметь,
и везенье, и прозренье,
и раскаянье, и смерть¹⁴.

А началось все с разгрома – так же точно, как 12 лет назад у Крейтана: «Затем я с этой маленькой книжечкой («Лирикой». – О. Р.) переехал в Москву снова и попал в одно литературное объединение, где были моего возраста молодые люди, очень крепко подготовленные, которые в то время уже писали прекрасные стихи. Но не опубликовали еще ни одной строчки, потому что это не так просто. А я разговаривал с ними снисходительно, потому

что я – автор книжки. Потом они устроили мое обсуждение и на этом обсуждении начали меня бить. Сначала я подумал, что они от зависти, но очень быстро я понял, что я этого заслуживаю. Потом я обиделся на себя самого: года полтора я не писал ничего, мучился очень. Но потом природа взяла свое, и я снова стал писать, но уже иначе совсем. Многое поняв»¹⁵. Действительно, критиковали: «Он уже выпустил книгу. Но когда он стал читать, несколько свысока, стихи из этой книги на “Магистраль” – он об этом писал, – то обсуждение было весьма критическое. Что он и написал, что его очень плохо обсудили. И он был на грани того, что его не примут (в “Магистраль”. – О. Р.). Но я сказала в обсуждении, что все-таки в стихах Окуджавы есть магическое что-то, что позволяет его принять <...> После этого чтения его приняли»¹⁶.

Рассказывая в 1980-е гг. на вечерах о наиболее значимых событиях своей жизни, говоря о родителях, арбатском детстве, войне, учебе в Тбилисском университете, о работе в сельской и калужской школах, а позже – в «Литературной газете», Окуджава подчеркивал, что было время, когда он стихов не писал, был перерыв, после которого появились «иные» стихи: «год», «полтора», «несколько лет». Между его приходом в «Магистраль» и первыми московскими песнями, которые датируются уже концом 1956 г., самое большое – месяца два*. Но этот перерыв был ему зачем-то нужен – видимо, для того, чтобы подчеркнуть: все настоящее началось с московских первых песен, все, что было раньше, – не в счет.

* * *

«Есть такое определение: “песни протеста”. Вам, наверное, странным покажется, но мои первые песенки родились действительно из чувства протеста. Когда судьба навсегда разлучила меня с отцом и на долгие годы с мамой, началась у меня двадцатилетняя полоса скитаний: жизнь у моей тети, потом война, потом учеба в Тбилисском университете, потом учительство в деревне Шамордино под Калугой... И, вернувшись наконец в Москву, я захотел написать об этом, причем именно в форме песни»¹⁷. Требовали осмысления без малого двадцать лет – именно в это, совершенно потрясающее, новое время.

* См. критический разбор этой версии в: *Крылов А.Е. Размышления о самоиронии, корректности цитирования, агглютинации и конфабуляции, или О том, как и когда молодые поэты «били» Окуджаву // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2009. С. 234–305.*

Завершился круг, Окуджава вернулся в Москву. И поэтому первые песни – о ней, об Арбате: «Сочинял я какие-то незамысловатые песенки еще в сороковые годы, а тут вдруг пошло-поехало, одна песня за другой: про Леньку Королева, “Часовые любви”, “Последний троллейбус”, “Арбат, мой Арбат”. На всех углах тогда гремели бодряческие мелодии – “Москва-красавица”, “мосты над твоей рекой”, всякие марши и гимны, рассчитанные на толпу. А мы собирались с друзьями узким кружком, считали раны и думали, как жить дальше. И мне захотелось поговорить с ними песней – чтобы они, мои любимые друзья, радостно закивали головами и приняли эти мои слова как наши общие сокровенные размышления, и не только о Москве, нашей Москве...

Тогда же я написал стихи, которые долго не мог напечатать:

О чем ты успел передумать,
отец расстрелянный мой,
когда я шагнул с гитарой,
растерянный, но живой?
Как будто шагнул я со сцены
в полночный московский уют,
где старым арбатским ребятам
бесплатно судьбу раздают...»¹⁸

О матери Окуджава писал еще в 1942 г. и позже, в первой книжке, – но теперь наконец о 1930-х гг. заговорили все. «У меня большинство стихотворений и песен – военного плана...»¹⁹ – скажет Окуджава уже в 1962 г., но самые первые его московские песни были не о 1930-х гг. и не о войне.

Первой московской песней во многих интервью Окуджава называет песню о Ваньке Морозове: «“А что за стихотворение было спето на первые три аккорда?” – “Сейчас я уже плохо помню, но мне кажется, что это был “Ванька Морозов”* <...> Потом к песням я стал относиться профессиональней, серьезней. Я помню, например, как нескольким своим друзьям я на улице, у метро “Краснопресненская”, – это в конце 56 года (зима, декабрь, а мы стоим, уже пора расходиться) – читаю строчки “Последнего трол-

* Ср. в других интервью: «В 1956 году один из моих друзей случайно показал мне три аккорда на гитаре. Я попробовал, мне понравилось. И тут же я придумал нехитрую мелодию к одному своему стихотворению. Спел его под аккомпанемент гитары. Человек стеснительный, никогда не думал, что придется выступать публично. Но друзьям понравилось. Мне было приятно их внимание, и я тут же спел два стихотворения»²⁰.

лейбуса”. Всего стихотворения еще не было. Они говорят: “Ой, интересно, хорошо, давай пиши дальше...”»²¹. Никакой социальной проблематики, никаких попыток разобраться с прошлым, в самом начале – простота одиночества, боли.

В интервью Михаилу Ноделю первой песней Окуджава назвал другую – и уже ее он «напел» на Краснопресненской: «Первая московская песня “На Тверском бульваре” появилась в 1956 году. Появилась сразу как песня – и стихи, и мелодия. Помню, как осенью мы стояли поздно вечером с друзьями у метро “Краснопресненская”, и я им напел... А потом довольно быстро сложился целый цикл песен о Москве: “Ленька Королев”, “Полночный троллейбус”, “Московский муравей”, “Часовые любви”, “Арбат беру с собою” – все в 1957 году»²². Что бы тогда ни звучало у метро «Краснопресненская» (там Окуджава жил у Ашхен Степановны), это был еще 1956 г., и никакого поэтического одиночества, как в рассказе о «Магистрале», к этому времени уже не было: «...вообще все это началось ужасно смешно и нелепо. Просто один раз мы сидели у меня дома – тогда еще совсем юные Евтушенко, Ахмадулина, Луконин. Где-то они гуляли и буквально ворвались ко мне. Сели. У меня было выпить немножко. Выпили. Они начали читать стихи. А мне буквально перед этим показали три аккорда на гитаре. И я, выпивши уже, конечно, вспомнил одно свое шуточное стихотворение, взял гитару и, чтобы их развлечь, стал это стихотворение петь. Тут же мелодия какая-то примитивная пришла, на три аккорда. Я спел, они были в восторге. И меня это очень вдохновило. Тут же я спел второе стихотворение... И стал петь. Мне понравилось. Ведь здорово. Все стихи нельзя петь, а некоторые можно»²³.

Песня о Тверском бульваре – тоже не случайно: «В пятьдесят шестом году, когда я начинал писать песни, у меня появилось озорное желание приходить с гитарой каждый вечер в 7 часов на Тверской бульвар и петь... Но близкие мне люди предостерегали меня: мол, тут же буду арестован за нарушение общественного порядка. И я не рискнул осуществить свое скромное желание»²⁴. «Песенки», «ужасно смешно и нелепо» все начиналось – здесь и ирония, так свойственная Окуджаве в те годы, когда он в основном и давал интервью, и простота как стилистическая привычка.

Круг поэтических знакомств ширился с потрясающей скоростью, Калуга и калужская книжка сделали свое дело – в Москве Окуджава уже не учитель (хотя, вероятно, и мог бы, особенно в первые безработные месяцы). Здесь он уже поэт: «Маме дали квартиру в хорошем доме. Двухкомнатную. Мы там все жили. <...> Первое время нигде не работал. Год. Не мог устроиться никуда.

<...> Не было места. Никто меня не знал. Потом совершенно случайно меня устроили в издательство “Молодая гвардия” в отдел комсомольской жизни, редактором. И я был счастлив, занимался тем, что выпускал поэзию народов СССР. Круг знакомых расширился, появились переводчики, поэты, которые жили только на это. Давид Самойлов, Юрий Левитанский, ленинградские поэты: Анатолий Найман, Евгений Рейн. Они ко мне ходили за работой, я им давал подстрочники, и они переводили.

Выпускал книжки по комсомольской жизни. Сейчас даже смешно вспоминать...»²⁵

Из воспоминаний Анатолия Гребнева: «У меня же так и сохранилось чувство, что я один и еще, может быть, несколько посвященных знаем о нем что-то, что неведомо больше никому <...> может быть, как раз историю заносчивого мальчика, однажды гениально угадавшего слова и мелодии времени»²⁶. От 1944 г. до 1956 г. – всего 12 лет.

В 1976 г. на вопрос о том, почему он увлекся историей, Окуджава ответил: «...есть литераторы, которые могут описывать только то, что пережили сами; есть такие, которые, напротив, наиболее удачливы в своих работах, рожденных из пены фантазий и вымысла; есть литераторы, для пера которых вчерашний день теряет свою привлекательность, и только торопясь по свежим следам событий, они создают свои произведения... Я много лет проработал в газете, но ушел из нее, ибо самым трудным для меня было описание того, что вижу в данный момент. Мой первый опыт в прозе (повесть “Будь здоров, школяр”) родился через восемнадцать лет после самих событий, и его уже в известной мере можно было считать историческим»²⁷. Стихи конца 1950–1990-х гг. изобилуют обращениями к тому, что случилось раньше: «Я уже говорил, что не умею писать по горячим следам, но всякая поездка – накопление впечатлений, которые затем в моем производственном аппарате преобразуются в материал, мне необходимый»²⁸. Так долго искавший свои темы, Окуджава нашел их в собственном прошлом и в самом процессе этого поиска.

XXIV
«Чаепитие на Арбате»: «Пятидесятые»

«Окуджава всегда писал о...». Не всегда. А если о чем-то писал всегда, то в разные годы очень по-разному. Это видно по его последнему сборнику «Чаепитие на Арбате», где стихи расположены по десятилетиям: «Пятидесятые», «Шестидесятые»... Вероятно, он знал, что этот сборник – последнее его избранное, которое и будет его представлять не только в том 1996-м, в год выхода из печати. Хронология вроде бы соблюдена, но не очень точно*. То, что

* Текстологией стихов Окуджавы в той или иной степени вынужден заниматься любой составитель его сборника, особенно претендующего на академичность. Здесь можно опереться в первую очередь на подготовленный к 60-летию Окуджавы и подаренный ему на отмечаении юбилея в ДК Горбунова самиздатский многотомник его произведений; на сборник, где указаны примерные даты: *Высоцкий В., Галич А., Окуджава Б. Я выбираю свободу* / Сост.: В. Абдулов, Н. Крейтнер, М. Баранов. Художник Е. Зайцев. Кемерово, 1990; на книгу, составленную В.Н. Сажиным и Д.В. Сажиным в «Новой библиотеке поэта» (2001). Дальше – огромное поле для работы, для сопоставления многочисленных и противоречивых

Окуджава создал в «Чаепитии...», – это история его тем, образов, исканий*.

«*На Тверском бульваре*»: с этой песни, одной из первых «московских» (и про Москву), Окуджава начинает книжку:

На Тверском бульваре
вы не раз бывали,
но не было, чтоб места не хватило
на той скамье зеленой,
на перенаселенной,
как будто коммунальная квартира¹.

высказываний Окуджавы о его стихах, многочисленных и противоречивых высказываний мемуаристов, публикаций с различными вариантами, фонограмм с различными вариантами и т. п. О специфике текстологии Окуджавы см.: Крылов А.Е. О задачах и особенностях текстологии поэтических произведений Б.Ш. Окуджавы: К постановке проблемы // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 163–193.

* В главе о «Пятидесятых» комментируется каждое стихотворение «Чаепития...», помещенное в этот раздел, и именно в том порядке, в котором оно следует в сборнике за другими. В других главах все стихи не комментируются и их порядок уже не соблюдается – там речь идет о темах и образах, которых раньше не было или которые как-то изменились. Главы о «Чаепитии на Арбате» можно было бы снабдить подробными сносками о каждой поминаемой цитате, о каждом названном мотиве и в этих сносках указать, кто из исследователей или критиков о них высказывался. Но как вместо биографии получается летопись жизни и творчества, если дотошно выстраивать в хронологическом порядке все, что нам становится известно, так же и за подробным указателем высказываний, иногда очень серьезных и весомых, иногда в каких-то моментах спорных, за попытками точно установить дату написания стихотворения, потерялась бы та внутренняя логика, которая казалась нам важной. Поэтому просто назовем авторов исследований, наиболее значимых для этой работы: Р.Ш. Абельская, М.А. Александрова, Г.А. Белая, Н.А. Богомолов, С.С. Бойко, М.М. Гельфонд, Л.С. Дубшан, А.Е. Крылов, А.В. Кулагин, Г.С. Кнабе, В.А. Куллэ, В.И. Новиков, В.Н. Сажин, Е.А. Семенова, В.И. Тюпа, С.В. Уварова, Р.Р. Чайковский, М.О. Чудакова, С.О. Шмидт; авторов эссе, воспоминаний, критических статей самых разных лет, в которых содержится множество важных наблюдений, хотя необычайно интересны все мемуары: Л.А. Аннинский, Я.А. Гордин, Л.И. Лазарев, С.Б. Рассадин.

И «коммунальная квартира», и «вы», знающие Тверской бульвар, задают какую-то *общность*, к какой-то общности обращены. Это «моя» история, но история, которую «я» делю с другими:

Та зеленая скамья,
я признаюсь без вранья,
даже в стужу согрела непутевого меня².

Преыдущие несколько десятилетий советская литература создавала этот бесконечно расширяющийся образ «нас»: «мы» как «все», «все мы», все советские люди, которым что-то свойственно, что не свойственно другим, не советским. «Оттепельная» литература с конца 1950-х гг. ищет способы сузить это «мы», сделать его менее обезличенным: не просто мы, воевавшие, но мы, пережившие то-то и то-то; не просто мы, живущие в СССР, но мы, родившиеся в этом городе, на этой улице. Абсолютно ловя интонацию времени, а с другой стороны, одним из первых ее и задавая, Окуджава одновременно сужает границы и по-новому, по общечеловеческим критериям, а не гражданским их расширяет: все мы, бывавшие на Тверском бульваре или просто знающие, как это бывает, когда «одни уходят парами», а «другие в одиночестве уходят». Не все, но только те, кто...; но тех, кто..., – много. Это и есть заложенное в стихи, стихами создаваемое новое *сообщество*, выделенное среди безграничного и расплывающегося «мы все», – и создается оно благодаря апелляции к *опыту*, к знающим, пережившим.

И еще одна важная перемена – и в стихах самого Окуджавы, и вообще в советской лирике: отказ от описания, вместо него – передача *ощущения*. Это было найдено еще за 10 лет до того: после этой песни Окуджава дает две старых, написанных еще в 1940-е гг.* (они тоже попали в раздел «Пятидесятые», и это очень характерная вещь, знакомая всем занимавшимся *текстологией* Окуджавы: для него гораздо важнее правильной атрибуции стихотворения было то, как оно прозвучит внутри книги). «*Эта женщина! Увижу и немею*»:

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу³.

* О том, что песню «Эта женщина! Увижу и немею» Окуджава пел еще в 1940-е гг., свидетельствует Ирина Живописцева⁴.

Все близко, рукой подать – на нашей улице, но это полуоткрытая дверь, и все дело как раз в этом «полу», близком и недостижимом (тот же мотив – в песне «Из окон корочкой несет поджаристой...», написанной на 10 лет позже):

Напророчат: не люби ее такую,
набормочут: до рассвета заживет,
наколдуют, нагадают, накукуют...
А она на нашей улице живет⁵!

«Понимаешь» – это разговор, не описание, не декларация, не абстрактный множественный адресат, а исповедь одного другому, доверие.

«*Неистов и упрям...*». Песня на стихи, которые Окуджава читал еще у Крейтана в 1947 г. Посвящена Юрию Нагибину, с которым он был дружен в первые годы после возвращения в Москву: «Булат избалован известностью, при этом неудовлетворен, замкнут и черств. Мне вспомнилось, как десять лет назад он плакал в коридоре Дома кино после провала своего первого публичного выступления. Тогда я пригнул его, устроил ему прекрасный дружеский вечер с шампанским и коньяком. По-видимому, он мне этого так и не простил»⁶. Это запись из «Дневника» Нагибина, где очень субъективно и резко описаны самые разные люди, но, несмотря на его субъективность и резкость, из дневника вполне можно увидеть, что когда-то отношения были дружескими, а потом разладились.

Сразу после песни о Москве и двух песен, отобранных из всех тех немосковских 16 лет, – стихотворение о войне; точнее, не о войне еще (к разговору о самой войне Окуджава подходил постепенно), а о военном времени:

В южном прифронтовом городе на рынке
торговали цыганки развесной синькой.
Торговали цыганки, нараспев голосили:
«Синяя синька! Лиля-лиля!»⁷

Это *синий цвет*, которого у Окуджавы всегда будет много и который всегда будет очень многозначен, но главные его значения – одухотворенность, глубина, естественность, высота, правда, найденные в чем-то очень простом, повседневном: в синьке, «крахмале, смешанном с какой-нибудь синею краскою и отформованном в виде орешков, палочек или конусов»⁸. А потом это простое Окуджава наделяет другими значениями, которые расширяются, расширяются:

А жители от смерти щели копали.
Синьку веселую они не покупали.
Было вдоволь у них синевы под глазами,
синего мрака погребов наказанья,
синего инея по утрам на подушках,
синей золы в печурках потухших...

И всё же не хватало им синего-синего,
как матери – сына, как каравая сытного,
а синька была цвета синего неба,
которого давно у них не было, не было⁹.

«Сентиментальный марш». Название – не столько оксюморон, сколько декларация: марш – только сентиментальный. Не случайно Окуджава вспоминал, как «собирались с друзьями узким кружком, считали раны и думали, как жить дальше», и как тогда ему захотелось поговорить с друзьями песней¹⁰ – «Сентиментальный марш» тоже о ранах. В «Заставе Ильича» (1964) (сокращенная версия, вышедшая в прокат, – «Мне двадцать лет», 1965) Марлена Хуциева* Окуджава поет эту песню на вечере в Политехническом. Среди прочих купюр и правок была сильно сокращена и эта часть, снимавшаяся осенью 1962 г., но то, что осталось, собрано режиссером очень тщательно. Ахмадулина читает «Дуэль» – про другой, настоящий (ненастоящий) ход истории:

...Так кто же победил – Мартынов
Иль Лермонтов в дуэли той?
Дантес иль Пушкин?
Кто там первый?
Кто выиграл и встал с земли?

<...>

Я так скажу: не в этом дело,
Давным давно, который год
Забыли мы иль проглядели,
Но все идет наоборот!
Мартынов пал под той горою,
Он был наказан тяжело...

<...>

Дантес лежал среди сугробов,
Подняться не умел с земли,

* Марлену Хуциеву посвящено стихотворение начала 1960-х гг. «Мы приедем туда, приедем...» – об Арбате и Грузии и о том, что «родину» нужно «открыть» снова, «но уже для самих себя».

А мимо медленно, сурово,
Не оглянувшись, люди шли.
Он умер или жив остался –
Никто того не различал.
А Пушкин пил вино, смеялся,
Ругался и озорничал.

И с ударением на слове «этот»:

...Для их спасения – навечно
Порядок этот утвержден.
И торжествующий невежда
Приговорен и осужден!

Потом Григорий Поженян, от имени воевавших, от имени поколения, которое в «Заставе Ильича» – отцы, причем погибшие:

Нам рук намученных не занимать
Не нас учить, как обнимают всласть.
Мы надышались всласть госпиталями,
Мы настучались вдоволь костылями,
Так как же нам теперь не понимать,
Земную радость всходов над полями?

Это о другом, о более близком, чем дуэли Пушкина и Лермонтова, но тоже – о выживших и заслуживших право на радость.

А потом Борис Слуцкий читает не свое, но погибших друзей и, как и Поженян, говорит от лица поколения: «20 лет тому назад мне было 20 лет, и всем моим товарищам было по 20 лет, ну а некоторым по 22 или по 23 года. Мы жили в Москве, учились в Литературном институте и писали стихи, одни похуже, другие получше. А потом началась война, и все мы пошли на войну. И те, кто писал самые лучшие стихи, были убиты. Убиты на фронте. Перед отъездом на фронт Миша Кульчицкий завез в дом, где нас любили, стихотворение, собственно говоря, клочки стихотворения, и звучало оно так:

Я раньше думал: «лейтенант»
звучит вот так: «Налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравиию.

Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
 черна от пота,
 вверх
ползет по пахоте пехота.
 На бойцах и пуговицы вроде
 чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
Пусть хоть после ста Бородино¹¹.

А через несколько дней младший лейтенант Кульчицкий пал смертью храбрых на фронте. Был еще поэт, Павел Коган, его последнего стихотворения никто не знает, но перед отъездом на фронт он читал мне длинное стихотворение, из которого я запомнил три строки:

Разрыв-травой, травую-повиликой
Мы прорастем по горькой, по великой,
По нашей кровью политой земле...»¹²

И сразу после этих строчек камера находит серьезное, вдумчивое лицо главного героя, который как раз пытается понять, представить себе погибшего на фронте отца, ровесника Слуцкого, Кульчицкого, Когана (встреча и разговор с погибшим отцом – ключевая сцена фильма, где герой спрашивает, как ему жить, а отец отвечает: тебе решать, ты уже старше, чем я). Затем будут в кадре другие вдумчивые лица, но сейчас камера долго показывает это, и сразу после Слуцкого начинает звучать Окуджава: «Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет...» Эта песня у Хуциева оказывается продолжением разговора о погибших сверстниках: я вернусь только тогда, когда война закончится, раньше – невозможно. Окуджава переигрывает собственный опыт – предположим, что этот опыт очень много лет не давал ему покоя, в том числе как раз в эти годы рубежа 1950–1960-х гг., когда «лейтенантская проза», или «окопная правда», заговорила именно о той войне, на которой он был, бытовой, некрасивой, – а и все равно у Бакланова или Быкова этот быт не так остро показан, как в «Будь здоров, школяр», который Окуджава напишет в 1961 г. Я вернусь, потому что мне очень привычны и естественны «добрый мир твоих забот» и «твои тревоги», но эти «тревоги», брошенные вскользь, тоже, как и сентиментальность марша, декларируют другой язык, другую

систему ценностей: «тревога» в советской лирике уже несколько десятилетий, как правило, означала включенность в общественную жизнь, а отнюдь не домашнее.

Это первая песня Окуджавы о Надежде, и у него их будет много – песен и стихов, про которые часто говорят, что надежда в них воплощается, олицетворяется в женщине. Но уже с «Сентиментального марша» эта тема в них гораздо шире, чем надежда на взаимность и понимание: «...и товарищ Надежда по фамилии Чернова», «Не грусти, не печалуйся, мать Надежда...», «Как трудны эти три работенки: Надежда, Любовь и Пристрастие», «Я строил замок надежды. Строил-строил» – можно подобрать и другие примеры, но все они очень ясно показывают: Окуджава постоянно писал о *надеждах* и *иллюзиях*, о том или о другом, о том и о другом сразу – это его тема. А в «Сентиментальном марше», одной из ранних его песен, ниточка тянется еще и к Симонову, к «Жди меня» (вариации на эту тему уже были в «Лирике»):

Но если целый век пройдет, и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи, пускай тогда трубач израненный привстанет,
чтобы последняя граната меня прикончить не смогла¹³.

По просьбе Симонова (обычно он песни, где музыка не его, не пел) Окуджава спел «Бери шинель...» для фильма «Шел солдат...»¹⁴ к юбилею Победы (1975). О более раннем его отношении к стихам Симонова – в ответах на вопросы из зала в 1980 г.: «...я и мои друзья – и на фронте, и в тылу – как мы переписывали эти стихи. Это было замечательное явление – в те годы»¹⁵.

А последняя строфа, которой больше всего попрекали Окуджаву в 1990-е и даже в 2000-е гг., вроде бы уже менее разоблачающие и более рефлексирующие, опять напоминает, что вся песня – это декларация иного отношения к войне, не такого, как принято. Именно поэтому в Политехническом Окуджава поет (и эти две последние строки подхватывает зал) не «на той далекой, на гражданской» (был и такой вариант), а – «на той единственной»:

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
какое б новое сражение ни покачнуло шар земной,
я всё равно паду на той, на той единственной гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной¹⁶.

Но здесь нет – и никогда их у Окуджавы не было – комиссаров, которых не прощали в 1990-е гг.: здесь обращение к отцу,

комиссару Гражданской войны, здесь обращение к войне, в которой участвовал отец, через голову той, в которой участвовал он сам. Не только ту войну он не принимает – он не принимает и все будущее, которые вполне могут быть («...какое б новое сражение ни покачнуло шар земной...» написано вскоре после польских и венгерских событий); а то, что создавало и в чем участвовало поколение родителей, принимает. Это была декларация, это был выбор, но в 1990-е гг. уже не столь очевидно понятный, как в конце 1950-х гг., и в «Чаепитии...» Окуджава стягивает к самому началу книги, как и стихи 1940-х гг., две песни, восстанавливающие те образность и символику и отличающиеся от большинства его песен этого времени даже музыкально. Были песни и стихи, которые он не любил и не перепечатывал, но были те, которые, вероятно, считал хорошими, хотя и принадлежащими своему времени.

Первая песня из тех отнесенных к самому началу – «Сентиментальный марш», вторая – «Веселый барабанщик», тоже написанная в 1957 г. (датировка Окуджавы в сборнике 1984 г.):

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
когда дворники маячат у ворот.

Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
в руки палочки кленовые берет¹⁷.

Окуджава не только задним числом, в середине 1990-х гг., вспоминал о своей нелюбви к бодряческим маршам конца 1950-х гг. В конце 1960-х гг., из раза в раз, уже вполне привычно, видимо, опережая возможное недовольство, он начинал свои вечера с предупреждения: «У меня, к сожалению, нету веселых песен. Я знаю, что вы любите песни веселые. Но вы ещё не успели повоевать, а я уже воевал, поэтому у меня песни грустные, в основном»¹⁸. И что-то есть отнюдь не веселое в барабанщике, который – мечта, фантазия, а мечты и фантазии не видит и не разделяет любимая женщина. Барабанщик, традиционная советская символика – но опять: во-первых, про музыку, во-вторых, про отношения. Рядом с этой традицией – другая, *романтическая система координат*, с привычным для нее образом слепой, незрячей женщины:

...Грохот палочек... то ближе он, то дальше,
сквозь сумятицу, и полночь, и туман...

Неужели ты не слышишь, как веселый барабанщик
вдоль по улице пронесит барабан?!¹⁹

Таких стихов в конце 1950 – начале 1960-х гг. у Окуджавы много – стихов о непонятности, о том, как женщина за своим бытом

не видит, не понимает, не ощущает. В «Островах», второй книге Окуджавы, вышедшей в 1959 г. в «Советском писателе», – иногда он от нее вел счет – таких образов немало, но в середине 1990-х гг. Окуджава их из избранного убрал.

Несколько примеров: стихи, которые были в «Островах», а в «Чаепитие...» не попали. Какие в них были образы, отсылающие именно к романтической традиции?

Прежде всего дорога, в которой настоящего гораздо больше, чем в буднях, семейных и домашних, а «добрый мир твоих забот» существует как-то независимо от романтической традиции. Итак, «Дорога»:

А будни нас кормили калачами,
а женщины корили по ночам,
чтоб мы дороги той не замечали,
не тратили себя по мелочам²⁰.

Здесь будни – а там синий цвет. Романтический голубой – «голубой цветок» Новалиса, «Синий цвет» Бараташвили, переведенный Пастернаком. Как в поэтической системе одного поэта сосуществовали внимательное уважение к неизвестному, неяркому, будничному, невыдающемуся, но индивидуальному и романтическое пренебрежение к бытовому, которое не высокое? Вероятно, само понятие «поэтическая система» здесь тоже не вполне подходит: это момент ее формирования, когда что-то уже сложилось, но есть еще следование другому канону, который в это сформировывающееся целиком не вписывается. Синий цвет навсегда останется знаком Окуджавы, внимание к будничному тоже надолго станет его темой, а вместе они дадут *высокое в простом и повседневном* – до тех пор, пока Окуджава не перейдет к другим образам, отражающим уже отнюдь не простоту.

...Пока ночная птица не молчит,
прощайте же! Пока рассвет синеет,
прощайте же! Знать, что-то есть
сильнее,
чем сбитые на сливках калачи²¹.

Эта тема варьируется в другом стихотворении «Островов» («*Все ты мечешься день-деньской*»), и здесь больше внимания к тому, какая она – эта женщина. Непонимающая:

Все ты мечешься день-деньской.
Все ты мечешься день-деньской

по смешной привычке своей городской,
по смешной привычке своей городской...

Руки протягиваешь, словно я бог,
среди стен четырех маешься,
а что я могу, если бог не смог
тебя сотворить понимающей?²²

Есть город, а есть природа – тоже очень узнаваемое противопоставление в романтической традиции. И природный, естественный цвет неба – само собой разумеющееся:

Цвет голубой – у тебя под рукой.
Цвет голубой – у тебя под рукой.
А тебе почему-то нужен другой.
А тебе почему-то нужен другой...²³

А потом такое щедрое, галантное смягчение остроты – не ты не понимаешь, это мы, горожане, не понимаем:

...Ведь осенью звезды дорожают,
попробуй заработать горбом...

Глупые мы все же, горожане:
ни черта не смыслим в голубом²⁴.

Самое известное из тех стихов (наверное, потому, что стало песней) – хотя и не попадавшее на пластинки, да и в записях встречающееся не столь часто – предваряет «Все ты мечешься день-деньской». «Ты в чем виновата?»:

Ты в чем виновата?
Ты в том виновата,
что зоркости было
в тебе маловато:

красивой слыла,
да слепую была²⁵.

Красота и слепота – привычные для романтической традиции черты женщины, плохо сочетающиеся с тем, что вспоминают сейчас о Галине Смольяниновой. Но тогда, в совершенном согласии с этой традицией и с тем, что и позже всегда будет ему так

органично – с выдергиванием «по нитке» «из собственной судьбы», – Окуджава претворял семейную боль в литературный текст:

А в чем ты повинна?
А в том и повинна,
что рада была
любви половинной:

любимой слыла,
да ненужной была²⁶.

Из очень откровенного разговора с Ильей Мильштейном 1994 г.:

А вам приходилось унижать женщину?

– (*Пауза.*) Трудно сказать. Во всяком случае, умышленно я никогда не унижал. Если я был любим, но не мог ответить на чувство, то старался раствориться, исчезнуть. Все-таки в любви я чаще бывал не «палачом», а «жертвой».

– У вас есть очень грустная и одновременно жестокая песня. Обращенная к женщине любившей, но не любимой. «Ты в чем виновата...»

– Я не люблю эти стихи.

– Почему?

– Я написал их сгоряча... и очень несправедливо было то, что я написал. Я обидел замечательную женщину, которая меня любила. Совершил дурной поступок. А самое подлое, что я начал эту песню исполнять в том кругу, в котором мы оба вращались. И то, что она «любимой слыла, да ненужной была», стало достоянием нашего круга. Я тут же пожалел об этом, но было поздно. Песня «пошла по рукам»... Я ее больше не исполнял никогда. Для меня этих стихов не существует²⁷.

Рядом с упомянутыми стихами из «Островов» – то единственное с посвящением «Галине», хотя, наверное, в 1940-е гг. многое к ней было обращено, а что-то, вероятно, и посвящено, по крайней мере «Белая медведица», о которой вспоминает Ирина Живописцева. Нет решения уйти или остаться (стихотворение об этом). Сборник вышел в 1959 г., впереди еще несколько лет таких метаний, видимо, и сделавших совершенно невозможными стихи о романтической непонятости. Ей на смену пришли очень естественные, очень бытовые, очень семейные непонимание, недопонимание, разлад между близкими людьми.

А в 1996 г. в «Чаепитии на Арбате» Окуджава растворяет среди других стихов (а какие-то не публикует вовсе) ту романтическую непонятость – вероятно, и потому, что это была уже неинтересная ему дань неинтересной уже традиции, и потому, что биографическим подтекстом этой непонятости было многолетнее мучительное расставание с женой.

Вслед за «Веселым барабанщиком» в «Чаепитии...» – «*Время идет, хоть шути-не шути...*», сразу уводящее от этой темы неприятия и непонимания:

Видишь тот дом? Там не гасят огня,
там друзья меня ждут не больным, не отпетым...²⁸

В том же стихотворении – взгляд назад, появляющийся, когда человек думает о смерти или о том, что какая-то пора жизни закончилась (и очень понятное в конце 1950-х гг. «...дай надышаться Москвою»):

Мало прошел я дорогой земной.
Что же рвешь ты не в срок пополам мое сердце?
Ну не спеши, это будет со мной,
ведь никуда мне не деться²⁹.

Взгляд назад (а у Окуджавы в разные периоды будут появляться стихи о прожитом и закончившемся – хотя, может быть, и не изжитом), понимание, что чего стоит, жизнь, которая в очередной раз начинается заново, – в следующем стихотворении, где опять женщина, которую зовут Надежда, но здесь она не сохраняет, разрушает («*Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...*»):

Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье,
живите, будто заново, всё начинайте снова!
У порога, как тревога, ждет нас новое житье
и товарищ Надежда по фамилии Чернова.

<...>

Ни прибыли, ни убыли не будем мы считать –
не надо, не надо, чтоб становилось тошно!
Мы успели всяких книжек сорок тысяч прочитать
и узнали, что к чему и что почем, и очень точно³⁰.

Здесь тревога – боевая. В другой песне, обращенной к полякам, уже совсем в иное время, в 1964 г., будет «сигнал тревоги чист»³¹ – тревоги, призывающей что-то делать и просто волну-

ющей. Это чистота перед лицом смерти – как в двух песнях рубежа 1950–1960-х гг. – в песне об «Отраде» («...перед девочкой с Южного фронта / нет в нас ни грамма вины. <...> Мы идем на Запад, Отрада, / а греха перед пулями нет»³²) и в «Трех сестрах» («Чистый-чистый лежу я в напльвах рассветных, / белым флагом струится на пол простыня...»³³).

Прощайте, прощайте, наш путь предельно чист,
нас ждет веселый поезд, и два венка терновых,
и два звонка медовых, и грустный машинист –
товарищ Надежда по фамилии Чернова³⁴.

Здесь нет никакого оксюморона, ничего противоречивого нет: «медовые» – это к *иллюзиям*, о которых Окуджава как раз начинает писать в это время, и чем дальше, тем сильнее будет эта тема; а «веселый поезд» – это то, про что он напишет через 25 лет в рассказе «Девушка моей мечты» о возвращении матери:

– Караганда? – прошелестел Меладзе.
– Да, – сказал я печально.
Он горестно поцокал языком и шумно вздохнул.
– Какой-то пятьсот первый поезд, – сказал я, – наверное, ошибка. Разве поезда имеют такие номера?
– Нэт, – шепнул он, – нэ ошибка. Пиатсот первый – значит пиатсот веселый.
– Почему веселый? – не понял я.
– Товарные вагоны, кацо. Дольго идет – всем весело. –
И снова поцокал³⁵.

У поэта, который всю жизнь потом будет писать *о выборе и о вине*, и в ранних стихах чистота – это перед лицом смерти. Потому и венки терновые. Десять лет назад у Окуджавы уже была иронически-пренебрежительная отсылка к религиозному («...на самый страшный суд»³⁶), но теперь религиозная образность очень прочно входит в его поэтическую систему.

И вот, наконец, его тема – мальчик на войне («*Не верь войне, мальчишка...*»):

Не верь войне, мальчишка,
не верь: она грустна.
Она грустна, мальчишка,
как сапоги тесна³⁷.

Этот опыт всегда личный и никак не может быть разделен, и тема «*война и мальчик на войне*» у Окуджавы очень быстро начала означать «иллюзии»:

Твои лихие кони
не смогут ничего:
ты весь – как на ладони,
все пули – в одного³⁸.

И только теперь в «*Чаепитии...*» (десятое по счету стихотворение) появляется то, что называется «любовная лирика». До сих пор, кроме давнего конца 40-х «*Эта женщина! Увижу и немею*», Окуджава в свою поэтическую историю не включал стихов о любви (разве что о непонимании, но это все-таки другое). Теперь же пошли, правда, в этом сборнике без посвящения, стихи к Ольге Батраковой (1959), очень дорогому ему человеку и много лет спустя. Уезжая в мае 1997 г. в Германию, Окуджава звонил самым близким людям и ей в том числе. «*И когда удивительно близко...*»:

...И когда удивительно близко
остается идти до тебя,
отправляется нежность на приступ,
в свои тихие трубы трубя³⁹.

Нежность – «*тихие трубы*» и «*голубые знамена*», мягкие, ненавязчивые звуки и цвета. Соединяются два таких важных у Окуджавы знака настоящего – *тихое* и голубое: в это время для него становятся очень важны *цвета и звуки*, это его собственный код, система образов и значений, им собранная и надолго сохраненная. Трубы у Окуджавы как раз сочетают и музыкальную тему, и военную, но и знамена здесь неслучайны: только в этом контексте – военная символика, поединок («*Признаю только эти войска!..*»⁴⁰ – скажет Окуджава примерно тогда же). Как в «*Сентиментальном марше*», военная символика – не для разговора о войне:

И поротно, и побатальонно
льется в душу она сгоряча,
и ее голубые знамена
на твои упадают плеча⁴¹.

Это песня, но Окуджава ее почти не пел – видимо, из-за «адресности чувства», как предположил Станислав Рассадин⁴²:

Знаешь, Оля, на улочке этой,
где старинные стыннут дома,
в поединках сходились поэты,
гимназистки сходили с ума⁴³.

«Продолжается жизни движенье / вдоль по улочке. Век непочат»⁴⁴: это про ощущение начала новой жизни. «Время идет, хоть шути-не шути...»: там было ощущение итога, конца чего-то большого и начала нового (и в отношениях, и не только в них). Эта тема – это настроение – постоянно появляется в стихах Окуджавы рубежа 1950–1960-х гг.:

И за щедрой твоею рукою
что-то брезжится мне впереди,
и в груди назревает такое,
что уже не хватает груди⁴⁵.

И опять: когда за стихотворением оказывается что-то очень живое, романтическая непонятость из него исчезает. Еще одно стихотворение, обращенное к Ольге Батраковой:

Глаза, словно неба осеннего свод,
и нет в этом небе огня,
и давит меня это небо и гнет –
вот так она любит меня.

Прощай. Расстаемся. Пошады не жди!
Всё явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди –
вот так она любит меня⁴⁶.

Вслед за этими двумя стихотворениями Окуджава дает позже написанный «Голубой шарик» («Девочка плачет: шарик улетел») и «Ваньку Морозова» – пожалуй, именно эти стихи позволяют как-то описать «раннего» Окуджаву: что-то очень простое, что бывает со всеми, сначала девочка плачет, потом девушка плачет, потом женщина плачет, и все возвращается на круги своя. Довольно часто об Окуджаве говорят, что он писал о «маленьком человеке», – это действительно так, это действительно то, о чем он думал: его рассказ «Искусство кройки и житья», конечно, ссылается к «Шинели» Гоголя. Но рассказ 1985 г., а «маленький человек» – не вполне «маленький человек», хотя бы потому, что речь идет о герое автобиографической прозы. Но в конце 1950-х гг.

дело тоже было не во внимании к «маленькому», ничем особенно не интересному, – это было внимание к простому (эта простота подчеркнута и формой стихотворения, тавтологической рифмой), к единичному. Такому же.

Он в старый цирк ходил на площади
и там циркачку полюбил.
Ему чего-нибудь попроще бы,
а он циркачку полюбил.

Она по проволке ходила,
махала белою рукой,
и страсть Морозова схватила
своей мозолистой рукой⁴⁷.

Насколько эта простота была неестественной для слушателя в первые несколько лет, что Окуджава пел эту песню, видно по запискам из зала, сохранившимся в его архиве. Записка на лотерейном билете (начало 1960-х гг.): «Буду считать, что на этот билет пал крупный выигрыш, если Вы прочитаете “Черный кот” – очень прошу. И про Ваську, который влюбился в артистку цирка»⁴⁸. А Окуджава вместо «артистка цирка» написал «циркачка» и вышел за рамки канцелярита, на котором говорит автор записки, под своей просьбой не забывший поставить подпись, – это тоже было непривычно.

Стихотворение посвящено Александру Межирову: «Ну, он рассказывал о своих похождениях и о своих симпатиях к циркачкам. Я написал не о нем – я его еще тогда не знал, когда я написал эти стихи. Но потом я ему – в связи с этим – посвятил»⁴⁹. С Межировым они однажды виделись в Тбилиси, но тогда – не на равных, тогда Межиров вместе с Антокольским слушал начинающих поэтов, студентов, а в Москве оказалось, что они сверстники, оба – воевавшие.

Место «Ваньки Морозова», которого в интервью 1993 г. Окуджава назвал своей первой московской песней, конечно, отнюдь не рядом со стихами 1959 г. После «Ваньки Морозова» в «Чаепитии» – *«Не бродяги, не пропойцы...»*:

Мы земных земней. И вовсе
к черту сказки о богах!
Просто мы на крыльях носим
то, что носят на руках⁵⁰.

«За столом семи морей...» – опять это мифологическое число «семь» («Неистов и упрям...»: «Семь бед – один ответ...»⁵¹).

Берег – близкий, а не далекий, женщина – «моя». Никакого романтизма – только романтическое: лирическое, высокое в очень простом, как это было в «Афродите». *Простота* тоже становится знаком Окуджавы – знаком его собственного языка, а внутри него – знаком настоящего, таким же, как синий цвет, тихий голос, музыка.

Та же простота, сочетающая естественность и высоту, – в самом известном из посвященных Ольге Батраковой стихотворениях, в песне «*Мне нужно на кого-нибудь молиться*»:

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!⁵²

То же самое в не менее известной песне, которую Окуджава датировал 1960 годом в «Стихотворениях», изданных в 1984 г. «*Дежурный по апрелю*»:

– Мой сыночек, вспоминаю всё, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек...
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет?
Знать не хочет? –
Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и круглее и добрее...
– Что ты, мама! Просто я дежурю,
я – дежурный
по апрелю...⁵³

Или «*Тьмою здесь все занавешено...*», тоже датированное в «Стихотворениях» 1960 годом:

Кто вы такая? Откуда вы?!
Ах, я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век⁵⁴.

«Просто», долженствующее сбивать пафос, предлагает более пафосный вариант – просто высокая ситуация, не надо искать ей бытовых, банальных объяснений (не надо их искать, даже если

они и верны). Не случайно простота появляется у Окуджавы действительно в очень известных песнях, не в стихах: песнями (по крайней мере в 1957–1962 гг.) становилось то, что могло объединять, что могло быть разделено с другими. А затем простота оказывается чем-то мнимым, за ней столько всего. «*Храмули – серая рыбка с белым брюшком*», 1963 г.:

На блюде простом, пересыпана пряной травой,
лежит и кивает она голубой головой.
И нужно достойно и точно ее оценить,
как будто бы первой любовью себя осенить⁵⁵.

Серая рыбка, белое брюшко, голова – голубая. Игра с цветом и знак настоящего, но первая любовь – это не просто. И не просто разглядеть настоящее в бытовом, разве что после поисков высокого – об этом будет в стихотворении 1964 г., посвященном именно простоте, «*Человек стремится в простоту...*»:

Человек стремится в простоту
через высоту.
Главные его учителя –
Небо и Земля⁵⁶.

Простота у Окуджавы вдруг меняет свое значение – она перестает быть естественной. Это большое искусство – искусство простоты. Простота как тема, простота образа, в том числе и собственного образа (Евгений Евтушенко об Окуджаве в 1957 г.: «...дешевенький буклешный пиджачок, черный свитерок, зимние ботинки по прозвищу “прощай, молодость”»⁵⁷), пастернаковское «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту»⁵⁸ – и вдруг она оказывается конформизмом (а это более ранняя «*Песенка веселого солдата*», самое начало 1960-х гг.):

Возьму шинель и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенные краску.
Ударю шаг по улицам горбатым...
Как просто быть солдатом, солдатом⁵⁹.

Либо тривиальностью. «*В чадю кварталов городских...*»:

Столетия строгого дитя,
он понимает не шутя,
в значении высококом:

вот это – дверь, а там – порог,
за ним – толпа, над ней – пророк
и слово – за пророком.

Как прост меж тьмой и светом спор!
И счастлив я, что с давних пор
всё это принимаю.
Хотя, куда ты ни взгляни,
кругом пророчества одни,
а кто пророк – не знаю⁶⁰.

Либо чем-то мнимым, кажущимся, за чем оказываются и боль, и глубина. «Счастливчик Пушкин», 1967 г. – к очередной годовщине гибели:

У него ремесло первый сорт,
и перо остро.
Он губаст и учен как черт,
и всё ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти⁶¹.

И наконец, из 1980-х гг. – «Весь этот век, такой бесплодный...»:

Когда народ от горя плачет,
тараща в ужасе зрачки,
хоть мало их – но много значат
простые нотные значки.

За мнимой этой простотою
под грифельком карандаша
с невыразимой остротою
вдруг раскрывается душа⁶².

Этот отказ от простоты как естественности очень тесно связан с отказом от изображения «муравья», Ваньки Морозова. «Молитва» (которую иногда Окуджава датировал 1963 г., а иногда 1964-м) – это разговор один на один с Богом. «Муравей» ли разговаривает с Богом? Нет, в этом разговоре нет никаких оценок, нет знаков простоты как наивности, которые есть в истории о цир-

качке («Ему чего-нибудь попроще бы...»). «Моцарт» (1969) – это о самовыражении и тоже в каком-то смысле о разговоре с Богом. И никакой наивности Окуджавы уже не изображает, ему уже не важно показать то, что переживает каждый. Он изображает теперь более сложные переживания у более сложных людей.

А в «Чаепитии...» за песней «Не бродяги, не пропойцы...» следует стихотворение, где простота тоже помянута, но идет встраивание в очень высокие ряды («*Нева Петровна, возле вас – всё львы*»):

Нева Петровна, возле вас – всё львы.
Они вас охраняют молчаливо.
Я с женщинами не бывал счастливым,
вы – первая. Я чувствую, что – вы⁶³.

Счастье как то, чего нет, *счастье как иллюзия* – этого очень много будет в стихах Окуджавы уже через несколько лет.

Послушайте, не ускоряйте бег,
банальным славословьем вас не трону:
ведь я не экскурсант, Нева Петровна,
я просто одинокий человек⁶⁴.

И *одиночества* у Окуджавы тоже много, но в этом стихотворении речь о другом, здесь – декларация собственной литературной генеалогии, встраивание в *традицию, культуру*, в то пространство, в котором Нева и вся петербургская история. Отсюда прорастут все музыканты Окуджавы, и в том числе «Моцарт», и все его художники и вообще творцы, и историческая проза его отсюда – и эта нить тоже уводит от «маленького человека»:

Пусть говорят, что прошлое не в счет.
Но волны набегают, берег точат,
и ваше платье цвета белой ночи
мне третий век забыться не дает⁶⁵.

«*Вобла*», одно из первых (в конце 1950-х гг.) стихотворений Окуджавы о войне – и, вероятно, первое так нацеленное *на реалии* войны после метафорических «Сентиментального марша» и «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...». «Не верь войне, мальчишка...» – уже некоторое *видение* войны, реалии фронтовые будут чуть позже, сейчас – реалии военного времени:

Холод войны немилосерд и точен.
Ей равнодушия не занимать.

...Пятеро голодных сыновей и дочек
и одна отчаянная мать⁶⁶.

Метафора – затем кадр. И снова метафора:

И каждый из нас глядел в оба,
как по синей клеенке стола
случайная одинокая вобла
к земле обетованной плыла
<...>

...Пятеро голодных сыновей и дочек.
Удар ножа горяч как огонь.
Вобла ложилась кусочек в кусочек –
по сухому кусочку в сухую ладонь⁶⁷.

Вместе с этим привычным «*Окуджава – романтик*» часто говорят о *возвышенном, возвышающем* в его стихах. Да, есть возвышающее. Но оно всегда или, скажем осторожнее, почти всегда, вырастает у него из очень ясного, очень трезвого, иногда даже жесткого понимания, как устроена жизнь, – это стихи поэта, взрослого во дворе и в запасных частях, похожих на лагерь, поэта, сначала нашедшего способ говорить об одном и том же сразу высоко и низко, а затем – с большой жесткостью разоблачавшего этот созданный им когда-то флер.

Сначала жертва показана:

...Как мама руками теплыми
за голову воблу брала,
к телу гордому ее прикасалась,
раздевала ее догола...⁶⁸

В последних строках – само это слово:

Нас покачивало военным ветром,
и, наверное, потому
плыла по клеенке счастливая жертва
навстречу спасению моему⁶⁹.

Опять слово «счастливый» превращается в оксюморон, и опять религиозные, христианские коннотации: чудо с насыще-

нием пятью хлебами и двумя рыбами, а здесь рыба одна, пятеро голодных детей. Земля обетованная, жертва во спасение – религиозных мотивов и символов у Окуджавы много, но они скорее, нежели религиозность, то пространство культуры, в котором он, *постоянно что-то цитировавший и перерабатывавший*, задействовал все, что ему было нужно, – и высокое, и низкое, и то, что ему действительно близко, и то, что случайно возникло по ассоциации, все: от Евангелия до «Золотого ключика»*. «На белый бал берез не соберу...»:

На белый бал берез не соберу.
Холодный хор хвои хранит молчанье.
Кукушки крик, как камешек отчаянья,
всё катится и катится в бору⁷⁰.

Только что, в предыдущем стихотворении сборника, была «отчаянная мать», и таких разбросанных по стихам отчаянностей и *отчаяний* у Окуджавы много, но постепенно отчаянье начинает появляться у него и как тема стихотворения. И опять счастье, за долго до «Упраздненного театра», – как иллюзия, мечта:

Ведь у надежд всегда счастливый цвет,
надежный и таинственный немного,
особенно, когда глядишь с порога,
особенно, когда надежды нет⁷¹.

Одна из самых известных – «*Песня о солдатских сапогах*»:

Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки?
Вы поняли, куда они глядят?
<...>
А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?⁷²

«Вы слышите», «мы возвращаемся» – опять, как в песнях о Москве, о Тверском бульваре, задается общее пространство, объединяющее тех, кому что-то понятно и близко. И опять эта разница содержания в песне и в стихотворении очень наглядна: не

* См. стихотворение Окуджавы «В день рождения подарок преподнес я сам себе...».

может объединять, создавая лирическо-ностальгическую дымку, острога одиночества и безнадежности – не становилось песней стихотворение, которое не могло объединять, которое требовало жестких формулировок и рассказывало об очень остром, негативном переживании, которое нельзя разделить с другим, даже если другой переживает то же.

Уходит взвод в туман-туман-туман...
А прошлое ясней-ясней-ясней⁷³.

«И тогда неожиданный берег / из тумана выйдет к вам» – в той песне Окуджавы туман был что-то смутное, но из смутного вдруг находился выход. Здесь иначе: ясней то, что стало прошлым, что на пороге смерти отодвинулось в другую жизнь. Здесь туман – потому что нет «завтра», неоткуда возникнуть неожиданному берегу. Появление темы *прошлого* – тоже примета стихов Окуджавы конца 1950-х, не только в разговоре о войне.

А мы рукой на прошлое: вранье!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет воронье,
а по пятам война грохочет вслед⁷⁴.

И опять надежда: здесь она защищает от того, что не хочется видеть, и становится как бы синонимом счастья-иллюзий, это опять про то же: «...ведь у надежд всегда счастливый цвет...».

И снова переулком – сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
В затылки наши круглые глядят⁷⁵.

В «Лирике» женщины ждали, и «дорогами любви»⁷⁶ мужчины возвращались, уцелев на войне. Здесь другое – они уходят. Вернутся – вряд ли.

«Король»: еще одна очень известная песня Окуджавы. Посвящена однокласснику по 69-й школе Борису Федорову. (Гораздо чаще она называется «Песенкой о Ленке Королеве», но «Чаепитие на Арбате», ставшее для текстологов Окуджавы его «последней авторской волей», дает иногда такие варианты, которые он не исполнял, но, видимо, утвердил, не придавая названиям и разночтениям особого значения.)

Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Леньку Королева
и присвоили ему званье короля.

<...>

Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь,
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись⁷⁷.

В середине 1980-х гг. Окуджава часто рассказывал про эту строфу историю, которая подчеркивала его, члена партии и Союза писателей, неофициальность и независимость: «Магнитофоны работали – и это все распространялось очень стремительно, быстро. Ну и появились люди, которые сочли необходимым со мной бороться. Теперь я понимаю, что эти песни были очень непривычные – после того, что мы пели обычно. Кому-то показалось это опасным. Ну и, как всегда, комсомол был застрельщиком: первый фельетон обо мне был опубликован в ленинградской газете “Смена” – по заданию из Москвы. Так как он был наспех сделан, в нем было много смешного. Ну например, там была такая фраза: “На эстраду вышел подозрительный человек. Он запел под гитару пошлые песенки. Но за таким поэтом девушки не пойдут – девушки пойдут за Твардовским и Исаковским”. Такой способ определять качество литературы – за кем пойдут девушки. Ну, сейчас это все смешно звучит, но мне тогда, поверьте, было очень не смешно, было очень сложно: было много казусов, нелепостей, я метался, я чувствовал, что я делаю что-то интересное, но встречал противодействие. Однажды меня пригласили в очень высокую инстанцию. А у меня была такая одна из первых песен – песня про Леньку Королева, может быть, приходилось слышать вам. Ну, и мне сказали в высокой инстанции – человек, который был обременен большими знаниями о культуре, он сказал, чтобы я ее не пел, потому что “она неправильно ориентирует молодежь”. “Чем же она неправильно ориентирует?” – спросил я. “А вот у вас там есть такие строчки: он ушел воевать и погиб, и некому оплакать его жизнь. Как, то есть, некому?! – Остался ведь народ, всякие организации...”»⁷⁸. А последние строфы – все о том же, хотя песня настолько на слуху, знакома и привычна, что таким образом ее редко прочитывают:

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
всё мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять⁷⁹.

То, что здесь описано, – ощущение, которое возникает, когда думаешь о ком-то дорогом, кто недавно умер. И то, что без Леньки Москва не та, тоже может быть прочтено как слова о том, что одна жизнь закончилась, а сейчас уже другая – как вполне естественно видит человек, вернувшийся после 15-летнего отсутствия и кого-то своего не заставший. Как Окуджава напишет через 20 с лишним лет все о том же Арбате – «фауна не та»⁸⁰:

Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Леньки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля⁸¹.

Продолжая военную тему, Окуджава дает в сборнике «Ангелов» и «Первый день на передовой». Если посмотреть на них с этой точки зрения, то будет видно: первые московские стихи Окуджавы о войне, стихи конца 1950-х г., рубежа 1950–1960-х гг., – это стихи *о границе между прошлым и нынешним*. «Ангелы»:

Я к вам забегу
давным-давно,

как еще до войны,
как в той тишине,
когда так нужны
вы не были мне...⁸²

Это его тема, но это тема не только его, она вообще очень характерна для поэтов военного поколения. Стихотворение Сергея Орлова 1952 г.:

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я – восемнадцатилетний –
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв...⁸³

Приснилось мне жаркое лето...

Не тревожащийся, «что девушка в садике школьном / Впервые тоскует о нем», шагающий прямо по полю, не жалея пшеницы.

Но после войны нельзя не дорожить тем, что поле красиво и не истоптано, а девушка – ждет. Война как граница, отделившая одну жизнь от другой – не военной, но уже тоже без войны, просто после войны. Стихотворение 1956 г.:

Голос первой любви моей – поздний, напрасный –
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть⁸⁴?
Голос первой любви моей – поздний, напрасный...

«Первый день на передовой» – об инициации, тем более что здесь есть мифологические детали: осина, согласно фольклорной традиции, – предающее дерево, не укrywшее Марию с Младенцем во время бегства в Египет, дерево, на котором повесился Иуда.

Кричу, обессилив,
через хрипоту:
«Пропадаю!»
И к ногам осины,
весь в поту,
припадаю.

<...>

И в сопревшую листву зарываюсь
и просыпаюсь...

Я, к стволу осины прислонившись, сижу,
я в глаза товарищам гляжу-гляжу:
а что, если кто-нибудь в том сне побывал?
А что, если видели, как я воевал⁸⁵?

Но Окуджава все-таки пишет стихотворение, которое он не может отпустить лишь в метафоры и аллюзии. Это стихотворение об очень остром ощущении, которое возникает, когда сталкиваются представления с реальностью:

Волнения не выдавая,
оглядываюсь, не спрашивая.
Так вот она – передовая!
В ней ничего нет страшного.

Трава не выжжена, лесок не хмур,
и до поры
объявляется перекур⁸⁶.

Некоторые фрагменты из «Будь здоров, школяр», которого Окуджава при публикации датировал августом 1960 – февралем 1961 г., прямо видны в этом стихотворении:

Звонят комары.

Звонят, звонят
возле меня.
Летят, летят –
крови моей хотят⁸⁷.

Комары звонят, они же пули, сон, реальность:

Отбиваюсь в изнеможении
и вдруг попадаю в сон:
дым сражения, окружение,
гибнет, гибнет мой батальон.

А пули звонят
возле меня.
Летят, летят –
крови моей хотят⁸⁸.

В повести – не во сне, а наяву, не комары, а птицы:

Кто-то стягивает меня за ногу вниз.
– Жить надоело? – шипит комбат. – Ты что здесь околачиваешься?
– Посмотреть хотел, – говорю я.
Наблюдатели смеются.
– Птицы откуда-то, – говорю я.
– Птицы? – переспрашивает комбат.
– Птицы...
– Какие птицы? – спрашивает из окопчика телефонист Кузин.
– Птицы, – говорю я и уже сам ничего не понимаю.
– Разве это птицы? – устало смотрит на меня комбат.
– Птицы... – смеется Кузин⁸⁹.

Жить хочется!
Жить хочется!
Когда же это кончится?

Мне немного лет...
гибнуть толку нет...
я ночных дозоров не выстоял...
я еще ни разу не выстрелил...⁹⁰

А эти строчки того же стихотворения близки фрагменту повести «Колокольчик – дар Валдая...»:

Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умирать. Маленький кусочек свинца в сердце, в голову – и все? И мое горячее тело уже не будет горячим?.. Пусть будут страдания. Кто сказал, что я боюсь страдать? Это дома я много боялся. Дома. А теперь я все уже узнал, все попробовал. Разве не достаточно одному столько знать? Я ведь пригожусь для жизни. Помогите мне. Ведь это даже смешно – убивать человека, который ничего не успел совершить. Я даже десятого класса не кончил. Помогите мне. Я не о любви говорю. Черт с ней, с любовью. Я согласен не любить. В конце концов, я уже любил. С меня хватит, если на то пошло. У меня мама есть. Что будет с ней?.. А вы знаете, как сладко, когда мама гладит по голове? Я еще не успел от этого отвыкнуть. Я еще нигде толком не побывал. Я, например, не был еще на Валдае. Мне ведь нужно посмотреть, что это за Валдай? Нужно? Кто-то ведь написал: «...И колокольчик – дар Валдая...» А я даже таких строчек написать не смогу. Помогите мне. Я все пройду. До самого конца. Я буду стрелять по фашистам, как снайпер, буду единоборствовать с танками, буду голодать, не спать, мучиться...⁹¹

О любви я уже все знаю, хотя десятого класса еще не кончил и Федора Глинку вспомнить не могу: такой образ очень наивного и очень юного человека получается у Окуджавы. И этот юный человек показан во всей своей незащитности, в молитве неизвестно к кому, в молитве человека неверующего – здесь есть что-то близкое гораздо более поздним строчкам, написанным, вероятно, о том же его военном времени, что и «Будь здоров, школяр»:

Мама меня от беды берегла,
Бога просила о том, атеистка,
карагандинской фортуны своей
лик, искореженный злом, проклиная...⁹²

«*Полночный троллейбус*», оказавшийся в сборнике после «Первого дня на передовой», казалось бы, совсем о другом, но

все-таки о том же. О том, как человек остается наедине со своим страхом и со своей болью («...и боль, что скворчонком стучала в виске, / стихает, / стихает»⁹³). Но в этой песне, такой известной, которую одной из первых назовут, если спросить о песнях Окуджавы, рядом оказываются другие люди, к которым можно прикасаться плечами и в чем молчанье так много доброты: предположим опять, что потому «Полночный троллейбус» и песня, в отличие от «Первого дня на передовой», что в нем очень силен этот образ общности, которая есть, которая где-то рядом, за спиной («...чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи / крушенье, / крушенье»⁹⁴):

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
случайный.

<...>

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры – матросы твои –
приходят
на помощь⁹⁵.

Троллейбус синий, конечно же, не только потому, что в синий были выкрашены все троллейбусы. Это не только знак высокого, это цвет и грусти, и надежды. Та же надежда на что-то спасительное – в синем цвете колокольчика, который дар Валдая.

«Медсестра Мария». Это стихотворение открывает такую большую у Окуджавы и очень нечастую вообще тему – это не про боль, не про разлуку, не про войну – тему *вины* и прежде всего *вины перед женщиной*. «Мне нужно на кого-нибудь молиться» и «Тьмою здесь все занавешено...» – это о том, что не нужно воспринимать как само собой разумеющееся, что женщина живет под крышей, где «сочится вода», и что туфельки у нее «старенькие». Это дар, про который нужно помнить, хотя все живут под крышей, где «сочится вода», и у всех туфельки – «старенькие». А в «Медсестре Марии» – вина привычки видеть в бытовом только бытовое. И опять отметим – уже никакого романтического непонимания здесь нет:

А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее?
– Ты знаешь, а вот офицерские дочери
на нас, на солдат, не глядят.

А поле клевера было под нами,
тихое, как река.
И волны клевера набегали,
и мы качались на них⁹⁶.

«Стихи Окуджавы очень *целомудренны*» – это часто звучит в статьях о нем. Но точно так же, как он умел сочетать высокое и бытовое (и в значительной мере именно это сочетание создавало стихотворение), Окуджава сводил рядом любовь к женщине, возвышающую ее, и любовь в самом естественном, физическом смысле. Не много у него таких стихов: это стихотворение, еще одно, о том, как «любить она идет», поднимается «до чужого этажа»⁹⁷. И, вероятно, чуть более позднее, но тоже навеянное Пастернаком («Петухи»⁹⁸ Пастернака также начинаются словами «Всю ночь...»):

Всю ночь кричали петухи
и шеями мотали,
как будто новые стихи,
закрыв глаза, читали.

Но было что-то в крике том
от едкой той кручины,
когда, согнувшись, входят в дом
постылые мужчины⁹⁹.

В 1967 г. Окуджава напишет о Пушкине: «Он красивых женщин любил / любовью не чинной...»¹⁰⁰ – вот об этой «нечинности» он пишет в нескольких стихотворениях рубежа 1950–1960-х гг. (здесь же и песня о девочке Отраде), лишая высоту того, о чем он говорит во многих других стихах, ее заоблачности и оторванности от жизни:

И был тот крик далек-далек
и падал так же мимо,
как глядят, глядя в потолок,
чужих и нелюбимых.

Когда ласкать уже невмочь
и отказаться трудно...
И потому всю ночь, всю ночь
не наступало
утро¹⁰¹.

Возвращаясь к «Медсестре Марии»: это не просто о близости, это о бестактности, которая в близости наиболее остра – когда «Мария, раскинув руки, / плыла по этой реке. / И были черными и бездонными / голубые ее глаза»¹⁰². Женских имен в стихах у Окуджавы не так много, и в основном это имена-символы (хотя есть, конечно, не только они): Надежда (чаще всего), один раз все трое – Вера, Надежда, Любовь, еще раз Любовь, правда, в гораздо более сниженном «Люба» («А Люба смотрит: что за красота! / А я гляжу: на ней такая брошка!»), и Мария, медсестра Мария, а через много лет – «Не плачь, Мария, радуйся, живи...» («Надпись на камне»). Имя неслучайное, высокое, чистое, хотя Окуджаве здесь не столько Евангелие важно, сколько сами высота и чистота. Которые особенно подчеркнуты обидой, грубостью:

И я сказал медсестре Марии,
когда наступил рассвет:
– Нет, ты представь: офицерские дочки
на нас и глядеть не хотят¹⁰³.

Сразу за этой песней – песня о других совершенно обидах, «Новое утро»:

Не клонись-ка ты, головушка,
от невзгод и от обид.
Мама, белая голубушка,
утро новое горит¹⁰⁴.

Отсюда, через личное, через семейное, через больное, через продолжение темы об обидах, нанесенных женщине, входит в лирику Окуджавы то, что называется *социальная*, или *общественная*, *проблематика*, – но эти устойчивые выражения очень неточны, когда речь идет об Окуджаве, который много очень писал об эпохе, о людях внутри эпохи, но у которого, как правило, все эти темы пропущены через что-то очень личное. Ласковое «белая голубушка»: опять смешение цветов, как в песне о медсестре Марии, где у нее то ли голубые, то ли черные глаза, и клевер вокруг то ли белый, то ли красный. Метафора и деталь, возвышенное и осязаемое, значения цвета, вкуса, запаха и сами цвет, вкус, запах – Окуджава часто строит стихотворение на сочетании того и другого.

Следующее стихотворение – тоже к маме. «*Настоящих людей так немного!*»:

Настоящих людей так немного!
Всё вы врете, что век их настал.
Посчитайте и честно и строго,
сколько будет на каждый квартал¹⁰⁵.

Утро новое, но сразу же и сомнение в этой метафоре, очень похожей на «оттепель» Эренбурга, сомнение в том, что настал новый век:

Настоящих людей очень мало:
на планету – совсем ерунда,
на Россию – одна моя мама,
только что ж она может одна¹⁰⁶?

Болит уже не так сильно, потому что рядом люди, к которым можно эту боль принести, – так завершается «Полночный троллейбус»:

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает,
стихает¹⁰⁷.

В «*Песенке об открытой двери*» схожий образ: должно быть какое-то убежище, куда можно прийти. Опять стихия, уже не вода – метель и огонь, опять сразу и *метафорический*, и *не-метафорический* планы («...огонь сосны с огнем души / в печи перемешайте»):

Когда метель кричит как зверь –
протяжно и сердито –
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта¹⁰⁸.

«*Песенка о Фонтанке*», об удивленных ленинградцах, оказывается про *память о войне*, которая вроде бы давно была, но все еще продолжается:

От войны еще красуются плакаты,
и погибших еще сняты голоса.
Но давно уж – ни осады, ни блокады –
только ваши удивленные глаза¹⁰⁹.

Стихи Окуджавы про память о войне обычно о том, как воевавший человек не может забыть что-то, что с ним было на войне, или кого-то, кто с войны не вернулся. Память о войне в бытовой послевоенной жизни – это тема поэтов поколения Окуджавы, может быть, наиболее отчетливая у Бориса Слуцкого:

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы – те, которым
Я лично больше б доверял¹¹⁰.

Баня

Определю, едва взгляну:
Росли и выросли в войну¹¹¹.

Определю, едва взгляну...

Я носил ордена.
После – планки носил.
После – просто следы этих планок носил.
А потом гимнастерку до дыр износил
И надел заурядный пиджак.

А вдова Ковалева все помнит о нем,
И дорожки от слез – это память о нем,
Столько лет не забудет никак¹¹²!

Память

На перекрестке пел калека

Д. Самойлов

Ползет обрубок по асфальту,
Какой-то шар,
Какой-то ком.
Поет он чем-то вроде альта,
простуженнейшим голоском¹¹³.

Песня

Оказывается, война
не завершается победой.
В ночах вдовы, солдатки бедной,
ночь напролет идет она¹¹⁴.

Оказывается, война...

Стихотворение Окуджавы о ленинградцах заканчивается так:

Я – приезжий. Скромно стану в отдаленье.
Слов красивых и напрасных не скажу:
что я знаю?

Лишь на ваше удивленье
удивленными глазами погляжу¹¹⁵.

Это еще одна тема, которая есть у многих воевавших поэтов: военный опыт не пережившему не понять. Пережившему, но по-другому, тоже. Стихотворение о блокадниках Окуджава ставит рядом с «*Московским муравьем*», о защитниках Москвы, где опять, как в обращении к Неве Петровне, сопоставлены «я» и «история»: не 30 прожитых лет, а 300 лет от одного московского ополчения до другого.

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам¹¹⁶.

И Москва, и Ленинград (Петербург) у Окуджавы в это время очень тесно связаны с темой встраивания в традицию, культуру, и это еще одна характерная для «оттепели» черта – через недавние сталинские годы прорваться вглубь, туда, откуда можно продолжать. Это же в 1987 г. сформулировал Бродский в нобелевской лекции, говоря о своем поколении, что оно – «поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените своей богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явилось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага»¹¹⁷. Поколения Бродского и Окуджавы – разные, и существенно разные, но в литературу они пришли почти одновременно.

«*Часовые любви на Смоленской стоят...*» – еще одно стихотворение, где военная символика – не для разговора о войне, а времена года – опять про «оттепель»:

О, великая вечная армия,
где не властны слова и рубли,
где все – рядовые: ведь маршалов нет у любви!
Пусть поход никогда ваш не кончится.
Признаю только эти войска!..
Сквозь зимы и вьюги к Москве подступает весна¹¹⁸.

Весна подступает к Москве, которая символ вообще России, но при этом и свою Москву Окуджава очерчивает: Смоленская площадь, Никитские ворота, Петровка, Неглинная, Волхонка, Арбат.

«Мой мальчик, нанося обиды...»:

Мой мальчик, нанося обиды,
о чём заботятся враги?
Чтоб ты не выполз недобитый,
на их нарвавшись кулаки.

Мой мальчик, но – верны и строги –
о чём заботятся друзья?
Чтоб не нашел ты к ним дороги,
свои тревоги пронося¹¹⁹.

И опять: нет здесь уже романтической невозможности обрасти друзьями, да и посвящено стихотворение Станиславу Рассадину, самому младшему из сотрудников тогдашней «Литературной газеты» (из воспоминаний Рассадина: «...мы с ним в один и тот же августовский день 1959 года перебежали сюда из невыносимой для обоих “Молодой гвардии”...»¹²⁰), где работали Лазарь Лазарев, человек воевавший, критик, которому принадлежит понятие «окопная правда», как раз в те годы им и примененное к прозе Бакланова, Быкова, Воробьева, позже и об Окуджаве писавший; Бенедикт Сарнов, критик, которому посвящено гораздо более позднее стихотворение о той дружеской, в каком-то смысле диссидентской, компании, которая была в 1970-е гг.; Наум Коржавин, неоднократно вспоминавший о том, как он впервые услышал «Мне нужно на кого-нибудь молиться», и которому тоже посвящено одно из поздних стихотворений.

Именно поэтому:

И всё-таки, людьми ученый,
еще задолго до седины,
рванешь рубаху обреченно,
едва останешься один.

И вот тогда-то, одинокий,
как в зоне вечной мерзлоты,
поймешь, что все, как ты, двуноги,
и все изранены, как ты¹²¹.

Не романтическое одиночество – одиночество, такое же, как у всех. А в это время уже в кабинете Окуджавы гитара, и его постоянно просят спеть.

После стихотворения, посвященного Станиславу Рассадину, – три короткостишия. По воспоминаниям Эллы Маркман, Окуджава уже когда-то экспериментировал с двестишиями, теперь опять – независимо от того, были ли эти стихи в действительности написаны в один период, – он ищет форму. Два из них – новая попытка подойти к прямому поучению. *«Дома лучше (что скрывать?)...»*:

Дома лучше (что скрывать?),
чем на площади холодной:
здесь хоть стулья да кровать –
там – всего лишь флаг бесплодный¹²².

Приватность вместо включенности в общественную жизнь – опубликовано стихотворение лишь в 1996 г., но, отнесенное к «Пятидесятым», это, пожалуй, первое известное нам стихотворение Окуджавы с его *декларацией общественной позиции*.

Здесь, хоть беден, хоть богат,
остаюсь самым собою.
Здесь я – барин, там – солдат,
и разлука за спиною¹²³.

«Остаюсь самым собою» – об этом у Окуджавы будет много, и о том, что основная задача творческого человека – выразить себя.

Следующее стихотворение, одностишие: *«Жизнь моя – странствия. Прощай! Пиши!»* И опять – как будто похоже на романтическое, но нет:

Мне нужно выяснить не за рубли:
широки ли пространства твоей души,
велико ль государство моей любви¹²⁴.

И наконец, стихотворение, где Окуджава играет с языком – *«Не пробуй этот мед: в нём ложка дегтя»*:

Не пробуй этот мед: в нём ложка дегтя.
Чего не заработал – не проси.
Не плрой в колодец. Не кичись. До локтя
всего вершок – попробуй укуси¹²⁵.

Это игра с клише, с фразеологией, с отсылками к очень известным пушкинским стихам, но последние две строки из этой игры создают содержание – общеизвестно, что счастья нет:

Час утренний – делам, любви – вечерний,
раздумьям – осень, бодрости – зима...
Весь мир устроен из ограничений,
чтобы от счастья не сойти с ума¹²⁶.

Из стихотворений к Ольге Батраковой – *«Эта женщина такая...»*:

Эта женщина такая:
ничего не говорит,
очень трудно привыкает,
очень долго не горит.

Постепенно, постепенно
поднимается, кружа
по ступеням, по ступеням
до чужого этажа¹²⁷.

«Эта женщина...» – так уже начиналась песня конца 1940-х гг., там все было близко – «А она на нашей улице живет!», – но недоступно, здесь эта женщина – своя (так и будет сказано еще в одном стихотворении к Ольге Батраковой: «Вы с ума сошли: она ж – своя!»¹²⁸):

До далекого, чужого,
до заоблачных высот...
и, прищурясь, смотрят жены,
как любить она идет,

как идет она – не шутит,
хоть моли, хоть не моли...
И уходят в норы судьи
коммунальные мои¹²⁹.

В стихах к Ольге Батраковой проявляются иногда пастернаковские строки («И соседка, обогнув задворки, / Оставляет нас наедине»)¹³⁰.

Снова об инициации на войне, уже с Крымом, почти с автобиографическим Новороссийском. *«Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок»*:

Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок.
Я снова живой на выжженном теле Крыма.
И вырастают вместо крыльев тревог
за моей человеческой спиной надежды крылья¹³¹.

Перебивая военную тему – посвященное Евгению Рейну
«Из окон корочки несет поджаристой», одна из многих у Окуджавы песен о том, что женщина не любит – и никак ее не уговоришь:

А кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький, спеши, спеши!
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
в любую сторону твоей души.

Я знаю, вечером ты в платье шелковом
пойдешь по улицам гулять с другим..
Ах, Надя, брось коней кнутом нащелкивать,
попридержи-ка их, поговорим!¹³²

«Она в спецовочке, в такой промасленной, / берет немислимый такой на ней...»¹³³ – бытовая деталь, создающая реальность образа, как и в идущей следом «Песенке о комсомольской богине»:

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.

За окном всё дождик тенькает:
там ненастье на дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре¹³⁴.

Юношеская компания, добровольцы, уходящие на фронт, мальчишеская курточка и при этом женственность. Опять визуальность, работа со зрением: рыжее и синее – это сочетающиеся цвета:

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет.

А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске ее дрожит¹³⁵.

«Комсомольская богиня» – опять, как в «Сентиментальном марше», вроде бы оксюморон, опять привычную для советской литературы символику Окуджавы оттеняет непривычными сочетаниями. И рядом с этой «богиней» – разговорное «братцы», звучащее совершенно иначе, чем «ребята», которые не должны растоптать васильки, идя в атаку (стихотворение «Я уйду от пули...»), – это обращение к своим:

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом^{136!}

И снова стихи о войне перебиваются чем-то совершенно иным. «Искала прачка клад» – стихотворение без посвящения бабушке Лизе, но, видимо, о ней. Евгений Евтушенко: «Окуджава показал мне рукопись новой книги стихов. Раскрыв ее, я был поражен – эти стихи были, казалось, написаны совсем другим поэтом, если сравнить с калужской книжкой. Сразу в память врезались такие строчки: “Сто раз я нажимал курок винтовки, а вылетали только соловьи” и еще образ прачки, так яростно стирающей белье, как будто в мыльной пене она ищет клад. В этом была внутренняя линия: поэзия Окуджавы и была той самой прачкой, которая все-таки достигала до своего, нашла клад своего таланта»¹³⁷. Эта рукопись с помощью Евтушенко превратилась в книжку «Острова».

«До свидания, мальчики» – одна из самых известных песен Окуджавы. Это обращение к войне похоже очень на бытовой разговор на кухне, не самого высокого штиля, что-то вроде обращенного к женщине «ах ты, подлая», как заметил когда-то Лев Шиллов:

Ах война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли –
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад¹³⁸.

Это взгляд из нынешнего времени в то – взгляд человека, который знает, что, скорее всего, мальчики не вернуться. Взгляд одного из немногих уцелевших – и поэтому повтор:

...И все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
наши девочки платьица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...

<...>

До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад¹³⁹.

После очень известной песни о том, как со двора уходили мальчики и девочки, – гораздо менее знаменитая, тоже о дворе, где опять Окуджава играет с противоположностями, с радостью и плачем («То грустен он, то весел он, но он всегда высок...» – это о городе, о Москве, из «Московского муравья»). *«На арбатском дворе – и веселье и смех»:*

На арбатском дворе – и веселье и смех.
Вот уже мостовые становятся мокрыми.
Плачьте, дети!
Умирает мартовский снег.
Мы устроим ему веселые похороны¹⁴⁰.

Непонятные кузнечики, которые «соро-соро... к нам заторопятся» (почему именно они?), станут у Окуджавы синонимом поэта, и появляются они, видимо, из переводов Пастернака.

По кладовкам по темным поржавеют коньки,
позабывшие лыжи по углам покоробятся...
Плачьте, дети!
Из-за белой реки
соро-соро кузнечики к нам заторопятся.

Будет много кузнечиков. Хватит на всех.
Вы не будете, дети, гулять в одиночестве...¹⁴¹

Это то же стихотворение, а вот чуть более позднее, *«О кузнечиках»:*

Два кузнечика зеленых в траве, насупившись, сидят.
Над ними синие туманы во все стороны летят.
Под ними красные цветочки и золотые лопухи...
Два кузнечика зеленых пишут белые стихи.

<...>

Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды пробиваются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...¹⁴²

Еще через несколько лет – посвященное Ярославу Смелякову стихотворение «*В детстве мне встретился как-то кузнечик*»:

В детстве мне встретился как-то кузнечик
в дебрях колечек трав и осок.
Прямо с колючек, словно с крылечек,
спрыгивал он, как танцор, на песок,
передо мною маячил мгновенье
и исчезал иноходцем в траве...
Может быть, первое стихотворенье
зрело в зеленой его голове.
– Намереваюсь! – кричал тот кузнечик.
– Может ли быть? – усмехался сверчок¹⁴³.

«Кузнечик и сверчок» – это стихотворение Китса, переведенное Пастернаком: отсюда, вероятно, и первые кузнечики Окуджавы, а затем они уже прочно стали означать у него поэта, творческого человека, так же как мастера и музыканты. В 1980-е гг. кузнечик-поэт появится в поэме «Полдень в деревне» (посвящена тоже поэту, Владимиру Соколову) и, наконец, в песне, посвященной Юлию Киму, «*Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?*»:

Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь. Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев до хрипа,
он неба достигает своего¹⁴⁴.

После «На арбатском дворе...» – военное стихотворение «*Не вели, старшина, чтоб была тишина*». Так они и чередуются – московские и военные, одновременно военные и московские. Когда Окуджава в середине 1970-х гг. напишет: «...и из собственной судьбы / я выдергивал по нитке»¹⁴⁵, в этом будет очень точное описание того, *как он работал*: брал где-то увиденную деталь, где-то пойманный образ и превращал их во что-то уже совершенно иное.

Не вели, старшина, чтоб была тишина.
Старшине не всё подчиняется.
Эту грустную песню
придумала война...
Через час штыковой начинается.

Земля моя, жизнь моя, свет мой в окне...
На горе врагу улыбнусь я в огне.
Я буду улыбаться, черт меня возьми,
в самом пекле рукопашной возни¹⁴⁶.

Это уже вариация «Перед атакой» Семена Гудзенко, правда, гораздо более мягкая: перед атакой не страшно, а грустно, в атаке – не песня, а улыбка. Но здесь появляется *ирония*, на которой построена будет в 1961 г. повесть «Будь здоров, школяр» – взгляд на изображенное, на «я» из более позднего времени, *рефлексия*:

Пусть хоть жизнь свою укорачивая,
я пойду напрямик
в пулеметное поколачиванье,
в предсмертный крик.
<...>
Чтоб видели враги мои и знали бы впредь,
как счастлив я за землю мою умереть¹⁴⁷!

Ирония у Окуджавы – и прием, и тема. Ирония как рефлексивность, как взгляд назад – это будет и в автобиографической прозе, когда почему-то из всего бывшего он выберет и сделает яркими такие детали, как самоуверенность недавнего студента, наивность недавнего школьника, и в стихах. Из 1980-х гг., «*Я выдумал музу Иронии...*»:

Я выдумал музу Иронии
для этой суровой земли.
Я дал ей владенья огромные:
пари, усмехайся, шали¹⁴⁸.

В последней строфе стихотворения «Не веди, старшина...» – тема *судьбы*, такая важная у Окуджавы («Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...»¹⁴⁹ – самая известная из многих-многих строк), тема нежелания героического:

...А пока в атаку не сигналила медь,
не мешай, старшина, эту песню допеть.
Пусть хоть что судьбой напорочится:
хоть славная смерть,
хоть геройская смерть –
умирать всё равно, брат, не хочется¹⁵⁰.

«*О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...*» – тоже стихотворение о гибели, и тоже о судьбе, и тоже о судьбе, которая досталась не одному, а всем, поколению:

О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?
Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют,
где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают¹⁵¹.

Расстрелянный отец двенадцатилетнего мальчика, который видит его сегодняшний звездный час – опять вроде бы религиозный мотив, нередкий у Окуджавы в конце 1950-х гг., но этот образ похож на сцену встречи сына и погибшего отца в фильме Марлена Хуциева: скорее, попытка увидеть собственное поколение, его корни. Где-то здесь начало интереса Окуджавы к истории поколений, который заставит его написать «Упраздненный театр»:

По-моему, всё распрекрасно, и нет для печали причин,
и грустные те комиссары идут по Москве как один,
и нету, и нету погибших среди старых арбатских ребят...¹⁵²

«...Память – нелегкая служба», а «арбатские ребята»¹⁵³ помнят многое. Перебивая тему памяти и потерь, Окуджава дает стихотворение «*Горит пламя, не чадит*»:

Горит пламя, не чадит.
Надолго ли хватит?
Она меня не щадит –
тратит меня, тратит.

Быть недолго молодым,
скоро срок догонит.
Неразменным золотым
покачусь с ладони¹⁵⁴.

В одном из сборников («Я выбираю свободу») Окуджава пометил это стихотворение февралем 1960 г.: 35 лет, почти тот возраст, когда Данте спускался в ад, «земную жизнь пройдя до половины».

А она щедра, щедра –
надолго ли хватит?¹⁵⁵

Тема рubeжа, и становится понятно, что не случайно это стихотворение оказалось рядом с другим, о том, что «память – нелегкая служба»: если всмотреться в стихи Окуджавы о «прошлом», о «былом», о «минувшем» – а их много, – будет видно, что тема прошлого, взгляд назад появляется у Окуджавы на рубеже 1950–1960-х гг.

«Сто раз закат краснел, рассвет синел...» – почти сказочный зачин в стихотворении, где возникают уже не просто реалии военного быта (как в «Вобле»), и не просто реалии войны («Не вели старшина...»), но реалии того, в чем участвовал Окуджава (Моздок):

Сто раз закат краснел, рассвет синел,
сто раз я клял тебя, песок моздокский,
пока ты жег насквозь мою шинель
и блиндажа жевал сухие доски.

А я жевал такие сухари!
Они хрустели на зубах, хрустели...
А мы шинели рваные расстелим –
и ну жевать. Такие сухари!¹⁵⁶

Еще одно «военное» стихотворение, «Тамань», снова с почти автобиографической отсылкой к собственной военной географии, но с лермонтовскими реминисценциями, сразу придающими истории о войне значение чего-то смутного, сомнительного, нечистого:

Год сорок первый. Зябкий туман.
Уходят последние солдаты в Тамань.

<...>

Грязная волна наползет едва –
приподнимется слегка голова;
вспять волну прилив отнесет –
ткнется устало голова в песок.

Эй, волна! Перестань, не шамань:
не заманишь парня в Тамань...¹⁵⁷

Лермонтов, волшебная сказка с ее «долго ли, коротко ли» – это *цитатность*, так свойственная Окуджаве, и это опять значенные *границы*, и опять тема *времени*:

Отучило время меня дома сидеть.
Научило время меня в прорезь глядеть.
Скоро ли – не скоро, на том ли берегу
я впервые выстрелил на бегу.

Отучило время от доброты:
атака, атака, охрипшие рты...
Вот и я гостинцы раздаю-раздаю...
Ты прости меня, мама, за щедрость мою¹⁵⁸.

Та же тема – возможного перевоплощения, отказа от привычного себя – в следующем стихотворении – «*На мне костюмчик серый-серый...*»:

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут –
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль¹⁵⁹.

Для Окуджавы, который позже будет настойчиво повторять, что для него песня – это всего лишь способ исполнения стихов, гитара в самом начале была знаком, возможностью себя каким-то образом заявить и, наоборот, себя чему-то противопоставить. «*Гитара*», стихотворение начала 1960-х гг., еще из «романтических» стихов:

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
пускай завистник свое кричит –
моя гитара меня обнимет,
интеллигентно она смолчит.

Тебе не первой, тебе не первой
предъявлен веком нелегкий счет.
Моя гитара, мой спутник верный,
давай хоть дождь смахну со щек¹⁶⁰.

Это стихотворение – одно из первых наряду с песней «О чем ты успел передумать...», где Окуджава говорит о себе, выступающем в этом еще новом для него качестве – с гитарой и перед слушателями, ловящими каждое слово. Опять *автобиографическая деталь* – голос у него действительно тихий. Но тихие звуки в стихах Окуджавы о музыке, о музыкантах будут знаком настоящего, а крик, декларация – ложного, лишнего. Серый костюм, пиджаки, костюмы, да еще и потертые – тоже для него знак простоты, интеллигентности. И вдруг оказывается, что здесь речь не только о простоте и настоящести, вдруг строчка «не потому, что славен я» возносит стихотворение до сопоставления с пушкинским «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и тогда плачущие в зале люди – это те, в ком чувства добрые лирой пробуждаются. То, что в «Лирике» было данью канону (обязательное упоминание Пушкина, гибели Пушкина), стало теперь способом увидеть себя внутри литературной традиции.

Жалейте, милые, жалейте,
пока жалеется еще,
пока в руке моей гитара,
а не тяжелый автомат¹⁶¹.

И наконец, в третьей строфе – как раз та тема возможного выступления в какой-то иной ипостаси, в контексте пушкинских реминисценций обрастающая новыми значениями.

Еще одна, огромная, тема у Окуджавы, проходящая с 1950-х гг. почти до самого конца, – выбор, который нужно сделать. «Магическое «два». Его высоты...»:

Магическое «два». Его высоты,
его глубины... Как мне превозмочь?
Два соболя, два сокола, две сойки,
закаты и рассветы, день и ночь,

две матери, которым верю слепо,
две женщины, и, значит, два пути,
два вероятных выхода, два неба –
там, наверху, и у меня в груди¹⁶².

После «Нового утра» (о матери) и «О чем ты успел передумать...» (об отце), после стихотворения о «площади холодной» и «флаге бесплодном» – «*Песенка про Черного кота*», гораздо более известное высказывание Окуджавы на общественные темы в это время:

Он давно мышей не ловит,
усмехается в усы,
ловит нас на честном слове,
на кусочке колбасы.

Он не требует, не просит,
желтый глаз его горит,
каждый сам ему выносит
и спасибо говорит¹⁶³.

В разных сборниках Окуджавы стихотворение датируется то 1960 г., то гораздо более расплывчато 1957–1961 гг., опубликовано оно в 1966 г. в «Сельской молодежи». Эти «усы», дважды упоминаемые («Он в усы усмешку прячет...»), весь этот образ – конечно, это ответ Окуджавы на поднявшиеся дискуссии о Сталине, но стихотворение шире: оно о «нас», которых никто не принуждает, которые сами выбирают служить коту и говорить ему «спасибо». Это еще более резкое высказывание, чем «Наследники Сталина» Евтушенко, написанные сразу после выноса тела Сталина из Мавзолея в октябре 1961 г.: дело не в наследниках, дело в нас (об этом «Говорит Москва» и «Искушение» Юлия Даниэля, которые он напишет на несколько лет позже):

Оттого-то, знать, не весел
дом, в котором мы живем...
Надо б лампочку повесить –
денег всё не соберем¹⁶⁴.

Посвященные Белле Ахмадулиной «*Рифмы, милые мои...*» – еще одно в поэтической форме высказанное удивление резким поворотом, действительно вдруг вынесшим в высокую литературу:

С вами я, как тот богач,
и куражусь и чудачу,
но из всяких неудач
выбираю вам удачу...
Я как всадник на коне
со склоненной головою...

Господи, легко ли мне?
Вам-то хорошо ль со мною?¹⁶⁵

Но здесь и тема выбора (на этот раз уже сделанного), и связанная с выбором тема потерь. И *удачи*, которая у Окуджавы тоже не была случайным словом. Здесь и самое известное – «*Ваше благородие госпожа разлука...*»:

Ваше благородие госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце постой – не зови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви¹⁶⁶.

И, например, такая песня – «*Затихнет шрапнель, и начнет-ся апрель*»:

В назначенный час проиграет трубач,
что есть нам удача среди всех неудач,
что все мы еще молодые,
и крылья у нас золотые¹⁶⁷.

И опять очень известное – «*Арбатский романс*»:

Была бы нам удача всегда из первых рук,
и как бы там ни холило, ни било,
в один прекрасный полдень оглянетесь вокруг,
и всё при вас, целехонько, как было:

арбатского романса знакомое шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье,
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте»...¹⁶⁸

И позднее – «*Строка их старого стиха слывет ненастоящей...*»:

Текут стихи на белый свет, и нету им замены,
и нет конца у той реки, пока есть белый свет.
Не о победе я молю: победы все надменны,
а об удаче я молю, с которой спроса нет¹⁶⁹.

Гадание по ладони, попытка узнать – но не будущее, а прошлое. «*Раскрываю страницы ладоней*»:

Раскрываю страницы ладоней,
молчаливых ладоней твоих,
что-то светлое и молодое,
удивленное смотрит из них.

Я листаю страницы. Маячит
пережитое. Я как в плену.
Вот какой-то испуганный мальчик
сам с собою играет в войну¹⁷⁰.

Пережитое арбатское, военное – и сразу две ключевые темы Окуджавы: понять собственное прошлое, понять собственные созданные когда-то миры, иллюзии.

И уже не найти человека,
кто не понял бы вдруг на заре,
что погода двадцатого века
началась на арбатском дворе.
<...>
Кто там плачет?
Никто там не плачет...
Просто дети играют в войну!¹⁷¹

«*Три сестры*», как и «*Рифмы, милые мои...*», спрятаны где-то между другими стихами: очень известная песня, где все такое привычно окуджавское – Вера, Надежда, Любовь, шторы – синие. Но песня о том же: об ощущении границы, рубежа, новой жизни и закончившейся старой:

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы
молчаливые: Вера, Надежда, Любовь¹⁷².

Что остается перед лицом смерти (так же – и в момент обращения к Богу в чуть более поздней «Молитве»):

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
– Не грусти, не печалуйся, о моя Вера, –
остаются еще у тебя должники!¹⁷³

И опять тема вины:

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!¹⁷⁴

Судьи милосердные, сестры милосердия, милосердие и вина, тема итога, на этот раз не поэтического, а человеческого:

Чистый-чистый лежу я в наплывах рассветных,
белым флагом струится на пол простыня...
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
открывают бессрочный кредит для меня!¹⁷⁵.

«*Бумажный солдатик*» – опять тема иллюзий и непрочности всего:

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был:
ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный!¹⁷⁶.

Бумажный солдатик, муравей – Окуджава постоянно дает взгляд со стороны на какой-то сложный и богатый мир. «*Мне нужно на кого-нибудь молиться*» – самое известное из посвященных Ольге Батраковой стихотворений (и здесь уже посвящение стоит):

И муравья тогда покой покинул,
всё показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему!¹⁷⁷.

Наум Коржавин вспоминал неоднократно, как слушал впервые эту песню и испугался, что Окуджавы сейчас споет «по образу, подобью своему». И это тоже характерно для стихов Окуджавы: цитата узнаваема, но переиначена по-своему, под то, что нужно. Знаменья, семь дней творенья – и рядом очень бытовая деталь:

И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было легкое на ней¹⁷⁸.

О том, как детали, кадры превращались у Окуджавы в образ, к этим деталям отношения уже не имеющий, – Инна Лиснянская: «Пришла к нему, помню, в “Литературку”, там была маленькая комнатуха, он сел, достал гитару: сейчас я тебе спою, а ты скажи, как ты себя там узнаешь. Поет мне про муравья: “И тени их качались...” Я говорю: Булат, я-то при чем? А вот при чем: “Пальто и туфельки я списал с тебя”. А у меня было вечно рваное пальто, старое, и туфли, вечно рваные, потому что если появлялись деньги, то они уходили на общую нашу водку, на застолье, а так я всегда говорила (идем, дождь): “Подождите” – снимаю туфли, выливаю дождь. У меня одно есть, посвященное ему, стихотворение, там я пишу, как мы шли, из туфель дожди выливали»¹⁷⁹.

Всё позабыв – и радости, и муки,
он двери распахнул в свое жильё
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки ее.

И тени их качались на пороге.
безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли¹⁸⁰.

Еще одно стихотворение к Ольге Батраковой – «...И когда под вечер над тобою...»:

...И когда под вечер над тобою
журавли охрипшие летят,
ситцевые женщины толпою
сходятся – затмить тебя хотят.

<...>

Вот и мне не вырваться из плена.
Так кружиться мне, и так мне жить...

Я – алхимик.
Ты – моя проблема
вечная...
тебя не разрешить¹⁸¹.

Еще одно стихотворение к Станиславу Рассадину, «*Джазисты*»:

Джазисты уходили в ополчение,
цивильного не скинув облаченья.
Тромбонов и чечеток короли
в солдаты необученные шли.

<...>

Едва затихли первые сраженья,
они рядком лежали. Без движенья.
В костюмах предвоенного шитья,
как будто притворяясь и шутя¹⁸².

Еще одно стихотворение о конце одной жизни и начале другой, «*Арбатский дворик*»:

...А годы проходят, как песни.
Иначе на мир я гляжу.
Во дворике этом мне тесно,
и я из него ухожу¹⁸³.

И «*Живописцы*» о том же:

Мостовая пусть качнется, как очнется!
Пусть начнется, что еще не началось!
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
Что гадать нам: удалось – не удалось?

Вы, как судьбы, нарисуйте наши судьбы,
наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы – чужие. Вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню¹⁸⁴.

«*Песенка об Арбате*». Призвание, религия, отечество: это то, о чем потом будут писать в учебниках, не весь Советский Союз, а «малая родина», которая у каждого своя, – деревня у «деревенщиков», Большой Каретный у Высоцкого.

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое призвание.
Ты – и радость моя, и моя беда.

<...>

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя^{185!}

Завершают подборку песен «Пятидесятых» две гораздо менее знаменитые и более похожие на те, которые могли петь тогда в компаниях. *«Над синей улицей портовой...»*:

Над синей улицей портовой
всю ночь сияют маяки.
Откинув ленточки фартово,
всю ночь гуляют моряки.

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат¹⁸⁶.

Опять синева в чем-то очень простом, и здесь же тема зыбкости всего:

Его затихнуть не умолишь –
взметнутся щепками суда.
Земля надежнее, чем море, –
так почему же вы туда?¹⁸⁷

«А мы швейцару: “Отворите двери!..”». Надежда и Надя-Наденька, Любовь и Люба с чужой брошкой:

А мы швейцару: «Отворите двери!
У нас компания веселая, большая,
приготовьте нам отдельный кабинет!»

А Люба смотрит: что за красота!
А я гляжу: на ней такая брошка!
Хоть напрокат она взята,
пускай потешится немножко¹⁸⁸.

И опять привычка называть вещи своими именами, уживающаяся у Окуджавы с умением увидеть высокое и высоко:

На нас глядят бездельники и шлюхи.
Пусть наши женщины не в жемчуге,
послушайте, пора уже,
кончайте ваши «ах» на сто минут.

Здесь тряпками попахивает так...
Здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы...¹⁸⁹

Окуджава заканчивает «Пятидесятые» малоизвестным стихотворением «*Каравай*» – и было бы не совсем понятно, почему именно оно должно завершать подборку столь ярких и известных его стихов этого времени, если бы не две последние строфы, описывающие уже спеченный, уже родившийся каравай, всем существом своим ощущающий этот момент осуществления – и видящий, что он нужен другим:

А в нем живут сгоревшие поленья,
старанья мастериц и мастеров.
Он, как последнее стихотворенье,
и добр, и откровенен, и суров.

И задыхается на белом блюде
от радости рожденья своего...
И кланяются каравая люди
и ломтики уносят от него¹⁹⁰.

XXV
«Чаепитие на Арбате»: «Шестидесятые»

«...Когда я начинаю чувствовать, что я, сочиняя песню, вижу перед собою аудиторию, мне сочинять не хочется. Я не должен сочинять для кого-нибудь – я должен сочинять для себя, тогда может быть успех, удача»¹: в 1960-е гг. вдруг Окуджава перестает писать песни – сначала так часто, как это было несколько лет назад, затем почти перестает, переключаясь на стихи, прозу, сценарии.

Что появляется в 1960-е в его стихах?

Образы *Грузии*, вообще кавказские темы и колорит – очень красивый и совершенно иной, нежели московский: утвердив себя как поэта, пишущего о Москве, Окуджава стал все чаще писать и о Грузии. «*Осень в Кахетии*», где идет столь привычная у Окуджавы игра с красками, – но она здесь не просто прием, она связана с Грузией, где действительно очень насыщенные, очень контрастные цвета неба, реки, вообще природы:

Вдруг возник осенний ветер, и на землю он упал.

Красный ястреб в листьях красных словно в краске утопал².

«*Ночной разговор*», где повторяется такое странное по-русски, но, видимо, такое обычное по-армянски обращение (в «Упраздненном театре» бабушка Мария Вартановна говорит дочери «кянкит матах»³, «радость моя»):

– Мой конь притомился. Стоптались мои башмаки.
Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.
– Вдоль Красной реки, моя радость, вдоль Красной реки,
до Синей горы, моя радость, до Синей горы⁴.

«*Последний мангал*», посвященный Тамазу Чиладзе и Джансугу Чарквиани – грузинским поэтам, которые, по воспоминаниям Эдуарда Елигулашвили, принимали Окуджаву и Ольгу Арцимович:

Когда под хохот Куры и сплетни,
в холодной выпачканный золе,
вдруг закричал мангал последний,
что он последний на всей земле,
мы все тогда над Курой сидели
и мясо сдобривали вином,
и два поэта в обнимку пели
о трудном счастье, о жестяном⁵.

Стихотворение опубликовано в 1964 г., в одном из сборников датировано 1963 г. Из воспоминаний Эдуарда Елигулашвили: «Старый духан на склоне горы у храма Метехи, Кура под окнами, грузинские поэты братья Чиладзе и Джансуг Чарквиани в три голоса* напевают грузинские песни, звучат тосты...

Неожиданно открылась дверь помещения и в задымленный зал вошел местный рыбак с только-только выловленной рыбой, еще трепыхавшейся на плетеном блюде.

Наметанным глазом выбрав нашу компанию, он вывалил прямо на столешницу свой улов: «Вам, дорогие, кушайте на здоровье!»

Оля никак не могла поверить, что все это не подстроено, что для рыбака это обычный заработок, что за рыбу тут же расплатился кто-то из застольников...»⁶ – эта рыба, вероятно, попала в стихотворение «Храмули» («Храмули – серая рыбка с белым

* В другой публикации Эдуарда Елигулашвили (1984) пели тоже два поэта, те, которым и посвящено стихотворение, см.: *Елигулашвили Э. Возвращение к Тинатин // Лит. Грузия. 1984. № 5. С. 155.*

брюшком»). Храм Метехи XIII в. уцелел, хотя неоднократно мог быть снесен вместе с другими старинными постройками квартала, – об этом сочетании древнего и современного последняя строфа с изящным противопоставлением «поэты» – «я». Поэты погружены в какое-то понимание и знание, которое заставляет плакать, а «я» сейчас не в этой роли, а в счастливой:

...Поэты плакали. Я смеялся.
Стакан покачивался в руке.
И современно шипело мясо
на электрическом очаге⁷.

«Грузинская песня», самое известное из грузинских стихов Окуджавы:

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою..
А иначе зачем на земле этой вечной живу?⁸

В 1991 г. Окуджаву спросили об этой песне, его ответ передает тот процесс работы, который виден по черновикам других его стихотворений: «Когда-то я записал строчку. “Виноградную косточку в теплую землю зарю”. Она мне понравилась. Я стал искать в ней смысл. Получилось восемь строк. И рефрен был: “А иначе зачем на Земле этой вечной живу”. Но законченности не было»⁹. Об этом свидетельствуют и черновики: сначала возникали звук, образ, слово, потом из них вырастало стихотворение, над которым Окуджава работал как профессионал – выписывал столбик рифм, иногда по смыслу уводящих совершенно, казалось бы, в другое русло, подбирая строчки, слова, иногда довольно долго, откладывая это стихотворение и занимаясь другими. Вероятно, в этом отличие поздних, дидактических стихов Окуджавы (а может быть, и ранних): они создавались с заранее готовой идеей, моралью, которые нужно было объяснить максимально четко, они не вырастали изнутри чего-то, что нужно было понять, увидеть, создать – причем создать тогда, когда еще не известно, что из этого созданного получится.

Что-то получается, этому чему-то не хватает законченности: так же было и с «Мне нужно на кого-нибудь молиться», со стихотворением, которому нужна была деталь (старенькие туфельки), способная уравновесить абстрактное и высокое, сделать его высоким в своей бытовой простоте: «Потом я ездил в Ленинград.

В гостинице встретился со своим приятелем Михаилом Квливидзе, грузинским поэтом. Он жил в соседнем номере. Как-то утром ко мне постучали. Вошла девочка – лет тринадцать, грузинка. На ломаном русском сказала, что пишет стихи. Я взял их – они на грузинском. А я грузинский не знаю настолько, чтобы рассуждать о стихах*. Говорю ей: “Вы знаете, здесь в соседнем номере живет грузинский поэт”. Мы прошли к Михаилу, он посмотрел стихи, все ей объяснил. Я спросил, как ее зовут. Ее звали Дали.

Она ушла. У меня появилась строчка, появились атрибуты грузинские. Мише понравилось это стихотворение. Я посвятил его Квливидзе и назвал “Грузинская песня”. А потом появилось желание сочинить мелодию. Сочинил. Вот и все. Прошли годы, та девочка стала профессиональным поэтом»¹⁰. История этого посвящения тоже очень характерна: Окуджава часто посвящал стихи тем, кому они понравились, и тем, кто как-то был связан с созданием стихотворения. Здесь это совпало.

В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я, и умру от любви и печали...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда заклубится закат, по углам залетая,
пусть опять и опять предо мною плывут наяву
синий буйвол, и белый орел, и форель золотая...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?¹¹

«Разговор с рекой Курой» Ольга Окуджава (Арцимович) однажды прокомментировала так: стихотворение было перекроено,

* Ср. другие свидетельства о грузинском языке у Окуджавы: «На I и II курсах в программу обучения входил грузинский язык. <...> За полтора года мне удалось выучить алфавит, грамматические формы, научиться читать. Запас слов был, конечно, не велик, так как в университете, в нашей группе, все общались на русском языке, дома разговаривали, разумеется, тоже. Булат знал разговорный грузинский, но редко им пользовался. Пришло время экзаменов. Преподаватель у нас был строгий, но с чувством юмора. Мне он поставил “5” за старание и усердие, как он выразился, а Булату – “3” и добавил: “Стыдно грузину не знать грузинского языка”»¹². За первый курс в графе «грузинский язык» у Окуджавы никаких отметок нет – ни «зачета», ни оценки¹³, но, заполняя учетную карточку при вступлении в Союз писателей, он написал, что английский учил самостоятельно, грузинский и армянский знает «слабо»¹⁴.

когда появилась возможность публикации в сборнике «По дороге к Тинатин» (1964):

Я тщательно считал друзей своих убитых.
– Зачем? Зачем? – кричала мне река
издалека. – И так во все века
мы слишком долго помним об обидах!¹⁵

До публикации кричала не река, а жена, и стихотворение было не только и, может быть, не столько о войне – а слово «обиды» у Окуджавы тоже уже имеет свои значения («Не клонись-ка ты, головушка, / от невзгод и от обид»):

А я считал... И не гасил огня...
И плакала Кура перед восходом.
А я считал... сравнил приход с расходом.
И не сошлось с ответом у меня!¹⁶

Стихов на общественные темы в 1960-е гг. у Окуджавы становится гораздо больше. «*Песенка веселого солдата*» – не столь частый случай, когда Окуджава в избранном не забыл исправить слово, сделавшее когда-то стихотворение публикуемым. Солдат был «американский», потом стал «веселым» – видимо, это антоним «вдумчивого», так же как «счастливый» – синоним «слепого»:

Возьму шинель и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенные краску.
Ударю шаг по улицам горбатым...
Как просто быть солдатом, солдатом!¹⁷

И опять тема вины, от которой не могут отделаться солдаты не столь веселые. Из интервью 1991 г.: «“Вы написали это от своего имени?” – “От имени нашего поколения. Сказано с иронией, но большинство жило по этому принципу. <...> Это самый тяжкий наш грех. Грех большинства”»¹⁸:

А если что не так – не наше дело:
как говорится, «родина велела».
Как славно быть ни в чём не виноватым
совсем простым солдатом, солдатом!¹⁹

Три стихотворения с легко прочитываемыми аллюзиями вроде «Песенки про Черного кота», но еще вполне абстрактных.

«Песенка про дураков»:

Вот так и ведется на нашем веку:
на каждый прилив по отливу,
на каждого умного по дураку,
всё поровну, всё справедливо.

<...>

И чтоб не краснеть за себя дураку,
чтоб каждый был выделен, каждый,
на каждого умного по ярлыку
повешено было однажды²⁰.

Несмотря на ярлыки, эта картина выглядит сильно оптимистической в сравнении со второй песней Окуджавы о дураках, датированной в одном из сборников 1982 годом:

Дураки обожают собираться в стаю.
Впереди – главный во всей красе.
В детстве я верил, что однажды встану,
а дураков нету: улетели все.

Ах детские сны мои – какая ошибка,
в каких облаках я по глупости витал!
У природы на устах коварная улыбка...
Может быть, чего-то я не рассчитал²¹.

И уже никакого равенства, уже не поровну и уже не справедливо:

А умный в одиночестве гуляет кругами,
он ценит одиночество превыше всего.
И его так просто взять голыми руками...
Скоро их повыловят всех до одного²².

У Окуджавы есть маленькая книжка для детей, «Прелестные приключения», написанная в 1968 г. и впервые вышедшая в 1971 г. в Тбилиси. Издание 1993 г. предваряет предисловие, автограф Окуджавы: «Это было давно. Я жил в Ялте и посылал письма своему маленькому сыну. Я описывал в них фантастические приключения...

Однажды я показал эти письма Белле Ахмадулиной. Она сказала: “Да это же готовая повесть!”»²³ «Я жил на берегу моря в белом доме»²⁴ – так начинаются «Прелестные приключения». По-

том в этот дом приходят Крэг Кутенейский Баран, Наша Добрая Змея, Морской Гридиг и остаются там жить – «Ведь вместе мы скорее найдем какое-нибудь приключение, и наша жизнь будет иметь смысл»²⁵. Поиски смысла – не единственная контрабандой пролезшая деталь в веселые приключения, написанные для четырехлетнего мальчика. Есть еще история, рассказанная Нашей Добрай Змеей: «Однажды лежу я на пенке, греюсь на солнышке и думаю что хочу. В общем, хочу что хочу.

Вдруг подходит ко мне Невыносимый Приставучий КаруД»²⁶. Крэг Кутенейский Баран, Морской Гридиг, Змея – ничуть не говорящие имена. Главное, что эти трое – очень разные, все сначала казались страшными и угрожающими, но на самом деле были добрыми и хотели жить вместе – а раз так, почему же разным и добрым не жить вместе? Но вот КаруД выделен даже графически, чтобы не было никаких сомнений, откуда надо начинать читать его имя. Он невыносимый и приставучий, Змея не приглашала его и не спрашивала, но тем не менее:

Он говорит: – Что делаешь?

Я говорю: – Что хочу, то и делаю.

Он говорит: – А что хочешь?

Я говорю: – А что сама хочу, то и хочу.

Он говорит: – Нельзя хотеть, что сама хочешь, а надо хотеть, что все хотят²⁷.

Змея укусила КаруДа («Хотя кусать КаруДа очень противно»²⁸), и ей «опять стало спокойно»²⁹, а все согласились, что она поступила очень правильно.

Год 1968-й, песня про «полоумного жлоба», который «сулит дорогу нам к острогу» (варианты не из «Чаепития на Арбате», но неоднократно певшиеся Окуджавой), видимо, уже написана, и в этой песне Окуджава призывает всех взяться за руки, «чтоб не пропасть поодиночке», – а тут такой гимн независимости, каждый сам по себе: самые разные и непохожие могут объединиться для поиска приключений и смысла, но они никому не будут давать отчет о том, что они думают и чего хотят.

Затем КаруД попадает уже всем четверым друзьям:

...каждый стал думать, о чем он хочет: Гридиг – о своей Гридиане, я – о своем доме, Крэг – о Кутенейских горах, а наша Добрая Змея – о теплом абажуре настольной лампы. <...> Мне не нравится, что вы думаете каждый отдельно, – сказал КаруД, – и делаете каждый, что он хочет, и хотите каждый, что он хочет. Не нравится мне это. Вот и все!

Тут он схватил нас и стал соединять. Сначала так, потом еще так, и наконец так <...> Он засмеялся и крикнул:

– А ну-ка думайте все про одно и то же!

Но я опять подумал о своем доме, Гридиг – о Гридиане, Крэг Кутенейский Баран – о Кутенейских горах, а Наша Добрая Змея – о теплом абажуре настольной лампы.

– Безобразие! – сказал Каруд. – А ну-ка делайте все одно и то же!

Змея кинулась за пролетевшим комаром, Крэг потянулся к молодой ромашке, Гридиг рванулся к морю, а я двинулся к кораблю.

И тут все развалилось.

И мы быстрее ветра понеслись по поляне.

– Куда же вы! – закричал Каруд.

Но мы уже вскочили на корабль, и ветер надул парус³⁰.

«...Каждый пишет, как он слышит»³¹ – это будет сказано еще и в контексте вот такого категорического отказа встраиваться в какие-то ряды. И этот протест общественного свойства, вероятно, тоже как-то определил то, что стихи Окуджавы 1960-х гг. – не о сообществе, не о поколении, ребятах со двора и т. д., а об индивидуальности, говоря о которой уже не нужно упоминать, в каком она сообществе и к какому поколению принадлежит.

«Дураки» у Окуджавы не оценка интеллектуальных возможностей – это продолжение все той же темы общественной ситуации. Хотя «общественная ситуация» в данном случае очень неточное выражение, поскольку она всегда часть ситуации личной.

И наконец, третья песня после «Песенки веселого солдата» и «Песенки про дураков» (не случайно все они песни: «Разговор с рекой Курой» удалось опубликовать, дав ей соответствующее название и изменив текст, а песни распространялись и без публикации), «*Старый король*»:

В поход на чужую страну собирался король.

Ему королева мешок сухарей насушила
и старую мантию так аккуратно зашила,
дала ему пачку махорки и в тряпочке соль.

И руки свои королю положила на грудь,
сказала ему, обласкав его взором лучистым:
«Получше их бей, а не то прослывешь пацифистом,
и пряников сладких отнять у врага не забудь!»³²

Пацифизм, мешок сухарей, «ефрейтор, морально нестойкий» – очевидно инородные детали в истории о короле, легко прочитываемые шифры. И так же точно – в «*Песенке о ночной Москве*», где Окуджава как раз не исправил для сборника 1996 г. «года сражений» на «года смятений» (так он обычно пел), не превратил строки о войне в строки вообще о времени:

В года разлук, в года сражений,
когда свинцовые дожди
лупили так по нашим спинам,
что снисхождения не жди,
и командиры все охрипли...
он брал команду над людьми,
надежды маленький оркестрик
под управлением любви³³.

А потом сразу пошли стихи и песни, может быть, и ненамного менее метафоричные, но гораздо более сосредоточенные на той общественной ситуации, которая есть сейчас, и на том своем видении ее, которое Окуджава неоднократно высказывал:

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства³⁴.

Стихотворение датировано в «Библиотеке поэта» 1968 годом – годом подавления Пражской весны, ввода войск в Чехословакию, демонстрации «семерых смелых». Посвящено Борису Слуцкому, человеку очень принципиальному, тяжело переживавшему свое выступление о Пастернаке в Союзе писателей за 10 лет до того, написавшему «Ценности»:

Ценности сорок первого года:
я не желаю, чтобы льгота,
я не хочу, чтобы броня
распространялась на меня³⁵.

В 1945-м – антисталинские:

Ценности сорок пятого года:
я не хочу козырять ему.
Я не хочу козырять никому³⁶.

Еще через 20 лет – правозащитные:

Ценности шестьдесят пятого года:
дело не делается само.
Дайте мне подписать письмо³⁷.

И потом – невозможность искренне верить каждый раз заново:

Ценности нынешнего дня:
уценяйтесь, переоценяйтесь,
реформируйтесь, деформируйтесь,
пародируйте, деградируйте,
но без меня, без меня, без меня³⁸.

Чем-то похожим и Окуджава заканчивает свое стихотворение о погибающих царствах:

А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше³⁹.

«Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...»: вроде бы о Пушкине, с которым «нельзя... поужинать в “Яр” заскочить хоть на четверть часа» (опубликовано в 1971 г., в разных сборниках датируется то 1964, то 1967 г.), но при этом о кумирах и холопстве:

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя...
А всё-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему
и мы до сих пор всё холопами числим себя⁴⁰.

В 1994 г. Окуджава так сформулировал, что для него значит «холопство», «рабство»: «...в отличие от России, в Польше было отменено крепостное право задолго до нас. И это сыграло очень большую роль. А у нас оставались рабами. Потом был маленький промежуток. Потом опять наступило рабство уже большевистское. Психология раба... Это очень печально, конечно. От этого сразу не избавишься»⁴¹.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы всё обрели: и надежную пристань, и свет...

А всё-таки жаль – иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед⁴².

Последняя строфа возвращает к Пушкину, вписывая стихотворение в ряд других «пушкинских» стихов Окуджавы, но заканчивается оно еще одной темой, очень различимой у Окуджавы всего несколько лет, именно в середине 1960-х гг., – темой *близких перемен*:

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет⁴³.

Эта надежда на то, что сейчас что-нибудь произойдет, – и в «*Прощании с Польшей*», написанном в 1964–1965 гг., после первой поездки Окуджавы за границу, в Польшу. Это стихотворение публиковалось в разных вариантах, среди них – «Агнешка» вместо «поляки» в первой строке. Но в московском «Дне поэзии» 1966 г. все сказано прямо: в первой строке – «поляки», «Агнешке Осецкой» – посвящение:

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
в прощанье, и в прощенье, и в смехе, и в слезах...
Когда трубач над Краковом возносится с трубою,
хватаясь я за саблю с надеждою в глазах⁴⁴.

Адам Михник, познакомившийся с Окуджавой не в первый, а во второй его приезд в Польшу, в 1967 г., так комментирует эту строчку:

- Как для Вас это было – «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою»? Что вы в одной связке – это обсуждалось?
- Да, мы, поляки, мы, русские – против нашего царя. Я тогда так понимал и понимаю и сегодня так.
- Это то, что объединяет. Но есть и противоречия. Они обсуждались?
- В тот момент противоречий мы не видели, для нас было только одно противоречие – строй и мы. А память... – это мы поняли потом⁴⁵.

Потертые костюмы сидят на нас прилично,
и плачут наши сестры, как Ярославны, вслед,
когда под крик гармоник уходим мы привычно
сражаться за свободу в свои семнадцать лет⁴⁶.

Это, конечно, о себе, ушедшем добровольцем на фронт. Но и о родителях, о маме. Потому и «уходим мы привычно», что все это уже было, точно так же шли «сражаться за свободу» родители, потом мы – а вот теперь те, кто моложе, в Польше. После этой строфы – еще две, опубликованные в «Дне поэзии», но в «Чаепитии...» уже отсутствующие:

Свобода – бить посуду? Не спать всю ночь – свобода?
Свобода – выбрать поезд и презирать коней?..
Нас обделила с детства иронией природа...
Есть высшая свобода. И мы идем за ней⁴⁷.

Что есть свобода? Бунт – это свобода? В детстве, в 17 лет, был бунт, а иронии, рефлексии не было. Теперь они есть, теперь есть опыт тех бунтарских поисков свободы, и теперь уже какое-то иное ее понимание, какая-то «высшая свобода». Потертые костюмы и пиджаки у Окуджавы – признак интеллигентности, интеллигентному человеку вообще свойственно размышлять о свободе – таким его определяет Окуджава. И это не только о себе и о родителях: это обращение к молодым полякам, гораздо моложе его самого, с которыми он познакомился в Польше. О знакомстве с Окуджавой – Кароль Модзелевский, историк-медиевист, впоследствии автор названия «Солидарности», координатор ее информационного бюро, вице-президент Польской академии наук:

Когда в 1964 году Окуджава был с советскими писателями в Польше, их повезли в Закопане. И мы с Яцеком Куроном, поскольку мы по записям знали его песни (а мы тогда уже заговорщиками хотели стать), сочли, что он до такой степени причастен к нашему душевному миру, что нам с ним абсолютно необходимо связаться. <...> И, поскольку к середине 1960-х это (революцию продолжать. – О. Р.) в партии не было уже возможным, мы дошли до точки, когда уже надо было заниматься подпольной деятельностью – писать манифест, как мы будем бороться с этим режимом, и этот манифест распространять по фабрикам и по университетам. Это был 1964 год. Тогда приехал Окуджава. У нас этот наш документ был почти готов. Они приехали, по-моему, в сентябре.

– *В августе.*

– В августе, да. А нас прихлопнули в ноябре. И мы решили поехать с ним поговорить. Он же носитель революционных чувств, а мы – крамольной революционной деятельности. Нам надо встретиться. Обязательно.

– *А где вы увидели у него крамольное чувство?*

– В стихах.
– *То есть не в общественной тематике, а именно в языке?*
– Во всем. Все крамольное. Конечно, есть такие стихи, которые больше всего к нашему душевному миру подходили. Вот, скажем, “Мастер Гриша”, для нас это обязательно с Куронем. Но тогда еще мы о “Мастере Грише” не знали⁴⁸.

«Мастер Гриша» будет написан позже, в конце 1960-х гг. Образ не интеллигента, рабочего, сжимающего кулаки и прячущего их до поры до времени в карманах, – это скорее польские реалии. Посвящена песня «Адаму, Яцеку, Каролю» – Адаму Михнику, Яцеку Куроню и Каролю Модзелевскому. Адам Михник: «Мы все говорили, что это наша любимая песня». – “Поэтому он сделал посвящение?” – “Да, посвящение – позже, я думаю, это уже первые недели перестройки. Потому что он подарил мне книгу, когда я был в Москве в 1989 году”⁴⁹.

А в «Прощании с Польшей» Окуджава, к которому обращались польские диссиденты, потому что именно его стихи были им созвучны (хотя это слово в применении к Польше так же не точно, как и «правозащитники»; Кароль Модзелевский: «Мы себя считали различными очень, да и были мы различными, с российскими диссидентами. Нам казалось, что мы преследуем какие-то практические... Что наш бунт имеет политическую целесообразность, а диссиденты были вне политики, это было чисто нравственное явление, они так, по крайней мере, думали. И они чувствовали себя изолированными, а мы никогда себя не чувствовали изолированными в нашем обществе»⁵⁰), – в «Прощании с Польшей» Окуджава пишет о необходимости определения – кто куда и кто с кем. А через несколько лет в «Старинной студенческой песне» будет отражена другая ситуация – уже разделились. Строфа, не вошедшая в итоговый вариант в «Чаепитии...», но опубликованная в «Дне поэзии»:

Кого возьмем с собою? – вот древняя загадка.
Кто будет командиром? Кто – денщиком?
Куда?
направимся сначала?
Чья тихая лошадка
минует все несчастья без драм и без труда⁵¹?

* Посвящение есть в книге «Песни Булата Окуджавы», составленной Львом Шиловым и вышедшей как раз в 1989 г.

Но в той публикации 1966 г. нет строфы, которая как раз в «Чаепитии...» заменила две последние приведенные здесь, – может быть, она была написана позже, и «пустые обещанья», подаренные Временем, – это не о середине 1950-х, а о середине 1960-х гг.?

Прошу у вас прощенья за раннее прощанье,
за долгое молчанье, за поздние слова;
нам Время подарило пустые обещанья,
от них у нас, Агнешка, кружится голова⁵².

В Польше ждали от него слова, любого – прямого высказывания на общественные темы или просто песни, которая была бы спета на другом, не советском, языке. Эта строфа – о том, что он принимает на себя эту ответственность, это понимание того, что его слова воспринимаются и таким образом тоже. Обещанья, подаренные Временем, оказались пустыми, теперь уже отвечать нужно самим – и Окуджава публикует подборку в «Дне поэзии», альманахе, собранном в тот год, помимо обзоров и воспоминаний, стихи 230 поэтов, в том числе Наровчатова, Антокольского, Мартынова, Слуцкого, Кирсанова, Чухонцева, Вознесенского, Мориц, Сельвинского, Межирова, Львова, Евтушенко, Жигулина, Ряшенцева, Рождественского, Искандера, Лиснянской, Шаламова, Коржавина, Ваншенкина, Липкина, Левитанского. Окуджава 10 лет в Москве, 11 лет назад в Калуге был первый День поэзии, в котором он участвовал, – в альманахе 1966 г. его подборка одна из самых сильных. Тематика общественная, близкая Окуджаве, в сборнике почти не заметна, хотя иногда попадаются какие-то строки, растворенные среди многочисленных стихов сегодня не очень известных поэтов. Например, перед подборкой Окуджавы – стихи Елены Николаевской:

Много лучше
Могло б все быть...
Реже – тучи
И легче – быт
<...>
Я судьбу теперь
Не корю:
– Хуже не было б... –
Говорю⁵³.

О чем стихи? Они могут быть прочитаны как угодно, а следом за ними идет «Прощание с Польшей», первое стихотворение в

подборке Окуджавы. Третье и последнее – «Прощание с осенью», о расставании с женщиной, где есть строчки «Но горести моей прекрасной мамы / прощаю я неведомо кому»⁵⁴. Два «Прощания» как-то нейтрализуют друг друга (поэт, пишущий сейчас о прощаниях), а кому нужно, тот все прочтет, и даже идущий между прощаниями «Монолог гончара» наполнен какими-то смутными аллюзиями:

Царь, а царь,
это рыбы раба твоего,
бык раба твоего,
больше нет у него
ничего,
черный нищий, поющий во славу его,
от обид обалдевшего раба твоего!..
Царь, а царь!
Хочешь, будем вдвоем рисковать?
Ты – башкой рисковать,
я – тебя рисовать?
Вместе будем с тобою озоровать:
бога – побоку,
бабу – под бок, на кровать?⁵⁵

Окуджава произносит слово, которое обещал произнести, когда писал «Прощание с Польшей». В 1967 г. он был в Польше второй раз, и Адам Михник устроил неофициальную, у Яцека Куроня дома*, встречу с Окуджавой: «Нам было интересно, что происходит в литературных кругах в России. Он много рассказывал. Я первый раз слышал какие-то фамилии тогда. Он рассказывал про Домбровского, про Левитанского. Про Солженицына мы его спрашивали, про “Новый мир”, про Твардовского. <...> Почему для нас это было так интересно? Потому что это 1967 год, мы еще не знали никаких (скажем в кавычках) диссидентов или полудиссидентов, и это был человек, который думал так, как они. Мышление, язык. У него был несоветский язык. Он не говорил по-советски. Он говорил как русский интеллигент»⁵⁶.

В уже цитировавшемся выше интервью Татьяне Косиновой в 1994 г. Окуджава объяснял: «Поляки издавали меня интенсивно и много, больше, чем здесь в те годы гораздо. И поэтому что-то такое произошло. Вот я это почувствовал. Потому что потом я бы-

* О том, что встреча происходила на квартире Куроней 16 июля, знаем из документов, опубликованных в: Труд. 1993. 30 янв.

вал в других странах. И везде ко мне очень хорошо относились. Но такого отношения, как в Польше, не было никогда ко мне. И я стал думать об этом. И я подумал, что, видимо, настроение польской общественности и характер моей работы как-то совпали случайно. Это произошло помимо нас, помимо меня. И поэтому для меня Польша, знаешь, – первая любовь»⁵⁷.

Над Краковом убитый трубач трубит бесценно.
Любовь его безмерна.

Мотив тревоги чист...

Мы – школьники, Агнешка. И скоро – перемена.
И чья-то радиолы наигрывает твист»⁵⁸.

Это и есть то, о чем стихотворение: «И скоро – перемена», завуалированное «школьниками» и обращением к женщине, подчеркнуто в публикации 1966 г. знаком тире. То же самое в «Былое нельзя воротить...» – в последней строке вдруг звучит надежда на скорые перемены, отодвигающая сразу на второй план все те темы, которые возникали в предыдущих строках.

Через 30 лет – отсылка к этому стихотворению и к тем ожиданиям:

Поверь мне, Агнешка, грядут перемены...
Так я написал тебе в прежние дни.

Но не скорые:

...Да, всё совершится, чего мы желаем,
оно совершится, да мы улетим»⁵⁹.

Из интервью Татьяне Косиновой: «В Польшу впервые я приехал в 1964 году туристом в писательской группе. В Польше уже была издана моя первая повесть. И неожиданно для меня самого, меня встречала очень большая группа польских, незнакомых мне людей, с которыми я потом познакомился. Там была Агнешка Осецкая, молодая совершенно»⁶⁰. Агнешка Осецкая, поэт, чьи стихи Окуджава перевел на русский язык для спектакля «Вкус черешни», о двоих, когда-то любивших друг друга и случайно встретившихся через много лет (в спектакле играли двое, первая пара, которая начала репетировать, – Олег Даль, незадолго до того сыгравший главную роль в фильме «Женя, Женечка и “катюша”» по сценарию Окуджавы и Владимира Мотыля, и Елена Козелькова). Фотография Агнешки Осецкой висела в переделкинском ка-

бинете Окуджавы среди других, где были и родные, и литераторы (Паустовский).

В 1964–1965 гг. казалось, что перемену надо готовить самим, но она будет вот-вот, а в 1967 г., когда Окуджава второй раз был в Польше, уже было ощущение, что «полдень», может быть, и «прожит». *«Путешествие по ночной Варшаве в дроздах»*:

Трясутся дрожки. Ночь плывет. Отбушевал в Варшаве
полдень.

Она пропитана любовью и муками обожжена,
как веточка в Лазенках та, которую я нынче поднял,
как Зигмунта поклон неловкий, как пани странная одна⁶¹.

Строфа заканчивается образами, которые должны перевести стихотворение как бы в другой план, завуалировать его под любовную лирику (так же как и обращение к Агнешке Осецкой в «Прощании с Польшей»), но следующую строфу в Польше, возможно, отчасти благодаря переводу, воспринимают как слова о Катыни. Адам Михник: «“Он не имел никаких иллюзий о Катыни, никаких сомнений, абсолютно”. – “Вы говорили о Катыни?” – “Да”»⁶²:

Забытый Богом и людьми, спит офицер в конфедератке.
Над ним шумят леса чужие, чужая плещется река.
Пройдут недолгие века – напишут школьники в тетрадке
про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука⁶³.

Вместо скорой перемены – «недолгие века», и надо, чтобы хватило надежды и доверия (десяти лет не прошло после песни о кредиторах Вере, Надежде, Любви):

Невыносимо, как в раю, добро просеивать сквозь сито,
слова процеживать сквозь зубы, сквозь недоверие – любовь...
Фортуны верткую свою воспитываю жить открыто,
надежду – не терять надежды, доверие – проснуться вновь.

Извозчик, зажигай фонарь на старомодных крыльях дрожек.
Неправда, будто бы он прожит, наш главный полдень
на земле!

Варшава, мальчики твои прически модные ерошат,
но тянется одна сплошная раздумья складка на челе⁶⁴.

«Полдень» – книга Натальи Горбаневской о том, как в 12 часов 25 августа 1968 г. они вышли на Красную площадь. Книга будет написана в 1969 г., через два года после стихотворения

Окуджавы, но метафора полдня, так же как весны и, наоборот, заморозков, видимо, витала в воздухе.

Еще одно, уже не «польское», стихотворение о перемене, опять завуалированное школьной тематикой и темой свиданья – «*Большая перемена (школьная песенка)*»:

...Время не ждет. Где-то замерли те соловьи.
Годы идут. Забываются школьные стены.
Но до конца... Это, видимо, в нашей крови
ожиданье большой перемены⁶⁵.

Несколько одностий с посвящениями: Арсению Тарковскому*, о том, что не нужно надеяться «на чудо» и верить «в заморский Сезам»⁶⁶; Юрию Домбровскому – «Разве лев – царь зверей? Человек – царь зверей»⁶⁷ – после прочтения «Факультета ненужных вещей» (так однажды прокомментировала посвящение Клара Турумова-Домбровская), Юнне Мориц – что «родина – есть предрассудок, / который победить нельзя»⁶⁸.

«*Я вас обманывать не буду*» (опубликовано уже в «Милостях судьбы», сборнике 1993 г.**), о воздухе, об ощущении:

* В примечаниях В.Н. Сажина посвящение «А. Тарковскому» расшифровывается как «Андрею Тарковскому», хотя скорее речь идет все-таки о его отце. На вопрос, как он относится к Андрею Тарковскому, Окуджава неоднократно отвечал примерно так: «С большим интересом. Хотя это не мой режиссер. Не мой. Он несколько жестковат для меня»⁶⁹. Арсению Тарковскому посвящено и более позднее стихотворение Окуджавы «Настольные лампы», Арсения Тарковского Окуджава неоднократно называл среди наиболее близких ему поэтов: «...мне очень близок Арсений Тарковский, Давид Самойлов, Олег Чухонцев, Борис Слуцкий... Белла Ахмадулина»⁷⁰. В тбилисском литературном архиве сохранились материалы о том, что и Тарковский, и Окуджава выступали на вечере, посвященном Галактиону Табидзе, в Тбилиси в 1973 г.

** Опубликовано в разделе «Новые стихи», но, составляя через несколько лет «Чаепитие на Арбате», Окуджава «Я вас обманывать не буду...» и «Долго гордая упряжка...» включил в «Шестидесятые»: это опять к вопросу о текстологии стихов Окуджавы – ему не так важны были даты, как текстологам, их сейчас тщательно восстанавливающим. В «Милостях судьбы» действительно преимущественно стихи 1980–1990-х гг., размышления о стране, поколениях, надеждах, а отдельно – «Песенки из самого начала», «Песенки к спектаклям и кинофильмам», в том числе к спектаклю «Вкус черешни», «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», фильму «Соломенная шляпка» и мюзиклу «Золотой ключик».

Давно погашены улыбки,
вокруг болотная вода,
и в том – ни тайны, ни ошибки,
а просто горе да беда⁷¹.

И так разительно отличие этой интонации от ожидания «утра нового», которое «всё разглаживает вновь...», настолько разглаживает, что «Отступает одиночество, / возвращается любовь»:

Когда-то в молодые годы,
когда всё было невдомек,
какой-то призрачной свободы
достался мне шальной глоток⁷².

«Глоток свободы» – так называется первый роман Окуджавы, который вышел в 1971 г. (а в 1966 г. была опубликована одноименная пьеса). Роман о декабристах, но не столько вообще о декабристах, сколько о Пестеле; о Пестеле, но не в расцветные дни, а во время следствия; не столько о Пестеле, сколько о писаре, который его наблюдает со стороны, но которому его слова и действия совершенно не ясны («...меня поразило совершенно, что каждый лист допросов записан чудовищно неграмотно. Чудовищно»⁷³).

Единственный. И без обмана
среди прочих ненадежных снов,
как сладкий яд, как с неба манна,
как дар судьбы без лишних слов⁷⁴.

Что досталось – свобода или ощущение свободы?

Не в строгих правилах природы
ошибку повторять свою,
поэтому глоток свободы
я долго и счастливо пью⁷⁵.

Образ, похожий на «болотную воду» (которая – вместо глотка свободы), – в стихотворении «*Немоты нахлебавшись без меры...*»:

Немоты нахлебавшись без меры,
с городской отравой в крови,
опасаюсь фанатиков веры
и надежды, и поздней любви⁷⁶.

И опять – вот что стало с образами веры, надежды, любви:

Я надеялся выйти на волю.
Как мы верили сказкам, скажи?
Но мою злополучную долю
утопили во зле и во лжи.

От тоски никуда не укрыться,
от природы ее грозовой.
Между мною и небом – граница.
На границе стоит часовой⁷⁷.

А в 1969 г., к 45-летию, Окуджава пишет «Песенку о Моцарте», где опять – и про родину, и про кумиров. И про то, что, вопреки этому всему, надо надеяться и работать:

Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,
но из грехов нашей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба..
Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба⁷⁸.

А 1962–1965 годы полны надежд не только общественных, и не только профессиональных (в 1962 г. Окуджава принят в Союз писателей⁷⁹, и «с 62-го года – кустарь-одиночка, вольный художник»⁸⁰). Это самые, наверно, для него расцветные годы, когда все время что-то осуществлялось, а что еще не осуществилось, на то были основания надеяться. Из цикла «Стихи без названия», посвященного «Оле», Ольге Арцимович:

Строгая женщина щурится из-под очков,
по столу громоздит угощение...
Вот и я приглашаю заезжих сверчков
за приличное вознаграждение.
Я помятые им вручаю рубли,
их рассаживаю по чину и званию,
и играют они вечный вальс по названию:
«Может быть, наконец, повезет мне в любви...»⁸¹

Из того же цикла, редкий случай у Окуджавы, когда счастье – не слепота, отсутствие иронии, а что-то настоящее:

Я люблю эту женщину. Очень люблю.
Керамический конь увезет нас постранствовать,
будет нас на ухабах трясти и подбрасывать...
Я в Тарусе ей кружев старинных куплю.

<...>

Что ж касается славы, любви и наград...
Где-то ходит, наверное, конь керамический
со своею улыбочкою иронической...
А в костре настоящие сосны горят⁸²!

Еще одно «тарусское» стихотворение, посвященное Паустовскому, но описывающее что-то совершенно не с Паустовским связанное. «*Эта комната*»:

Люблю я эту комнату,
где даже давний берег
так близок – не забыть...
Где нужно мало денег,
чтобы счастливым быть⁸³.

Сразу за ним – другое посвящение «Оле», со строчками «Живем как будто в половодье... / Как хочется наверняка!»:

Ты – мальчик мой, мой белый свет,
оруженосец мой примерный.
В круговороте дней и лет
какие ждут нас перемены⁸⁴?

И сразу за этими стихами – стихи о боли, написанные на несколько лет позже, уже после этих таких обнадеживающих, таких многообещающих лет. «*Тиль Уленшпигель*»:

Как трудны эти три работенки: Надежда, Любовь
и Пристрастие.
Оттого-то, наверно, и нет на земле работенки прекраснее.
Вот и самые свежие раны неустанно дымятся во мне...
Потому что всегда и повсюду только свежие раны в цене⁸⁵.

«*Счастливчик Пушкин*», к 130-й годовщине гибели:

Александрю Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки⁸⁶.

«Счастливики» и в ироническом смысле, ибо в каком еще можно говорить о ссылках и долгах?

...Жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти⁸⁷.

И в самом прямом, потому что как трудно состояться вопреки этому всему:

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки⁸⁸.

В 1960-е гг. Окуджава неоднократно представляет себе классиков, именно какими они были по-человечески. Еще из стихов о Пушкине – «*Александр Сергеевич*», посвященный Степану Щипачеву. О Лермонтове – «*Встреча*» (посвящено Кайсыну Кулиеву):

Насмешливый, тщедушный и неловкий,
единственный на этот шар земной,
на Усачевке, возле остановки,
вдруг Лермонтов возник передо мной,
и в полночи рассеянной и зыбкой
(как будто я о том его спросил)
– Мартынов – что... –
он мне сказал с улыбкой. –
Он невиновен.
Я его простил.
Что – царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.
Что – раб? Бог с ним. Не воин он один.
Царь и холоп – две крайности, мой милый.
Нет ничего опасней средин...⁸⁹

Сразу за «Встречей» Окуджава публикует «*Грибоедов в Цинандали*»:

Петухи в Цинандали пророчат восход,
и под этот заманчивый крик
Грибоедов, как после венчанья, идет
по Аллее Любви напрямик,

словно вовсе и не было дикой толпы
и ему еще можно пожить,
словно и не его под скрипенье арбы
на Мтацминду везли хоронить;

словно женщина эта – еще не вдова
и как будто бы ей ни к чему
на гранитном надгробье проплакать слова
смерти, горю, любви и уму...⁹⁰

Проживший некоторое время в Ленинграде, Окуджава пишет несколько ленинградских и петербургских стихов: «Осень в Царском Селе», «Ленинградская элегия», «Ленинградская музыка», «Зной» – поэтический эксперимент, игра со звуком, с начальным «п»:

Петухи проголосили, песни поздние погасли.
Прямо перед паровозом проплывают и парят
Павловска перрон пустынный, Петергофа плен прекрасный,
плеть Петра, причуды Павла, Пушкина пресветлый взгляд⁹¹.

Есть стихотворение и о Петре – «Когда известный русский царь в своей поддевочке короткой...»:

В присутствии вставали все, хоть на царе была поддевка.
Неважно, что таилось в ней: дань старине или издевка.
Не думая, как взглянем мы на них – с надеждой или болью, –
они вставали, словно лес, и ран не посыпали солью⁹².

Есть и о Павле – «Как я сидел в кресле царя»:

Век восемнадцатый. Актеры
играют прямо на траве.
Я – Павел Первый, тот, который
сидит России во главе.

<...>

И снова полонеза звуки.
И снова крикнуть я хочу:
«Ребята, наострите руки,
вам это дело по плечу:

смахнем царя... Такая ересь!
Жандармов всех пошлем к чертям –
мне самому они приелись...
Я поведу вас сам... Я сам...»

И золотую шпагу нервно
готовлюсь выхватить, грозя...
Но нет, нельзя. Я ж – Павел Первый.
Мне бунт устраивать нельзя⁹³.

Стихи о Лермонтове и о холопстве, о середине, которой нет ничего опасней; стихи о мужестве Грибоедова и об ответственности; стихи о Пушкине и об умении себя реализовать; стихи о Петре и Павле, тоже с темой то ли холопства, то ли подчинения, то ли преклонения, то ли бунта; стихи о Питере и Ленинграде, вместившие в себя очень многое и очень разное; стихи о музыкантах, которые себя должны как-то найти, создать, сохранить, так же как и Пушкин, среди всего, что происходит вокруг, которые стараются себя отделить, обособить от других. Хотя в этих образах музыкантов больше одиночества, чем реализации. «*Чудесный вальс*» (посвящен Юрию Левитанскому):

Музыкант в лесу под деревом наигрывает вальс.
Он наигрывает вальс то ласково, то страстно.
Что касается меня, то я опять гляжу на вас,
а вы смотрите на него, а он глядит в пространство⁹⁴.

«*Старый флейтист*»:

Ах, флейтист, флейтист в старом пиджаке,
с флейтой послушною в руке,
вот уж день прошел, так и жизнь пройдет,
словно лист осенний опадет.

Всё ниже, глуше свод небесный,
звук флейты слышится едва.
«Прости-прощай» – мотив той песни,
«Я всё прощу» – ее слова.
Знать, надо вымокнуть до нитки,
знать, надо горюшка хлебнуть,
чтоб к заколоченной калитке
с надеждой руки протянуть⁹⁵.

Сразу за «Старым флейтистом» – «*В городском саду*»:

О, чтобы было всё не так, чтоб всё иначе было,
наверно, именно затем, наверно, потому
играет будничным оркестр привычно и вполсилы,
а мы так трудно и легко всё тянемся к нему.

Ах, музыкант мой, музыкант, играешь, да не знаешь,
что нет печальных и больных и виноватых нет,
когда в прокуренных руках так просто ты сжимаешь,
ах, музыкант мой, музыкант, черешневый кларнет⁹⁶!

И сразу за этими стихами о музыкантах, может быть, не самых одаренных, из «будничного оркестра», Окуджава дает одно из главных своих стихотворений, где человек один, но один в разговоре с Богом. Уже нет стихов о «муравьях», о простоте, о том, что то глубокое, что с нами происходит, такое же, как у всех, – эта тема Окуджаве сейчас не важна. Так же, как у всех, или иначе, но нужно перетерпеть боль, нужно состояться, нужно смочь. «*Молитва*»:

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня⁹⁷.

Пел обычно Окуджава «умному»: ум и мудрость – разные вещи, умному человеку мудрости может не хватать. Мудрость – она не у человека:

Я знаю: ты всё умеешь, я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
как верит каждое ухо тихим речам твоим,
как веруем и мы сами, не ведая, что творим⁹⁸!

Почему оставлен здесь «мудрый» – случайно? Название Окуджава исправил: «Молитву Франсуа Вийона», благодаря которой стихотворение могло быть опубликовано, на «Молитву». И убрал посвящение «Оле», поскольку, вероятно, это стихотворение настолько широко, что не нужно ему посвящение, сужающее его до одного объяснения. Но на вопрос, почему «зеленоглазый», Окуджава однажды ответил: «Когда я писал это стихотворение, моя жена была очень тяжело больна, лежала в больнице, я думал о ней, и ее глаза мне казались зелеными»⁹⁹:

Господи мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой,
пока ей еще хватает времени и огня,
дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня¹⁰⁰.

«Верите ли Вы в Бога? – Нет, я атеист. Я считаю, что в этом моя вера, и я хочу, чтобы меня за это уважали так же, как я уважаю всякого верующего человека»¹⁰¹, «Как Вы относитесь к Богу? Он часто упоминается в Ваших песнях. – Это вовсе не потому, что я верую в Бога, а Бог как нечто такое, что вызывает в нас желание жить, работать, любить...»¹⁰² – это ответы на вопросы слушателей в 1984 г. Тогда же Окуджаву спросили, почему в его песнях часто звучат слова «судьба», «примета»: «Да, я фаталист. Ну и, кроме того, эти слова красивы очень по звучанию: “музыкант”, “струна”, “жребий”, “судьба”, “фортуна”... Красиво просто»¹⁰³. В 1991 г. в интервью “Комсомольской правде”: «Видимо, я человек верующий. Но не церковный. В церкви меня привлекает только хорошее пение. Остальное мне совершенно неинтересно, меня туда не тянет. <...> Вера – дело интимное»¹⁰⁴.

А в «Шестидесятых», кроме «Молитвы», опубликовано и стихотворение «*Не верю в бога и в судьбу, молюсь прекрасному и высшему...*», не столько о вере, сколько о собственной ответственности:

Не верю в бога и в судьбу, молюсь прекрасному и высшему
предназначенью своему, на белый свет меня явившему...
Чванливы черти, дьявол зол, бессилен Бог – ему неможется...
О, были б помыслы чисты! А остальное всё приложится.

<...>

Молюсь, чтоб не было беды, и мельнице молюсь, и мыльнице,
воде простой, когда она из крана золотого выльется,
молюсь, чтоб не было разлук, разлук, чтоб больше
не тревожиться.

О, руки были бы чисты! А остальное всё приложится¹⁰⁵.

Это опять тема вины, как в «*Прощании с осенью*», которое Окуджава и в 1990-е гг. читал на вечерах, выделяя среди других своих стихотворений:

Осенний холодок. Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох: «Прощай, прощай...»

<...>

«Прощай...»

Прощаю, чтоб не вышло боком.

Сосуд добра до дна не исчерпать.

Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать¹⁰⁶.

Вина и прощанье – в «*Прощанин с новогодней ёлкой*». Еще одна из самых известных песен Окуджавы, которую он пел довольно часто, песня-плач, если верна догадка Валерия Сажина¹⁰⁷, предположившего, что эта, одна из немногих датированных у Окуджавы песен, написана на смерть первой жены, Галины Смольяниновой:

Синяя крона, малиновый ствол,

звяканье шишек зеленых.

Где-то по комнатам ветер прошел:

там поздравляли влюбленных.

Где-то он старые струны задел –

тянется их перекличка...

Вот и январь накатил-налетел

бешеный, как электричка¹⁰⁸.

Влюбленных поздравляют в день свадьбы. А потом, как после Нового года приходит январь, после той поры любви и женьбы пришла какая-то другая:

В час расставания, в час платежа,

в день увяданья недели

чем это стала ты нехороша?

Что они все, одурели?!

И утонченные, как соловьи,

гордые, как гренандеры,

что же надежные руки свои

прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им – время унять,

нет бы им всем – расстараться...

Но начинают колеса стучать:

как тяжело расставаться!

Но начинается вновь суета.

Время по-своему судит.

И в суете тебя сняли с креста,

и воскресенья не будет¹⁰⁹.

Такая привычно «окуджавская» песня: игра с цветом, евангельские мотивы, муки, жертва, расплата. Но воскресенья не будет. Будут суета, как-то продолжающаяся жизнь и Спас на крови, постоянно напоминающий о том, что случилось:

Ель моя, Ель, словно Спас на крови,
твой силуэт отдаленный,
будто бы след удивленной любви,
вспыхнувшей, неуголенной¹¹⁰.

Песня посвящена Зое Крахмальниковой. Как это часто бывало, Окуджава посвящением завуалировал что-то очень личное, что не хотел обнажать. Но посвящение Зое Крахмальниковой не случайно – именно она поддерживала его на прощании с первой женой.

«Ты счастлив?», «Тебе не страшно?», «Тебе не больно?» – вопросы, которых боится оловянный солдатик: это стихотворение («*Оловянный солдатик моего сына*») Окуджава читал иногда вместе с «Прощанием с осенью», за него в 1967 г. он получил приз «Золотой венец» на поэтическом конкурсе «Стружские вечера» в Югославии. Посвящено оно старшему сыну Игорю.

И опять о вине (а с другой стороны – о реализации, о самоосуществлении) в стихотворении «*Душевный разговор с сыном*» (вероятно, к младшему сыну Булату, родившемуся в 1964 г.):

Мой сын, твой отец – лежебока и плут
из самых на этом веку.
Ему не знакомы ни молот, ни плуг,
я в этом поклясться могу.

<...>

Не словом трибуна, не тяжелой киркой
на благо родимой страны –
он всё норовит заработать строкой
тебе и себе на штаны¹¹¹.

«Слов трибуна» будет много в 1980-е гг., а в 1990-е гг. еще больше: почти половина «Чаепития на Арбате» – стихи этого периода, хотя самые, может быть, известные стихи Окуджавы написаны раньше. Это будут дидактика, публицистичность, это будут стихи о нас, о стране, о памяти, это будут стихи человека, который хорошо знает, что его слово имеет вес, и будет ощущать свою ответственность за то, чтобы, раз так, это слово было произнесено отчетливо и громко. И в 1960-е гг., выбирая работу лите-

ратора, а не борца, Окуджава тем не менее свою ответственность перед слушателями ощущал и на вопросы отвечал откровенно и четко, хорошо понимая, что его услышат не только его почитатели.

29 января 1967 г. на вечере в Ульяновске ему прислали записку: «Неужели книга Б. Пастернака настолько “социально вредна”, что ее нельзя читать широкой публике <?> Нельзя было её выпускать с соответствующими комментариями, чтоб не давать пищу домыслам?»¹¹². Окуджава ответил, что он бы роман издал, а на вопрос о Синявском и Даниэле – что не согласен с их привлечением к уголовной ответственности¹¹³.

Из письма секретаря обкома КПСС Скочилова в отдел культуры ЦК КПСС: «...в целом содержание концерта... у многих слушателей вызвало чувство возмущения и негодования, о чем в своих письмах в обком КПСС сообщают многие присутствовавшие на концерте»¹¹⁴. Вероятно, так и было, но вот еще несколько записок с того вечера: «расскажите подробнее, как Ильичёв и Хрущёв прорабатывали Евтушенко, Аксёнова, Окуджаву, художников-абстракционистов», «Огромное спасибо за то, что Вы есть! Это очень важно, что вы есть!»¹¹⁵

«Мы едем на дачу к Володе...». Это уже не стихи конца 1950-х гг., апеллировавшие к общности, может быть, и не знакомых людей, но что-то одинаково помнивших и понимавших, это стихи, обращенные к своим, к тем нескольким людям, которые знают, о какой даче и о каком Володе идет речь, которые помнят, о чем там говорили. В конце 1960-х, в 1970-е гг. Окуджава, почти не писавший в это время песен, и уж тем более песен о том, как бывает у всех, у каждого из нас, гораздо меньше писавший стихов и в основном работавший над романами, все больше обращается именно к своему кругу, к нескольким «очкарикам» и «фраерам», знающим, что «фрайер» «в буквальном переводе с немецкого: франт, жених, а в обыденном смысле – мнение люмпена об интеллигенте»¹¹⁶ (таково примечание к написанным позже «Прогулкам фрайеров»):

Мы – дачники, мы – простофили,
очкарики и фраера...

В каких нас давиленьях давили –
да, видно, настала пора.

<...>

На даче сидим у Володи,
поближе к природе самой,
еще и не старые вроде,
а помнится... Боже ты мой!¹¹⁷

«*Старинная студенческая песня*», посвященная Феликсу Светову, у которого «была очень сложная ситуация», это был «период, когда всех разъединяли»¹¹⁸ – в этом интервью 1993 г. Окуджава как раз и говорит о том, что контекст, в котором была написана песня, был гораздо более личным, гораздо более узким и ясно прочитываемым, чем тогда, когда эту песню стали исполнять как гимн любому дружеству:

Поднявший меч на наш союз
достоин будет худшей кары,
и я за жизнь его тогда
не дам и ломаной гитары.
Как вождельно жаждет век
нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке¹¹⁹.

«Среди совсем чужих пиров...» – это не гимн дружбе вообще, это обращение к своим. «Пока безумный наш султан / сулит дорогу нам к острогу...»* или вариант, который Окуджава иногда пел, «Покуда полоумный жлоб...» – это тоже к тем, кто понимает именно так.

И то ли о возможных арестах, то ли просто о возможных разрывах – так же как и у Галича в чуть более ранней песне (1964–1965 гг.) «Уходят друзья» с эпиграфом «На последней странице газет печатаются объявления о смерти, а на первых – статьи, сообщения и покаянные письма»:

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни – в никуда, а другие – в князья...
В осенние дни и в весенние дни,

* Версия Бенедикта Сарнова в разговоре с Майей Пешковой: «Тогда была такая эпоха писем, это были такие обращения к правительству, к ЦК, к высокому начальству. В общем, в защиту арестованных, сначала Синявского и Даниэля, потом Гинзбурга и Галанскова.

Начальство рассердилось, за первые письма отделались какими-то договорами, попали в чёрный список, несколько месяцев не печатали. А тут Брежнев прошамкал, что пора с этими делами кончать. По этому поводу Булат написал свою песню, что <, > когда наш султан сулит нам дальнюю дорогу, возьмёмся за руки <, > друзья. Вот этот султан, который сулит нам дальнюю дорогу, это была произнесённая на какой-то высокой трибуне реплика Брежнева, что пора уже приструнить этих людей»¹²⁰.

Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка – причастьем!
Есть – уходят на последней странице,
Но которые на первых – те чаще...¹²¹

Тема «Окуджава и Галич» до сих пор иногда возникает: кого из них выбирали в 1960-е гг., кого позже, что было ближе – лирика или сатира, дидактика, лирика одного или лирика другого. Но в ощущении времени они тогда совпали: разъединение, выбор, необходимость определиться. И «Старинную студенческую песню» Окуджава заканчивает строчками, в которых уже нет, как в «Душевном разговоре с сыном», возможности отстраниться от чего-то, во что включены сейчас все свои:

Когда ж придет дележки час,
не нас калач ржаной поманит,
и рай настанет не для нас,
зато Офелия помянет.
Пока ж не грянула пора
нам отправляться понемногу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу¹²².

XXVI
«Чашепитие на Арбате»: «Семидесятые»,
«Восьмидесятые», «Девяностые»

Продолжение этой темы – в 1970-е гг. Если ее различать как значимую в эти годы для Окуджавы, не только как новое обращение к войне прочитывается «*Старинная солдатская песня*»:

Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного, и врагов немного.
Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем – райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе¹.

Или «*Из фронтового дневника*». О поручике Кларнете, который не верит в чудо и свои сомнения произносит вслух, «возвышая свой голос живой / над годами уже не зеленой, / похоронной, сожженной травой»²:

Мы еще его вспомним-помянем,
как передний рубеж и обоз...
Если сами до света дотянем,
не останемся здесь, среди роз³.

Тема смерти все чаще звучит, и это уже не гибель молодых, ушедших на войну, ничего не успевших прожить – теперь это тема итога, необходимости взглянуть в глаза всему прожитому, оценить его и либо оправдать, либо не оправдать. Эта тема приходит рано, Окуджаве около пятидесяти, но ему вообще очень свойственна рефлексивность, а в 1970-е гг. все время появляется что-то значимое, что отходит в прошлое и должно быть понято, – это и песни, которые уже не пишутся так щедро, и надежды на полдень, вместо которого застой. *«Умереть – тоже надо уметь...»*:

Умереть – тоже надо уметь,
на свидание к небесам
паруса выбирая тугие.
Хорошо, если выберешь сам,
хуже, если помогут другие⁴.

«Жизнь охотника» – еще раз взгляд назад: семь стихотворений, по одному на каждый день:

Первый день, первый день!
Всё прекрасно, всё здорово,
хоть уже на всем второго
дня
лежит косая тень⁵.

И последнее, переворачивающее семь дней творения в семь дней от начала до конца:

День седьмой.
Выходной.
Дверь открыта выходная.
Дверь открыта в проходной...
До свиданья,
проходная!⁶

Все чаще о пройденном пути, который все больше описывается через метания, повороты. *«Чувствую: пора прощаться»*:

Был наш путь не слишком гладок.
Будет горек черный час...
Дух прозренья и загадок
пусть сопровождает нас⁷.

Изображена в этом стихотворении – ни больше, ни меньше – Тайная Вечеря:

Чувствую: пора прощаться.
Всё решительно к тому.
Не угодно ль вам собраться
у меня, в моем доме?
<...>

Приходите, что вам стоит!
Путь к дверям не занесен.
Оля в холле стол накроет
на четырнадцать персон⁸.

А впереди все ясно и понятно, и в этом тоже ничего внушающего надежду. Эту песню, посвященную Фазилю Искандеру, Окуджава часто пел в 1990-е гг. – *«Быстро молодость проходит, дни счастливые крадут»*:

Жаль, что молодость мелькнула, жаль, что старость коротка.
Всё теперь как на ладони: лоб в поту, душа в ушибах...
Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок –
только ровная дорога до последнего звонка⁹.

Все чаще у Окуджавы можно найти эти образы дороги – которая уже пройдена и которую еще нужно пройти, и все чаще эта дорога, особенно пройденная, увидена как петляющая, не прямая. Но и сегодняшний день отнюдь не надежен – об этом *«Песенка кавалергарда»*, написанная для фильма *«Звезда пленительного счастья»*:

Течет шампанское рекою,
и взгляд туманится слегка,
и всё как будто под рукою,
и всё как будто на века.
Но как ни сладок мир подлунный –
лежит тревога на челе...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!¹⁰

1975 год, еще один фильм Владимира Мотыля, где звучит песня Окуджавы (после «Жени, Женечки и “катюши”» и «Белого солнца пустыни»). Об этой песне можно говорить в очень разных контекстах, и кино – самый простой из них («песни Окуджавы для кино», «песни Окуджавы для театра», «песни Окуджавы на музыку профессионального композитора», в данном случае – Исаака Шварца, «Окуджавы в кино», в данном случае – в роли дирижера маленького оркестра на балу и т. д.). Кроме ненадежности сегодняшнего дня – еще декабристская тема, а к декабристам с конца 1960-х гг. обращаются очень многие – и прозаики (в том числе Окуджавы), и исследователи. Казалось бы, какое отношение к тому моменту, когда она написана, имеет статья структуралиста Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»? И филологам, и режиссерам, и литераторам вдруг стало важно представить себе эту жизнь – очень ярких и очень талантливых, у которых есть все карьерные возможности, а они почему-то от этих возможностей отгораживаются и в своем кругу обсуждают, каково же будущее России. И в этом контексте (не случайно это время определяют иногда как время аллюзий) название фильма звучит абсолютно недвусмысленно и для всех прозрачно – вероятно, даже для чиновников, фильм утверждавших как поднимающий важную, общественно значимую тему декабристского движения.

Если отгородиться от того, что вовне, то может быть даже уютно. Об этом стихотворение, давшее название последнему сборнику Окуджавы, «*Чаютние на Арбате*»:

Пейте чай, мой друг старинный,
забывая бег минут.
Желтой свечкой стеариной
я украшу ваш уют.

Не грустите о поленях,
о камине и огне...
Плед шотландский на коленях,
занавеска на окне¹¹.

И по его стихам, и по переделкинскому дому видно, что Окуджавы умел ценить уют: «...я очень долго не имел настоящего дома. В детстве, до 12 лет, у меня был нормальный дом, но тогда я этому не придавал значения. А сейчас упорно вспоминаю подробности того быта. Год еще я хорошо жил у тети в Тбилиси. Это было в начале войны. И все. Потом, уже почти к старости, я приобрел себе квартиру»¹².

Шаткость всего очень тесно связана с внешними обстоятельствами. «Я живу в ожидании краха...»:

Я живу в ожидании краха,
унижений и всяких утрат.
Я, рожденный в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Всё кончается на полуслове
раз, наверно, по сорок на дню...¹³

И все чаще Окуджава пишет стихи, раскрывающие внутренние язвы и противоречия, вот, например, такое – «*Не слишком-то изыскан вид за окнами...*»:

Не слишком-то изыскан вид за окнами,
пропитан гарью и гнилой водой.
Вот город, где отца моего кокнули.
Стрелок тогда был слишком молодой.

<...>

И вот теперь на отдыхе почетном.
внучат лелеет и с женой в ладу.
Прогулки совершает шагом четким
и вывески читает на ходу¹⁴.

Если уж внутренние язвы – то, конечно, это и самообличительные строки, новое содержание давней у Окуджавы темы вины. «*Я маленький, горло в ангине...*» – цитата из Давида Самойлова:

Все спали, один без другого
не мысля себя на веку,
не слыша, что кто-то без крова
в январском сгорает снегу¹⁵.

Почему январь? Стихотворение – продолжение, разворачивание мандельштамовского «Куда мне деться в этом январе?». У Мандельштама:

Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей?
И хочется мычать от всех замков и крепок¹⁶.

Окуджава продолжает этот образ, но его взгляд – не с январского мороза, а изнутри теплой квартиры:

...Полночную тьму разрезало
неистойвой трелью звонков.
Там кожа с ладоней слезала,
коснувшись промерзших замков.

И что-то меня подымало,
сжигало, ломало всего.
Я думал: а вдруг это мама?..
Но роза в руке – для чего?¹⁷

А всему этому предшествует цитата из Давида Самойлова («Из детства»), где папа поет ребенку, лежащему «в ангине» в уюте, в доме «Как ныне собирается вещей Олег...». «И плачу над бренностью мира / Я, маленький, глупый, больной»: Окуджава продолжает сразу и Мандельштама, и Самойлова, заставляя бывшего ребенка уже быть виноватым:

Мне слышались долгие звуки,
но я не сбежал во дворы..
И кровоточат мои руки
с той самой январской поры¹⁸.

А на фоне этих мрачных стихов – несколько очень известных песен. Если их расшифровывать, в них тоже ничего особенно обнадеживающего не окажется, но они были подхвачены людьми, певшими у костров и дома Окуджаву, так же как и более ранние, про другое написанные песни. «*Римская империя времени упадка...*»:

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка:
главный был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам.
А критики скажут, что слово «соратник» –
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает..
Может быть, может быть, может и не римская –
не жаль.
Мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает¹⁹.

«Критики скажут...» – это пишет автор романов, которого часто критика упрекала в недостаточной историчности и который, может быть, и приукрашивая что-то, говорил о себе в 1983 г.

на одном из вечеров: «...я не собираю материал, я не изучаю, ходя по городу или встречаясь с людьми. Я никогда в жизни, хотя я написал четыре исторических романа, не был в архивах и не знаю, что такое архив, как там выписывать книги – я, в общем, представления не имею. И где находятся архивы – тоже не знаю. Ну вот я вам как на духу»²⁰.

Чем-то близка «Римской империи...» «*Пиратская лирическая*», навеянная, судя по черновикам, блоковским «Девушка пела в церковном хоре...». «...О том, что никто не придет назад»²¹ – так заканчивается стихотворение Блока. У Окуджавы:

Что ж, если в Портленд нет возврата, поделим золото как братья,
поскольку денежки чужие не достаются без труда.

Когда воротимся мы в Портленд, нас примет родина в объятья.
Да только в Портленд воротиться не дай нам, Боже, никогда²².

Василий Аксенов, которому посвящена песня «*Я пишу исторический роман*», вспоминал, что написана она была после того, как Окуджава прочел его «Ожог» (разговор 1 августа 1999 г.). Но это и исторические романы самого Окуджавы – о безграмотном писце на допросах Пестеля, о сыщике, следящем за Толстым, о двух влюбленных, которых никак не могут оставить в покое и в чью жизнь постоянно вмешиваются:

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу²³.

«...Каждый пишет, как он слышит. / Каждый слышит, как он дышит»²⁴: каждый пишет все равно о себе, даже если пишет он исторический роман. «Из собственной судьбы» и вымысел – это то, что сочеталось у Окуджавы, реальная деталь, вокруг которой он уже что-то выстраивал:

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.

В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал²⁵.

«*Пожелание друзьям*» слушателями Окуджавы часто воспринимается как вообще жизненная мудрость, примиряющая нас в наших повседневных делах, но его тоже можно прочесть как обращенное к своему кругу, где начались разброды и конфликты (посвящено Юрию Трифонову):

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, –
тем более что жизнь короткая такая²⁶.

А завершают подборку «Семидесятые» «*Проводы у военкомата*», посвященные художнику Борису Биргеру. И снова посвящение подчеркивает – каждый может читать и понимать то, что ему понимается, но это разговор со своими:

Вот оркестр духовой. Звук медовый.
И пронзителен он так, что – ах...
Вот и я, молодой и бедовый,
с черным чубчиком, с болью в глазах.
<...>

Раскаляются медные трубы –
превращаются в пламя и дым.
И в улыбке растянуты губы,
чтоб запомнился я молодым²⁷.

Это опять как бы привычная тема Окуджавы – погибшие молодые. Но среди его стихов об ушедшей молодости и надвигающейся дороге, прямой и без ошибок, это стихотворение можно расшифровать и так: хорошо, если запомнят именно молодым.

* * *

На одном из вечеров 1969 г. Окуджава говорил, что перестал писать стихи и что его уже не очень интересует исполнение их под гитару²⁸, в 1984 г. – что ему повезло, снова пошли стихи и даже песни²⁹. В начале «Восьмидесятых» – сразу несколько песен, первая – «*О Володе Высоцком*», с посвящением Марине Влади, одна из двух песен на смерть Высоцкого.

Из беседы со слушателями 1985 г.: «Почему Вы всегда подчеркиваете первичность стихов? Этим вы отрицаете – в некотором роде – целое направление в искусстве, которое сами создали. – Я ничего не создавал. Для меня важны стихи, а потом уже мелодия. Вот и все»³⁰.

Из беседы со слушателями 1986 г.: «Что касается барда, я не совсем хорошо представляю – что это значит. Это человек, поющий свои стихи, да? <...> Ну главное все-таки, что я пишу стихи. Это главное. А все остальное – это второстепенное уже. Это средство выражения стихов: один их читает прекрасно, другой напевает под гитару»³¹.

В 1995 г. на просьбу, «возвращаясь к бардовскому творчеству», рассказать, что оно для него значит, Окуджава ответил: «Я очень далек сейчас от авторской песни. Но есть резон в том, что авторская песня, выполнив задачи, в первоначальном своем значении умерла»³². Не «барды», но «авторская песня», т. е. то, о чем он неоднократно говорил: возможность самовыражения, профессионализм, качество стихов, которое гораздо важнее в песне, чем то, что эти стихи положены на музыку. Высоцкий для него профессионал, профессионал, ушедший трагически, преждевременно, работавший не так, как он сам, но сильный поэт. И Окуджава пишет песни его памяти, как бы подтверждая: да, он к этой песне, к этому явлению, где ставят рядом Окуджаву и Высоцкого, причастен:

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходилась...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился³³.

Александр Галичу, Владимиру Высоцкому, Юлию Киму посвящены «Вечера французской песни...», о том, что нет пророка в своем отечестве, своих шансонье «начальство» не приемлет – у Окуджавы, посвящавшего свои стихи очень щедро, не так много посвящений поэтам, которых вместе с ним очень часто относили к «авторской песне»: есть посвящение Новелле Матвеевой; есть, более позднее, обращение к Сергею Никитину (не посвящение – поздравительное стихотворение к юбилею); есть посвящение актерам Дмитрию Межевичу, Валентину Никулину, Елене Камбуровой, исполнявшим его песни, но все эти посвящения – людям, ему симпатичным, интересным, – никак не подчеркивают, что Окуджава ощущал себя внутри явления, которое называется «авторской песней», и считал себя его основателем. Посвящений

литераторам у него несопоставимо больше, и близким ему, и не очень близким, и это как бы декларация: он – в пространстве литературы, не песен. Но если песня высокого литературного качества – тогда, конечно, эта та часть литературы, к которой он причастен. Поэтому такое декларативное посвящение – Галичу, Высоцкому, Киму. Двум ушедшим уже поэтам, чьи стихи – явление литературы, а чей образ, чье поведение – явление культуры, причем культуры неофициальной, принадлежность к которой Окуджава именно и декларировал неоднократно – и в «Старинной студенческой песне», и в романе «Путешествие дилетантов», и в посвященном этому роману стихотворении. А из живых Окуджава называет только Юлия Кима, к этой неофициальной стороне культуры тоже очень причастного: это гораздо больше, чем просто исполнение стихов под гитару. Новелле Матвеевой будет посвящено более позднее стихотворение, а здесь ее Окуджава не упомянул: в начале 1980-х гг., вероятно, ему было важно соотнесение песенного творчества и общественной позиции.

Вечера французской песни
нынче в моде и в цене.
А своих-то нет, хоть тресни...
Где же наши шансонье³⁴?

В 1989 г. Окуджава говорил: «...я много раз бывал в Париже и видел, как там широко распространено это уличное искусство. Как раскованны и артисты, и публика, как доброжелательны друг к другу. И мне было горько, что у нас такой “суровый климат...”»³⁵. Сопоставление с французскими шансонье, вероятно, началось для Окуджавы в 1956 г., с приезда Монтана: «На меня, между прочим, повлиял Ив Монтан, который пел о Париже, и песни были очень теплые, очень личные. Мне захотелось и о Москве написать что-то похожее...»³⁶. Интернациональное слово «бард», которого он избегал в интервью, Окуджава употребляет именно во французском контексте:

Пой, француз, тебе и карты,
ты – француз, ты вдалеке.
Дело в том, что наши барды
проживают в бардаке –

в том, в котором нет пророка,
чуть явись – затопчут след.
Пой, француз, ведь ты далеко,
и к тебе претензий нет³⁷.

«Еще один романс». Еще один – потому что уже много было когда-то высоких, возвышающих песен о женщинах:

В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы.
Ее глаза в иные дни обращены.
Там хорошо, и лишних нет, и страх не властен над годами,
и все давно уже друг другом прощены.

Еще покуда в честь нее высокий хор поет хвалебно,
и музыканты все в парадных пиджаках.
Но с каждой нотой, Боже мой, иная музыка целебна...
И дирижер ломает палочку в руках³⁸.

Здесь тоже вроде бы высоко, но эта высота и разоблачается нещадно – это вообще начало периода, когда Окуджава развенчивал им же самим созданные образы:

Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной,
но вот о чем я сокрушаюсь иногда:
ведь что мы сами, господа, в сравненье с дамой той прекрасной,
и наша жизнь, и наши дамы, господа³⁹?

«Август в Латвии». Несколько лет подряд в 1970–1980-х гг. Окуджава проводил на Гауе, на турбазе московского Дома ученых. Из воспоминаний Льва Шилова: «Располагалась турбаза в замечательном сосновом лесу, рядом с огромной поляной. <...> Рядом был маленький хуторок. <...> Появлялись какие-то люди, было несколько коров, но все это было очень ненавязчиво, неприметно. <...> Сосны, песок, лес, быстрая холодная речка. <...> На Гауе от полной блаженной тишины, соснового духа, речного журчания, запаха сена, дальнего петушиного крика было ощущение далекости, полной оторванности от цивилизации. А на самом деле почти рядом были милые, красивые городки»⁴⁰. У Окуджавы – и красота, и метания, такая большая у него тема с начала 1980-х гг.:

Булочки с тмином. Латышский язык.
Красные сосны. Воскресные радости.
Всё, чем живу я, к чему я приник
в месяце августе, в месяце августе.

<...>

Между удачей, с одной стороны,
и неудачей жизнь моя мечется
в сопровождении медной струны
августа месяца, августа месяца⁴¹.

Август как месяц несчастий – это Ахматова. Но август это и просто месяц угасания.

А сразу за этим стихотворением в «Чаепитии...» – еще одно о поэте, о поэте именно в пушкинском значении, «У поэта соперников нету...». Стихотворение о состоявшемся, реализовавшемся, но «мед» или «горькая чаша» (тоже из «Восьмидесятых» – строчки о «художнике», растратившем «свой гордый талант»⁴²), «адский огонь» или «храм» – все это было, и чего было больше и что важнее – «Вам решать», «...когда... душа отлетает во тьму...» и «Поле пройдено. Сделано дело»⁴³. Окуджава часто читал это стихотворение на вечерах:

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас – о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас – за себя⁴⁴.

И опять здесь тема вины (и не просто вины – греха) и прощенья. Следующее стихотворение, «С последней каланчи, в Сокольниках стоящей...», Бенедикт Сарнов, которому оно посвящено, прокомментировал так: Окуджава описывает картину Бориса Биргера («Мы все сидим вот с такими бокалами с красным вином, там, на этой картине, Войнович на этой картине, Копелев на этой картине, Непомнящий, Даниэль, Булат, я тоже»⁴⁵). Борис Биргер, дважды исключавшийся из Союза художников, создал портреты Окуджавы, Шаламова, Сахарова, Даниэля, Надежды Мандельштам – портреты людей не то чтобы одного круга или одних убеждений, но объединенных неприятием чего-то, и Окуджава среди них – едва ли не самый реализовавшийся именно в печати, вне неподцензурного пространства. На картине изображены поминки по Борису Балтеру⁴⁶, самой известной прозой которого стала повесть «До свидания, мальчики», по строке из песни Окуджавы (впервые, в «Тарусских страницах», она вышла под названием «Трое из одного города»); есть стихотворение Окуджавы, посвященное памяти Бориса Балтера, исключенного за несколько лет до того из партии за подписанное им письмо в защиту Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова («Не все ль равно, что нас сведет в могилу – пуля иль простуда?»⁴⁷). И тогда стихотворение

оказывается о причастности этому кругу, больше – о включенности в него и все-таки о некоторой отстраненности:

Ведь вот еще вчера, крылаты и бывалы,
сидели мы рядком, и красные бокалы
у каждого из нас – в изогнутой руке...
Как будто бы пожар – в прекрасном далеке.

И на пиру на том, на празднестве тягучем,
я, видно, был один, как рекрут, не обучен,
как будто бы не мы метались в том огне,
как будто тот огонь был неизвестен мне⁴⁸.

Опубликовано стихотворение впервые в 1988 г., написано, вероятно, лет через десять, десять с небольшим после смерти Балтера, и оно опять о метаниях. Но вот стихотворение-декларация 1982 г., тогда же и опубликованное (а декларация от рефлексий тем и отличается, что в ней метаний быть не должно), – «*Прогулки фрайеров*» (о романе «Путешествие дилетантов», 1971–1977), которое Окуджава тоже читал на вечерах:

По прихоти судьбы – Разносчицы даров –
в прекрасный день мне откровенья были.
Я написал роман «Прогулки фрайеров»,
и фрайера меня благодарили⁴⁹.

Аксенов был вынужден уехать после истории с «Метрополем», эмигрировали Владимир Войнович, Владимир Максимов, в 1982 г. арестовывают Зою Крахмальникову, в 1985 г. арестуют Феликса Светова («Посвящаю Зое и Свету» – это над рассказом 1986 г. «Нечаянная радость», о втором аресте матери). Юлию Даниэлю, вернувшемуся из лагеря около десяти лет назад, посвящено стихотворение Окуджавы («Не успел на жизнь обидеться – вся и кончилась почти»⁵⁰ – то ли о Даниэле, то ли о себе). Это то, что происходило в кругу Окуджавы, но и даже значимые для него имена здесь не все названы. В 1983 г. перестала выходить «Хроника текущих событий», продержавшаяся 15 лет, которую издавали постоянно сменявшие друг друга люди, садившиеся, выходявшие, снова садившиеся. 1983 годом и в 1983 г. Людмила Алексеева, тоже вынужденная в 1977 г. эмигрировать, закончила историю диссидентского движения.

Фанерный чемоданчик – сегодня у друзей и 40 лет назад, у мамы. Из того же стихотворения, посвященного Даниэлю:

«И с фанерным чемоданчиком / мама ехала моя / удивленным
неудачником / в те богатые края»⁵¹. И в «Прогулках фрайеров»:

Они сидят в кружок под низким потолком.
Освистаны их речи и манеры.
Но вечные стихи затвержены тайком,
и сундучок сколочен из фанеры.

<...>

Когда в прекрасный день Разносчица даров
вошла в мой тесный двор, бродя дворами,
я мог бы написать, себя переборов,
«Прогулки маляров», «Прогулки поваров»...
Но по пути мне вышло с фрайерами⁵².

«Приговор», «сундучок из фанеры» – все это не имеет никакого отношения к истории двух влюбленных, за которыми почему-то гонялись жандармы: много раз Окуджава говорил, что с этой истории, вычитанной у П.Е. Щеголева («Любовь в равелине»), начинался роман «Путешествие дилетантов», потому что в ней он увидел что-то для себя близкое. Все это про очень узкий круг своих («Пока ж не грянула пора...») – о котором роман и написан и к которому он обращен: в 1999 г. Ирина Уварова рассказывала, как Окуджава, работая над «Путешествием дилетантов», приходил к ним и читал им фрагменты романа и как для нее и для Юлия Даниэля это был роман – про нас.

Это стихотворение-декларация – своей позиции, своей этики, потому что не так естественно было для Окуджавы декларировать свою причастность к какому-то кругу, а вот тут стало естественно. Но роман все же не о политике и даже не о диссидентстве и его этических выборах: он об очень остром переживании того, как чужие, власть постоянно вторгаются в нашу личную жизнь, как все время приходится двигаться не благодаря, а вопреки, о том, как с собой бы разобраться – так нет, почему-то надо тратить душевные силы и годы на ограждение и защиту своего пространства. Это роман о жизни в эпоху безвременья, когда тошно, – и есть у Окуджавы именно такие высказывания, о том, как же тошно и безнадежно было в 1970-е гг.

1983 год – год, когда ушли один за другим, одна за другой – Гиви Окуджава, Маня Окуджава, Ашхен Степановна, Сильвия Степановна. Поэтому так много обращений к маме в стихах Окуджавы 1980-х гг., поэтому он пишет новую автобиографическую прозу, где самая пронзительная – обращенная к маме «Девушка моей мечты» (1985). «Письмо к маме»:

Ты сидишь на нарах посреди Москвы.
Голова кружится от слепой тоски.
На окне – намордник,
воля – за стеной,
ниточка порвалась меж тобой и мной.
За железной дверью топчется солдат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет –
он не за себя ведь – он за весь народ⁵³.

Все больше у Окуджавы в 1980-е гг. стихов, где он рассуждает именно о стране, о ее истории, а в 1990-е гг., помимо стихов, об этом будет очень много его интервью, где он говорит о разнице между волей и свободой, о привычке к авторитетам, об истории XIX в., в которую он погрузился в 1970-е гг., работая над романами (последний его «исторический» роман – «Свидание с Бонапартом», 1979–1983). И стихи о семье будут попыткой не только понять и отдать дань памяти, но и высказаться о недавнем прошлом и сегодняшнем дне. *«Собрался к маме – умерла...»*:

Собрался к маме – умерла,
к отцу хотел – а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского весь мир застелен⁵⁴.

Призыв в самом начале перестройки (опубликовано в первом номере «Юности» за 1986 г.) – *«В нашей жизни, прекрасной и странной...»*:

В нашей жизни, прекрасной, и странной,
и короткой, как росчерк пера,
над дымящейся свежей раной
призадуматься, право, пора⁵⁵.

О том, что надежды на перестройку не оправдались, так же как и в «оттепель», одностиишие, опубликованное в феврале 1991 г., *«Ребята, нас вновь обманули...»*:

Ребята, нас вновь обманули,
опять не туда завели⁵⁶.

А в 1996 г. опубликованы еще две строфы, что «дело как будто к зиме» – «оттепель», перестройка, начало 1990-х гг., это был уже третий период конца надежд, о котором писал Окуджава.

Подряд дает Окуджава стихи к сыну и к отцу, выстраивая тему преемственности, а с другой стороны, разности поколений. «*Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться*» с посвящением младшему сыну Антону – продолжение «Душевного разговора с сыном», написанного 20 лет назад:

Папочка твой не случайно сработал надежный свой кокон.
Он состоит из дубовых дверей и зашторенных окон.
Он состоит из надменных замков и щеколд золотых...
Лица незванные с благоговением смотрят на них.

<...>

Папочка делает вид, что и нынче он истиной правит.
То ли и впрямь не устал обольщаться, а то ли лукавит,
что, мол, гармония с верою будут в одно сведены...
Только никто не дает за нее даже малой цены.

Всё справедливо. И пусть он лелеет и холит свой кокон.
Вы же ликуйте и иронизируйте шумно и скопом,
но погрузите хотя бы, увидев, как сходит на нет
серый, чужой, старомодный, сутулый его силуэт⁵⁷.

«Его высокая, стройная фигура везде выделялась выражением необычайного одиночества и одновременно силы, преодолевающей это одиночество»⁵⁸ – это из воспоминаний Фазиля Искандера. «Мне не нравится мой силуэт: / невпазд как-то скомкан и скроен. / А ведь мальчик был ладен и строен... / И надежды на лучшее нет»⁵⁹ – это из тех же 1980-х гг. Вероятно, воспоминание Владимира Войновича про чуть более поздний период, но тема ухода больше десяти лет звучала в стихах Окуджавы: «Последние годы он занимался тем, что выискивал в своей телефонной книге какого-нибудь пожилого поэта, бывшего фронтовика, может быть, даже не очень близко знакомого и звонил ему. “Зачем”, – спросил я его. Он ответил: “Просто я подумал, что его давно не печатают, он старый, больной, одинокий, и ему, наверное, хочется, чтобы кто-то ему позвонил и спросил, как дела”»⁶⁰.

«*Мой отец*» – тоже стихотворение ухода.

И время отца моего молодого печальный развеяло прах,
и нету надгробья, и памяти негде над прахом склониться,
рыдая.

А те, что виновны в убийстве, и сами давно уже все в небесах.
И там, в вышине, их безвестная стая кружится, редая и тая⁶¹.

Чуть более позднее, вероятно, потому что «Упраздненный театр» Окуджава начал в 1989 г., «Пишу роман. Тетрадка в клеточку»:

Пишу роман. Тетрадка в клеточку.
Пишу роман. Страницы рву.
Февраль к стеклу подставил веточку,
чтоб так я жил, пока живу.

<...>

Но вам сквозь ту бумагу белую
не разглядеть, что слезы лью,
что я люблю отчизну бедную,
как маму бедную мою⁶².

Еще из переделкинских стихов – в Переделкине, в поселке писателей, Окуджава получил дом в 1987 г. – «Мне нравится то, что в отдельном...»:

Мне нравится то, что в отдельном
фанерном домишке живу.
И то, что недугом смертельным
еще не сражен наяву...⁶³

Это Переделкино, куда Окуджава ездил когда-то хоронить Пастернака, где родные пытались сохранить и его дом, и дом Чуковского (сегодня третий переделкинский музей – Окуджавы), где когда-то застрелился Фадеев, где были дачи литераторов поколения Фадеева – Маргариты Алигер, Юрия Либединского, где жило очень много людей, с которыми он был в хороших, в теплых отношениях – Лидия Либединская, Юрий Карякин, Евгений Евтушенко, Инна Лиснянская и Семен Липкин; с одной стороны от его дачи, Довженко, 11 – Олег Чухонцев, с другой – Белла Ахмадулина.

С любовью, с умением обустроенный дом. Зураб Казбек-Казиев: «Вообще он рукодельник был. Он почему-то увлекся тем, что вырезал из журналов разные старинные литографии с картин, потом покрывал их лаком, и получалась такая законченная штучка. Потом раздаривал своим друзьям. Он умел работать руками»⁶⁴.

Сперва с аппетитом отличным
сседаю нехитрый обед
и в пику безумцам столичным
ныряю под клетчатый плед,

а после в порыве сердечном,
пока за глазами черно,
меж вечным и меж быстротечным
ищу золотое зерно⁶⁵.

Окуджава про свой переделкинский быт: «Кроме теста, все могу. Но я стараюсь готовить не очень громоздкие блюда, чтобы не тратить время»⁶⁶. Зураб Казбек-Казиев о кулинарных пристрастиях Окуджавы: «Он любил самую простую еду, мацони, кефир на грузинский манер. Но вот он с детства привык, со школы даже, что его можно кушать, как в кавказских деревнях: лаваш берут и руками раздирают на куски и намешивают, и потом ложкой хлебают. Вот он очень любил такую пищу. Самая типичная крестьянская вещь. Он любил специальные грузинские блюда из разных видов зелени. Здесь у нас (рядом с домом в Протопоповском [Безбожном] переулке в Москве. – *О. Р.*) был тогда зеленной магазин. И вот однажды ранней весной продавали маленькие свеколки и много ботвы. И поскольку ботву отрывали и складывали в коробку и уходили, Булат вернулся домой, взял сумку и эту ботву взял с собой, отварил и получил то, что ему надо – хорошее грузинское пхали»⁶⁷.

Уютный, своими руками сделанный дом, быт, даже – цветы на участке. И роман о семье, «*К старости косточки стали болеть...*»:

Всё, что мерещилось, в прах сожжено.
Так, лишь какая-то малость в остатке...
Вот, мой любезный, какое кино
я досмотрел на седьмом-то десятке⁶⁸!

Роман на грани молчания. В 1970-е гг. почти не шли стихи, зато их было много в 1980-е гг., годы, когда, наоборот, Окуджава делает паузу между романами. Последний роман, на грани молчания – хотя опять Окуджава находит именно свою тему. «*Мне не нравится мой силуэт...*»:

Но тогда отчего, отчего
рву листы и бумагу мараю?
Не сгорел – только всё догораю
и молчанья боюсь своего⁶⁹?

Это переживание конца, очень частое у Окуджавы (особенно в интервью 1990-х гг.) сравнение своей работы с театром,

который существует 20–25 лет, а потом, хотя и сохраняется, но уже не в своем времени; это понимание, что старые стихи – они старые, а новые, такие же сильные, так же попадающие в свое время, еще написать нужно – в одном из самых, может быть, сильных стихотворений Окуджавы 1980-х гг. – «*Строка из старого стиха слывет ненастоящей...*»:

Строка из старого стиха слывет ненастоящей:
она растрочена уже да и к мольбам глуха.
Мне строчка новая нужна какая-нибудь послаще,
чтоб начиналось из нее течение стиха⁷⁰.

Но это не только про стихи:

Текут стихи на белый свет из темени крошечной,
из всяких горестных сует, из праздников души.
Не извратить бы вещей смысл иной строкой поспешной.
Всё остальное при тебе – мужайся и пиши⁷¹.

И снова о победах, которые миражи (это было еще 20 лет назад в «Былое нельзя воротить и печалиться не о чем...», а сейчас, в «Песенке», которую Окуджава пел тогда на своих вечерах, – «Может, и не станешь победителем, / но зато умрешь как человек»), и об удачах (как в «Августе в Латвии»):

Текут стихи на белый свет, и нету им замены,
и нет конца у той реки, пока есть белый свет.
Не о победе я молю: победы все надменны,
а об удаче я молю, с которой спроса нет⁷².

Спрос как раз есть, и это опять разговор с Богом:

Пугает тайною своей ночное бездорожье,
но избежать той черной мглы, наверно, не дано...
Мне строчка новая нужна какая-нибудь построже,
чтоб с ней предстать перед Тобой мне не было б грешно.

Текут стихи на белый свет рекою голубою
сквозь золотые берега в серебряную даль.
За каждый крик, за каждый вздох заплачено любовью –
ее всё меньше с каждым днем, и этого не жаль⁷³.

Очень близкое к этому – стихотворение из «Девяностых» «Подмосковная фантазия», посвященное Виктору Астафьеву. Слушатели Окуджавы иногда говорят, что у него хотя и грустные песни, а все-таки светлые. Бывает, что, наоборот, его упрекают в постоянной грустной, лирической интонации. Но действительно мрачных, беспробудно мрачных стихов у него не так много. Это одно из них:

Ворон над Переделкином черную глотку рвет.
Он как персонаж из песни над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь его вдохновенный рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца⁷⁴.

Украшающая стихотворение звукопись, очень ощутимая, если произнести его вслух, но образ ворона, который то ли, как у Эдгара По, кричит «Nevermore», то ли, как в песне, здесь упомянутой, кружится сверху, удостоверяя, что скоро конец:

И видя глаз прозорливый, и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,
я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо –
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем.

Когда бы я был поэтом – я бы нашел слова
точные и единственные, не мучаясь, не морочась,
соответствующие склонностям этого существа
и скромным моим представлениям о силе его пророчеств⁷⁵.

«Когда бы я был поэтом...» уравнивается как бы более скромным «Но я всего стихотворец...», отсылающим всего лишь к Пушкину:

Но я всего стихотворец: так создан и так живу,
в пристрастии к строчке и рифме, в безумии этом нелепом,
и вижу крылья, присущие этому существу,
но не пойму души его, ниспосланной ему небом.

Я выгляжу праздным и временным в застывших его глазах,
когда он белое облако рассекает крылом небрежным.
Я царствую здесь, в малиннике, он царствует в небесах,
и в этом его преимущество передо мною, грешным⁷⁶.

Давний, из 1960-х гг., отказ от пророчества («...а кто пророк – не знаю»⁷⁷) оборачивается, как и отказ от «поэта» в пользу «стихотворца», вполне ясным предзнанием:

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
что-то он всё пророчит мне будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает всё наперед...
Но в этом мое преимущество перед лесным пророком⁷⁸.

Еще одно стихотворение итога, «*Перед витриной*» – как «перед зеркалом»:

Вот дурацкий манекен, расточающий улыбки.
Я гляжу через стекло. Он глядит поверх меня.
У него большая жизнь, у меня ж – одни ошибки...
Дайте мне хоть передышку и крылатого коня!

У него такой успех! Мне подобное не снится.
Вокруг барышни толпятся, и милиция свистит.
У него – почти что всё, он – почти что за граница,
а с меня ведь время спросит и, конечно, не простит⁷⁹.

Опять загадочная строка о собственном «поэт – не поэт». Стал бы поэтом – может быть, в том смысле, который у Пушкина, о Ленском, – стал бы романтиком, не знающим жизни? «...Если б не было войны» – это из известной песни, которую пела Валентина Толкунова, полуироничная отсылка к эстраде, альтернативой которой было то, что делал Окуджава:

Мой отец погиб в тюрьме. Мама долго просидела.
Я сражался на войне, потому что верил в сны.
Жизнь меня не берегла и шпыняла то и дело.
Может, я бы стал поэтом, если б не было войны.

<...>

Так чего же я стою перед этою витриной
и, открывши рот, смотрю на дурацкий силуэт?
Впрочем, мне держать ответ и туда идти с повинной,
где кончается дорога... А с него и спросу нет⁸⁰.

Посвященное Анатолию Приставкину стихотворение «*Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!*»: о работе комиссии по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации, которую возглавлял Приставкин и куда входили,

кроме Окуджавы, такие разные люди, как священник отец Александр Борисов, хирург Рудольф Гун, писатель, проведенный в лагерях 17 лет, Лев Разгон, филолог, критик Валентин Оскоцкий, адвокат Игорь Безруков, психолог Михаил Коченов, журналист Евгения Альбац.

Окуджава рассказывал об этом своем участии в общественной жизни: «Это очень тяжелое дело. Такие чудовищные преступления совершаются! <...> Ну как я могу проголосовать за помилование, скажем, районного прокурора, который несколько лет руководил бандой?»⁸¹; «Помилование – это значит заменить смертную казнь пожизненным заключением. То есть, не стрелять в него, а на всю жизнь заточить его. Многие из получивших пожизненное заключение обращаются с просьбой расстрелять их, потому что это невыносимо. <...> Из десяти приговоренных двум отклоняли просьбы о помиловании, а остальные – пожизненное заключение. <...> Я вам мелкое дело просто расскажу. Вот муж, жена и приятель после работы зашли выпить. Поужинать. Посидели втроем, выпили, закусили. Потом жена говорит приятелю – по поводу чего-то: “Сеньк, чего сопли распустил?” А он взял нож и ударил ее в живот. И убил. На суде спрашивают: “За что же вы женщину-то убили?” – “А чего обижает?” – говорит он. <...> А как быть, когда молодой отец насилует свою трехмесячную дочь, а потом убивает ее? Что это такое? Проверяют его всякие психиатрические комиссии – нормально мыслящий человек. Вот что произошло?»⁸².

Последняя песня Окуджавы (посвящена Владимиру Спивакову) – «Отъезд»:

С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга.
Бричка вместительна. Лошади в масть.
Жизнь моя, как перезревшее яблоко,
тянется к теплой землице припасть.
Ну а попутчик мой, этот молоденький,
радостных слёз не стирает с лица.
Что ему думать про век свой коротенький?
Он лишь про музыку, чтоб до конца⁸³.

Моцарт уезжает из Зальцбурга, впереди – все. Огромный талант, который нужно реализовать, беды, которые будут. А рядом с Моцартом человек, которому ждать уже нечего. Он уже был когда-то Моцартом, уезжавшим из Зальцбурга:

Времени нету на долгие проводы...
Да неужели уже не нужны
слёзы, что были недаром ведь пролиты,
крылья, что были не зря ведь даны?

<...>

Руки мои на коленях покоятся,
вздых безнадежный густеет в груди:
там, за спиной – «До свиданья, околица!»...
И ничего, ничего впереди⁸⁴.

Моцарт, «божеской выпечки», «поет за двоих»⁸⁵.

XXVII
«Ах, мне бы книгу бытия –
я знал бы жребий свой!...»

В 1996 г. вышли две книги прощания. Прощания, потому что одна, «Чаепитие на Арбате», – самое полное избранное, другая – потому что называлась «Зал ожидания»:

Наша жизнь – это зал ожидания,
от младенчества и до седин¹.

Сначала ожидание радости, осуществления, удач, большой перемены, теперь – ожидание, когда позовут пройти туда, куда нужно пройти:

Сколько всяких наук выживания,
а исход непременно один².

1997 год и начался страшно: в январе умер старший сын Игорь. Стихотворение «Итоги», в сборники уже не вошедшее:

В пятидесятых, в четвертом опять,
сын мой родился, печальный мой старший,
рано уставший, бедой моей ставший,
в землю упавший...

И не поднять³.

Затем больница, отъезд в Германию, в Кельн, к Льву Копелеву, оттуда – в Париж. Когда в 1998 г. переделкинский дом Окуджавы открывали как музей, на столе в его кабинете лежал список имен – тех, с кем он хотел попрощаться перед отъездом.

Почти двадцатилетнее ожидание свершения, почти столь же долгое предпонимание конца. А между ними – удивительное попадание, очень точная интуиция, очень точное понимание и ощущение себя, времени, своих возможностей, того, что сейчас востребовано и нужно. В архиве Ирины Живописцевой сохранился (разговор 2001 г.) автограф стихотворения, датированного 9 мая 1961 г. и Окуджавой не опубликованного*:

Как карусель весь шар земной,
как синий снежный ком.
Пируют боги надо мной –
я с ними не знаком.

Я словно бабочка. Точь в точь.
А где-то в вышине
пируют боги день и ночь,
всё знают обо мне.

Гомеровский пир богов над многолетней и страшной войной, «Книга Бытия» – но здесь же и бытие, в котором много хорошего:

И однотомики бытия
листают пред собой...
Хожу по тем страничкам я
весёлый и слепой.

Меня невзгоды крепко бьют,
меня тревоги гнут,
а боги видят, боги пьют
и глазом не моргнут.

* Строфы цитируются в той последовательности, в которой они расположены в стихотворении.

Только что, в феврале, дописан «Будь здоров, школяр», 20 лет назад началась война, 16 лет назад в этот день она закончилась. Здесь тот же, что и в «Школяре», взгляд со стороны на себя того, прежнего:

Меня в окопы годы мчат,
а я не вижу: слеп.
А боги видят, но молчат
и только машут вслед.

Им всё известно до конца:
вся жизнь – в одной строке,
и птичка моего свинца
дрожит у них в руке.

На войне выжил, но свинец не поэтому: в тот день Окуджаве исполнялось 37 лет – пушкинский возраст. Какая будет гибель и сколько продлится вот этот свалившийся на него откуда-то дар себя выразить поэтически?

Им распознать не мудрено,
где лучший день из дней,
и сколько лет мне быть должно
в день гибели моей.

И сколько мне пером скрипеть,
и сколько вёрст ползти,
и как я должен прохрипеть
последнее прости.

Им – не мудрено. А у него самые расцветные годы, и еще столько всего должно реализоваться и состояться:

Ах, мне бы книгу бытия –
я знал бы жребий свой!...
Но Им такой вот нужен я
весёлый и слепой.

Об Окуджаве в конце 1950-х, в 1960-е – 1990-е – несколько интервью в приложении к книжке: с его польскими друзьями (Кароль Модзелевский, Адам Михник, Даниэль Ольбрыхский, Анджей Мандальян), с поэтами Инной Лиснянской, Наумом Коржавиным, Евгением Евтушенко, с Юрием Давыдовым, о разности их отношения к исторической прозе, с Лидией Либединской, о совместных выступлениях, с протоиереем Александром Борисовым, о работе в комиссии по помилованию.

«Адаму, Яцеку, Каролю» – Адаму Михнику, Яцеку Куроню и Каролю Модзелевскому – посвящена песня «Мастер Гриша» о человеке с сжатыми в «кулаки» «большими», «надежными» руками, который может «все наладить», – «на кого же надеяться кроме»? То ли так совпало, а скорее, все-таки это связано одно с другим, но общественная тематика стала гораздо больше появляться в песнях Окуджавы после его первой поездки в Польшу в 1964 г. Почему это было так, что он увидел в Польше, передает разговор с Каролем Модзелевским, историком-медиевистом, автором названия «Солидарность», координатором ее инфор-

в 1964 г. Почему это было так, что он увидел в Польше, передает разговор с Каролем Модзелевским, историком-медиевистом, автором названия «Солидарность», координатором ее информационного бюро, членом ее Национальной координационной комиссии.

Окуджаву говорил о Катыни и не имел о ней никаких иллюзий – что это было (и есть) очень важно, нельзя не заметить в разговоре с Адамом Михником, соучредителем ряда подпольных польских журналов, Комитета защиты рабочих, советником «Солидарности», сейчас – главным редактором созданной им «Газеты Выборчей». И жаль, что в интервью не передать, как эмоционально пан Адам читал строки Окуджавы, для него – связанные с Катынью.

Окуджаву говорил на том русском языке, ради которого стоило этот язык учить, он был той Россией, с которой хотелось разговаривать, – это прозвучало в словах Даниэля Ольбрыхского. Его польский круг – это в основном литераторы, говорил пан Кароль. Его польский круг – это в значительной мере общественные деятели, говорил поэт и переводчик Анджей Мандальян.

Оказалось, что нужно было приехать в Польшу, чтобы услышать о Семене Гудзенко в конце 1940-х гг. – разговор с Анджеем Мандальяном вышел и об этом тоже, о поэтах военного поколения, о послевоенных московских литературных кругах и кружках. «Я вообще против каких бы то ни было литературных объединений, мне кажется, для поэта это кошмар», – читаем в другом интервью, в разговоре с Инной Лиснянской. Окуджаве нужна была деталь для создания образа, он помог ей начать писать, вживаясь в образ другого, – это из того же разговора о литературной мастерской. Окуджаву не строил теорий – это прозвучало и у Кароля Модзелевского, вспоминая их разговоры о русской и польской истории, и у Наума Коржавина, вспоминая их разговоры о литературе, что-то похожее можно увидеть и в коротенькой беседе с Юрием Давыдовым о разности подходов его и Окуджавы к исторической прозе.

Самое начало, первые песни – об этом говорил Евгений Евтушенко. 1990-е годы, работа в комиссии по помилованию – об этом разговор с протоиереем Александром Борисовым. Почему именно она, хорошо видно, если прочесть тот разговор после польских, если вспомнить, что много лет отсидевшая Ашхен Степановна тоже была в комиссии, помогавшей освобождать.

Поколение и шестидесятники – это была сквозная тема почти всех разговоров, которые здесь есть, и мне показалось очень интересным, что оценки так сильно разнятся. Иногда разнятся

оценки, иногда – детали. Я старалась сохранять и противоречия, и живую речь, и интонации, и эмоциональность разговоров, когда она была. Особенно живыми, конечно, получились долгие разговоры последних 10 лет, но есть здесь два очень коротеньких: с Евгением Евтушенко и Юрием Давыдовым. Первые мои интервью об Окуджаве – это 1999 г., переделкинские разговоры об истории посвящений стихов Окуджавы. Щедрость посвящений, человеческая щедрость, самоирония – все это, вероятно, как-то связано, и об этом тоже можно прочесть в разных воспоминаниях об Окуджаве.

После бесед, передающих, как его любили и любят в Польше (впервые я приехала в Польшу в начале мая, и первое, что бросилось в глаза, – афиша концерта ко дню рождения Окуджавы), производят особенное впечатление воспоминания Лидии Либединой о том, как в те же годы в поездке по России от Союза писателей Окуджаве не разрешали петь, а читать разрешали только «Капли Датского короля». И эти «Капли Датского короля» приобретают дополнительное звучание в контексте польских песен Окуджавы того же времени, тоже отчасти иносказательных, но при этом очень легко прочитываемых.

Кароль Модзелевский:
*«Люди, которые не были по образцу, – Окуджаву их выражал.
Нас он тоже выражал»**

– Когда в 1964 году Окуджава был с советскими писателями в Польше, их повезли в Закопане. И мы с Яцеком Куронем**, поскольку мы по записям знали его песни (а мы тогда уже заговорщиками хотели стать), сочли, что он до такой степени причастен к нашему душевному миру, что нам с ним абсолютно необходимо связаться. Что Вам сказать, чтоб Вы поняли наше мышление, нашу обстановку?

Мы были так называемые ревизионисты. У нас с Яцеком было разное детство, конечно, совершенно разные опыты – но у нас была коммунистическая формировка; и оба мы, конечно, верили в эту идеологию, несмотря на разность опытов. У меня потрясение произошло раньше других, потому что со мной родители перестали бояться разговаривать в 1954 году. За три недели до смерти отец рассказал мне, что он сидел на Лубянке (точнее, я раньше узнал такие слухи, а он подтвердил). Я спросил, и он подтвердил. Мать моя была дочь меньшевика. Он умер, бабушка моя, через три недели после освобождения из лагеря. В общем, его замучили, конечно, в лагерях. И она мне так по-солженицынски все это рассказала. Мне тогда не было еще 17 лет. У меня шок был на два года раньше, чем у других. Доклад на XX съезде совпал у нас с кризисом: генсек наш умер на XX съезде, кроме того, брожение в польской партии было уже года два, потому что убежал один из главарей госбезопасности и выступал на «Свободной Европе» (это была наша версия радио «Свобода»). Доклад Хрущева напечатали как документ для партийных ячеек, но он был абсолютно доступен.

Конечно, мир распался для нас. Вы это способны понять, наверное. Распался мир, его надо поскладывать новым образом. Чтобы понимать по-новому. Поскладывать из тех же элементов, к которым мы привыкли. У нас же другого языка, для того чтобы об общественных вопросах говорить, кроме языка официальной идеологии, не было. У нашего поколения. Так же как и в Совет-

* В записях бесед максимально сохранена речь говоривших.

** Яцек Куронь (1934–2004) – позднее один из учредителей Комитета защиты рабочих, один из авторов стратегии деятельности «Солидарности», депутат Сейма, министр труда и социальной политики, кандидат в президенты Польши.

ском Союзе примерно. Бунтующее мышление должно было выразиться на том же языке. На фоне той же идеологии. Раз оказалось, что этот режим на деле попирает те идеалы, которые он провозглашает и которые он нам внушил, значит (а это не один человек виноват, а режим, система), плохой режим. Нас учили, что с ним делать, его свергнуть надо путем революции. Больше Вам скажу: кто делает революцию, тоже нас учили – рабочие, рабочий класс. И поскольку внести эту мысль должна интеллигенция, мы решили, что подходит время революции.

– *Вы уже тогда так далеко смотрели?*

– Именно. Мы были самые крайние, самые радикальные. Молодые же. Мне было 19 лет, я был студентом-историком третьего курса. Университет ходил ходуном, совершенное брожение, очень сильное. Мы овладели управлением комсомола в университете. Старое управление разбежалось. У нас была легальная совершенно организация в руках. И мы решили связаться с организацией комсомольской на автомобильном заводе варшавском, где первый секретарь, рабочий, впрочем (его избрали на волне всех этих сдвигов), раньше был на экскурсии в Югославии и решил, что надо переделать экономическую систему, чтобы были на всех предприятиях рабочие советы, которые возьмут в руки управление заводом. Революция налицо.

И вот в 19 лет меня отправили туда, так что первый сдвиг 1956 года я прошел на Жерани, среди рабочих там на митинги ходил. Знаете, какие мы там митинги делали. Потом, конечно, к нашему счастью и к счастью Польши, Гомулка не дал нам эту революцию сделать. Он все это придавил. Свел к более или менее нормальности – немножко больше независимости по отношению к Москве, немного больше свободы в частной, личной жизни. Нам, конечно, это не нравилось, мы хотели революцию продолжать. И, поскольку к середине 1960-х это в партии не было уже возможным, мы дошли до точки, когда уже надо было заниматься подпольной деятельностью – писать манифест, как мы будем бороться с этим режимом, и этот манифест распространять, по фабрикам и по университетам. Это был 1964 год. Тогда приехал Окуджава. У нас этот наш документ был почти готов. Они приехали, по-моему, в сентябре.

– *В августе.*

– В августе, да. А нас прихлопнули в ноябре. И мы решили поехать с ним поговорить. Он же носитель революционных чувств, а мы –

крамольной революционной деятельности. Нам надо встретиться. Обязательно.

– А где Вы увидели у него крамольное чувство?

– В стихах.

– То есть не в общественной тематике, а именно в языке?

– Во всем. Все крамольное. Конечно, есть такие стихи, которые больше всего к нашему душевному миру подходили. Вот, скажем, «Мастер Гриша», для нас это обязательно с Куронем. Но тогда еще мы о «Мастере Грише» не знали.

– Это песня 1968 года. И посвящена вам.

– А этого я не знал.

– «Адаму, Яцеку, Каролу».

– Да? Эта песня совпадала совершенно с тем, что мы думали и чувствовали, а что вот это нам... Этого я не знал. Это метко. Метко. Значит, мы с Яцеком пошли с ним гулять в Закопане. Они жили, по-моему, в «Астории», в таком своеобразном доме литераторов.

– Вы отбили его от делегации?

– Отбили. Потащили его на прогулку в горы, недалеко. И там я ему все, что мы пишем, рассказал. Он так послушал, послушал, покивал, говорит: «Ну ладно, все очень красиво. Значит, вы хотите, чтоб были рабочие советы, которые будут управлять хозяйством и государством. А вот скажите (я не разбираюсь, я поэт): если мне вздумается написать “Небо перевернулось” (возможно ведь, что мне вздумается так написать). И рабочий совет решит, что такого не бывает, невозможно, чтоб небо перевернулось. Так что, мне запретят такое написать?» – «Нет, ну что Вы, Булат, цензуру же мы упраздним». – «Ах, вы цензуру упраздните? Ну что, это дело». В общем, поговорили мы. Он чуточку иронизировал, но, по-моему, мы произвели на него впечатление, потому что он понял, куда мы лезем, наверное.

Потом Булат уехал. Нас прихлопнули. В 1964 году, в ноябре, забрали текст, еще не совсем оконченный. Было два экземпляра, они оба экземпляра забрали во время обысков. Нас посадили на

48 часов. И еще 11 человек, которые с нами прения по поводу этого текста проводили, в том числе одного, по крайней мере, стукача. Потом, когда отпускали, дали обвинение, я не понял, что это обвинение означает, что они не всерьез это делают. Партия решила нас не судить, а как-то замять дело. Конечно, исключить из партии. А мы решили реабилитироваться, написать следующую версию.

Это было в ноябре, а судили нас в начале июля следующего года, когда мы уже сидели, конечно. Хотя процесс был при так называемых закрытых дверях, без публики, но были там Лешек Колаковский, очень известный философ, и Мариан Брандыс, оба еще были члены партии (такая норма была, что во время закрытого процесса обвиняемые могут указать по два публичных лица, которые будут вместо общественного мнения, они тоже связаны тайностью процесса). В печати были только краткие сообщения, «Свободная Европа» говорила о нас много, немного зная. А потом, в 1966 году, в августе, в Париже эмигрантским журналом «Культура» была напечатана вторая версия нашего манифеста. Она называлась «Открытое письмо членам партии». Первый раз мы никакого открытого письма не хотели. Поскольку нас разоблачили и пустили, приведя нас в ярость, мы написали это вторично, в форме открытого письма. Дело стало довольно известным, потому что по радио «Свобода» стали читать со дня на день по кусочку. Текст был ужасный, между прочим. Но в то время он произвел некоторое впечатление.

– *Я думаю, что большое.*

– Да. Тогда большое.

– *А в России какое?*

– В России, по-моему, он не был известен. Окуджава знал, некоторые люди знали, слышали об этом, понимали, что такое происходит, но сам текст был напечатан в Чехословакии во время Пражской весны, и Петр Уль его перевел, а опубликовал его Союз пражских студентов. На Западе он пользовался громадным успехом среди тех, кто в 1968 году были так называемые *soixante-huitard*.

У нас же был немножко другой тип диктатуры, чем у вас. И с 1956 года была так называемая автономия высших учебных заведений. Студента нельзя было выбросить из университета за то, что он говорил какие-то политически не соответствующие вещи. Чтобы его удалить из университета, нужна была дисципли-

нарная комиссия, в состав которой входили профессора. Были защитники, это было публично, явно, нельзя было закрыть дверь. И университетское общественное мнение очень ценило свою автономную позицию – то, что профессора нельзя убрать с кафедры, что в основном, как проводить обучение, решает совет факультета, то есть профессора, и сенат, и ректор, которого избирают профессора. Конечно, они не избирают открытого врага партии, потому что не хотят войны. Но партия, когда хочет, чтобы кто-то был избран, тоже не может предлагать того, кого отвергает университетская общественность. Брожение среди студентов было сильно, и Михник был популярен, он был молоденький тогда, меня моложе на 9 лет, по-моему.

Образовалось несколько групп (неформальных, конечно), которые в 1968 году стали зачинщиками этого большого бунта, текст наш они все знали. Многие и познакомились в партийном комитете, потому что партийный комитет решил: чтобы понять, какое плохое дело это наше открытое письмо, как мы ошибаемся и какие у нас враждебные идеи, надо все-таки, чтобы товарищи смогли письмо прочитать. Нужно было иметь билет, партийный или комсомольский, пойти в университетский комитет партии, там получить на месте текст – два текста, сначала надо было прочесть первый, который был конфискован госбезопасностью, а потом второй – открытое письмо. Таким образом многие и познакомились. Связи такие во время этого чтения образовывались.

Когда Булат приехал в 1967 году, Яцек, по-моему, был уже на свободе. У него срок был три года, у меня – три с половиной. И Яцек был уже тогда, и Адам был, и многие из этих студентов – они все, конечно, по частным квартирам встречались с Булатом.

– На него же донос был, естественно. Кто-то сообщает, кто был на квартире у Вашей матери, когда встречались с Окуджавой: Ян Кофман, Северин Блюмштайн, Антонин Замбровский, Вальдемар Кучиньский...

– Их было гораздо больше, между прочим.

– Встретились, пригласили Окуджаву. Ваша мама сказала, что нужно защищать Окуджаву, потому что он из молодых, горячих. И об этом тут же донесли. Вы что-нибудь знаете о той встрече?

– Я сидел тогда еще, мне рассказывали потом. Но я вышел левой ногой из первой своей тюрьмы. Мне все нравилось, когда я второй раз вышел из тюрьмы, а первый раз мне не нравилось. У меня были

перебой сознания, настроения. Выход из тюрьмы – это бывает трудный момент, потому что человек не в состоянии предвидеть, как это будет. Надо иметь некоторую психологическую подготовку, это связано и с совершенно другим ритмом жизни на свободе и в тюрьме. И, кроме того, конечно, с идеализацией, более или менее неизбежной, свободного мира. А потом столкновение с ним. В первый раз я был в плохой форме, в очень хорошей – после второго выхода. Как рецидивист я лучше с этим справился. В 1984 году, когда третий раз выходил, – это уже совершенно другое было.

– *У Вас уже результат был перед глазами.*

– Знаете, я не про это говорил. Все это очень сложно. Вы, конечно, улавливаете, что я с некоторым скепсисом рассказываю Вам про наши тогдашние думанья. Конечно, это имело большие результаты. Хотя не те, которые мы подразумевали.

– *На скепсис имеете право Вы, мы – нет. Это разные вещи.*

– Ладно, оставим это.

Вышел я в 1967-м, в августе, и был на свободе недолго. Это был очень жаркий период уже, особенно после каникул, и потом это кончилось мартовскими событиями, по случаю которых нас опять посадили.

– *Можно чуть подробнее про ту вашу встречу в Закопане? Мне кажется, вы на Окуджаву произвели большое впечатление.*

– Он на нас смотрел как на декабристов или, скорее всего, петрашевцев. Не знаю, что он думал. Он не такой был человек, чтоб сказать сразу. Не спорил с нами. Чуть иронизировал, но тепло. В этом не было никакого издевательства, ни в коем случае. С симпатией большой. Слушал много. И, по-моему, что-то переваривал. Для нас он был важен. Вы, наверное, захотите, чтоб я Вам объяснил, что в этих стихах его, в этих песнях было такого, что нас поддерживало?

Когда нас первый раз посадили на эти 48 часов, когда тот гэбэшник сказал мне, что, мол, вы за это дело взялись, а работать не умеете, нас посадили не в тюрьму и не в отделение милиции, а повезли в отделение внутренних дел, в МВД. Оно до сих пор на том же месте в Варшаве. Там не было камер, а были наверху такие комнатки, на последнем этаже (письменный стол, два стула, диванчик), не приспособленные для того, чтобы держать аресто-

ванных. А решетка как в магазине, такая сдвигающаяся, закрытая на замок. И дверь должна была быть открытой. Потом принесли нам постель, чтоб мы могли лечь.

– *Вас вместе держали?*

– Да что Вы, нас держали в разных комнатах. Но в одном коридоре, так что можно было слышать. На одного нашего товарища, который был мастером фабрики автомобилей, орал офицер, его допрашивавший, – тот тоже орал: «Вы мне скажите, что я здесь делаю, кто я, свидетель или обвиняемый?» Ну а когда мой гэбэшник меня оставил и ушел, тогда дверь должна была обязательно быть открытой, потому что не была глазка. И там прогуливался милиционер. Дверь открыта, я стал петь. Пою я скверно, но старался по мере возможностей. Я старался поддержать Яцека. И я спел: «Наверное, самую лучшую на этой земной стороне, хожу я и песенку слушаю – она шевельнулась во мне. Она еще очень неспетая. Она зелена, как трава. Но чудится музыка светлая, и строго ложатся слова». Все мы знали Окуджаву наизусть. Не только мы. Окуджаву знали все, кому режим не нравился, вся интеллигенция польская. Он был здесь гораздо более, по-моему, распространен и популярен, чем в Советском Союзе.

– *Уже в 1964 году?*

– Я слышал во Вроцлаве на улице – это было время «Солидарности», революционное время – группу юнкеров, учеников военного училища, которые, немножко опохмелившись, шли по улице в мундирах и пели по-польски «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...». Люди, которые не были по образцу, а их было много все-таки (степень этого бытия не по образцу – очень разная), – Окуджава их выражал. Нас он тоже выражал, это само собой. Для меня это совершенно естественно, как дышать. Я это спел, чтобы Яцека поддержать. Мы же вляпались глупо, бездарно просто, ни за что. Ничего не сделали мы, а посадят нас, 5 лет, по крайней мере, посидим или больше за такую крамолу, за то, что мы написали, помилуйте – свергнуть режим решили, как же не посадить. Не пропадет наш скорбный труд – я это имел в виду, когда пел.

Я сидел немного; в первый раз в Варшаве в центральной тюрьме на Мокотаве, а потом повезли меня в Барщеве, это Ольштынское воеводство, я там с обыкновенными заключенными си-

дел и без строгой изоляции. А второй раз я был уже рецидивист и попал в Волов – эта тюрьма считалась очень тяжелой, до 1967 года там был репрессивный режим для малолеток, для рецидивистов, особенно трудновоспитуемых. Мне рассказывали потом те, кто это помнил (а это все кончилось в 1967 году), что там били, взрослых бычков, заключенных, поставили помощниками надзирателей, и они издевались над молодыми. Но, в общем, когда я приехал в мае 1969-го, это уже не страшно было.

Когда я в «вороне» понял, что меня везут в Волов, я испугался, откровенно говоря. А потом я приехал и понял, что тут меня боятся больше, чем я их, и тогда я перестал, конечно, бояться. Они меня сразу сунули в одиночную камеру и стали убеждать, что я должен сам попросить, чтобы меня в одиночной камере держали, потому что мне будет так удобней – здесь рецидивисты сидят. Я вытащил из багажа свой приговор: «Я ж тоже рецидивист». – «Здесь, Вы знаете, шпана сидит». – «Ну что, шпана тоже люди». – Я смотрю, он как-то горевать стал, этот офицер. – «Ну разве что...» – «Да-да?» – «Разве что – я работал в университете до первого ареста, здесь таких книжек, наверное, нет, которые мне нужны. Если бы мне присылали из дому книжки, которые мне нужны для моей работы, то это, может быть, имело бы смысл». – «Напишите начальнику, что Вы хотите книжные пачки и одиночную камеру». Там я просидел год. После четырех месяцев они вспомнили, что гэбэшники записали в моих бумагах, что Модзелевский нуждается в тяжелом физическом труде. Это была правда, и меня тогда направили на фабрику. Я тогда сказал начальнику: «Господин начальник, Вы знаете, мне дали одиночную камеру для того, чтобы...» Он сказал: «Да-да! Модзелевский работает, работает, работает – он трудится над собой!»

– *И Вы год трудились над собой?*

– Я 8 месяцев трудился над собой в камере, и в эти 8 месяцев я по 8 часов трудился с другими рабочими (идеал, да) на заводе. Завод, конечно, на территории тюрьмы. Тюрьма в крест построена.

– *И то и другое на территории тюрьмы? И над собой трудиться, и...*

– Да, и производством занимался. На воздухе свежем, 8 часов. Ну, Вы знаете это. К чему я Вам это рассказываю – еще в первые 4 месяца, когда я сидел в одиночной камере, у нас в камерах были громкоговорители, я их выключал, но иногда включал. Выключал, когда работал. Лег я ночью в постель, забыл выключить. И вдрут

слышу: Окуджава поет. Одна песенка, другая – целый концерт. Откуда? Как? У нас в тюрьме этой была радиостудия. Там были заключенные, которые, конечно, должны были быть довольно интеллигентные, чтобы справиться с аппаратурой, но они были нормальные зеки, они не за политику же сидели. Кто-то раздобыл и пустил пленку, по-моему, не было тогда еще пластинки Окуджавы. Я даже не знаю, кто этот подарок мне сделал.

– *Удивительно, что это было возможно. Трудно представить себе советскую тюрьму...*

– Ну, зачем Вам про тюрьмы польские рассказывать, Вы завидовать только будете, ну зачем. Завидовать, что у нас такие тюрьмы были.

– *Ну расскажите, надо ж понимать, какие бывают тюрьмы!*

– Ну, например, один мой товарищ, очень интеллигентный парень, – стихи писал, взял у меня несколько книжек. «Историю Древнего Рима», и с ней ходил на работу, на большой столярный завод. И во время обыска, когда возвращались, его офицер спросил: «Это что?» – «История Древнего Рима». – «Кого Вы хотите быть умнее?» – «Вас». – «Будете наказаны». Направил к начальнику, начальник сказал: «Вот Ваша книжка, идите в камеру». Он очень наблюдал, чтоб не били, чтобы не было физического издевательства над заключенными. Но это как где, а в основном, конечно, били, потому что не умели справиться.

В Комитете защиты рабочих я не был, предпочел заниматься вот этим благожелательно воспринимаемым делом, медиевистикой. Но в 1980 году уже невозможно было, конечно. Потом, когда было военное положение, меня задержали. Я был членом Краевой комиссии «Солидарности» (вроде ЦК), меня задержали во время последнего нашего заседания в Гданьске и посадили в изолятор (14 человек таких экстремистов, других интернированных – в бараки). Подозревали, что нас будут судить показательно – что мы хотели свергнуть социалистический строй и что военное положение есть просто самозащита государства. Туда тоже мне разрешили передать материалы, которые я собрал для книжки о крестьянах средневековой Польши. Книжку эту мне заказал Институт истории Академии наук, и я в тюрьме за год написал ее, и она мне потом дала звание профессорское. С нами пробовали договориться, что нас освободят, а мы будем себя прилично вести два года с половиной.

– На большее они не рассчитывали?

– Да, на большее они не рассчитывали. Тогда нас пустят и призадумаются, не пустить ли других под амнистию. Но мы, к счастью, отказались.

– *Окуджава в одном из интервью говорил, что поляки знают, что такое свобода, а мы знаем, что такое воля.*

– Русские, или россияне, как говорят теперь, не знаю почему, знают демократию по заграничным фильмам, по заграничным книжкам, но не по опыту. И все это с нуля. А в Польше все-таки не с нуля. Потому что у нас классическая парламентская демократия существовала с 1918 до 1926 года, до переворота Пилсудского. После переворота Пилсудского ее притесняли, ограничили и ликвидировали, но не сразу. Так что можно сказать, что политические свободы в основном существовали, но не имели влияния на правительство, на государство – государство было авторитарное по большей части, особенно в 1930-е годы. Потом был период относительного плюрализма и элементов демократии, мнимой, конечно, но не без значения, с 1945 до 1947 года, пока не покончили с легальной оппозицией и не соединили две рабочие партии в одну-единственную. А кроме того, коммунизм у нас был другой. Коммунисты в Польше были до войны совершенно маргинальны. Но у них была травма после сталинских чисток, осталась травма больше, чем у других компартий, может быть. И эта травма сказалась на их поведении, когда они к власти пришли, даже в сталинский период. Сталинизм в Польше был мягче советского, гораздо мягче чешского, чехословацкого.

Все это внутри одного европейского мешка, мне кажется, это чересчур – сказать, что Россия – это тысяча лет деспотизма. Я в это не очень верю, но я знаю, что в России эта мысль популярна среди интеллигенции. Не знаю, Булат думал ли так? Мы с ним не беседовали об этом. Он, в общем, не строил теорий, по-моему. Он выражался другим образом. Он выражался очень чувствительно, потому он и совпадал с нашей душевностью абсолютно, с польской душевностью. И его обожали ведь наши литераторы. Все лучшее в нашей литературе, в нашем театре к нему имеет очень сильное отношение. Вы, наверное, успели это заметить.

– *Вчера я разговаривала с поэтом, с переводчиком Анджеем Мандальняном, и он сказал: «В основном жизнь Булата в Польше связана не с литературным, а с политическим». Это так?*

– Нет. Конечно, политическое шло у него через литературу. Через артистическую чувствительность. Он не был заговорщиком, Булат. Он рассказывал, и мне он рассказывал лично, как его позвали в КГБ.

– *Про Вас спрашивали.*

– Да. Во-первых, его спрашивают: «А Вы свои стихотворения в Польшу провозили?» Он говорит: «Провозил». – «Кому Вы их давали?» – «В редакцию такую-то, в редакцию такую-то». – «Ну да. А Вы с Куроном знакомы?» Он говорит: «Знаком». – «С Михником знакомы?» – «Знаком». – «И что, они антисоветские?» – «Нет, что Вы, они никакие не антисоветские, они очень даже советские». – «Но они сидят». (Это было после 1968 года.) – «Ну и что, сидят так сидят», – говорит. – «Вы смотрите». – «А чего же мне смотреть? Вскоре их выпустят, а тех, кто их посадил, – посадят». – «А Вы откуда знаете? У Вас есть основания? Информация?» А он говорит: «Нет, у меня интуиция». «Ну, интуиция – это дело женское». А Булат говорит: «Нет, я поэт, для поэта интуиция тоже очень существенна».

Есть, между прочим, у него такие стихи про войну, которые я только по переводам знаю. (*Читает по-польски.*)

– *«Не помню зла, обид не помню, ни громких слов, ни малых дел и ни того, что я увидел, и ни того, что проглядел. Я всё забыл, как днище вышиб из бочки века своего. Я выжил. Я из некла вышел. Там не оставил ничего». Это посвящено Анатолию Рыбакову. У Окуджавы в конце 1980-х появляются стихи, где он себя определяет как шестидесятника, а шестидесятников – как людей, переживших слом, это примерно то, о чем Вы говорили, – мир распался, его нужно собрать заново. Скажите, пожалуйста, Вам когда-нибудь важно было определять себя через слова «диссидент», «шестидесятник»?*

– Мы себя считали различными очень, да и были мы различными, с российскими диссидентами. Нам казалось, что мы преследуем какие-то практические... Что наш бунт имеет политическую целесообразность, а диссиденты были вне политики, это было чисто нравственное явление, они так, по крайней мере, думали. И они чувствовали себя изолированными, а мы никогда себя не чувствовали изолированными в нашем обществе. Так оно и было, между прочим, Вы же знаете, тем, кто был в моем положении в Советском Союзе, было очень сложно найти поддержку научной университетской среды.

– *Практически невозможно.*

– Невозможно даже? А тут...

– *Можно было продолжать работать?*

– Продолжать работать. Это тут требовало формальных разрешений, это зависело от политической конъюнктуры, бывало, что мог, бывало, что не мог. Разное бывало. В Советском Союзе ничто не было бы возможно, у нас было возможно. Но, кроме того, среда общественная не давала погибнуть человеку, даже если ему ничего официально не разрешали. Вы понимаете?

– *Да.*

– Тут было такое чувство сплоченности, такая общественная связь, в которой вы знали, что вы не утонете. Вы знали, что у вас поддержка будет, когда вы сядете в тюрьму, вы знали, что у вас поддержка будет, когда вы выйдете из тюрьмы, и вы знали, что ваши усилия не бесполезны. Если и был момент, когда мне казалось, что все это пропащее дело, это было, когда я спел Яцеку. Потому что мне казалось: теперь нас посадят и Бог знает когда отпустят, а пользы не будет от этого никакой. Но получилось другое*.

2010 г.

* Впервые, более полно, этот разговор был опубликован 17 января 2012 года под названием «Окуджава выражался очень чувствительно, потому он и совпал с польской душевностью абсолютно»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: os.colta.ru/literature/events/details/33417 (Дата обращения 03.06.2013).

Адам Михник:
«Булат был для нас как икона, икона российской интеллигенции, икона независимой литературы, икона независимого характера»

– Я его знал неплохо, но боюсь, что если Вы не будете спрашивать...

– *Когда Вы познакомились?*

– Это был 1967 год. В 1964-м я лично его не знал.

– *В 1964-м он был в августе...*

– В августе 1964-го я был в Париже.

– *Был опубликован донос, что Вы устраивали встречу с Окуджавой во время его приезда в 1967-м. Вы к этому времени так хорошо знакомы, что устраиваете встречу?*

– Если я правильно помню, мы встретились благодаря матери Кароля Модзелевского, Наталье Модзелевской.

– *Они были по Тбилиси знакомы, в 1960 году там встретились.*

– В Польше еще он дружил с Целиной Будзиньской, она была лагерная подруга его матери. Она была жена знаменитого коммуниста, большевика, которого убили, как отца Булата.

– *Вы помните ту встречу в 1967-м?*

– Да, я помню ее.

– *Где вы общались с ним, здесь или в Москве?*

– И в Варшаве, и в Москве. Но во время коммунизма я был невыездной. Я первый раз приехал в Москву в 1989 году, я ему позвонил, и мы встретились. Я не могу вспомнить, как это было. Кто-то мне рассказывал, что Булата пригласили в Москве в КГБ и спрашивали про Кароля Модзелевского, про Яцека Куроня и про меня. Но он не знал моей фамилии. Он потом спрашивал (Наталью, я думаю): «А кто такой молодой, немножко нервный, Адам? Такой,

он заикался?» – «Михник». – «Так это Михник? Я не знал, меня про него спрашивали в КГБ». Что касается встречи <в 1967-м>, если я правильно помню, это было либо у Натальи Модзелевской, либо у меня.

– У Куроня?

– Может быть, у Куроня.

– Вы это организовывали как литературную встречу? Что это было для Вас в 1967-м?

– Нам было интересно, что происходит в литературных кругах в России. Он много рассказывал. Я первый раз слышал какие-то фамилии тогда. Он рассказывал про Домбровского, про Левитанского. Про Солженицына мы его спрашивали, про «Новый мир», про Твардовского.

– 1967-й – это после процесса Синявского и Даниэля.

– Да, и он подписал («письмо 63-х», иначе – 62-х, авторы которого просили разрешить им взять Синявского и Даниэля на поруки. – О. Р.)... Я помню.

– Вам посвящен «Мастер Гриша».

– Нет, по-другому. Мы все говорили, что это наша любимая песня.

– Поэтому он сделал посвящение?

– Да, посвящение – позже, я думаю, это уже первые недели перестройки. Потому что он подарил мне книгу, когда я был в Москве в 1989 году*.

– Мне кажется, то, что у вас произошло, произвело на Окуджаву большое впечатление в его приезды в 1964-м и 1967-м.

– Он об этом никогда не рассказывал нам. Почему для нас это было так интересно? Потому что это 1967 год, мы еще не знали

* В 1989 г. вышел первый в России сборник песен Окуджавы. В этом нотном издании («Песни Булата Окуджавы», подготовлены Львом Шиловым) песня «Мастер Гриша» содержит посвящение: «Адаму, Яцеку, Каролу».

никаких (скажем в кавычках) диссидентов или полудиссидентов, и это был человек, который думал так, как они. Мышление, язык. У него был несоветский язык. Он не говорил по-советски. Он говорил как русский интеллигент. Мы, конечно, знали его стихотворения, песенки, по-польски вышла его книга «Будь здоров, школяр», его пластинка.

– *Вы на политические темы разговаривали?*

– Да. Абсолютно.

– *И он шел?*

– Да, он не боялся.

– *1967 год – какие его взгляды? Социализм с человеческим лицом?*

– Да.

– *Ваши позиции?*

– Очень близки. Он не был политиком, он был писателем. Но что касается системы ценностей...

– *У него есть в стихах переживание того, что он недоучаствовал в общественной жизни, что выбрал литературу. Вероятно, то, что происходило здесь, ему было важно. Но он выбирал литературу.*

– Абсолютно. Но об этом писал в своей книге Максимов.

– *У вас не было об этом разговоров?*

– Он для нас – кумир, гуру. Как нам ему говорить, как ему жить? Невозможно просто. Мы были очень молодые люди.

– *Окуджава говорил в одном интервью, уже гораздо позже¹: разница между Польшей и Россией в том, что в Польше знают, что такое свобода, а у нас – что такое воля.*

– Интересно. Знаете, у соседа трава всегда зеленее.

– *Скажите, пожалуйста, какой это круг – его польский круг?*

– Писатели. Колаковский, Ворошильский, Мандальян, Домбровский. Дравич. Войтек Млынарский, певец наш. Ольбрыхский.

– *У Окуджавы есть стихотворение «Шестидесятники Варшавы», про вас.*

– Про нас. Яцек – Куронь. Виктор – Ворошильский. Витольд – Домбровский. Адам – я.

– *Вы себя шестидесятником считаете?*

– Себя нет. Я поколение 1968 года. Шестидесятники старше меня, это поколение Вознесенского, Булата, Евтушенко, Рождественского, Аксенова.

– *Шестидесятниками называют себя очень разные люди.*

– Разные, да. Трифонов – нет? Искандер – нет?

– *Наум Коржавин говорил, что он не шестидесятник, так как то, что надо было понять, он понял в 1940-е. В чем-то это близко тому, как описывал свое поколение в стихах 1980–1990-х Окуджавы, – поколение людей, переживших слом именно в восприятии себя, страны.*

– Да, это «Старинная студенческая песня» («Поднявший меч на наш союз...»).

– *Вам близко это определение: шестидесятники – те, кто пережили слом? Когда речь не о реализовавшемся, а о сломе?*

– У нас в Польше по-другому. У нас было три поколения. Первое поколение – это люди, вышедшие из войны и пошедшие в такой горячий коммунизм: Ворошильский, Колаковский, Домбровский. И они еще поколение польского октября, 1956 год – это их революция. А наша революция – это 1968 год. Второе поколение...

– *В 1968 году вы ощущали себя частью того, что происходит в Европе?*

– Было, да. И остается до сих пор. Я некоторых знал, но мы смотрели на Чехословакию. Это была оттепель, великая оттепель и потом интервенция. Я помню – конец, июль (советские войска

вошли в Чехословакию в ночь на 21 августа. – О. Р.). Я вошел в тюрьму как коммунист, за коммунизм с человеческим лицом, а после интервенции вышел как антисоветский коммунист.

– У Окуджавы есть несколько стихотворений, где он пишет о Варшаве, о Польше.

– Но есть про Катынь еще.

– Про Катынь?

– Да. Лежит в смоленском лесу... Слова «Катынь» нет, есть «смоленский лес». Нет, нет – не «По смоленской дороге». Польский офицер спит...

– «...спит офицер в конфедератке».

– Да!

– Это оно?

– Да.

– Там нет смоленского леса.

– Как нет смоленского леса? (Читает стихотворение в сборнике Окуджавы.) «Пройдут недолгие века – напишут школьники в тетрадке /про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука». По-польски все переводят – «в смоленском лесу».

– Это интересно. В этом стихотворении – о полдне, который то ли прожит, то ли не прожит. Было ощущение, что сейчас что-то происходит или вот-вот произойдет? Тогда?

– Да, вы правы, это было. (Читает.) «Забывтый богом и людьми, спит офицер в конфедератке. /Над ним шумят леса чужие, чужая плещется река. /Пройдут недолгие века – напишут школьники в тетрадке / про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука». Он не имел никаких иллюзий о Катыни, никаких сомнений, абсолютно.

– Вы говорили о Катыни?

– Да.

– *Середина 1960-х – что это? Это ожидание чего-то? Или ощущение, что что-то упущено?*

– В Москве? Здесь?

– *Здесь.*

– Разочарование Гомулкой. И после того как сняли Хрущева, мы чувствовали, что что-то не так происходит на востоке. Что-то не так. Не до конца мы понимали, в чем дело. А потом Чехословакия – это уже был конец. Никаких иллюзий, абсолютно никаких иллюзий не было.

– *Иллюзии в 1980–1990-е?*

– Это уже не были иллюзии. Это уже происходило. Это уже не была мечта.

– *Окуджава говорил где-то, что один раз уже поверил, в «оттепель», второй раз – трудно.*

– Но он сказал <на вопрос> «Кто для вас Сталин?» – палач. Булат был, во-первых, для нас как икона, икона российской интеллигенции, икона независимой литературы, икона независимого характера. Мы его невероятно любили, уважали, и все что захотите. Во-вторых, мы хорошо понимали друг друга. Система ценностей была общая.

– *Общаться получалось довольно редко?*

– Редко, но я помню встречу в Нью-Йорке, в Москве не один раз, два-три-четыре. В Варшаве он был, вместе пошли в парламент.

– *У него в стихах есть ожидание перемен, полдня, который то ли уже был, то ли до него еще нужно чуть-чуть дозреть. Обсуждалось ли, что, в отличие от нас, вы успели гораздо больше?*

– Но это случилось. Это не была иллюзия. Иллюзия была такая, что мы думали, что у нас хорошее прекрасное общество и только власть оборванская. Но что касается институтов, культуры – все есть. Придите в магазины книжные в Москве – все есть. И Солженицын, и Троицкий, и Набоков, и Шестов – все.

– *Это правда. Но мне кажется, что слова и имена, которые обозначали Вашу систему ценностей, сейчас иногда апропрированы другой стороной. Есть люди, которых нельзя приглашать на телевидение.*

– В Польше тоже есть, телевидение – это по-другому, но я в газете («Gazeta Wyborcza». – *О. Р.*) могу опубликовать что хочу. Но это невероятная перемена. Мы держали пальцы за Горбачева, чтобы ему повезло и чтобы не было возврата большевизма. Я думаю, что Булат мог напечатать что хотел. Его роман о... («Упраздненный театр». – *О. Р.*) – <там> все есть.

– *Мастер Гриша – что за образ?*

– И кто еще – мастер Гриша. Не интеллигент, не литератор, а рабочий. Это для нас еще. «Солидарность» в Польше – это была сила против режима.

– *Насколько была важна, популярна концепция Лешека Колаковского?*

– Их много, какая?

– *Вы же устраивали в 1966 году дискуссии про марксизм?*

– В университете? Да. Потом его выбросили из компартии, потом очень критически...

– *Окуджава и Колаковский общались?*

– Они были знакомы, хорошо помню, как Ворошильский мне рассказывал, что они встретились у него.

– *Получается, это тоже 1967-й?*

– Да.

– *Про диссидентское движение не скажете?*

– Это было по-разному. Из России в Польшу пришла идея самиздата. У нас самиздат – это уже 1970-е, а в России – 1960-е. «Крутой маршрут»... Но в Польше было по-другому, в Польше было массовое движение, «Солидарность» – это миллионы людей.

И в Польше был еще один институт, которого в России не было, – католическая церковь, институт независимости.

– «...Когда под крик гармоник уходим мы привычно сражаться за свободу в свои семнадцать лет». Это к вам, к вашему кругу?

– Это же к Агнешке?

– *Посвящено ей, но уже в 1966 году, в первой публикации – «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою...». С посвящением женщине это стихотворение иначе прочитывалось, и его можно было опубликовать.*

– (Читает). Да, это к нам.

– Можете как-то прокомментировать?

– Он в Польше увидел много очень молодых людей, которые были за свободу. Их уже арестовали раз, два раза. Поэтому «Прощание с Польшей».

– *17 лет – это и опыт его родителей, и его собственный. И тут он увидел вас – «мальчиков», которые «прически модные ерошат».*

– (Читает). «...за поздние слова...» – к нам. Он такой и был – такой деликатный.

– *Как для вас это было – «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою...». Что вы в одной связке – это обсуждалось?*

– Да. Мы, поляки, мы, русские – против нашего царя. Я тогда так понимал и понимаю и сегодня так.

– *Это то, что объединяет. Но есть и противоречия. Они обсуждались?*

– В тот момент противоречий мы не видели, для нас было только одно противоречие – строй и мы. А память... – это мы поняли потом. Первый раз я это понял, когда прочитал письмо Солженицына вождям – что мы разные*.

* «Письмо вождям Советского Союза» (1973) вызвало полемические отклики, наиболее известный – «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”» А.Д. Сахарова, который отметил как особенно тревожащую его в этом письме националистическую тенденцию.

– Возвращаясь к «Шестидесятникам Варшавы»: почему названы вы четверо?

– Просто друзья. Виктор и Витольд были писатели, а Яцек и я – мы были, как о нас писали в сахаровские времена, самый центр польской контрреволюции.

– А Зигмунд?

– Зигмунд – это король, его колонна стоит в центре города, в конце Краковского предместья.

– В 1970-е вы встречались с Окуджавой?

– Да, я думаю, в 1978–1979-м.

– Что для вас конец 1970-х?

– У нас уже оппозиция, подпольные издания. Он не боялся, он пришел ко мне домой.

– Он с вами свободно встречался?

– Абсолютно свободно.

– А с Игнацем Шенфельдом?

– По-моему, он уже был на Западе. Я не был с ним знаком, но я видел их вместе на концерте. Концерт Булата в 1967-м. Мне надо ехать. Так любил Булата, так дружил с ним – и все что вы хотите.

2010 г.

Даниэль Ольбрыхский:
«Не забудь о самоиронии»

– Мое поколение выучилось русскому языку на песнях Булата Окуджавы.

– *Это было до его приезда в Польшу?*

– До этого, да. Все пели его песни, наизусть.

– *А Вы можете сказать, какие песни для Вас были...*

– Вы даже не знаете столько наизусть, сколько мое польское поколение знало! И «Сапоги» («Вы слышите, грохочут сапоги...». – О. Р.), и «Последний троллейбус», и «Черный кот», «А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем...». Мы не все всё понимали, но знали наизусть. Высоцкий пришел лет на десять позже. Все лагеря брали гитары, пели немножко польские песни, пионерские, патриотические и – «Простите пехоте...», «Возьмемся за руки, друзья...». Это наши гимны были.

Когда он приехал, первый раз или потом, он дружил невероятно с Агнешкой Осецкой. Это просто брат и сестра были. И со мной. Он сказал: «Из всего социалистического лагеря Польша является самым веселым бараком». В то время у нас немножко посвободнее было.

«Ты еще поживешь» («Будь здоров, школяр» в переводе Земовита Федецкого. – О. Р.): я помню, это первая книга, которая разошлась... Мы друг другу давали ее как подарок. Нам было близко – философия и язык, взгляд на мир этой книги. Очень нам близки. Он говорил: «Если мне Союз надоест настолько, я попрошу о политической <нрзб> в Польше».

– *Вы где-то рассказали, как ждали шага от России, чтобы можно было к ней расположиться и с ней взаимодействовать. И что Окуджава был как раз той Россией, которую можно было принять.*

– Конечно, для нас Россия была не политики. И Окуджава был для нас... Это была для нас Россия. Свобода. Не «свобода», потому что «интеллигенция», «ирония» – это нам, полякам, очень было близко. Но она на каждое время, эта поэзия. Системы падают, по-

литики меняются. А Булата Окуджаву будут <слушать, читать> еще наши дети и внуки. То же самое Высоцкий.

Я ему один раз сказал: «Знаешь, Булат, заказали у меня автобиографическую книгу». Он: «Интересно. Автобиографическую. Но не забудь о самоиронии». Вот весь Окуджава.

– *Вы обсуждали все эти сюжеты – политические, общественные?*

– О, да мы даже не должны были...

– *Это само собой разумеется.*

– Это для нас само собой разумеется.

– *А разница была? То, что много похожего...*

– Нет, мы не спорили с ним. Он, Высоцкий, Кончаловский – очень многие русские знали историю. Это не было часто – когда знали, например, насчет войны 1920 года. Мало кто знал.

Была годовщина какая-то Агнешки, на которую он не мог приехать. Телеграммку прислал: «Агнешка, желаю тебе счастья, если оно есть». Это весь Булат. А мне на мое пятидесятилетие сделал запись в Москве, для меня. Он начал: «Даниэль Ольбрыхский – это не Актер Актерович, это личность». Он видел какое-то интервью со мной, которое сделали в Риге. Там уже было свободно, Латвия уже вышла из Союза. Я приехал на кинофестиваль, и у меня по-английски стали брать интервью. Молодой журналист. Плохо говорит по-английски. Я спросил: «Почему не хотите говорить по-русски? Вы, наверное, отлично говорите...» – «Ну, мы можем, – он сказал, – но, может быть, Вам это неудобно?» – «Почему?» – «Столько зла от России Польша вытерпела, больше даже, чем мы». Я ответил: «Язык в этом не виноват». И Булат об этом <написал>. Он мне на этом видео записал: «Язык не виноват, заметил пан Ольбрыхский». Язык не только не виноват, язык помогает, если на нем говорят поэты, для других. Если мы выражаем самих себя и свою нежность, свою доброту, дружбу – благодаря поэтам. Мы были первое, может быть, поколение, которое выросло в Польше на Окуджаве, но мы росли и на Есенине, на Пушкине, на Блоке, на Ахматовой. Видя в этих стихах и их собственную судьбу тоже.

Вы знаете, какие у него с сердцем проблемы? Как его польские друзья много денег собрали на операцию?

– Я хотела еще такой вопрос задать. Вы себя называете диссидентом. Что для Вас это слово?

– Не я придумал это слово.

– Я знаю.

– Я выступал против чего-то. Я был против того, что сняли спектакль «Дзяды» в 1968 году*. Я был против, когда били студентов, которые протестовали, хотя я студентом не был. Потом я был против, конечно, эмиграции еврейской, против антисионизма, антисемитизма (волна эмиграции была связана с антисемитскими настроениями. – О. Р.). С середины 1970-х я был запрещен на телевидении. После первых моих открытых писем против репрессий рабочих. Они поняли, что интеллигенция, артисты – все с <рабочими> солидарны. Я не был членом КОР, Комитета защиты рабочих, но все подписывал, что в КОР придумывали, ходил на процессы в суд. Это было видно.

Он именно это время не был <в Польше>, а потом мы встретились, когда я уже был в эмиграции, в Париже, а он через Париж возвращался из Штатов. Мы встретились и бутылку водки выпили, это <с Булатом> было очень необычно. Я к нему зашел. Он был после операции на сердце в Америке. Он хотел поблагодарить, зная, что я тоже был организатор <сбора денег>, и мы выпили.

– А вы обсуждали Ваши фильмы, его стихи? Или это, как и политика, где-то вне?..

– Я очень часто пел его песни. Я не певец, я не пою, но если меня просили петь песни Окуджавы – да. Я просил только аккомпанемент.

– Я имею в виду, обсуждали ли он – Вашу работу, Вы – его?

– Нет. Ну, может быть, раз: «Я видел тебя в этом, в этом... Спасибо, прекрасно спел». А он знал, что я влюблен в его <песни>. Он даже шутил: «Он лучше знает мои стихи, чем я! Я перед выступлением должен повторить, а он знает...»

Каждый раз, как я в Москве, я захожу на Ваганьковское кладбище. Сразу – Володя, дальше – он. Всегда цветы вижу,

* После запрета этого спектакля по пьесе Мицкевича в Польше начались студенческие волнения.

свежие, люди подходят, задумываются, иногда читают стихи. Это чудесно.

– А приезды Окуджавы в 1960-е Вы помните? Когда он приезжал, что это было? Это были всегда какие-то вечера? У него был свой круг польский? Большой?

– Был, да. Большой и небольшой одновременно. Агнешка, потом молодые, конечно. Моложе нас. С начала, с 1960-х годов, – это Агнешка, клуб Студенческого театра сатиры, СТС, те, кто пели, подпевали его песни. А потом уже это фестивали. Он приезжал почетным гостем. Молодежь, следующее поколение студентов, влюбленных в его песни. Это же культ Окуджавы, до сих пор. Он себя здесь хорошо чувствовал, потому что встретил здесь людей, которые прекрасно понимали, что это – тоталитарность. Что фашизм, коммунизм – ужасные вещи. Чувство свободы, независимости мысли и осуждения власти – это автоматически в нас. Это может быть король, татарский хан, царь, милиционер на улице. Кондуктор в поезде. Официант в ресторане. Он – власть. Не я. Не он для меня, а я должен слушать его. Об этом мы тысячи раз говорили. Булат говорил: это наша вина.

– Вина за что?

– Вина, что мы такие. Может быть. Булат никогда не говорил: «Это так». Он говорил: «Может быть, это и так». Императивно я говорю иногда. Пореже сейчас. С возрастом пореже. Самоирония очень нужна. Императивно говорил Высоцкий, я говорил. А он говорил: может быть. Он видел людей. Маленьких людей. Не так, как Высоцкий, он – как танк, он – как корабль, он – как волк. Он. Булат входил в кожу других. Смотрел на других больше. Умел о других писать. Не через себя. Я не говорю, что это плохо, просто есть разница. В темпераменте. В смысле – поэта, писателя и человека. Интеллигента.

2010 г.

Анджей Мандальян:
«Про Катюнь ни слова, но известно,
что это Катюнь»

– Я с ним познакомился в Москве. Женя Евтушенко меня привез к нему.

– *Когда примерно?*

– 1965 год. Меня и Витольда Домбровского. Мы тогда были в Москве, и Женя нас нашел... Мы знакомы были. И вот он нас завез к Булату. Он показывал самые замечательные свои... Очень хотел похвалиться чем-то – похвалился Булатом. Булат был тогда больной, лежал в постели. Грипп или что-то такое. Он был один. Это было где-то на Ленинградском шоссе. Пустая квартира, удручающее впечатление. Одиночества какого-то. Потому что он в Ленинграде жил тогда. На нас произвел впечатление, Женя своего добился. И мой приятель Витольд Домбровский влюбился в Булата попросту, да. Вообще Булат страшно ему понравился, потому что он был романтический парень, очень любил, когда хорошо поют.

Одним из первых, кто серьезно занялся Булатом, кроме Земовита Федецкого, который перевел прозу, был Витольд Домбровский. Он переводил почти все, старался перевести как можно больше, был влюблен в Булата.

А вообще первый раз я услышал Окуджаву во время фестиваля московского. Потому что тоже Женя меня куда-то привез...

– *Вы были в Москве тогда?*

– Да, я был в делегации... на этом фестивале. И Женя меня привез в какую-то квартиру. И я услышал песню. Это было «До свиданья, мальчики». Я помню, что там хором пели эту песню.

– *Это без Окуджавы, просто компанией?*

– Хором пели эту песню тогда. Это была моя первая встреча с Окуджавой. Вторая – это было... Был такой прозаик Гладилин, он был в Польше, годах в 1960-х, и когда-то в каком-то разговоре я услышал от него эту песенку, «Шарик» («Девочка плачет: шарик улетел». – *О. Р.*). Это было прежде, чем я познакомился с Булатом, это были первые ростки знакомства. Почему я говорю об этом?

Потому что я переводил, так? Я перевел вместе с Витеком «Батальное полотно». А без Витека я перевел «Франсуа Вийона». Но много было переведено. Сейчас я покажу книгу, посмотрим тогда.

«Тэк-с», – как говорил Булат. Он говорил «тэк-с»... Здесь все есть – кто что переводил. «Песенка об Арбате», «Ванька Морозов» – но мне не нравится этот мой перевод. «Песенка об открытой двери». «Последний троллейбус» не я переводил. «Грузинская песня», я перевел, «Молитва», «Медсестра Мария», «Черный мессершит». Я говорю о себе.

– Да.

– «Володя Высоцкий», «Римская империя времени упадка». Это уже потом, после его смерти я переводил. «Проводы юнкеров», «Песенка кавалергарда». «Батальное полотно» – вместе с Витольдом Домбровским. «Шестидесятники Варшавы», это наше. «В земные страсти вовлеченный...». «Ленька Королев» тоже я переводил. Я должен сказать, что очень много сделал для перевода, конечно, не только Витольд Домбровский, но и Земовит Федецкий. Вы о нем слышали?

– Да, он переводил «Будь здоров, школяр».

– Но и некоторые стихи и несколько песен. Во всяком случае, наиболее популярные, «А как первая война...». Это был Земовит Федецкий. Я начал говорить, что это было особое время. Тогда в Варшаве был очень известен Студенческий театр сатириков, СТС.

– Да, я знаю.

– Одним из его участников был Земовит Федецкий, и Витольд Домбровский тоже. Так что они очень популяризировали его (Окуджаву. – О. Р.). в этой среде, действительно, этот СТС был таким... Вы спрашивали, какие круги (в Польше были у Окуджавы. – О. Р.).

– Да.

– Прежде всего, это были политические круги. Уже тогда была оппозиция. И эта оппозиция между иными была в СТСе тоже. СТС был оппозиционным театром. Конечно, это была оппозиция Его Величества коммунизма, но это была оппозиция, несомненно. Их преследовали, кстати говоря.

– Их закрыли.

– Потом закрыли, открыли, закрыли, открыли. Вообще-то, их преследовали – и не преследовали. Им не позволяли действительное какое-то участие в большом движении, но они действовали. Агнешка. Агнешка тоже была в СТСе. Половина Польши была в СТСе... Я не был, я был старше. Хотя Земовит Федецкий был старше меня. Ну, тогда по-разному это происходило. И Виктор Ворошильский. Виктор Ворошильский, с которым мы вместе... По-моему, мы вместе втроем издали первого Окуджаву. Первый сборник, очень топорно изданный, в Кракове, в музыкальном издательстве.

– В 1970 году.

– Да. Юстина (дочь Витольда Домбровского. – *О. Р.*) будет помнить это. Потому что мы вместе были <когда Окуджава пел>, и она записывала на магнитофон даже. Люди тогда начали выходить, после марта... Нет, перед мартом это было, перед мартом... Видите, я не совсем могу сказать, это было перед мартовскими событиями или после мартовских событий (речь идет о студенческих волнениях. – *О. Р.*). Во всяком случае, это были уже люди, которые прошли через тюрьмы. Собрались у Михника и пели разные песни вместе с Окуджавой, польские и русские. Булат играл, подыгрывал и играл свои вещи.

– Кто там был?

– Куронь. Целая плеяда командосов позднейших. Я помню только, что Куронь был. Нет, и Куронь был, и Адам, они были в тюрьме... Этот круг людей был заинтересован Булатом, был влюблен в Булата. Это был круг людей именно СТС и командосов. Так что был круг людей, которые были друзьями Булата, – писательский. Это были мы – Ворошильский, Витольд, я, Федецкий. Агнешка, о которой мы говорили тогда, – да, она, конечно, была очень близка Булату, но, как бы это сказать, психологически расходились... Булат написал песню, Агнешка перевела, не перевела, а свой вариант дала. Или наоборот, Булат дал свой...

– *«Вкус черешни»** он переводил, но, я так поняла, это был как раз довольно вольный перевод.

* Спектакль в «Современнике» по пьесе Агнешки Осецкой, песни к которому перевел Окуджава.

– Совершенно иначе, это все пошло иначе. И она так переводила его. «Шарик» пробовала перевести. Вообще, «Шарик» не имел в Польше хорошего переводчика. Витольд переводил, Агнешка переводила, кто-то еще, не помню. Сначала, когда еще она была в СТСе и они все как-то дружили, тогда началось первое знакомство Агнешки и Булата и посвящение взаимное стихов.

А Булат здесь жил.

– *Здесь – где?*

– В этой квартире. Он останавливался у меня. И Оля тоже. Я должен был останавливать часы, потому что они страшно скрипели, и он капризничал здесь. Помню сейчас, как мы ходили по Нове-Място. Он любил Нове-Място. Знаете, где это?

– *Да.*

– Именно Нове-<Място>. Это был один из последних его приездов. Да. Мы там несколько часов... Не помню, почему мы там сидели. Был такой осенний день. Немного солнца. Не очень теплый... Он любил Варшаву, вообще-то говоря. Атмосферу Варшавы*.

– *Варшава разная. Есть очень похожая на Москву Варшава. А есть очень уютная.*

– Так, а Москва уютная?

– *Я хочу сказать, что есть Варшава, которая очень похожа на типовые советские московские дома, и эту Варшаву любить можно, наверно, но как что-то привычно свое. А есть Варшава очень уютная, и такая, какой в Москве нет.*

– Ну в Москве тоже Арбат был уютный. Я помню Арбат военный. Я там ходил в школу, Староконюшенный переулок. Уютный? Слишком много полиции было, но вообще-то уютный. Коротко говоря, Булат действительно очень любил Варшаву, и каким-то образом это для него было окно в Европу, и у него остался санти-

* Стихотворение из 1990-х гг.: «Лучше безумствовать в черной тоске, / чем от прохожих глаза свои прятать», видимо, описывающее размышления на тему отъезда из России, хотя эта тема не была особенно заметной у Окуджавы: «Лучше в Варшаве грустить по Москве / чем на Арбате по прошлому плакать»².

мент к Варшаве, к Польше. Даже когда уже ездил в Париж, в Америку, и у него там были концерты – приезжал сюда как в старое обжитое место. Так для него было, мне кажется.

Очень любил Булат Яцека и Кароля. Особенно Кароля. Адам. Адам был у Булата в Переделкине, насколько я помню, потому что приехал тогда и мне говорил, что там у него был.

Это был наш приятель, и мы действительно его любили здесь. Мы с ним ходили по городу... Булат, когда уезжал в Москву, по старому обычаю хотел купить печеную курицу.

– *Печеную курицу?*

– На дорогу. Я не знаю, ваше поколение, может, этого не знает. В России очень любили есть курицу во время езды, особенно на больших расстояниях. Печеная курица – это был какой-то реликт, необходимый в путешествии. И Булат: «Слушай, а может, купим курицу?» Я говорю: «Пойдем». Мы обошли весь квартал – не могли найти. Я потом жену попросил, чтоб испекла. Почему я об этом говорю? Мы ходили искать эту курицу, я помню, и нас задерживали люди все время. Все время задерживали люди – Булат, Булат, Булат, Окуджава, Булат. Было неслыханно... Популярность была огромная в Польше.

– *Это когда, это уже 1980-е?*

– Да, 1980-е. Да. Огромная популярность. Я: «Вот это ваш Булат, пожалуйста, вы с ним говорите...» Кроме того, у него были поклонники среди актеров. Так что Булат – это огромный мир в Польше, его очень любили. Его нельзя было не любить. Был более популярен, чем Высоцкий. Кстати говоря, с Булатом была смешная история. Мой сын, который тогда начинал играть на гитаре, слушал какие-то свои мелодии. Поставил себе Высоцкого. И Булат спрашивает меня: «А это кто поет?» Я говорю: «Высоцкий». – «Не знаю, не слыхал». До сих пор не знаю, так ли это было или нет.

– *Это когда могло быть?*

– Не помню. Если моему сыну 12–13 лет, это около 1980 года.

– Ну, как он мог не знать. Конечно...

– Это была поза. Редкая. Он вообще-то не имел поз. Но тут, в этом пункте... Я с тем бóльшим удовольствием переводил его стихи на смерть Высоцкого. «Белый аист...»

– *Про эту встречу в 1967 году, когда он был здесь, на квартире, не то у Михника, не то у Куроня...*

– У Михника.

– *Был опубликован донос про встречу с Окуджавой у Яцека Куроня, где были Ян Кофман, Северин Блюмштайн, Мирослав Савицкий...*

– Нет, это была конспиративная, а та... Нет, это не то. Это у Яцека было, у Куроня. А там – просто пели. И пели плохо.

Адама я помню мальчиком.

– *Вы так и жили на одной улице?*

– Не всегда. Я приехал сюда, он был здесь раньше меня. Маленький город был Варшава. А интеллигенции было вообще... Тем более интеллигенции такой, розовой... Это все были семьи бывших коммунистов. Отец Адама работал в профсоюзе, а моя мать была в партии. Эти дома были тогда в распоряжении центральных... Когда мы были ребенками... Я могу говорить «ребенок», потому что мне было 19 лет, когда я приехал в Польшу.

– *Вам, если Вы в 1947-м приехали в Польшу, уже было не 19.*

– Все Вы знаете... Я с декабря 1926 года.

– *Это многое меняет.*

– Ну, не много, один год, один год уступите. 20. В 1947 году мне было 20 лет, когда я приехал в Польшу. Я приехал в июле.

– *Как Вас выпустили? Это можно было?..*

– Чудо. Нет, не можно. Каким-то образом, мать старалась...

– *Но Вы жили с теткой?*

– Я жил с теткой.

– *И Вы смогли уехать?*

– Потому что мать была здесь! Потому что когда она вышла из лагеря, советского, ее польская партия приняла здесь. Это была

ее партия до войны, понимаете. А я вообще ни черта, конечно, не понимал в этих всех вещах, кроме одного – что, наконец, моя мать вышла из лагеря.

– *Она десять лет отсидела?*

– Отсидела восемь. Отец в России остался. Так что для меня этот выезд был совершенно ясный, я должен был ехать. Но это тянулось, тянулось. Кроме того, для меня это тоже было страшно – переезжать в какую-то Польшу. Я, русский парень тогда, ни черта не понимающий в польских делах...

– *А политически Вы?..*

– Политически я был такой, как все русские тогда. То есть более-менее я был оппозиционно настроен, из-за матери и отца, конечно. Это ясно.

– *Ну, это не так ясно.*

– Нет, я был зол... Кроме всего прочего, они... Вы читали мою книжку? Нет, не читали? Не знаю, есть ли у меня сейчас она... Но она по-польски (Mandalian Andrzej. Czerwona orkiestra (opowiadania autobiograficzne). Niezależna Oficyna Wydawnicza NOWA. 1993, 2009. – О. Р.).

– *Я знаю, что она есть, но я знаю, что она по-польски.*

– Мне было 12 лет, когда сел мой отец, а когда было 13, села мать, так что я остался с теткой жить действительно.

– *Это 1939 год? Или прямо перед войной?*

– Мать – 1940-й... Отец в 1939-м. Отец сел, когда подписан был пакт о ненападении с Риббентропом. Я помню эту газету, со снимками...

– *И он не вышел?*

– Нет, он не вышел. Так что я был... Нет, я был негативно <настроен>. Тем более когда я писал по-русски стихи еще тогда, так они были очень, очень пессимистичные, и очень, я бы сказал, настроены анти...

- *Вы не боялись их хранить?*
- Когда человеку 16–17 лет...
- *Но если у него такой багаж...*
- Я не знаю. Вы знаете, был такой Коржавин, Эмка Мандель...
- *Да, конечно. Он и писал...*
- Он страшно... Он как раз боялся! Он мне дал потом стихи, чтобы я перевез в Польшу, он написал на них «Бертольд Брехт».
- *Это когда было, когда Вы уезжали?*
- Нет, позднее, в 1960-х годах. «Бертольд Брехт»!
- *Но он уже сидел...*
- Да, он вышел. Он сел, когда... Я помню, когда он сел.
- *Вы были знакомы?*
- Да. Я с Гудзенко был знаком, с Межировым, с Эмкой...
- *До Вашего отъезда?*
- До отъезда. Я писал стихи, я был в этом институте...
- *Литературном.*
- ...на заочном факультете. Очень интересно это было потом – судьбы этих людей. Потому что половина из них была, как у нас тогда говорили, тихушники.
- *Как?*
- Тихушники. Вы не слышали? Это словарь 1945–1946 гг. Это означало «агенты».
- *А, это понятно.*
- Да. Так что... А половина – очень милых... Я должен сказать, что даже с Солоухиным я дружил.

– А как раз военные стихи, сразу после войны? Гудзенко же первый с этой интонацией...

– Гудзенко, да, и Межиров. Межиров был замечательный... Межиров, кстати говоря, читал стихи, он заикался, и это играло огромное... Я помню его стихи о медведе. Солоухин чем меня подкупил еще, когда он приехал в Польшу. Он помнил мои русские стихи! И читал мне их. Я с ним встретился, здесь, в Польше. А Гудзенко – да. Гудзенко был... Милый был парень, очень. Межиров – я не знаю, как кончилось. Он уехал в Америку, по-моему, да?

– Да.

– Я помню его стихи о медведе («Медведь». – О. Р.). – <как> теперь с него шкуру сняли, и диван из медведя: «На нем целуются, спят и пьют, о Пастернаке спорят, стихи сочиняют, песни поют, клопов керосином морят»... А Семен Гудзенко имел очень простое и ясное ...

– С ним легко было общаться?

– Да, да. Он дружил, кстати, с Наумом, с Манделем. Еще я знал даже Вольпина. В Политехническом музее. Не знаю, Вы знаете, что такое был тогда Политехнический музей? Это была как бы биржа...

– Литературная.

– Литературная. Встречи в Политехническом музее, кстати, были очень интересные.

– Это 1960-е.

– Не-е-ет.

– Раньше?

– Раньше. 1950 и 1940-е.

– 1940-е?

– Да. Это очень интересно было тогда, это было действительно интересно. Ну, Наум пошел в тюрьму. Я его потом встретил в

Польше, он приезжал сюда. Я его встречал в Союзе, уже как Коржавина, потому что я не знал, кто такой Коржавин. Встречаю Манделя, а он говорит, что он Коржавин. Обещал ему, что буду переводить его. Я обрадовался, потому что он вышел... С ним была такая вещь: он носил валенки, в 1940-х, в 1945-м, 1946-м... Они прохудились. Он их стягивал вниз и ходил дальше. Это была нищета страшная. Действительно любил я Семена Гудзенко, который так страшно...

– *Расскажете, может быть, о нем? В это время – он какой? Он человек, которому удалось сразу же опубликовать стихи...*

– Благодаря Эренбургу. Благодаря Эренбургу, мне кажется. Так мне кажется, я не уверен в этом.

– *Но для меня загадка, почему их даже через несколько лет публиковали, хотя уже критиковали, ругали, но все равно...*

– Потому что была большая сила в этих стихах. Действительно, «Когда на смерть идут – поют, а перед этим...».

– *Именно поэтому не надо их публиковать, как можно! Они действительно очень сильные.*

– Был такой момент, когда аутентичность этого стиха произвела огромное... Взрывчатка. Во время войны Эренбург был огромный авторитет, огромный. И не было дня, чтобы не было его фельетона в «Красной звезде», это было известно. По-моему, его Эренбург, его и Манделя...

– *Через Литературный институт или где-то еще?*

– Нет, нет-нет. Это было по-простому...

– *К нему можно было просто прийти?*

– К нему можно было прийти. Он проталкивал эти вещи каким-то образом издательствам, газетам. Гудзенко первый раз публиковался в газете. Почему я думаю, что это Эренбург. Потому что в книге «Буря», мне кажется, есть портрет Эмки. Один из героев этого – типичный Эмка. Я не помню, откуда я еще знаю, что Эренбург. Я не помню. Но я помню, что тогда у меня осталось это в памяти, что Эренбург стоял за дебютом Гудзенко.

Были кружки ведь разные. Были кружки вокруг редакций. Я не помню, какая редакция была, в которую я ходил, что это было, «Комсомольская правда» или что. Нашим мэтром был Луговской. Огромный человек, когда-то способный.

А Булат, а Булат? Разве это не школа Гудзенко, каким-то образом? Это та самая военная школа!

– Он о нем не так много говорил, о Гудзенко.

– А почему он должен был говорить?

– Ему постоянно задавали вопрос – кто Ваши учителя, с кем...

– Нет, ну кто на такие вещи отвечает, вообще-то.

– Но Гудзенко, мне кажется, у него в стихах просвечивает. Он говорил, что должен был быть причислен к поколению поэтов, начинавших писать на войне, но не был, потому что начал публиковаться позже.

– Ну и правильно, правильно. То, что Вы говорите о Гудзенко с таким сантиментом, – я тоже, у меня огромный сантимент к Семёну. Я его помню. Спокойный, движения плеч, все помню. Он умер так... Осколок, который остался где-то...

А Мандель... Я как сегодня помню его стихи. Вы помните его стихи? «Мы не будем увенчаны...», «На Сенатскую площадь...»* Мандель <тогда> действительно ничего не боялся. Он был сумасше...

Мандель сидел, кстати говоря, с моим знакомым парнем и воспитал его. Воспитал его, действительно, потому что это был такой паренек, который приехал потом в Польшу и мне говорил, что он был в лагерях... Мы разговорились, разговорились, и оказывается, он был на поселении вместе с Эмкой. А потом, когда Эмка приехал сюда, потому что он боялся ехать в Советский Союз, он думал об эмиграции, хотел посмотреть, как это, из Польши... Приехал к нему. Так что это интересно, судьба их спихнула совершенно неизвестно почему, рулетка.

* «Зависть», 1944 г.: «Можем строчки нанизывать / Посложнее, попроще, / Но никто нас не вызовет / На Сенатскую площадь. / <...> Мы не будем увенчаны... / И в кибитках, снегами, / Настоящие женщины / Не поедут за нами»³.

– *Вы начали говорить про польский круг Окуджавы, литературный. Можно об этом чуть подробнее?*

– Близкий к Булату, так? Это были просто друзья. Прежде всего, это была политическая оппозиция. У нас было трудно быть политической оппозицией, потому что не было специальных каких-нибудь... Было одно запрещение – писать. Запрещали писать под своей фамилией.

– *Запрещали писать под своей фамилией, но можно было под псевдонимом?*

– Во всяком случае, не печатали этих людей. Можно было писать под чужой фамилией, и было почти всем известно, что это пишет такой<-то>, но не под своей фамилией. Ворошильский – пример этого. Ему нельзя было писать, переводить даже нельзя было. Я подписывал его книги.

– *Это в какой период?*

– 1960-е годы. Нет, 1970 год. А потом я не мог. Витольд за меня подписывал. Так было. Коротко. Это все были короткие такие <периоды>, в зависимости от политической обстановки. Потому что известно было, что мы находимся в оппозиции к курсу партии и правительства. Это смешно, но литературе придавалось значение, совершенно не имеющее... никакого смысла, преувеличивали ее значение, но такие были порядки...

– *«Шестидесятники Варшавы», которых Вы переводили...*

– Да. Это был Вася Аксенов... Нет, шестидесятники Москвы, московские. Это был Вася Аксенов, это был Женя Евтушенко, это была Белла Ахмадулина. А Вы спрашиваете – у нас, так?

– *Да.*

– Так Булат назвал (стихотворение «Шестидесятники Варшавы». – *О. Р.*), потому что он был ближе к шестидесятникам, так назвал СТС прежде всего. А там есть Витольд Домбровский, Виктор Ворошильский...

– *«...И Яцка баритон бунтарский, и Виктора тревожный слог. ...Что Витольд вымолвит с надеждой, что Адам пылко изречет».*

Здесь же и политическая оппозиция, и литераторы здесь? Да? Он их сводит рядом?

– Да, потому что это вообще почти всегда было то же самое. То же самое, потому что та оппозиция каким-то образом искала своего выражения. Выражение было в литературе. «Не призрак злата или славы, а... <боль родимого гнезда>». Яцек, Витольд, Адам... Поэтому я говорю, что не литературная прежде всего. Литература была вторым как бы значением этого. Это было, вообще-то, сопротивление. Конечно, это было движение сопротивления. Маленького сопротивления, большего, одни так сопротивлялись, другие так. Но это было движение сопротивления, и выражалось это в литературе.

– *Скажите, пожалуйста, что для Вас значит само слово «шестидесятники»? В этом стихотворении? Вы сразу сказали, что шестидесятники – это Евтушенко, Ахмадулина. Вам себя определить через это слово не хочется, не нужно?*

– Я не принадлежал к этому поколению, во-первых. Я считаю, что мы были... С 1956 года мы находимся в оппозиции.

– *С 1956 года?*

– Я этого просто не принимаю к себе. Возможно, что некоторые... Домбровский, он подходит. Яцек – нет. Адам – да.

– *А Яцек нет?*

– Яцек старше.

– *Он начал раньше, да.*

– Он, по-моему, раньше начал свои... Хотя, вообще-то, все, тюрьма и все – это пришлось на 1960-е годы. Спросите Кароля, как он это вспоминает.

– *А Вы о поколении не рассуждали? Окуджава с какого-то времени очень много о поколении думал, это есть и в «Упраздненном театре», и в его рассуждениях о шестидесятниках. У Вас же много похожего в судьбах, Вы это не обсуждали?*

– У Булата?

– *И у Вас.*

– Ну, у нас похоже – что мы с Арбата. Но я не типичен. Поймите, я не могу к себе равнять мое поколение польское, потому что у них другой багаж, другие вещи. Для меня Булат гораздо ближе, чем им. Потому что меня с ним роднит биография, хотя я не был на войне. Я был моложе. Но родители, география, судьба родителей, судьба поколения, которое тогда... Мне лет только на два-три года меньше.

– *Это те самые три года, которые Вас спасли от войны.*

– Да. Спасли не от войны, а от участия в войне, да. Так что для меня Булат гораздо ближе и понятнее, чем для них. Для меня он как брат был. Это действительно так, наши отношения были такие. И он это чувствовал, знал это.

– *Не вспомните что-нибудь про стихотворение, которое к Вам обращено*?*

– Нет. Это милое стихотворение, не могу ничего сказать. Его переводил Виктор Ворошильский на польский. Это действительно так было – я Вам говорил, – когда мы ходили по Варшаве, сидели здесь, разговаривали обо всем этом. Просто мы чувствовали какую-то связь, кровную. Кроме всего прочего, я же тоже с Кавказа.

– *Да, да.*

– Еще одна вещь. И его мать была армянка. Так что очень много общего было в этом. Стихи очень для меня важны его. Его песни.

– *Какие?*

– Ну все песни. Но хотя бы первые песни военные.

* «Когда бы грянул яркий /свет, чтоб жить нам в идеальном мире / среди нетоптаной природы, не зная горечи разлук!.. / А тут хотя бы так, мой друг, в твоей прокуренной квартире, / в твоих выдавших виды креслах согрело б нас пожатье рук. / Не будем плакать о былом. Пускай всё так – и это дело. / Успеть бы сердцем поделиться, последний снег смести с крыльца... / По Польше елочки бегут, и, значит, Польша не сгинела, / а если Польша не сгинела – еще далече до конца»⁴.

– Скажите, пожалуйста, а кто переводил «Прощание с Польшей» и как оно здесь воспринималось?

– Витольд Домбровский переводил. И воспринималось с большим, с большим... Большое впечатление было. Там, насколько я помню, есть, между прочим, о Катыни.

– Где?

– В этих стихах его, о Польше.

– Вот стихотворение это.

– Нет, другое.

– Другое? Давайте я Вам покажу. Вот оно.

– «Забывтый Богом и людьми, спит офицер в конфедератке. / Над ним шумят леса чужие, чужая плещется река. / Пройдут недолгие века – напишут школьники в тетрадке / про всё, что нам не позволяет писать дрожащая рука».

– Это Катынь?

– Это Катынь.

– Вот скажите, пожалуйста, действительно ли на польский переводили «леса чужие» как «смоленские леса»? «Шумят смоленские леса»? Мне так сказал пан Михник. Я была удивлена, потому что здесь про Катынь ни слова.

– Нет, про Катынь ни слова, но известно, что это Катынь.

– Известно, что это Катынь, да?

– Да. Для нас это было вполне ясно.

– Кто переводил?

– Витольд, Витольд Домбровский. Эти стихи Витольд Домбровский переводил... Нет, нема «смоленских».

– Нет?

– Нема смоленских. Тут нема. Может, где-нибудь. Нет. Эту книгу я редактировал, так что я помню, что здесь. Наверное, я не делал никаких цензорских интервенций. Нет. Может, в тюрьме они повторили себе эти стихи, и у него не было под рукой...

– Кто?

– Адам. И у него не было под рукой этого, и он выдумал себе, что это были «смоленские леса». Смоленские – это другая вещь, «По Смоленской дороге». Совершенно другая вещь. Здесь нет «смоленских лесов», и в польском переводе нет. Но для нас было ясно, что это Катынь. Я думаю, что так было. Потому что Витольд, наверное, разговаривал на эту тему с Булатом.

– А скажите, пожалуйста: «Прощание с Польшей» – это 1964 год, стихотворение про то, что «скоро перемена», и «Прошу у вас прощенья за... долгое молчанье». Было ощущение тогда, в 1964 году, что сейчас будут перемены? Что скоро что-то произойдет? И в 1967 году, в стихотворении, где «спит офицер в конфедератке», Окуджава, с одной стороны, пишет, что до возможности свободно говорить о сегодняшнем дне остались буквально «недолгие века», а с другой стороны – «Неправда, будто бы он прожит, наш главный полдень на земле!».

– Ну, здесь «перемена» – это двойное значение.

– Но есть же у него стихотворение, обращенное опять же к Агнешке Осецкой, где он расшифровывает: «Поверь мне, Агнешка, грядут перемены... Так я написал тебе в прежние дни»...

– Да, я знаю, что это значит, но одновременно это же...

– Было ли тогда ощущение, что действительно что-то такое происходит?

– В 1964 году?.. Нет. Нет. Наверное, нет. Нет. Это была «темная ночь коммунизма». Не было такого ощущения, во всяком случае, в моем понятии.

– Ни в 1964-м, ни в 1967-м?

– В 1967-м-то? В 1967-м? 1967-й – это я помню, мы встретились с Булатом, я пришел с Яцеком на представление... Какое представ-

ление это было? «Шпильки»? «Шпильки» это были. Булат спел там («Шпильки» – варшавский клуб при редакции журнала с одноименным названием. – О. Р.).

– *Он пел там?*

– Я думаю, да. Потому что я пришел с Яцеком, который <рассказывал> о своей тюрьме тогда, он вышел как раз, я это помню. Помню, для меня это было очень интересно, потому что само отношение Яцека к проблемам тюремным для меня было непонятно.

– *Какое отношение?*

– Ироническое.

– *Ироническое?*

– Да. Что можно было отнестись иронически к своим, вообще-то говоря, загубленным годам. С Булатом тогда я его познакомил, или он знал – не помню. Не помню. Помню, что я был сам удивлен формой Яцека. Формой, тем, что он так держится. И это было в «Шпильках», да, в 1967 году. Я приехал ненадолго в Варшаву из Югославии. Это была моя вторая встреча с Булатом после встречи в Москве.

– *Кто еще переводил Окуджаву? Ворошильский, Домбровский, Федецкий, Дравич?*

– Федецкий прежде всего.

– *Он перевел «Школяра».*

– «Школяра» и несколько стихов. Немного.

– *То есть к тому моменту, когда Окуджава сюда приехал, к 1964 году...*

– Он был главным. Он и Витольд Домбровский.

– *Но Окуджава был уже известен здесь по переводам, да?*

– Да. Да. Но прошу помнить, что русский язык не очень популярен здесь, но русская песня – очень. Так что это могла быть,

вообще-то, наша работа... Честно говоря, мы сделали очень много, чтобы это как-то принялось.

– *Как «Школяр» был воспринят здесь?*

– Как одна из повестей. Это не было революцией.

– *А романы?*

– Романы вообще не были приняты. Я же забыл Вам сказать: я переводил и романы тоже. Вы мне напомнили. Потому что Витольд Домбровский переводил, но умер.

– *И Вы за ним заканчивали перевод?*

– Да.

– *Чего?*

– «Путешествия дилетантов».

– *Этот роман был здесь?..*

– Нет, он не был специально...

– *Вы его не воспринимали как роман о своем поколении?*

– Нет, нет-нет, это не дошло. Может быть, я недооцениваю это, по-моему, это не были его самые важные вещи, Булата, хотя он их очень ценил. Во всяком случае, для меня – я переводил это, так что я сидел внутри этих вещей, для поляков это не было...

– *Как часто Вы бывали в Москве?*

– В свое время – очень часто. Раз в два года. Это были 1960-е годы. Потом уже нет. В 1970-е, потом, – уже нет.

– *Вы там общались, когда Вы приезжали?*

– С кем?

– *С Окуджавой.*

– С Булатом – нет. Это более ранние... В 1968 году – да. Помню, в 1968 году – да, мы <сидели> вместе с Булатом. В Союзе писателей... Мы сидели с Булатом с моей женой, пришел Женя Евтушенко, который меня с Булатом познакомил. Это был момент, когда убежал кто-то из России, не помню...

– Скажите, пожалуйста, как воспринимали «Мастера Гришу»? Здесь это известный текст?

– Да. Виктор Ворошильский переводил, очень хорошо.

– Как это воспринималось? Как призыв к действию?

– Да, рабочий класс – он покажет. Воспринималось, потому что это еще не было «Солидарностью»...

– Но это воспринималось именно как в Польшу обращенный текст?

– Нет, не как в Польшу.

– Посвящение появилось позже, но оно польское – «Адаму, Яцеку, Каролю».

– Не было тогда посвящения.

– Сейчас есть. Могу продемонстрировать.

– А-а-а-а! А тут нет.

– Есть посвящение, появившееся в конце 1980-х годов.

– Так это после «Солидарности», это после «Солидарности» случилось. А сначала не было.

– А переводили этот текст гораздо раньше?

– Виктор перевел Ворошильский, кстати говоря, очень хорошо перевел, и, насколько я помню, здесь нет никакого посвящения.

– А скажите, пожалуйста, политические его песни, «Римскую империю времени упадка...», Вы говорите, Вы переводили уже поздно. А «Черный кот»?

– «Черный кот» был абсолютно ясен, и перевел его Витольд Домбровский, очень хорошо.

– *И что, и опубликован перевод, и это было можно?*

– Конечно, нет. Но он был понятен.

– *Нет, не опубликован?*

– Опубликован! Конечно. Все опубликовывалось. У нас, однако, была бóльшая свобода, чем у вас.

– *Прямо в 1960-е годы все можно было?*

– Да, да! Тем более что это – «советская литература».

– А!

– Это же пропуск в цензуру.

– *То есть в Москве не опубликовано, а у вас опубликовано?*

– Да. Я думаю, что каким-то образом это было опубликовано. Не знаю сейчас, не помню точно, как это мы проталкивали, но, во всяком случае, наверное, это было гораздо легче у нас, чем в России. Все это было, вообще-то говоря, нецензурно. Весь Булат нецензурен, вообще-то говоря... Я ищу это стихотворение. «Мастер Гриша». Никакого посвящения здесь нет, а я был очень скрупулезный переводчик.

– *А какого года эта книжка?*

– После смерти... 1999-й. До меня не дошло.

– *А скажите, пожалуйста, на всякие политические темы вы говорили? Или вам это было не интересно? С Окуджавой?*

– Да это было все понятно...

– *У него была такая мысль, видимо, ему дорогая, про свободу, про холопство, о том, что поляки знают, что такое свобода, и есть в них чувство собственного достоинства, а мы знаем только, что такое воля.*

– Это он правильно говорил, действительно так и есть. Я это где-то, кстати говоря, тоже слышал. Нет, Вы знаете, философствование на тему свободы... Это мы не делали. Мы более-менее ощущали то, что он говорит, как наше. Это было слишком близко...

– *...чтобы обсуждать такие вещи.*

– Он Польшу принимал как свободу, как вообще понятие свободы. И это есть. Нет сравнения с русским характером, который развивался в условиях, знаем каких.

– *Когда Вы что-то подписывали, Вы же тоже подписывали письма, после этого не печатали, после этого надо было публиковаться под псевдонимом? Как это здесь было?*

– Я уже не помню... Очень часто подписывали, и не все помню, что подписали. Мы как непорядочные чиновники – подписываем то, что нам подоткнут. Конечно, были для нас тяжелые времена. Например, когда мы втроем, Виктор, Витольд и я, задумывались, не открыть ли прачечную, не взяться ли за какое-нибудь ремесло, потому что, в конце концов, иногда все дороги были закрыты в печати. Ну это так, недолго. Это было несерьезно. Так... Балаган. Страшный бардак, совершенный беспорядок. Так что можно было как-то это пережить. Не было, вообще-то, особенно тяжело. Подписывали мы, да. Но я не все подписывал. Но почти все. А главное, подписал то, что роль партии должна быть ограничена...

– *Это в 1976 году.*

– Да, в 1976 году. А я был член партии. Был тогда человеком партийным.

– *И как это на Вас отразилось?*

– Двое было членов партии, <которые> подписались. Остальные успели выступить, а я не успел.

– *Что значит «успели выступить»?*

– Ну их выбросили из партии.

– *А, успели выйти из партии.*

– А меня не успели <исключить>, потому что я вообще был ленивый человек и должен был сам уже выступить, потому что трудно было остаться в этой партии, когда уже никого не было знакомых.

– *Это 1976 год?*

– По-моему, да. Так что я просил, чтобы меня исключили, не платил вообще взносов, но не исключали.

– *А после этого исключили?*

– Нет, я сам выступил.

– *После этого письма тоже не исключили?*

– После письма я выступил, сам. Я сам отказался от членства, написал письмо, что я не хочу быть членом партии, что я перестаю быть членом партии. Я не выступал из партии, считаясь с моей матерью, которая была в партии с 16-летнего возраста.

– *Это 1970-е годы, когда люди выходили из партии? Это была тенденция?*

– Нет, это не была тенденция. Это был вопрос, почему я не выступил из партии вместе <с другими>, – я был за границей. Это был процесс партийный, над Лешеком Колаковским. И в связи с этим выходили из партии или исключали из партии. В связи с Лешеком.

– *Это когда?*

– Не помню. Думаю, что это был 1976-й, нет, 1970 год.

– *А с Колаковским Окуджава был знаком?*

– Нет. Булат, когда приехал в первый раз в Польшу, Лешека уже не было.

– *1964-й, 1967-й?*

– Колаковский выехал в 1968 году. В 1969-м. Когда слава Булата дошла до Колаковского... Вообще, кто такой Булат, он мог от нас услышать, от меня, от Виктора, но его уже не было, он уже был в

Англии, в Оксфорде. Сначала в Канаде, а потом в Оксфорде. Так что не знакомил, нет. Лешек начал приезжать в Польшу в конце 1980-х, но редко бывал в Польше, потому что работал в Оксфорде, так что не встретились, нет.

– *Когда Окуджава приезжал сюда часто? Это 1970-е, 1980-е?*

– В 1970-х начал, в 1980-е приезжал чаще.

– *Обязательно с вечерами?*

– Скорее, вечера были претекстом, поводом. Я помню, что мы с ним ездили куда-то встречаться с людьми. Не скажу, когда это было, какой это год был. Но Булат был, повторяю еще раз, очень популярен здесь. Очень любим. Действительно любим. Искренне. Он был неотразим, этим голосом, этим всем... А, еще были ужины! А как же! Которые Булат давал здесь в ресторанах.

– *Он приглашал в рестораны?*

– Он приглашал нас. Не помню, почему, для чего, как это было. Оля будет помнить. В ресторане «Варшава», в ресторане...

– *Это несколько раз было?*

– Два, по-моему, раза. Булат – он умел широким жестом... Здесь дали какие-то деньги, он не мог с ними что-нибудь сделать, он попросил своих знакомых на ужин...

– *Спасибо Вам большое.*

– Я любил Булата. Я готов Вам еще танцевать даже... Не только я любил. Много людей, которые ничего не скажут о Булате, но будут его любить. Тадя Конвицкий. Наш известный писатель Тадеуш Конвицкий.

Ах, расскажу вам! Правда, очень смешно. Но прошу понять, в чем дело.

Мы, Булат и я, в доме одного из моих приятелей. Это интересный дом был, там очень часто встречались разные люди. Разные дискуссии. Разные историки искусства, историки литературы и так далее. Там поют разные артисты. Это были великие, большие приемы. И стоят два человека, один из них Кшиштоф Радзивилл, из известной семьи Радзивиллов. И Радзивилл берет

меня под руку и говорит: «Познакомьте меня, – я его знал, – с Окуджавой». Булат Окуджава, который читал Бабеля и помнит, что такое князь Радзивилл...^{*} И я: «Булат, это князь Кшиштоф Радзивилл». И Булат замер. Застыл. Он себе припомнил Бабеля. «Горе тебе, князь Радзивилл!» Для меня было ясно, что для него ассоциации идут в этом ряду, в эту сторону. Я ему говорю... А они очень довольные, знакомятся, и Булат теряет. Первый раз я видел Булата теряющегося. Когда он сказал: «А я – плебей», я не знал, что делать. Это была реакция на Бабеля. «А я – плебей». «А я – плебей», с вызовом.

2010 г.

^{*} См. «Конармию», рассказ «Костел в Новограде»: «Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега, вставшие на час!..»⁵

Наум Коржавин:
«Не знаю, может, из всего нашего поколения
он один останется»

– Я со шаргалкой, с первым томом «В соблазнах кровавой эпохи». Первая вещь, которая мне была очень интересна, – то, что для Вас каждые три года – уже другое поколение.

– Булат старше меня на год. Мы были одно поколение. Мы были тем же озабочены, иногда по-разному относились к событиям, но все равно озабочены одним и тем же. Но я определяю поколения по тому, что каждый помнил: реально только то, что человек помнил, история прекращалась, ее запрещали, и люди на несколько лет младше уже ничего не знали. Дух был другой. Допустим, на моих глазах изменились тексты пионерских клятв. А я помнил, и Булат помнил. Мы с Булатом, так сказать, годки, как говорят в России.

– Когда Вы описываете судьбу своего поколения, у Вас ключевое слово – соблазн. А у Окуджавы в «Упраздненном театре» – слепота.

– Он более самокритичен. Он теорию не шибко любил вообще. Он был человек умный, но испытывал почтение к людям интеллектуальным, которые оперируют важными терминами. Сказать, что это неточно, а вот это точно – это было для него вполне <естественно>. Я где-то выступал, говорил: «Он испытывал большое почтение ко всякой интеллектуальности, но сам этого не любил». Он был человек умный, и мудрый, но просто он боялся: «Если я так буду думать, то я перестану писать». Я не думаю, что он перестал бы писать, но ему хватало на его поэзию. Все-таки он очень большой поэт. Очень настоящий поэт. И я почти сразу понял, что он талантлив.

– С «Муравья».

– Нет, не с «Муравья». Раньше. Когда я с ним познакомился, я даже не знал, что он поэт. Он мне книжку подарил. Книжка была талантливая, «Острова».

– Уже в 1959 году.

– Да. Книжка была талантливая. Но я говорю: «Булат, чего-то мне не хватает, какого-то крайнего обобщения...» Ну, для Булата такие слова, «обобщение» – он в это не любил вникать. Мне не понравилось, мне не понравилось. А потом Стас Рассадин мне говорит: «Ты знаешь, он хороший поэт, а ты песни его знаешь?» Я говорю – нет. Он мне напел несколько песен, мне понравилось. Но все-таки это в чужом пересказе. Потом Булат пришел в «Литературную газету», где все мои друзья работали, и я все время ошивался тоже. И вот однажды мы с Булатом были на каком-то вечере, это был вечер, по-моему, павших поэтов, первый раз, они тоже были под полузапретом. Вроде они были абсолютно хорошие и терпимые для власти, отнюдь не бунтовщики, но все-таки не такие, как надо. Был первый нормальный вечер <павших> поэтов, и потом мы оттуда уходили. «Пойдем ко мне, у меня заночуешь». А я жил в Мытищах. «У меня коньяк есть, посидим».

Пришли к нему, сели, разговаривали. «Хочешь, я тебе стихи читаю?» Он почитал стихи. Я ему опять сказал: «Булат, ты знаешь, что я словом “талантливо” не разбрасываюсь». А талант – это ведь «единственная новость, которая всегда нова». И не разбрасывался. «Нет, это талантливо. Но все равно, мне какого-то крайнего обобщения не хватает». – «Ну, ладно». Выпили, посидели. «Хочешь, я тебе спою?» И он мне спел эти же песни. Уверяю вас, что не для того, чтобы что-то мне доказать. А просто – он мне до того читал стихи, а это песни. Я: «Булат, твою мать, ведь этого мне как раз и не хватало!» Поэтому я никогда не верил, когда болтали, что он писал тексты к песням. Нет, это не тексты, это поэзия. Но это поэзия, органической частью которой был этот мотив. И с тех пор я его начисто признаю, так сказать, и высоко ценю как поэта. Хотя у него есть хорошие <стихи>, которые он не поет. Некоторые. Про дворника Алима, помните? Он поэт, и настоящий, очень большой поэт. Не знаю, может, из всего нашего поколения он один останется. Он очень большой поэт. Я ему всегда завидовал, и теперь завидую.

– Но поколение очень богатое, как же он один останется?

– Нет, поколение очень хорошее, мне нравится, я люблю свое поколение. И военное... Я не был на войне, но я отношусь к военному поколению в поэзии. Но он, так сказать, очень... Я ему всегда завидовал. Меня не съедала зависть. Просто – вот завидно. Вот я этого не могу. Короче говоря, я его начисто признавал, я его люблю.

– Значит, познакомились вы в 1959 году, когда он книжку подарил?

– Примерно. Может, в 58-м. Скорее в 1959-м.

– *А потом уже вместе ездили на похороны Пастернака, да?*

– Да, это уже когда Пастернак умер, в 1960 году. Мы ездили вместе. Дело в том, что он работал в «Литературке» тогда, а в «Литературке» было указание всем работникам – не ехать. Но я не был штатным работником, я был нештатным, и даже оформлен как нештатный. На меня это не распространялось, да я и не спрашивал ни у кого. А Булат тоже поехал. А еще мой друг, такой историк, Саша, Александр Монгайт, и мы с Булатом. И мы поехали туда и там были. Машину поставили, потом... Милиционер показал, куда поставить, потому что народа было много. Мы вышли, прошли, возле Дома творчества увидели нашего общего друга Женю Винокурова, кстати, хороший поэт. А Женя был человек осторожный такой. Я говорю: «Женечка! Ты что, подышать воздухом вышел?» – «Ну да, я отдыхаю в Доме творчества, вышел». Нигде он не отдыхал, просто мы подошли, он говорит: «Никого из секции нету, из секции поэзии. Тут где-то, говорят, Межиров ходит, но я его не видел». Межиров был там. А был поэт (я называть не хочу, это не критика), который сказал: «Я не могу, я должен писать», и не пришел на похороны Пастернака. Мы были с Булатом.

Я Пастернака очень любил, он был одним из двух поэтов, которых я считаю своими учителями.

– *А второй?*

– Еще Колю Глазкова.

– *А Маяковский?*

– Это раньше. Маяковский, на самом деле, не был моим учителем, хотя мне он нравился. А Пастернак... Да, было много хороших поэтов, но на мое становление повлияли Пастернак и Коля Глазков.

А я хотел к нему прийти. А мой друг Валя Берестов жил в это время с семьей у Андроникова на даче. Потому что у него квартиры не было. А дача Пастернака была рядом. Я говорю: «Валь, я хочу познакомиться с Пастернаком». Он говорит: «Не знаю, давай попробуем, пойдем». И мы пошли, дошли до калитки, и тут возник Пастернак, он куда-то уходил. В шапке, одетый. «Здравствуйте, Борис Леонидович, вот мы хотели к Вам». – «Я помню, мне кто-то говорил. Ну, хорошо». Так, поговорили, потом он говорит: «Что же мы будем делать? Мне надо куда-то

идти». – «Мы будем делать просто: Вы пойдете туда, куда Вы шли, а мы пойдём домой». А потом я к нему пришел, уже мы договорились, что я приду, я пришел, и мы довольно долго разговаривали. Я пришел, там была, видимо, жена, она сказала: «Сейчас Борис Леонидович, если он сочтет нужным, к Вам выйдет». Он вышел все-таки. Борис Леонидович был такой человек, он сказал: «Ну, что же Вы мне хотели сообщить?» Спросил он меня так, на убой. Я ему сказал: «Ничего. Но я всю жизнь считал, я всю жизнь занимаюсь поэзией, и Вы для меня... Я хотел просто... Ну, я как-то не хотел приходиться...» – «И правильно делали», – сказал Пастернак. Потом, увидев, что он хватил через край, сказал: «Я не к тому говорю, просто – каждый должен сам за себя решать». Я говорю: «А я и не пришел к Вам, чтобы Вы за меня решали». Что чистая правда была. «Но мне просто хочется услышать...» – «Ну, хорошо». И дальше он меня спросил, кто мои консультанты. Не знаю, есть ли теперь консультанты. Раньше они были. «А рукописи Вы мне принесли?» – «Нет». – «Ну так как же Вы мне говорите...». Я говорю: «А Вы что, на слух не воспринимаете?» – «То есть как не воспринимаю? Конечно, воспринимаю!» Сели, я ему читал стихи. Первое, что я прочел, ему не понравилось. Это кусок из моей поэмы. Нет, это как раз ему понравилось тогда. Я не помню, что я прочел. Он сказал, что это романтично. А потом я прочел кусок из поэмы, еще что-то, ему понравилось, он сказал: «Это лучше», и дальше я ему нравился. Кто-то ему звонил, он говорил: «Не обращайтесь внимания». Разговаривали мы хорошо тогда. Так и познакомились. Он был очень большой поэт. Хотя, как я всегда про него говорил, он помесь гения с вундеркиндом. И часто в нем высказывался вундеркинд. Он меня многому научил. Научил, как ни странно, говорить об общих вещах интимно. Вроде он такой интимный только – он не только интимный, он всякий. Он очень большой поэт.

– *А с Окуджавой Вы это обсуждали? Он тоже называл Пастернака своим учителем.*

– Конечно, называл.

– *Вы пишете, что Вы – человек 1940-х, а не 1960-х.*

– Да.

– *Что это значит?*

– В Литинституте я учился в 1940-е годы. Я и Булата считаю человеком 1940-х.

– *Да? Это мне очень интересно.*

– Конечно. Потому что для него эта проблема большевизма–небольшевизма, веры – существовала. Он иначе ее выражал, но она существовала. Он тем и велик, Булат, что он сквозь все это... Он почувствовал жизнь как нечто расположенное между жизнью и смертью, и ощущение временности жизни у него всегда было.

– *Вы когда-нибудь с ним обсуждали его 1940-е годы? Или он вообще об этом не говорил?*

– Он рассказывал что-то. То, что он написал. Он же не секретный был человек в этом плане.

– *Кого тогда Вы относите к «людям 1960-х»? Из Вашего поколения?*

– Из моего поколения – никого. Ни себя, ни Борю Балтера. Никого. Я отношу к этому только вот Вознесенского, Евтушенко, Беллочку Ахмадулину. Много других. Ну, деревенщиков, они тоже. Но это очень хорошие писатели. К ним могут быть разные претензии, но они очень хорошие писатели. И это тоже возникло в 1960-е годы, а в 1940-е не было. Я Астафьева спрашивал: «Витя, а когда ты понял, что все это ни хрена...» – «Ну сразу». – «Ну как сразу? Вот когда вас раскулачили и вывезли, ты понимал, что это несправедливо, да, и что это подло, да, ты не понимал, что у тебя все на этом потом...» То есть по-настоящему о значении, не о подлости, а о значении, он понял тогда, когда я.

– *Вы много пишете про конформизм.*

– Про кого?

– *Про конформизм.*

– Да.

– *Какой баланс между официальным и неофициальным Вам казался, с одной стороны, достойным, а с другой – наиболее сохраннным?*

– Во-первых, я был воспитан в большевизме. То есть не родителями, а обществом. И я считал, раз так, раз неправильно – значит, надо бороться и все такое. Я не боролся ни с кем, потому что я был поэтом*. И меня всегда интересовала другая сторона медали.

– *Вы пишете, что конфронтация тоже сужает.*

– Если просто конфронтация – да. Но, к сожалению, тогда нельзя было быть... Все-таки надо всегда иметь открытые глаза, любовь, реально... Надо быть поэтом, конечно. Когда я говорю – надо быть личностью, надо быть самим собой... Но еще надо быть поэтом при этом. Потому что если человек при этом не поэт, то ему все равно. Но если он поэт по природе, талантлив и как-то становится конформистом – он кончается. Этой дороги нету. Этой дороги нету. Из тех, кто пишет правду, исходит из правды, а не пишет правду, – из этих людей некоторые становятся поэтами. А из тех, кто этим пренебрегает, – никто.

– *Ваша теория конформизма...*

– Я же считал, что ход истории такой. История идет по трупам. Так я же этих трупов не представлял, не воображал. В общем, когда я от этого освободился, я стал человеком. А когда я сидел в тюрьме и там было море страданий, я же ко всем хорошо относился и сочувствовал и понимал, что историческая необходимость – да провалилась она к чертовой матери. Один мой друг старый, которого я встретил, говорит: «Понимаешь, такова воля истории». Я ему сказал: «Знаешь, если у истории есть воля, пускай она сама ею и занимается, а я тут ни при чем». У меня уж так получится. Но я человек и должен быть человеком – вот так, простой и банальный выход, который мне очень дорог. Не дорог – тяжело достался.

Но Вы спрашиваете про меня, а не про Булата. Ну, давайте дальше.

– *Этот опыт, лагерный – обсуждался?*

– Конечно. Я в лагере не был... Но, конечно, – обсуждался. Булат про это и писал.

* Ср. одно из самых известных стихов Коржавина, 1954 г.: «Я не был никогда аскетом / И не мечтал сгореть в огне. / Я просто русским был поэтом / В года, доставшиеся мне»⁶.

– *Когда на кухне как-нибудь сидели, войну и лагерь могли обсуждать?*

– Конечно, и вспоминали, и говорили. Просто потом это стало банальностью, потому что про лагерь много написали, много говорили.

– *А в конце 1950 – начале 1960-х?*

– Конечно. Когда я вернулся, в 1954 году, 1955-м фактически, все сидельцы были модные.

– *А про войну свою Окуджава что-нибудь рассказывал?*

– Он писал про это.

– *То, что писал, – я знаю. Но, видимо, то, что он видел, было страшнее, чем то, что он писал.*

– Да. Но он не столько рассказывал, сколько выражал свое отвращение к войне. Он не любил про это особенно вспоминать. Я у него иногда консультировался, мне надо было что-нибудь узнать. Уже потом я прочел замечательную прозу Владимира Тендрякова про войну. Очень хорошую, интересную. Я у него спросил про один факт оттуда. Мне показалось странным, что кто-то украл у повара дверь (ветровое стекло от немецкой машины, «Люди или нелюди». – *О. Р.*), которому отдал кто-то <эту дверь> за баланду. Я удивился – я был в армии когда-то, я понимаю, что в тылу армии голодали, но неужели во фронтовой армии тоже повар был большим человеком? Он говорит – да, повсеместно. Это он мне рассказывал.

Понимаете, это к слову вспоминалось. Никто не сидел просто не рассказывал. О лагерях – просто потому, что это было неизвестно многим, и поэтому было интересно... А все равно, на лагерях настоящей литературы не сделаешь. Так же как на просто войне, о сидении в окопах, допустим. Это правда, но все-таки на этом... Это может быть частью какой-то, но... Вот лагерно-художественной литературы нету. Ведь Солженицын не художественная...

– *«Тарусские страницы» – почему Вы туда попали? Через Балтера?*

– Нет, мы просто жили в Тарусе какое-то время, там работали, снимали квартиру и работали, и вот кто-то надумал там: давайте издадим «Тарусские страницы».

– Панченко?

– Не только Панченко. Панченко, Борис Балтер. Я поддержал тоже. Паустовский главное.

– Паустовский просто дал свое имя или он действительно занимался «Тарусскими страницами»?

– Ну, во-первых, дать свое имя для такого дела – это не так мало.

– Это много, да. Но Вы с ним тогда общались?

– Общались, да. Он ко мне и до этого хорошо относился. Паустовский был первый большой писатель... Нет, поэт еще был такой, Николай Николаевич Асеев, а потом Паустовский был. Меня к нему привели когда-то и сказали – вот Эма, он стихи пишет. Тогда Паустовский: «Нет, я стихов не люблю...» – «Ну, Константин Георгиевич, он одно стихотворение прочтет». – «Ну, одно ладно», – сказал он, скрепя сердце. А потом я ему прочел стихотворение «Гуляли, целовались, жили-были...»^{*}. – «Еще раз!» И мы с ним тогда... И благодаря ему я попал в Литинститут.

– Я имела в виду: когда готовился сборник, смотрел ли он, общался ли он с авторами? Или он этим не занимался?

– А зачем ему было заниматься, без него это делалось. Он, наверное, тоже читал, ему было интересно, но он делал то, что он должен был делать. А редактировать буквально он не должен был, и зачем это было нужно? Он же был живым человеком. Паустовский – его значение в литературе многие недооценивают. Он был одно время светом в окошке одним. Потому что ведь при Сталине он что-то такое писал, на что по-человечески отзывались. Я не думаю, что это было плохо или... Он был... На Солже-

^{*} «Стихи о детстве и романтике»: «Гуляли, целовались, жили-были... / А между тем, гнусавя и рыча, / Шли в ночь закрытые автомобили / И дворников будили по ночам. / <...> А южный ветер навевает смелость. / Я шел, бродил и не писал дневник, / А в голове крутилось и вертелось / От множества революционных книг. / И я готов был встать за это грудь, / И я поверить не умел никак, / Когда насквозь неискренние люди / Нам говорили речи о врагах... / Романтика, растоптанная ими, / Знамена запыленные – кругом... / И я бродил в акациях, как в дыме. / И мне тогда хотелось быть врагом» (30 декабря 1944)⁷.

нищина сразу откликнулся. Нет, он был в высочайшей степени порядочным человеком. И хорошим человеком. И писатель он был талантливый очень. А что он жил не в ту эпоху – так это он жил не в ту эпоху. А то бывают такие, которые требуют – а почему он не... Нельзя было уходить на баррикады. Нельзя было. А он что мог – то делал, и другим всегда помогал. Царствие ему небесное*.

Всегда надо уметь оставаться самим собой и слышать... Понимаете, я говорю: главная задача, требование к произведению искусства, к поэзии, искусству вообще – это подлинность самовыражения, то есть умение выражаться, писать творчески. И хотя в конце концов это малые секреты ремесла (по выражению Твардовского – «малые»), это не значит «неважные». Малые секреты ремесла. И подлинность причастия. В поэзии особенно. Причастности к открытиям каким-то, к самой поэзии, к духу поэзии, а это не совсем самовыражение. И то, что в XX веке часто самовыражением подменялось, ограничивалось творчество иногда даже крупных мастеров, – это плохо. Потому что о том свете, о загробном, тоже надо было думать.

– *Что для Вас была «Литературка» на рубеже 1950–1960-х? Ваши друзья? Ниша, где можно пытаться...*

– Это были такие ниши. Одно время «Знамя» было <такой нишей>, «Новый мир», куда мы приходили, разговаривали. И «Литературка» тоже. А что такое «Литературка» – это отдел русской литературы «Литературной газеты». Там во главе был Юра Бондарев, который тогда был абсолютно порядочным человеком. На нем держалось многое. Лазарев был его заместителем. Сарнов потом пришел к нам, а потом Окуджава, который стал заведующим отделом поэзии.

– *Какие еще ниши Вы можете назвать?*

– Вот я говорю – «Новый мир».

– *Ниши – именно журнальные?*

– Да. Больше таких не было особенно. К нам люди тянулись, и мы тянулись к людям. А мыслить – это значит не «понимать», а «по-

* У Окуджавы в Переделкине, в кабинете, на стене с фотографией-ми висела и фотография Паустовского.

том понимать». А те, кто начинает с понимания, – те не мыслят. Возникает вопрос – и ты его решаешь.

«Окуджава, когда вы уйдете и уступите место?» Он писал: «Уйти мы уйдем, вы не беспокойтесь. А вот насчет уступить место – как я это сделаю?» Я забыл фамилию этого прозаика, который в «Новом мире» когда-то большую вещь напечатал.

– *Кого? Который говорил, что нужно уступить место?*

– Что уходить.

– *Это не Галковский был?*

– Да. Ну и что, и Галковский занял его место?

– *Пока нет.*

– Вот. И что-то не пахнет. Но тогда надо, чтобы Пушкин ушел, Пушкин тоже занимает место, гораздо больше, чем я. А если не нравится Окуджава – напиши статью, что Окуджава плох, что занимает чужое место. Напиши, если так думаешь.

– *Вы опубликовали большую подборку Окуджавы в «Посеве»?*

– Да. Это не я опубликовал. Он дал эту книгу и попросил, чтобы я был составителем. Ну, я составил, добавил что-то.

– *Это было при его участии? Он знал, что туда идет?*

– Примерно знал, но он хотел, чтобы я был составителем. Он мне доверял. Я составил, что-то исключил. И написал послесловие. Потому что это был журнал прозы и поэзии, и там был кот нарисован. Это было второе издание, с котом. Моя статья называлась «Поэзия Булата Окуджавы». Но я отобрал стихи. Потом я говорю: «А почему выбросили “Ваньку Морозова”?» – «Понимаете, – говорят, – там не укладывалось в листах, и мы решили убрать самое неценное». В послесловии есть упоминание о «Ваньке Морозове», а самого «Ваньки Морозова» там нет, хотя пишется, что я составитель. Но я никогда это не выбрасывал и не хотел выбрасывать.

– *Почему Вам посвящена «Калужская фантазия» Окуджавы? Это стихотворение имеет отношение к Калуге?*

– «Калужская фантазия» мне посвящена. Я в Калуге был, но это не связано с Булатом. В Калуге мы не встретились. Хотя у нас есть знакомые общины. А теперь у меня к Вам вопрос: что такое «Калужская фантазия», я не знаю?

– У него очень много посвящений, но если Вам посвящено стихотворение и Вы об этом не знаете, видимо, оно не из вежливости посвящено.

– Булат посвятил много. А я не просил. Не потому, что мне это было неважно, а потому, что я как-то не понимал... Хотя я рад, что он мне посвятил стихотворение, все равно. Я рад.

(Разговор о том, что, возможно, стихотворение было написано на Русской летней школе в Норвиче, куда пригласили Окуджаву.)

Ничего такого, что Вы не знали и что нельзя прочесть, я Вам не сказал... Это пускай другие говорят, потом. Ведь творчество что такое? Историческая миссия. Вот что-то в тебе есть. Надо это сказать. Это не существовало до тебя, а тебе хочется сказать.

2006 г.

Евгений Евтушенко:

*«И ему безумно это правило, он улыбался и смеялся,
и сказал: “Тебе не страшно”»*

– Я знал Булата еще когда он работал в «Молодой гвардии» и «Литературке». Первая книжка, которую он мне подарил, мне понравилась, это была калужская книжка. А сам он мне понравился очень. А потом он мне дал рукопись своих стихов. Там было стихотворение «Искала прачка клад...», то есть когда прачка стирает, она как бы достирывается до этого сокровища, скрытого на дне ее корыта. А в общем-то я сразу рекомендовал ее в издательство «Советский писатель», она вышла, может быть, и без моей помощи, но, в общем, я тоже сыграл какую-то роль.

А потом мы встречались с Булатом часто очень на литературном объединении «Магистраль», где было много талантливых людей, в частности Саша Аронов там был, Нина Бялосинская, Коля Панченко. Такой костяк был, и замечательный совершенно энтузиаст поэзии Гриша Левин. И вот однажды я как-то пришел, и Булата не было на очередном заседании. А потом пошли куда-то, в какое-то дешевенькое кафе, я помню, кто это был: это были Нина Бялосинская, Саша Аронов и, по-моему, Витя Гиленко. Они сказали:

– А Вы знаете, что Булат начал писать песни?

Я говорю:

– Да бросьте, не может быть. У него ничего песенного нет в стихах.

– А вот представьте себе.

Тогда они мне спели там, в кафе, его песню, одну из первых его песен «Надежда, я вернусь тогда...». Эта песня меня совершенно потрясла просто и перевернула душу. Кстати, я потом ему предложил заменить «на той далекой», у него были слова «на той далекой на гражданской», я предложил ему поставить «на той единственной гражданской». И он принял мою поправку, он во многих вариантах пел именно это*. Потом, когда мы с ним разговаривали о его песнях, я ему посоветовал избегать мужских усеченных рифм. У него был, например, такой первый вариант:

* Возможно, поэтому в некоторых изданиях Окуджавы эта песня идет с посвящением Евгению Евтушенко. Вторая посвященная ему песня – «Шарманка-шарлатанка».

Полночный троллейбус, по улице мчит,
вершит по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

И он поставил императив: «Последний троллейбус, по улице *мчи...*»

А потом все песни Окуджавы начали разрастаться, разрастаться в значении. Это был какой-то новый совершенно лирический подход и к нашей истории, и к истории войны. Там была гражданственность, но это была лирическая гражданственность, настоящая. В ней не было такой политической полемики, эта гражданственность шла сама по себе.

В нем было все благородно, и слова были благородными, и музыка была благородна, его поведение человеческое было благородным. В общем, он какой-то пример в благородстве. А он был одним из последних людей, перед которыми было... в присутствии которых, не в присутствии лично, а при жизни которых было стыдно совершать какие-то поступки, потому что он мог бы заметить... А сейчас как-то все разболталось, развинтилось, и людей, перед которыми может быть стыдно, почти нет. Нам нужны нравственные примеры. Конечно, Сахаров и Окуджава – это совершенно разные фигуры, потому что Окуджава не изобретал атомной бомбы, после которой его начали мучить муки совести, тем не менее эти два человека были из тех людей, перед которыми могло быть кому-то стыдно.

– *Можно Вас спросить про «Шарманку-шарлатанку»?*

– А «Шарманка-шарлатанка»... Безумно нравилась эта песня, и это единственная песня Окуджавы, которую я пел не хором, а сам исполнял. Даже иногда перед иностранными слушателями, даже у меня был такой перевод импровизированный вначале. Булат как-то слушал, очень смеялся, потому что я пел по-другому, так яростно, бия себя в живот кулаком, закашливаясь якобы от того, что меня «под ребра бьют», хотя меня действительно не только якобы били под ребра, и продолжают это делать. И ему безумно это нравилось, он улыбался и смеялся, и сказал: «Тебе не страшно». Потом он неожиданно спел как-то однажды в моем присутствии: «Посвящается Жене Евтушенко».

(Поэт, очень артистично бия себя под ребра):

Расплата за ошибки – она ведь тоже труд.
Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют.

Инна Лиснянская:
*«Он был очень трезвый, и благодарный,
и благородный человек»*

– С 1957 до 1967 года мы очень тесно с Окуджавой общались. Потом появился Семен Израилевич <Липкин>, и поскольку он мужчина, и поскольку он хозяин, то появились его друзья, и так получилось, что связь со своими друзьями молодости, юности я потеряла. А с Булатом мы познакомились в 1957 году.

– *Вы помните где?*

– Помню где, да. Это было в доме <у Григория Левина>, не на «Магистрале», хотя мы дважды туда ходили. Я вообще против каких бы то ни было литературных объединений, мне кажется, для поэта это кошмар.

– *Вы не обсуждали с Окуджавой, что он думал о литературных объединениях? Он во многих участвовал.*

– Дело в том, что он начал песнями.

– *На «Магистраль» он пришел со стихами, еще без песен.*

– Может быть, он туда пришел со стихами, я не знаю. Я знаю, что мы познакомились у Левина дома. Бывшая жена Булата, Галя, аккомпанировала, он пел. Я помню, что я получила от него письмо в 1957 году, то ли он рецензировал что-то для «Октября» (и мои друзья послали мои стихи). Какое-то стихотворение ему очень нравилось. Там был Корнилов, которому всегда не нравились мои стихи, до позднего времени. И Булат пересказывал мне свой разговор с Корниловым: я говорю – какие хорошие стихи, а он мне – да она вообще бездарная. Мы познакомились у Левина и несколько раз там собирались.

– *Когда вы познакомились, он уже пел? А аккомпанировал...*

– Галя аккомпанировала. Весной 1959 года была командировка от Твардовского <от «Нового мира»>, и даже вагон дали... (Кажется, был еще Храмов, но я его очень смутно помню.) Первый раз в жизни я ехала в люксе. Пришел Булат и что-то спел на перроне. Он пришел уже с гитарой.

– Прямо на перроне пел?

– Да. Я машу им рукой, а он «Комиссары в пыльных шлемах» поет, и поезд уехал.

– *Ему нравилось петь в конце 1950 – начале 1960-х? Потом он был рад, когда забывали гитару.*

– Это потом. Тогда нравилось. Я поехала. На Таймыре я к какой-то бригаде прибилась, молодой. Я и сама была молодая. Пели, танцевали, в общем, самодеятельность. Они ездили на субботу-воскресенье. Попали к шахтерам. Они спросили: а что Вы ничего не делаете? Мне же неудобно говорить, что я приехала от «Нового мира», в командировку... Мне не хотелось их обидеть. Говорю: я вам буду петь сейчас. И стала петь: «Леньку Королева», «Ваньку Морозова», потом «Из окон корочкой несет поджаристой...» и еще что-то, по-моему, «Комсомолочку».

– *Как Вы помните, что Вы тогда пели? Вам нравились именно эти песни?*

– Тогда эти были. Я их запомнила. Я запомнила, что я пела, потому что целое дело было с этими песнями. Когда я им их спела, они стали говорить: ой, это наше, с зоны! Оказывается, там сидели и политические, и уголовники. И вот они пристали, меня не отпустили, пока я им еще несколько раз не спела. Они сказали: не может быть, это ведь народная песня! А я честно сказала: это будет народной песней. Пока же есть автор – Булат Окуджава. Кто это еще такой? Мы не слышали. Это написал зек, это народная песня. Мы хотим все слова. Я написала там все слова. Потом они подбирали мелодию на гитаре, пришлось снова петь. Они от меня не отступали, так и просили песни.

С этим я приехала. Это был мой главный аргумент, когда я потом сказала Булату: ни в коем случае не давай, чтобы <джазист Эдди> Рознер тебя иначе пел.

Я рассказала все Булату, как приехала. Он был невероятно счастлив. И вот осенью 1959 года, ранней осенью, приехал некто из Киева, мы встретились у того же Левина. В доме, а не в «Магистрале». И он меня спросил: где Вы живете? Я говорю: я-то бакинка. Ну где остановились? Я останавливаюсь у Аллы Рустайкис. Говорит, соберите поэтов. И Булата Окуджаву я хочу тоже записать. Собрались поэты. Такие, которые никогда бы вместе за один стол не сели, скажем, Куняев и Вознесенский, Ви-

нокуров и Корнилов, всех не помню. И Булат пришел. Все прочитали одно-два стихотворения, их записал этот человек. Потом Булат встал, поставил ногу на подножку стула, перекладину, ему дали немножко коньячку выпить, чуть-чуть. Он выпил немножко и пел. Очень долго пел. Сколько, я не знаю, но все, что у него было, спел. Тогда уже были и «Вы слышите, грохочут сапоги...», и «Арбат» был, это уж точно, потому что из-за этой песни потом разгорелся весь сыр-бор с Рознером. Это было в доме Рустайкис, на которую ссылается Лев Алексеевич <Шилов>, но он говорит, что было четыре магнитофона. Ничего подобного, был один магнитофон, с бобиной еще, на бобины записывали. Я получила одну такую бобину в подарок. И после этого вечера Вознесенский говорит: Булат, поехали вместе, приехала из Польши одна молодая женщина, очень обаятельная, прелестная. Она переводчица и хочет свести с польскими поэтами и переводить на польский наших хороших поэтов. Инна, поехали. И мы втроем поехали. Помню, остановились в гостинице «Украина», Вознесенский побежал покупать торт, а Булат стал напевать: «Неразменным золотым покачусь с ладони...»

– *Это все 1959 год?*

– Да, это история 1959 года. Потому что в 1961 году все его пели! Все уже запели его. Поехали к этой женщине, на другой день Булат пригласил на долму меня, приходить со стихами, еще кто-то придет со стихами и вот эта польская молодая женщина. Мы пришли, Ашхен Степановна приготовила долму. Потом начался литературный разговор. А я никаких стихов не принесла, и я вспомнила, что должна быть в другом месте совсем. Я от них уехала, пошли переводы. Очень вскоре был перезвон, Булат мне и говорит: «Я был еще раз у Рустайкис, она показала мои стихи Рознеру, и он сказал, что в «Арбат, мой Арбат» надо убрать «религию» и изменить музыку. Булат говорит: как ты думаешь, рискнуть все-таки? Пойдут слова, все-таки рискнуть? Я говорю: Булат, и не думай рисковать. Я же тебе только недавно рассказала, что творилось в этой шахте, когда я пела твои песни. Через полтора года, через год – все запоют. И все будет хорошо. Не отдавай. И он не отдал.

– *А не помните, что он мог позволить себе менять в стихах, чтобы они прошли?*

– «Религию» он мог менять. Например. Но тот же хотел музыку менять, это было самое главное!

– Это было самое главное?

– Ну конечно! Вы же умный человек, конечно, это самое главное...

– *Есть стихотворение, «Разговор с рекой Курой», его мало кто знает...*

– Я не помню.

– *Вот в том-то и дело. «Я тщательно считал друзей своих убитых. – Зачем? Зачем? – кричала мне река...». Когда кричит Кура, это отсылка к Пушкину, «На холмах Грузии...». Тот смысл, который был, когда кричала не река, а жена, совершенно исчез с этой переделкой. Я хотела понять, насколько он мог...*

– Нет, он мог что-то переделать.

– *Чтобы стихотворение пошло в печать?*

– Чтобы стихотворение пошло в печать. Какое-нибудь слово мог переделать, но никогда не давал, чтобы его по-другому пели. Я привезла эту бобину в Баку, она дошла до погранзаставы, там они ее прослушали и уничтожили, и всех, кто слушал, целый взвод, девять человек их, что ли, было, – всех посадили на пять суток на гауптвахту. Песен таких же не было никогда.

Потом уже ему надоедало. Он не всегда соглашался на выступления, говорил: «Заплатят – поеду, не заплатят – не поеду». Того безумного энтузиазма, который у него был в молодости, не было. Потом был разговор с ним о прозе. Нравится ли мне. Я говорю: нравится, Булат, нравится, но так же, как еще многая другая проза. «Почему как многая другая проза?» Ну, я не знаю почему. Вот песни у тебя единственные, потому что ты... как бы составляешь единство. Если я что-то и придумала, то вот эту метафору: если мы все второсоздатели, писатели, то ты не просто второсоздатель, а ты еще троица, второсоздатель-троица: твой текст, твоя музыка, твой голос, вот тут твоя сила. А, конечно, хорошая проза. Но она могла быть, могла не быть, никто бы от этого не пострадал.

– *Его это обижало?*

– Ужасно! Он говорил: «Ну что же ты такая вредная! Что же ты такая!..» Каждый раз он <к этому> возвращался. Он все хотел от меня добиться, чтобы я сказала, что проза его мне так же нравится...

– *Ему было важно разделение на «песни» и «стихи»?*

– Понимаете, он человек был увлекающийся. С одной стороны, он был человек очень увлекающийся, а с другой стороны – очень трезвый человек. И, понимаете, когда писатель занимается чем-то, ему кажется, что это самое важное. Так он был увлечен прозой. Его ужасно раздражало, что я говорю, что песни мне все равно больше нравятся. Он все время говорил: «Ну, что такое! Ты все-таки вдумайся! Ты больше не проси, я песен петь не буду!» Потом он мне кассеты прислал, пластинки прислал. Нет, мы с ним не ссорились, с ним никогда не ссорились. Последнее время мы, наоборот, очень сблизились, хотя издалека. Мы здесь <в Переделкинне> встречались. Года три или четыре подряд мы встречали Новый год у него на даче. Он приезжал за нами, и я, он, все мы уезжали вечером, двое друзей его, Булат с Олей и еще две пары. Я помню, как Булат сказал: «Как хорошо мы сидим! Как хорошо мы встречаем Новый год! И все без комплексов. Надоело, все с комплексами». После того как он это сказал, через какие-нибудь 40 минут он говорит: «Вы видели рейтинг песен бардов? Я предпоследний там!» Ну, Булат, мы же договорились, что мы все без комплексов! Он стал хохотать.

Часто мы перезванивались. Он и из больницы звонил, и я ему сюда, на дачу. Я говорила: как ты там будешь жить? Он говорит: я сам все люблю готовить, я люблю быть один, в отличие от тебя. Я себе сам все закупаю, сам готовлю. И он звонил из больницы мне, уже в последнее время. И он начинал так: «Только не ври. Что ты сейчас делаешь?» Я говорю: «Курю, Булат». Мне, говорит, запрещают. Но я, говорит, что делаю. Я ложусь, тогда я меньше хочу курить, потому что лежа я никогда не курил, всегда сидя или стоя.

Была еще смешная поговорка – «Когда приедем комаров морить». С чего это пошло? Мы были в Доме творчества, и там морили тараканов. А у меня аллергия. И меня в коттедж, в какую-то комнатку сунули, чтобы я пережила это. И тут зовут: Окуджава к телефону просит. А я в будку не могу зайти. Ну и <Семен Израилевич> пошел и говорит: «Булат...» А он говорит: «Да мне Инна нужна, я написал ей стихотворение, хотел прочесть по телефону. Мы на днях не встретимся, хотел ей прочесть». У него есть одно мне посвященное...

– *«Что нам досталось, Инна, как поглядеть окрест? Прекрасная картина сомнительных торжеств...»*

– Да, именно там, «картина»... и тараканов море. Я, правда, сказала «комаров», потому что к тараканам я равнодушна, а комаров я не могу терпеть. Мы потом это обсмеяли с Булатом, я пришла к нему,

посидели, смеялись, говорили про комаров, про все, что творится вокруг, он очень был расстроен тем, что подписал это письмо, в 1993 году*. Я говорила: все бывает. Разговаривали. А потом мы

* Письмо 42-х, опубликованное после расстрела Белого дома, 5 октября 1993 г., и вызвавшее очень сильную критику в адрес подписавших его литераторов, среди которых были Алесь Адамович, Виктор Астафьев, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Татьяна Бек, Василь Быков, Борис Васильев, Даниил Гранин, Юрий Давыдов, Юрий Карякин, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, академик Лихачев, Юрий Нагибин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Роберт Рождественский, Мариэтта Чудакова: «Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.
2. Все незаконные военизированные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).
3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно наконец заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны незамедлительно отстраняться от работы.
4. Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывавшие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одними из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд»), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.
5. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.
6. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют «судом над ГКЧП».

уже так и говорили – когда он приедет сюда комаров морить? И вот последний раз он мне позвонил перед отъездом, сначала он поехал в Германию, потом <в Париж>... Я ему: «Булат, давай приезжай сейчас морить комаров. Что ж ты поедешь, ты только из больницы, поедешь в другую атмосферу...» Он говорит: «Не могу, хочу увидеть Париж. Вот я немножко заработаю, поеду в Берлин, немного заработаю, поеду в Париж, потом уже приеду, будем морить комаров, жди меня». И все.

– *Был какой-то повод для этого стихотворения, Вам посвященного?*

– Стихотворение написал, и письмо, как он меня любит, такое, знаете... Я не знаю, ни с того ни с сего. У него бывало, ни с того ни с сего. Он брал книжку, может, у меня вышла книжка, в каком-то там 1991 году. Как-то я больше придавала всегда <значение> дружеским отношениям, а разговоры... Но он мне помог в одном деле.

Мне казалось, когда я пишу, дальний опыт ничего не дает. Часто <больше> дает опыт близкого, современника, чем, скажем, Пушкина. Потому что не воображаешь, не можешь себе представить. Я если писала, скажем, от первого лица, то я уже писала все как бы как есть. Если кого-то описывала, второе лицо, то оно было так, как оно есть. И вот тут Булат сыграл какую-то роль в моей жизни: я стала понимать, что я могу вобрать в себя многие судьбы и вписать другого, другой портрет. Пришла к нему, помню, в «Литературку», там была маленькая комнатуха, он сел, достал гитару: сейчас я тебе спою, а ты скажи, как ты себя там узнаешь. Поет мне про муравья. «И тени их качались...» Я говорю: Булат, я-то тут при чем? А вот при чем: «Пальто и туфельки я списал с тебя» («...и целовал обветренные руки / и старенькие туфельки ее». – О. Р.). А у меня было вечно рваное пальто, старое, и туфли, вечно рваные, потому что если появлялись деньги, то они уходили на общую нашу водку, на застолье, а так я всегда говорила (идем, дождь): «Подождите» – снимаю туфли, выливаю дождь. У меня одно есть, посвященное ему, стихотворение, там я пишу, как мы шли, из туфель дожди выливали. Он говорит: я с тебя списал, это твое пальто. И я вдруг поняла, что да – потому что когда я

-
7. Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!»⁸

пыталась фантазировать о другом, иначе, мне казалось, что я неправильно делаю, не так, что надо точности той придерживаться.

– *Это, наверное, 1959 год?*

– Да, да. Я не знаю точно, но наверное, потому что тогда уже было «Мне нужно на кого-нибудь молиться».

– *А в «Магистрали» Вы с ним никогда не встречались?*

– Виделись, но я там редко была, мне это было скучно. Войнович звал меня: пойдём. Или Булат звал: пойдём. Мы приходили, но мне это было скучно.

– *Это тоже примерно 1959-й, так?*

– Да, 1958-й, 1957-й, так. Это начало. <Я была> против выступлений, против объединений всяких литературных. Мне все это казалось никчемным, лишним, ненужным, путающим. Там без конца провозглашались лозунги, и все это было советское такое. Я жила без всяких иллюзий, с самого начала. Я с детства была лишена иллюзий по поводу Сталина, или жизни, абсолютно. Поэтому меня эти объединения никак не привлекали.

– *А сами Вы читали стихи на «Магистрали»? Были Ваши?..*

– Один раз был. Это был 1958 год. Уговорил меня Левин, прямо умолил, и я прочла два стихотворения. А жили недалеко, одна станция. Мне ничего не стоило добежать от Красносельской до Сокольников. Стал Левин говорить о моих стихах, а я помчалась, потому что мне должны были из Баку звонить, из дома. Я уже поговорила по телефону, прихожу, а он все продолжает говорить, он думает, что я там! Он все еще продолжает.

Он был большой энтузиаст. Он, когда начинал говорить, если уж ему нравилось, говорил долго-долго-долго. Оттуда вышли Нина Бялосинская, Аронов. Булат <Левина> очень любил. Очень любил, помню, его всегда. Он был человек благодарный. И потому, что там он читал свои стихи, и потому, что у Левина дома пелись его стихи. Он был очень трезвый, и благодарный, и благородный человек. Поэтому он всегда Левина помнил, он всегда о нем вспоминал, он помнил Левина и эти годы, что он приходил к нему. Ему нужно было общение. Вскоре ему это общение уже не понадобилось. Тогда еще нужно было.

– *Ему нужно было общение и, наверное...*

– Спеть хотелось. Спеть хотелось, прочесть хотелось. Потом он уже нервничал. У него было три этапа нервничанья. Сначала он был счастлив, что песни. Потом пошли песни, и уже он ревновал музыку к словам. У него какие-то сомнения: а вдруг это отдельно не считается? Ну хорошо, а если музыку отбросить? Ну, понимаешь, хорошо, все равно хорошие стихи, но с голосом и с музыкой лучше. Потом началось – не стихи, не песни, а проза. Тут у него были какие-то внутренние сомнения, у каждого они бывают, у самого хорошего. Он себя вел всегда скромно, он никогда себя не выпячивал, никогда не совершал бесчестных поступков. Он вообще ценил в человеке доброту. Булат был очень добрый. Всегда был очень добрый. Мог неудачному поэту, я знаю даже кому, написать очень спасительные слова... «Как он там живет?» Я говорю: да плохо живет. Он говорит: а может, написать ему? Я говорю: да, напиши ему какое-нибудь хорошее письмо про его стихи. И он написал.

– *В «Метрополь»* Окуджаву звали, но он не пошел?*

– Ну, правильно он сделал. Он как-то отстранился, как-то это осудил. Но ему это не нужно было, понимаете? У него другое было положение. Я не знаю, как бы Булат поступил, если бы продолжали не печатать, на сцену не выпускать. Может быть, он тоже бы дал <что-то в «Метрополь»>. А он еще член партии был. Я помню, как он мне говорил, да вы что! Он с Панченко Колей, они дружили... Мы сидим, и Булат с Колей мне говорят: «Вступай в партию!» – «Да ты что, с ума сошел, разве можно к этим инвалидам идти!» – «А мы вступили!» Я говорю: да как, зачем? У меня не было иллюзий просто. Он говорит, ну как, надо обновить ее изнутри. Да как можно обновить этот идиотизм изнутри!

– *Это когда могло быть? Он вступил в партию в 1955-м.*

– Значит, это был где-то 1957, 1958 год. <Когда «Метрополь» готовили>, мы тогда мало виделись. Я ведь вам сказала, <мы общались> до 1967 года включительно, а потом мы опять возобновили <общение> как-то в конце 1980-х. Один раз он привез мне

* «Метрополь» – альманах неподцензурной литературы, изданный тиражом 12 экземпляров в 1979 г. Среди участников – Василий Аксенов, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Семен Липкин, Инна Лиснянская, Владимир Высоцкий, Генрих Сапгир, Фридрих Горенштейн.

из Парижа, из «Континента», маленький гонорарчик, я была у Ахмадулиной, он подъехал, мне привез. Как-то перезванивались, но очень редко. Был провал, не в отношениях, не в дружбе, а в ситуации. Но когда Семен Израилевич лежал в больнице, его не хотели оперировать, и Ахмадулина ходила, и все, и, наконец, Булат с пластинкой пришел и передал главному пластинку. <Тот> прооперировал Семена Израилевича и ему жизнь спас. Но Булата он всегда обожал, этот профессор, хирург.

У него вообще трудные были отношения с печатью.

– У Окуджавы?

– Конечно.

– В 1959-м вышла уже вторая книжка. Первая была в Калуге. А вторую Антокольский рекомендовал в «Советский писатель».

– Антокольский ее рекомендовал, взяли, опубликовали. Но это ничего не значило, тогда очень важно было напечататься в журнале.

– Вы говорили, что Вы несколько раз уничтожали Ваши тетрадки.

– Это про меня.

– У Окуджавы сохранились тетрадки начиная с 1970-х годов. Как Вам кажется, он мог какие-то свои...

– Мог, мог.

– Это похоже на него?

– Да, если ему не нравилось, он мог, мог, вполне это представляю. Он же и вспыльчивый был по-своему человек.

– А Вы помните чтение стихов друг другу?

– Я помню, но я не могу назвать, какие именно стихи он читал.

– Как он реагировал на обсуждения? Ему важна была реакция?

– Важна была. Но спокойно. Он все-таки...

Лидия Либединская:

*«Он читал одно стихотворение, “Капли Датского короля”,
и все, больше ничего ему не разрешали»*

– Мы познакомились в 1969 году, во время поездки по Сибири. Очень много народу ездило, поездка была посвящена столетию Ленина. Нас было человек 80, из всех республик. Это была смешная поездка. Людей перемешать нельзя. У нас там была такая группа, мы их называли «легальные марксисты»: Прилежаева, которая писала о Ленине, Бровман, было много их. Но мы с ними не общались, у нас была своя группа. Там была Маргарита <Алигер>, был Булат, Женя Храмов, Гриша Горин, его тогда только приняли в Союз <писателей>, он был очень горд, хороший такой. Сережа Давыдов из Ленинграда, замечательный совершенно человек и поэт. И вот мы так и держались нашей группой. Еще был Володя Торопыгин, он тогда был редактором журнала «Костер». 40 дней ездили по всей Сибири, окончили в Норильске. Тогда в Москве не было тарелок, не продавали тарелки. Не было в магазинах. А в Норильске были. И я купила, не себе только, а всем, 40 тарелок. Тяжело было их носить, знаете, какая тяжесть. Не какой-то тонкий фарфор, а такие кондовые советские тарелки. Булат нес. Говорит: «Лид, я теперь понял, что такое летающие тарелки».

Но я Вам должна сказать, что для Булата это было, конечно, испытание. Потому что ему не давали выступать. Он не пел ни разу. Он читал одно стихотворение, «Капли Датского короля», и все, больше ничего ему не разрешали*.

– *А у Вас была строгая программа, выверенная, заверенная печатью?*

– Ну, наверное, конечно. Я не знаю.

* «Капли Датского короля» завершает строфа: «Если правду прокричать / вам мешает кашель, / не забудьте отхлебнуть / этих чудных капель. / Перед вами пусть встают / прошлого примеры... / Капли Датского короля / пейте, кавалеры!»⁹ Вероятно, для слушателей Окуджавы это стихотворение значило что-то такое, что они задавали ему вопросы о недавно исключенном из Союза писателей Солженицыне и об одном из первых невозвращенцев этих лет Анатолии Кузнецове, авторе «Бабьего яра», который в сокращенном виде был опубликован в «Юности» в 1966 г. См. воспоминания о той поездке в Иваново Тамары Жирмунской, несколько отличающиеся в деталях¹⁰.

– Сам он тоже иногда отказывался, когда его просили петь.

– Там его не просили. То есть его просили, мы приезжали в стройотряд... Это был момент, когда вся страна пела Булата. А ему не разрешали, он говорил, что у него голоса нет... Это было очень тяжело, конечно. Потом мы сели на пароход, на котором плыли от Красноярска до Норильска, до Дудинки, это было довольно долго, почти целую неделю мы плыли. Кроме нас, никого не было на этом пароходе. Там он пел нам, и команда просила. И в Норильск когда приехали, там были еще тогда такие вольные нравы после разоблачения Сталина, они его и в кафе водили, и в гостиницу к нему приходили, и чего только они с ним не делали. Нежили и холили.

А потом в этом же году, это было... Значит, мы ездили летом, 14 июля выехали в эту поездку, и ездили до конца августа почти... А осенью мы поехали в Иваново. И там ему опять не разрешали <петь>. Из Иваново нас повезли в (видимо, Палех. – О. Р.). Нас туда привезли, я иду... Холодно уже было. Булат в какой-то кофточке, без шапки, стоит такой расстроенный. Я говорю: «Что случилось, Булат, что с Вами?» Он говорит: «Ну вот, посмотри<те>». Дает мне местную газету. Месячной давности. И там стихи руководителя их писательской организации, я забыла его фамилию, но это легко установить: «И злые ритмы Окуджавы несли растление души». Он говорит: «Лид, если они про меня пишут такое, зачем они меня зовут?» Говорю: «Хотите, я им по морде дам? Этому...» Он говорит: «Ради бога, но только чтобы скандала не было». Ну, я пошла. Там был Марк Лисянский, он тоже пришел, увидел, что я говорю: давай пойдем, скажем ему, что мы про него думаем, этому секретарю, председателю. Мы его отругали как следует.

– Он не испугался?

– Ни черта он не испугался. Ему наплевать. Он делал, что ему веляли. А вечером... Там был очень хороший театр, в Иваново. Не государственный, не самодеятельность, не знаю, как это назвать, но очень хороший театр, его все знали. И вот там был концерт, вечер Булата, это все было хорошо.

А потом он у меня был в гостях, Булат. Мы после той поездки по Сибири каждую неделю встречались где-нибудь, у кого-нибудь из тех, кто ездил. У Булата, правда, дома мы не были. Были у Гриши Горина, у Жени Храмова встречались, у меня много раз.

– Был период, в 1970-е, когда новых песен Окуджава не писал, а старые петь на выступлениях не хотел. Было время, когда в своей компании он отказывался петь?

– Мы его не просили. Мы понимали, что... Он с таким удовольствием выпивал, разговаривал, байки какие-то рассказывал. Для него все-таки это было... Он даже без гитары сюда приезжал. Он же не мог все время быть в этом.

– *Его раздражало?..*

– Да, раздражало где-то, раздражало.

– *Лидия Борисовна, в энциклопедии «Москва» Вы пишете об Окуджаве и упоминаете слово «шестидесятник». Что Вы в это вкладываете? Кого Вы этим словом обозначаете? Какое-то конкретное поколение?*

– Шестидесятники – это все появившиеся в начале 1960-х, новые они были.

– *Все, кто тогда появился в литературе? Все?*

– Да-да-да.

– *Себя Вы относите к ним?*

– Нет, я не отношусь к ним. Я не знаю, шестидесятник Булат или нет. Он, скорее, военного поколения, понимаете. У него лучшие черты военного поколения. Про Гришу Горина ведь нельзя сказать, что он шестидесятник.

– *Мне кажется, военный опыт – очень значимый опыт шестидесятников.*

– Самойлов не был шестидесятником. Его в 1960-е никто не печатал еще*.

– *То есть Вы называете шестидесятниками только тех, кто печатался?*

– Да, кто печатался, кто как-то высказывался... Евтушенко.

– *А почему Вы Ахмадулину к ним не относите?*

* В 1958 г. вышли «Ближние страны» Самойлова, в 1963 г. – «Второй перевал», в 1967 г. – «Слоненок пошел учиться».

– Не знаю. Она настолько аполи... У шестидесятников какой-то налет политики был все время, а у нее не было. У нее совершенно этого не было, никогда, и сейчас нет.

– *Как Вы соотносите диссидентство и шестидесятничество?*

– Да, это очень связано. Не обязательно диссидентство, были правоверные шестидесятники, такие как Сарнов. Он тоже шестидесятник. А Юра Давыдов не шестидесятник.

– *Ирина Павловна Уварова говорила мне, что они с Юлием Даниэлем воспринимали этот роман, когда еще отдельные фрагменты им Окуджава показывал, как роман о них, об их поколении.*

– Да, в какой-то степени, конечно.

– *Да? Для Вас тоже так?*

– Конечно, конечно. А у Булата все, даже его «Шипов» – разве это не про него? Это тоже про него. Но вообще людей делить трудно. Потому что люди одного поколения – в той поездке сибирской я это поняла – совершенно разные. Наши ровесники, «легальные марксисты», – что с ними делать? А с другой стороны, Кассиль был с нами, очень хорошо выступал. Там главное было выступать, выступали по четыре-пять раз в день.

2005 г.

Юрий Давыдов:
*«Это не портретирование, это его мысли
по каким-то там его же сюжетам»*

– Я думаю, что он посвятил стихотворение не по какому-то внутреннему родству чего-то со мной, а просто когда он писал, он подумал, вспомнил обо мне.

– *«Нужны ли гусару сомненья...»*

– Это не портретирование, это его мысли по каким-то там его же сюжетам, и каким-то его же воспоминаниям. Ну, где-то внутренне они, очевидно, соприкасаются со мной. Что было? Я сидел дома, он сказал: «Не можешь ли ты приехать, выпьем по чашечке кофе?» И я приехал, он мне протянул листок, который где-то у меня и должен быть. Это его рукой написано. Булат Шалвович считал свои произведения неисторическими, так? Прозой. Я считал свои чисто историческими. Он в архивах не работал, я в архивах работал. Но отношение к истории где-то у нас пересекалось.

Наверно, уже это вспоминали многие, но я должен сказать: у Булата была глубочайшая внутренняя благожелательность к людям, которые ему по каким-то сторонам были симпатичны.

Вот я попадаю в больницу, например, но это, видимо, не только со мной. Раздается звонок дома. Сразу первый вопрос: «Деньги нужны?» – «Нет». – «Будут нужны, прошу звонить».

Сидим на заседании PEN-клуба. Наша сотрудница обходит с листом, где написаны фамилии неплательщиков взносов. И мы по дороге все расплачиваемся. Он заглядывает к ней, видит фамилию Дудинцева: «Родственникам не говорите, я заплачу, в больнице лежит, не надо его трогать». Тихо, спокойно. Никто чтоб не видел, ничего показного, ничего бьющего на эффект, никогда.

Третий случай: кто-то был в ссылке, мы собирали по копейке ему послать. Входит Булат и вдруг жестким голосом говорит: «Хватит, я ему послал столько, что ему на два года хватит». Вот это Булат.

1999 г.

Протоиерей Александр Борисов:
*«Он всегда был очень заинтересован, всегда
внимательно слушал, это не было для него
формальностью»*

– Я был в комиссии по помилованию* с момента создания, в 1992 году. Я тогда был депутат Моссовета, и Анатолию Игнатьевичу <Приставкину> меня посоветовал включить в комиссию отец Глеб Якунин. Он был тогда депутатом Верховного Совета, тогда и Сахаров был депутатом там, и много других известных людей. И он Анатолию Игнатьевичу посоветовал меня. И Анатолий Игнатьевич мне позвонил, предложил это дело и сказал, что там будут и Лев Разгон, и Булат Шалвович. Там позже уже были Марк Розовский, Феликс Светов... Я, должен признаться, немного даже испугался. Испугался, что вдруг при личном знакомстве образ Булата Шалвовича будет не тот, какой из песенки.

Все мы, конечно, пели его песенки. Это началось в 1960 году, впервые я услышал это имя, песни. «Из окон корочкой несет поджаристой...» Ездили со студентами на студенческие каникулы, на автобусе. И тогда еще не знали, Окуджава – это мужчина или женщина. Все распевалось. Очень было все близко и отражало наши мысли и чувства. И я несколько испугался, что вдруг личный образ разойдется с тем, что знаешь об авторе только из песен.

Но, к счастью, этого совершенно не произошло, все совершенно совпало. Абсолютно, полностью. Именно такой – обаятельный, очаровательный, совершенно душевный, из таких замечательных ярких людей, которых мне в жизни приходилось знать. Это было, конечно, совершенно замечательное знакомство и общение. Мы на заседаниях комиссии друг против друга сидели.

– *Было у каждого свое место?*

– Да, был такой длинный стол, как обычно в кабинете. Это был кабинет Пуго, между прочим, печально известный. И Булат Шалвович практически всегда был, на всех заседаниях. Я тоже. Пропускали, конечно, но крайне редко. Заседания были каждый вторник... Он был, конечно, совершенно замечательный рассказ-

* Комиссия по помилованию при Президенте РФ создана указом президента от 12 января 1992 г., упразднена указом президента от 28 декабря 2000 г.

чик, компанейский человек. Это особенно открылось, когда мы вместе ездили в Германию, познакомились с практикой помилования там... Как раз только-только Германия объединилась. В поездке он замечательно себя проявил, замечательный человек, очень хороший. С ним всегда было интересно.

Особые истории трудно рассказать. Вспоминается, что он частенько рассказывал истории про себя. Причем всегда критично очень о себе рассказывал, не в лучшем свете. Но вообще человек был такой скромный, то есть слава его абсолютно не испортила. Я даже сделал такое предположение и его спросил: «Булат Шалвович, а, наверное, Ваша слава Вам не вскружила голову потому, что Вы самое главное испытание прошли задолго до того, как стали известным человеком. По сравнению с тем, с чем Вы встретились во время войны и после, – это уже...» – «Ну да, пожалуй, так и было». Он охотно согласился. Он занятно говорил: «Да, отец Александр, – он меня “отец Александр” называл, – моей жене Ольге было бы интересно с Вами пообщаться тоже. Она верующая, а я... нехристь. Меня не крестили, а “звездили” (в прозе – “октябрили”. – О. Р.)».

– *Я как раз хотела спросить: вы обсуждали религиозные вопросы?*

– Практически нет. Специально об этом – нет. Он: «А, я безбожник». Так он себя, как всегда, скромно, уничижительно... Хотя, конечно, он был то, что сейчас называют – анонимный христианин. Он, конечно, по сути своей был человек глубоко христианский, нравственный...

– *Вам это кажется по стихам или по нему самому?*

– И по нему самому, и по стихам. Это совершенно очевидно. Скромный всегда, никакого барства. Готов всегда был чего-то подписать, прошение в защиту кого-то, чего-то. Очень простой в общении, всегда это было. Непритязательный. Там как <в поездке>, по ресторанам – он всегда очень просто себя вел, очень непосредственно. Всякие истории про себя любил рассказывать, которые Вы и так, наверное, знаете.

– *Какие истории?*

– Например, историю, как однажды... По-моему, Юнна Мориц это была... Было их совместное выступление. Булат Шалвович, а она в начале. «Народ ломится, конная милиция, все как положено...

Я такой, упоенный славой, пока она там выступала, народ разговаривает, ждет... Она поговорила с полчаса, потом я... Окуджава, Окуджава... Аплодисменты... Потом едем мы с ней в такси, и она говорит: “Вот я недавно выступала с Женей Евтушенко, и он так меня подал, что меня слушали так же внимательно, как его”. И я подумал: “Ах я подлец! Упиваюсь славой вместо того, чтобы...”». Такая очень характерная для него история.

– *Они обычно были самоироничные, эти истории?*

– Да, да, да. Всегда. Одна из его историй, как его, учителя, попросили где-то выступить перед колхозниками, рассказать об Александре Сергеевиче Пушкине. Он начинает: «Александр Пушкин был великий русский писатель, написал то-то, то-то и то-то... Ну, вообще-то у меня все». Все разочарованно: как же так – все? (Булат Шалвович рассказывал гораздо более смешно.) И так, говорит, мне было горько, что вот нечего сказать... Было это или не было – сказать трудно. Скорее всего, он это придумал.

– *У него есть такой рассказ, «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова». У него вся автобиографическая проза очень самоироничная.*

– Он рассказывал эту историю, как раз когда мы были в Германии, в российском посольстве в Бонне. Кто-то должен был приехать, какие-то то ли артисты, то ли певцы. Никто не приехал, только мы, эта наша делегация, и работники посольства. Нас человек 30–40 было. Получилось автоматически, что он должен как-то выручать ситуацию. Он вышел на сцену... И рассказывал просто. Рассказывал о себе, о том о сем. Часа полтора, наверное... С неслабевающим вниманием все это было.

Истории рассказывал о себе. Как однажды ехал с дачи (он водил машину). И кого-то он высаживал на Ленинградском шоссе, где-то на уровне метро «Речной вокзал». Высадил, они на метро пошли, а он поехал дальше. И вдруг его милиционер останавливает. «Говорит: “Водитель, выйдите”. Я выхожу. Он говорит: “Водитель, вы ведь пьяны”. Потом сразу меня узнал, говорит: “Булат Шалвович, давайте я сейчас передам пост и Вас до дома довезу, потому что в таком состоянии опасно водить”. Не оштрафовал. Посадил, до дома довез. Уже подъезжаем, и я говорю: “Как вы догадались, что я пьяный? Я же ехал, вроде бы ничего не нарушал”. – “А Вы кого-то высаживали, – говорит, – за километр от меня, что-то уронили, я видел, минут двадцать поднять не могли”».

– *А как обычно проходили заседания? Формально?*

– Нет, нет, совершенно не формально, но на полном серьезе. Нам давали до этого дела, на каждом заседании порядка 200 дел мы рассматривали.

– *На каждом заседании 200 дел?*

– Да. Но нам раздавалось резюме, кратенькое...

– *Каждому все 200 дел?*

– Да. 150–200. Как правило, умещалось на одной-двух страницах каждое резюме, по рубрикам: сколько сидел, сколько отсидел, какое совершил преступление, судим – не судим ранее. Когда совершил преступление: 1 мая, 7 ноября – понятно, что по пьянке. Выпускник детского дома – тоже понятно. Характеристика, несколько строк: «На путь исправления не встал». Или наоборот: «Твердо встал на путь исправления». Это было довольно долго, часа четыре-пять мы сидели. В каких-то случаях голосовали, в каких-то было само собой... Мы ж не только убийц, были и разные другие...

– *С самого начал работы комиссии был только вопрос о смертной казни?*

– Нет-нет-нет. Там все были. Каждый человек. Все, кто подавал прошение президенту о помиловании. И помилование совсем не означало, что человека выпускали на все четыре стороны. Сокращение срока, замена на условно-досрочное. Помню, районный прокурор, совершил убийство, убил женщину. Какая-то дурацкая совершенно история. Он написал обращение: «В камере смертников сижу, и, Господи, если Ты есть, почему я здесь оказался?.. – Потому что совершил преступление. – А почему я совершил преступление? – У тебя свобода воли, ты можешь выбирать. – Но зачем мне эта свобода, если она привела меня в камеру смертников?.. Я чувствую, что голос, который во мне говорит, – не я сам. Я следовательно, сам прекрасно понимаю, что может сказать человек от себя, а что явно не его. И вот голос – без свободы ты не был бы счастлив». И я как-то понял, что это действительно было обращение. Я, когда пришел только, сразу попросил те адреса, где ожидают высшей меры исполнения, написал типовое письмо и послал Евангелие. С предложением ответить, если заинтересует. Мне много ответило, около ста человек. С кем-то наладилась переписка, с кем-то нет, но Евангелие

всем посылал. И я говорю, что человек вот пишет, и я вижу явно, что это не просто блатная фразеология, а действительно реальное обращение человека к вере, что он покался.

Булат Шалвович сказал: и другие то же самое, под страхом смерти напишут, что вы... Я говорю: нет, знаете, я же как священник профессионально вижу, как человек говорит о своей вере. Семь против шести, с одним голосом перевес. Мы специально договорились, что даже если перевес один голос, то решаем в пользу.

Был еще очень смешной эпизод, шутка. Какого-то человека судили. Он был то ли грузин, то ли армянин. Преступление, не очень тяжкое, среднее, не помню даже о чем. А запомнилось: Булат Шалвович говорит – ну, как армянин я готов его помиловать, но как грузин – ни за что! Или наоборот.

– Вы помните Окуджаву в дискуссиях? Может быть, были у вас споры? Или, наоборот, позиции, когда известно, кто за что обычно выступает?

– Он, конечно, всегда был против смертной казни. Он всегда был очень заинтересован, всегда внимательно слушал, это не было для него формальностью. Как и для всех остальных. Помню, говорили: зачем рассматривать, человеку осталось полгода отсидеть. А Лев Эммануилович <Разгон> говорит: «Нет, вы знаете, – он сам лет чуть не 12 отсидел, – важен каждый день, каждый день важен».

– Окуджаву иногда спрашивали на вечерах про его работу в комиссии, и его ответы были не похожи на Ваши. Он не говорил, что если была возможность человека спасти, то он голосовал «за», – он рассказывал, что бывают такие случаи, когда невозможно помиловать. Его спрашивали: и что, рука Окуджавы поднимается «против»? Он говорил: да, иногда поднимается. Он говорил про эту самую тяжелую сторону вашей работы.

– Да, да. Чикатило, скажем. Все-таки отклонили прошение о помиловании. Таких эпизодов было немного, это правда. Особенно когда это связано с насилием по отношению...

– Он рассказывал про то, как отец насиловал трехмесячную дочь, про то, как сидят вытывают муж, жена, их друг. Женищина спрашивает этого друга: что ты сопли распустил? И он ее убивает.

– Да, да. Такие истории были, конечно. Но сейчас-то, видите, с тех пор прошло еще 13 лет, так что многое забылось. Тогда-то, когда

<Окуджава> рассказывал, это были свежие буквально... А сейчас-то сама комиссия 13 лет как закончила свое существование. Но среди помилованных комиссией рецидив был – пять процентов всего.

– *Есть такая статистика?*

– Да. Рецидив у помилованных комиссией был пять процентов, а обычно – пятьдесят-семьдесят процентов. В десять раз меньше. То есть простого взгляда достаточно было, чтобы понять, что человека нечего держать в тюрьме.

– *А много было случаев, когда речь шла именно о смертной казни?*

– Нет. Конечно, их было меньшинство. Большинство – это преступления средней тяжести, воровство.

– *Но бывали случаи, когда речь шла о смертной казни и вы не миловали, комиссия не миловала?*

– Да. Это были редкие случаи, такие, как мы называли. Чикатило. А в случае с капитанами столкнувшихся судов сразу всех помиловали («Адмирал Нахимов» и «Петр Васёв» столкнулись 31 августа 1986 г. Погибли 423 человека. – О. Р.). Они уже две трети отбыли. Было правило, что после отбытия половины срока человек имел право подавать прошение президенту. И для обстановки в лагере это было очень позитивно, когда перед строем зачитывали, что Президент РФ Борис Николаевич Ельцин подписал указ о том, что такому-то, ввиду хорошего поведения... Весь лагерь видит, что письмо до президента дошло. Комиссия в этом отношении была, конечно, важным инструментом. Тем более что люди собрались хорошие. Можно сказать, цвет нашей интеллигенции.

– *Что Вы должны были делать, помимо этих вторников? Была же какая-то нагрузка, кроме них?*

– Эти дела просматривать.

– *Я видела в архиве Окуджавы справку: один из членов комиссии заказал столько-то дел, другой столько-то. Что это значит? Вы отвечали за определенные дела или просто заказывали что-то, если хотели разобраться?*

– Второй вариант.

– *Насколько тяжело это было эмоционально – вся эта работа?*

– Эмоционально было тяжело, когда приходилось отклонять прошение. А в основном это было скорее позитивное состояние, оттого что действительно многим людям удалось помочь выйти раньше из мест лишения свободы.

– *Почему люди шли в эту комиссию? Почему именно в эту? Можно было как-то иначе делать благие дела?*

– Во-первых, пригласили.

– *Приставкин сам приглашал?*

– Да, всех обзвонил. Он собирал комиссию. И Булата Шалвовича предлагал, и Розовского... Кого-то мы предлагали, когда кто-то выбывал. Один человек, я помню, ушел, Бовин. Я нашего прихожанина Владимира Илюшенко предложил, он историк. Там замечательные люди были. Юристы, психологи. Позитивное все-таки перевешивало: мы принимаем посильное участие в том, чтобы люди не сидели зря.

– *Окуджава был в комиссии до 1997-го, до конца?*

– Да, до конца.

– *Что-то менялось в этой работе? Она становилась более?..*

– Да нет, в общем-то. Мы просто стали быстрее ориентироваться в этих всех делах. И все были люди, пережившие достаточно много. Кто-то и участник войны был, кто-то сидел.

Против помилования всегда выступал Аркадий Вайнер. И часто оставался в меньшинстве, что ему было, конечно, неприятно. «Брутальный преступник совершил... Мы должны думать о безопасности граждан!» По-моему, человек шестнадцать было. Замечательные дамы у нас были. Женя Альбац. Мариэтта Омаровна Чудакова.

Я тогда недооценивал эту работу. Мне казалось, что и без нас суды решат, мне даже казалось странным, когда Лев Разгон говорил, что как хорошо все-таки, что мы это делаем, такое важное дело! Мне казалось, что мы немножко преувеличиваем свою зна-

чимость. Сейчас я вижу, что нет. В начале 1990-х казалось, что все естественно произойдет.

– *Окуджава – какой? В эти последние годы?*

– Он всегда ровный был.

– *У него в это время очень много публицистики в стихах. У него было много резких высказываний...*

– Да-да. Приходит: вот я такой стишок придумал. Как раз 1993 год. «Кухарки лежат под стеной у Кремля. /В отставке кухаркины дети. /Кухаркины внуки шумят у руля, /а я почему-то в ответе». А на следующей неделе приходит – о, говорит, я изменил – «...и я не случайно в ответе»*. Он всегда мог пошутить – не серьезное «Я сейчас прочту...», а с юмором, с самоиронией.

– *Обсуждали ситуацию 1993 года? Или после?*

– Нет. И так всем ясно было, что там обсуждать.

– *Я смотрю в свою шпиргалку и понимаю, что все, что хотела у Вас спросить...*

– Я очень мало что могу рассказать, но то, что он человек замечательный, – было очевидно. По уровню своей душевной организации, по значимости, я могу его сравнить с отцом Александром Менем.

2013 г.

* См. у Окуджавы в «Чаепитии на Арбате»: «Кухарка схоронена возле Кремля. / В отставке кухаркины дети. / Кухаркины внуку снуют у руля: / И мы не случайно в ответе»¹¹.

Примечания

«Я свое предназначение выполнил...»

- ¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 596.
- ² Там же. С. 361.
- ³ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 44.
- ⁴ Там же. С. 45.
- ⁵ Булат Окуджава: Я свое предназначение выполнил / [Беседовал] Д. Левшинов-Лукавской // Известия. 1997. 14 июня.
- ⁶ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 561.
- ⁷ Там же. С. 408–409.
- ⁸ Там же. С. 411.
- ⁹ Там же. С. 157–158.
- ¹⁰ Там же. С. 399.
- ¹¹ Там же. С. 285.
- ¹² Там же. С. 570.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 558.
- ¹⁵ Там же. С. 246.
- ¹⁶ Там же. С. 451.
- ¹⁷ Там же. С. 363.
- ¹⁸ Булат Окуджава: «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...» / Публикацию подготовили З. Водопьянова, А. Петров, Н. Надеждина // Труд. 1993. 30 янв.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 418.
- ²¹ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 34.
- ²² *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 104.
- ²³ Там же. С. 438.
- ²⁴ *Высоцкий В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1: Песни. 12-е изд., испр. Екатеринбург, 1999. С. 33.
- ²⁵ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 183.
- ²⁶ Там же. С. 255.
- ²⁷ Там же. С. 613.
- ²⁸ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 124.
- ²⁹ *Славкин В.И.* Памятник неизвестному стиляге. М., 1996. С. 168.
- ³⁰ *Рейн Е.* Избранное. М.; Париж; Нью-Йорк, 1993. С. 155–156.

- ¹Цит. по: *Алексеев С.Д.* Окуджава Шалва Степанович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 185.
- ²Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 5.
- ³Там же. Л. 5.
- ⁴Там же. Л. 5об.
- ⁵Цит. по: *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ⁶Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 5об.
- ⁷Там же. Л. 148об.
- ⁸Цит. по: *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ⁹Музей Б. Окуджавы в Переделкине. Фотография [Ш.С. Окуджава, 1921] (сведения 1999 г.).
- ¹⁰Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 5об.
- ¹¹Цит. по: *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ¹²Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджавы. № 24552. Ед. хр. 22.
- ¹³XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 175.
- ¹⁴Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 148об.
- ¹⁵Там же. Л. 148.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷*Окуджавы Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 87–89, 94.
- ¹⁸Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджавы. № 24552. Ед. хр. 50.
- ¹⁹Булат Окуджавы: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.
- ²⁰*Окуджавы Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 265.
- ²¹Цит. по: *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ²²Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 148об.
- ²³Там же. Л. 5об.
- ²⁴*Окуджавы Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 90–91.
- ²⁵Булат Окуджавы: Война Булата / Беседовал Юрий Рост // Общая газета. 1999. 29 апр. – 12 мая.
- ²⁶Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджавы. № 24552. Ед. хр. 79.
- ²⁷Там же. Л. 149.
- ²⁸*Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ²⁹Там же.

- ³⁰ Там же.
- ³¹ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 148об.–149.
- ³² Там же. Л. 5об.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Булат Окуджава: Булат Окуджава тридцать лет спустя / [Встречу в редакции записал] Ю. Соколов // Известия. 1993. 6 марта.
- ³⁵ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 148.
- ³⁶ Булат Окуджава: «Упраздненный театр» Дориана Ку-ку...: [Ответы на вопросы студентов журфака МГУ] / [Записал] В. Чучупал // Московская правда. 1994. 30 июля.
- ³⁷ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 106–107.
- ³⁸ *Гизатулин М.Р., Юровский В.Ш.* Хроника жизни и творчества // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я.И. Гройсман, Г.П. Корнилова. Н. Новгород, 2003. С. 12.
- ³⁹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 108–109.

II

- ¹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 99.
- ² Булат Окуджава: Война Булата / Беседовал Юрий Рост // Общая газета. 1999. 29 апр. – 12 мая.
- ³ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴ Разговор с Ю.Н. Поповым 2006 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵ Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 43–44.
- ⁷ Там же. С. 22–23.
- ⁸ Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 93. Письмо датировано 29 января 1928 г.
- ⁹ Там же. Ед. хр. 9.
- ¹⁰ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 17.
- ¹¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 531.
- ¹² Там же. С. 532.
- ¹³ *Марьясин И.Л.* Переписка с Булатом // Иерусалимский журнал. 2001. № 7. С. 253.
- ¹⁴ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 57.
- ¹⁵ Там же. С. 121.
- ¹⁶ Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 9.

- ¹⁷ Булат Окуджава: Война Булата.
- ¹⁸ Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 5.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 7.
- ²⁰ Там же. Ед. хр. 89.
- ²¹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 60.
- ²² Цит. по: *Алексеев С.Д.* Окуджава Шалва Степанович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 185.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Берия Л.П.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 2-е изд., доп. М., 1938. С. 158.
- ²⁵ *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времен до наших дней) // [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/03_v/vach/nadze_5.htm (дата обращения 24.05.2013).
- ²⁶ Бюллетень оппозиции [большевиков-ленинцев]. 1937. № 56–57. С. 8. Приводится по следующему собранию изданий бюллетеня: Бюллетень оппозиции / Под ред. Л. Троцкого. Т. 3: 1934–1937. N. Y., 1937.
- ²⁷ *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 185.
- ²⁸ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 16–16об.
- ²⁹ Там же. Л. 15–15об.
- ³⁰ Там же. Л. 15.
- ³¹ Там же. Л. 12об.
- ³² Там же. Л. 15об.
- ³³ Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.
- ³⁴ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 247.
- ³⁵ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 149.
- ³⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 123.
- ³⁷ Булат Окуджава: Война Булата.
- ³⁸ Цит. по копии из музея Б. Окуджавы в Переделкине (сведения 1999 г.).
- ³⁹ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 149–149об.
- ⁴⁰ Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁴¹ *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 186.
- ⁴² Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 7.
- ⁴³ *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 186.

Документы, письма, интервью

- ¹Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 6–6об.
- ²Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 79.
- ³*Троцкий Л.Д.* Письма из ссылки. 1928. М., 1995. С. 67.
- ⁴Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 23. Приводится по следующему собранию изданий бюллетеня: Бюллетень оппозиции. Т. 2: 1931–1933. N. Y., 1973.
- ⁵Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. С. 28–30. Приводится по следующему собранию изданий бюллетеня: Бюллетень оппозиции. Т. 1: 1929–1930. N. Y., 1973.
- ⁶Там же. С. 9–10.
- ⁷Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 26. Приводится по следующему собранию изданий бюллетеня: Бюллетень оппозиции. Т. 2: 1931–1933. N. Y., 1973.
- ⁸Там же.
- ⁹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджавы. № 24552. Ед. хр. 130. 13 июля 1930 г.
- ¹⁰Там же. Ед. хр. 87.
- ¹¹Там же. Ед. хр. 113.
- ¹²Там же. Ед. хр. 24.
- ¹³*Берия Л.П.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 2-е изд., доп. М., 1938. С. 154–158.
- ¹⁴Булат Окуджава: «Я друг осеннего покоя» / [Беседовал] А. Правов // Домовой. 1993. № 3. С. 66.
- ¹⁵Булат Окуджава: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1994. № 2–3. С. 16.

III

- ¹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.
- ²Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблом).
- ³Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.
- ⁴Там же.
- ⁵*Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 453.
- ⁶*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 188.

⁷Там же. С. 89.

⁸Булат Окуджава: Упраздненный театр... С. 4.

⁹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.

¹⁰Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 11–12.

¹¹Булат Окуджава: Терпение и вера, любовь и волшебство / Интервью ведет И. Ришина // Литературная газета. 1990. 2 мая.

¹²*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 205.

¹³Там же. С. 193.

¹⁴Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.

Документы, письма, интервью

¹Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.

²Булат Окуджава: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1994. № 2–3. С. 15.

IV

¹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.

²*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 231–232.

³Там же. С. 232.

⁴*Авдеенко А.* Отлучение // Знамя. 1989. № 3. С. 54.

⁵Булат Окуджава: «Упраздненный театр» Дориана Ку-ку...: [Ответы на вопросы студентов журфака МГУ] / [Записал] В. Чучупал // Московская правда. 1994. 30 июля.

⁶*Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 409.

⁷Булат Окуджава: «Живем как будто в половодье... Как хочется наверняка!»: Булат Окуджава в гостях у «Труда» / Встречу в редакции записали Н. Кишкин, Н. Надеждина // Труд. 1993. 11 марта.

⁸*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 246.

⁹*Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 124.

¹⁰*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 239–240.

¹¹Там же. С. 242.

- ¹² Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 88.
- ¹³ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 244.
- ¹⁴ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 55.
- ¹⁵ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 8.
- ¹⁶ *Гизатулин М.* «Сестра моя прекрасная...» // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2009. С. 215.
- ¹⁷ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 461.
- ¹⁸ Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 27.
- ¹⁹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 259.
- ²⁰ Там же. С. 151.
- ²¹ Там же. С. 281.
- ²² Там же. С. 27.
- ²³ Там же. С. 259.
- ²⁴ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.]. С. 101.
- ²⁵ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 262–263.
- ²⁶ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 10.
- ²⁷ Там же. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 65.
- ²⁹ Там же. С. 112.
- ³⁰ Там же. С. 124.
- ³¹ Там же. С. 72.
- ³² *Окуджава Б.Ш.* Песни Булата Окуджавы. М., 1989. С. 111.
- ³³ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 182.
- ³⁴ Там же. С. 106.
- ³⁵ Там же. С. 361.
- ³⁶ Там же. С. 197–198.
- ³⁷ Там же. С. 208.
- ³⁸ Там же. С. 493.
- ³⁹ Там же. С. 589.
- ⁴⁰ Там же. С. 624–625.
- ⁴¹ Там же. С. 587.
- ⁴² Там же. С. 288.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 221.
- ⁴⁵ Там же. С. 221–222.
- ⁴⁶ Там же. С. 576–577.
- ⁴⁷ Там же. С. 557.
- ⁴⁸ Там же. С. 571.
- ⁴⁹ Там же. С. 227.

- ¹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 80.
- ²Булат Окуджава: Тот двор с человечесей душой / [Беседовал] М. Нодель // Лит. газета. Спец. вып. 1997. [21 июля].
- ³*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 275.
- ⁴Там же. С. 264.
- ⁵*Алексеев С.Д.* Окуджава Шалва Степанович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 187.
- ⁶*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 276.
- ⁷Там же. С. 281.
- ⁸Там же. С. 278.
- ⁹Государственный литературный музей Грузии. Фонд Галактиона Табидзе. Архив Ольги Окуджава. № 24552. Ед. хр. 27.
- ¹⁰*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 254–255.
- ¹¹Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.
- ¹²*Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 190.
- ¹³Цит. по: *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 191.
- ¹⁴*Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг.: В 2 ч. Ч. 1. Нижний Тагил, 1996. С. 201.
- ¹⁵*Марьясин И.Л.* «Перед этим горем гнутся горы» // Тагильский рабочий. 1990. 9–10 окт.
- ¹⁶*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 282.
- ¹⁷*Марьясин И.* Переписка с Булатом // Иерусалимский журнал. 2001. № 7. С. 250.
- ¹⁸Там же. С. 250.
- ¹⁹Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 13об.
- ²⁰Там же.
- ²¹*Порошин С.А.* Марьясин Лазарь Миронович // 37-й на Урале. С. 132.
- ²²*Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 192–193.
- ²³*Порошин С.А.* Указ. соч. С. 131.
- ²⁴Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 18.
- ²⁵*Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 193.
- ²⁶*Щелгачева Л.З.* Неоптимистическая трагедия // Книга памяти / Сост. и вступ. ст. В.М. Кириллова. Екатеринбург, 1994. С. 219.
- ²⁷Там же. См. также о М.А. Тамаркине: *Кириллов В.М.* Указ. соч. С. 209.
- ²⁸Там же. С. 192.
- ²⁹Цит. по: Тагильский краевед. 1991. № 11. [Рукопись].
- ³⁰Там же.

- ³¹ *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 189.
- ³² Цит. по: Тагильский краевед. 1991. № 11. [Рукопись].
- ³³ *Алексеев С.Д.* Указ. соч. С. 193.
- ³⁴ Цит. по: Тагильский краевед. 1991. № 11. [Рукопись].
- ³⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 285.
- ³⁶ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 29584. Л. 74.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Марьясин И.Л.* «Перед этим горем гнутся горы».
- ³⁹ См.: *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997. С. 33–34.
- ⁴⁰ *Кириллов В.М.* Указ. соч. С. 201.
- ⁴¹ См.: *Щелгачева Л.З.* Указ. соч. С. 219–220.
- ⁴² *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1996. С. 243.
- ⁴³ Цит. по: *Кириллов В.М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 169–170.
- ⁴⁴ *Роговин В.З.* Указ. соч. С. 233.
- ⁴⁵ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 29584. Л. 7об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 10.
- ⁴⁷ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 29584. Л. 72–73.
- ⁴⁸ *Порошин С.А.* Указ. соч. С. 135.
- ⁴⁹ *Авдеевко А.* Отлучение // Знамя. 1989. № 3. С. 36–37.
- ⁵⁰ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 29584. Л. 72.
- ⁵¹ Там же. Л. 73–74.
- ⁵² Там же. Л. 79.
- ⁵³ Там же. Л. 5.
- ⁵⁴ Там же. Л. 73.
- ⁵⁵ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 56–57.
С. 7–8. Приводится по следующему собранию изданий бюллетеня: Бюллетень оппозиции / Под ред. Л. Троцкого. Т. 3: 1934–1937. Н. У., 1973.
- ⁵⁶ Булат Окуджаву: Терпение и вера, любовь и волшебство / Интервью ведет И. Ришина // Литературная газета. 1990. 2 мая.
- ⁵⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996.
С. 597.

Документы, письма, интервью

- ¹ Булат Окуджаву: Терпение и вера, любовь и волшебство / Интервью ведет И. Ришина // Литературная газета. 1990. 2 мая.
- ² Цит. по: Тагильский краевед. 1991. № 11. [Рукопись].

- ³Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 29584. Л. 156.
- ⁴Там же. Л. 84–84об.

VI

- ¹*Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 409.
- ²Там же. С. 408.
- ³Там же. С. 363.
- ⁴Там же. С. 51.
- ⁵Там же. С. 566.
- ⁶Там же. С. 447.
- ⁷Булат Окуджава: Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // Литературная газета. 1976. 17 нояб.
- ⁸*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 17.
- ⁹Там же. С. 17–18.
- ¹⁰*Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 122.
- ¹¹*Марьясин И.* Переписка с Булатом // Иерусалимский журнал. 2001. № 7. С. 251.
- ¹²*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 15.
- ¹³Там же. С. 288.
- ¹⁴Там же. С. 49.
- ¹⁵Там же. С. 177.
- ¹⁶Там же. С. 285.
- ¹⁷Там же. С. 90.
- ¹⁸Там же. С. 196.
- ¹⁹Там же. С. 267, 299.
- ²⁰Там же. С. 287.
- ²¹Там же. С. 110.
- ²²Там же. С. 231–232.
- ²³Там же. С. 67.
- ²⁴Там же. С. 264, 158.
- ²⁵Там же. С. 44–45.
- ²⁶Там же. С. 104, 160.
- ²⁷Там же. С. 156.
- ²⁸Там же. С. 98.
- ²⁹*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. Машинопись. Л. 42.
- ³⁰Там же. Л. 46.
- ³¹*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 71.
- ³²Там же.
- ³³Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.

- ³⁴ *Окуджава Б.* Упраздненный театр. С. 85–86.
- ³⁵ Там же. С. 84–85.
- ³⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. Машинопись. Л. 57.
- ³⁷ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 86.
- ³⁸ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. Машинопись. Л. 57об.
- ³⁹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 68.
- ⁴⁰ Там же. С. 260.
- ⁴¹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. Машинопись. Л. 57об.
- ⁴² Там же. Л. 88.
- ⁴³ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 29.
- ⁴⁴ Там же. С. 301.
- ⁴⁵ Булат Окуджава: Вы слышите, грохочут сапоги... // В мире книг. 1984. № 5. С. 63.
- ⁴⁶ *Марьясин И.* Переписка с Булатом. С. 253.

VII

- ¹ Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.
- ² *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 285–287.
- ³ Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 4.
- ⁴ Булат Окуджава: Возьмемся за руки, друзья...: О политике и о литературе говорит Булат Окуджава / Интервью провел Д. Гай // Вечерняя Москва. 1991. 4 февр.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 287.
- ⁷ Булат Окуджава: Война Булата / Беседовал Юрий Рост // Общая газета. 1999. 29 апр. – 12 мая.
- ⁸ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 146.
- ⁹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 292.
- ¹⁰ *Гизатулин М.* «...От бабушки Елизаветы к прабабушке Элисабет». Армянская песня // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 8 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2011. С. 140.
- ¹¹ Булат Окуджава: Война Булата.
- ¹² *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 172.
- ¹³ Там же. С. 172–173.
- ¹⁴ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 297.
- ¹⁵ *Верт Н.* История советского государства: 1990–1991 / Пер. с фр. 2-е изд. М., 1995. С. 250.

- ¹⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 297.
- ¹⁷ Там же. С. 300.
- ¹⁸ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 147.
- ¹⁹ Булат Окуджава: Тот двор с человеческой душой / [Беседовал] М. Нодель // Лит. газета. Спец. вып. 1997. [21 июля].
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 175.
- ²² Булат Окуджава: Война Булата.
- ²³ Разговор с П.П. Соболевым в 2002 г. (без записи).
- ²⁴ Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провел Л. Колодный // Московская правда. 1983. 13 нояб.
- ²⁵ Булат Окуджава: «Мне интересно сейчас жить», или Как важно понять разницу между свободой и волей / Беседовала А. Шугайкина // Вечерняя Москва. 1993. 27 июля.
- ²⁶ Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провел Л. Колодный // Московская правда. 1983. 13 нояб.
- ²⁷ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста. С. 178–179.
- ²⁸ Там же. С. 175.
- ²⁹ Там же. С. 177–178.
- ³⁰ Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 5.
- ³¹ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста. С. 174.
- ³² *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 289.

VIII

- ¹ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться / [Записал] М. Поздняев // Общая газета. 1997. 17–23 июля.
- ² Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провел Л. Колодный // Московская правда. 1983. 13 нояб.
- ³ *Левин И.* Один километр России. М., 1997. С. 150.
- ⁴ Там же. С. 132.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 164.
- ⁷ *Левин И.* Указ. соч. С. 133.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет] М., 1996. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 121.
- ¹¹ Там же. С. 112.
- ¹² Там же. С. 378.

- ¹³ *Левин И.* Один километр России. С. 135.
- ¹⁴ Булат Окуджава: Дорога к истине / [Беседовала] О. Огнева // Советский музей. 1986. № 3. С. 54.
- ¹⁵ Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...»
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.
- ¹⁸ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 443.
- ¹⁹ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.
- ²⁰ Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...»
- ²¹ Булат Окуджава: Булат Окуджава сегодня не пишет песен. А все-таки жаль... / Беседу вел Е. Абрамов // Комсомольская правда. 1991. 16 нояб.
- ²² *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 294–295.
- ²³ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.
- ²⁴ Булат Окуджава: «Мне интересно сейчас жить», или Как важно понять разницу между свободой и волей // Беседовала А. Шугайкина // Вечерняя Москва. 1993. 27 июля.
- ²⁵ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.
- ²⁶ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 443.
- ²⁷ Булат Окуджава: Булат Окуджава тридцать лет спустя / [Встречу в редакции записал] Ю. Соколов // Известия. 1993. 6 марта.
- ²⁸ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 444.
- ²⁹ Там же. С. 443–444.
- ³⁰ Булат Окуджава: Булат Окуджава сегодня не пишет песен. А все-таки жаль...
- ³¹ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 173.
- ³² Там же. С. 175.
- ³³ Булат Окуджава: Война Булата / Беседовал Юрий Рост // Общая газета. 1999. 29 апр. – 12 мая.
- ³⁴ Булат Окуджава: «Мне интересно сейчас жить»...
- ³⁵ *Рассадин С.Б.* Булат Окуджава. М., 1999. С. 13.
- ³⁶ Цит. по: *Сажин В.Н.* Примечания // Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Сост. В.Н. Сажина, Д.В. Сажина; примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2001. С. 615.
- ³⁷ Булат Окуджава: «Мне интересно сейчас жить»...
- ³⁸ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.
- ³⁹ Булат Окуджава: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1994. № 2–3. С. 15.
- ⁴⁰ *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 600.
- ⁴¹ *Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 222.
- ⁴² *Манкевич Т.А.* Воспоминания об Окуджаве. Апрель 2004. [Рукопись]. Л. 4.
- ⁴³ Булат Окуджава: С иллюзиями надо расставаться.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 443.
- ⁴⁶ Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Окуджаву Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 295–296.
- ⁴⁹ Булат Окуджаву: «Нужен нам и потомкам...»
- ⁵⁰ Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться.
- ⁵¹ *Веселая Г.* «Тот самый двор, где я сажал березы...» // *Голос надежды: Новое о Булате.* Вып. 5 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2008. С. 13–21.
- ⁵² Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться.
- ⁵³ Булат Окуджаву: «Мне интересно сейчас жить»...
- ⁵⁴ Булат Окуджаву: Дорога к истине. С. 54.
- ⁵⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 261.
- ⁵⁶ *Левин И.* Один километр России. С. 159.
- ⁵⁷ Булат Окуджаву: «Нужен нам и потомкам...»
- ⁵⁸ Булат Окуджаву: Дорога к истине. С. 54.

IX

- ¹ *Кнабе Г.С.* Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1998. С. 180.
- ² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 31.
- ³ *Окуджаву Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 599.
- ⁴ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 365.
- ⁵ Там же. С. 261.
- ⁶ Там же. С. 377.
- ⁷ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 215.
- ⁸ Булат Окуджаву: «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провел Л. Колодный // *Московская правда.* 1983. 13 нояб.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 103.
- ¹¹ Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться / [Записал] М. Поздняев // *Общая газета.* 1997. 17–23 июля.
- ¹² Булат Окуджаву: «Нужен нам и потомкам...»
- ¹³ Булат Окуджаву: «Чем громче музыка атак, тем слаще мед огней домашних» / Беседу вела О. Соломонова // *Труд-7.* 1995. 13–19 окт.
- ¹⁴ *Манкевич Т.А.* Воспоминания об Окуджаву. Апрель 2004. [Рукопись]. Л. 3.

- ¹⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 375.
¹⁶ Там же. С. 254.
¹⁷ Там же. С. 261.
¹⁸ Там же. С. 325.
¹⁹ Там же. С. 537.
²⁰ Там же. С. 621.
²¹ Там же. С. 517.
²² Там же. С. 583.

Х

- ¹ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 7.
² Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
³ Булат Окуджаву: «Чем громче музыка атак, тем слаще мед огней домашних» / Беседу вела О. Соломонова // Труд-7. 1995. 13–19 окт.
⁴ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
⁵ Булат Окуджаву: В России демократию начал душить еще Иван Грозный...: Окуджаву заглянет в будущее / Беседовал Я. Голованов // Комсомольская правда. 1996. 10 янв.
⁶ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
⁷ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
⁸ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
⁹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹⁰ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹¹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹² Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹³ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание. С. 7.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹⁶ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹⁷ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание. С. 7.
¹⁸ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
¹⁹ Булат Окуджаву: Давайте понимать друг друга с полуслова / [Беседовала] Е. Щербиновская // Советская культура. 1985. 27 апр.
²⁰ Булат Окуджаву: «Хорошая песня – это изнурительная работа» / Беседу вел Л. Сидоровский // Смена. 1984. № 18. С. 22.
²¹ Булат Окуджаву: Давайте понимать друг друга с полуслова.
²² Булат Окуджаву: Я свое предназначение выполнил / [Беседовал] Д. Левшинов-Лукавской // Известия. 1997. 14 июня.
²³ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
²⁴ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).

- ²⁵ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²⁶ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²⁷ Булат Окуджав: Давайте понимать друг друга с полуслова.
- ²⁸ Булат Окуджав: Три вопроса к менестрелям: Слово Булату Окуджаве // Аврора. 1981. № 1. С. 117.
- ²⁹ Булат Окуджав: Здравствуйте, Булат Шалвович!: Окуджав в РГГУ. 16 марта 1993 года / [Беседу со слушателями записал] А. Александров // Независимая газета. 1993. 27 марта.
- ³⁰ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³¹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³² Булат Окуджав: Каждый пишет, как он дышит...: Новогодняя болтовня во время сбора автографов для читателей «КП» / Б. Окуджав, В. Приемыхов, К. Райкин и др.; [Беседовала] Д. Асламова // Комсомольская правда. 1991. 31 дек.

XI

- ¹ Булат Окуджав: Будь здоров, Булат! / [Беседовала] И. Ришина // Литературная газета. 1991. 26 июня.
- ² *Окуджав Б.Ш.* Утро красит нежным светом... // Окуджав Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 138.
- ³ Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴ *Окуджав Б.Ш.* Утро красит нежным светом... С. 140–141.
- ⁵ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 8.
- ⁶ Булат Окуджав: Война Булата / Беседовал Юрий Рост // Общая газета. 1999. 29 апр. – 12 мая.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹¹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹² Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджавы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 2.
- ¹³ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ¹⁴ Окуджав Б. Если... то! Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. (Сведения 2003 г.)
- ¹⁵ Булат Окуджав: Мы на фронт уходили с Арбата... / Беседу вел В. Огрызко // Красная звезда. 1986. 10 июня.
- ¹⁶ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.

- ¹⁷ Булат Окуджава: Война Булата.
- ¹⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 8. К. 2740. Л. 194. Далее – ЦАМО.
- ¹⁹ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²² Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²³ ЦАМО. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 1. К. 25895. Л. 2об.–4.
- ²⁴ *Окуджава Б.* Не позабыть жестоких дней; В край родимый // Боец РККА. Тбилиси, 1945. 2 сент.
- ²⁵ ЦАМО. УПК генерал-лейтенанта Селиванова Ивана Васильевича.
- ²⁶ *Окуджава Б.* Кавалерист // Ленинское знамя. Тбилиси. 1945. 12 дек.
- ²⁷ ЦАМО. Ф. 1159. Оп. 358597. Д. 6. К. 52785. Л. 20.
- ²⁸ Булат Окуджава: Война Булата.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ЦАМО. Ф. 1159. Оп. 358597. Д. 6. К. 52785. Л. 45.
- ³¹ Там же. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 8. К. 2740н. Л. 194.
- ³² *Окуджава Б.Ш.* Утро красит нежным светом... С. 143.
- ³³ ЦАМО. Ф. 9784. Оп. 1 Д. 1. К. 1192н. Л. 154.
- ³⁴ Булат Окуджава: Надеюсь на это, надеюсь...: Пятьдесят лет спустя. Анкета «ДН» / А. Генатулин, Б. Окуджава, Г. Бакланов и др. // Дружба народов. 1995. № 3. С. 7.
- ³⁵ *Окуджава Б.* Война Булата.
- ³⁶ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ³⁷ ЦАМО. Ф. 9784. Оп. 1. Д. 1. К. 1192н. Л. 153.
- ³⁸ Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 86.
- ³⁹ Булат Окуджава: «Я был ранен под Моздоком» / [Беседовал] К. Маркарян // Комсомольская правда. 1995. 11 февр.
- ⁴⁰ Архив школы № 5 г. Калуги. Окуджава Б. Личный листок по учету кадров. Л. 4.
- ⁴¹ ЦАМО. Ф. 9784. Оп. 1. Д. 1. К. 1192н. Л. 101.
- ⁴² Там же. Л. 102.
- ⁴³ Там же. Д. 3. К. 1192н. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 85.
- ⁴⁵ Там же. Л. 101.
- ⁴⁶ Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 113.
- ⁴⁷ Там же. Л. 85.
- ⁴⁸ Там же. Л. 103.
- ⁴⁹ Там же. Д. 3. К. 1192н. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 85.
- ⁵¹ Булат Окуджава: Мы на фронт уходили с Арбата...

- ⁵² Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁵³ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁵⁴ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание. С. 8.
- ⁵⁵ Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁵⁶ Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁵⁷ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант. С. 183.
- ⁵⁸ Там же. С. 182.
- ⁵⁹ Булат Окуджава: Мы на фронт уходили с Арбата...
- ⁶⁰ Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁶¹ ЦАМО. Ф. 8410. Оп. 112901. Д. 20. К. 3523. Л. 441.
- ⁶² Там же. Л. 441об.
- ⁶³ *Окуджава Б.Ш.* Уроки музыки // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант. С. 259.
- ⁶⁴ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста. С. 184.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 8410. Оп. 112901. Д. 17. К. 3522.
- ⁶⁶ Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 1023 гап. Оп. 25976. Д. 1. К. 8142. Л. 21.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 25973. Д. 6. К. 8141. Л. 48.
- ⁷⁰ *Окуджава Б.Ш.* Приключения секретного баптиста. С. 184–185.
- ⁷¹ ЦАМО. Ф. 1023 гап. Оп. 25976. Д. 1. К. 8142. Л. 121.
- ⁷² Там же. Л. 121об., 122об.
- ⁷³ Там же. Д. 2. К. 8142.
- ⁷⁴ Оп. 25973. Д. 6. К. 8141. Л. 48об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 7. К. 8141. Л. 64об.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 1. К. 2739н. Л. 15об.
- ⁷⁷ Радиотелеграфист (ВС). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://recrut.mil.ru/for_recruits/position/more.htm?id=612@BasePost (дата обращения 31.05.2013).
- ⁷⁸ Ф. 9952. Оп. 2. Д. 2. К. 2739н. Л. 97.
- ⁷⁹ Там же. Л. 97об.
- ⁸⁰ Булат Окуджава: Война Булата.
- ⁸¹ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 8.
- ⁸² *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Старое литературное обозрение. 2001. № 1. С. 97.
- ⁸³ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁸⁴ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁸⁵ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 8.
- ⁸⁶ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁸⁷ Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).

- ⁸⁸ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ⁸⁹ ЦАМО. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 8. К. 2740н. Л. 194.
- ⁹⁰ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ⁹¹ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджавы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 1.
- ⁹² Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ⁹³ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).

Документы, письма, интервью

- ¹ЦАМО. Ф. 9784. Оп. 1. Д. 5. К. 1192н. Л. 114.
- ²Там же. Л. 123.
- ³Там же. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 1. К. 2739. Л. 31об.
- ⁴Там же. Ф. 9784. Оп. 1. Д. 1. К. 1192н. Л. 69.
- ⁵Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 93.
- ⁶ЦАМО. Б.и. Дезертирство в румынской армии // Боевая подготовка. 1943. 30 июня. С. 1.
- ⁷Там же. Л. 107.
- ⁸Там же. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 1. К. 2739. Л. 54 об.–55.
- ⁹Там же. Ф. 1023 гап. Оп. 25976. Д. 1. К. 8142. Л. 69об.
- ¹⁰Там же. Л. 56.
- ¹¹Там же. Ф. 9952. Оп. 2. Д. 1. К. 2739. Л. 31об.
- ¹²Там же.
- ¹³Там же. Л. 37.
- ¹⁴Там же. Л. 41.
- ¹⁵Там же. Л. 47об.
- ¹⁶Там же. Л. 52.
- ¹⁷Там же. Л. 63.
- ¹⁸Там же. Л. 67об.
- ¹⁹Там же. Л. 72об.
- ²⁰Там же. Л. 84–84об.
- ²¹Там же. Оп. 1. Д. 15. К. 2771н. Л. 52–53.
- ²²Там же. Д. 5. К. 1192н. Л. 121–121об.
- ²³Там же. Л. 126.
- ²⁴Там же. Д. 1. К. 1192н. Л. 23.
- ²⁵Там же. Л. 271.
- ²⁶Там же. Ф. 8410. Оп. 113396. Д. 3. К. 3498. Л. 23.
- ²⁷Там же. Ф. 9784. Оп. 1. Д. 7. К. 1192н. Л. 166.
- ²⁸ *Оганесян В.* Наказ отца выполню! // Боевая подготовка. 1943. 12 янв.

- ²⁹ Материнский наказ // Там же. 13 апр.
- ³⁰ *Кравченко М.* Отдаю свою кровь раненым воинам // Там же. 20 мар.
- ³¹ *Сталин И.* <Письмо тт. Трофименко, Васильеву> // Там же. 4 янв.
- ³² Новогодний рапорт Гитлеру // Там же.
- ³³ *Сталин И.* Приказ Верховного Главнокомандующего № 95 // Там же. 23 фев.
- ³⁴ Текст А. Капельника // Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Мужество и отвага // Правда. 1941. 1 июля.
- ³⁷ Два письма // Там же. 3 июля.

ХII

- ¹ Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ² *Шахбазов Н.Г.* Памяти учителя // Шахбазов Н.Г. Рассказы разных лет. М., 1990. С. 108–110.
- ³ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. На автобиографиях Крейтана разных лет не всегда значатся номера дела и единицы хранения. В таких случаях оставляем соответствующую цитату без сноски.
- ⁴ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25675. Д. 6. Ед. хр. 1. Л. 1–1об.
- ⁵ Там же. Ф. 25677. Д. 6. Ед. хр. 7. Л. 1 (лекция «Страны новой демократии»).
- ⁶ Там же. Ф. 25687. Д. 7. Листы в блокноте не пронумерованы.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁹ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁰ Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹¹ *Сидоровский Л.* «Слушайте вы, инквизиторы!..» // Смена. 1990. 18 июля.
- ¹² Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹³ Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁴ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁵ Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁶ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁷ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁸ *Гребнев А.Б.* Записки последнего сценариста. М., 1999. С. 81.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²¹ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²² Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).

ХІІІ

- ¹Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблوم).
- ²Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблوم).
- ³Разговор с Н.А. Окуджава 2006 г. (архив О.М. Розенблوم).
- ⁴Булат Окуджава: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1994. № 2–3. С. 15.
- ⁵Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблوم).
- ⁶Булат Окуджава: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1994. № 2–3. С. 15.
- ⁷*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 8–9.
- ⁸Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁹*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 14.
- ¹⁰Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹¹Разговор с Н.А. Окуджава 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹²Разговор с Т.В. Мелик-Оганджян 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹³Разговор с В.М. Окуджавой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁴Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁵Разговор с Т.В. Мелик-Оганджян 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁶Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁷Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁸Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁹ЦГАЛИ Грузии. Стенографический отчет правления Союза писателей Грузии, посвященного 80-летию со дня рождения Галактиона Табидзе. 1 ноября 1973. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 2711. Л. 72.
- ²⁰Там же.
- ²¹Разговор с В.М. Окуджавой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²²Разговор с О.Д. Дзимистаришвили 2006 г. (архив О.М. Розенблум). Это случилось в 1948 г. – версия М. Гизатулина: *Гизатулин М.* «...Только лица остаются» // *Голос надежды: Новое о Булате Окуджава.* Вып. 2 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2005. С. 209.
- ²³Разговор с В.М. Окуджавой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²⁴*Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 420.
- ²⁵Там же. С. 420–421.
- ²⁶*Окуджава Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 7.
- ²⁷*Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 516.
- ²⁸*Окуджава Б.Ш.* Девушка моей мечты // *Окуджава Б.Ш.* Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 241.
- ²⁹Там же. С. 238.
- ³⁰Там же. С. 240.
- ³¹*Окуджава Б.* Матери (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.).

- ³² Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³³ *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 64.
- ³⁴ *Окуджаву Б.Ш.* Девушка моей мечты. С. 238.
- ³⁵ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³⁶ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Нечаянная радость // Заезжий музыкант. М., 1993. С. 250.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Упраздненный театр. С. 289.
- ⁴⁰ Разговор с Ю.Н. Поповым 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴¹ *Окуджаву Б.Ш.* Девушка моей мечты. С. 238.
- ⁴² *Окуджаву Б.Ш.* Нечаянная радость. С. 250.
- ⁴³ Там же. С. 253.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 147.
- ⁴⁶ *Окуджаву Б.Ш.* Нечаянная радость. С. 256–257.
- ⁴⁷ Там же. С. 254.
- ⁴⁸ Там же. С. 255.

Документы, письма, интервью

- ¹ Разговор с В.М. Окуджавой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).

XIV

- ¹ *Окуджаву Б.Ш.* Острова. М., 1959. С. 63.
- ² Булат Окуджаву: Главное – человеческое достоинство / [Беседовал] Е. Типикин // Вечерняя Москва. 1996. 1 июля.
- ³ Разговор с А.М. Поповой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴ Разговор с Т.В. Мелик-Оганджян 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁵ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 7.
- ⁶ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁷ *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 8.
- ⁸ *Казбек-Казиев З.А.* Воспоминание. С. 9.
- ⁹ *Живописцева И.В.* ХХI век, до востребования: Проза. СПб., 2001. С. 94–125.
- ¹⁰ Разговор с Ф.М. Тер-Микаэляном 2003 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹¹ *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 10.

- ¹²Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹³Булат Окуджава: Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // Независимая газета. 1997. 20 сент.
- ¹⁴Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁵Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁶Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁷*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 10.
- ¹⁸Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁹Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²⁰Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ²¹*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 13.
- ²²Там же. С. 13–14.

XV

- ¹Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджава. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 1.
- ²Там же. Л. 5.
- ³Разговор с А.Б. Гребневым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджава. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 3.
- ⁵*Окуджава Б.Ш.* Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 146.
- ⁶Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджава. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968.
- ⁷Там же. Л. 2.
- ⁸Там же.
- ⁹Там же.
- ¹⁰Там же. Л. 4.
- ¹¹Булат Окуджава: Если песня живет / Беседу вела Т. Посысаева // Учительская газета. 1984. 8 мая.
- ¹²Булат Окуджава: Булат Окуджава сегодня не пишет песен. А все-таки жаль... / Беседу вел Е. Абрамов // Комсомольская правда. 1991. 16 нояб.
- ¹³*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 13.
- ¹⁴Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджава. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 53.
- ¹⁵*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 13.
- ¹⁶Там же. С. 18.

- ¹⁷ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁸ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджавы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968. Л. 54.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 56.
- ²¹ *Окуджавы Б.Ш.* Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова. С. 146.
- ²² Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²³ Разговор с В.М. Окуджавой 2006 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²⁴ *Окуджавы Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 341.
- ²⁵ Булат Окуджавы: Здравсьте, Булат Шалвович!: Окуджавы в РГГУ. 16 марта 1993 года / [Беседу со слушателями записал] А. Александров // Независимая газета. 1993. 27 марта.
- ²⁶ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).

XVI

- ¹ Булат Окуджавы: Для меня Пастернак был Богом // Лит. газета. Спец. вып. 1997. [21 июля]. С. 16.
- ² Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ А. Цыбулевского. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7506. Л. 49. (Номера фонда и описи зачеркнуты, однако новых нет.)
- ⁵ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁶ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁷ *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Там же. С. 20.
- ¹⁰ Там же. С. 19.
- ¹¹ Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹² *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия. С. 18.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 18–19.
- ¹⁵ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Л.Х. Софианиди. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3873. Л. 2.
- ¹⁶ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина А.И. Силина. Ед. хр. 4388. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 7.
- ¹⁸ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).

- ¹⁹ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25688. Д. 6. Ед. хр. 10.
- ²⁰ Там же. Ед. хр. 8.
- ²¹ Там же. Ед. хр. 10. Л. 1.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 1об.
- ²⁴ Там же. Л. 1–1об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 2об.
- ²⁷ Там же. Л. 3об.
- ²⁸ Там же. Л. 4, 5об.
- ²⁹ Там же. Л. 9об.
- ³⁰ Там же. Л. 5об.
- ³¹ Там же. Л. 10.
- ³² Разговор с Р.Г. Кетхудовым 2007 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³³ Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 4 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2007. С. 350.
- ³⁴ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25675. Д. 6. Ед. хр. 1. Л. 4об.
- ³⁵ Там же. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Л. 7об.
- ³⁷ Там же. Л. 6.
- ³⁸ Там же. Л. 6об.
- ³⁹ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 101.
- ⁴⁰ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25688. Д. 6. Ед. хр. 10. Л. 6.
- ⁴¹ Там же. Л. 6об.
- ⁴² *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 25.
- ⁴³ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25688. Д. 6. Ед. хр. 10. Л. 6.
- ⁴⁴ *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия... С. 40.
- ⁴⁵ Государственный литературный музей Грузии. Архив Г. Крейтана. Ф. 25688. Д. 6. Ед. хр. 10. Л. 6об.
- ⁴⁶ *Окуджава Б.* «Солнце становится...» (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁴⁷ *Окуджава Б.* «Солнце становится...» (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁴⁸ *Окуджава Б.* «Солнце становится...» (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁴⁹ *Окуджава Б.* «Мне именно хочется жить. Ну когда вы такое видели...» (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)

- ⁵⁰ *Окуджава Б.Ш.* Нечаянная радость // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 255.
- ⁵¹ *Окуджава Б.* «Мне именно хочется жить. Ну когда вы такое видели...». (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁵² *Окуджава Б.* Матери. (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁵³ *Окуджава Б.* Матери. (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁵⁴ *Окуджава Б.* Если... то! (Собрание Ф.М. Тер-Микаэляна. Сведения 2003 г.)
- ⁵⁵ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁶ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁷ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁸ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁹ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁰ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶¹ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶² Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶³ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁴ Булат Окуджава: Авторская песня: кризис жанра? / Беседу вел И. Медовой // Советская культура. 1987. 28 апр.
- ⁶⁵ Булат Окуджава: «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провел Л. Колодный // Московская правда. 1983. 13 нояб.
- ⁶⁶ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 33–34.
- ⁶⁷ *Долженков А.* [Окуджава Б.] До свиданья, сыны!.. // Боец РККА. Тбилиси, 1945. 15 июля.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Долженков А.* [Окуджава Б.] Мы встречали // Боец РККА. Тбилиси, 1945. 24 июля.
- ⁷⁰ *Окуджава Б.* Девушке-солдату // Там же. 9 авг.
- ⁷¹ *Окуджава Б.* Не позабыть жестоких дней; В край родимый // Там же. 2 сент.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ *Окуджава Б.* Кавалерист // Ленинское знамя. Тбилиси, 1945. 12 дек.
- ⁷⁵ *Окуджава Б.* Декабрьская полночь // Там же. 1946. 1 янв.

XVII

- ¹ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ² Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵ Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).

⁶Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина А.С. Цыбулевского. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 7506. Л. 40.

⁷Там же. Л. 2.

⁸Разговор с Э.М. Маркман 2003 г. (архив О.М. Розенблум).

XVIII

¹*Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 19.

²*Елигулашвили Э.* ...Начинается судьба // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 31.

³Разговор с Н.Г. Шахбазовым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).

⁴Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина А.И. Силина. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4388. Л. 1.

⁵Там же. Л. 2.

⁶Там же.

⁷Центральный государственный архив современной истории Грузии. Фонд отдела по спецделам. Оп. 1. Ед. хр. 454. Д. 68-1948. Л. 1, 2, 3, 4, 5.

⁸Там же.

⁹Государственный литературный музей Грузии. Архив А. Цыбулевского. Ф. 28990. Д. 7. Л. 69об.

¹⁰Центральный государственный архив современной истории Грузии. Фонд отдела по спецделам. Оп. 1. Ед. хр. 454. Д. 68-1948. Л. 2.

¹¹Там же. Л. 3.

¹²Там же. Л. 4.

¹³Там же. Л. 5.

¹⁴Разговор с Р.Г. Кетхудовым 2007 г. (архив О.М. Розенблум).

¹⁵Центральный государственный архив современной истории Грузии. Фонд отдела по спецделам. Оп. 1. Ед. хр. 454. Д. 68-1948. Л. 1.

¹⁶Там же. Л. 2.

¹⁷Там же. Л. 6.

¹⁸*Окуджава Б.Ш.* Нечаянная радость // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 253.

¹⁹Государственный литературный музей Грузии. Архив Александра Цыбулевского. Ф. 28990. Д. 7. Л. 29.

²⁰Там же. Л. 64.

²¹Там же. Л. 41.

²²Там же. Л. 29–30, 31об.

- ¹Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³Разговор с И.В. Живописцевой 2001 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴Булат Окуджав: Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // Независимая газета. 1997. 20 сент.
- ⁵Там же.
- ⁶Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁷Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 5.
- ⁸*Окуджав* Б. «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 26–27.
- ⁹*Окуджав* Б.Ш. Новенький как с иголки // Окуджав Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 72.
- ¹⁰Там же. С. 73.
- ¹¹Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹²Булат Окуджав: Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // Литературная газета. 1976. 17 нояб.
- ¹³*Окуджав* Б.Ш. Искусство кройки и житья // Окуджав Б.Ш. Заезжий музыкант. С. 209–210.
- ¹⁴*Окуджав* Б.Ш. Новенький как с иголки. С. 67–68.
- ¹⁵Там же. С. 67.
- ¹⁶*Окуджав* Б.Ш. Будь здоров, школяр // Окуджав Б.Ш. Заезжий музыкант. С. 30.
- ¹⁷*Окуджав* Б.Ш. Новенький как с иголки. С. 70.
- ¹⁸Там же. С. 68–69.
- ¹⁹*Окуджав* Б.Ш. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова // Окуджав Б.Ш. Заезжий музыкант. С. 145.
- ²⁰Там же. С. 146–147.
- ²¹*Окуджав* Б. «Я никому ничего не навязывал...» С. 27.
- ²²Там же.
- ²³*Окуджав* Б.Ш. Новенький как с иголки. С. 76–77.
- ²⁴*Окуджав* Б. Если бы учителем был я: Небольшой монолог в канун первого сентября // Литературная газета. 1995. 30 авг.
- ²⁵Булат Окуджав: Если песня живет / Беседу вела Т. Посысаева // Учительская газета. 1984. 8 мая.
- ²⁶Булат Окуджав: Учитель-словесник.
- ²⁷*Окуджав* Б.Ш. Новенький как с иголки. С. 74–75.
- ²⁸Булат Окуджав: Учитель-словесник.
- ²⁹Там же.

- ³⁰ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 5.
- ³¹ Булат Окуджава: Учитель-словесник.
- ³² *Окуджава Б.Ш.* Новенький как с иголочки. С. 128.
- ³³ Архив школы № 5 г. Калуги. Окуджава Б. Личный листок по учету кадров. Л. 4.
- ³⁴ Там же. Копия приказа от 04.02.1952 о назначении Б.Ш. Окуджавы в школу № 5 г. Калуги.
- ³⁵ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 5.
- ³⁶ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ³⁷ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ³⁸ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ³⁹ Булат Окуджава: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем // Молодой ленинец. [Калуга], 1990. 8 дек.
- ⁴⁰ Разговор с К. Андерсон 2003 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁴¹ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁴² Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁴³ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁴⁴ *Соловьев В.* Путешествия с Булатом Окуджавой // Весть. [Калуга], 1997. 22 июля.
- ⁴⁵ Архив школы № 5 г. Калуги. Симонов Н.Ф. Воспоминания о Б.Ш. Окуджаве. 11.12.1983. [Рукопись].
- ⁴⁶ *Соловьев В.* Путешествия с Булатом Окуджавой.
- ⁴⁷ *Манкевич Т.А.* Воспоминания об Окуджаве. Апрель 2004 [Рукопись]. Л. 1–2.
- ⁴⁸ *Гусев А.* Окуджава встречается на лестнице // Калужский перекресток. [Калуга]. 2004. 20–26 мая.
- ⁴⁹ Разговор с Л.Е. Чирковым 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁵⁰ Разговор с Л.Е. Чирковым 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁵¹ *Гусев А.* Окуджава встречается на лестнице.
- ⁵² Разговор с Л.Е. Чирковым 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁵³ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 2.
- ⁵⁴ Разговор с Т.А. Манкевич 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁵⁵ *Симонов Н.Ф.* Воспоминания о Б.Ш. Окуджаве. 11.12.1983. [Рукопись]. Архив школы № 5 г. Калуги.
- ⁵⁶ Разговор с Л.Е. Чирковым 2004 г. (архив О.М. Розенблом).
- ⁵⁷ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 5.
- ⁵⁸ Булат Окуджава: Учитель-словесник.
- ⁵⁹ Булат Окуджава: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем // Молодой ленинец. [Калуга]. 1990. 8 дек.

- ⁶⁰ Разговор с Я.Г. Марунич 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶¹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 23.
- ⁶² Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 6.
- ⁶³ Там же. Л. 7.
- ⁶⁴ Там же. Л. 8.
- ⁶⁵ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 19.
- ⁶⁶ Дорожный архив Московско-Киевской железной дороги. Оп. 8841959. С. 18. Д. 108. Л. 9.
- ⁶⁷ Там же. Л. 10.
- ⁶⁸ *Гизатулин М.* «Два старых солдатака». Булат Окуджаву и Николай Панченко // *Голос надежды: Новое о Булате.* Вып. 3 / Сост. А.Е. Крылов. М., 2006. С. 143.
- ⁶⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 295.
- ⁷⁰ Там же. С. 238.
- ⁷¹ Там же. С. 453–454.
- ⁷² Там же. С. 208.
- ⁷³ Там же. С. 250.
- ⁷⁴ Там же.

XX

- ¹ Булат Окуджаву: Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // *Независимая газета.* 1997. 20 сент.
- ² Булат Окуджаву: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем // *Молодой ленинец.* [Калуга]. 1990. 8 дек.
- ³ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 27–28.
- ⁵ Булат Окуджаву: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии / Беседу вел Ю. Зельников // *Весть.* [Калуга]. 1996. 27 июля.
- ⁶ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁸ *Панченко Н.В.* Горячий след. М., 1994. С. 14.
- ⁹ *Самойлов Д.С.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 56.
- ¹⁰ *Орлов С.С.* Избранное: Стихотворения. М., 1988. С. 151.
- ¹¹ *Панченко Н.В.* Горячий след. С. 19.
- ¹² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 185.
- ¹³ *Панченко Н.В.* Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1988. С. 80–81.

- ¹⁴ *Рассадин С.Б.* Булат Окуджава. М., 1999. С. 14.
- ¹⁵ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 119.
- ¹⁶ *Панченко Н.* Обелиски. Стихи солдата // Тарусские страницы. Калуга, 1961. С. 137–138.
- ¹⁷ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁸ Булат Окуджава: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем.
- ¹⁹ Извещение // Молодой ленинец. [Калуга]. 1953. 5 июля.
- ²⁰ В бюро литературного объединения // Там же. 23 авг.
- ²¹ *Шмелькова В.* Никогда Калуга не была такой поэтической... // Весть. [Калуга]. 1992. 22 февр.
- ²² Там же.
- ²³ *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 115.
- ²⁴ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 23.
- ²⁵ Там же. С. 75.
- ²⁶ Там же. С. 9.
- ²⁷ *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. С. 115.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Шмелькова В.* Никогда Калуга не была такой поэтической...
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Разговор с К.М. Афанасьевым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³³ *Шмелькова В.* Никогда Калуга не была такой поэтической...
- ³⁴ Цит. по описанию, с которым эта книга была продана на аукционе: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vnikitskom.com/ru/antique/auction/1/128> (Дата обращения 03.06.2013).
- ³⁵ Архив Международного общества «Мемориал». Фонд 118.
- ³⁶ Булат Окуджава: Вы слышите, грохочут сапоги... // В мире книг. 1984. № 5. С. 63.
- ³⁷ *Окуджава Б.Ш.* Подозрительный инструмент // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант: Проза. М., 1993. С. 278.
- ³⁸ *Наровчатов С.* Пафос гражданственности в нашей поэзии // Коммунист. 1965. № 11. С. 77.
- ³⁹ *Солощенко В.* И даже Марина Цветаева. Пятьдесят лет альманаху «День поэзии» // Независимая газета. Ex libris. 2006. 21 сент.
- ⁴⁰ *Усова Н.* Первый шаг // Знамя. [Калуга]. 2000. 10 июня.
- ⁴¹ Датируется по: *Чупринин С.* Оттепель: хроника важнейших событий 1953–1956 гг. // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 445–452.
- ⁴² *Окуджава Б.* Конференция молодых литераторов // Молодой ленинец. [Калуга]. 1954. 5 авг.
- ⁴³ *Усова Н.* Указ. соч.
- ⁴⁴ *Окуджава Б.* Конференция молодых литераторов.

- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 30.
- ⁴⁷ *Орлов С.С.* Избранное. С. 96.
- ⁴⁸ Там же. С. 283.
- ⁴⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 138.
- ⁵⁰ *Усова Н.* Указ. соч.
- ⁵¹ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵² Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵³ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁴ *Окуджаву Б.* Конференция молодых литераторов.
- ⁵⁵ Писатели в газете: [Из письма Н. Панченко и Б. Окуджавы в «ЛГ»] // Литературная газета. 1956. 12 апр.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Булат Окуджаву: Авторская песня: кризис жанра? / Беседу вел И. Медовой // Советская культура. 1987. 28 апр.
- ⁵⁹ Писатели в газете: [Из письма Н. Панченко и Б. Окуджавы в «ЛГ»].
- ⁶⁰ Булат Окуджаву: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем.
- ⁶¹ Булат Окуджаву: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии.
- ⁶² Булат Окуджаву: Ивана Ивановича в самом деле звали Отаром Отаровичем.
- ⁶³ *Панкин Б.Д.* Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. М., 2002. С. 72.
- ⁶⁴ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁵ *Авдонин А.* Повышать культуру торговли // Молодой ленинец. 1953. 27 авг.
- ⁶⁶ *Авдонин А.* Нам нужны отличные товары! // Там же. 20 авг.
- ⁶⁷ *Золотин А.* В десять раз дешевле // Там же. 30 сент.
- ⁶⁸ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁹ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷⁰ Булат Окуджаву: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии.
- ⁷¹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 28.
- ⁷² Булат Окуджаву: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии.
- ⁷³ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷⁴ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷⁵ Разговор с Д.П. Гурджи 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷⁶ Булат Окуджаву: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷⁹ *Панкин Б.* Как погасили факел // Комсомольская правда. 1956. 9 дек.

- ⁸⁰ *Панкин Б.Д.* Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. С. 71.
- ⁸¹ *Панкин Б.* Как погасили факел.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ *Панченко Н.* Частный опыт истории // Грани. М; Париж; Берлин; Сан-Франциско, 2002. № 204. С. 47.
- ⁸⁴ *Панкин Б.Д.* Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. С. 71.
- ⁸⁵ *Панченко Н.* Частный опыт истории. С. 47.
- ⁸⁶ Там же. С. 49.
- ⁸⁷ Там же. С. 49–50.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. С. 51–52.
- ⁹⁰ Там же. С. 53.
- ⁹¹ Там же. С. 52.
- ⁹² Там же. С. 52–54.

XXI

- ¹ *Живописцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 25.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Там же. С. 27.
- ⁴ *Усова Н.* Первый шаг // Знамя. [Калуга]. 2000. 10 июня.
- ⁵ Госархив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29584. Л. 146.
- ⁶ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁷ *Марьясин И.Л.* Переписка с Булатом // Иерусалимский журнал. 2001. № 7. С. 253.
- ⁸ *Куровская С.* Через четыре десятилетия // Весть. [Калуга]. 2000. 14 июня.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Булат Окуджав: Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // Независимая газета. 1997. 20 сент.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Окуджав Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 24.
- ¹³ *Алексеев С.Д.* Окуджав Шалва Степанович // 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 193.
- ¹⁴ Разговор с И.Л. Лиснянской 2005 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ¹⁵ Архив Союза писателей СССР. [Окуджав Б.Ш.]. Учетная карточка № 1256.

- ¹⁶ *Соловьев В.* Путешествия с Булатом Окуджавой // Весть. [Калуга]. 1997. 22 июля.
- ¹⁷ Булат Окуджава: Упраздненный театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонек. 1991. № 19. С. 5.
- ¹⁸ *Панченко Н.* Частный опыт истории. Грани. М., Париж; Берлин; Сан-Франциско, 2002. № 204. С. 58.
- ¹⁹ Булат Окуджава: Я с удовольствием пожил бы в Калужской губернии / Беседа вел Ю. Зельников // Весть. [Калуга]. 1996. 27 июля.
- ²⁰ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²¹ Разговор с Т.М. Пыжиковой 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²² *Гурджи Д.* Окуджава: Калуга и весь мир // Весть. Калуга. 2001. 14 июня.
- ²³ *Евдокимов В.* Булат Окуджава в Калуге // Молодой ленинец. [Калуга]. 1967. 15 нояб.
- ²⁴ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 173.
- ²⁵ Там же. С. 173–174.
- ²⁶ Разговор с Т.М. Пыжиковой 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ²⁷ *Хмелик А.* Сценарий написан поэтом // Искусство кино. 1967. № 9. С. 47–48.
- ²⁸ *Нефедова С.* Смясь, мы расставались // Московский комсомолец. 1967. 4 окт.
- ²⁹ *Маркова Ф.* Время не властно над памятью о войне // Труд. 1967. 6 окт.
- ³⁰ *Окуджава Б.* [Письмо в ред. газ. «Труд»: В связи с отзывом Ф. Марковой на к/ф «Женя, Женечка и “катюша”» (Труд. 1967. 6 окт.)] // Труд. 1967. 1 дек.
- ³¹ *Миленушкина Е.* Оборванная струна // Знамя. 1999. 8 мая.
- ³² Разговор с Т.М. Пыжиковой 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³³ Разговор с Т.М. Пыжиковой 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³⁴ Разговор с Т.М. Пыжиковой 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³⁵ *Симонов Н.Ф.* Воспоминания о Б.Ш. Окуджаве. 11.12.1983. [Рукопись]. Архив школы № 5 г. Калуги.
- ³⁶ Датируется по: Пушкиниана калужской земли / Сост. Г. Журова. Тула, 1990. С. 29. Эту брошюру Окуджава сохранил у себя в Переделкине.
- ³⁷ Собрание С.А. Васильчикова. [Записка Окуджавы С.А. Васильчикову].
- ³⁸ Разговор с С.А. Васильчиковым 2004 г. (архив О.М. Розенблум).
- ³⁹ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴⁰ Собрание Т.А. Манкевич. [Фотография: А.Г. Больгинов, О.В. Арцимович и другие, 1985 г.].
- ⁴¹ Собрание Т.А. Манкевич. Коллаж [28 ноября 1985].
- ⁴² См. об этом: *Соловьев В.* Путешествия с Булатом Окуджавой // Молодой ленинец. [Калуга]. 1990. 8 дек.
- ⁴³ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴⁴ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ⁴⁵ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблум).

- ¹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 25.
- ² *Чупринин С.И.* Хроника важнейших событий // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 446.
- ³ *Окуджаву Б.* Март великодушный. М., 1967. С. 8.
- ⁴ *Чупринин С.И.* Хроника важнейших событий. С. 427.
- ⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Острова. М., 1959. С. 60.
- ⁶ Булат Окуджаву: В период общего отчаяния не надо усугублять его отчаянием собственным / [Беседует] А. Николов // Учительская газета. 1992. 14 янв.
- ⁷ *Окуджаву Б.* Лирика. [Калуга], 1956. С. 3.
- ⁸ *Зоценко М.М.* Избранное. М., 1981. С. 333, 334, 337.
- ⁹ *Окуджаву Б.* Лирика. С. 58.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же. С. 44.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 14.
- ¹⁹ Там же. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² Там же. С. 28.
- ²³ Там же. С. 29.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Там же. С. 36.
- ²⁶ Там же. С. 40.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 59.
- ²⁹ Там же. С. 44.
- ³⁰ Там же. С. 35.
- ³¹ Там же. С. 45.
- ³² Там же. С. 14.
- ³³ Там же. С. 16.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 5.

- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 8–9.
- ³⁹ Там же. С. 7.
- ⁴⁰ Там же. С. 18.
- ⁴¹ Там же. С. 17.
- ⁴² Булат Окуджава: На любовь свое сердце настрою... / Беседу вела И. Ришина // Литературная газета. 1984. 25 апр.
- ⁴³ *Окуджава Б.* Лирика. С. 19.
- ⁴⁴ Там же. С. 20.
- ⁴⁵ Булат Окуджава: Вы слышите, грохочут сапоги... // В мире книг. 1984. № 5. С. 63.
- ⁴⁶ *Окуджава Б.* Лирика. С. 32.
- ⁴⁷ Там же. С. 35.
- ⁴⁸ *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 25.
- ⁴⁹ Там же. С. 32.
- ⁵⁰ Там же. С. 34.
- ⁵¹ Там же. С. 51.
- ⁵² Там же. С. 19.
- ⁵³ Там же. С. 21.
- ⁵⁴ Булат Окуджава: «Все зависит от таланта...» / Беседу вел Г. Елин // Литературная Россия. 1984. 10 февр.

XXIII

- ¹ Разговор с И.Е. Миронер 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ² Разговор с И.Е. Миронер 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ³ Разговор с И.Е. Миронер 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴ *Войнович В.* Как я стал писателем [Из интервью А. Шаталову]. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magistral-studio.ru/history.htm> (дата обращения: 24.05.2013).
- ⁵ Разговор с И.Е. Миронер 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶ *Садовский М.* Магистраль. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.lebed.com/2006/art4675.htm> (дата обращения: 31.05.2013).
- ⁷ В 2002 г. И.Е. Миронер разрешила мне познакомиться с письмами Левину к его юбилею: *Тарковский А.А.* Письмо Г.М. Левину от 20.12.1977.
- ⁸ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁹ *Садовский М.* Указ. соч.
- ¹⁰ *Сухарев Д.* Затепли огонек. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magistral-studio.ru/history.htm> (дата обращения: 31.05.2013).
- ¹¹ *Шишкова З.* «Хорошо, когда человек, уходя, оставляет песню». [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magistral-studio.ru/history.htm> (дата обращения: 31.05.2013).

- ¹² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 246.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 25–26.
- ¹⁶ Разговор с И.Е. Миронер 2002 г. (архив О.М. Розенблум).
- ¹⁷ Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться / [Записал] М. Поздняев // *Общая газета*. 1997. 17–23 июля.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 9.
- ²⁰ Булат Окуджаву: Интеллигент – не профессия / Беседовала Т. Черкасова // *Комсомольская правда*. 1993. 18 сент.
- ²¹ Булат Окуджаву: О самой главной песенке: «Творчество у Пушкина, а у меня – работа» / [Беседовал] О. Фочкин // *Московский комсомолец*. 1995. 1 марта.
- ²² Булат Окуджаву: Всеу времечко свое // *Моя Москва*. 1993. № 1–3. С. 5.
- ²³ Булат Окуджаву: О самой главной песенке: «Творчество у Пушкина, а у меня – работа».
- ²⁴ Булат Окуджаву: Есть ли в Москве Арбат? / Записала Е. Белостоцкая // *Труд*. 1989. 26 авг.
- ²⁵ Булат Окуджаву: Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // *Независимая газета*. 1997. 20 сент.
- ²⁶ *Гребнев А.Б.* Записки последнего сценариста. М., 1999. С. 82.
- ²⁷ Булат Окуджаву: Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // *Литературная газета*. 1976. 17 нояб.
- ²⁸ Там же.

XXIV

- ¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 7.
- ² Там же.
- ³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 9.
- ⁴ *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 20–21.
- ⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 9.
- ⁶ *Нагибин Ю.М.* Дневник. М., 1995. С. 243.
- ⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 11.
- ⁸ В старой орфографии см.: *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 30 / Под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1900. С. 54–55.

- ⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 11.
- ¹⁰ Булат Окуджаву: С иллюзиями надо расставаться / [Записал] М. Позд-
няев // *Общая газета*. 1997. 17–23 июля.
- ¹¹ Цит. по фильму Хуциева, в публикациях – «С ежедневными Бородино».
- ¹² Цит. по фильму Хуциева.
- ¹³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 12.
- ¹⁴ *Окуджаву Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на за-
писки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост.
А. Петраков. М., 1997. С. 66.
- ¹⁵ Там же. С. 203.
- ¹⁶ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 12–13.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ *Окуджаву Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 9.
- ¹⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 14.
- ²⁰ *Окуджаву Б.* Острова. М., 1959. С. 87.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 71.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 72.
- ²⁵ Там же. С. 70.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Булат Окуджаву: О любви и смерти / Беседует И. Мильштейн // *Огонек*. 1994. № 2–3. С. 16.
- ²⁸ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 15.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 16.
- ³¹ Там же. С. 208.
- ³² Там же. С. 119.
- ³³ Там же. С. 73.
- ³⁴ Там же. С. 16.
- ³⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Девушка моей мечты // Окуджаву Б.Ш. *Заезжий му-
зыкант*. М., 1993. С. 240.
- ³⁶ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 10.
- ³⁷ Там же. С. 17.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 18.
- ⁴⁰ Там же. С. 45.
- ⁴¹ Там же. С. 18.
- ⁴² *Рассадин С.* Булат Окуджаву. М., 1999. С. 48.
- ⁴³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 18.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 19.

- ⁴⁷ Там же. С. 21.
- ⁴⁸ Цит. по: *Розенблюм О.* Реальный читатель и образ читателя: записки из зала, адресованные Булату Окуджаве // Русская филология. 15. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2004. С. 162.
- ⁴⁹ *Окуджаву Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 80.
- ⁵⁰ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 23.
- ⁵¹ Там же. С. 10.
- ⁵² Там же. С. 75.
- ⁵³ Там же. С. 99.
- ⁵⁴ Там же. С. 91.
- ⁵⁵ Там же. С. 146.
- ⁵⁶ Там же. С. 152.
- ⁵⁷ *Евтушенко Е.А.* Надежды маленький оркестрик // Евтушенко Е.А. Талант есть чудо неслучайное. М., 1980. С. 223.
- ⁵⁸ *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 2. М., 2004. С. 58.
- ⁵⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 106.
- ⁶⁰ Там же. С. 126–127.
- ⁶¹ Там же. С. 157.
- ⁶² Там же. С. 474.
- ⁶³ Там же. С. 24.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 25.
- ⁶⁶ Там же. С. 26.
- ⁶⁷ Там же. С. 26–27.
- ⁶⁸ Там же. С. 26.
- ⁶⁹ Там же. С. 27.
- ⁷⁰ Там же. С. 28.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 29.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 30.
- ⁷⁶ *Окуджаву Б.* Лирика. [Калуга], 1956. С. 11.
- ⁷⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 31.
- ⁷⁸ *Окуджаву Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 42.
- ⁷⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 31.
- ⁸⁰ Там же. С. 377.
- ⁸¹ Там же. С. 32.
- ⁸² Там же. С. 34.
- ⁸³ *Орлов С.С.* Избранное. Стихотворения. М., 1988. С. 255.
- ⁸⁴ Там же. С. 283.
- ⁸⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 36.

- ⁸⁶ Там же. С. 35.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Окуджава Б.Ш.* Будь здоров, школяр // Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант. М., 1993. С. 14.
- ⁹⁰ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 36.
- ⁹¹ *Окуджава Б.Ш.* Будь здоров, школяр. С. 15–16.
- ⁹² *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 515.
- ⁹³ Там же. С. 38.
- ⁹⁴ Там же. С. 37.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. С. 39.
- ⁹⁷ Там же. С. 50.
- ⁹⁸ *Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Сост. и коммент. Е. Пастернак, К. Поливанов. М., 1989. С. 240.
- ⁹⁹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 111.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 158.
- ¹⁰¹ Там же. С. 111.
- ¹⁰² Там же. С. 39.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 40.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 38.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 42.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 43.
- ¹¹⁰ *Слуцкий Б.А.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1: Стихотворения 1939–1961 / Сост. Ю. Болдырева. М., 1991. С. 119.
- ¹¹¹ Там же. С. 238.
- ¹¹² Там же. С. 113.
- ¹¹³ Там же. С. 375.
- ¹¹⁴ Там же. Т. 3. Стихотворения. 1972–1977 / Сост. Ю. Болдырева. М., 1993. С. 47.
- ¹¹⁵ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 43.
- ¹¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹¹⁷ *Бродский И.А.* Нобелевская лекция // Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: В 2 т. Т. 2: Стихотворения, эссе, пьесы / Сост. В.И. Уфлянд. Мн., 1992. С. 459.
- ¹¹⁸ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 45.
- ¹¹⁹ Там же. С. 46.
- ¹²⁰ *Рассадин С.* Указ. соч. С. 14.
- ¹²¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 46.
- ¹²² Там же. С. 47.

- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. С. 48.
- ¹²⁵ Там же. С. 49.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. 50.
- ¹²⁸ Там же. С. 76.
- ¹²⁹ Там же. С. 50.
- ¹³⁰ *Пастернак Б.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 521.
- ¹³¹ Там же. С. 51.
- ¹³² Там же. С. 52.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. С. 53.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же. С. 54.
- ¹³⁷ *Евтушенко Е.А.* Надежды маленький оркестрик. С. 223.
- ¹³⁸ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 56.
- ¹³⁹ Там же. С. 56–57.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 58.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же. С. 100.
- ¹⁴³ Там же. С. 194.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 425.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 295.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 459.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 311.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 60.
- ¹⁵¹ Там же. С. 61.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 62.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 63.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 64.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 65.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 104.
- ¹⁶¹ Там же. С. 65.
- ¹⁶² Там же. С. 66.
- ¹⁶³ Там же. С. 67.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 68.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 69.

- 166 Там же. С. 237.
167 Там же. С. 142.
168 Там же. С. 254.
169 Там же. С. 463.
170 Там же. С. 70.
171 Там же. С. 70–71.
172 Там же. С. 72.
173 Там же.
174 Там же.
175 Там же. С. 73.
176 Там же. С. 74.
177 Там же. С. 75.
178 Там же.
179 Разговор с И.Л. Лиснянской 2005 г. (архив О.М. Розенблюм).
180 *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 75.
181 Там же. С. 76–77.
182 Там же. С. 78.
183 Там же. С. 80.
184 Там же. С. 81.
185 Там же. С. 82.
186 Там же. С. 83.
187 Там же.
188 Там же. С. 84.
189 Там же.
190 Там же. С. 86.

XXV

- ¹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 80.
² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 97.
³ *Окуджаву Б.Ш.* Упраздненный театр. М., 1995. С. 55.
⁴ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 129.
⁵ Там же. С. 169.
⁶ *Елигулашвили Э.* ...Начинается судьба // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 32.
⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 170.
⁸ Там же. С. 235.
⁹ Булат Окуджаву: Булат Окуджаву сегодня не пишет песен. А все-таки жаль... / Беседу вел Е. Абрамов // Комсомольская правда. 1991. 16 нояб.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 235.
- ¹² *Животисцева И.* Опали, как листва, десятилетия: [Воспоминания]. СПб., 1998. С. 16.
- ¹³ Архив Тбилисского государственного университета. Личное дело студента ТГУ им. Сталина Б.Ш. Окуджавы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4968.
- ¹⁴ Архив Союза писателей СССР. [Окуджава Б.Ш.]. Учетная карточка № 1256.
- ¹⁵ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 186.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 106.
- ¹⁸ Булат Окуджава: Булат Окуджава сегодня не пишет песен. А все-таки жаль...
- ¹⁹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 106.
- ²⁰ Там же. С. 120.
- ²¹ Там же. С. 341.
- ²² Там же.
- ²³ *Окуджава Б.Ш.* Прелестные приключения. М., 1993. [С. 2].
- ²⁴ Там же. [С. 3].
- ²⁵ Там же. [С. 4].
- ²⁶ Там же. [С. 12].
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. [С. 13].
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 27–28.
- ³¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 298.
- ³² Там же. С. 130.
- ³³ Там же. С. 179.
- ³⁴ Там же. С. 161.
- ³⁵ *Слуцкий Б.* Ценности [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://lit.peoples.ru/poetry/boris_slutskiy/poem_13388.shtml (дата обращения 30.05.2013).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 161.
- ⁴⁰ Там же. С. 167.
- ⁴¹ Булат Окуджава: Мы с Польшей любили друг друга / Беседу вела Т. Косинова // Новая Польша. 1999. № 4. С. 13.
- ⁴² *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 167.
- ⁴³ Там же. С. 168.
- ⁴⁴ *Окуджава Б.* Прощание с Польшей // День поэзии. М., 1966. С. 125.
- ⁴⁵ Разговор с А. Михником 2010 г. (архив О.М. Розенблюм).

- ⁴⁶ *Окуджаву Б.* Прощание с Польшей. С. 125.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Разговор с К. Модзелевским 2010 г. (архив О.М. Розенблюм). Первая публикация 17.01.2012 г.: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/33417/page2> (дата обращения 31.05.2013).
- ⁴⁹ Разговор с А. Михником 2010 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁰ Разговор с К. Модзелевским 2010 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵¹ *Окуджаву Б.* Прощание с Польшей. С. 125.
- ⁵² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 208.
- ⁵³ *Николаевская Е.* «Много лучше...» // День поэзии. М., 1966. С. 125.
- ⁵⁴ *Окуджаву Б.* Прощание с осенью // Там же. С. 126.
- ⁵⁵ *Окуджаву Б.* Монолог гончара // Там же.
- ⁵⁶ Разговор с А. Михником 2010 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁵⁷ Булат Окуджаву: Мы с Польшей любили друг друга. С. 8.
- ⁵⁸ *Окуджаву Б.* Прощание с Польшей. С. 125.
- ⁵⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 578.
- ⁶⁰ Булат Окуджаву: Мы с Польшей любили друг друга. С. 8.
- ⁶¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 238.
- ⁶² Разговор с А. Михником 2010 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 238.
- ⁶⁴ Там же. С. 238–239.
- ⁶⁵ Там же. С. 250.
- ⁶⁶ Там же. С. 211.
- ⁶⁷ Там же. С. 214.
- ⁶⁸ Там же. С. 251.
- ⁶⁹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 165.
- ⁷⁰ Там же. С. 182.
- ⁷¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 242.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 114.
- ⁷⁴ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 242.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 245.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 255.
- ⁷⁹ Архив Союза писателей СССР. [Окуджаву Б.Ш.]. Учетная карточка № 1256.
- ⁸⁰ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 19.
- ⁸¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 133.
- ⁸² Там же. С. 133–134.
- ⁸³ Там же. С. 154.
- ⁸⁴ Там же. С. 155.

- ⁸⁵ Там же. С. 156.
- ⁸⁶ Там же. С. 157.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же. С. 158.
- ⁸⁹ Там же. С. 217.
- ⁹⁰ Там же. С. 219.
- ⁹¹ Там же. С. 204.
- ⁹² Там же. С. 101.
- ⁹³ Там же. С. 140–141.
- ⁹⁴ Там же. С. 115.
- ⁹⁵ Там же. С. 180.
- ⁹⁶ Там же. С. 182.
- ⁹⁷ Там же. С. 183.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Советский экран. 1990. № 4. С. 14. Цит. по: *Сажин В.Н.* Примечания // Окуджаву Б.Ш. Стихотворения. СПб., 2001. С. 630.
- ¹⁰⁰ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 183.
- ¹⁰¹ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 277.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С. 77.
- ¹⁰⁴ Булат Окуджаву: Булат Окуджаву сегодня не пишет песен. А все-таки жаль... / Беседу вел Е. Абрамов // Комсомольская правда. 1991. 16 нояб.
- ¹⁰⁵ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 212.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 197.
- ¹⁰⁷ *Сажин В.Н.* Слеза барабанщика // Окуджаву Б.Ш. Стихотворения / Сост. В.Н. Сажина, Д.В. Сажина / Примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2001. С. 71.
- ¹⁰⁸ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 230.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 230–231.
- ¹¹⁰ Там же. С. 231.
- ¹¹¹ Там же. С. 221.
- ¹¹² Цит. по: *Розенблюм О.* Реальный читатель и образ читателя: записки из зала, адресованные Булату Окуджаву // Русская филология. 15. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2004. С. 165.
- ¹¹³ Булат Окуджаву: «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...» // Труд. 1993. 30 янв.
- ¹¹⁴ Булат Окуджаву: «...Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...» // Труд. 1993. 30 янв. С. 1.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Розенблюм О.* Указ. соч. С. 165.
- ¹¹⁶ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 380.
- ¹¹⁷ Там же. С. 225.
- ¹¹⁸ Булат Окуджаву: Булат Окуджаву тридцать лет спустя / [Встречу в

редакции записал] Ю. Соколов // Известия. 1993. 6 марта.

- ¹¹⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 232.
- ¹²⁰ Интервью Бенедикта Сарнова Майе Пешковой, расшифровка программы «Непрошедшее время», вышедшей в эфир 5 июля 2009 года: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/time/601824-echo> (дата обращения 31.05.2013).
- ¹²¹ *Галич А.А.* Генеральная репетиция. М., 1991. С. 72–73.
- ¹²² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 232.

XXVI

- ¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 271.
- ² Там же. С. 283.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 284.
- ⁵ Там же. С. 272.
- ⁶ Там же. С. 276.
- ⁷ Там же. С. 294.
- ⁸ Там же. С. 293.
- ⁹ Там же. С. 306.
- ¹⁰ Там же. С. 302.
- ¹¹ Там же. С. 298.
- ¹² Булат Окуджаву: «Чем громче музыка атак, тем слаще мед огней домашних» / Беседа вела О. Соломонова // Труд-7. 1995. 13–19 сент.
- ¹³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 326.
- ¹⁴ Там же. С. 280.
- ¹⁵ Там же. С. 289.
- ¹⁶ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 119.
- ¹⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 289.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 290.
- ²⁰ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки во время публичных выступлений 1961–1995 гг.] / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 105.
- ²¹ *Блок А.А.* Стихотворения. Л., 1955. С. 196.
- ²² *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 320.
- ²³ Там же. С. 295.
- ²⁴ Там же. С. 296.
- ²⁵ Там же. С. 295.
- ²⁶ Там же. С. 307.
- ²⁷ Там же. С. 348.

- ²⁸ *Окуджаву Б.* «Я никому ничего не навязывал...» С. 30.
- ²⁹ Там же. С. 39.
- ³⁰ Там же. С. 78.
- ³¹ Там же. С. 82–83.
- ³² Булат Окуджаву: О самой главной песенке: «Творчество у Пушкина, а у меня – работа» / [Беседовал] О. Фочкин // Московский комсомолец. 1995. 1 марта.
- ³³ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 353.
- ³⁴ Там же. С. 438.
- ³⁵ Булат Окуджаву: Есть ли в Москве Арбат? / Записала Е. Белостоцкая // Труд. 1989. 26 авг.
- ³⁶ Булат Окуджаву: Всему времечко свое / Беседовал М. Нодель // Моя Москва. 1993. № 1–3. С. 5.
- ³⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 438.
- ³⁸ Там же. С. 354.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Шилов Л.* На реке Гауя: Фотоочерк // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. М., 2004. С. 53–58.
- ⁴¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 360.
- ⁴² Там же. С. 432.
- ⁴³ Там же. С. 361.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Разговор с Б.М. Сарновым 2003 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁴⁶ Интервью Бенедикта Сарнова Майе Пешковой, расшифровка программы, «Непрошедшее время», вышедшей в эфир 5 июля 2009 года: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/time/601824-echo> (дата обращения 31.05.2013).
- ⁴⁷ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 339.
- ⁴⁸ Там же. С. 362–363.
- ⁴⁹ Там же. С. 380.
- ⁵⁰ Там же. С. 357.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 380–381.
- ⁵³ Там же. С. 426.
- ⁵⁴ Там же. С. 410.
- ⁵⁵ Там же. С. 414.
- ⁵⁶ Там же. С. 504.
- ⁵⁷ Там же. С. 451–452.
- ⁵⁸ *Искандер Ф.* Так не делайте ж запасов из любви и доброты // Лит. газета. Спец. вып. 1997. [21 июля].
- ⁵⁹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 511.
- ⁶⁰ *Войнович В.* «И я судьбу благословил...» // Огонек. 1997. № 25. С. 35.
- ⁶¹ *Окуджаву Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 453.

- ⁶² Там же. С. 458.
- ⁶³ Там же. С. 539.
- ⁶⁴ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁵ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 539–540.
- ⁶⁶ Булат Окуджав: «Чем громче музыка атак, тем слаще мед огней домашних». С. 4.
- ⁶⁷ Разговор с З.А. Казбек-Казиевым 2002 г. (архив О.М. Розенблюм).
- ⁶⁸ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 515.
- ⁶⁹ Там же. С. 511.
- ⁷⁰ Там же. С. 463.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 463–464.
- ⁷⁴ Там же. С. 557.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 557–558.
- ⁷⁷ Там же. С. 127.
- ⁷⁸ Там же. С. 558.
- ⁷⁹ Там же. С. 570.
- ⁸⁰ Там же. С. 570–571.
- ⁸¹ Булат Окуджав: «Чем громче музыка атак, тем слаще мед огней домашних». С. 4.
- ⁸² *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...». С. 275–276.
- ⁸³ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 598.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.

XXVII

- ¹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 506.
- ² Там же.
- ³ [*Окуджава Б.*] Итоги // Лит. газета. Спец. вып. 1997. [21 июля]. С. 2.

Беседы об Окуджаве

- ¹ *Окуджава Б.* Мы с Польшей любили друг друга / Беседу вела Т. Косинова // Новая Польша. 1999. № 4. С. 11.
- ² *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате: [Стихи разных лет]. М., 1996. С. 583.
- ³ *Коржавин Н.М.* Время дано: Стихи и поэмы. М., 1992. С. 13.

- ⁴ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. С. 616.
- ⁵ *Бабель И.Э.* Костел в Новограде // Бабель И.Э. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 9.
- ⁶ *Коржавин Н.М.* Время дано. С. 60.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ Писатели требуют от правительства решительных действий // Известия. 1993. 5 окт.
- ⁹ *Окуджава Б.Ш.* Чаепитие на Арбате. М., 1996. С. 229.
- ¹⁰ *Жирмунская Т.* С ангелом путешествий за спиной // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.port-folio.org/2011/part60.html> (дата обращения 01.05.2013).
- ¹¹ *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. С. 591.

Именной указатель

- Абдулов В.О. 271
Абельская Р.Ш. 272
Абрамов А.Ф. 81, 82
Абрамов Е. 485, 495, 514, 517
Авдеенко А.О. 53, 54, 59, 71, 478, 481
Авдонин А.Н. 228, 229, 239, 240, 249, 504
Адамович А.М. 13, 28, 455
Аджубей А.И. 209
Айги Г.Н. 248
Айзенберг Г. – см. Гребнев А.Б.
Акиртава Н.Н. 43
Акопджанова В.В. 182
Аксельрод Е.М. 265
Аксенов В.П. 250, 363, 369, 403, 424, 458
Александров А. 488, 496
Александрова М.А. 272
Алексеев С.Д. 21, 67, 72, 474–476, 480–481, 505
Алексеева Л.М. 369
Алигер М.И. 373, 460
Альбац Е.М. 378, 471
Альберти Р. 248
Амирэджиби М.И. (Чабуа) 197
Андерсон К. 501
Андроников И.Л. 439
Аннинский Л.А. 272
Антокольский П.Г. 265, 287, 339, 459
Армстронг Л.Д. 122
Аронов А.Я. 265, 448, 457
Арсеньев К.К. 509
Арцимович О.В. 56, 251, 254, 327, 329, 345, 346, 350, 416, 466, 506
Асеев Н.Н. 179, 444
Асламова Д. 488
Астафьев В.П. 376, 441, 455
Астафьева Н.Г. 231, 265
Афанасьев К.М. 230, 503
Ахмадулина Б.А. 118, 265, 269, 275, 318, 331, 343, 373, 424, 425, 441, 455, 458, 459, 462
Ахматова А.А. 153, 264, 368, 410
Бабель И.Э. 436, 520
Багрицкий Э.Г. 233
Баженов – см. Бежанов В.И.
Бак И.Д. 55, 184
Бакланов Г.Я. 277, 306, 455, 489
Балтер Б.И. 85, 368, 369, 441, 443, 444
Баранов М.О. 271
Бараташвили Н.М. 280
Барнаб 22, 23
Барткулашвили Д.М. 167, 173
Барткулашвили М.М. 173
Батракова О.Я. 285, 286, 288, 308, 321, 322
Бах И.С. 122
Бахтадзе М. 476
Бежанов В.И. (Баженов) 182, 198
Безруков И.А. 378
Бек Т.А. 455
Белая Г.А. 9, 272
Белинский Я.Л. 264
Белль Г. 57, 94
Белостоцкая Е. 509
Белый А. 154, 233
Беранже П.Ж. 183
Берггольц О.Ф. 253
Берестов В.Д. 439
Берия Л.П. 36, 37, 44, 73, 98, 99, 118, 128, 129, 137, 194, 476, 477
Бернс Р. 180, 183
Бетховен Л. ван 122

- Биргер Б.Г. 85, 364, 368
 Блейман М. 249
 Блок А.А. 112, 120, 153, 154, 363,
 410, 518
 Блюмштайн С. 392, 418
 Бовин А.Е. 471
 Богомолов Н.А. 272
 Бодлер Ш.П. 180
 Бойко С.С. 272
 Болдырев Ю.Л. 512
 Больгинов А.Г. 214, 215, 251, 506
 Бондарев Ю.В. 445
 Борисов А.И. (о. Александр Бори-
 сов) 10, 378, 385, 386, 465
 Боттичелли С. 229
 Брандыс М. 391
 Брежнев Л.И. 355
 Бродский И.А. 248, 305, 512
 Брокгауз Ф.А. 509
 Брюсов В.Я. 154, 233
 Будзиньска Ц. 400
 Буйнова М.И. 215
 Булгаков М.А. 112
 Буров 71
 Бухарин Н.И. 74
 Буяновский – см. Буянский Н.К.
 Буянский Н.К. 75–77, 81
 Быков В.В. 277, 306, 455
 Быков Д.Л. 11
 Бялосинская Н.С. 231, 265, 448, 457
- Вайнер А.А.** 471
 Ваншенкин К.Я. 339
 Василевский В. 252
 Васильев 150, 492
 Васильев Б.Л. 455
 Васильчиков С.А. 224, 227, 234,
 236, 239, 240, 247, 249, 250,
 502 504, 506
 Вачнадзе М. 476
 Верт Н. 481, 483
 Веселая Г.А. 486
 Веселый А. 111
- Вигдорова Е.И. 11
 Винокуров Е.М. 112, 439
 Влади М. (Полякова М.В.) 364
 Владимов Г.Н. 209
 Водопьянова З. 473
 Вознесенский А.А. 84, 248, 250,
 265, 339, 403, 441, 451, 452,
 458
 Войнович В.Н. 264, 368, 369, 372,
 457, 508, 519
 Вольпин – см.: Есенин-Воль-
 пин А.С.
 Воробьев К.Д. 306
 Ворошильский В. 403, 406, 415,
 424, 426, 429, 431
 Вулф В. 94
 Высоцкий В.С. 18, 235, 271, 323,
 364–366, 409–411, 412, 417,
 458, 473
- Гай Д.** 483
 Гайдар Е.Т. 95
 Гайдн Ф.Й. 122
 Галансков Ю.Т. 368
 Галич (Гинзбург) А.А. 18, 209, 232,
 235 271, 355, 356, 365, 366,
 518
 Галковский Д.Е. 446
 Гвахария Г.В. 33, 34, 38, 39, 76
 Гегель Г.В.Ф. 180
 Гейне Х.И.Г. 256, 260
 Гельфонд М.М. 272
 Георгадзе Ф.П. (Федосья) 31, 43
 Герасимов 183
 Герасимов Г.Н. 216
 Гиголов Г.М. 176, 177
 Гизатулин М.Р. 10, 26, 58, 97, 206,
 220, 224, 475, 479, 483, 493,
 502
 Гиленко В. 263, 448
 Гинзбург А.И. 231, 355, 368
 Гинзбург Е.С. 209
 Гинзбург С.З. 74, 75

- Гитлер А. 150, 151, 492
 Гладилин А.Т. 413
 Глазков Н.И. 112, 439
 Глинка Ф.Н. 299
 Гоголь Н.В. 286
 Голованов Я.К. 118, 487
 Голсуорси Д. 94
 Гомер 112, 114, 116, 231
 Гомулка В. 389, 405
 Гончаров В. 157
 Горбаневская Н.Е. 342
 Горбачев М.С. 406
 Горбашов А.В. 139
 Гордин Я.А. 272
 Горенштейн Ф.Н. 458
 Горин (Офштейн) Г.И. 460–462
 Горький М. 54, 183
 Горюнов Д.П. 241
 Гранин Д.А. 455
 Гребнев А.Б. (Айзенберг Г.) 10,
 152, 153, 155–158, 174, 270,
 492, 495, 509
 Грибачев Н.М. 234
 Грибоедов А.С. 156, 347–349
 Гройсман Я.И. 475
 Гудзенко С.П. 313, 386, 420, 421 423
 Гудзий Н.К. 232
 Гумилев Н.С. 153, 156, 183
 Гун Р.С. 378
 Гурджи Д.П. 240, 247, 504, 506
 Гурули В. 476
 Гусев А. 501
- Давидов Р.Д.** 183
 Давыдов Р. – см.: Давидов Р.Д.
 Давыдов С. 460
 Давыдов Ю.В. 10, 385–387, 455,
 463, 464
 Давыдова В.А. 120
 Даль О.И. 341
 Даниэль Ю.М. 16, 63, 209, 318,
 354, 355, 368–370, 401, 463
 Данте А. 315
- Двораковский В.Я. 10, 177
 Дзимистаришвили О.Д. 125, 131,
 162, 488, 493
 Доквадзе К.А. 173
 Долженев А. (Окуджава Б.Ш.) 190
 Домбровская Ю. 415
 Домбровский В. 403, 413–415,
 424, 425, 427, 429, 430, 432
 Домбровский Ю.О. 340, 343, 401
 Дорлиак Н.Л. 121
 Дравич А. 403, 429
 Дубшан Л.С. 272
 Думбадзе В.Е. (Ладо) 44
 Дунаевский И.О. 216
- Евдокимов В.** 506
 Евтушенко Е.А. 10, 84, 233, 235,
 250, 265, 269, 289, 310, 318,
 339, 354, 373, 385–387, 403,
 413, 424, 425, 431, 441, 448,
 449, 462, 467, 511, 513
 Ежов Н.И. 98, 99
 Елигулашвили Э.В. 197, 327, 499,
 514
 Елин Г. 508
 Ельцин Б.Н. 470
 Ермаков В.И. 111, 112, 486
 Есенин С.А. 120, 155, 233, 410
 Есенин-Вольпин А.С. 421
 Ефремов И.А. 217
 Ефрон И.А. 509
 Ешба – см.: Эшба Е.А.
- Жаров В.** 238, 241
 Живописцева (Смольянинова) И.В.
 10, 160, 161, 165, 166, 170, 172,
 175, 177, 179, 180, 182, 184,
 194, 197, 199, 204, 235, 244,
 273, 282, 381, 493–497, 499
 500, 504, 505, 509, 515
 Жигулин А.В. 339
 Жирмунская Т.А. 460, 521
 Жоржетта – см. Каневская Ж.

- Журавлев В. 234
Журова Г.М. 506
- З**абельшинский В.З. 263, 266
Заболоцкий Н.А. 233
Зайцев Е. 271
Закусин 82
Замбровский А. 392
Зборовские 109
Зельников Ю.И. 238, 240, 247, 502, 506
Зернова Р.А. 84
Зиновьев Г.Е. 72, 73
Золотин А. 239, 504
Золя Э. 94
Зоркий А. 249
Зощенко М.М. 255, 507
Зубарев П.Т. 82
- И**баррури Д.И.Г. 105
Иванов Вяч.И. 154
Иванов Г.В. 154, 155
Ивахненко 241
Ильичев Л.Ф. 354
Илюшенко В.И. 471
Инмей – см. Цветкова И.М.
Исаев К.Ф. 232
Исаковский М.В. 295
Искандер Ф.А. 339, 359, 372, 403, 519
- К**абаков И.Д. 67
Кавтарадзе С.И. 32, 42, 44, 78
Казбек-Казиев З.А. 10, 28, 118, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 136, 140, 142, 160, 161, 166, 170, 179, 205, 206, 245, 250, 251, 266, 373, 374
Калантаров С. 33
Калашников В.И. 182, 198, 199, 201, 202
Камбурова Е. 365
Каменев Л.Б. 73
Каменский В.В.
- Каневская Ж. 29
Каневская Л.Ю. (Луиза Юльевна) 29
Каневский 27, 28
Кант И. 180
Капельник А. 151, 492
Капур Р.Р. 175
Карасев Ю. 253
Карузо Э. 175
Карцивадзе 78
Карякин Ю.Ф. 373, 455
Кассиль Л.А. 463
Качалов В.И. 120
Квливилдзе М.Г. 329
Кетхудов Р.Г. 10, 178, 182, 198, 199, 201, 202, 497, 499
Киквадзе В.М. 21, 164
Киквадзе Г.М. 25, 31, 39, 43
Киквадзе М.Г. (Максим) 35
Киквадзе М.П. (Макрине) 43
Ким Ю.Ч. 18, 312, 365, 366
Кириллов В.М. 480, 481
Киров С.М. 54, 76
Кирсанов С.И. 339
Кишкин Н. 478
Клековкин 67
Кнабе Г.С. 113, 272, 486
Книппер-Чехова О.Л. 120
Кобликов В.В. 236
Ковтарадзе А.В. 140
Коган П.Д. 277
Козелькова Е.Г. 341
Колаковский Л. 391, 403, 406, 434
Колодный Л. 484, 486, 498
Колунцев Ф. (Бархударян Т.А.) 156
Кольянов М.И. 139
Колябин, директор школы 220
Конвицкий Т. 435
Кончаловский А.С. 410
Копелев Л.З. 368, 381
Коржавин (Мандель) Н.М. 10, 264, 306, 322, 339, 385, 386, 403, 420–423, 442, 520

- Корниенко И.Ф. 139
 Корнилов В.Н. 450, 452
 Корнилова Г.П. 475
 Коростылев Г.В. 139, 144
 Коротков 81, 82
 Косачев 97
 Косинова Т.Ф. 340, 341, 515
 Костин А. 29
 Котляр Э.П. 231, 265
 Кофман Я. 392, 418
 Коченов М. 378
 Кочерава М. 158
 Кравченко М. 492
 Краско В.Л. 265
 Красников Г. 219, 220
 Крахмальникова З.А. 353, 369
 Крейтан Г.В. (Попов) 6, 10, 152–
 158, 157, 178, 181–184, 192,
 193, 195, 198, 199, 234, 266,
 274, 492, 497
 Крейтнер Н.Г. 271
 Крученых А.Е. 154
 Крылов А.Е. 10, 21, 55, 77, 117, 182,
 206, 224, 267, 272, 479, 483,
 486, 493, 497, 502
 Кудрявцев 241
 Кузмин М.А. 154
 Кузнецов А.В. 460
 Кулагин А.В. 272
 Кулиев К.Ш. 347
 Куллэ В.А. 272
 Кульчицкий М.В. 265, 276, 277
 Куняев С.Ю. 451
 Куровская С. 245, 505
 Куронь Я. 337, 338, 340, 385, 388,
 390, 400, 401, 403, 415, 418
 Курулов Г.Д. 78
 Кучиньский В. 392
 Кушнер А.С. 455
Лаврентьев (Картвелишвили Л.И.)
 37
 Лазарев Л.И. 264, 272, 306, 445
 Лазо С.Г. 105
 Ланца М. 175
 Ларионов В.Н. 228
 Лебедев-Кумач В.И. 216
 Леванский В.А. 265
 Левин Г.М. 263 266, 448, 450, 451,
 457, 508
 Левин И.И. 100, 103, 108, 112, 484,
 486
 Левит Т. 218
 Левитан 212
 Левитанский Ю.Д. 248, 270, 339,
 340, 349, 401, 455
 Левушкин А.И. 236
 Левшинов-Лукавской Д. 473, 487
 Ленин В.И. (Ульянов) 23, 38, 44,
 91, 224, 254, 255, 460
 Леонович В.Н. 264, 265
 Лермонтов М.Ю. 36, 174, 176,
 185, 210, 218, 223, 230, 275,
 276, 316, 347, 349, 467, 495,
 496, 500
 Либединская Л.Б. 10, 373, 385,
 387, 460
 Либединский Ю.Н. 373
 Лившиц Б.К. 156
 Липкин С.И. 339, 373, 450, 458
 Лиснянская И.Л. 10, 246, 322, 339,
 373, 385, 386, 450, 458, 505,
 514
 Лисянский М.С. 339
 Лихачев Д.С. 455
 Ломинадзе В.В. (Бесо) 70, 76, 82
 Лопе де Вега 184
 Лордкипанидзе Д. 43
 Лотман Ю.М. 360
 Луговской В.А. 179, 423
 Луиза – см. Налбандян (Ареше-
 ва) Л.Л.
 Луиза Юльевна – см. Канев-
 ская Л.Ю.
 Луконин М.К. 94, 232, 233, 248,
 269

- Луначарский А.В. 23
 Львов В. 231
 Львов М.Д. (Маликов Р.Д.) 234
 Любин Н.А. 236
 Люсик 69
 Люся 202
- Макрине** – см. Киквадзе М.П.
Максим – см. Киквадзе М.Г.
 Максимов В.Е. 249, 369, 402
 Малхаз А.А. 119, 120, 128
 Мандальян А. 10, 385, 386, 397, 403, 413, 521
 Мандель – см. Коржавин Н.М.
 Мандельштам Н.Я. 368
 Мандельштам О.Э. 154, 264, 361 362, 518
 Манкевич Т.А. 109, 115, 214, 215, 217, 218, 250, 485, 501, 506
 Маргвелашвили Г.Г. 152, 156, 157
 Маре Ж.А.В.-М. 175
 Маркарян К. 489
 Маркман К.М. (Э.М.) 10, 152, 156–158, 181, 187–190, 193–196, 201, 307, 492, 496, 498, 499
 Маркова Ф. 249, 506
 Маркс К.Г. 180, 194
 Мартиросов Р. С. 198
 Мартынов Л.Н. 339
 Марунич Я.Г. 218, 502
 Маршак В. 264
 Марьясин И.Л. 69, 73, 95, 245, 475, 480–483, 505
 Марьясин Л.М. 54, 69–76, 81, 82, 87
 Марэ – см. Маре Ж.А.В.-М.
 Массалитинова В.О. 120
 Матвеева Н.Н. 365, 366
 Матвеева Р. 249
 Матусовский М.Л. 231
 Махарадзе Ф.И. 30, 32, 44
 Маяковский В.В. 120, 156, 176, 179, 180, 185, 188, 439
- Мдивани П.Г. (Буду) 32, 33, 42, 44, 74, 78
 Медовой И. 498, 504
 Межевич Д.Е. 365
 Межиров А.П. 180, 287, 339, 420, 421, 439
 Мелик-Оганджян Г.С. (Гоар) 159, 162
 Мелик-Оганджян Т.В. 161, 170, 493, 494
 Мелик-Пашаева Н. 119
 Мень А.В. (о. Александр Мень) 472
 Мережковский Д.С. 154
 Метерлинк М.П.М.Б. 154
 Мигай С.И. 121
 Миленушкина Е. 506
 Мильштейн И. 44, 45, 51, 115, 160, 282, 474, 477, 478, 480, 482, 485, 493, 506, 510
 Минасян Г. 125
 Миркина З.А. 265
 Миронер И.Е. 10, 263, 264, 508, 509
 Михайлов М. 70, 81
 Михник А. 10, 336, 338, 340, 342, 385, 386, 392, 398, 400, 401, 415, 418, 427, 515, 516
 Мицкевич А.Б. 411
 Млынарский В. 403
 Модебадзе Н.И. 35
 Модзелевская Н. 400, 401
 Модзелевский К. 10, 337, 338, 385 386, 388, 395, 400, 516
 Молотов В.М. 74, 75, 77, 101
 Монгайт А. 439
 Монтан И. 366
 Мориц Ю.П. 339, 343, 466
 Морозов П.Т. (Павлик Морозов) 51
 Москалев Н.И. 81, 82
 Мостков В.М. 118, 119
 Мотыль В.Я. 249, 341, 360

- Моцарт В.А. 122, 378, 379
 Мюнценберг В. 23
- Набоков В.В.** 405
 Нагибин Ю.М. 274, 455, 509
 Надеждина Н. 473, 478
 Надиров 183
 Найман А.Г. 270
 Налбандян (Арешева) Л.Л. (Люлю, Луиза) 121, 152, 160
 Налбандян А.С. (Ашхен) 21, 23–31, 35, 36, 47, 48, 50, 53, 57, 59, 68, 73, 81, 86, 96–99, 105, 164–167, 177, 370, 386, 452
 Налбандян М.В. (Мария) 26, 30, 117
 Налбандян С.С. (Сильвия) 28, 55, 57, 86, 117, 121, 126, 128, 136, 137, 140, 142, 159–162, 164, 165, 173, 174, 370
 Налбандян С.С. (Сиро) 47, 68
 Наровчатов С.С. 94, 231, 232, 235, 248, 263, 339, 503
 Неара, дочь А.А. Малхаз 119
 Невраев 49
 Некрасов А.С. 217
 Непомнящий В.С. 368
 Неруда П. 248
 Нефедова С. 249, 506
 Никитин С.Я. 365
 Николадзе 176
 Николаевская Е.М. 339, 516
 Николов А. 507
 Никулин В.Ю. 365
 Нина, жена Михаила Окуджава – см. Модебадзе Н.И.
 Новалис (Фридрих фон Гарденберг) 280
 Новиков В.И. 272
 Нодель М.Ф. 66, 99, 115, 269, 480, 484, 519
- Обновленский Б.П.** 239, 240
 Оганесян В. 491
- Огнева О. 485
 Огрызко В. 488
 Оден У.Х. 248
 Озеров (Гольдберг) Л.А. 233
 Окуджава А.М. (Арчил) 44, 162
 Окуджава А.С. (Александр) 44, 77, 92
 Окуджава Б.Б. (Антон) 353, 372
 Окуджава В.М. (Важа) 44, 162, 164, 168, 177
 Окуджава В.С. (Василий) 30, 31, 44, 77, 164
 Окуджава В.С. (Владимир) 23, 77, 92
 Окуджава В.Ш. (Виктор) 46, 47, 57, 162, 164, 166, 245
 Окуджава Г.М. (Гиви) 43, 44, 162, 164, 165, 370
 Окуджава Е.П. (Елизавета) 28, 30, 31, 34, 35, 39, 43, 46, 47, 50, 53, 58, 310
 Окуджава И.Б. (Игорь) 244, 248, 353, 380
 Окуджава М.С. (Мария, Маня) 29–31, 34, 35, 48, 79, 86, 164, 205, 245, 370
 Окуджава М.С. (Михаил) 23, 24, 30, 32, 34–36, 39, 40, 42–44, 46, 58, 72, 77, 78, 92, 161–164, 168
 Окуджава Н.А. (Наталья) 160, 161
 Окуджава Н.В. (брат Степана) 161
 Окуджава Н.М. (Натела) 44, 162
 Окуджава Н.Н. (Кукуля) 43, 44, 163, 164
 Окуджава Н.С. (Николай) 23, 28, 32, 34–36, 39, 43, 44, 77, 78, 163
 Окуджава О.В. – см. Арцимович О.В.
 Окуджава О.С. (Ольга) 23–25, 28, 30, 31, 35, 39, 43, 44, 46,

- 57–59, 68, 77–79, 92, 163, 168
- Окуджава С.В. (Степан) 21, 92, 161, 163
- Окуджава Ш.С. (Шалва, Шалико) 9, 21–27, 29, 30, 32–38, 46–50, 54, 59, 66–77, 79–82, 92, 96–99, 161, 163
- Окуджава, майор 201, 202
- Ольбрыхский Д. 10, 385, 386, 403, 409, 410
- Ольховский 77
- Орахелашвили М.Д. 32
- Орджоникидзе В.Н. 156
- Орджоникидзе Г.К. (Серго) 25, 32, 33, 37, 44, 67, 71, 73, 74, 77, 82
- Орлов С.С. 234, 235, 296, 502, 504, 511
- Осенин Сергей 156
- Осецкая А. 221, 336, 339, 341, 342, 407, 409, 410, 412, 415, 416, 428
- Оскоцкий В.Д. 378, 455
- Павел I** 348, 349
- Павлов 241
- Павлуновский И.П. 74, 75
- Пальцев Л.Н. 72
- Панкин Б.Д. 238, 240, 241, 243, 504, 505
- Панферов Р.В. 216, 217
- Панченко Н.В. 218, 220, 224–230, 236–240, 242, 246, 247, 444, 448, 458, 502–506
- Папинянец С.С. (Юра) 124–126, 129, 131
- Пастернак Б.Л. 16, 163, 178, 179, 254, 280, 301, 311, 312, 334, 354, 373, 421, 439, 440, 496, 511–513
- Пастернак Е.Б. 512
- Паустовский К.Г. 342, 346, 444, 445
- Паша, слесарь 109
- Первенцев А.А. 234
- Пестель П.И. 87, 344, 363
- Петр I 348, 349
- Петраков А.Е. 473, 478, 482, 486, 497, 500, 505, 510, 514, 518
- Петров А. 473
- Петровых М.С. 265
- Петрушевский Ф.Ф. 509
- Пешкова М.Л. 355, 517, 519
- Пилсудский Ю.К.Г.К. 397
- По Э.А. 376
- Поженян Г.М. 276, 455
- Поздняев М.К. 102, 104, 106, 109, 111, 115, 484
- Полевой Б.Н. 237
- Поливанов К.М. 512
- Попов Н.И. 28, 55, 136, 159
- Попов Ю.Н. 28, 136, 166, 475, 494
- Попова А.М. 11, 28, 47, 68, 126, 136, 141, 170, 475, 477, 488, 490, 493, 494
- Порошин С.А. 480, 481
- Посысаева Т. 495, 500
- Правов А. 477
- Прилежаева М.П. 460
- Приставкин А.И. 377, 455, 465, 471
- Приходько М.И. 140
- Прокофьев С.С. 122
- Пруст В.Л.Ж.Э.М. 94
- Пуго Б.К. 465
- Пушкин А.С. 15, 36, 156, 174, 176, 210, 211, 223, 256, 260–262, 275, 276, 301, 317, 335, 336, 347–349, 376, 377, 410, 446, 453, 456, 467, 495, 496, 500, 509, 519
- Пыжикова Т.М. 247, 249, 506
- Пятаков Г.Л. 74, 75, 77, 81, 82
- Радек К.Б.** 23, 74
- Радзивилл К. 435, 436
- Разгон Л.Э. 378, 455, 465, 469, 471

- Рассадин С.Б. 84, 108, 226, 264,
 272, 285, 306, 307, 323, 438,
 485, 502, 510, 512
 Рахманинов С.В. 122
 Ращектаев Н.А. 240, 245
 Резников И.Р. (Борис) 156, 157
 Рейн Е.Б. 19, 265, 270, 309, 473
 Риббентроп У.Ф.В.И. фон 419
 Рита 25
 Рихтер С.Т. 121
 Ришина И.И. 49, 78, 115, 478, 481,
 482, 488, 500, 508, 509
 Рогов, драматург 234
 Роговин В.З. 75, 481
 Рождественский Р.И. 84, 248, 339,
 403, 455
 Розенблюм О.М. 17, 475, 487–
 506, 508, 509, 511, 514–517,
 519
 Розенблюм С.А. 11
 Рознер Э. 451 452
 Розовский М.Г. 465, 471
 Роммель Э.О.Й. 150
 Рост Ю.М. 27, 37, 97, 98, 107, 108,
 115, 125–127, 129, 135–137,
 140, 225, 474, 475, 483, 485,
 488
 Рубцов И. 227
 Рустайкис А.А. 451, 452
 Рыбаков А.Н. 112, 398
 Рыков А.И. 74
 Рюриков Б. 252
 Рябов И. 252
 Ряшенцев Ю.Е. 339

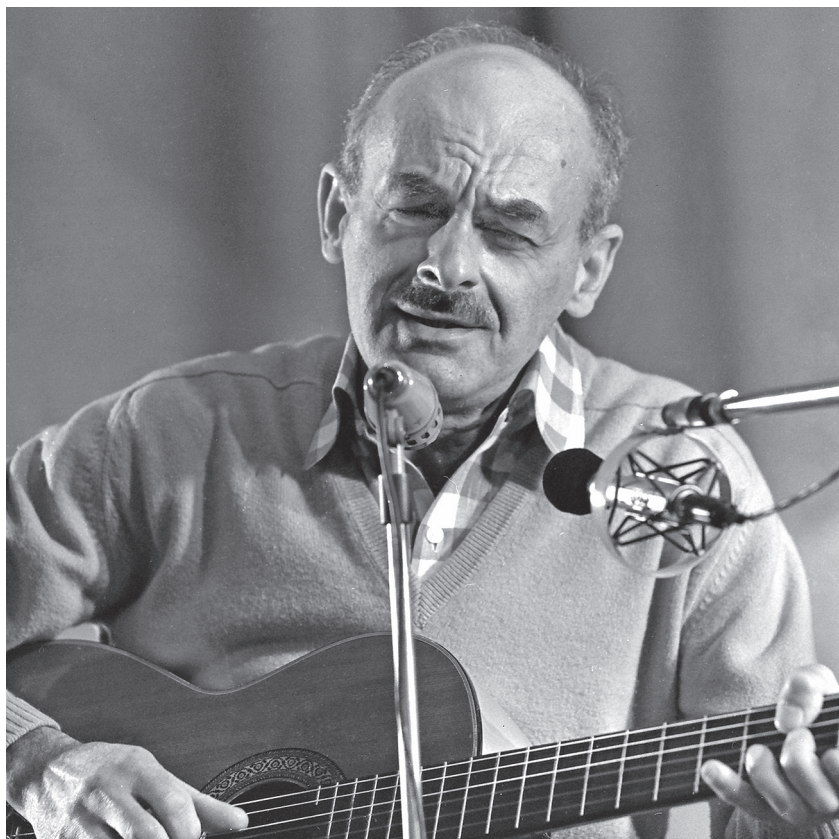
 Саакян Л. Б. 198
 Савицкий М. 418
 Сагарадзе 174
 Садовский М. 266, 508
 Сажин В.Н. 271, 272, 343, 352, 485,
 517
 Сажин Д.В. 271, 485, 517
 Сазонова 241

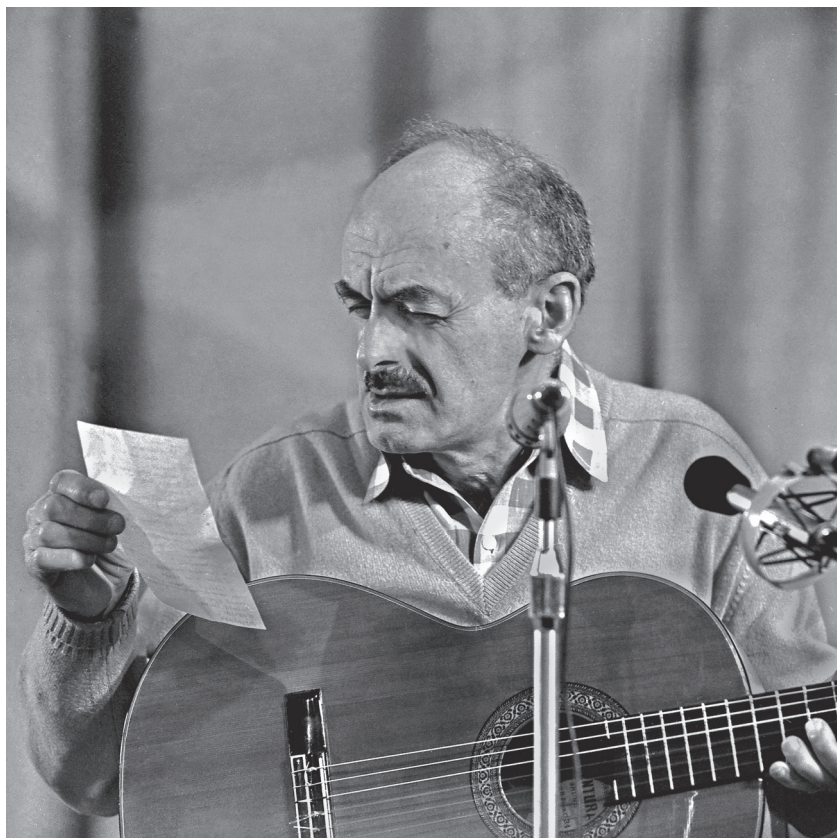
 Самойлов (Кауфман) Д.С. 18, 94,
 225, 232, 270, 304, 343, 361,
 362, 462, 502
 Сапгир Г.В. 458
 Сарнов Б.М. 264, 306, 355, 368,
 445, 463, 517, 519
 Сархашьян А.Т. 140
 Сарьян М.С. 153
 Сахаров А.Д. 368, 407, 449, 465
 Светлов М.А. 265
 Светов Ф.Г. 355, 369, 465
 Селиванов И.В. 129, 130, 191, 489
 Сельвинский И.Л. 179, 180, 339
 Семенов 140
 Семенова Е.А. 272
 Семина Т.П. 219
 Семушкин Т.С. 234
 Сен-Санс Ш.К. 207
 Сефебеков М.А. 139
 Сидоровский Л. 487, 492
 Силин А.И. 180–182, 197, 198, 496,
 499
 Симонгулян Р.Г. 198
 Симонов К.М. 157, 233, 278
 Симонов Н.Ф. 215, 218, 250, 501,
 506
 Синицын И.С. 227, 228, 239, 243
 Синявский А.Д. 16, 354, 355, 401
 Скочилов А.А. 354
 Славкин В.И. 19, 473
 Слонимский М. 234
 Слуцкий Б.А. 18, 265, 276, 277,
 304, 334, 339, 343, 512, 515
 Смеляков Я.В. 312
 Смирнов И.Н. 42, 74, 75, 77
 Смольянинова (Окуджава) Г.В. 6,
 161, 165, 169–172, 175, 180,
 182, 204, 218, 244, 281, 282,
 352, 450
 Смольянинова И.В. – см. Живо-
 писцева И.В.
 Соболев П.П. 67, 100, 484
 Соколов В.Н. 312

- Соколов Ю. 475, 485, 517
 Солженицын А.И. 340, 401, 405, 407, 443, 460
 Сологуб Ф.К. 154
 Соломонова О. 486, 487, 518
 Солоненко В. 503
 Софианиди Л.Х. 180, 193, 194, 197, 201, 496
 Сочилин 110
 Сочилина Н. 109
 Спиваков В.Т. 378
 Сталин И.В. 40, 42, 44, 73, 74, 76, 78, 101, 106, 146, 147, 150, 180, 194, 208, 224, 245–247, 305, 318, 405, 444, 457, 461, 492
 Степанов Б.Е. 11
 Столбов 48, 70
 Стройло А.И. 265
 Судейкин С.Ю. 154
 Сухарев Д.А. 266, 508
 Сырцов С.И. 76
- Т**
 Табидзе Г.В. 10, 23, 24, 57, 58, 79, 162, 163, 168, 343, 474–480, 493
 Тамаркин М.А. 54, 67, 71, 480
 Тамаркин Ф.Е. 240
 Тарковский Ан.А. 343
 Тарковский Арс.А. 154, 155, 234, 265, 343, 508
 Тарханов М.М. 120
 Твардовский А.Т. 177, 179, 209, 233, 255, 295, 340, 401, 445, 450
 Тендряков В.Ф. 443
 Тер-Микаэлян Ф.М. 10, 118–120, 123, 127, 128, 136, 140, 165, 171, 184, 186, 187, 190, 487–490, 493, 494, 497, 498
 Типикин Е. 212, 245, 494, 495, 500, 502, 505, 509
 Типикин П.И. 212, 247, 249
 Тихонов Н.С. 180
- Тодоровский П.Е. 219, 220
 Толкунова В.В. 377
 Толстая М.Н. 205
 Толстой А.Н. 203
 Толстой Л.Н. 36, 87, 205, 210, 363
 Торопыгин В.В. 460
 Торошелидзе М.Г. 44, 78
 Торрес Б.М. (Лолита) 175
 Трифонов Ю.В. 156, 364, 403
 Трофименко 150, 492
 Троицкий Л.Д. 23, 33, 38–43, 78, 405, 476, 477, 481
 Турок И.Д. 75, 76, 77, 81
 Турумова-Домбровская К.Ф. 343
 Тухарели Д.А. 182
 Тюпа В.И. 272
- У**
 Уварова И.П. 370, 463
 Уварова С.В. 272
 Уль П. 391
 Усова Н.Т. 233, 236, 244, 503–505
 Уфлянд В.И. 512
- Ф**
 Фадеев А.А. 373
 Федецкий З. 409, 413–415, 429
 Федоров А.А. 214
 Федоров Б. 294
 Федорова А.К. 216
 Федосья – см. Георгадзе Ф.П.
 Фейербах Л.А. фон 180
 Филимонов 140
 Фочкин О. 509, 519
 Франко Ф.П.Э.Т. 105
- Х**
 Харитонов Н.М. 140
 Хемингуэй Э.М. 111
 Хмара П.Ф. 265
 Хмелик А. 249, 506
 Храмов Е.Л. 265, 450, 460, 461
 Хрущев Н.С. 209, 247, 388, 405
 Хуциев М.М. 153, 157, 219, 220, 233, 275, 277, 314, 510
 Хьюз Т. 248

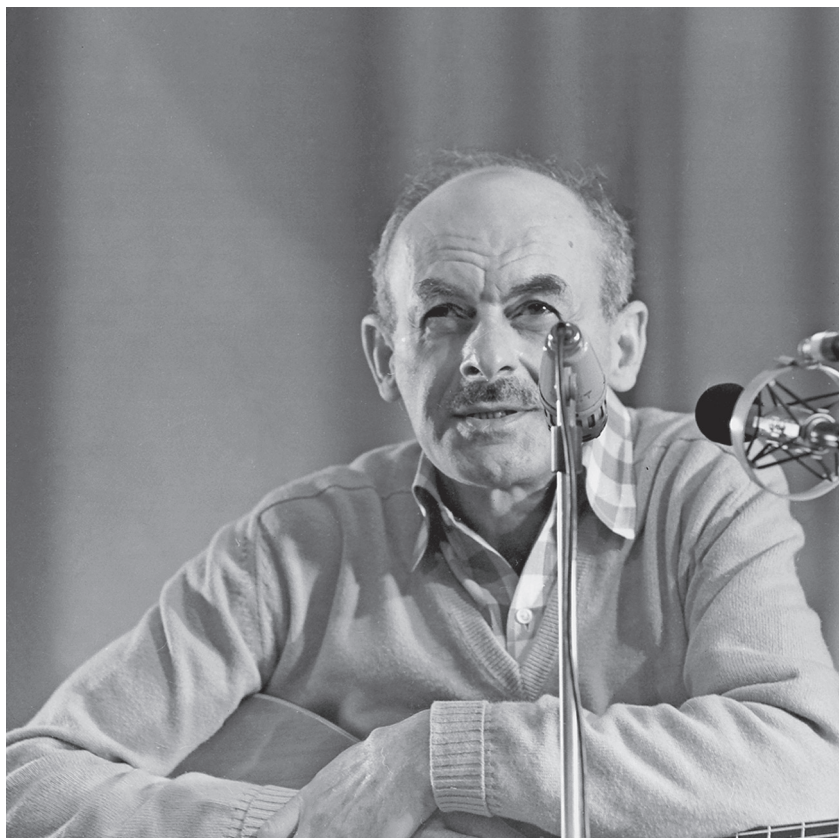
- Цветаева** М.И. 264, 503
Цветкова И.М. (Инмей) 68
Цинцадзе К.М. 32, 39, 42, 44, 74, 76, 78, 81, 82
Циолковский К.Э. 261
Цыбулевский А.С. 10, 152, 160, 173, 178 180, 182, 187, 194, 195, 197, 198, 201–203, 496, 499
- Чагин** (Болдовкин) П.И. 234
Чайковский Р.Р. 272
Чапаев В.И. 105, 107, 108
Чаплин Ч.С. 175, 216
Чарквиани Д.А. 327
Черкасова Т. 509
Чернышевский Н.Г. 177
Чернявский Р.Г. 182, 198, 199, 202
Чечелашвили А. 39
Чикатило А.Р. 469, 470
Чиковани С.И. 55, 57
Чиладзе Т.И. 327
Чирков Л.Е. 217, 218, 501
Чихладзе С.А. 78
Чочиев Р.И. 182, 198, 199, 201, 202
Чубайс А.Б. 95
Чудакова М.О. 272, 455, 471
Чуковская Л.К. 209, 253
Чуковский К.И. 373
Чупринин С.И. 503, 507
Чухонцев О.Г. 339, 343, 373
Чухрай Г.Н. 247
Чучупал В. 475, 478
- Шаламов** В.Т. 209, 339, 368
Шаляпин Ф.И. 121
Шамина О.Н. (Леля) 51, 52
Шарашидзе 200
Шаталов А. 508
Шахбазов Н.Г. 10, 153, 156, 157, 197, 492, 499
- Шахов** Д.А. 82
Шварц И.И. 360
Шедвиговский И.Д. 228
Шелест Г.И. 209
Шенфельд И. 408
Шестов Л.И. 405
Шилов Л.А. 9, 11, 88, 310, 338, 367, 401, 452, 519
Шишкова З. 266, 508
Шмелькова В. 228, 230, 233, 503
Шмидт С.О. 272
Шпилев П.Г. 228, 239, 240
Штейнер Р. 154
Шугайкина А. 484, 485
Шукшин В.М. 219
Шуман Р. 122
- Щеглов** Д.А. 234
Щеголев П.Е. 370
Щелгачева Л.З. 480, 481
Щербиновская Е. 487
Щипачев С.П. 183, 347
Щорс Н.А. 105, 107
- Эдлис** Ю.Ф. 182
Элиава Ш.З. 32, 78
Элингтон – см. Элингтон Э.К.
Элингтон Э.К. (Дюк) 122
Эльснер В.Ю. 153
Эльяшевич А.П. 252
Энгельс Ф. 180, 194
Эренбург И.Г. 232, 265, 303, 422
Эшиев Д. 139
- Юрасов** 263
Юровский В.Ш. 10, 26, 117, 475
- Якулов** Г.Б. 153
Якунин Г.П. о. 465
Ярославский Е.М. 40

Список иллюстраций

Contents

<i>The author's foreword</i>	9
<i>"I fulfilled my mission..."</i>	13
I. The main characters in the novel about his childhood: Shaliko Okudzhava and Ashkhen Nalbandyan	21
II. Okudzhava's family: in the novel, in letters, in documents	27
<i>Documents, letters, interviews</i>	38
III. "Shaliko and I have a whole family here": in the Urals	46
<i>Documents, letters, interviews</i>	51
IV. "...He hates writing, that's why he writes poorly": writing and guilt	53
V. The case of Shaliko Okudzhava	66
<i>Documents, letters, interviews</i>	80
VI. "The 'Sixtiers' don't think their lives were wasted'	83
VII. Mother's arrest	96
VIII. "...Each backstreet around Arbat had its own climate"	102
IX. The images of Arbat	113
X. The year 1941	117
XI. The war	124
<i>Documents, letters, interviews</i>	143

XII. The debacle in Kreitan's club	152
XIII. The family after the war	159
<i>Documents, letters, interviews</i>	168
XIV Galina Smolyaninova	169
XV. The university	173
XVI. Literature clubs: "Straw Lamp" and "Mayakovsky Club". Consultations with Kreitan. The 1940s poems	178
XVII. The arrests	193
XVIII. Okudzhava's 1948 prosecution case	197
XIX. "But to the end... Waiting for a great change seems to be in our blood": schools in Kaluga region	204
XX. Molodoy Leninets: the newspaper editorial office and literary association	223
XXI. "New morning is burning": the mid-1950s	244
XXII. The first book: Lyrics	252
XXIII. Magistral and the first Moscow songs	263
XXIV. Tea party on Arbat: The Fifties	271
XXV. Tea party on Arbat: The Sixties	326
XXVI. Tea party on Arbat: The Seventies, the Eighties, the Nineties	357
XXVII. "If I could have the Book of Being – I'd know my own destiny then!.."	380

The Interviews

[<i>The interviewer's foreword</i>]	385
Karol Modzelewski: " <i>People who were outside the norm – Okudzhava gave them voice. He became our voice, too</i> "	388
Adam Michnik: " <i>Bulat was an icon for us, an icon of Russian intelligentsia, an icon of independent literature, an icon of independent character</i> "	400
Daniel Olbrychski: " <i>Don't forget about self-irony</i> "	409
Andrzej Mandalian: " <i>Not a word about Katyn, but we know it's Katyn</i> "	413
Nahum Korzhavin: " <i>I don't know, he might be the only one of our generation to remain remembered</i> "	437
Evgeny Yevtushenko: " <i>He liked it a lot, he smiled and laughed, and said: 'You aren't afraid'</i> "	448
Inna Lisnianskaya: " <i>He was a very levelheaded, grateful and noble man</i> "	450
Lydia Libedinskaya: " <i>He recited just one poem, The Drops of King of Denmark, and he wasn't allowed anything else</i> "	460
Yury Davydov: " <i>It is not portraiture; it's his reflections on his own plots</i> "	464
Archpriest Alexander Borisov: " <i>He was always interested, he listened carefully; it was never a formality for him</i> "	465
Notes	473
Name index	522

Rosenblum, Olga
“... Waiting for a great change”
The biography, poetry and prose of Bulat Okudzhava

This is a book about Bulat Okudzhava – his Arbat, Tiflis and Urals childhood; his family; the war; the literature clubs in Tbilisi and Kaluga; his return to Moscow and the literary association Magistral. It is a biography (from 1924 to 1956) reconstructed through documents and interviews that are also presented in the book. It is a biography reflected in Okudzhava’s poetry and prose: he made his past – his childhood, his war, his way into literature and the history of his generation – one of the most significant topics. It is a literary biography; its beginning is shown in detail through his early poetry and literature clubs (1941-1956) and his first book, *Lyrics*; while the most prominent years of this biography (from 1956 to 1997) are dealt with in the final chapters of the book, which discusses poems from Okudzhava’s last published selected poetry collection.

Okudzhava’s documented biography in this book ends with 1956. The author also includes her own interviews with Okudzhava’s Polish friends – K. Modzelewski, A. Michnik, D. Olbrychski, A. Mandalian, as well as N. Korzhavin, E. Yevtushenko, I. Lisnyanskaya, L. Libedinskaya, Yu. Davydov, Archpriest A. Borisov.

The book is intended for Okudzhava scholars and for general readership.

Р64

Розенблюм О.М.

«...Ожиданье большой перемены»: Биография, стихи и проза Булата Окуджавы / Ольга Розенблюм. М.: РГГУ, 2013. 532 с.

ISBN 978-5-7281-1551-9

Эта книга о Булате Окуджаве – о его арбатском, тифлисском, уральском детстве, семье, войне, тбилисских и калужских литературных кружках, возвращении в Москву и литобъединении «Магистраль». Это биография (с 1924 по 1956 гг.), восстанавливаемая по документам и интервью. Это биография, отраженная в стихах и прозе Окуджавы, сделавшего свое прошлое – свое детство, свою войну, свой путь в литературу, историю своего поколения – едва ли не самой значимой темой. Это литературная биография, начало которой подробно показано через ранние стихи и кружки и первую книгу «Лирика», а самые известные годы (с 1956 по 1997 гг.) отражены в заключительных главах книги.

Документированная биография Окуджавы заканчивается 1956 г., и дополняют ее взятые автором интервью с польскими друзьями Окуджавы К. Модзелевским, А. Михником, Д. Ольбрыхским, А. Мандальяном, а также с Н. Коржавиным, Е. Евтушенко, И. Лиснянской, Л. Либединской, Ю. Давыдовым, протоиереем А. Борисовым.

Для исследователей творчества Булата Окуджавы и для самого широкого круга читателей.

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научное издание

Розенблом Ольга Михайловна
«...ОЖИДАНИЕ БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНЫ»:
Биография, стихи и проза Буата Оуджавы

Редактор *Н.Н. Мельникова*

Художественный редактор *М.К. Гуров*

Технический редактор *А.А. Заикина*

Корректор *О.Н. Картамышева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Подписано в печать 12.11.2013

Формат 60×90^{1/16}

Усл. печ. л. 34,0. Уч.-изд. л. 35,7.

Тираж 1500 экз. Заказ № 4394

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06

Отпечатано в ППП «Типография Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

РГГУ

